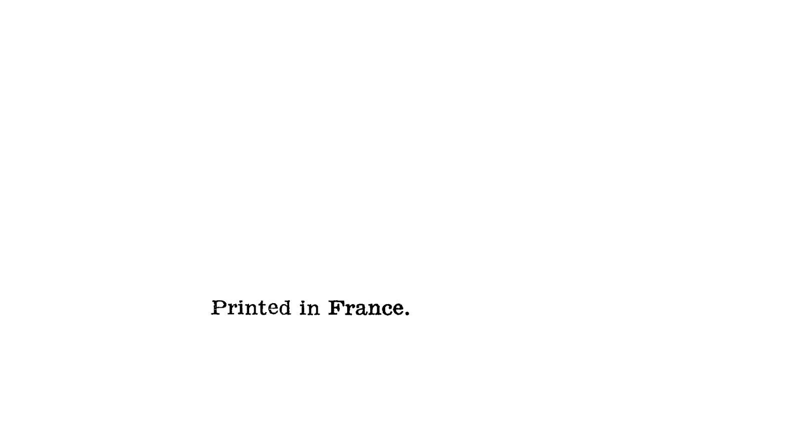
Н. И. АСТРОВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

Томъ первый

Y. M. C. A. PRESS

Paris 1941

Printed in France.

Н. И. Астровъ

Воспоминанія

ПАРИЖЪ
1940

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Позабыло, сердце, позабыло,
Многое, что нѣкогда любило.
Только тѣхъ, кого ужъ больше нѣтъ,
Сохранился незабвенный слѣдъ.
И. Бунинъ.

«Воспоминанія» Николая Ивановича Астрова печатаются уже послѣ его смерти, послѣдовавшей 12-го августа 1934 года. Автору не удалось ихъ закончить, и обработанной можно считать лишь первую часть настоящаго тома. Въ третьей части законченной главой является только первая — «Московская Городская Дума». Главы II и III представляютъ лишь первоначальный набросокъ, и текстъ рукописи, оставшейся въ моемъ распоряженіи послѣ кончины Николая Ивановича, далеко не окончательно отдѣланъ.

И тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь напечатать и ихъ, не внося въ нихъ никакихъ измѣненій, добавленій или сокращеній, ввиду того историческаго интереса, который представляютъ, какъ мнѣ кажется, всѣ свидѣтельскія показанія лицъ нашей эпохи и, въ частности, нашего поколѣнія: поколѣнія послѣднихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей старой Россіи, поколѣнія, пережившаго крушеніе стараго строя, великую европейскую и кровавую гражданскую войну, водвореніе большевистской власти въ Россіи и заканчивающаго теперь свою изгнанническую жизнь въ всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Интересъ такихъ показаній увеличивается, конечно, въ связи со значительностью личности свидѣтеля, въ связи съ размѣромъ его кругозора и размахомъ его дѣятельности, а также и въ зависимости отъ объективности и добросовѣстности изложенія.

Въ лицѣ Николая Ивановича Астрова въ большой степени сочетаются всѣ эти необходимыя свойства, какъ въ силу того, что вся его жизнь была отдана общественному служенію и Родинѣ, такъ и вслѣдствіе рѣдкихъ и исключительныхъ духовныхъ и моральныхъ качествъ человѣка.

Незаконченной, оборвавшейся приблизительно на четверти пути, осталась и послѣдняя часть его «Воспоминаній»: «Гражданская война и общественность». Это уже въ полной мѣрѣ потеря невознаградимая, ибо никто въ годы гражданской войны на Югѣ Россіи не занималъ такого положенія, какимъ пользовался Николай Ивановичъ Астровъ, какъ по отношенію къ правительству генерала Деникина, такъ и въ средѣ русской общественности. Другого такого «свидѣтеля» у насъ нѣтъ.

Именно въ силу этихъ соображеній я надѣюсь со временемъ напечатать и эту послѣднюю часть «Воспоминаній», которая въ настоящій томъ не вошла. Безъ этихъ главъ біографія Н. И. Астрова, конечно, не полна и его политическая характеристика не закончена.

Но и этими главами не заканчивается жизнь, цѣликомъ отданная Родинѣ и русскимъ людямъ. И на жесткой, безплодной почвѣ эмигрантскаго существованія умѣлъ Николай Ивановичъ взращивать добрые плоды своего неутомимаго труда и неустанной заботы о матерьяльныхъ и духовныхъ нуждахъ своихъ собратій по несчастью. Онъ былъ воплощеніемъ того благородства и достоинства, которые, именно въ несчастіи, поднимаютъ человѣка на такую большую высоту.

«Третейскій судія» во всѣхъ сложныхъ дѣлахъ и недоразумѣніяхъ эмигрантской жизни — вотъ то мѣсто, которое по праву занималъ Николай Ивановичъ во всѣ годы своей изгнаннической жизни. Начавшись въ Константинополѣ, въ 1920 году, этотъ послѣдній этапъ закончился въ Прагѣ, гдѣ онъ прожилъ послѣдніе десять лѣтъ своей жизни и гдѣ похороненъ теперь на русскомъ Ольшанскомъ кладбищѣ, среди многихъ своихъ друзей и соратниковъ.

Онъ зналъ о близости конца, и въ туманный день перваго января 1934 года, — послѣдняго года своей жизни, — онъ написалъ стихотвореніе, которое кончалось слѣдующими строками:

Когда-жъ разсѣются туманы,
Пріютомъ будутъ намъ Ольшаны.
Послѣдній листъ календаря
Оторванъ будетъ безъ меня...

О своемъ дѣтствѣ и юности, о семьѣ своей и о родной своей Москвѣ, Николай Ивановичъ самъ разсказалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» и мнѣ нечего добавить къ этимъ очаровательнымъ стра-

ницамъ, овѣяннымъ такой нѣжной, такой безпредѣльной любовью.

Объ общественной же своей дѣятельности онъ, по свойственной ему необычайной скромности, сказалъ гораздо меньше того, что было въ дѣйствительности. Пробѣлы эти хотѣлось бы, хоть отчасти, пополнить отзывами и оцѣнками его современниковъ, друзей и соратниковъ на разныхъ поприщахъ его дѣятельности. Однако, по техническимъ условіямъ, это оказалось невозможнымъ въ настоящемъ томѣ и изъ многихъ статей пришлось взять лишь одну:
«Н. И. Астровъ, какъ общественный дѣятель»

Въ видѣ добавленія къ Предисловію, помѣщается списокъ печатныхъ трудовъ, написанныхъ Н. И. Астровымъ за годы эмиграціи.

Въ дни, когда появляется эта книга, Европа пылаетъ, и рушатся міры, но каждая отдѣльная личность не теряетъ отъ этого ни своей цѣнности, ни своего абсолютнаго значенія въ замкнутости своего великаго, трагическаго одиночества.

Больше всего на свѣтѣ Николай Ивановичъ любилъ Россію, ей была отдана вся его жизнь, ради ея блага покинулъ онъ и семью, и родную Москву, тревогами и опасеніями, чаяніями и надеждами относительно ея будущаго были полны его мысли и чувства во всѣ годы его изгнанія. Ими полны были всѣ его публичныя выступленія, всѣ письма, бесѣды и писанія. Я привожу въ заключеніе этого краткаго введенія нѣсколько словъ изъ его рѣчи, произнесенной въ 1925 году въ Прагѣ, въ собраніи посвященномъ памяти князя Г. Е. Львова.

«Уходитъ наше поколѣніе. Уходитъ какъ-то незамѣтно... Уходитъ смущенно.

«Мы потеряли свой родной домъ, нашу родину, нашу Россію... Мы изгнанники. И каждый изъ насъ несетъ въ свомъ сознаніи какую-то долю вины и отвѣтственности.

«Передъ уходомъ въ вѣчность нѣтъ даже утѣшительныхъ знаковъ, обнадеживающихъ знаменій, что Россія воскресаетъ, что съ нея спадаютъ цѣпи рабства. Уходящіе еще не имѣютъ возможности сказать: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко».

«Развѣ это не наказаніе за наши грѣхи вольные и невольные, за содѣянное въ вѣдѣніи и невѣдѣніи?

«Уходитъ наше поколѣніе. А съ нимъ уходитъ цѣлая эпоха. Это они, уходящіе, и мы, еще пока остающіеся — оказались той человѣческой тканью, тѣмъ звеномъ, на которомъ порвалась связь между старой и новой Россіей. Мы оказались именно такимъ промежуточнымъ звеномъ. Это наша историческая судьба. Могла ли она быть иной въ ходѣ историческихъ событій и міровыхъ катастрофъ? Почему исторія избрала тотъ, а не другой путь? Насколько въ этомъ виноваты отдѣльные люди, общество, народъ? Почему однихъ ка-

нонизируютъ и имъ воздвигаютъ мавзолеи, а удѣлъ другихъ — забвеніе или обвинительный приговоръ безъ апелляціи?

«Эти вопросы всегда передъ нами. Они особенно остро встаютъ, когда мы хоронимъ нашихъ близкихъ людей. И чѣмъ больше думаешь объ этихъ вопросахъ, тѣмъ сложнѣе и неразрѣшимѣе кажутся они для насъ, участниковъ событій»...

С. Панина.

Іюнь 1940 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ АСТРОВЪ,

какъ общественный дѣятель и москвичъ.

О Николаѣ Ивановичѣ Астровѣ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ, вообще нельзя говорить, не вспоминая Москвы, какъ нельзя говорить о Москвѣ нашего поколѣнія, не упоминая имени Николая Ивановича Астрова.

И это такъ понятно. Онъ родился, воспитывался, работалъ всю жизнь въ Москвѣ; онъ дышалъ этимъ своеобразнымъ русскимъ воздухомъ, которымъ пропитана вся исторія ея, и до нашего столѣтія сохранившая что-то отъ Чацкаго, кое-что отъ Фамусова, такъ много отъ «Войны и мира»; онъ жилъ этой нѣжной любовью къ родному городу, такъ ярко выраженной у москвичей, къ его уютнымъ переулкамъ-тупикамъ, къ тихому, занесенному снѣгомъ Замоскворѣчью, къ старой башнѣ Кутафьѣ, къ лампадкѣ у Иверской, къ Воробьевымъ горамъ, къ Козихѣ... Трогательно разсказывалъ онъ намъ о маленькихъ церковкахъ, порой такъ нелѣпо приткнувшихся въ углу, кособокихъ и низенькихъ, а тайнахъ Кремля, звонѣ колоколовъ его, о богатствѣ и красотѣ всего, что было связано съ вѣковой исторіей его родного города. Съ какой гордостью онъ говорилъ объ этой исторіи, тщательно подчеркивая непоколебимое мужество, съ которымъ Москва всегда вставала въ защиту всего, что считала своимъ, московскимъ: стѣнъ, уклада жизни, церквей, быта; подчеркивалъ и свободолюбіе Москвы, яркой чертой прошедшее черезъ всю ея жизнь, ту любовь къ свободѣ, которую онъ впиталъ всей своей глубокой натурой, ту любовь, которая въ концѣ концовъ была основой всего его міровоззрѣнія, всѣмъ существомъ его. Ту любовь къ свободѣ, которая называется, совершенно не исчерпывая значенія и смысла ея, иностраннымъ словомъ «либерализмъ» и которая не понятна никому, кромѣ насъ, русскихъ, вкладывающихъ въ нее и мі-

ровую тоску, и стремленіе къ далекому идеалу, и высшую степень жертвенности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что особенно было свойственно москвичамъ, сохраняя привязанность къ своему углу, къ своей Якиманкѣ, Тверской-Ямской. Не даромъ онъ къ концу жизни своей съ такой страстностью говорилъ о насильникахъ, погубившихъ не только Россію, но и Москву, которую онъ любилъ всѣмъ сердцемъ москвича, видящимъ въ ней средоточіе Россіи. Недаромъ весь его общественный путь былъ такъ тѣсно связанъ съ ней, родной Москвой: мировой судья, секретарь Московской Думы, самъ многолѣтній гласный и лидеръ прогрессивной группы гласныхъ, одинъ изъ создателей Союза Городовъ подъ главенствомъ Москвы, наконецъ — Московскій Городской Голова. И въ далекомъ Екатеринодарѣ, борясь съ большевиками, и въ эмиграціи, въ Прагѣ, онъ не переставалъ быть москвичемъ, унесшимъ съ собой горсть родной земли, и унесшимъ ее мъ могилу.

Онъ любилъ Москву, но и Москва любила его.

Въ тѣ времена, столь далекія отъ насъ, уже отдѣленныя глубокимъ рвомъ исторіи, была единственная область, гдѣ могла въ скромныхъ, правда, формахъ кое-какъ проявляться общественная самодѣятельность, это — земское и городское самоуправленіе. Земства, какъ мы знаемъ, нерѣдко использовали эту возможность, но городскія думы, за немногими исключеніями, чуть ли не до міровой войны и созданія Союза Городовъ, были небольшой кучкой домовладѣльцевъ, ведшихъ городское хозяйство съ точки зрѣнія своихъ личныхъ интересовъ. Москва составляла исключеніе. Въ очень слабой степени, но она заявляла свои права на самоуправленіе и въ ея душѣ сказывалась традиціонная оппозиціонность. Необходима была упорная работа группы прогрессивныхъ гласныхъ, для того чтобы поставить Москву на то мѣсто, которое она должна была занимать въ этомъ отношеніи. И эта колоссальная работа была выполнена главнымъ образомъ Николаемъ Ивановичемъ, въ качествѣ секретаря Думы, гласнаго, лидера группы и Городского Головы. Упорно, но безъ рѣзкостей; постепенно, съ исключительнымъ знаніемъ обстановки, боролся онъ за права Москвы и добился того, что и консервативная часть Думы, въ серьезныя минуты жизни города, вставала на защиту правъ ея. Онъ съ благодарностью возвращалъ Москвѣ благо, которое она давала ему — любовь къ свободѣ.

Но она дала ему и еще другое, также очень цѣнное качество, столь рѣдкое для русскаго политическаго дѣятеля: привычку къ практической дѣятельности и умѣнье наладить и вести дѣловую работу. Самостоятельность Московской Думы, по убѣжденію Николая Ивановича, не должна была выражаться только въ громкихъ постановленіяхъ, но и въ повседневной будничной работѣ, и лучшей рекомендаціей ея должны были служить школы, больницы, трамвай, канализація, водопроводъ, бойни. Умѣнье соединить служеніе дале-

кимъ идеаламъ, отвлеченное міровоззрѣніе — съ живой, реальной работой, умѣнье на дѣлѣ показать, какъ идеи общественной свободы облекаются въ практическія формы, создаютъ удачные типы городского хозяйства и улучшаютъ ихъ въ интересахъ широкихъ массъ, причемъ проведеніе въ жизнь ихъ можетъ быть выполнено при сотрудничествѣ дѣятелей различныхъ политическихъ направленій, — это умѣніе было особо свойственно характеру Николая Ивановича и составляетъ его огромную заслугу не только передъ Москвой. Онъ прекрасно понималъ, что въ сочетаніи отвлеченныхъ идей съ вопросами будничнаго дня кроется главная трудность разрѣшенія современныхъ политическихъ задачъ. Эту особенность своего подхода къ этимъ задачамъ Николай Ивановичъ широко примѣнилъ въ дѣятельности Союза Городовъ, органа первостепеннаго политическаго значенія, вмѣстѣ съ тѣмъ выполнявшаго и практическую работу колоссальнаго размѣра. Но если характеръ дѣятельности Николая Ивановича и личный его характеръ складывались подъ вліяніемъ Московскаго городского самоуправленія, а работа Думы шла подъ сильнымъ его вліяніемъ, несомнѣнно въ жизни его игралъ огромную роль и другой факторъ, также стоявшій въ связи съ Москвой — вліяніе семьи, въ которой онъ выросъ.

Я говорю «стоявшій въ связи съ Москвой», потому, что семья Астровыхъ — это типичная, кондовая московская семья, всѣми корнями вросшая въ московскую почву, на ней выросшая, ею питавшаяся, семья поколѣніями усвоившая непоколебимые нравственные принципы, вѣру въ нерушимые устои правды, права и добра. Какъ талантливо она очерчена въ превосходныхъ «Воспоминаніяхъ» Николая Ивановича, отъ которыхъ такъ и вѣетъ благоуханной жизнью этой семьи — спокойной, твердой, увѣренно идущей по прямому пути, единому истинному; как ясно представляемъ мы себѣ эти семейные праздники, дышащіе радостью и счастьемъ, эти посѣщенія родныхъ старшаго поколѣнія, встрѣчи ребятъ, балаганы подъ Новинскимъ, первые шаги въ гимназіи, студенческіе годы и весь этотъ потонувшій міръ въ дымкѣ Лефортова, провинціальной Нѣмецкой слободы, садовъ тихаго Кудрина, особняковъ Арбатскихъ переулковъ.

Какъ живая встаетъ передъ нами его мать Юлія Михайловна Астрова, отдавшая всѣхъ сыновей своихъ борьбѣ съ большевиками; и, кажется мнѣ, что трудно представить себѣ ее, какъ она была, на иной, не московской, почвѣ. Говоря о семьѣ Астровыхъ, всегда вспоминаю «Дѣтство и Отрочество» Толстого.

Въ такой семьѣ выросъ Николай Ивановичъ и отъ нея онъ взялъ все доброе. Его одновременная и мягкость, и рѣзкость въ защитѣ принциповъ стоитъ, конечно, въ связи съ этой семьей, мягкой и свѣтлой, но и лишенной всякаго оппортунизма. Эта семья дала ему основы изумительнаго безкорыстія, великодушія, безусловной нравственной чистоты и безукоризненнаго джентльменства. Мос-

ковская семья Астровыхъ воспитала его въ атмосферѣ честности и благородства. А Москва открыла ему любовь къ самодѣятельности, какъ основѣ общежитія.

Москвичъ съ головы до пятъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ яркій представитель лучшей русской интеллигенціи, несшей общечеловѣческіе міровые идеалы, онъ не остался другомъ только своей колокольни, хотя бы и колокольни Ивана Великаго, не удовлетворился ролью, хотя и очень крупной, лидера прогрессивной Москвы. Сохранивъ до трогательности нѣжную любовь къ своему городу и духу его, онъ, благодаря своему воспитанію и стремленію къ міровому царству добра и правды, силой своей личности сумѣлъ вынести ее за предѣлы стѣнъ Кремля на широкое поле борьбы за идеалы общечеловѣческіе и, прежде всего, за идеалы общенаціональные, русскіе.

Онъ любилъ Москву не только такъ, какъ мы всѣ любимъ нашъ родной городъ, гдѣ прошла вся наша жизнь — онъ любилъ ее, какъ ячейку Россіи, какъ средоточіе ея мысли, богатства, исторіи; онъ любилъ ее какъ кусокъ Россіи. Свою основную идею, которой онъ жилъ до послѣднихъ минутъ, увѣренность, что общественная самодѣятельность, и толко она, служитъ залогомъ возрожденія Россіи, онъ вынесъ изъ муниципальной работы, но положилъ ее въ основу всего своего политическаго міровоззрѣнія. Изъ оконъ маленькаго, уютнаго дома въ Маломъ Казенномъ переулкѣ онъ видѣлъ не только Москву, но и Россію; не только Россію, но и широкій міръ съ его вѣчными задачами, со страстнымъ желаніемъ жертвенно служить правдѣ и праву.

И въ тяжкіе дни борьбы съ большевиками за родину, онъ такъ страстно мечталъ о днѣ, когда онъ снова увидитъ Россію — въ Москвѣ.

Москва много дала ему, но онъ дары ея, честно пріумноживъ, вернулъ Россіи.

Онъ умиралъ съ глубокой вѣрой, что придетъ часъ, когда возстанетъ Москва, пусть новая, пусть внѣшне иная, но все же русская, все же родная, нѣжно любимая.

П. П. Юреневъ.

Н. И. АСТРОВЪ

Скончался 12-го августа 1934 г. въ Прагѣ.
Погребенъ 14-го августа на Ольшанскомъ кладбищѣ (русскій отдѣлъ).

ВОСПОМИНАНІЯ

Лица прежнія, картины прежнихъ лѣтъ
Передо мной проносятся, какъ тѣни.
Огаревъ.

О, память сердца, ты сильнѣй
Разсудка пямяти печальной.
Батюшковъ.

Что прошло, то будетъ мило.
Пушкинъ.

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СЕМЬЯ.

Смерть матери

Небольшая квартира изъ четырехъ маленькихъ комнатъ въ большомъ, какъ называли тогда, казенномъ домѣ. Это было Разумовское отдѣленіе для малолѣтнихъ Николаевскаго Института въ Москвѣ, на Гороховомъ полѣ. Своими крыльями домъ выходилъ на улицу, а средняя его часть стояла глубоко во дворѣ, за высокой металлической рѣшеткой копьями. На дворѣ большая куртина съ густо разросшимися кустами сирени и бузины. Въ боковыхъ крыльяхъ ворота подъ сводами. Черезъ нихъ ходъ во внутренніе дворы громадной усадьбы Екатерининскихъ временъ. Это дворецъ графа Л. Разумовскаго.

Входъ въ нашу квартиру на второмъ дворѣ, во второмъ этажѣ, былъ въ глубинѣ длиннаго корридора. По стѣнѣ корридора нѣсколько дверей, обычно запертыхъ тяжелыми висячими замками. Иногда одна дверь была полуоткрыта. Возвращаясь съ прогулки, мы заглядывали въ эту дверь. Въ очень большой, свѣтлой комнатѣ стояли рядами длинные, бѣлые столы съ наложенными на нихъ кучами сильно пахнущаго, только что вымытаго и выглаженнаго бѣлья. Это была «бѣльевая» Малолѣтняго отдѣленія. Большая комната привлекала наше вниманіе не столько столами съ бѣльемъ, сколько большимъ черным зѣвомъ громадной русской печи, стоявшей почти по срединѣ бѣльевой. Этотъ черный зѣвъ особенно рѣзко выдѣлялся на фонѣ бѣлой и очень свѣтлой бѣльевой. Приводившая насъ съ гулянья кормилица моего младшаго брата Володи, Ульяна, указывая на полуотворенную дверь, говорила:

— Эна черная печь-то! Въ ней Баба-Яга живетъ и капризныхъ дѣтей таскаетъ!

Бѣлая бѣльевая такъ и сохранила въ нашемъ дѣтскомъ представленіи жутко-таинственное значеніе, несмотря на милую и ласковую Матрешу, которая, гремя большими ключами, смѣло ходила по этой бѣльевой, будучи помощницей нашей мамы, которую называли страннымъ именемъ «кастелянши».

Наша мама... Воспоминанія о ней смутны и ускользающи. Нѣсколько запечатлѣвшихся чертъ живого образа сливаются съ изображеніемъ старой фотографіи. Разсказы о ней застилаютъ собственныя представленія.

Въ моемъ воспоминаніи мама, Елизавета Павловна, представляется мнѣ высокой, очень худой, съ печальными глазами. Помню ея худыя, тонкія руки, съ тонкимъ, чуть слышнымъ звукомъ колецъ на ея исхудалыхъ пальцахъ. Помню, какъ эти руки ласкали насъ, дѣтей, какъ ея пальцы нѣжно перебирали и гладили наши волосы. Помню ея постоянный кашель, который бывалъ иногда такъ мучителенъ, что нашъ отецъ, докторъ, приказывалъ уводить насъ изъ дому. Тогда насъ двоихъ старшихъ, брата Пашу и меня, поспѣшно одѣвали въ «чепанчики», подпоясывали красными кушаками, надѣвали кругленькія шапочки съ павлиньими перьями и уводили. Уводя насъ гулять, няня Акулина говорила кормилицѣ, что барынѣ очень плохо и что, помилуй Богъ, она умретъ. Мы становились тихими и покорно шли съ няней въ Разумовскій садъ.

Это былъ старый, громадный садъ съ высокими, вѣковыми деревьями, на берегу рѣки Яузы. Въ саду былъ небольшой прудъ, затянутый зеленой тиной, ряской. Мимо прудика шла наша дорожка. Прудикъ внушалъ намъ, дѣтямъ, жуткое чувство. Въ немъ утонулъ мальчикъ, сынъ столяра... Проходя мимо пруда, мы неизмѣнно спрашивали няню Акулину : «а почему утонулъ мальчикъ?». Отвѣты были неясны и не успокаивали нашей тревоги. Оказывается, что мальчикъ шалилъ, не слушался... Всего этого было недостаточно, чтобы понять жуткую тайну зеленаго пруда, проглотившаго мальчика.

Иногда насъ водили гулять на дворъ, сплошь заставленный полѣницами осиновыхъ дровъ. Помню острый запахъ этихъ дровъ. Этотъ дворъ былъ для насъ новымъ міромъ. Дѣти, бѣгавшія по этому двору, были иначе одѣты, чѣмъ мы, и были совсѣмъ другія. Глядя на нихъ, вспоминался зеленый прудъ, поглотившій мальчика. Въ концѣ двора былъ деревянный заборъ съ воротами. У воротъ сторожка, а около нея, на лавочкѣ съ трубкой во рту сидѣлъ старый старикъ. Это былъ сторожъ, какъ няня говорила, Николаевскій солдатъ. У него было бритое лицо и желтые усы. Но самое интересное было

внутри маленькой сторожки. Тамъ, на деревянномъ столѣ, были грудами навалены леденцы и карамели, которые старикъ сторожъ обертывалъ въ цвѣтныя бумажки. Тутъ же были и красные пѣтушки изъ леденцовъ — цѣль нашего путешествія на далекій дровяной дворъ. Мы уходили отъ старика съ пѣтушками и долго сохраняли въ памяти запахъ осиновыхъ дровъ и махорки, дымъ которой заполнялъ сторожку.

Въ плохую погоду насъ уводили изъ дома къ Пронщевымъ. Объ этой милой семьѣ на всю жизнь сохранилось воспоминаніе особеннаго очарованія. Варвара Петровна, старушка, въ большомъ кружевномъ чепцѣ, въ широкомъ платьѣ. Няня говорила, что это кринолинъ. Она была такая добрая, ласковая, привѣтливая, у нея были такіе лучистые ясные глаза, такія маленькія, пухлыя ручки, она такъ ласково и привѣтливо встрѣчала насъ, что мы бывали очень довольны, когда насъ водили къ ней. Въ ея небольшой квартиркѣ было очень уютно. Пахло чѣмъ то теплымъ и душистымъ. Столики, комоды, кресла были покрыты бѣлоснѣжными вязанными скатертями и салфеточками. На полочкахъ и на круглыхъ столикахъ стояло очень много очень интересныхъ вещицъ и фигурокъ изъ фарфора. Въ комнатахъ у Варвары Петровны было всегда много цвѣтовъ и среди нихъ, въ клѣткѣ, заливалась канарейка. Все насъ прельщало у Варвары Петровны, и фигурки на столикахъ, и канарейка, и черносливъ, которымъ насъ угощали. Но особенно радостно становилось намъ, когда изъ сосѣдней комнаты выбѣгали къ намъ двѣ миловидныя дѣвушки, Варя и Надя. Одна съ пушистыми бѣлокурыми волосами, другая съ большой черной косой. Онѣ шумно и весело завладѣвали нами, показывали интересныя картинки, заводили игры. Даже всегда серьезный Паша улыбался и становился веселымъ.

Изрѣдка насъ водили гулять по улицамъ. Любимой прогулкой была дорога къ церкви Вознесенья на Гороховомъ полѣ, а потомъ, черезъ церковный садъ, къ Елизаветинскому Институту. На этой дорогѣ было много интереснаго. Весной, мимо тротуаровъ, съ шумомъ сбѣгали ручьи. Ручьи увлекали за собой щепки и наши кораблики, низвергаясь въ широкія, темныя отверстія, продѣланныя около тротуаровъ. Это были стоки въ рѣчку Чечеру. А если былъ легкій морозецъ и края потоковъ вдоль тротуаровъ были покрыты тонкимъ ледкомъ, то высшее наслажденіе было пяткой проломить этотъ ледокъ. Это было запрещено няней. Но это было такъ хорошо. Интересно было поглядѣть въ щели забора около Чечеры. Тамъ черезъ пустыри и огороды, рѣчка Чечера несла свои вешнія грязныя воды къ Яузѣ. Тамъ, за заборомъ, было что-то совершенно новое, незнакомое для насъ, маленькихъ горожанъ. Тамъ были глубокія ямы, рытвины, овраги, горы грязнаго, тающаго снѣга, пригорки, обнаженные отъ снѣга, съ чуть зеленѣющей травой. А вдали большія, старыя деревья, какъ лѣсъ.

Домой мы возвращались черезъ кухню, чтобы не шумѣть. Анисья, старая кухарка, встрѣчая насъ, говорила:

— Идите, идите, дѣтки! — И обращаясь къ нянѣ, добавляла — Барынѣ теперь полегчало, а то думали, что Богу душеньку отдастъ.

Мы входили въ наши комнаты, полные смутной тревоги. Тревога усиливалась, когда насъ встрѣчалъ папа, озабоченный и печальный. Онъ спрашивалъ, куда мы ходили гулять и говорилъ намъ, чтобы мы не шумѣли, что мама больна, что она уснула и что ее нужно беречь.

Мы старались ходить на цыпочкахъ, не шумѣть и не говорить громко. Но не всегда это удавалось. Братъ Саша, у котораго постоянно болѣла нога, часто неудержимо плакалъ. Его лѣчилъ отъ «золотухи» старичекъ Д. П. Лодыгинъ, приносившій ему «спускъ» и красиваго, краснаго цвѣта «декоктъ». Старикъ не былъ докторомъ, но, по словамъ няни, зналъ «секретъ» и въ концѣ концовъ вылѣчилъ Сашу, несмотря на то, что врачи говорили, что ему придется «отнять ногу». Плакавшаго Сашу уносили тогда на кухню. А я какъ-то поссорился съ братомъ Пашей изъ-за красныхъ возжей, которыми собирался запречь стулъ. Въ спорѣ я сталъ шумѣть и топать ногами. Споръ еще далеко не былъ разрѣшенъ, какъ вдругъ я оказался поднятымъ на воздухъ и, черезъ нѣсколько мгновеній, къ моему величайшему ужасу, оказался въ бѣльевой, передъ зѣвомъ громадной печи. Это отецъ, желая прекратить крикъ, отнесъ меня въ бѣльевую. Дверь за мной затворилась и я остался одинъ въ большой, пустой комнатѣ съ черной печью, въ которой, по словамъ Володиной кормилицы Ульяны, живетъ Баба-Яга. Я затихъ. Меня охватила пустота и тишина. Я уставился на черное жерло печи, на которомъ странно бѣлѣла чашка съ расписаннымъ на ней цвѣткомъ. Тишина комнаты, таинственная печь подавили меня. Кажется, больше всего угнетала меня тишина. Ее нужно было одолѣть. Я поднялъ неистовый крикъ. Вскорѣ появилась няня Акулина, которая, унявъ меня и взявъ обѣщаніе, что я не буду больше кричать и безпокоить маму, освободила меня изъ заключенія въ таинственной комнатѣ.

Было весеннее, солнечное утро. Мы еще лежали въ кроваткахъ, когда къ намъ въ комнату вошла Юлія Михайловна, невысокая кругололицая дѣвушка, приглашенная къ намъ въ домъ смотрѣть за нами, дѣтьми, во время болѣзни мамы. Юлія Михайловна была уже причесана и одѣта. Лицо ея, обычно ласковое и улыбающееся, было теперь серьезно. Глаза были полны слезъ.

— Дѣти, вставайте скорѣй. Не шумите и одѣвайтесь. Мама зоветъ васъ. Она хочетъ васъ благословить.

Все было необычайно и въ тонѣ Юліи Михайловны, и въ ея сло-

вахъ, и въ ея торопливости. Изъ-за дверей слышались какіе то сдержанные голоса, шопотъ, какое то движеніе. Кто-то посторонній былъ въ нашей квартирѣ. Что-то проникло къ намъ небывалое. У насъ что-то случилось. Молча, торопливо насъ умывали, одѣвали, причесывали. Вбѣжала заплаканная няня Акулина съ Сашей на рукахъ. Появилась кормилица Ульяна съ Володей. Какимъ то суровымъ, необычнымъ тономъ она спросила:

— Готовы что-ли? Пора вести дѣтей.

Что-то случилось непоправимое. Мы съ братомъ Пашей пріумолкли. Вмѣсто обычной утренней молитвы, довольно длинной и сложной, Юлія Михайловна сказала намъ:

— Помолитесь, дѣти, чтобы Господь сохранилъ вамъ вашу маму. Помолитесь о мамѣ вашей Елизаветѣ.

Мы стали на колѣни. Повторили слова Юліи Михайловны. Смущеніе все болѣе овладѣвало нами.

Юлія Михайловна взяла насъ съ братомъ за руки и повела въ папинъ кабинетъ. Въ столовой мы увидали тетю Машу, которая никогда не бывала у насъ въ это время дня. Насъ ввели въ кабинетъ. Кабинетъ былъ полонъ народу. Я замѣтилъ тетю Лену, тетю Наташу, мою крестную мать.

На диванѣ, въ подушкахъ, лежала мама.

Я никогда не видалъ ее такой. Она была совсѣмъ бѣлая. Ея черные волосы рѣзко выдѣлялись на бѣлой подушкѣ. Глаза были полузакрыты. Руки безсильно лежали на одѣялѣ. Она тяжело дышала. Папа сидѣлъ на краю дивана и держалъ мамину руку. До меня долетѣли чуть слышныя слова папы:

— Лиза, вотъ дѣти, благослови ихъ.

Мама широко раскрыла свои большіе глаза. У нея никогда не было такихъ большихъ и темныхъ глазъ. Мы съ братомъ замерли. Отецъ положилъ мамину руку сначала на голову Паши, потомъ на мою. Мнѣ показалось, что мамины пальцы ласково пошевелили мои волосы. Мы невольно опустились на колѣни. Потомъ Саша заплакалъ. Кормилица, тяжело дыша, опустила Володю на диванъ къ мамѣ. Потомъ мама застонала. Мы встали. Мама сдѣлала слабое движеніе рукой.

— Уведите ихъ, сказала тетя Лена.

Я еще разъ взглянулъ на маму. Слезы скатывались по ея впалымъ щекамъ.

Насъ поспѣшно увели. Не знаю, какъ мы прошли комнаты, прошли кухню и очутились въ сѣняхъ. Юлія Михайловна посадила насъ на окно, крѣпко обняла насъ съ братомъ и мы всѣ залились горючими слезами, безъ словъ, безъ жалобъ. Эта были слезы перваго дѣтскаго горя. Это было первое прикосновеніе невѣдомаго, таинственнаго, неотвратимаго.

Потомъ насъ, старшихъ, отвезли къ нашимъ кузинамъ, Виногра-

довымъ. Наташа, Саша и Сима были съ нами особенно ласковы. Пытались чѣмъ то насъ занять. Но ничто не клеилось. Помню, какъ съ Наташей мы ушли въ уголъ палисадника и тамъ я произнесъ впервые слова, которыя другіе произносили у насъ дома:

— Знаешь, Наташа, наша мама умираетъ...

И только теперь, когда я самъ проговорилъ эти слова, я какъ то вдругъ ощутилъ ихъ страшный смыслъ, именно ощутилъ всѣмъ тѣломъ, всѣмъ своимъ существомъ. Слезы закапали на руки, на лопаточку, на ведерко, которыя совала мнѣ въ руки тоже плакавшая Наташа.

Вернувшись домой, мы не узнали своей квартиры. Тамъ было все по небывалому. Ходили какіе-то чужіе люди, не снимая верхняго платья. О чемъ то переговаривались громкимъ шопотомъ.

Отецъ, встрѣтивъ насъ, протянулъ намъ руки, поцѣловалъ насъ и мы услыхали для насъ новое слово:

— Сироты!...

Въ столовой не оказалось обѣденнаго стола. Комната стала большой, неуютной, чужой... Двери въ гостиную были затворены. Изъ-за нихъ раздавались какіе-то тоже необычные звуки. Женскій голосъ что-то говорилъ или читалъ медленно, отрывочно и безостановочно, не такъ, какъ всѣ.

Пришли священники. Отецъ встрѣтилъ ихъ. Они что-то говорили. Старый священникъ гладилъ свою сѣдую бороду, качалъ головой и со вздохомъ говорилъ:

— Вотъ и моя супруга скончалась отъ чахотки. Видно на все воля Божія.

Священники вошли въ гостиную. Въ отворившуюся дверь я увидѣлъ то, что поразило меня, но что не нарушило того страннаго состоянія, въ которомъ проходилъ весь этотъ странный день.

Среди комнаты на столѣ, на нашемъ обѣденномъ столѣ, лежала наша мама. Четыре свѣчи въ подсвѣчникахъ, такія, какія мы видали въ церкви, стояли по сторонамъ стола. У стѣны стояла монашенка изъ Алексѣевскаго монастыря. Священники надѣвали ризы. Въ комнату вошли люди въ пальто и мальчики съ тетрадями подъ мышкой.

Юлія Михайловна, оправивъ наши рубашки и кушаки, повела насъ въ гостиную. Тамъ уже были наши тетки и старикъ Лодыгинъ. Видъ постороннихъ развлекалъ насъ. А когда діаконъ сталъ разжигать пучекъ восковыхъ свѣчей и онѣ запылали яркимъ, красивымъ пламенемъ, когда и намъ дали по зажженной свѣчкѣ и въ комнатѣ запахло ладаномъ отъ задымившагося кадила, все вниманіе сосредоточилось на кадилѣ, на свѣчахъ, на ризахъ священниковъ. Свѣчи горѣли спокойно, изрѣдка потрескивая. Нѣкоторыя оплывали и капали на полъ.

Папа стоялъ все время на колѣняхъ, у самаго стола, и тихо плакалъ. Мы его никогда не видали такимъ. Мнѣ было жалко и маму, лежащую на столѣ, и плачущаго папу. Жалко становилось и самого себя. А когда всѣ стали на колѣни и вокругъ раздались всхлипыванія кормилицы и няни, заплакалъ и я. Но слезы были недолги. Когда мы встали съ колѣнъ, я увидалъ, что у брата Паши свѣчка оплыла больше, чѣмъ у меня. Я мысленно сравнилъ ихъ и рѣшилъ, что у меня свѣчка больше, чѣмъ у Паши.

Снова солнечный, весенній день. Небо ослѣпительно голубое. Комната залита солнцемъ. Насъ одѣваютъ въ новые костюмчики. Такъ жарко на воздухѣ, что насъ ведутъ въ церковь безъ пальто.

Сегодня хоронятъ маму. Страшное содержаніе этихъ словъ какъ то расплывается въ ликующемъ окруженіи весенняго пасхальнаго дня. Сегодня одинъ изъ первыхъ дней Пасхи. Надъ городомъ стоитъ звонъ колоколовъ. Наша приходская церковь Вознесенія на Гороховомъ полѣ, красивая, большая церковь, ярко освѣщена солнцемъ и утопаетъ своими куполами и крестами въ синевѣ неба. Насъ ведутъ за гробомъ. Идутъ вмѣстѣ съ нами съѣхавшіеся родные. Старый дѣдушка, генералъ Павелъ Денисовичъ Кобелевъ, всѣ мамины сестры съ ихъ дѣтьми — всѣ тутъ. Въ церкви очень много народу. Душно. Насъ выводятъ изъ церкви въ церковный садъ. Изъ церкви доносится пѣніе. Выходитъ народъ. А вотъ выходятъ и священники въ бѣлыхъ ризахъ. Пѣвчіе. Выносятъ лиловый бархатный гробъ съ золотыми позументами. Все ярко, все залито солнцемъ. Глазамъ больно. Глаза полны слезъ. Пѣніе, звонъ колоколовъ, солнце, много, много народу. Всѣ смотрятъ на маминъ гробъ. Братъ Паша тихо плачетъ. Я заливаюсь слезами. Тамъ наша мама. Мама наша умерла. Мамы больше нѣтъ съ нами...

Маму схоронили въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Съ этихъ поръ Алексѣевскій монастырь сталъ нашимъ монастыремъ. Тамъ наша мама.

Сонъ дѣдушки Павла Денисовича

Наша мама происходила изъ семьи Кобелевыхъ. Въ Энциклопедическомъ словарѣ читаемъ слѣдующія строки: «Въ 1700 году Кобелевъ, боярскій сынъ, сибирскій атаманъ, былъ отправленъ съ казаками для наказанія возставшихъ коряковъ. Онъ разорилъ коряжскій городъ Кохча, возстановилъ Верхне-Камчатскій острогъ и положилъ основаніе Большерѣцкому острогу, при впаденіи рѣки Быстрой

въ Большую. Въ 1701 и 1702 г.г. Кобелевъ состоялъ начальникомъ Камчатки».

Имѣли ли восходящіе моей матери отношеніе къ упомянутому воинственному сибирскому атаману и начальнику Камчатки — свѣдѣній въ нашей семьѣ не сохранилось. Но несомнѣнно лишь то, что предки матери несли военную службу. Ея отецъ, Павелъ Денисовичъ Кобелевъ, старый заслуженный генералъ, помнилъ, какъ говорили, француза.

Въ хроникѣ семьи Кобелевыхъ хранилось воспоминаніе о вѣщемъ снѣ Павла Денисовича. Разсказъ этотъ не устанавливаетъ, къ сожалѣнію, даты событія и не указываетъ точно мѣста происшествія, но все это не лишаетъ его достовѣрности. Для моей крестной матери, тети Наташи, отъ которой я слышалъ этотъ разсказъ, это была не таинственная исторія, а подлинное происшествіе, реальные результаты котораго долго хранились въ семьѣ Кобелевыхъ.

Дѣло происходило въ одномъ изъ южныхъ городовъ Россіи, гдѣ дѣдъ занималъ видную должность начальника одной изъ дивизій. Однажды ночью онъ проснулся отъ поразившаго его сна. Ему приснилось, что къ нему въ домъ пріѣхалъ самъ Государь Николай Павловичъ. Сонъ былъ, какъ наяву. Дѣдъ разбудилъ свою жену и повѣдалъ ей о своемъ странномъ сновидѣніи. Оба подивились сну, покрестились и снова мирно заснули. Но не успѣлъ дѣдъ заснуть понастоящему, какъ снова увидѣлъ тотъ же сонъ, но въ чертахъ еще болѣе отчетливыхъ. Тутъ онъ проснулся окончательно, поспѣшно всталъ съ постели, разбудилъ жену и приказалъ ей немедленно вставать и одѣться въ самое лучшее праздничное платье. Недоумѣвающая бабушка, не смѣя ослушаться мужа, ворча, стала подыматься съ постели. Между тѣмъ, самъ дѣдъ надѣлъ парадный мундиръ и всѣ ордена. Поднялъ весь домъ на ноги. Приказалъ зажечь всѣ свѣчи и лампы, засвѣтить всѣ люстры и шандалы, накрыть столъ, какъ бываетъ для пріема самыхъ почетныхъ гостей. Все это происходило среди глубокой ночи, когда весь провинціальный городъ погруженъ былъ въ непробудный сонъ. Люди въ домѣ переполошились. Заспанные, они исполняли приказанія барина, который торопилъ ихъ, а сами искоса поглядывали на него, — не рехнулся ли баринъ. Бабушка, не привыкшая къ такимъ странностямъ и ночнымъ безпорядкамъ, не знала, что и думать. Одѣтая въ нарядное платье, сидѣла она на диванѣ въ гостиной, съ тревогой озираясь на мужа, не смѣя ни спросить, ни противорѣчить. Но хуже всего было положеніе самого дѣда, поставившаго весь домъ вверхъ дномъ и въ парадной формѣ расхаживавшаго ночью среди ярко освѣщеннаго, пустого дома. Минуты были томительныя. Болѣе или менѣе достойнаго выхода изъ положенія не было видно. Его увѣренность стала колебаться. Но сонъ былъ такъ ярокъ, Государь, какъ живой, былъ въ этихъ самыхъ комнатахъ...

И вотъ слухъ сталъ улавливать звуки отдаленныхъ почтовыхъ колокольчиковъ. Колокольчики приближались. Ихъ позваниваніе становилось все явственнѣе и отчетливѣе. Напряженному слуху какъ-то не особенно вѣрилось. Но вотъ колокольчики совсѣмъ близко. Они рѣзко оборвались у самаго подъѣзда ярко освѣщеннаго дома. Вслѣдъ за тѣмъ рѣзкій звонокъ у параднаго крыльца. Въ передней появляется офицеръ. Освѣдомившись, чей это домъ, офицеръ направляется къ дѣду. Это царскій фельдъегерь. Слѣдомъ за нимъ ѣдетъ Государь Императоръ, измѣнившій свой маршрутъ. Офицеръ объяснилъ дѣду, что остановился у его дома только потому, что увидалъ его ярко освѣщеннымъ среди города, погруженнаго въ темноту.

Дѣдъ былъ потрясенъ и въ полномъ изумленіи. Однако, для пріема Государя все было готово.

Черезъ нѣсколько минутъ дѣдъ принималъ у себя Государя, который, въ свою очередь, былъ немало изумленъ и пріемомъ, и разсказомъ, какъ объ его пріѣздѣ было получено таинственное предувѣдомленіе.

Разсказъ этотъ относился къ первой половинѣ царствованія Николая I.

Насколько точно разсказъ отражаетъ дѣйствительное событіе, насколько тутъ добросовѣстнаго вымысла, сказать трудно. Но это точное воспроизведеніе того, что мнѣ приходилось неоднократно слышать отъ моей крестной матери, тети Наташи, родной дочери Павла Денисовича. А въ подтвержденіе разсказаннаго перечислялись подарки, сдѣланные Государемъ дѣду и бабкѣ за ихъ радушный пріемъ среди ночи.

Въ семьѣ Кобелевыхъ, повидимому, была нѣкоторая склонность къ визіонерству, тому ясновидѣнію на разстояніи, которое такъ поражаетъ воображеніе мистически настроенныхъ людей. Этимъ свойствомъ обладала въ свои молодые годы тетя Наташа. Она сама разсказывала намъ, какъ она поразила всѣхъ близкихъ, разсказавъ до мельчайшихъ подробностей, въ какомъ туалетѣ выѣзжала на балы въ губернскомъ городѣ ея старшая сестра Елена, когда ее въ первый разъ вывозили на дворянскіе выборы. Туалетъ этотъ былъ сдѣланъ въ городѣ, а сестры Елены проживали въ то время въ деревнѣ и не могли видѣть новаго платья сестры. Но главное было то, что она, глядя на зеркало, передъ которымъ были поставлены двѣ зажженныхъ свѣчи, видѣла, какъ къ сестрѣ Еленѣ подошелъ чрезвычайно высокій человѣкъ, выше всѣхъ ростомъ, и, облокотясь на рояль, сталъ о чемъ-то съ ней разговаривать. О видѣнномъ въ зеркалѣ, конечно, было тотчасъ же разсказано сестрамъ и всѣмъ домочадцамъ. Вскорѣ изъ губерніи вернулась сестра Елена, которая оказалась невѣстой, просватанной за нѣкоего Г. К. Виноградова. Удивленію и восклицаніямъ не было конца, когда оказалось, что Г. К. Виноградовъ былъ необычайно большого роста, что онъ сдѣ-

лалъ предложеніе тетѣ Ленѣ, стоя у рояля, и что среди новыхъ платьевъ тети Лены, привезенныхъ изъ города было именно то, съ маленькими цвѣточками, которое тетя Наташа видѣла въ зеркалѣ. Не менѣе волнующій случай произошелъ съ той же тетей Наташей, когда она, просыпаясь послѣ какого-то забытья во время болѣзни, вдругъ заволновалась и стала настойчиво требовать, чтобы ихъ кузина Мари немедленно возвращалась къ себѣ домой, такъ какъ ея сестра тонетъ. Безпокойство тети Наташи и ея восклицанія были совершенно непонятны окружающимъ, такъ какъ кузины Мари не было съ ними. Она жила въ своемъ имѣніи за добрый десятокъ верстъ. А тетя Наташа продолжала волноваться и взывать, чтобы Мари немедленно возвращалась домой. Именно въ это время во дворъ усадьбы въѣзжала кузина Мари, пріѣхавшая безъ предупрежденія провѣдать своихъ двоюродныхъ сестеръ. Ей тотчасъ же передали слова тети Наташи. Зная свойства своей кузины, она повернула лошадей и поскакала домой. На берегу пруда она нашла толпу крестьянъ, откачивавшихъ ея сестру.

Дѣдушка Павелъ Денисовичъ умеръ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Послѣдніе годы онъ, съ своей третьей женой, Екатериной Сергѣевной, и младшей дочерью Лизой (въ его семьѣ было двѣ дочери Елизаветы отъ разныхъ браковъ) жилъ въ Москвѣ на Сивцевомъ Вражкѣ. Раза два въ годъ насъ, дѣтей, возили къ дѣдушкѣ съ бабушкой. Эти поѣздки съ Гороховаго поля, а впослѣдствіи отъ Никиты Мученика на Старой Басманной, на Сивцевъ Вражекъ, черезъ всю Москву, въ каретѣ, были цѣлымъ событіемъ. Къ поѣздкѣ готовились заблаговременно. Папа задолго говорилъ Юліи Михайловнѣ, что дѣтей нужно везти къ дѣдушкѣ, что онъ выражаетъ желаніе ихъ видѣть. Нашъ дѣтскій слухъ улавливалъ оттѣнки при упоминаніи о дѣдушкѣ и бабушкѣ. О дѣдушкѣ говорили просто и ласково. Тонъ словъ становился сдержаннымъ при упоминаніи имени бабушки. И мы, дѣти, охотно шли къ дѣдушкѣ и боялись бабушки.

Нашъ отецъ былъ докторомъ въ Москвѣ и преподавателемъ Военно-Фельдшерской школы на Гороховомъ полѣ. Въ тѣ отдаленныя времена доктора въ Москвѣ имѣли свое особое обличіе и какъ бы обязательно установленный внѣшній видъ. Изъ окна нашей квартиры мы видали высокаго, нѣсколько сгорбленнаго старика въ большомъ цилиндрѣ, въ длинномъ черномъ пальто, изъ-подъ воротника котораго виднѣлся большой бѣлый кружевной воротникъ. Худое и желтое лицо старика было гладко выбрито и только на щекахъ оставались небольшіе сѣдые бачки. Это былъ старый московскій докторъ Ленгольдъ. Аккуратно, въ опредѣленный часъ, къ его подъѣзду подавалась извозчичья карета, запряженная парой вороныхъ худыхъ

лошадей. И съ не меньшей аккуратностью изъ подъѣзда выходилъ старый докторъ, съ трудомъ забирался въ карету и уѣзжалъ «на визиты».

Нашъ отецъ былъ молодъ, высокъ и статенъ. Онъ не носилъ кружевного воротника. Но зато на немъ неизмѣнно былъ надѣтъ бѣлый галстухъ. На визиты онъ ѣздилъ въ черномъ сюртукѣ и, несмотря на скудость средствъ, долженъ былъ завести и себѣ, для выѣзда на практику, извозчичью карету и пару лошадей.

Вотъ въ этой-то каретѣ, съ плохо затворявшимися дверцами, съ дребезжавшими стеклами, съ продранной мѣстами синей штофной обивкой — насъ и везли къ дѣдушкѣ съ бабушкой на Сивцевъ Вражекъ. На козлахъ кареты сидѣлъ кучеръ Викторъ, угрюмый человѣкъ съ бѣльмомъ на глазу. Иногда поѣздка, къ нашему огорченію, внезапно откладывалась, ввиду того, что кучеръ Викторъ оказывался пьянъ и едва держался на козлахъ. Это обнаруживалось въ ту минуту, когда мы уже были на крыльцѣ. Отецъ бранилъ Виктора. Викторъ доказывалъ, что онъ «ни въ одномъ глазу». Въ нашемъ огорченномъ сознаніи какъ-то странно связывалось представленіе о неудачѣ, о состояніи опьяненія, съ бѣльмомъ на глазу кучера Виктора.

Но иногда мы выѣзжали благополучно и, задѣвъ нѣсколько разъ нашей каретой за проѣзжавшія по улицамъ многомѣстныя линейки, добирались до Сивцева Вражка. По дорогѣ кто-нибудь изъ насъ нараспѣвъ твердилъ эти два слова: «Сивцевъ» — «Вражекъ», «Сивцевъ» — «Вражекъ»... Отъ частаго повторенія перваго слова мы, по созвучію, начинали твердить «Сивку-Бурку». Вражки превращались въ овражки. Намъ рисовались овраги, горы и долы, черезъ которые перелетала Сивка-Бурка изъ Конька-Горбунка. И мы съ братомъ Пашей начинали декламировать стихи нашего любимаго Конька-Горбунка.

Наконецъ, наша карета останавливалась у подъѣзда низенькаго, одноэтажнаго бѣлаго дома. Мы замолкали и намъ становилось какъ-то не совсѣмъ по себѣ. Жесткіе, накрахмаленные отложные воротнички какъ-то вдругъ начинали больно давить и царапать шею. (Ахъ, эти крахмальные воротнички! Сколько слезъ изъ-за нихъ было пролито!). Намъ дѣлались послѣднія указанія, какъ мы должны вести себя, какъ должны поздороваться, что должны отвѣтить на вопросы дѣдушки и бабушки, чего не должны дѣлать. Тѣмъ временемъ, кто-нибудь изъ старшихъ дергалъ ручку звонка. Раздавался дребезжащій звукъ, слышный съ улицы.

Двери отворяла старая женщина, которую звали дѣвушка Марфуша. Она привѣтливо оглядывала насъ и пѣвучимъ голосомъ говорила, что дѣтки чтой-то забыли дѣдушку съ бабушкой и давненько не были у нихъ въ гостяхъ.

Потихоньку, прижавшись къ старшимъ, мы проходили свѣтлыя

сѣни и попадали въ большую полутемную переднюю. Въ передней было много большихъ сундуковъ и ларей, покрытыхъ коврами. Здѣсь пахло шубами, пылью и чѣмъ-то особеннымъ, запахъ чего всегда сопровождалъ дѣдушку съ бабушкой. Это была смѣсь запаха табака, герани, одеколона и старыхъ вещей, вынутыхъ изъ старыхъ сундуковъ, и еще чего-то. Оправивъ наши костюмчики и еще разъ наспѣхъ повторивъ правила, какъ намъ слѣдуетъ вести себя, насъ вводили въ залъ.

Я очень хорошо помню эту комнату, оклеенную бѣлыми обоями, съ натертыми, какъ зеркало, полами, по которымъ пробѣгала бѣлая полотняная дорожка. Посреди комнаты висѣла, чуть позванивавшая своими стеклышками, хрустальная люстра. Комната казалась очень большой. Въ ней не было никакого убранства. Только стулья чинно стояли по стѣнамъ. Но въ этомъ залѣ было нѣчто, поглощавшее наше вниманіе. Это была золотая арфа, стоявшая въ углу бѣлой комнаты. При видѣ красивой арфы всѣ правила хорошаго поведенія сразу вылетали изъ памяти. Насъ приходилось подталкивать, чтобы мы шли впередъ, въ гостиную, гдѣ насъ ждалъ дѣдъ.

Навстрѣчу къ намъ выходила тетя Лиза, задумчивая, высокая. Это она, тетя Лиза, играла на арфѣ. Мы глядѣли на нашу тетю съ особымъ почтительнымъ восторгомъ и одинаково любили и задумчивую тетю Лизу, и ея золотую арфу. Обѣ онѣ были очаровательны для насъ. Но очарованіе исчезало быстро. Насъ брали за руки и вводили въ гостиную.

На большомъ диванѣ въ глубинѣ комнаты сидѣлъ дѣдушка Павелъ Денисовичъ. Это былъ высокій, сухощавый старикъ, съ сѣдыми, немного какъ бы подвитыми спереди волосами и сѣдыми усами. На немъ былъ надѣтъ старый генеральскій мундиръ. Мундиръ былъ разстегнутъ. Въ рукахъ дѣда былъ длинный чубукъ и палка-костыль. Дѣдъ имѣлъ внѣшне суровый видъ. Но, при нашемъ появленіи, на его морщинистомъ лицѣ появлялась улыбка и онъ шутливо, по-военному, привѣтствовалъ насъ:

— Здорово, молодцы! Совсѣмъ забыли дѣда! Вотъ и хорошо, что пріѣхали навѣстить старика.

Мы подходили къ дѣдушкѣ, здоровались съ нимъ, цѣловали подставленную имъ колючую щеку и въ смущеніи чувствовали, что какія-то правила надлежащаго поведенія уже нами нарушены. Намъ надо было поцѣловать дѣдушкѣ руку. Но это какъ-то не вышло, такъ какъ дѣдушка тискалъ насъ своими руками и самъ подставилъ намъ свою щеку. Не успѣвало исчезнуть смущеніе отъ встрѣчи съ дѣдушкой, какъ въ гостиную вплывала бабушка Екатерина Сергѣевна. Невысокая, довольно полная старуха въ широкомъ, темномъ шелковомъ платьѣ, съ шалью на плечахъ и въ черномъ чепцѣ съ лентами.

Бабушка была совсѣмъ не такъ привѣтлива, какъ дѣдушка. Она

говорила какія-то мало понятныя для насъ слова, обращенныя къ папѣ и особенно къ Юліи Михайловнѣ. Мы плохо усваивали смыслъ этихъ словъ, но чувствовали въ нихъ что-то непріятное. Эти визиты происходили уже послѣ смерти нашей мамы, и замѣчанія бабушки касались какъ-то насъ, которыхъ она оглядывала съ ногъ до головы своими острыми и не очень добрыми глазками.

Мы цѣловали бабушкѣ ручку и не знали, что нужно дѣлать дальше. На выручку приходила тетя Лиза и вела насъ въ бѣлый залъ. Намъ запрещено было прикасаться къ арфѣ. Но соблазнъ былъ неудержимъ. Кто-нибудь изъ насъ, Паша или я, чуть дотрагивались до одной изъ струнъ. Нѣжный, звенящій звукъ на мгновеніе заполнялъ комнату. Чувство радости и очарованія смѣшивалось съ сознаніемъ нарушеннаго запрещенія. Было и радостно, и неловко. Тетя Лиза, улыбаясь намъ, быстро перебирала струны, брала нѣсколько аккордовъ на золотой арфѣ. Мы, съ открытыми отъ восторга ртами, не сводили съ нея глазъ... А тутъ изъ столовой доносился голосъ бабушки, звавшей насъ къ чаю. Жалко было уходить отъ арфы. Такъ хотѣлось еще разъ дотронуться до ея звучащихъ струнъ.

Въ столовой, за столомъ съ самоваромъ уже сидѣли дѣдушка и бабушка, папа и Юлія Михайловна. На столѣ стояло варенье въ вазочкахъ, печенье въ корзинкахъ, на блюдечкахъ и тарелкахъ были разложены черносливъ, винныя ягоды, изюмъ, финики, разноцвѣтный мармеладъ, кедровые орѣшки, грецкіе и американскіе орѣхи. Всего было такъ много, что глаза разбѣгались. Мы садились за столъ на высокіе, мягкіе стулья. Тетя Лиза подкладывала намъ самыя вкусныя вещи, которыя мы съ удовольствіемъ уплетали. Папа что-то разсказывалъ дѣдушкѣ. Дѣдушка громко смѣялся. А бабушка, хмуря брови, все что-то говорила Юліи Михайловнѣ, которая съ тревогой поглядывала на насъ и лишь изрѣдка отвѣчала бабушкѣ.

Чай подходилъ къ концу. Дѣдушка приказывалъ вынести кучеру Виктору стаканчикъ водки. Съ окончаніемъ чая кончался и нашъ визитъ. Начинались долгія прощанія. Послѣдній взглядъ на арфу по дорогѣ въ переднюю. Въ передней наставительныя слова бабушки, и мы снова въ каретѣ.

Въ каретѣ невесело. Отецъ перекидывается съ Юліей Михайловной словами, въ которыхъ мы узнаемъ слова, произнесенныя бабушкой. Слова эти, очевидно, обидѣли нашу Юлію Михайловну. У нея появляются слезы на глазахъ. Папа говоритъ, что не стоитъ обращать вниманія на ворчаніе глупой старухи, и хвалитъ дѣдушку. Мы молчимъ. Съ Сивцева-Вражка увозимъ сложное чувство очарованія отъ арфы и отъ тети Лизы и смущенія при воспоминаніи о бабушкѣ, которая какъ-то обидѣла нашу Юлію Михайловну. Дѣдушка внушалъ намъ чувство почтенія. А его разстегнутый мундиръ какъ-то странно заставлялъ вспоминать волновавшую насъ исторію

о дядѣ Сережѣ, убитомъ на дуэли изъ-за «чести мундира», какъ намъ говорили.

Дядю Сережу, сына дѣдушки Павла Денисовича, мы не видали въ живыхъ. Въ маминомъ альбомѣ, съ деревянной рѣзной доской, слегка обуглившейся съ края во время пожара, среди фотографій родныхъ, была фотографія красиваго юноши въ кавалергардскомъ мундирѣ, съ каской въ рукѣ. Этотъ красивый юноша былъ дядя Сережа. О немъ говорили, что онъ заступился за честь мундира своего полка и былъ убитъ на дуэли. Въ этомъ разсказѣ, который мы часто слышали и сами повторяли, перелистывая маминъ альбомъ, насъ не интересовали имена и подробности. Мы не спрашивали, что такое дуэль. Наше воображеніе было цѣликомъ поглощено страннымъ для насъ противорѣчіемъ, которое мы такъ чувствовали между поступкомъ дяди Сережи, защищавшаго честь, и фактомъ убійства дяди Сережи. Въ нашемъ воображеніи не вязалось представленіе о героическомъ поступкѣ и объ убійствѣ, какъ слѣдствіи этого поступка. Все было въ этомъ разсказѣ смутно и непонятно. А судьба красиваго дяди Сережи казалась странной, непонятной и несправедливой. А тутъ еще какая-то честь мундира... Какого мундира?.. Вѣроятно, такого, что былъ на дѣдушкѣ.

Съ Сивцева-Вражка мы увозили смутныя чувства. Это было прикосновеніе къ чуждой намъ жизни съ ея тайнами и загадками. Домой возвращались усталые, невеселые. Карета укачивала. Впечатлѣнія дня завершались вечеромъ капризами и слезами. Соприкосновеніе съ жизнью не давалось легко и не проходило даромъ.

Дѣдушка Павелъ Денисовичъ умеръ, когда мнѣ было шесть лѣтъ. Его хоронили въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ. Были войска. Играла военная музыка. Надъ его могилой стрѣляли изъ пушекъ. Все это наполняло наши дѣтскія души волненіемъ и гордостью. Вскорѣ умерла и наша милая тетя Лиза. Что сталось съ ея золотой арфой — мы такъ и не узнали.

У тети Наташи остался написанный масляными красками портретъ дѣдушки. Портретъ этотъ послѣ смерти тетки перешелъ ко мнѣ. На портретѣ былъ изображенъ молодой, красивый генералъ. Безъ особаго труда можно было разглядѣть на портретѣ, какъ на полотнѣ подрисовывались новые ордена и перекрашивались ленты, по мѣрѣ продвиженія дѣда по службѣ.

Переѣздъ на новое жилье

Послѣ смерти мамы мы переѣхали изъ Разумовскаго на Гороховомъ полѣ въ другой казенный домъ. Изъ большого дома, желтаго, съ бѣлыми колоннами, въ большой домъ свѣтло-зеленаго цвѣта, тоже съ бѣлыми колоннами. Это была Школа Межевыхъ топографовъ у церкви Никиты Мученика, на Старой Басманной. Впослѣдствіи эта школа слилась съ Константиновскимъ Межевымъ Институтомъ. Нашъ отецъ получилъ должность врача въ этомъ заведеніи, и мы перебрались на новое жительство, въ новое помѣщеніе, къ новымъ людямъ.

Наша квартира была въ нижнемъ этажѣ главнаго зданія. Какъ разъ передъ окнами, черезъ улицу, была громадная, стройная церковь Никиты Мученика съ высокой, красивой колокольней. Церковь была окружена большимъ садомъ со старинными деревьями. Большой колоколъ Никиты Мученика, когда благовѣстили, издавалъ такой сильный звукъ, что въ отвѣтъ ему дрожали и позванивали стекла въ большихъ рамахъ нашихъ оконъ. Няня говорила, слушая благовѣстъ и глядя на колокольню Никиты Мученика:

— Чуть-что поменьше Ивана Великаго и Царя-колокола.

Черезъ Гороховскій переулокъ, огибавшій церковь, какъ бы прижавшись къ усадьбѣ Межевого Института стояли домики церковнаго причта. Словно деревенскіе домики, весьма плохо сочетались они съ широкимъ размахомъ церкви и Института.

У каменной ограды церкви, у каменнаго водостока, неизмѣнно стоялъ слѣпой нищій. Онъ приходилъ въ опредѣленный часъ, ощупывая дорогу палочкой, становился у желоба и стоялъ часами. Къ вечеру онъ исчезалъ, чтобы утромъ снова появиться на прежнемъ мѣстѣ. Мы, дѣти, подростали, становились гимназистами, а слѣпецъ все приходилъ на свое мѣсто у каменнаго желоба. Бабушка Авдотья Ивановна говорила намъ, что подать милостыню бѣдному — значитъ сдѣлать Божье дѣло. И мы клали копѣечки въ шапку слѣпого, проходя по переулку. Было и радостно, и смутно. Копѣечка, слѣпой, Божье дѣло... Копѣечку и слѣпого мы видѣли, а Божье дѣло заполняло сердце какой-то радостной теплотой и тишиной.

Окна на улицу выходили изъ папинаго кабинета и изъ залы, которая казалась намъ очень большой. Кабинетъ былъ устланъ войлочнымъ ковромъ. Полъ былъ очень холодный. На письменномъ столѣ отца стояли большіе черные мраморные часы, большая бронзовая чернильница съ бронзовыми крышечками, издававшими тонкій звонъ при соприкосновеніи со стекломъ чернильницы. На столѣ лежали тетради, бумаги, счеты, «Русскія Вѣдомости», трубочки и молоточки, которыми папа постукивалъ больную маму, а иногда и насъ. На столѣ, около часовъ, были высокіе, черные чугунные подсвѣчники, изображавшіе танцующихъ одалисокъ, чугунная пепельница съ придѣ-

ланнымъ ножемъ для обрѣзанія сигаръ, спичечница въ видѣ маленькаго чуланчика съ надписью: «**Pour hommes**». Впрочемъ, спичечницу эту ставили въ самый дальній уголъ стола, чтобы она не попадалась на глаза. Хотя иногда, если спички не попадались подъ руку, намъ говорили:

— Дѣти, сбѣгайте къ папѣ въ кабинетъ и принесите «Пуромъ» со спичками.

На столѣ была еще другая небольшая чернильница, перешедшая впослѣдствіи къ намъ въ дѣтскую, когда мы стали «большими» и стали учиться. На крышкѣ этой чернильницы изъ желтой бронзы былъ изображенъ задорный мальчишка съ книжкой подъ мышкой, швыряющій въ кого-то камень. Какъ чуланчикъ съ французской надписью, такъ и эта чернильница были подарками отцу отъ его больныхъ. Надъ столомъ висѣла сумка для бумагъ, съ вышитыми розами по проколотой дырочками бумагѣ.

Рядомъ съ кабинетомъ — зала, она же пріемная для папиныхъ больныхъ. Тамъ стояла мягкая мебель, обитая красной матеріей. Передъ диваномъ — овальный столъ, покрытый вышитой скатертью. На столѣ высокая лампа съ матовымъ абажуромъ въ видѣ лиліи съ просвѣчивавшимися рыцарями и дамами. Подъ лампой круглое плато изъ желудей и шишекъ. Впослѣдствіи, когда мы стали «большими» и насъ начали обучать музыкѣ, въ залѣ появилось піанино темно-краснаго цвѣта, изъ магазина Дюбюкъ.

Комнаты наши были подъ низкими, тяжелыми сводами. Въ папинъ кабинетъ и въ залу насъ пускали рѣдко. Тамъ были больные. Тамъ былъ занятъ нашъ отецъ.

Наши комнаты выходили окнами во дворъ Института. О, этотъ дворъ былъ много интереснѣй улицы! На дворѣ, по нашему представленію, была сосредоточена вся жизнь всего Института. По двору проходилъ директоръ Института, строгій генералъ Апухтинъ, съ сѣдыми усами и сигарой въ зубахъ. Во дворъ выходили окна квартиръ инспектора Ламовскаго, воспитателей Института. По двору проходили всѣ проживающіе въ Институтѣ.

А въ весенніе дни, въ теплую погоду, въ 12 часовъ раздавался звонокъ и изъ распахнувшихся дверей Института высыпали воспитанники. Это было особенно интересно. Шумъ, гамъ мигомъ заполняли весь громадный дворъ. Воспитанники въ черныхъ курткахъ, а лѣтомъ въ парусиновыхъ блузахъ, частью устремлялись въ институтскій садъ, частью разбѣгались по двору. Мы, сидя на окнѣ, были въ полномъ восторгѣ, глядя на ожившій дворъ. Глаза разбѣгались. Не знали, на кого смотрѣть. Такъ все было интересно, ново и увлекательно.

Начинались игры, одна интереснѣе другой. Тутъ была и лапта, и цыганка, свѣчи, городки, попы, чижи, свайка, салки, соловьи-раз-

бойники. Въ углу двора стояли гигантскіе шаги, на которыхъ летали съ заносомъ.

Среди играющихъ воспитанниковъ мы отмѣчали самыхъ ловкихъ, самыхъ быстрыхъ, кто давалъ свѣчи выше всѣхъ, удачнѣе другихъ «салилъ» мячемъ или ловчѣе всѣхъ увертывался отъ мяча. У насъ были свои любимцы, свои герои. Несравненно ловокъ былъ маленькій Пасхаловъ. Выше всѣхъ давалъ свѣчи Пожарскій. Лапта Пожарскаго считалась особенно удачной. Но не всякій могъ съ ней справиться — она была тяжела и очень скользкая. Чтобы ударить этой лаптой по мячу, Пожарскій сначала поплевывалъ себѣ на ладонь. Стали и мы поплевывать себѣ на ладони, когда нужно было взять что-нибудь тяжелое. Изумленіе старшихъ было неописуемо!

— Что это за безобразіе, дѣти! Откуда это вы взяли плевать себѣ на руки?

— А это какъ Пожарскій! — отвѣчали мы не безъ гордости.

Пріемы Пожарскаго были намъ строго запрещены.

Время «перемѣнъ» было для насъ восхитительнымъ временемъ. Оторвать насъ отъ окна не было возможности. Мы любовались, восхищались, восклицали, казалось, живѣшимъ образомъ участвовали въ жизни институтскаго двора.

Но вотъ снова раздавался звонокъ. Игры, оживленіе какъ-то сразу спадали, какъ подсѣченныя. Шумъ и гамъ сразу теряли свою звучность и напряженность. Рѣжущій звукъ звонка побѣждалъ шумъ, движеніе, веселье.

Воспитанники строились по возрастамъ и поротно въ правильные ряды. Это тоже было интересно. Потомъ раздавалась команда, и ряды быстро превращались въ колонны. А послѣ новой, короткой команды воспитателя колонны мѣрнымъ шагомъ шли по двору и, начиная съ самыхъ маленькихъ, втягивались въ ворота и исчезали въ черномъ пространствѣ сводчатыхъ корридоровъ главнаго корпуса. Институтъ поглощалъ шумную толпу воспитанниковъ. Дворъ сразу затихалъ. Но черезъ нѣсколько минутъ всѣ окна всѣхъ этажей заполнялись разсыпавшимися по классамъ воспитанниками. Теперь шумъ и гомонъ несся изъ открытыхъ оконъ.

Но вотъ опять отдаленный, врѣзающійся звукъ звонка. Окна почти одновременно закрываются и шумъ смолкаетъ. Наступаетъ полная тишина. Это начало ученья...

Что это такое ученье? Это тишина послѣ шума. Это остановка движенія послѣ бѣга и веселья. Съ нѣкоторымъ разочарованіемъ слѣзаю съ широкаго подоконника. Братъ Паша уже достаетъ съ полочки книжку и начинаетъ читать. Онъ самъ научился читать. Это вышло какъ-то само собой, незамѣтно для всѣхъ.

Когда дворъ затихалъ, насъ водили въ Институтскій садъ. Это былъ большой, старый садъ съ прудомъ въ высокихъ берегахъ. Посреди пруда былъ насыпанъ круглый, высокій островъ съ мрамор-

нымъ памятникомъ посрединѣ. Памятникъ былъ поставленъ въ ознаменованіе посѣщенія этого мѣста какою-то императорской особой. На островъ вели два деревянныхъ мостика безъ перилъ, по которымъ изъ-за ихъ ветхости запрещено было ходить. Вокругъ пруда шла широкая аллея, обсаженная серебристыми тополями. Поверхность пруда была часто задернута тиной, которая періодически переходила съ одной его части на другую. Прудъ въ высокихъ берегахъ похожъ былъ на громадную корзину, на днѣ которой лежала черно-зеленая неподвижная ткань. Зимой съ высокихъ береговъ устраивалось катанье на санкахъ и на конькахъ. На пруду расчищался катокъ. И горы, и катокъ были привлекательнѣйшими мѣстами сада зимой. Радости зимняго спорта пришли позднѣе, когда мы стали подрастать и уже стали ходить въ гимназическихъ кэпи съ серебряными лаврами и съ монограммой «М. 2. Г.».

А пока, въ раннемъ дѣтствѣ, наше вниманіе въ Институтскомъ саду привлекало старое-престарое дерево съ громаднымъ чернымъ дупломъ. Дерево было въ концѣ сада и прижималось къ высокому деревянному забору, выходившему въ глухой переулокъ за садомъ. Намъ говорили, что въ старомъ дуплѣ живутъ совы и филины. Съ этими птицами у насъ соединялось представленіе о чемъ-то таинственномъ. Совы и филины живутъ въ развалинахъ старыхъ замковъ. Намъ объ этомъ читала Юлія Михайловна. Они плачутъ по ночамъ, и крики ихъ предвѣщаютъ несчастіе. Но вотъ однажды намъ принесли изъ сада крошечныхъ совушекъ, только что вылупившихся изъ яйца. Онѣ были какъ шарики, были очаровательны. Всю таинственность, окружавшую ихъ, какъ рукой сняло. Черное дупло стараго дерева, въ которомъ вывелись совята, перестало пугать.

За садомъ виднѣлись трубы газоваго завода. Изъ-за него доносились иногда рѣзкіе, иногда протяжные желѣзнодорожные свистки. Это былъ Курскій вокзалъ. Глядя въ сторону, откуда доносились протяжно зовущіе свистки, няня Акулина, вздыхая, говорила:

— А вонъ тамъ наша Тульская сторона... Тамъ наша деревня.

Фраза обрывалась не то вздохомъ, не то подавленнымъ всхлипываніемъ.

Мы смотрѣли въ сторону Курскаго вокзала, видѣли тамъ, вдали, далекую церковь съ куполами. Съ этой церковью, съ желѣзнодорожнымъ свисткомъ, жалобнымъ и зовущимъ, съ печалью нашей няни Акулины — связывалось первое представленіе о деревнѣ, о какой-то Тульской сторонѣ, гдѣ были господа Брещенскіе, у которыхъ наша няня была какой-то крѣпостной... Няня наша не любила разсказывать о деревнѣ. Она говорила, что теперь она «отрѣзанный ломоть» и что ей возвращаться въ деревню некуда. Няня вздыхала, а изъ глазъ ея капали слезы. Видѣть эти слезы мы не могли спокойно. Прижавшись къ нянѣ Акулинѣ, мы тоже тихо плакали. Эти слезы сближали

насъ, дѣтей, съ нашей няней Акулиной, и наша дружба, становившаяся все болѣе тѣсной, сохранилась надолго.

Противъ оконъ нашей квартиры, черезъ большой дворъ, была квартира одного изъ воспитателей Института, Н. И. Юденича. Въ семьѣ Юденичъ, съ которой мы, дѣти, довольно скоро познакомились и подружились, была наша сверстница, дѣвочка Кавочка. Кавочка стала нашей общей любимицей. Прогулки по двору или въ саду утрачивали интересъ, если Кавочка почему-либо не выходила гулять. Когда младшій братъ Володя, еще на рукахъ у кормилицы, начиналъ плакать, Ульяна, его кормилица, подходя къ окну громко заявляла:

— Буде плакать-то! Эна Кавочка идетъ!

И Володя переставалъ плакать.

Въ семьѣ Юденичей былъ Коля Юденичъ, стройный, красивый юноша. Онъ былъ много старше насъ. Смотрѣлъ на насъ свысока. Мы же любовались имъ и все, что онъ дѣлалъ или говорилъ, казалось намъ непререкаемымъ. Нашему восторгу не было конца, когда Коля Юденичъ однажды появился на институтскомъ дворѣ юнкеромъ Александровскаго Военнаго Училища. Черезъ два года мы уже видѣли его въ гусарской формѣ. Это было интересно и исполняло насъ гордостью.

— Коля Юденичъ, съ нашего институтскаго двора, сталъ гусаромъ.

Потомъ жизнь развела насъ въ разныя стороны. И только великая война и кавказскіе подвиги ген. Юденича заставили снова испытать чувство радости...

— Вѣдь это Коля Юденичъ, съ нашего институтскаго двора!

Межевой дворъ помнитъ еще одну «знаменитость».

Наше вниманіе нерѣдко привлекалось восклицаніемъ все той же Володиной кормилицы Ульяны, которая большую часть дня проводила сидя у окна съ Володей на рукахъ. Кормилица замѣчала:

— Вона, опять Настенька пошла!

Не замѣтить Настеньку на Межевомъ дворѣ было невозможно. Она такъ выдѣлялась на его суровомъ и довольно однообразномъ фонѣ.

Это была молоденькая дѣвушка, всегда ярко и нарядно одѣтая. На головкѣ шляпка съ перьями, а иногда съ цѣлой птицей. Платье въ оборкахъ и бантахъ. Башмачки на высокихъ каблучкахъ... Всѣ подробности костюма Настеньки громко перечислялись кормилицей и няней. Онѣ обѣ восторгались Настенькой и искренне любовались ея костюмомъ.

А когда черезъ нѣкоторое время, по тому же двору, проходили въ садъ Настенька и кончавшій Межевой Институтъ молодой, красивый воспитанникъ Вербицкій, — няня и кормилица приходили въ полный восторгъ.

— Вотъ это парочка, такъ парочка! — восклицали онѣ, любуясь красивой, стройной дѣвушкой и не менѣе красивымъ юношей съ вьющимися черными волосами.

Это была Настенька Зяблова и Вербицкій, украшеніе хора Межевого Института, прелестный теноръ, исполнявшій всѣ сольныя партіи въ церковномъ хорѣ. Кто могъ бы тогда помышлять о «Ключахъ счастья», о грядущей извѣстности... Счастье юности было тогда такъ прекрасно.

Соприкосновеніе съ жизнью новаго казеннаго дома было особенно значительно въ церкви Института.

Какъ только тоненькій звукъ маленькаго колокола доносился до слуха старшихъ, намъ объявлялось, что пора собираться въ церковь. Занятія прерывались. Мы поспѣшно убирали разбросанныя вещи и игрушки, мыли руки, переодѣвали свои костюмы и готовились идти въ церковь. Особенно пріятно бывало ходить въ церковь вмѣстѣ съ бабушкой, которая какъ-то вся преображалась, готовясь идти къ церковной службѣ.

Домовая церковь Межевого Института находилась во второмъ этажѣ главнаго зданія. Изъ швейцарской нужно было подниматься по широкой лѣстницѣ, марши которой меня всегда смущали. Они были выкрашены въ черную краску, покрыты чернымъ графитомъ и блестяще натерты воскомъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, я неизмѣнно сравнивалъ ея черныя ступени съ черной икрой.

Церковь помѣщалась въ большомъ двусвѣтномъ залѣ, была свѣтла и просторна. Высокій дубовый иконостасъ имѣлъ нѣсколько рядовъ образовъ, написанныхъ яркими красками. Тутъ и благостный ликъ Спасителя, и Божія Матерь съ Младенцемъ, простирающимъ руки къ народу, Константинъ и Елена, водружающіе крестъ. Воинственный Архистратигъ Михаилъ попираетъ ногой и поражаетъ мечемъ «врага человѣческаго».

Мы становимся у праваго клироса. Это наше обычное мѣсто.

Вскорѣ до слуха доносятся отдаленные мѣрные звуки. Мы ихъ узнаемъ. Это по дальнимъ заламъ Института идутъ въ ногу воспитанники въ церковь. Оглядываться не полагается въ церкви, но и поглядѣть на входящихъ воспитанниковъ очень хочется. За воспитателемъ вплотную, парами идутъ самые маленькіе, какъ мы. Потомъ все больше и больше. Воспитанники вливаются въ церковь, заполняютъ ее стройными рядами. За воспитанниками идутъ «инженеры». эти идутъ уже немного вразвалочку. Это уже старшіе. За воспитанниками появляется директоръ, воспитатели не дежурные и ихъ семьи. Клиросъ заполняется воспитанниками-пѣвчими, со старичкомъ-регентомъ Алабушевымъ во главѣ.

Въ церковь Межевого Института пріѣзжали изъ дальнихъ концовъ Москвы послушать хорошій хоръ, исполнявшій лучшіе образцы духовнаго пѣнія. Въ составѣ хора были очень хорошіе голоса.

Вербицкій и Зиновьевъ славились своими тенорами, Кремневъ и Кореневъ — дискантами.

Среди постоянныхъ посѣтителей церкви Института была семья кн. В. М. Голицына, впослѣдствіи Московскаго Губернатора и Московскаго Городского Головы.

Въ этой церкви мы выростали. Здѣсь слагалось наше религіозно-нравственное воспитаніе. Здѣсь отвлеченное пріобрѣтало реальныя формы. Здѣсь реальность вступала въ борьбу съ отвлеченнымъ. Здѣсь, послѣ ясныхъ и безмятежныхъ дѣтскихъ настроеній, ощущались душевныя колебанія...

Въ первые же годы посѣщеніе церкви Межевого Института въ полной мѣрѣ гармонировало съ тѣмъ, что мы почерпали изъ общенія съ нашей бабушкой Авдотьей Ивановной.

Бабушка Авдотья Ивановна

Нашъ отецъ, Иванъ Николаевичъ, былъ сыномъ священника села Пичины, Шацкаго уѣзда Тамбовской губерніи. О происхожденіи нашей фамиліи бабушка разсказывала слѣдующую исторію. Восходящіе нашего отца носили раньше фамилію Островскихъ, по названію села Островское, и всѣ были духовнаго званія. Однажды на архіерейскомъ экзаменѣ одинъ изъ нашихъ родичей поразилъ архіерея, любителя астрономіи, своими познаніями въ области движенія небесныхъ свѣтилъ. Восхищенный владыка похвалилъ юнаго астронома и сказалъ:

— Отнынѣ ты именуйся не Островскимъ, а Астровымъ, по имени небесныхъ свѣтилъ, ибо движеніе ихъ твой пытливый умъ постигаетъ.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія отецъ былъ отданъ въ духовное училище и оттуда перешелъ въ семинарію. Въ естественномъ порядкѣ вещей онъ долженъ былъ по окончаніи семинаріи стать священникомъ или идти въ духовную академію. Но въ тѣ времена уже многіе семинаристы, не теряя связи съ корнями духовнаго воспитанія, шли въ университеты и избирали себѣ спеціальности по собственному влеченію. Отецъ рѣшилъ стать докторомъ. О своемъ рѣшеніи онъ сообщилъ своему отцу, священнику Николаю Яковлевичу. Не безъ нѣкотораго разочарованія отнесся къ этому рѣшенію сына старый священникъ. Но благословилъ его, далъ на дорогу серебряный рубль и отпустилъ въ Москву устраивать по-новому свою жизнь. Наступили тяжелыя времена для отца. Голоданіе, нужда. Только позднѣе появились грошевые уроки и переписка. Однако,

отецъ всегда бодро и охотно вспоминалъ это время тяжелой борьбы за существованіе. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ вспоминалъ свои встрѣчи съ русскими писателями. Ему приходилось переписывать нѣкоторыя рукописи Толстого, Григоровича, Островскаго и др. По окончаніи университета, молодымъ врачемъ, онъ поступилъ преподавателемъ въ Военно-фельдшерскую школу въ одномъ изъ громадныхъ флигелей Разумовскаго малолѣтняго отдѣленія. Тамъ и сложилась наша семья.

Изрѣдка изъ села Пичины пріѣзжали повидать насъ, а иногда и полѣчиться, наши дѣдушка и бабушка. Дѣдушка Николай Яковлевичъ, сельскій священникъ, поражалъ насъ своимъ громаднымъ ростомъ. Когда ему понадобилось однажды сшить новые сапоги, то у сапожниковъ въ округѣ не оказалось готовой колодки на его исполинскую ногу. Объ этой исторіи съ колодкой часто вспоминали, говоря о дѣдушкиномъ ростѣ. Дѣдушка былъ молчаливъ и, привыкнувъ къ своей деревенской жизни, какъ-то не совсѣмъ уютно чувствовалъ себя въ большомъ городѣ. Онъ не долго оставался въ Москвѣ. Закупивъ для Пичинской церкви нужные предметы и облаченія, возвращался назадъ въ свое село, гдѣ онъ былъ, поистинѣ, пастыремъ добрымъ своего духовнаго стада.

Бабушка Авдотья Ивановна загащивалась у насъ иногда подолгу.

Бабушка! Воспоминаніе о ней — одно изъ самыхъ свѣтлыхъ и очаровательныхъ воспоминаній моего дѣтства и юности. Я не помню человѣка, который бы такъ всегда, неизмѣнно оставался самимъ собой во всѣ минуты жизни, во всѣ переживанія. Какая-то свѣтлая тишина окружала ее. Это было излученіе глубокой сосредоточенности ея внутренней духовной жизни.

Невысокаго роста, всегда въ черномъ гладкомъ платьѣ, состоявшемъ изъ юбки съ большимъ количествомъ мелкихъ сборокъ, шедшихъ отъ пояса книзу, и недлинной прямой кофты. Голова ея была повязана черной шелковой косынкой, убранной гладкимъ, тугимъ повойникомъ, закрывавшимъ ея волосы и уши, по-вдовьи. Тихая, неторопливая поступь, полная сдержанности и достоинства. Тихая плавная рѣчь, мелодичный голосъ, какъ-то удерживаемый въ переливахъ своихъ звуковъ, подчиненный все той же чарующей тишинѣ, составлявшей ея стихію. Красивое, кроткое, озаренное лицо. Даже въ минуты волненія и гнѣва, — а чувство, подобное гнѣву, охватывало ее, когда до слуха ея долетала чья-либо гадкая брань или «черное слово», — оно не теряло озаренности. Напротивъ того, въ тѣ минуты оно становилось особенно яркимъ, заставляя смущенно умолкать нарушителя душевной тишины. Ея прелестные голубые глаза, тонкія черты лица довершали образъ.

Мы всегда любили нашу бабушку и радостно отдавались тому

тихому свѣту, который исходилъ отъ всего ея духовнаго существа. Ея пріѣздъ къ намъ въ Москву былъ для насъ всѣхъ, большихъ и малыхъ, истинной радостью. Въ семьѣ съ ея появленіемъ повышалось настроеніе. Всѣ какъ-то становились лучше и всѣмъ становилось лучше. Съ ея появленіемъ всѣ инстинктивно ощущали, что къ намъ входило что-то новое, что-то такое, что только она одна умѣла принести съ собой.

Милая бабушка! Много душевнаго очарованія связано съ воспоминаніемъ о ней. Ея прикосновеніе къ дѣтской душѣ вызывало смутныя ощущенія какого-то иного міра, въ которомъ она духовно жила. Ея разсказы о святыхъ, о чудесахъ, о подвигахъ отшельниковъ, о героизмѣ мучениковъ, объ усопшихъ, о смерти, о загробной жизни, ея слова о Богѣ, ея ясная мысль, не допускавшая колебаній вѣра — устанавливали цѣлое міросозерцаніе, въ которомъ все было ясно, законченно, гармонично и полно неизъяснимаго очарованія. Загробный міръ, о которомъ говорила бабушка простыми словами, былъ для нея безспорной реальностью, отраженіе которой она видѣла и ощущала въ церкви, особенно послѣ исповѣди и причастія. Умереть — значило, по словамъ бабушки, предстать передъ лицемъ Божіимъ. Такъ все ясно, просто, непререкаемо. Церковь — это преддверіе «того міра», гдѣ нѣтъ печали и воздыханія, гдѣ святые, гдѣ наша мама, гдѣ Богъ...

Мое очарованіе бабушкой выразилось однажды конфузливо сдѣланнымъ ей признаніемъ.

Я былъ тогда еще подросткомъ-гимназистомъ и мечталъ стать художникомъ. Сидя на ступенькахъ крылечка деревенскаго дома около бабушки, которая разсказывала о своемъ путешествіи въ Кіевъ къ преподобнымъ Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ, я залюбовался выраженіемъ ея лица, озареннаго косыми лучами склонявшагося къ закату солнца. Въ саду высились и горѣли мальвы. Листья деревьевъ были пронизаны косыми лучами солнца. Издалека, изъ-за Цны, изъ Чернеевскаго монастыря, слышался далекій звонъ къ вечернѣ. Разсказъ бабушки, вся ея фигура, выраженіе ея лица, такъ гармонировали съ тишиной вечера.

Когда бабушка замолкла, я неожиданно для себя сказалъ:

— Бабушка, я хочу быть художникомъ.

Заявленіе мое было нѣсколько неожиданнымъ. Она знала, что я люблю рисовать, и даже разъ просила, чтобы я нарисовалъ ей церковь того села, въ которомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ служилъ настоятелемъ ея покойный Николай Яковлевичъ, и она не пропускала ни одной службы, развѣ только болѣзнь удерживала ее въ постели.

— А я думала, что ты будешь докторомъ, какъ твой папа. Сколько облегченій отъ страданій приноситъ докторъ! Это Божье служеніе. Почему ты хочешь стать художникомъ?

— Знаете, бабушка, я хочу научиться писать красками, какъ

художники. Тогда я напишу Спасителя, а потомъ Николая Чудотворца, а потомъ васъ, бабушка. Мнѣ это очень хочется...

Я смутился своему признанію. Но оно имѣло смыслъ. Въ моемъ представленіи названныя мною имена принадлежали къ явленіямъ одной и той же категоріи.

Бабушка учила насъ молиться. Вѣрнѣе, она вносила въ нашу молитву нѣчто новое, особенно интимное. Она говорила намъ, что послѣ всѣхъ молитвъ, которыхъ мы много знали и которыя охотно произносили передъ сномъ, нужно вспоминать о томъ, что было сдѣлано дурного въ теченіе дня, вспоминать о тѣхъ, кто нуждается въ помощи, думать, какъ имъ можно было бы помочь, и повѣрять Богу и Ангелу Хранителю печали и заботы, которыя безпокоятъ и смущаютъ.

Каждый изъ насъ, дѣтей, по-своему совершалъ свои вечернія молитвы. Братъ Саша, воспринимавшій все съ особенной живостью и страстностью, будучи еще очень маленькимъ, наслушавшись чтенія Майнъ Рида и страшныхъ сказокъ о разбойникахъ, по собственному почину включилъ въ свою вечернюю молитву новый членъ. Однажды, проходя черезъ дѣтскую младшихъ братьевъ, Саши и Володи, я услыхалъ, какъ Саша своимъ звонкимъ голосомъ произносилъ свою молитву:

— Господи, спаси и помилуй папу, маму, бабушку, Пашу, Колю, Володю и меня, тетей, дядей и всѣхъ православныхъ христіанъ. Дай мнѣ быть хорошимъ человѣкомъ и избави насъ отъ разбойниковъ и орангутанговъ.

Помянувъ затѣмъ покойную маму нашу Елизавету, дѣдушку и всѣхъ усопшихъ православныхъ христіанъ, онъ юркнулъ въ постель.

Я, какъ старшій, замѣтилъ ему:

— Чего ты молишься объ орангутангахъ? Вѣдь ихъ у насъ не бываетъ!

— Нѣтъ, бываетъ! Они дѣтей таскаютъ! Я ихъ не люблю. А бабушка сказала...

Но въ нашъ споръ вмѣшались старшіе, заявляя, что дѣтямъ спать пора. Саша былъ настойчивъ и не скоро сдавался. Завертываясь въ одѣяло и натягивая его на ухо, онъ заявлялъ:

— А я все-таки буду молиться про орангутанговъ и разбойниковъ.

Милый Саша, видно рано пересталъ ты молиться объ избавленіи отъ разбойниковъ и орангутанговъ. Они завелись у насъ и погубили тебя. Да и не одного тебя...

Бабушку никогда не покидало ровное и ясное настроеніе духа. Только одинъ ея разсказъ выводилъ ее изъ равновѣсія и вызывалъ въ ней глубокія переживанія и страданія. Она все могла объяснить волей Божьей и всему подчиниться съ христіанской покорностью. Одно до конца ея дней волновало ее и не укладывалось въ ея цѣль-

ное жизнепониманіе. Это былъ простой, самый простой житейскій случай, вспоминая который она закрывала лицо руками и слезы текли между ея тонкими пальцами.

Случилось это простое событіе въ ея счастливые молодые годы. Она — молодая «матушка», беззавѣтно любящая своего мужа, отца Николая. Любящая и любимая. Любующаяся его благороднымъ видомъ, гордая его служеніемъ передъ престоломъ Всевышняго. Однажды, въ престольный праздникъ церкви, настоятелемъ которой былъ ея мужъ, въ домъ батюшки съѣхались со всей округи гости. Здѣсь были и отецъ благочинный, и батюшки изъ окрестныхъ селъ, мѣстный помѣщикъ, староста и вся сельская аристократія. Всѣ уже сидѣли за столомъ. Отецъ Николай Яковлевичъ поднялся со своего стула, привѣтствуя вновь прибывающаго гостя. Въ это самое время молодая матушка появилась въ гостиной, высоко держа въ рукахъ испеченную кулебяку. Гости встрѣтили матушку и кулебяку шумными привѣтствіями. Подходя къ столу, матушка ногой отодвинула мѣшавшій ей пустой стулъ и торжественно, при восклицаніяхъ гостей, поставила кулебяку на столъ. Отецъ Николай, угощая гостей и не зная, что его стулъ отодвинутъ въ сторону, опускаясь на свое мѣсто, грузно упалъ и растянулся во весь свой богатырскій ростъ. Произошло смятеніе. Однако, всѣ тотчасъ же поняли, что произошло. Быстро все было обращено въ шутку. Но чуткое сердце матушки такъ до конца дней сохранило жгучую боль отъ того, что она оказалась невольной причиной паденія своего любимаго мужа.

Отъ бабушки мы узнавали нѣкоторыя черты изъ жизни и быта сельскаго духовенства.

Для нея служитель алтаря, служитель престола Всевышняго, былъ превыше всѣхъ званій, должностей и состояній. Въ этомъ служеніи высшее назначеніе человѣка. Поэтому ея разсказы о бытѣ сельскаго духовенства были всегда благообразны и полны высокаго уваженія къ духовному сану. Но она въ своихъ разсказахъ не обходила и тѣневыхъ сторонъ быта. Отмѣчая эти стороны жизни сельскаго духовенства, бабушка выступала не строгой обвинительницей, а кроткой печальницей о человѣческихъ слабостяхъ. Въ этихъ случаяхъ, давая неодобрительный отзывъ о духовномъ лицѣ, она неизмѣнно прибавляла смягчающую формулу: «помимо его священства». Иногда мы чувствовали чуть замѣтную шутливую нотку въ ея воспоминаніяхъ о близкихъ ей людяхъ, съ которыми прошла вся ея жизнь. Особенно милы и забавны были ея воспоминанія о дьячкѣ Пичинской церкви, старикѣ Ермилычѣ, который свѣковалъ всю свою жизнь до глубокой старости въ церкви села Пичины.

Это былъ большой, сухощавый старикъ съ сѣденькими волосами, заплетенными въ косицу. Онъ былъ нрава строгаго и угрюмаго. Слылъ блюстителемъ нравовъ. Но когда ему доводилось выпить лиш-

нюю рюмку, онъ приходилъ въ возбужденіе и гремѣлъ своимъ зычнымъ басомъ, понося грѣшниковъ и супостатовъ.

Однажды онъ шелъ вмѣстѣ съ отцомъ діакономъ съ поминокъ, съ села домой. По дорогѣ они повздорили. Дьяконъ былъ во хмелю придирчивъ и язвителенъ. Ермилычъ почувствовалъ себя задѣтымъ и обиженнымъ. Обращаясь къ дьякону, онъ грозно заявилъ, что если дьяконъ не прекратитъ глумиться надъ нимъ, онъ проклянетъ его. Продолжая поносить старика, дьяконъ сказалъ, что онъ еще раньше проклянетъ Ермилыча. Какъ разъ въ это время они подходили къ своей церкви во имя Пятницы Прасковеи. Тутъ дьяконъ воззвалъ:

— Матушка Пятница Прасковея, прокляни дьячка!

Наступила минута молчанья. Но небеса остались безгласными и безотвѣтными. Ермилычъ остался на своихъ слегка пошатывавшихся ногахъ. Нетвердыми шагами они продолжали свой путь.

Въ свою очередь и Ермилычъ громоносно воззвалъ:

— Но и Фролъ — Лаверъ храберъ! Батюшки отцы, Фролъ — Лаверъ! Прокляните дьякона!

И что же? Произошло нѣчто потрясающее... Дьяконъ вдругъ покачнулся, ахнулъ и провалился сквозь землю.

Ермилычъ остановился. Посмотрѣлъ своимъ мутнымъ взоромъ кругомъ. Убѣдился, что дьякона и взаправду нѣтъ больше на землѣ. Почесалъ ниже поясницы, крякнулъ, пробормоталъ нѣчто невнятное о превратности судьбы и побрелъ домой. Шелъ Ермилычъ и покачивалъ сѣдой головой. Совершилось дѣйствительно нѣчто небывалое, единственное въ своемъ родѣ. Судъ Божій. Дьяконъ и дьячекъ прокляли другъ друга, и Фролъ-Лаверъ, къ которымъ воззвалъ Ермилычъ, поразили безчиннаго дьякона.

Хмурымъ, угрюмымъ и задумчивымъ прибрелъ Ермилычъ домой. Дьяконица съ крыльца своего дома, завидѣвъ Ермилыча, кричала ему:

— А гдѣ мой-то? Дьяконъ-то мой гдѣ? Куда онъ запропастился?

Ермилычъ мрачно молчалъ и только поднимаясь на ступеньки крыльца своего старенькаго, покосившагося домика, сумрачно буркнулъ:

— Твой дьяконъ сквозь землю провалился. Я его проклялъ.

Больше ничего нельзя было добиться отъ Ермилыча. Онъ ушелъ въ свой домъ и предался мрачнымъ размышленіямъ насчетъ того, что произошло, насчетъ гибели дьяконской души.

Дьяконица, ворча и на мужа, и на Ермилыча, отъ котораго не могла добиться толку, накрывшись большимъ платкомъ, пошла на поиски запропастившагося мужа. Розыски были долгіе и безуспѣшные. Дьяконъ пропалъ, и слѣдовъ его не стало.

Скликали мужиковъ и пошли искать дьякона по дорогѣ изъ села на погостъ. Заглядывали въ овраги, въ старыя заброшенныя ямы.

Въ одной изъ нихъ, глубокой и заросшей крапивой, оказался дьяконъ.

Оказалось, что выпившій дьяконъ, какъ разъ при провозглашеніи Ермилычемъ анафемы, ввалился въ яму, въ которой по осени мужики сберегали капусту. Яма — дошникъ— была глубока, съ отвѣсными краями. Выбраться изъ нея охмелѣвшій дьяконъ не могъ.

Такъ спасенъ былъ дьяконъ. На слѣдующій день протрезвившихся пришлось мирить. Миръ состоялся. Священникъ пожурилъ ихъ обоихъ. Но общественное мнѣніе села было на сторонѣ Ермилыча. Дьякона на селѣ недолюбливали. Ермилычъ пользовался общимъ расположеніемъ.

Заканчивая этотъ разсказъ, бабушка улыбалась и произносила своеобразно построенную фразу:

— Что смѣху-то тутъ положили!

Вспоминала она и другія исторіи изъ жизни Ермилыча. Образъ старика рисовался грубоватымъ, но цѣльнымъ и законченнымъ, крѣпко вросшимъ въ крестьянскую среду, часть которой онъ составлялъ.

Какъ-то по осени, онъ стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ на лѣвомъ клиросѣ. Привычнымъ, скучно-однообразнымъ низкимъ голосомъ бормоталъ онъ прекрасныя слова прекраснаго псалма: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконія моя...»

Слова псалма разматывались непрерывной лентой, безъ остановки, безъ повышенія или пониженія звука. Слова журчали, какъ ручей, лились нерасчлененными и, казалось, неосмысленными, какъ тѣмъ, кто ихъ произносилъ, такъ и тѣми немногими, кто былъ въ церкви. Крестьяне, взмахивая, широко крестились, съ глубокими вздохами клали поклоны подъ успокаивающій, утѣшающій и умиротворяющій звукъ псалма.

Говоркомъ и наизусть, произнося давно знакомыя слова псалма, Ермилычъ засмотрѣлся въ окно церкви на высокія, желтѣющія березы въ оградѣ церкви, на кресты могилъ, на дорогу, на далекое поле, на синѣющую даль... Его старые дальнозоркіе глаза вдругъ уловили увлекательное зрѣлище. Помѣщичьи борзыя, неподалеку отъ церкви, гнали зайца. Заяцъ, что есть духу, удиралъ отъ погони. Собаки, стелясь, настигали зайца. Разстояніе между зайцемъ и собаками становилось все меньше.

Ермилычъ бормочетъ псаломъ, а самъ весь поглощенъ зрѣлищемъ.

— «Ублажи, Господи, благоволеніемъ Твоимъ Сіона и да созиждутся стѣны Іерусалимскія.

«Тогда благословиши жертву правды... возношеніе... и всесожженіе... Тогда возложатъ...».

Разстояніе между собаками и зайцемъ все меньше и меньше.

У Ермилыча духъ замираетъ... Онъ машинально твердитъ слова псалма, которыя неожиданно для него самого переходятъ въ быстро произносимыя слова:

— «Догоняютъ, догоняютъ, догоняютъ...»

Священникъ съ безпокойствомъ выглядываетъ на него изъ алтаря...

Но собаки въ эту минуту догнали зайца...

— «Цапъ-царапъ!. . . на алтарь Твой тельцы» — неожиданно для себя и для всѣхъ заканчиваетъ Ермилычъ чтенiе псалма.

Укладъ нашей семьи

Мы росли въ скромной обстановкѣ весьма небогатой семьи. Каждое утро и каждый вечеръ нашъ отецъ поднимался въ «лазаретъ» Межевого Института, гдѣ происходилъ прiемъ заболѣвшихъ воспитанниковъ и было нѣсколько палатъ для больныхъ. Днемъ онъ былъ всегда занятъ. Или принималъ больныхъ у себя въ кабинетѣ, или уѣзжалъ «на практику». Мы видѣли его только за завтракомъ, не всегда за обѣдомъ, и рѣдко, рѣдко вечерами, когда онъ бывалъ дома. Но когда онъ оставался дома и, какъ говорилъ, «благодушествовалъ», намъ становилось особенно хорошо. Онъ былъ ласковъ съ нами и принималъ участiе въ вознѣ, которую мы устраивали въ его кабинетѣ. Тамъ Саша звенѣлъ своимъ пронзительнымъ голосомъ, оглушая большихъ и малыхъ. Онъ возился съ одушевленiемъ и отдавался веселью безъ удержа и оглядки. Раскраснѣвшiйся, онъ быстро покрывался испариной, становился весь мокрый и выводился изъ игры, чтобы успокоиться. Но гдѣ тутъ было успокоиться! Нетерпѣливо восклицая: «Мозно, мозно, я успокоился. . .», онъ бросался на коверъ и снова оказывался въ самой гущѣ возни.

Даже серьезный Паша оживлялся и катался по ковру съ увлеченiемъ. Мы съ нимъ по очереди изображали холмогорскихъ коровъ. Становились на четвереньки, выгибали спины горбомъ и сажали на спину маленькаго Володю. Володя заливался хохотомъ и ѣздилъ на холмогорскихъ коровахъ, не жалуясь въ случаѣ паденiя съ не въ мѣру быстрыхъ коровъ.

Прiятно было ходить къ папѣ въ кабинетъ прощаться передъ отходомъ ко сну. Это дѣлали Паша и я, старшiе, когда папа возвращался рано домой. Окончивъ день, мы шли къ нему сказать:

— **Bonne nuit, papa!**

Обычно папа сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и читалъ

«Русскія Вѣдомости» или газету «Врачъ». Онъ курилъ папироску, которая была вставлена въ небольшой янтарный мундштукъ. При нашемъ появленіи онъ откладывалъ свое чтеніе, обнималъ насъ и спрашивалъ, что мы дѣлали въ теченіе дня. Паша начиналъ разсказывать про то, что привлекло его вниманіе. А я какъ-то не могъ ничего найти интереснаго изъ того, что промелькнуло за день. Я напрягалъ память, но ничего не вспоминалъ интереснаго. Пытался придумать. Ничего не выходило. Завидовалъ Пашѣ, какъ это онъ хорошо проводитъ день и такъ хорошо умѣетъ объ этомъ разсказать. Папа крестилъ насъ и цѣловалъ. Отъ него всегда хорошо пахло. Какой-то особенно пріятный запахъ всегда сопровождалъ его. Это было соединеніе запаха табака, одеколона и «филіокома», которымъ онъ слегка покрывалъ свои волосы.

Но такія встрѣчи съ отцомъ были все же не очень часты. Чаще онъ былъ озабоченъ, утомленъ и невеселъ. Иногда до насъ долетали обрывки разговоровъ папы и Юліи Михайловны. Изъ этихъ обрывковъ мы составляли себѣ представленіе, что Юлія Михайловна говоритъ, что нужны деньги на хозяйство, на насъ, дѣтей, а папа озабоченно считалъ на счетахъ и говорилъ, что денегъ не хватаетъ. Такіе разговоры были часты. Послѣ нихъ Юлія Михайловна говорила намъ: «Папу нужно беречь, онъ трудится цѣлыми днями, все для васъ, дѣтей».

Жизнь складывалась такъ, что между нами, дѣтьми, и отцомъ установилась связь черезъ посредство Юліи Михайловны. Она, дѣйствительно, замѣнила намъ нашу умершую маму. Повседневная жизнь проходила подъ ея руководствомъ и попеченіемъ. Авторитетъ отца былъ безконечно высокъ. Но онъ былъ поглощенъ работой и не могъ принимать непосредственнаго участія въ нашей жизни. Юлія Михайловна съ величайшимъ тактомъ и деликатностью становилась все больше и больше основнымъ стержнемъ нашей семьи.

Первое время послѣ смерти мамы, по желанію ея сестеръ, къ намъ поселилась тетя Маша. Она прожила съ нами недолго. Помню, какъ для всѣхъ, даже для насъ, маленькихъ, это сожительство было трудно.

Тетя Маша была маленькая, пожилая женщина, худенькая, съ тонкими чертами лица, всегда съ крѣпко сжатыми губами. Она никогда не улыбалась. Курила она тонкія «пахитоски» и какъ-то особенно прищуривала одинъ глазъ, когда выпускала дымъ. Она была молчалива. А когда начинала говорить — это означало, что она дѣлаетъ кому-то выговоръ или замѣчаніе. Эти замѣчанія относились и къ папѣ, и къ Юліи Михайловнѣ, и къ нянѣ Акулинѣ, и къ намъ. Всѣмъ было какъ-то неловко въ присутствіи тети Маши.

Няня и кормилица Володина говорили про тетю Машу, что она была вдова, была несчастна съ мужемъ, что теперь она злая старуха.

Мы боялись тетю Машу. А когда она говорила намъ, что мы забываемъ нашу маму, мы недоумѣвали. Мы каждое утро и каждый вечеръ молились объ упокоеніи мамы нашей Елизаветы, мы часто ѣздили въ Алексѣевскій монастырь на мамину могилку. А въ минуты безотчетной печали я забивался въ уголъ за диваномъ, гдѣ стоялъ мой ящикъ съ моими игрушками, и тихо плакалъ, пока Юлія Михайловна не извлекала меня изъ моего угла и лаская старалась опредѣлить причину моихъ слезъ. Я не зналъ, какъ объяснить свое состояніе. Никто меня не обижалъ, никакихъ особенныхъ поводовъ къ слезамъ не было. Я говорилъ тогда: «Маму жалко...». Этими словами опредѣлялись не изжитыя еще настроенія, вызванныя смертью мамы. Поэтому указанія тети Маши, что нужно помнить маму, указанія, дѣлаемыя какъ бы съ укоромъ, что маму уже начали забывать, заставляли удивленно поднимать на нее глаза.

Иногда приходилось замѣчать что послѣ разговора тети Маши съ папой, послѣдній выходилъ разстроеннымъ и какъ-то особенно печально глядѣлъ на насъ, и снова мы слышали часто произносимое имъ слово: «сироты».

Если случалось, что тетя Маша уѣзжала отъ насъ на нѣсколько дней погостить къ одной изъ своихъ сестеръ, для насъ всѣхъ наступали радостные дни. Всѣмъ становилось легко. Папа становился веселымъ, разговорчивымъ. Юлія Михайловна улыбалась. Няня шутила. Въ эти дни иногда рѣшали поѣхать за городъ покататься.

Кучеръ Викторъ подавалъ очень большую коляску, запряженную парой разныхъ по росту и масти лошадей. Одна была высокая, тонкая, буланая, другая темная, поменьше. Буланая шла большимъ шагомъ. Ее называли донцомъ. Другая шла мелкой рысью, какъ-то смѣшно подкидывая задъ. Но все это было пріятно и весело. Ни у кого изъ встрѣчныхъ экипажей не было такой золотистой лошади, какъ наша буланая, которую мы любили и которой гордились.

Иногда, по дорогѣ, до насъ долетали замѣчанія извозчиковъ или лавочниковъ:

— Ишь, подобралъ подъ масть! Ловко!

Или мы слышали привѣтствія:

— Никакъ докторскія! Здрасте, Иванъ Николаевичъ, господинъ докторъ, погулять собрались съ семействомъ!

Такъ мы выѣзжали въ Сокольники, въ Богородское, въ Перово. Поѣздки эти «на дачу» были очень занимательны. Отецъ закуривалъ сигару и благодушно шутилъ. Всѣ были веселы и довольны. Всѣмъ было хорошо и отъ того, что мы ѣхали всѣ вмѣстѣ «на дачу», и отъ того, что съ нами не было тети Маши, а были и папа, и Юлія Михайловна. Всѣ были довольны. Даже угрюмый кучеръ Викторъ ухмылялся и, показывая съ козелъ кнутовищемъ, говорилъ отцу:

— А вотъ мы тутъ съ вами, Иванъ Николаевичъ, лѣчили. Только теперь они переѣхали отселя за Москва-рѣку.

Въ Сокольникахъ прогулка обыкновенно кончалась чаепитіемъ у самоварщицъ. Въ рощѣ подъ старыми соснами были разставлены или, вѣрнѣе, врыты въ землю столики и скамейки. Тутъ-то и происходило чаепитіе у самоварщицъ на чистомъ воздухѣ. Еще въ рощѣ насъ встрѣчали самоварщицы возгласами:

— Чайку, чайку-то покушать не угодно ли! Подъ тѣнью! Самоварчикъ кипитъ! Ко мнѣ пожалуйте!

По мѣрѣ приближенія къ столикамъ такія приглашенія становились все чаще и громче. А у самыхъ столиковъ поднимался настоящій гвалтъ.

— Ко мнѣ, ко мнѣ чайку покушать! Ко мнѣ пожалуйте! У меня-то самоваръ кипитъ!

Завидя отца, къ нему подходила худая женщина съ печальными глазами. И низко кланяясь, какимъ-то совершенно непохожимъ на другихъ голосомъ, говорила:

— Батюшка, Иванъ Николаевичъ, ужъ пожалуйте ко мнѣ, окажите милость. Живо самоварчикъ будетъ готовъ.

Это была наша Матреша изъ Разумовскаго. Мы здоровались съ ней и направлялись къ ея столику. Матреша проворно накрывала столъ пахнущей мыломъ, свѣжей тканой красной скатертью, разставляла чашки и стаканы, приносила крынку молока, черный хлѣбъ, нарѣзанный толстыми ломтями. Юлія Михайловна развертывала узелки съ чаемъ, сахаромъ, ватрушками, крутыми яйцами и прочими закусками. Появлялся кипящій самоваръ, и начиналось чаепитіе на чистомъ воздухѣ. Для насъ, маленькихъ горожанъ, это было большимъ наслажденіемъ. Все было особенно вкусно на свѣжемъ воздухѣ. А изъ трубы самовара валилъ отъ сосновыхъ шишекъ густой бѣлый дымъ, который пріятно пахнулъ и, какъ говорили, отгонялъ комаровъ.

Отецъ закуривалъ сигару. Матреша, подпершись рукой и склонивъ свое печальное лицо, полушепотомъ говорила отцу:

— А мой-то, все пьетъ. Душу мою вымоталъ. Все, что заработаю, пропиваетъ... и дѣтей не на кого оставить... а дочка все кашляетъ... Ужъ вы, батюшка, Иванъ Николаевичъ, не оставьте... Онъ только васъ однихъ и слушаетъ...

— Присылай, присылай его ко мнѣ. Пусть придетъ. А ты, Матреша, не кручинься. Онъ у тебя человѣкъ хорошій. Богъ дастъ и образумится. А дочку провѣдать заѣду.

Сосѣдніе столики заполняются все болѣе и болѣе. Кое-гдѣ поднимается шумъ, начинается кое-гдѣ нескладное пѣніе, гдѣ-то раздаются визгъ и громкій хохотъ...

Юлія Михайловна поспѣшно завертываетъ чай и сахаръ. Все это, вмѣстѣ съ остатками закусокъ, оставляется Матрешѣ. Матреша

отказывается взять отъ отца деньги. И только послѣ настойчиваго требованія, застѣнчиво опускаетъ въ карманъ полученныя деньги.

Чаепитіе кончено. Мы выходимъ къ краю Сокольничьей рощи, гдѣ стоятъ «собственные экипажи». Находимъ Виктора сладко дремлющимъ въ коляскѣ. Усаживаемся и отправляемся домой.

Вскорѣ тетя Маша оставила нашу семью. Укладывая свои вещи, она шумно вздыхала, и до насъ долетали ея слова:

— Бѣдныя дѣти!..

Послѣ отъѣзда тети Маши въ нашей семьѣ сталъ прочно укладываться новый строй, стали укрѣпляться новыя отношенія, которыя остались до конца. Центромъ нашей жизни стала Юлія Михайловна. Намъ говорили, что мама, умирая, поручила насъ, дѣтей, заботѣ и попеченію Юліи Михайловны. И это порученіе, данное умирающей матерью, было свято выполнено.

Все дальнѣйшее въ нашей семьѣ связано съ Юліей Михайловной и въ значительной мѣрѣ опредѣлялось ея умнымъ и добрымъ вліяніемъ. Естественно поэтому, и для насъ, дѣтей, какъ-то даже мало замѣтно, черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1878 году, положеніе Юліи Михайловны въ нашей семьѣ закрѣпилось ея бракомъ съ нашимъ отцомъ.

Съ отъѣздомъ тети Маши и послѣ смерти дѣдушки Павла Денисовича, къ намъ иногда пріѣзжала провѣдать насъ бабушка Екатерина Сергѣевна Кобелева. Ея пріѣздъ имѣлъ цѣлью посмотрѣть, какъ растутъ дѣти и все ли въ порядкѣ въ нашей семьѣ.

Бабушка появлялась къ намъ въ каретѣ, въ сопровожденіи какой-нибудь совершенно безцвѣтной приживалки. Въ зимнюю пору, послѣ рѣзкаго звонка, на который бѣжали со всѣхъ ногъ и прислуга и няня, въ перднюю медленно вползала шарообразная фигура, укутанная въ салопъ, шали, платки, капоръ и капюшонъ. Фигура эта ворчала, пока ее раскутывали. Ворчала на то, что ей долго не отпирали, что на дворѣ лютый морозъ, что напрасно она вздумала ѣхать въ такую даль въ этакую стужу... съ Сивцева Вражка къ Никитѣ Мученику. Процедура освобожденія бабушки отъ теплыхъ одеждъ продолжалась довольно долго. Въ это время торопливо насъ, дѣтей, приводили въ порядокъ, осматривали, наставляли, какъ вести себя съ бабушкой.

Между тѣмъ бабушка входила въ залу и усаживалась посреди дивана. Приживалка передавала ей въ руки шкатулку и пододвигала подъ ноги скамеечку. Бабушка ставила шкатулку подлѣ себя и старалась не снимать съ нея руки. Въ этой шкатулкѣ, какъ говорили, были всѣ драгоцѣнности бабушки. Она не разставалась съ ними ни при какихъ обстоятельствахъ жизни. Въ гости она ѣздила съ этой шкатулкой, вызывая насмѣшки и ѣдкія замѣчанія нашей няни.

Бабушка осматривала насъ. Именно осматривала. Она насъ ни о чемъ не спрашивала, никогда намъ ничего не говорила, а переводя свои недобрые глазки съ одного на другого, жевала губами и что-то ворчала. Намъ было неловко при такомъ осмотрѣ и мы радовались, когда насъ отпускали отъ нея. Мы опрометью убѣгали подъ защиту нашей дѣтской, куда бабушка не заходила.

Бабушкѣ носили чай съ вареньемъ въ залу. Временами торопливо выходила Юлія Михайловна и, волнуясь, дѣлала какія-нибудь распоряженія.

Черезъ нѣсколько томительныхъ часовъ бабушка собиралась въ обратный путь. Начиналось долгое одѣваніе въ платки, шали, въ салопъ. Долго натягивали высокіе бархатные сапоги на заячьемъ мѣху. За всѣмъ этимъ мы подглядывали изъ нашей дѣтской, забравшись на стулья и отогнувъ кончикъ занавѣски, закрывавшей стекло, вдѣланное въ верхней части двери.

Проводивъ бабушку, няня съ горничной Анютой дѣлились впечатлѣніями. Мы узнавали отъ нихъ, что бабушка злая старуха, что она старая вѣдьма, скряга, что она повыдала своихъ падчерицъ за плохихъ мужей, за пьяницъ и кутилъ... что покойный дѣдушка былъ хорошій, но у нея подъ башмакомъ... Узнавали мы и многое другое, напримѣръ, что бабушка боялась простуды и говорила, что сорокъ лѣтъ не была въ банѣ... Эти разговоры смолкали, когда въ дѣтскую входила Юлія Михайловна. Но и она бывала разстроена пріѣздомъ бабушки.

Иногда и со стороны нашихъ тетокъ, сестеръ покойной мамы, производился какъ бы контрольный смотръ насъ, дѣтей. Иногда сами тетки являлись къ намъ, иногда насъ возили къ тетѣ Наташѣ, моей крестной матери, или къ Виноградовымъ. Къ тетѣ Наташѣ мы ходили съ удовольствіемъ. У нея всегда чувствовалось хорошо и уютно. Особенно хороши были у нея сладкіе финики и фарфоровыя статуэтки на подзеркальникахъ. Тутъ былъ раненый французъ, опирающійся на осѣдланную лошадь, тутъ были маркизъ и маркиза, танцующіе менуэтъ, желтый мопсъ, приподнявшій одно ухо и склонившій на сторону свою морду, и многое другое.

Эти смотры насъ перестали смущать, ибо правила благопристойнаго поведенія нами были уже усвоены. Но все же не обходилось безъ неожиданныхъ недоразумѣній. Однажды мы были у тети Наташи. Тамъ были и тетя Лена, и тетя Маша. Мы чинно поздоровались съ тетками, поцѣловали имъ ручки, отвѣтили на всѣ вопросы, въ томъ числѣ и на вопросъ, помнимъ ли мы маму, и начинали уже чувствовать себя внѣ опасности. Но тутъ подвелъ Саша. Онъ забрался между двухъ креселъ и, облокотившись на ихъ локотники, сталъ раскачиваться между ними. Поведеніе оказалось не благообразнымъ, и Саша получилъ замѣчаніе. Но ему, очевидно, не везло въ этотъ ве-

черъ. Вдругъ, неожиданно для всѣхъ, онъ сталъ стягивать съ ноги сапогъ. Тетки вытаращили глаза. Юлія Михайловна бросилась къ нему съ тревожнымъ вопросомъ:

— Саша, Саша, что ты дѣлаешь?

А онъ, стянувъ-таки съ своей ноги сапогъ и улыбаясь своей очаровательной улыбкой, невозмутимо отвѣтилъ:

— А что-жъ, когда она почесалась...

Въ нашей семьѣ рано появились гувернантки-француженки. Еще въ Разумовскомъ, при мамѣ Елизаветѣ Павловнѣ, у насъ появилась мадемуазель Клэръ, которая пробыла недолго, оставивъ по себѣ милое впечатлѣніе своей кротостью, ласковостью, своими разсыпанными по плечамъ локонами и своей неприспособленностью.

Послѣ смерти мамы, исполняя ея желаніе, чтобы дѣти пріучились говорить по-французски, у насъ въ семьѣ жили француженки. Въ то время поставщикомъ гувернантокъ-француженокъ въ небогатыя семьи былъ часовщикъ Тьебо, имѣвшій небольшой часовой магазинъ на Мясницкой, близъ Златоустинскаго переулка. У него постоянно находили пріютъ остававшіяся безъ мѣста француженки и швейцарки.

Первый опытъ съ рекомендаціей г. Тьебо былъ не изъ удачныхъ.

Въ нашемъ домѣ появилась маленькая француженка въ очень высокой прическѣ съ буклями, завитушками и начесомъ на лобъ. Она была вся въ бантикахъ и ленточкахъ и внесла въ нашу тихую семью какой-то шумъ и суматоху. Она громко смѣялась и еще громче непріятно пѣла какія-то французскія пѣсенки. Особенно выразительно у нея выходилъ припѣвъ, который она часто повторяла:

— **«Vous voulez posséder mon cœur!»**.

Мадемуазель Сешо не долго прожила у насъ. Она быстро исчезла послѣ того, какъ появилась однажды изъ сада Института съ растрепанной прической, въ помятомъ костюмѣ, въ слезахъ, и съ громкой жалобой на то, что воспитанники Института обошлись съ ней очень нехорошо. Всхлипывая, она говорила:

— **Ah, comme ils sont vilains, ces jeunes gens! Comme ils sont malhonnêtes!**

Но восклицанія мадемуазель Сешо не вызывали сочувствія у няни. Няня была возмущена поведеніемъ француженки. Авторитетъ м-ль Сешо палъ безнадежно. Она исчезла съ нашего горизонта.

На ея мѣсто появилась полная ея противоположность. Если Сешо была маленькая, кругленькая, вертлявая, въ завитушкахъ и бантикахъ, то ея замѣстительница, мадемуазель Жозефинъ, была высокая, темноликая, съ низкимъ груднымъ голосомъ, суровая по ви-

ду, по манерамъ и по всей осанкѣ. Сначала Жозефинъ внушала намъ чувство страха. Жозефина «черная», высокая какъ гренадеръ, такъ ее сразу прозвали у насъ въ семьѣ. Но очень скоро изъ-за суровой внѣшности на насъ выглянуло доброе и милое существо добраго и хорошаго человѣка.

Не знаю, насколько она была искуснымъ педагогомъ, но мы быстро къ ней привязались всѣ, и малые, и большіе, и она стала настоящимъ членомъ нашей семьи. Особенно дружила она съ мосье Додо или Додоки, какъ она называла нашего маленькаго Володю. Дружба эта стала обоюдной и неразрывной. Французскій языкъ зазвучалъ въ нашей семьѣ. Маленькіе братья какъ птицы защебетали по-французски. Произошло забавное смѣшеніе двухъ языковъ, русскаго и французскаго.

Саша рѣшительно заявлялъ, глядя въ окно и обращая вниманіе на странно перетянутый костюмъ проходившей по улицѣ дамы:

— Этой дамѣ очень не комодно.

Онъ говорилъ, играя въ куклы, что надѣнетъ на свою куклу «**un jupon crachmalon**» (крахмалонъ).

Показывая отцу свой рисунокъ, онъ старался втолковать недоумѣвавшему отцу, что рисунокъ его изображалъ мальчика, который «песитъ» (ловитъ рыбу).

Съ Жозефиной черной мы прочитали много книжекъ изъ **Bibliothèque Rose**: «**Les malheurs de Sophie**», «**Jean qui grogne et Jean qui rit**» и многое другое. Намъ было пріятно, что эти разсказы написала **Comtesse de Ségur, née Rostoptchine**. Жозефина научила насъ пѣть: «**Malbrouc s'en va-t-en guerre**», «**Au clair de la lune**», «**Frère Jacques**», «**Est-il rien sur la terre qui soit plus surprenant que la grande misère du pauvre juif errant**» и еще и еще разныя французскія пѣсенки.

Временами изъ разныхъ угловъ, на разные голоса раздавались французскіе стихи. Саша звенѣлъ: «**De ta tige détachée, pauvre feuille dessechée, où vas-tu?**» и т. д.

Причемъ эти «де-та-тиж-де-та-ше» сыпались, какъ горошины на столъ, доставляя намъ чисто звуковое наслажденіе.

Не успѣвали еще насладиться звуками «де-та-тиж-де-та-ше», какъ хоромъ начинали произносить «**La Cigale et la Fourmi**», въ которой особенно нравились звуки «**dame nature lui fit tout**». Эти «фи-ту» мы распѣвали подолгу. Кто-нибудь вставлялъ фразу изъ «**Le bon roi Dagobert, qui mit sa culotte à l'envers**». Далѣе шелъ «**pont d'Avignon**» и многое милое, наивное другое.

Шумъ, французскій шумъ, достигалъ такого напряженія, что иногда приходилось водворять порядокъ. Растворялась дверь изъ папинаго кабинета, и раздавался голосъ:

— Тише, дѣти, вы мѣшаете!

— Тише, тише, дѣти! У папы больные. Они подумаютъ, что попали въ сумасшедшій домъ! — повторяла Юлія Михайловна.

Мы умолкали или переходили на стихи, которые произносились обыкновенно тихо и плачевно. Я особенно любилъ: **«C'est la petite mendiante, qui vous demande un peu de pain».**

Любили мы и другой стишокъ, который декламировали съ выраженіемъ и съ жестами: Это было:

Te souviens-tu, disait un capitaine
Au vétéran qui mendiait son pain,
Te souviens-tu, qu'autrefois dans la plaine
Tu détournas un sabre de mon sein?

Жозефина стала нашимъ настоящимъ другомъ, и мы привязались къ ней хорошей и крѣпкой дѣтской привязанностью. Она прожила у насъ нѣсколько лѣтъ и ушла, поступивъ въ большой мѣховой магазинъ Эггерсъ на Кузнецкомъ мосту, только тогда, когда сочтено было, что мы уже достаточно усвоили французскій языкъ и что намъ пора переходить на нѣмецкій. Къ концу своей жизни Жозефина черная снова разыскала насъ и умерла отъ рака, окруженная заботами Юліи Михайловны и няни Акулины.

Во время отъѣзда Жозефины во Францію на нѣсколько мѣсяцевъ, она была замѣнена у насъ русской институткой, Лидіей Павловной, которая должна была обучать насъ русской грамотѣ, французскому языку и другимъ наукамъ.

Лидія Павловна промелькнула въ нашей семьѣ, оставивъ смутное воспоминаніе какого-то сочетанія шумной веселости и воплей отчаянія, громкаго, неудержимаго смѣха и не менѣе неудержимыхъ слезъ и рыданій.

Намъ мало были понятны причины ея веселости и печали. Мы только отмѣчали эти быстрые переходы и невольно связывали ихъ съ нѣкоторыми событіями и явленіями. Такъ, однажды, послѣ долгихъ слезъ и какихъ-то признаній, сдѣланныхъ быстрымъ шопотомъ Юліи Михайловнѣ, Лидію Павловну усадили передъ зеркаломъ и стали причесывать. Ей завили локоны, для чего навертывали ея золотистые волосы на круглую перекладину отъ ножекъ стула. Мы съ любопытствомъ слѣдили за этой операціей, дѣлая свои замѣчанія насчетъ стула и перекладины, пока насъ не прогнали въ дѣтскую. Оказалось, что Лидія Павловна собралась на балъ, гдѣ должна встрѣтиться съ женихомъ.

Веселая, радостная, смѣющаяся, въ разсыпавшихся по плечамъ локонахъ, Лидія Павловна исчезла, напутствуемая какими-то предостереженіями Юліи Михайловны и няни Акулины.

На слѣдующее утро мы нашли Лидію Павловну заплаканной, печальной. Ея локоны утратили прежній веселый видъ и, казалось, тоже плакали. Опять порывистое шептаніе, всхлипываніе и неудержимый разсказъ о чемъ-то очень важномъ и волнующемъ. До нашего слуха долетаютъ отдѣльныя слова: онъ... женихъ... художникъ... не можетъ безъ нея жить... бѣденъ... не можетъ жениться... Вдругъ неожиданный приливъ радости, шумнаго веселья. Лидія Павловна вскакиваетъ съ мѣста. Начинаетъ цѣловать Юлію Михайловну. Подхватываетъ на руки Володю. Кружится съ нимъ. Продѣлываетъ то же съ Сашей. Бросается къ столу. Садится писать и пишетъ, пишетъ весь остатокъ дня.

Однажды Лидія Павловна особенно волновалась и поглядывала на часы въ столовой. На каждый звонокъ въ передней она выбѣгала сама. Пока она куда-то отлучилась, изъ кухни отворилась дверь и въ столовой появился неизвѣстный человѣкъ, видъ котораго всѣхъ поразилъ и привелъ въ смущеніе. Это былъ человѣкъ средняго роста, въ очень длинномъ пальто съ пелериной. Въ рукахъ онъ держалъ черную шляпу съ громадными полями. Вошедшій былъ невѣроятно худъ, съ большой лысиной, длинными волосами, жиденькими прядями спадавшими на пелерину. Острая бородка дѣлала еще болѣе заостреннымъ его худое лицо. Вошедшій остановился у дверей и, переминаясь съ ноги на ногу, сконфуженно оглядывалъ насъ, сидѣвшихъ за столомъ.

— Вы къ Лидіи Павловнѣ? — спросила Юлія Михайловна.

Въ это время въ столовую вбѣжала Лидія Павловна и тоже сконфузившись, стала что-то поспѣшно говорить. Насъ отправили въ дѣтскую. Няня, идя за нами и затворяя въ столовую дверь, ворчливо бросила:

— Ну, ужъ и женихъ! И выбрала себѣ орла! Мокрая ворона!

Послѣ этого посѣщенія, женихъ сталъ появляться каждый день. Онъ поражалъ насъ тѣмъ, что садился въ самый уголъ комнаты и просиживалъ часами, не произнося ни одного слова и едва отвѣчая на вопросы. Онъ усиленно курилъ, свертывая своими желтыми пальцами, съ длинными нечищенными ногтями, толстыя папиросы. Весь онъ былъ осыпанъ табакомъ и пепломъ. Ему давали ѣсть. Онъ ѣлъ съ жадностью, какъ-то неопрятно и грязно.

Женихъ видимо смущалъ и стѣснялъ всѣхъ. Имъ начали тяготиться. Лидія Павловна волновалась и говорила, что скоро все кончится.

И, дѣйствительно, скоро все кончилось.

Однажды женихъ явился въ необычайномъ состояніи. Онъ говорилъ безъ удержу, говорилъ громко, размахивая руками и восклицая. Понять его было невозможно. Во всякомъ случаѣ, мы ничего не понимали. Онъ говорилъ о погибающемъ талантѣ, о человѣческой несправедливости, о глухотѣ и слѣпотѣ людей... Женихъ былъ ка-

кой-то странный. Лидія Павловна плакала и старалась его успокоить. Женихъ утихалъ, чтобы снова начать еще болѣе негодовать и выкрикивать кому-то угрозы.

Онъ курилъ папиросу за папиросой. Закуривая одну изъ нихъ, онъ поднесъ къ лицу зажженную спичку вмѣстѣ со спичечной коробкой. Коробка вспыхнула и опалила лицо, волосы и руки несчастнаго жениха-художника.

Комната наполнилась запахомъ горѣлаго волоса. Горящая коробка спичекъ полетѣла на полъ. А опаленный женихъ со стономъ опустился на стулъ и затихъ. Весь его гнѣвъ и все раздраженіе мигомъ исчезли. Онъ былъ жалокъ и безобразенъ.

Всю эту сцену мы наблюдали изъ сосѣдней комнаты. Дверь поспѣшно затворили и намъ приказали заниматься и не бездѣльничать. Появившійся отецъ осмотрѣлъ жениха. Ожоги оказались незначительными. Только обгорѣли бородка и жиденькія пряди волосъ и бороды. Оказалось, что женихъ явился къ своей невѣстѣ пьянымъ.

Женихъ ушелъ и больше не являлся. Лидія Павловна рыдала и тоже скоро оставила насъ.

Послѣ этого у насъ долго не было гувернантокъ. Мы были рады вновь оказаться въ тѣсномъ общеніи съ нашей няней Акулиной.

Цѣлымъ событіемъ, привлекавшимъ общее вниманіе всего населенія нашей квартиры, было появленіе у насъ татарина или «князя», какъ звали татарина съ узломъ. Появленіе «князя» нарушало обычное теченіе жизни и долго служило предметомъ оживленныхъ разговоровъ.

Изъ кухни вбѣгала въ столовую горничная Анюта и громко, радостно заявляла:

— Князь, князь пришелъ!

Слѣдомъ за ней съ большимъ узломъ на одномъ плечѣ въ столовую входилъ татаринъ, а иногда и два. Ловкимъ движеніемъ плеча онъ сбрасывалъ узелъ на полъ. Узелъ глухо падалъ, отчего дрожали и позванивали стаканы въ буфетѣ. Татаринъ ловко и быстро развязывалъ бичевку, прикрѣпленную къ концу толстаго полотнища, въ которомъ былъ завернутъ его товаръ, садился на корточки и начиналъ его показывать. Это были куски шерстяной матеріи разныхъ цвѣтовъ и узоровъ. Онъ ловко развертывалъ и прикидывалъ на рукѣ матерію, молча выжидая впечатлѣнія. Когда же Анюта, поджавъ губы, говорила:

— Ну, какое старушечье показываешь, князь, ишь, чѣмъ хвастаешь! — татаринъ отбрасывалъ матерію, которая не произвела впечатлѣнія, и еще быстрѣе развертывалъ кусокъ яркой матеріи съ цвѣтами и разводами.

Анюта ахала. Къ матеріи протягивались руки. Ее щупали, разглядывали со всѣхъ сторонъ, смотрѣли на свѣтъ. Опять ахали. И, наконецъ, какъ бы нехотя, освѣдомлялись о цѣнѣ.

Татаринъ тоже, словно нехотя, отводя глаза въ сторону, называлъ цѣну.

Тутъ поднимался настоящій гвалтъ:

— Да что ты, князь, да побойся ты Бога! Да гдѣ такая цѣна видана! Да у нашего Ванюши въ галантерейной лавкѣ надысь я прицѣнивалась..

Покупщицы наперебой возмущались цѣной и принимали обиженный и разочарованный видъ.

Хранившій молчаніе князь вдругъ начиналъ быстро, быстро произносить какія-то маловразумительныя слова. Краснѣлъ, сдвигалъ свою ермолку то на одно, то на другое ухо, хлопалъ себя по колѣнамъ, потрясалъ въ воздухѣ матеріей и, вытянувъ впередъ скуластое, потное лицо, клялся и божился, что цѣна самая дешевая, самая настоящая, что въ городѣ такъ не купишь, что матерія такъ идетъ къ Анютѣ, что лучше и на свѣтѣ нѣтъ...

Такъ перебирались всѣ матеріи князя. Азартъ торга все увеличивался. Потъ градомъ катился съ князя, выхваливавшаго свой товаръ. А окружающимъ татарина доставляло большое удовольствіе и разглядывать товаръ, и спорить съ княземъ, участвовать въ какой-то борьбѣ изъ-за обладанія кускомъ матеріи.

Въ концѣ концовъ, кто-нибудь послѣ ожесточенной борьбы покупалъ-таки нѣсколько аршинъ матеріи. Татаринъ быстро накидывалъ матерію на деревянный аршинъ. Няня строго говорила:

— Эй, ты, князь, ты чего это натягиваешь! Такъ нельзя! Ты. по чести мѣряй!

Татаринъ опять принимался увѣрять, что не перетягиваетъ, ни, ни, ни...

Торгъ кончался. Куски матеріи снова завязывались въ узелъ. Татаринъ спрашивалъ, нѣтъ ли «шурумъ-бурумъ», и, легко вскинувъ на свои могучія плечи тяжелый узелъ, кланялся, немного присѣдая, и уходилъ, сопровождаемый возгласами, чтобы приходилъ еще съ новыми товарами.

Потомъ еще долго разсматривали покупку. Обсуждали цѣну, находили ее вовсе не дорогой. Матерію прикидывали на Дуняшѣ, и, насладившись вдоволь, завертывали въ старую газетную бумагу и бережно укладывали въ красный кованный сундукъ. Когда сундукъ отпирали или запирали, тогда раздавался пріятный и мелодичный звонъ замка съ музыкой. Изъ сундука пріятно пахло камфорой и табакомъ, которые клались туда отъ моли. Крышка сундука была изогнута и оклеена изнутри картинами, портретами царей и генераловъ. Мы съ большимъ интересомъ разглядывали эти картины, пока

насъ не отзывали къ нашимъ прямымъ занятіямъ, прерваннымъ приходомъ татарина.

А занятія наши были очень разнообразны. Тутъ были и всевозможныя игры, игрушки, оловяные солдатики, куклы, кубики, лото. Были и книги съ картинками. Среди этихъ книгъ особенное наше вниманіе и любопытство привлекали двѣ книги: одна, какъ мы говорили, «съ эскимосами», а другая латинская. Книга съ эскимосами была большая и тяжелая, въ толстомъ, темномъ переплетѣ, на толстой синеватой бумагѣ. Эта книга была полна картинъ, изображавшихъ представителей разныхъ народностей. Картины были въ краскахъ. Тутъ были и великороссы, и казаки, и бѣлоруссы, лезгины, лопари, самоѣды, эскимосы, мордва, киргизы, чехи, словаки, сербы; черногорцы... Всѣ въ своихъ національныхъ костюмахъ. Особенно намъ нравился эскимосъ въ шубѣ, съ весломъ и большой рыбой, которую держалъ за хвостъ. Эта книга давала намъ первое представленіе объ этнографіи. Синеватые листы этой книги вспоминаю и сейчасъ съ удовольствіемъ.

Другая книга была еще больше и еще тяжелѣе. Только Паша и я могли поднять ее. Младшіе братья ее поднять не могли, такъ какъ она была велика и тяжела, какъ евангеліе въ церкви. Это была латинская книга въ желтомъ кожаномъ переплетѣ. Чего, чего только въ ней не было... Здѣсь были какіе-то необыкновенные звѣри и птицы, какіе-то знаки и чертежи, изображеніе странныхъ людей въ остроконечныхъ высокихъ шапкахъ, какіе-то уроды, близнецы... Мы часто, когда не знали, что дѣлать, брали эту книгу, перелистывали ее, восклицая надъ изображеніемъ уродовъ. Книгу эту съ особымъ удовольствіемъ и гордостью показывали мы нашимъ гостямъ, такимъ же маленькимъ книговѣдамъ, какъ и мы. Сравненіе рисунковъ «нашихъ» дѣтскихъ книгъ съ изображеніемъ латинской книги приводило насъ къ заключенію, что это книга особенная и чудная. Юлія Михайловна говорила намъ, что эта книга очень старая и относится къ далекимъ вѣкамъ, что это рѣдкая книга и что папа купилъ ее подъ Сухаревкой.

Въ эту раннюю пору мы были хорошо знакомы съ разсказами Водовозова и Чистякова. «Родное Слово» было нашимъ любимымъ чтеніемъ. Съ увлеченіемъ и слезами иногда слушали мы чтеніе вслухъ Юліей Михайловной сказокъ Андерсена про Аллелукоя, про Дюймовочку, Маленькую русалочку, Снѣжную королеву, Оловянаго солдатика и др. Любили Хижину дяди Тома, Киску Бѣляночку и многое другое, раскрывавшее передъ нашимъ воображеніемъ новые міры и вызывавшее новыя настроенія. Чтеніе вслухъ было магическимъ средствомъ, прекращавшимъ всякіе капризы и своенравія.

Очень любили мы вечера, когда папа и Юлія Михайловна уѣзжали въ театръ, а мы оставались съ няней. Мы охотно отпускали Юлію Михайловну, зная, что на слѣдующій день намъ будетъ под-

робно разсказано о томъ, что «представляли» въ театрѣ. Слушать эти разсказы было большимъ наслажденіемъ. Мы знали по разсказамъ Юліи Михайловны содержаніе цѣлаго ряда итальянскихъ оперъ. Знали хорошо Фауста, Норму, Динору, Линду да Шамуни, Марту, Травіату, Аиду, Севильскаго Цирюльника, Пуританъ, Гугенотовъ, Пророка. А папа иногда, когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, напѣвалъ аріи изъ разныхъ оперъ. Отдѣльныя музыкальныя фразы были намъ хорошо извѣстны, и мы, изображая на коврѣ папинаго кабинета цѣлыя оперы, пѣли по-своему и «Марта, Марта, гдѣ ты скрылась», и «Милая Аида, съ тобой я пошутила», и «У Карла есть враги», и многое другое... Подражая намъ, старшимъ, одѣвшись въ нянины платки и шали, Саша и Володя распѣвали собственныя аріи, повторяя имена итальянскихъ артистовъ и названія итальянскихъ оперъ, которыя часто произносили папа и Юлія Михайловна. Володя распѣвалъ: «Зибель, Фаустъ, Маргарита»... Саша звенѣлъ своимъ колокольчикомъ: «Строцци, Зимероски, Патти»...

Тогда же мы слышали имена Крутиковой, Кадминой, Радонежскаго. Знали хорошо содержаніе русскихъ оперъ «Жизни за Царя», «Руслана и Людмилы», «Русалки», «Рогнѣды». Но чаще всего произносились названія итальянскихъ оперъ и итальянцевъ. Аделина Патти, Нильсонъ, Лукка, Скальки, Строцци, Падилло, Джаметъ, Николини, Капуль — все это были знакомыя намъ имена.

Пока папа и Юлія Михайловна были въ театрѣ, няня Акулина занимала насъ разсказами. Она была веселая и сама отъ души смѣялась своимъ выдумкамъ. Но не менѣе непосредственно отзывалась она на чувствительное. Она всхлипывала, когда ея собственные разсказъ или пѣніе касались чувствительныхъ вещей.

Она неизмѣнно утирала слезу, когда пѣла: «Подъ вечеръ осени ненастной въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ и плодъ любви своей несчастной держала въ трепетныхъ рукахъ». Въ ея репертуарѣ оказывались иногда пѣсни, которыя мы впослѣдствіи находили у Кольцова. Она пѣла про «Хуторокъ», пѣла «Два прощанья». Она же замѣчательно выразительно пѣла:

Парашенька, мамашенька, пожалуйте ручку...
— Прочь, прочь отойди, какой безпокойный,
На Парашу не гляди, ея недостойный...

Пѣла про теремъ, въ которомъ

Тамъ огонекъ, какъ звѣздочка,
До полночи горитъ,
А вѣтеръ занавѣсточкой
Тихонько шелеститъ.
Какай-та сила тайная

Меня туда влечетъ,
Какай-та тамъ красавица
Въ томъ теремѣ живетъ.

Она чувствительно пѣла:

Надъ серебряной рѣкой,
На златомъ песочкѣ,
И я дѣвы молодой
Все искалъ слѣдочки.

Пѣла няня Акулина про Хлою, которая «старика сѣдого захотѣла обмануть и вмѣсто парня молодого приласкать и въ гости звать»; старикъ ставитъ лѣсенку къ окошку и поднимается къ Хлоѣ. Она же подставляетъ ему зеркало, послѣ чего старикъ

И полетѣлъ онъ какъ и громъ
И пирщиталъ ступеньки лбомъ.

Слышали мы, какъ Марфуша была въ театрѣ, какъ

Музыка тарарахнула,
И занавѣсъ взвилась.
Марфуша такъ и ахнула,
Слезами залилась.

Но вотъ однажды намъ было объявлено, что насъ повезутъ въ театръ. Какое первое представленіе мы видѣли, я точно не помню. Знаю только, что это былъ балетъ въ Большомъ театрѣ. Театръ завладѣлъ нашимъ воображеніемъ настолько, что отецъ рѣшилъ повременить съ этими развлеченіями. Мы только и говорили, что о театрѣ. Ночью вскакивали съ постелей и бредили театромъ. Только послѣ длительнаго перерыва насъ вновь повезли въ театръ. На этотъ разъ это была опера «Русланъ и Людмила».

Сначала Юлія Михайловна прочитала намъ «Руслана и Людмилу» Пушкина. Потомъ разсказала содержаніе оперы, предупреждая, что мы увидимъ на сценѣ Черномора и большую голову, что этого бояться не нужно и т. д. Словомъ, мы были подготовлены къ воспріятію эстетическаго наслажденія.

Сидѣли мы въ ложѣ. Любовались на занавѣсъ театра, любовались громадной люстрой, низко спускавшейся среди залы. Поражались количествомъ людей въ театрѣ и чувствовали себя гордо и весело.

Музыка не очень останавливала наше вниманіе. Мы больше слѣдили за дирижеромъ Бивиньяни, который размахивалъ палочкой.

Наблюдали за большими трубами и турецкимъ барабаномъ. Но вотъ началось самое представленіе. Занавѣсъ поднялся. Пѣніе, пиръ — все это было, однако, что-то не то. Мы ждали чего-то другого. И вотъ наступила тьма. Прокатился громъ. Барабаны оживились. Юлія Михайловна шепнула намъ:

— Вотъ сейчасъ появится Черноморъ...

— Гдѣ Черноморъ? — громко и съ нѣкоторымъ волненіемъ спросилъ Саша. Ему зажали ротъ руками. Онъ замоталъ головой и сталъ сопротивляться.

Мы были отвлечены этимъ происшествіемъ въ ложѣ и такъ и не видали, какъ Черноморъ похитилъ Людмилу.

Въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ намъ больше нравились танцы. Пѣніе какъ-то задерживало дѣйствіе.

Но вотъ наступило самое страшное дѣйствіе. Русланъ на полѣ, усѣянномъ мертвыми костями. Онъ долго поетъ что-то и отыскиваетъ себѣ мечъ по рукѣ. Вдругъ изъ тумана стала вырисовываться громадная голова. Она становится все яснѣе и отчетливѣе. У меня сердце начинаетъ биться все чаще и чаще. Юлія Михайловна схватываетъ Сашу обѣими руками и что-то шепчетъ ему. А голова все яснѣй и яснѣй... Вотъ она вся открылась... Шевельнулись вѣки, открываются глаза, зашевелились губы...

Я дѣлаю надъ собой усиліе, чтобы улыбнуться. Но ничего не выходитъ. Твержу себѣ мысленно, что это не всамдѣлешное, что это только такъ... Но въ это время Саша громко, на весь театръ, заявляетъ:

— Не хочу больше... Мнѣ надоѣло...

А Володя отвернулся отъ сцены и спряталъ свою мордочку, прижавшись къ папѣ.

Уговорить Сашу остаться и дождаться конца не было возможности. Въ антрактѣ насъ увезли домой.

Усаживая насъ въ карету, папа говорилъ:

— Эхъ, вы, театралы! Головы испугались!

— А зачѣмъ она моргаетъ! — рѣшительно заявилъ Саша.

Передъ гимназіей

Мы стали подрастать. Про брата Пашу и про меня уже стали говорить, что мы большіе. Насъ называли старшими, противопоставляя насъ Сашѣ и Володѣ, маленькимъ, младшимъ. До насъ стали долетать слова отца:

— Скоро нужно будетъ готовить Пашу въ гимназію. Коля еще

можетъ подождать. Эти его изводящія лихорадки... А Пашѣ уже пора.

Гимназія! Это слово было полно значенія. Это что-то очень важное и серьезное, немного страшное. Это вовсе не Межевой Институтъ съ его воспитанниками. Тѣ ничего не стоютъ передъ гимназистами.

Мы знали одного гимназиста. Онъ жилъ у насъ на Межевомъ дворѣ. Это былъ Миша Соснинъ. Большой мальчикъ, очень серьезный, въ очкахъ. Онъ никогда не бѣгалъ по двору съ другими. Мы часто видали его въ Институтскомъ саду. Всегда съ книжкой, всегда серьезный, но очень съ нами привѣтливый и внимательный. Про него всѣ наши всегда говорили очень хорошо.

— Вотъ Миша умница. Это серьезный молодой человѣкъ, развитой и умный, не то, что здѣшніе лоботрясы-межевики.

Почему Миша умный, а межевики — лоботрясы, мы не знали, но какъ-то это связывали съ гимназіей.

О гимназіи мы знали еще кое-что. Нашъ двоюродный братъ Гига Зависѣцкій вышелъ изъ гимназіи съ нѣсколькими своими товарищами, не желая, какъ говорили у насъ въ столовой, кончать гимназію. Гига съ чѣмъ-то не былъ согласенъ, чему-то не желалъ подчиниться. Какую-то реформу какого-то графа Толстого считалъ дурацкой. Онъ вышелъ изъ старшихъ классовъ гимназіи и поступилъ въ юнкерское училище.

А авторитетъ Гиги Зависѣцкаго былъ очень великъ въ нашихъ глазахъ. Мы, конечно, всецѣло были на его сторонѣ и презирали и реформу, и графа Толстого. Гига былъ для насъ недосягаемымъ совершенствомъ... Тѣмъ болѣе, что на стѣнѣ его комнаты висѣло много всякаго оружія. Тутъ были ружья, сабли, кинжалы, ятаганы, пистолеты, рапиры, эспадроны и многое другое, отъ чего мы не могли оторвать восторженныхъ взоровъ. Мы созерцали эти предметы, преисполненные величайшаго почтенія къ ихъ счастливому обладателю.

Нашъ Паша, такъ же, какъ Миша Соснинъ, былъ всегда серьезенъ и всегда занятъ какимъ-нибудь дѣломъ. Бывало, что всѣхъ насъ оставляли на его попеченіе, когда случалось, что старшіе отлучались изъ дома. И въ это время братъ Паша былъ настоящимъ взрослымъ. Его авторитетъ мы всѣ признавали охотно, безъ возраженій.

Готовить Пашу въ гимназію былъ приглашенъ студентъ-медикъ Н. Н. Афанасьевъ. Николай Николаевичъ не былъ похожъ ни на кого изъ тѣхъ, къ которымъ мы привыкли и которыхъ знали. Это былъ очень высокій блондинъ съ длинными волосами почти до плечъ, въ синихъ очкахъ. Онъ былъ такъ высокъ и подслѣповатъ, что ходилъ сильно сутулясь и какъ бы разглядывая передъ собой дорогу. Зимой онъ носилъ большой пледъ, въ который пряталъ свои уши и носъ.

Пледъ былъ накинутъ поверхъ пальто и замѣнялъ собою воротникъ. И зимой, и лѣтомъ на Николаѣ Николаевичѣ была широкополая черная шляпа, а въ рукахъ большая дубинка. Николай Николаевичъ былъ угрюмъ и очень застѣнчивъ. Но когда онъ привыкалъ къ людямъ и переставалъ дичиться, становился веселымъ и даже благодушнымъ, хотя и веселость его была всегда грубовата и нѣсколько неуклюжа.

Какъ шли его занятія съ Пашей, я не очень помню. Знаю, что Паша самъ прекрасно учился и самъ, казалось, безъ труда постигалъ все, что долженъ былъ ему внушить Николай Николаевичъ. Помню больше, какъ Николай Николаевичъ возился съ маленькимъ Володей, таскалъ его на своихъ плечахъ и называлъ его медвѣженкомъ... Помню, какъ послѣ занятій съ Пашей онъ иногда оставался у насъ пить чай или обѣдать. Тогда начинались нескончаемые разговоры между нимъ, Юліей Михайловной и ея братьями. Вскорѣ всѣ начинали горячиться. Завязывался споръ, въ которомъ Николай Николаевичъ высказывалъ какія-то вещи, съ которыми не соглашались другіе. На него махали руками, его называли краснымъ нигилистомъ и еще какъ-то... А онъ, посмѣиваясь, говорилъ:

— Вотъ увидите! Этимъ дѣло и кончится. Другихъ способовъ нѣтъ...

Далѣе слѣдовали слова: рабы, цѣпи, тираны...

— Ну да, ну да, но только не такъ нужно дѣйствовать. Вы Богъ знаетъ, что говорите. Такъ говорятъ только красные...

Что именно говорятъ только красные, мы не очень знали. Поглядывали на Николая Николаевича, на его свѣтло-желтые волосы, на его синіе очки... Ничего краснаго у него не было, и мы плохо понимали, въ чемъ дѣло. Но чувствовали, что Н. Н. говоритъ какія-то страшныя вещи, съ которыми совершенно не соглашаются Юлія Михайловна и ея братья.

Наконецъ, наступилъ давно жданный часъ. Какъ-то осенью, утромъ Пашу повели въ гимназію. Къ завтраку онъ вернулся сіяющимъ. Онъ прекрасно выдержалъ вступительный экзаменъ. И что важнѣе всего, онъ явился домой въ синемъ гимназическомъ кэпи съ лавровыми вѣтками и буквами «М. 2. Г.», а за плечами его былъ ранецъ. Серьезный Паша былъ полонъ внутренней радости, которая свѣтилась въ его глазахъ. Онъ весь сіялъ. Послѣ завтрака онъ попросилъ разрѣшенія пройтись погулять по двору Института. Получивъ это разрѣшеніе, онъ поспѣшно надѣлъ свое новое кэпи и пустой ранецъ и сталъ прогуливаться вдоль всего громаднаго Институтскаго двора.

Такъ началась новая полоса жизни въ нашей семьѣ. Гимназія стала постепенно втягивать насъ и поглощать наши интересы. Кончилось все ясное, безспорное, несомнѣнное. Начались столкновенія неожиданныя, непонятныя, между нашей жизнью, между правдой на-

шей жизни и новой жизнью, которая олицетворялась гимназіей. Мы выходили изъ-подъ защиты семьи и вступали въ непосредственное соприкосновеніе съ новыми людьми въ новой обстановкѣ. Для этихъ новыхъ людей законы нашей семьи часто были чужды, смѣшны и непонятны. Начиналась новая жизнь.

Съ поступленіемъ въ гимназію стало отпадать изъ нашего семейнаго уклада то первобытное, что было такъ очаровательно и о чемъ вспоминаешь теперь съ такой радостью.

Перестали насъ возить въ каретѣ на вербу... А эти выѣзды были такъ занимательны и интересны.

Къ подъѣзду подавали большую карету, почему-то всегда съ плохо затворявшимися дверцами. Въ карету садились отецъ, Юлія Михайловна, четверо насъ, дѣтей. Иногда съ нами бывала наша милая Соня Ильина, наша ровесница и вѣрный другъ. Карета со Старой Басманной, отъ Константиновскаго Межевого Института, медленно двигалась по Покровкѣ, Моросейкѣ и Ильинкѣ къ Красной площади. Однажды она такъ и застряла въ невылазной грязи у «Троицы, что на грязяхъ». Въ каретѣ что-то сломалось, и насъ, дѣтей, на рукахъ вынимали изъ кареты и выносили на сухое мѣсто на тротуарѣ. Было много шума, брани, плача. Но дѣлать было нечего. Пришлось пѣшкомъ возвращаться домой.

У Красной площади, послѣ перебранки съ городовыми, наша карета въѣзжала въ кругъ блестящихъ экипажей и медленно двигалась въ вереницѣ нарядныхъ выѣздовъ московской знати и замоскворѣцкихъ купцовъ.

У насъ глаза разбѣгались. Все было интересно, все возбуждало. И толпы гуляющихъ, и красные шары, и продавцы, выкликавшіе самыя неожиданныя вещи : чертики въ баночкахъ, погремушки, трещетки, все на мгновеніе приковывало вниманіе и немедленно отрывало его для новаго радостнаго восклицанія. Этимъ восторженнымъ восклицаніямъ не было конца въ нашей каретѣ. Громче и неудержимѣе всѣхъ былъ Саша.

— Соня, Соня, смотри, какой змѣй!..

— Гдѣ, гдѣ змѣй?..

— Да не тамъ! Ахъ, какая ты, прозѣвала!

— А смотри, какія птицы! Это всамдѣлешныя?... Папа, я хочу птицу на вѣткѣ...

— А я видѣла, какъ шары улетѣли! — восклицала Соня, хлопая въ ладоши.

— Гдѣ, гдѣ шары улетѣли? — восклицалъ Саша.

— Да вонъ, они зацѣпились за Василія Блаженнаго. Да смотри же, смотри!

— Гдѣ зацѣпились за Василія Блаженнаго? — недоумѣвалъ Саша.

— Ахъ, ты, зѣвака-ворона. Они уже отцѣпились. Вонъ какъ высоко.

— Сама ты зѣвака-ворона! — ворчалъ Саша, вывѣшиваясь изъ окна кареты.

— А вонъ алебастровый фонарь! Юлія Михайловна, папа, купите алебастровый фонарь! Это такъ интересно.

Карета быстро наполнялась шарами разныхъ цвѣтовъ, свистульками, трещетками и другими прелестями, составлявшими полноту дѣтской души. Ликованію не было конца. Младшіе братья и Соня бросались отъ одного окна кареты къ другому. Намъ, старшимъ, было приказано крѣпко держать дверцы кареты, чтобы онѣ не растворились. Проѣзжали мимо Минина и Пожарскаго, возвышавшихся надъ моремъ человѣческихъ головъ и пучковъ красныхъ шаровъ, мимо Лобнаго мѣста... Наконецъ, усталые и счастливые возвращались домой. По дорогѣ Володя засыпалъ, а Саша все щебеталъ, допрашивая Соню — видѣла ли она настоящаго медвѣдя, разноцвѣтныхъ бабочекъ. Дома начинался оглушительный пискъ и трескъ. Это воспроизводилось вербное гулянье. Красные шары къ вечеру сморщивались и не такъ упруго ударялись о потолокъ. Цвѣты блекли. Но радостное чувство вербы оставалось надолго.

Особенно памятны путешествія на грибной рынокъ у стѣны. Это путешествіе совершалось на первой недѣлѣ Великаго Поста. Если всѣ дѣти были здоровы, то всѣхъ насъ забирали съ собой на грибной рынокъ. Уходилъ весь домъ, т. е. вся женская его половина и дѣти. Забирали съ собой горничную Дуняшу и кухарку съ корзинками и кулечками. Шли закупать постную провизію на Великій Постъ.

И чего, чего только не было на этомъ грибномъ рынкѣ! Къ Кремлевской стѣнѣ и ниже, по теченію рѣки Москвы, по набережной тянулись палатки и розвальни. Сюда съѣзжались изъ дальнихъ деревень и дальнихъ монастырей крестьяне и монахи со всякимъ добромъ, заготовленнымъ впрокъ къ Великому Посту. Тутъ главнымъ образомъ были грибы. Отсюда и названіе рынка. Горы сушеныхъ грибовъ! Нанизанные на веревки или на мочалки, отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ, грибы висѣли въ палаткахъ или лежали цѣлыми горами на розвальняхъ. Цѣлые чаны, кадки, кадушки съ солеными груздями, рыжиками стояли длинными рядами вдоль набережной. Сушеные фрукты, моченыя яблоки, соленые огурцы, квашенная капуста, варенье разныхъ видовъ, рыба, селедки разныхъ сортовъ, чудовищныхъ размѣровъ бѣлуга. Изобиліе меда въ сотахъ и безъ воска. Наконецъ, воскъ бѣлый и желтый и восковыя свѣчи. Горы глиняной и деревянной посуды. Все это было въ изобиліи и поражало яркостью красокъ. Продавцы лихо выхваляли свой товаръ. Монахи

безшумно, но проворно продавали, укладывали въ мѣшечки и кулечки свой товаръ, быстро сдавали сдачу и со словами: «Спаси Христосъ!» — отпускали покупательницу. Сбитенщики приглашали погрѣться горячимъ сбитнемъ. А толпы народа съ кувшинами, лукошками, кулечками и мѣшечками нескончаемыми вереницами двигались между рядами соблазнительнаго товара. Вся Москва перебывала на этомъ грибномъ рынкѣ. Подъ ногами образовывалось какое-то мѣсиво изъ грязнаго снѣга, пролитаго разсола и отбросовъ громаднаго рынка. Надъ рынкомъ стоялъ какой-то острый запахъ — разсола и сушеныхъ грибовъ и чего-то не особенно пріятнаго. Шумъ, говоръ, восклицанія не смолкали, пока въ вечернемъ воздухѣ не раздавались унылые, протяжные звуки великопостнаго колокола, призывавшаго къ вечернѣ. Тогда рынокъ замиралъ какъ-то разомъ. Монахи крестились и быстро кончали торговлю. Рынокъ затихалъ, чтобы завтра съ утра ранняго начать снова съ новой силой и неутомимостью.

И мы съ Юліей Михайловной, няней, Дуняшей и кухаркой ходили по рядамъ, пока всѣ кульки и корзины не были наконецъ заполнены. Но скоро рынокъ и горы грибовъ утомляли наше вниманіе. Мы начинали заглядываться на Кремль, на Кремлевскія стѣны, башни, на золотыя главы соборовъ. Навсегда сохранилось въ памяти сочетаніе впечатлѣній зрительныхъ и слуховыхъ. Чуть вечерѣющее мартовское небо тихо догорающаго дня. Свѣтло-зеленоватое небо съ протянувшимися на немъ длинными и узкими лиловатыми облаками. На этомъ фонѣ кремлевскія башни и зубцы стѣнъ. А въ воздухѣ, прорѣзывая шумъ и гулъ города, печальный великопостный благовѣстъ московскихъ колоколовъ. Дѣтская душа заполнялась неразгаданными настроеніями и радости, и печали... Вечерѣющее небо и звуки церковнаго колокола...

— Ахъ, батюшки, а постнаго-то сахара мы и не купили! — восклицаетъ няня Акулина.

— Какой это постный сахаръ, няня? — спрашиваетъ Саша.

— Да такой, желтый. Да смотри же себѣ подъ ноги, Саша!

— А почему, няня, этотъ сахаръ постный? А нашъ развѣ скоромный? Развѣ нашъ скоромный, няня?

— Да отвяжись ты, какой, право! Смотри себѣ подъ ноги, Саша! Опять въ лужу попадешь. Тутъ вонъ, какъ растаяло... Ну, этотъ желтый, а тотъ бѣлый.

— А почему желтый постный? — продолжаетъ допрашивать Саша, ухвативъ няню за руку.

— Ну, потому, что нашъ черезъ кость прогоняютъ, а этотъ нѣтъ. А вотъ смотрите, это Тайницкая башня. Здѣсь былъ тайный ходъ...

— А куда этотъ тайный ходъ, няня?

— Ну, дѣти, пора домой. Небось устали.

И мы всѣ съ кулечками, полными провизіей, и переполненные

новыми впечатлѣніями, возвращаемся домой, долго подряжая нѣсколькихъ извозчиковъ, которые должны отвезти насъ, уставшихъ, и всю закупленную постную провизію.

Въ нашей семьѣ, какъ и въ цѣломъ рядѣ московскихъ семействъ, особенно старо-московскихъ, коренныхъ, соблюдался благочестивый обычай принимать у себя на дому икону Иверской Божіей Матери. Разъ въ годъ, а иногда и чаще, по случаю какого-нибудь событія въ семьѣ, радостнаго или вызывающаго тревогу, «приглашалась Иверская Божія Матерь на домъ». Такова была обычная сокращенная формула. Задолго отецъ, бабушка Авдотья Ивановна и мама Юлія Михайловна сообща рѣшали вопросъ, когда удобнѣе «принять» Иверскую. Отецъ ѣхалъ къ Воскресенскимъ воротамъ «записаться». Тамъ, надъ воротами, гдѣ помѣщалась часовня Иверской Божіей Матери, перервинскіе монахи принимали запись. Это въ ихъ завѣдываніи была Иверская часовня, и немалые доходы отъ приношеній и доброхотныхъ даяній шли на содержаніе Николо-Перервинскаго монастыря подъ Москвой.

Къ пріему иконы подготовлялись. А вмѣстѣ съ приготовленіями поднималось и настроеніе. Объ этомъ событіи извѣщались наиболѣе близкіе родные и знакомые. Къ назначенному часу въ нашемъ залѣ собиралось довольно много народу. По этому случаю залъ принималъ необычайный видъ. Всю мягкую мебель выносили въ сосѣднія комнаты, коверъ заворачивали въ большую трубку. Въ углу, подъ образкомъ, ставили два крѣпкихъ деревянныхъ стула и накрывали ихъ бѣлой скатертью. Въ сторонкѣ раскрывали ломберный столъ, который тоже накрывали бѣлой скатертью. На столъ ставилась бѣлая миска, наполненная чистой водой. Около сосуда съ водой, въ маленькихъ подсвѣчникахъ, стояли три восковыя свѣчки.

Икону привозили въ разное время. Иногда это было раннимъ утромъ, иногда поздно вечеромъ. Разъ какъ-то икону привезли среди ночи.

Икону развозили по Москвѣ въ громадной каретѣ, выкрашенной въ синій цвѣтъ. На дверцахъ кареты былъ какой-то золоченый гербъ. Икона помѣщалась у задней стѣнки кареты. Монахи въ облаченіяхъ сидѣли на переднихъ сидѣніяхъ, лицомъ къ иконѣ. Карету везъ четверикъ очень худыхъ и невзрачныхъ лошадей, а впереди, пара такихъ же клячъ съ форейторомъ безъ шапки, повязаннымъ краснымъ платкомъ, какъ деревенская баба. На высокихъ козлахъ сидѣлъ кучеръ, и въ зиму, и въ лѣто тоже съ непокрытой головой, иногда въ скуфейкѣ, иногда же повязанный платкомъ. Карета двигалась по городу медленно, грузно. Прохожіе, завидя ее, останавли-

вались, снимали шапки и крестились. Таковы были благочестивые обычаи еще недавняго прошлаго.

Икону поджидали еще на улицѣ. И вотъ съ улицы доносилось:

— Ѣдутъ! ѣдутъ!

Тогда въ домѣ все приходило въ движенiе и устремлялось къ параднымъ дверямъ. Откуда-то появлялись какiя-то старушки. Въ передней широко раскрывались обѣ входныя двери. Въ комнаты врывался холодный зимнiй воздухъ. А вмѣстѣ съ холодомъ въ залу входили монахи въ красно-малиновыхъ шелковыхъ облаченiяхъ. Они потирали руки съ морозу, клали на столъ съ миской металлическiй крестъ и евангелiе, а дiаконъ раздувалъ кадило. Въ комнатѣ распространялся прiятный запахъ ладана и восковыхъ свѣчей. Всѣ приготовленiя дѣлались въ полномъ молчанiи.

Въ это время по лѣстницѣ съ трудомъ вносили большую и очень тяжелую икону. Обычно несли ее отецъ и нѣсколько изъ служащихъ Института. Въ это время наша прислуга и неизвѣстныя старушки поспѣшно бросались передъ иконой на землю, нагибались очень низко, такъ, чтобы икона прошла надъ ними. Это были стародавнiе знаки почитанiя священной иконы. Несшiе икону тяжело дышали. Эти простиранiя передъ иконой мѣшали и затрудняли движенiе. Нужно было такъ слѣдить, чтобы икона не задѣла больно усердствовавшую старушку, особенно, когда нѣкоторыя, изъ особаго усердiя, норовили выгнуть спину или приподнять голову такъ, чтобы икона непремѣнно коснулась ихъ.

Когда икону ставили на покрытые скатертью стулья, начинался молебенъ съ водосвятiемъ. Молебенъ служили быстро, скороговоркой. У монаховъ былъ обычно усталый и равнодушный видъ. Воодушевленiя замѣтно не было. А прiѣзжавшiе съ ними служители съ фонаремъ и свѣчами имѣли видъ угрюмый и скучающiй. Это все не очень вязалось съ возвышеннымъ настроенiемъ ожидавшихъ икону.

Отецъ и бабушка усердно молятся. Молится и братъ Паша. А я поглощенъ новымъ зрѣлищемъ. Разсматриваю большую икону въ золотой ризѣ, смотрю на большой фонарь на большой, толстой палкѣ, прислоненный къ стѣнѣ въ углу. Когда же монахъ начинаетъ читать: «Отъ святыя иконы Твоея, о Госпоже Царица и Владычице, исцѣленiя и цѣльбы подаются обильно...», мы всѣ становились на колѣни. Потомъ освящали воду. Отецъ бралъ миску и шелъ впереди монаха, который кропилъ освященной водой по всѣмъ угламъ. Такъ обходили всю квартиру. Прикладываются къ иконѣ. Монахи получаютъ установленное даянiе и уходятъ въ карету. При выносѣ иконы продѣлывается то же метанiе старушекъ.

Икону увезли. Въ комнатахъ еще долго остается прiятный запахъ ладана и восковыхъ свѣчей. Запахъ чего-то металлическаго сохраняется повсюду. У всѣхъ старшихъ, да и у насъ, нѣсколько раз-

мягченное настроеніе. Никто не говоритъ громко. Всѣ тихи и ласковы другъ съ другомъ. Бабушка, обращаясь къ папѣ, говоритъ:

— А что, сынокъ, — она всегда такъ называла нашего папу — икона эта древняя? Она вѣдь прибыла въ Москву съ Аѳона?

Отецъ разсказываетъ бабушкѣ исторію о томъ, какъ въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича точная копія иконы Иверской Божіей Матери была доставлена съ Аѳона въ Москву, какъ царь и патріархъ встрѣчали эту икону у Воскресенскихъ воротъ, какъ сначала икона была поставлена въ монастырѣ Никола-Большая Голова, на Никольской улицѣ, и лишь потомъ перенесена въ часовню у Воскресенскихъ воротъ. А бабушка вспоминала священное преданіе о томъ, что давно, давно къ Аѳону чудесно прибыла по морю икона Божіей Матери. Икона принята была Иверскимъ монастыремъ и помѣщена на внутреннихъ вратахъ монастыря, именуясь «Вратарницей».

Много и другихъ тихихъ и благочестивыхъ разсказовъ слышали мы отъ нашей бабушки. Настроеніе тишины и благочестія долго сохранялось въ этотъ день. Будто нашу семью посѣтилъ исключительно дорогой и чтимый гость.

Еще одно воспоминаніе ранняго дѣтства связано съ семьей.

Мы почти каждый годъ всей семьей ѣздили въ Троице-Сергіевскую Лавру, къ преподобному Сергію Радонежскому. Къ поѣздкѣ готовились заблаговременно, и настроеніе создавалось у насъ по-дѣтски сосредоточенное. Но поѣздка сама по себѣ была полна захватывающаго интереса. Во-первыхъ, нужно было ѣхать по желѣзной дорогѣ. Ѣхать долго, нѣсколько часовъ. А это само по себѣ было великимъ удовольствіемъ, пить чай въ вагонѣ изъ чайниковъ, которые наполнялись кипяткомъ въ Пушкинѣ, пить чай не изъ чашекъ, а изъ особыхъ, дорожныхъ кружекъ. Это все такъ интересно! Мы брали съ собой въ дорогу самыя необходимыя для насъ вещи. Паша бралъ книжку. Я — перочиный ножикъ и тетрадочку съ декалькомани, съ которой не разставался. Саша — игрушечный пистолетъ «для разбойниковъ» и самую любимую куклу. Володя былъ еще малъ и его самого захватывали, какъ спокойную вещь.

Желѣзная дорога — это предметъ нашихъ постоянныхъ мечтаній. Локомотивы, свистки, вагоны, кондуктора, звонки на станціяхъ — все это волновало, настораживало и увлекало своею силой и предопредѣленностью, неизмѣннымъ порядкомъ. Вагонъ 3-го класса полонъ крестьянъ и богомольцевъ. Въ вагонѣ жарко и пахнетъ чаемъ, чернымъ хлѣбомъ, одеждой и махоркой. Въ тѣ далекія времена на Ярославской жел. дорогѣ еще ходили вагоны стараго типа, безъ сквозныхъ проходовъ, съ боковыми дверцами изъ каждаго отдѣленія

вагона. Кондуктора должны были проходить по узенькой доскѣ, прикрѣпленной къ наружной стѣнкѣ вагона, и черезъ окна провѣрять билеты. Это было страшно, и кондуктора намъ казались особенно храбрыми.

У Троицы насъ поражало то, что Лавра была обнесена стѣнами съ башнями, какъ нашъ Кремль, и вызывало особое благоговѣйное чувство то, что за этими стѣнами покоился преподобный Сергій, почитаніе котораго было особенно велико въ нашей семьѣ. Ощущеніе чего-то таинственнаго и святого и въ то же время чего-то своего, близкаго, родного, особенно чувствовалось именно у Троицы. Фигуры монаховъ. Тихая бесѣда съ ними отца. Какія-то слова, полныя глубокаго значенія. Тонъ этихъ словъ, произносимыхъ старцами, немного суровый, но въ то же время и ласковый, полный печали и упованія. Все это приближало къ чему-то великому, свѣтлому, новому, необычному, всепоглощающему.

А всенощныя у Троицы подъ большой праздникъ! Большой храмъ полонъ народа. Внизу все залито золотисто-красноватымъ свѣтомъ, живымъ, переливающимся, колеблющимся. Это особый, живой, движущійся свѣтъ отъ тысячъ восковыхъ свѣчей. А наверху, подъ сводами въ глубинѣ куполовъ, — миракъ, среди котораго лишь мѣстами просвѣчиваютъ сіянія около ликовъ святыхъ. Громадное паникадило среди храма чуть движется. У «праздника» много большихъ подсвѣчниковъ и неисчислимое количество восковыхъ свѣчей. Отъ нихъ жарко. Ихъ свѣтъ отражается и дрожитъ на окладахъ иконъ и золотыхъ облаченіяхъ духовенства.

Все это очаровательно и значительно. А люди въ тѣснотѣ, нестройными рядами стоятъ въ этомъ торжественномъ храмѣ, усердно молятся. И у всѣхъ этихъ людей сосредоточенныя лица. У однихъ напряженныя, у другихъ свѣтлыя, восторженныя. Залитой свѣтомъ храмъ и таинственный сумракъ куполовъ создаетъ настроеніе не совсѣмъ ясное, которое, вмѣстѣ съ усталостью, мы уносимъ въ номеръ гостиницы, гдѣ будемъ пить чай и ночевать. Ночлегъ въ гостиницѣ у Троицы тоже интересенъ. Благочестивое настроеніе ничѣмъ не нарушается.

Утромъ встаемъ рано. Идемъ къ обѣднѣ. Покупаемъ очень много просфоръ. Для всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Въ просфорнѣ пахнетъ теплымъ тѣстомъ. Послѣ обѣдни служимъ молебенъ у мощей преподобнаго Сергія. Прикладываемся къ его мощамъ. Прикладываемся къ его гробу. Онъ весь изгрызанъ молящимися. Отъ зубной боли помогаетъ, говорила наша няня. Идемъ въ ризницу. Богатая ризница впечатлѣнія не производитъ. Разговоръ отца съ монахомъ, показывающимъ ризницу, слушаемъ безъ вниманія. Устали. Становится скучно. Начинаю, какъ говорила Юлія Михайловна, загребать землю носками. Это вѣрный признакъ усталости.

Послѣ обѣда въ гостиницѣ ѣдемъ къ Черниговской. Въ скиту за-

вершается наше паломничество. Пещеры какъ-то смущаютъ и не нравятся мнѣ. Въ скитъ пускаютъ только мужчинъ. Мы, мальчики, испытываемъ нѣкоторую гордость — вотъ, молъ, насъ, мужчинъ, пускаютъ, а Юлію Михайловну не пускаютъ.

Обратный путь въ Москву менѣе интересенъ. Сказывается усталость. Веземъ, кромѣ просфоръ, много образковъ и иконокъ. А что особенно интересно, веземъ цѣлую Троице-Сергіеву Лавру. Это маленькія деревянныя церковочки, окрашенныя въ тѣ самые цвѣта, что и на самомъ дѣлѣ. Эти церковочки и колокольню можно разставить такъ, какъ онѣ стоятъ у настоящей Троицы. Можно окружить ихъ бѣлыми стѣнами. Это занятіе тихое, овѣянное воспоминаніями о поѣздкѣ къ преподобному Сергію.

Вотъ мы снова на Ярославскомъ вокзалѣ. Выходимъ на вокзальный дворъ. Что тутъ дѣлается! Стоитъ оглушительный крикъ и гамъ. Что это такое! Мы жмемся къ отцу и къ Юліи Михайловнѣ. Они спокойны и продвигаются вдоль пролетокъ извозчиковъ. Завидя насъ съ узелками, извозчики поднимаютъ оглушительный крикъ:

— Эй, купецъ, ваше степенство, ваше сіятельство, со мной, со мной! Вотъ на рѣзвой!

— Баринъ, баринъ, вотъ со мной до Сухаревки, на порядочной!

— Со мной, со мной изволили надысь ѣхать! Эхъ, баринъ!

Крики, восклицанія со всѣхъ сторонъ. Извозчики суютъ отцу въ руки мѣдные ярлыки съ номерами, тянутъ за рукава.

Отецъ отмахивается. Сговариваемся съ двумя извозчиками къ Никитѣ Мученику на Старую Басманную за четвертакъ. Усаживаемся на пролетки. Отъѣзжаемъ. Возницы чмокаютъ губами, понукаютъ. Лошади вяло и нехотя трогаютъ съ мѣста. А намъ вслѣдъ летятъ крики, шутки, прибаутки и угрозы.

— Эхъ, растеряетъ половину! Съ ними, купецъ, не доѣдешь! Вонъ она-то съ норовомъ, а та по дорогѣ сдохнетъ!

Мы выѣзжаемъ съ вокзальнаго двора. Пролетки стучатъ по булыжникамъ московскихъ мостовыхъ. Останавливаемся у запертаго шлагбаума. Передъ нами медленно проходитъ длинный-предлинный товарный поѣздъ. Мы считаемъ вагоны. Имъ счету нѣтъ. Наконецъ шлагбаумъ открывается и мы ѣдемъ дальше. Вотъ Красныя ворота, церковь Трехъ Святителей, Запасный Дворецъ. Вотъ и Старая Басманная. А вотъ и Никита Мученикъ. А тамъ и наша квартира въ Межевомъ Институтѣ.

— Пріѣхали!

Русско-турецкая война

Когда старшій братъ Паша былъ уже въ приготовительномъ классѣ гимназіи, а я начиналъ готовиться къ поступленію въ гимназію, наше общее вниманіе, большихъ и малыхъ, было поглощено войной съ турками.

Сначала въ нашу дѣтскую стали проникать и вторгаться новыя, непривычныя, неслыханныя раньше слова. Турки, башибузуки, паши турецкіе, Балканы, Сербія, Болгарія, Боснія, Герцеговина, Черногорія, братушки... Это были пока слова, восклицанія, негодованіе. Но вскорѣ отдѣльныя слова перешли въ связные разсказы о мученіяхъ христіанъ, о звѣрствахъ башибузуковъ надъ славянами. Разсказы не прекращались и съ новой силой возобновлялись каждый день. Мы уже ненавидѣли турокъ. Башибузукъ стало поносительнымъ словомъ. Это слово вошло въ обиходъ. Если кто изъ насъ учинялъ какую-нибудь бѣду, разбивалъ что-нибудь, торопясь заявить, что «оно само разбилось», то няня кричала намъ: «Эка ты, башибузукъ настоящій! Вотъ я тебѣ...»

Разсказы приходили изъ папинаго кабинета, гдѣ онъ читалъ газеты по утрамъ, а по вечерамъ дочитывалъ то, что не успѣвалъ прочесть раньше. Разсказы о туркахъ и славянахъ онъ приносилъ изъ Межевого Института, привозилъ съ «визитовъ». Наконецъ, разсказы въ изобиліи шли изъ кухни, отъ кухарки Анисьи, которая приносила самыя свѣжія новости съ рынка у Земляного вала и еще больше отъ мясника Морозова и изъ булочной Семенова.

Нужно ли говорить, что все наше самое горячее сочувствіе было на сторонѣ славянъ?

А когда въ «Нивѣ» стали появляться картины Каразина, изображавшія турецкія звѣрства, когда мы, затаивъ дыханіе, смотрѣли на картину, на которой были изображены несчастные болгары, привязанные къ деревьямъ, подъ которыми были разложены пылающіе костры, когда мы видѣли обезумѣвшую мать, отгонявшую палкой орловъ и хищныхъ птицъ, нападавшихъ на ея сыновей, распятыхъ турками, — мы содрогались, и не было предѣла нашему дѣтскому негодованію, гнѣву и жалости...

Но все это были пока только разсказы и картины. Это волновало и мучило, но какъ-то не облекалось еще въ реальныя формы.

Но вотъ дома заговорили, что ужасы на Балканахъ выносить больше нельзя. Пора вступиться за нашихъ братьевъ-славянъ. До нашего слуха стало чаще доноситься имя Аксакова, который призывалъ къ защитѣ братьевъ-славянъ. Вдругъ появилось имя генерала Черняева. Говорили, что ему кто-то мѣшаетъ воевать и вступиться за славянъ. Потомъ мы услыхали новое для насъ слово «волонтеры». Слово понравилось, и мы сами объявили себя волонтерами, собира-

ющимися идти защищать правое дѣло. Услыхали имя купца Хлудова, который на тройкѣ поѣхалъ съ Черняевымъ на Балканы защищать славянъ. Все это было смутно и не очень понятно. Турки, Балканы ... и у насъ въ Москвѣ, около Самотеки, есть Балканы... Почему Хлудовъ поѣхалъ на тройкѣ на Балканы?.. Но вскорѣ все стало ясно для насъ, дѣтей, ясно и просто. Дѣтское чутье быстро разобралось въ сути дѣла и установило точную и опредѣленную точку зрѣнія на вещи, которую не поколебали впослѣдствіи никакіе конгрессы, трактаты и «европейскіе концерты».

А объ «европейскомъ концертѣ» мы тоже имѣли достаточно опредѣленное представленіе. Инженеръ Транковскій, собиравшійся въ «волонтеры», принесъ намъ однажды складную картинку. На ней въ три ряда были изображены портреты всѣхъ дипломатовъ и министровъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Тутъ были и Дизраэли, и Бисмаркъ, и Гумбертъ, и Горчаковъ, и много другихъ важныхъ лицъ. Бумажку эту нужно было сложить въ нѣсколько разъ такъ, чтобы носъ одного министра приходился къ уху другого, глазъ третьяго ко лбу четвертаго и такъ далѣе, пока не получался небольшой квадратъ, на которомъ появлялась отвратительная турецкая рожа. Наверху этого листка было написано: «Европейскій концертъ». Такъ мы и знали, что «Европейскій концертъ» обозначаетъ скверную рожу. Но еще лучше мы знали, что мы, русскіе, должны заступиться за братьевъ-славянъ.

И вскорѣ мы узнали, что это совершается, что русскіе уже вступились за славянъ. Чувство радости, гордости и нѣкотораго волненія охватило насъ. Теперь, конечно, все скоро кончится, и русскіе побѣдятъ турокъ. Вотъ будетъ большое сраженіе. Русскіе и турки будутъ сражаться. Русскіе, конечно, побѣдятъ турокъ. Побѣда! И все кончено. Славяне освобождены. Все такъ ясно, просто, такъ несомнѣнно.

Генералъ Черняевъ и волонтеры стали нашими героями. Портретъ М. Г. Черняева появился въ нашей дѣтской. Мы ходимъ на Курскій вокзалъ провожать волонтеровъ и радостно кричимъ «ура» отходящимъ поѣздамъ.

Но конца все нѣтъ. Все новые и новые разсказы, картины и портреты осложняютъ такую ясную и безспорную для насъ схему: турки мучаютъ славянъ, славяне наши братья. Поэтому нужно помочь славянамъ и побѣдить турокъ. Что можно было возразить противъ такой логики? Но кто-то мѣшаетъ это сдѣлать. Царь хочетъ пойти и побѣдить турокъ. Но что-то мѣшаетъ царю воевать. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы понимали разговоры, происходившіе въ столовой. Опять что-то неясное вторгается въ наше пониманіе и разрушаетъ ясное теченіе и строй нашихъ мыслей и чувствъ.

Но вотъ однажды, вернувшись изъ лазарета, папа громко сказалъ:

— Ну вотъ, наконецъ, Государь объявилъ войну Турціи! Что-то будетъ! Какъ бы намъ опять не помѣшали.

Теперь все жило войной. Скоро мы ощутили, что такое война. Со двора Института многихъ «забрали» на войну. Кое-кто ушелъ добровольцемъ. Въ церкви стали читать особыя молитвы о дарованіи побѣды. У насъ дома стали кроить и шить бѣлье для раненыхъ солдатъ, а вечерами къ намъ приходили «институтскія дамы», жены воспитателей, «щипать корпію» для раненыхъ. На стѣнѣ папинаго кабинета появилась большая карта Балканъ, на которой стали отмѣчать города и мѣстечки, въ которые вступали русскія войска. А въ квартирѣ Юденича была громадная карта во всю стѣну. На ней самъ Николай Ивановичъ Юденичъ, съ помощью сына своего Коли, особыми флажками отмѣчалъ положеніе русской и турецкой армій. Это передвиженіе флажковъ было очень интересно, и мы, приходя къ Кавочкѣ Юденичъ въ гости, съ любопытствомъ разсматривали эти флажки и спрашивали у Коли Юденича:

— Скоро ли мы побѣдимъ турокъ?

На это мы получали утѣшительный отвѣтъ:

— Скоро, скоро! Мы этихъ мерзавцевъ разобьемъ вдребезги!

Но конца все не наступало. Картины «Нивы» и еще болѣе ярко-грубыя литографіи, выставленныя въ лавочкахъ-ларькахъ по Старой Басманной, все больше и больше расширяли въ нашемъ представленіи явленіе войны. Здѣсь былъ и переходъ черезъ Дунай русской арміи у Систова. Здѣсь былъ и взрывъ турецкаго монитора «Люфти-Джелила» лейтенантами Шестаковымъ и Дубасовымъ. Здѣсь были и портреты Императора Александра II, великихъ князей Николая Николаевича Старшаго, Михаила Николаевича и другихъ. Къ великимъ князьямъ мы были равнодушны, а Александра II, съ усталыми и печальными глазами, мы любили. Зато генералы Гурко, Радецкій, Тотлебенъ, князь Имеретинскій, а вскорѣ Скобелевъ, были нашими героями и любимцами. Конечно, у насъ шли споры, кто лучше — Скобелевъ или Гурко. Портреты обоихъ генераловъ, вырѣзанные изъ приложеній къ журналамъ, висѣли надъ нашими кроватями и были почти въ равной мѣрѣ цѣнны для насъ и дороги, какъ образки надъ изголовьемъ. Споры о томъ, кто лучше— Скобелевъ или Гурко, и чей Скобелевъ и чей Гурко, скоро прекратились. Мы признали, что оба очень хороши и оба — общіе. А тамъ картины — геройская смерть майора Гартолова, поднятаго турками на штыки, когда онъ остался одинъ на редутѣ. А тамъ переходъ черезъ Балканы, Шипка, гора св. Николая, Орловскій полкъ повсюду, Ловча, Зеленыя горы, Карсъ, Эрзерумъ, наконецъ, страшная и упорная Плевна. Все это мы знали по-дѣтски отчетливо и ясно, знали и переживали вмѣстѣ со взрослыми, съ волненіемъ и захватывающимъ интересомъ.

Не менѣе извѣстны были намъ и имена Сулеймана-паши, Османа-паши, Реуфъ-паши и другихъ.

Однако, смыслъ войны, страшной и жестокой, раскрылся намъ не столько въ разсказахъ и картинахъ. Этотъ смыслъ почувствовался и отозвался настоящей болью, овладѣвшей всѣмъ существомъ, когда мы впервые увидали раненыхъ солдатъ.

Мимо станціи Люблино, гдѣ мы жили на дачѣ, уже часто пролетали, не останавливаясь, санитарные поѣзда имени царской фамиліи. Мы видѣли эти поѣзда. А старшіе говорили:

— Какіе роскошные поѣзда! Какое удобство! — И тутъ же добавляли: — Счастливчики тѣ, что попадаютъ въ эти поѣзда. Но много ли такихъ счастливчиковъ! А вотъ всѣ остальные, несчастные, тянутся въ товарныхъ вагонахъ. Тѣмъ невыносимо! Тѣ въ ужасныхъ условіяхъ!

Вотъ такой-то товарный поѣздъ съ ранеными мы и вышли встрѣтить однажды на нашу люблинскую платформу. Тутъ дачницы хотѣли напоить раненыхъ чаемъ и раздать имъ мѣшочки съ табакомъ, чаемъ и сахаромъ, передать имъ «гостинцы».

Вотъ тутъ-то и ощутилось то, что не передавалось ни въ разсказахъ о войнѣ, ни на картинкахъ. Тутъ почувствовался смыслъ войны съ какой-то новой стороны. Смыслъ подавляющій, жуткій, неизъяснимый...

Около платформы были приготовлены столы съ кружками для чая и большими кипящими самоварами.

Товарные вагоны были открыты. Въ нихъ на соломѣ лежали и сидѣли люди въ грязномъ оборванномъ бѣльѣ и въ рваныхъ солдатскихъ шинеляхъ. Лица у этихъ людей были изможденныя, худыя, сѣрыя. У нѣкоторыхъ были забинтованы руки, ноги, головы. Особенно, что смущало насъ, это тяжелый запахъ, который несся изъ вагоновъ. Искалѣченные люди были мрачны и молчаливы. Сердце сжималось, когда мы глядѣли на нихъ... Узелочки съ «гостинцами», которые мы принесли съ собой, у насъ взяли и роздали солдатамъ. И тутъ мнѣ стало какъ-то неловко, какъ-то стыдно моего узелочка при видѣ этихъ мрачныхъ и измученныхъ людей.

Послѣ этого поѣзда часто, часто стали проходить мимо Люблина другіе товарные поѣзда, переполненные такими же искалѣченными людьми. Это была война, которую мы видѣли уже не на картинкахъ. Это была настоящая война...

Скоро пошли поѣзда съ военноплѣнными. Мы видѣли опять оборванныхъ людей въ товарныхъ вагонахъ. Это были турки въ фескахъ, чалмахъ или просто въ красныхъ платкахъ, которыми были повязаны головы. Лица у нихъ были смуглыя, глаза черные. Какъ-то особенно сверкали ихъ зубы и бѣлки глазъ. Они были голодны, протягивали руки за хлѣбомъ и что-то бормотали. Странное дѣло! Это были тѣ самые турки, которыхъ мы яростно ненавидѣли, а при видѣ

этихъ людей чувство жалости закрадывалось въ сердце. Глядя вслѣдъ уходящему поѣзду, мы оставались съ недоумѣвающимъ чувствомъ: какъ же это такъ? Вѣдь это турки! А почему же мнѣ ихъ жаль?

Это дѣтское чувство нашло скоро полное подтвержденіе и въ чувствахъ, которыя мы усмотрѣли у нашей няни, у нашей горничной Анюты, у нашей кухарки, да вообще у всѣхъ тѣхъ, кого называли простыми людьми.

Какъ-то разъ къ намъ въ нашу классную комнату вбѣжала горничная Анюта съ восклицаніемъ: «Видѣла, видѣла!»

Оказалось, что она видѣла цѣлый таборъ плѣнныхъ турокъ, которыхъ подъ конвоемъ провели по улицамъ Москвы.

— Какіе они страшные! Глазищами такъ и ворочаютъ! Зубы скалятъ... Ухъ, какіе!..

— Да чего же ты плачешь? — спросила няня, видя, какъ Анюта отираетъ слезы.

— Да ужъ больно жалко! Такіе они жалкіе!

Это было новое воспріятіе войны, которое окончательно сбивало насъ съ толку. Можно ли жалѣть турокъ, которые мучаютъ братьевъ-славянъ?

А время шло. Война балканская порождала новыя впечатлѣнія. Среди насъ появились маленькія дѣтишки съ живыми черными глазами. Это были болгары-сироты. Сколько ихъ было? Кто знаетъ. Но все чаще и чаще мы слышали, что та или иная семья брала къ себѣ на воспитаніе болгарскихъ сиротъ. Монастыри оказывали пріютъ десяткамъ такихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Мы видѣли этихъ дѣтей. А слово «сироты» пріобрѣтало особое значеніе, когда намъ говорили, что родители ихъ замучены и убиты башибузуками.

Въ семействѣ Гурскаленыхъ появился мальчуганъ-болгаринъ, Маноловъ, принятый въ семью какъ родной сынъ. Съ Маноловымъ мы подружились, и эта дружба продолжалась всю гимназію.

Война все затягивалась. А наше отношеніе къ ней, осложнявшееся впечатлѣніями отъ соприкосновенія съ ранеными, съ плѣнными, съ сиротами — оставалось все же неизмѣннымъ: русскіе должны побѣдить турокъ.

Помню наше общее негодованіе, когда до насъ долетѣли чьи-то слова о томъ, что «мы зря вмѣшались не въ свое дѣло». Помню оживленный споръ старшихъ по этому поводу въ столовой. Наше дѣтское сочувствіе было цѣликомъ на сторонѣ тѣхъ, кто негодующе отвѣчалъ этимъ скептикамъ, называя ихъ «нигилистами».

Мы хотѣли окончанія войны. Мы чего-то ждали отъ этого конца. Чего? Конечно, побѣды! Какой? Что такое побѣда? Какъ на картинкахъ!.. Нѣтъ, нѣтъ! Какой-то другой побѣды. Что-то должно восторжествовать. То самое, что побудило русскихъ вступиться за славянъ.

И большое, глубокое разочарованіе овладѣло и нашимъ дѣтскимъ сознаніемъ, когда оказалось, что русскія войска остановились въ виду Константинополя, не войдя въ него, что кто-то помѣшалъ русскимъ побѣдить и спасъ турокъ. Мы не знали, въ чемъ дѣло. Плохо разбирались въ томъ, что говорилось въ столовой. Но чувство разочарованія, даже какой-то малоосознанной обиды было воспринято и нами, дѣтьми.

Это были первыя впечатлѣнія отъ первой войны и первое ощущеніе національнаго чувства.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СЕМЬЯ И ГИМНАЗІЯ

Вступленіе въ гимназію

Наша гимназія, а это была 2-ая Московская классическая гимназія, помѣщалась на Разгуляѣ, въ домѣ, когда-то принадлежавшемъ гр. Мусину-Пушкину. Это былъ большой, старый барскій особнякъ съ классическимъ фасадомъ начала прошлаго столѣтія. Трехъэтажное зданіе было украшено по фасаду красивыми колоннами, покоившимися на выступавшемъ въ средней части нижнемъ этажѣ со сводчатыми нишами. Зданіе гимназіи занимало цѣлую усадьбу съ большимъ садомъ, по краю котораго протекала подъ деревяннымъ настиломъ рѣчка Чечера.

Наша гимназія помѣщалась на скрещеніи двухъ Басманныхъ улицъ, Старой и Новой, неподалеку отъ Елоховской площади, на которой высился прекрасный монументальный храмъ Богоявленія въ Елоховѣ. Этотъ храмъ былъ знаменитъ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія своимъ «вольнодумнымъ» проповѣдникомъ-обличителемъ, послушать котораго съѣзжалась вся Москва. Вся эта мѣстность называлась «Разгуляемъ» — старинное названіе, сохранившее воспоминанія отдаленныхъ временъ. Здѣсь Москва справляла широкую, пьяную, разгульную масляницу.

Дворецъ гр. Мусина-Пушкина, уступившій мѣсто классическому просвѣщенію, былъ въ числѣ усадебъ вельможъ, которые стали заселять пути отъ центра города къ Яузѣ, Нѣмецкой слободѣ, Преображенскому и Семеновскому. Заселеніе этихъ путей относилось къ петровскому времени и къ временамъ Императрицъ. Это были времена упадка Московскаго Кремля и расцвѣта Лефортова.

Я переступилъ порогъ гимназіи еще не будучи настоящимъ гимназистомъ. Старшій братъ Паша былъ уже въ приготовительномъ классѣ и гордо носилъ синій мундирчикъ съ серебряными пуговицами и серебрянымъ галуномъ на стоячемъ жесткомъ воротникѣ. Это онъ водилъ меня по воскресеньямъ въ гимназію на уроки рисованія, къ которымъ допускались и не поступившіе еще въ гимназію мальчики. Въ качествѣ такого любителя рисованія я и переступилъ впервые порогъ 2-ой гимназіи.

Размѣры помѣщенія гимназіи, большая швейцарская, широкая парадная лѣстница не поразили меня. Я привыкъ къ «казеннымъ зданіямъ» и имѣлъ для сравненія Константиновскій Межевой Институтъ, Разумовское отдѣленіе для малолѣтнихъ на Гороховомъ полѣ. Въ гимназіи мнѣ не понравился швейцаръ, къ тому же встрѣтившій насъ не особенно привѣтливо. У него былъ видъ не такой, какъ у швейцаровъ въ Разумовскомъ и Межевомъ. Тѣ были большіе, съ густыми сѣдыми бакенбардами, важные, а въ своихъ ливреяхъ даже великолѣпные, поражавшіе наше воображеніе. А этотъ былъ маленькій, сухенькій, съ жидкими усиками, сердитый.

Намъ указали путь по парадной лѣстницѣ. И она оказалась не такой удобной, какъ въ Разумовскомъ и Межевомъ Институтѣ. Тамъ были широкія, большія ступени, а тутъ онѣ оказались какъ будто немного покаты, а на поворотахъ у массивныхъ столбовъ ступени такъ сужались, что трудно было поставить ногу. Это мнѣ тоже не очень понравилось.

Лѣстница вела въ пріемную. Это была довольно большая, узкая комната, заставленная шкафами съ книгами. Паша сказалъ, что это фундаментальная библіотека гимназіи. Это было ново. Я зналъ только нашу педагогическую библіотеку на Старой Басманной въ домѣ Пріятелева. Мое вниманіе сосредоточилось на рисункахъ, выставленныхъ въ нѣкоторыхъ шкафахъ, и на гипсовыхъ фигурахъ. Паша сказалъ, что лучшіе рисунки учениковъ выставляются въ пріемной комнатѣ гимназіи. Итакъ, вотъ цѣль нашего прихода въ гимназію. Мы пришли учиться рисовать. Кто знаетъ? Можетъ быть, и я нарисую когда-нибудь вонъ ту голову, не съ бородой и волосами, а ту, красивую, того юноши. Съ бородой трудно, а ту — легко... Можетъ быть, и мой рисунокъ будетъ за стекломъ въ пріемной гимназіи, и всѣ его будутъ видѣть.

Паша обращаетъ мое вниманіе на высокія бѣлыя двери. Онѣ заперты. Тамъ говоритъ онъ, актовый залъ, тамъ кабинетъ директора, тамъ производятся экзамены, собираются учителя, происходитъ педагогическій совѣтъ. Тамъ рѣшается судьба всего. Я чувствую, что сердце у меня начинаетъ биться болѣе усиленно. Мнѣ хочется заглянуть въ этотъ актовый залъ и въ то же время я начинаю чувствовать къ нему нѣкоторое нерасположеніе, нѣчто вродѣ страха передъ закрытыми дверями, передъ неизвѣстностью.

Изъ корридора выходитъ высокій старикъ съ сѣдой бородой. Освѣдомившись, зачѣмъ мы пришли, онъ отпираетъ большимъ ключемъ классъ, куда мы и входимъ. Паша шепчетъ мнѣ, что это восьмой классъ, самый главный. Я опять смущаюсь. Какъ это мы такіе маленькіе, попали сразу въ восьмой классъ. Въ большомъ классѣ много свѣту. Желтая кафедра, черная доска, а по стѣнамъ нѣсколько картинъ, изображающихъ какія-то развалины. Мы пришли первыми. Тотъ же старикъ вноситъ гипсовыя фигуры и ставитъ ихъ на кафедру. Кто же это? Паша шепчетъ мнѣ, что это Ксенофонтъ-Анабазисъ и что онъ даетъ звонки въ гимназіи.

Въ классѣ, да и во всѣхъ помѣщеніяхъ, которыя мы прошли, какой-то особенный запахъ. Это запахъ какъ будто графита или сырой полотерной мастики или жидкаго столярнаго клея .Это былъ запахъ гимназіи, который не покидалъ ее во всѣ послѣдующіе годы.

Стали подходить гимназисты. Мнѣ стало еще болѣе неловко. Я одинъ оказался не гимназистомъ, въ клѣтчатой рубашкѣ. А всѣ остальные были въ мундирчикахъ (тогда еще не были введены блузы). Я оказался замѣченнымъ. По моему адресу и особенно по поводу моей клѣтчатой рубашки стали отпускаться замѣчанія. Но вотъ появился еще одинъ мальчикъ не въ мундирѣ, а въ полосатой рубашкѣ. Мнѣ стало полегче.

Какой-то длинноногій гимназистъ направился было ко мнѣ. Обращаясь къ брату, онъ спросилъ: «Это твой братъ? Ему еще не давали смази?» Въ эту минуту въ классъ вошелъ учитель рисованія. Всѣ встали. Всталъ и я, почувствовавъ, что я тоже почти гимназистъ. Долговязый гимназистъ поспѣшилъ на свое мѣсто, бросивъ мнѣ на ходу: «Ну, еще успѣемъ устроить тебѣ смазь!» Что это была за смазь, я въ точности не зналъ. Но это обѣщаніе мнѣ что-то не особенно понравилось.

Учитель рисованія былъ худой, съ усталыми глазами. На немъ былъ синій фракъ съ золотыми пуговицами. Фракъ былъ очень широкъ, и фалды его смѣшно болтались сзади. Это былъ Г. Е. Чижовъ — добрѣйшій, какъ оказалось, человѣкъ. Уставивъ гипсовыя фигуры и предложивъ ученикамъ приступить къ работѣ, онъ подходилъ къ каждому изъ нихъ и дѣлалъ указанія. Наконецъ, Г. Е. подошелъ и ко мнѣ, съ тревогой поглядывавшему, какъ гимназисты принялись за работу. На вопросъ Г. Е., умѣю ли я рисовать и что я умѣю дѣлать, я конфузливо, но увѣренно отвѣтилъ, что рисовать умѣю, а вотъ, что именно умѣю дѣлать, отвѣтить затруднился. Мой отвѣтъ былъ вполнѣ искрененъ. Дома я считался чуть ли не художникомъ. Во всякомъ случаѣ, охоты къ рисованію у меня было много. Вотъ эта охота и слилась въ моемъ представленіи съ умѣніемъ. Разочарованіе быстро наступило. Умѣніе предъявило свои неумолимыя права и требованія. Охота безъ умѣнія и знанія обнаружила свое полное безсиліе. Это былъ первый урокъ, вынесенный мной изъ гимназіи.

Г. Е. обнаружилъ мое полное неумѣніе рисовать, что было, впрочемъ, такъ естественно, ибо дома я рисовалъ и «красилъ» самоучкой. Меня засадили за прямыя линіи и простѣйшія фигуры.

Уроки рисованія скоро прекратились, вслѣдствіе болѣзни Г. Е., и я пересталъ быть полу-гимназистомъ.

Однако, осенью того же года отецъ отвелъ меня на экзаменъ въ ту же гимназію. Экзаменъ въ приготовительный классъ былъ нетруденъ. Подготовленъ я былъ достаточно и безъ труда отвѣтилъ на всѣ вопросы по закону Божьему, по русскому языку и по ариѳметикѣ. Начало было удачно. Гимназія не показалась мнѣ особенно страшной. И я получилъ синее гимназическое кепи съ буквами гимназіи и ранецъ для книгъ.

Послѣдовательно поступали въ гимназію и мои младшіе братья. Такимъ образомъ всѣ мы, докторскія дѣти, оказались гимназистами.

Въ зимнюю пору, въ холода, насъ всѣхъ четверыхъ отвозили въ гимназію на «своей лошади», на саняхъ. Мы, старшіе, садились на сидѣнье небольшихъ саней, младшіе братья садились къ намъ на колѣни. У всѣхъ за спинами были ранцы, полные книгъ. Головы были повязаны башлыками. Всю эту кучу гимназистовъ и ранцевъ съ трудомъ застегивали полостью отъ саней и старикъ Викторъ насъ везъ въ гимназію по Старой Басманной. Извозчики, похлопывая на морозѣ рукавицами, посылали намъ вдогонку ироническія замѣчанія:

— Эй, завяжи покрѣпче! Растеряешь!

— Ишь, мала куча ѣдетъ! Ой, развалится!

Проѣзжая мимо церкви Никиты Мученика, мы всѣ, по завѣту бабушки, молились на икону Иверской Божьей Матери надъ входомъ въ церковь. Молитвы Паши и Саши, очевидно, были доходчивы. А моя не всегда доходила, ибо гимназическія неудачи частенько меня постигали.

А когда мы проѣзжали мимо дома Ланиныхъ на той же улицѣ, я не могъ не кинуть взгляда на интересное зрѣлище въ ланинскомъ саду. Это зрѣлище было особенно интересно зимой, въ лютые морозы. Садъ Ланиныхъ былъ за сквозной рѣшеткой. Среди сугробовъ снѣга, между деревьями и кустами, засыпанными снѣгомъ, въ глубинѣ сада виднѣлась причудливая стѣна съ нишами и аркадами. Въ нишахъ, во всю стѣну, были написаны яркими красками виды Италіи. Синее, синее море, яркія розы, развалины храмовъ, дымящійся Везувій. Въ московскую стужу глядѣть на эти картины изъ-за башлыка, оставлявшаго только кончикъ носа да пару глазъ, было странно. Поднимались какія-то смутныя чувства. Вниманіе разсѣивалось. Сосредоточенность, столь необходимая для гимназіи, утрачивала свою напряженность.

Съ гимназіей начался новый періодъ нашей жизни. Семейный

укладъ, хотя и оставался неизмѣннымъ въ своихъ основахъ, однако долженъ былъ въ какой-то степени приспособиться къ новымъ и весьма значительнымъ условіямъ жизни, которыя создала гимназія. Гимназіи и ея требованіямъ подчинилось многое. Обязательства, налагавшіяся ею на насъ, дѣтей, стали въ равной степени обязательствами всей семьи. Передъ требованіями гимназіи все отступало на второй планъ.

Если намъ приказывали купить новое изданіе учебника Эленда Зейферта или новую книгу для упражненій, отецъ немедленно ѣхалъ на Кузнецкій мостъ, въ книжный магазинъ Ксенофонта Ивановича Тихомірова, и намъ покупали нужные учебники. Все приспособлялось къ тому, чтобы помогать намъ заниматься и учить уроки. Даже хожденіе ко всенощной отмѣнялось, если нужно было готовить что-нибудь очень трудное. А что и говорить о времени экзаменовъ. Тогда всѣ обитатели нашей квартиры, не исключая бабушки, няни и даже прислуги, принимали участіе, кто какъ могъ и умѣлъ, въ этой нашей дѣтской страдѣ. Няня Акулина усиленно ахала и вздыхала, давала совѣты, усиленно заставляла ѣсть, а бабушка молилась разнымъ святымъ о помощи въ трудахъ и заботахъ.

Еще за нѣсколько недѣль до экзаменовъ устраивалось паломничество по часовнямъ Москвы. Посѣщеніе московскихъ часовенъ было установлено по почину все той же нашей милой бабушки. Для нея вся жизнь была неотдѣлима отъ жизни святыхъ, которые участвуютъ духовно въ этой нашей жизни, помогая, наставляя, предстательствуя и заступая. Мы знали, что посѣщеніе часовенъ не должно было разсматриваться какъ особаго рода сдѣлка, какъ какое-то задабриваніе святыхъ. У насъ не было расчета, что за поставленную свѣчку или за молебенъ съ акафистомъ меня не спросятъ того, что я не знаю. «Святую ватку» или масло мы не разсматривали, какъ талисманъ, какъ средство, при помощи котораго можно достичь неожиданныхъ успѣховъ. Такъ намъ говорили наша бабушка и Юлія Михайловна. Намъ внушали, что прося о помощи у святыхъ, мы должны все сдѣлать, чтобы быть достойными этой помощи, т. е. учиться, работать, знать все, что могутъ отъ насъ потребовать на экзаменѣ. Мы все это знали, но все-таки мы были маленькими язычниками и въ глубинѣ души все же считали, что кусочекъ святой ватки могъ бы предохранить отъ невольной ошибки въ диктантѣ, переводѣ, въ ариѳметической задачѣ. Выходило такъ, что мы и усердно готовились къ экзаменамъ, и въ то же время не менѣе усердно молились многимъ святымъ, чтобы они помогли намъ хорошо выдержать экзамены и перейти въ слѣдующій классъ.

Хожденіе по московскимъ часовнямъ продолжалось иногда по нѣскольку дней. Сначала ходили къ Иверской. Потомъ къ часовнямъ у Спасскихъ воротъ — къ преподобному Сергію и Святому Ангелу. Заходили въ Успенскій соборъ, въ Чудовъ монастырь, въ часовню

св. Увара въ Кремлѣ. Потомъ шли на Никольскую улицу, къ Николаю Чудотворцу и къ Пантелеймону-мученику. Иногда заходили къ Варварскимъ воротамъ, къ Боголюбской Божіей Матери. Это уже по иниціативѣ Юліи Михайловны, родомъ изъ Владиміра, особенно почитавшей Боголюбовскій монастырь.

Эти посѣщенія создавали довольно сложныя впечатлѣнія. Не всегда удавалось сосредоточиться на главной цѣли — помолиться передъ экзаменами. Многое отвлекало вниманіе, развлекало, а иногда цѣликомъ овладѣвало настроеніемъ. Часовни были обыкновенно полны молящихся. И кого только здѣсь не было! И старые, и молодые, и богатые, и убогіе. Всѣ ставили свѣчи, усердно клали земные поклоны, крестились и прикладывались къ иконамъ. Темные лики святыхъ таинственно выглядывали изъ золотыхъ ризъ и облаченій, усыпанныхъ разноцвѣтными камнями. Мы тоже покупали свѣчи, ставили передъ иконой угодника и сами становились въ очередь, чтобы приложиться. Не всегда удавалось донести до иконы возвышенное и сосредоточенное настроеніе. Вниманіе разсѣивалось тѣмъ, что мы видѣли въ часовнѣ.

Вотъ у стѣны, на колѣняхъ, закрывъ лицо руками, горько плачетъ молодая женщина въ траурѣ. Вотъ старикъ съ изможденнымъ лицомъ, съ сѣдой, всклокоченной бородкой, съ красными слезящимися глазами, трясущейся рукой ставитъ свѣчку и что-то бормочетъ невнятное. Вотъ толстая купчиха окунаетъ свой толстый палецъ въ лампадку и мажетъ себѣ и маленькой дѣвочкѣ глаза масломъ изъ лампадки. Въ сторонкѣ стоитъ краснощекій купецъ. Около него усердно молится женщина, повязанная платкомъ. Женщина плачетъ и вздыхаетъ, а краснощекій купецъ равнодушно поглядываетъ по сторонамъ. Няня шепчетъ Юліи Михайловнѣ: «Это по обѣту! Отъ запоя!» Однажды въ Пантелеймоновскую часовню вошло сразу нѣсколько человѣкъ, державшихъ подъ руки молодую женщину; бѣлый головной платокъ былъ низко повязанъ и почти закрывалъ ея лицо. Женщина вдругъ закричала, какъ-то завыла и стала биться. Насъ поспѣшно увели изъ часовни. На ходу Юлія Михайловна говорила, что это больная, которую привели къ Пантелеймону-мученику для исцѣленія.

— Это кликуша? — громко спросилъ Саша, на лицѣ котораго были ясные слѣды смущенія и тревоги.

Особенный день назначался для далекаго путешествія къ мученику Трифону. Это было далеко за старой Екатерининской больницей, за Троицей-Капельки, за Мѣщанскими улицами, за Антроповыми ямами. Все это путешествіе совершалось непремѣнно пѣшкомъ. Съ нами ходили и младшіе братья. Это благочестивое путешествіе было утомительно, но доставляло намъ большое удовольствіе. Всѣ возвращались домой усталые, но съ сознаніемъ совершеннаго хоро-

шаго дѣла. Никто не жаловался на усталость. И на вопросъ отца, встрѣчавшаго насъ дома:

— Ну, что, богомольцы, очень устали?

— Такъ себѣ. Только шагать надоѣло, — отвѣчалъ Саша.

Гимназисты

Вступленіе новичка въ гимназію даже у насъ въ Москвѣ сопровождалось иногда нѣкоторымъ традиціоннымъ ритуаломъ. Конечно, это не были ритуалы старой бурсы или закрытыхъ корпусовъ. Но все-таки, какіе-то остатки старины были и у насъ.

Когда я впервые робко вошелъ въ громадный рекреаціонный залъ нашей гимназіи и, казалось, потонулъ въ шумящей толпѣ гимназистовъ всякихъ возрастовъ, мнѣ показалось, что я утратилъ себя и сталъ частицей какого-то громаднаго человѣческаго улья. Прижавшись къ столбу гимнастики, я не зналъ, что же будетъ дальше, что я долженъ дѣлать и какъ мнѣ найти мой приготовительный классъ. Братъ Паша, уже свой человѣкъ въ гимназіи, куда-то исчезъ, и я остался одинъ въ этой движущейся и шумящей толпѣ. Въ залу входили все новые и новые гимназисты. Всѣ были веселы, шумны, радостно здоровались другъ съ другомъ, были какъ у себя. Это былъ первый день послѣ каникулъ.

Вдругъ ко мнѣ направилась группа гимназистовъ, среди которыхъ былъ одинъ, кричавшій громче всѣхъ и, казалось, предводитель.

— Гдѣ здѣсь новички? А, вотъ еще новичекъ въ рубашкѣ! Какъ твоя фамилія?

Я назвалъ себя.

— А, это братъ Павла Астрова! Молодецъ! Это хорошо! вотъ тебѣ для начала!

Не успѣлъ я опомниться, какъ получилъ здоровый щелчекъ въ лобъ.

Я покраснѣлъ отъ неожиданности и отъ обиды. Приготовился защищаться, какъ появился Паша и представилъ меня шумной толпѣ. Давшій мнѣ щелчекъ объяснилъ, что такъ всегда полагается съ новичками, чтобы они были хорошими товарищами, угощали завтраками, не фискалили, и что теперь мы становимся пріятелями и товарищами.

Мы подали другъ другу руки и тутъ я почувствовалъ какія-то свои вновь пріобрѣтенныя права, которыхъ не было у меня за минуту передъ тѣмъ. Моя растерянность пропала. Это было первое крещеніе.

Хуже приходилось новичкамъ-пансіонерамъ. Тѣхъ разыгрывали болѣе жестоко.

Въ пансіонъ поступилъ маленькій, бѣленькій мальчуганъ, по фамиліи Орловъ. Онъ былъ живой, юркій, предпріимчивый, очень довѣрчивый и наивный. Первые дни своего пребыванія въ пансіонѣ онъ совершенно растерялся и, не зная порядковъ, постоянно попадался. Старшіе съ удовольствіемъ использовали наивнаго и живого мальчугана для своихъ забавъ.

Въ пансіонѣ былъ старый-престарый воспитатель Эдуардъ Мартыновичъ Боргманъ, котораго пансіонеры звали Буфонъ Мартыновичъ. Старикъ былъ очень добръ, но отъ этого названія приходилъ въ ярость. Его такъ прозвали за его исключительно своеобразную и смѣшную внѣшность, за его длиннополый сюртукъ вмѣсто фрака, за его очки на кончикѣ носа, за табакерку съ нюхательнымъ табакомъ, за его лысину съ наклеенными на нее сѣденькими волосами, взятыми съ висковъ. Эдуардъ Мартыновичъ былъ глуховатъ, подслѣповатъ и съ трудомъ несъ свои тяжелыя обязанности дежурнаго воспитателя в пансіонѣ. Вотъ на него-то и напустили маленькаго, юркаго Орлова, заставляя его испрашивать у Боргмана разрѣшенія на самыя противозаконныя съ точки зрѣнія стараго воспитателя вещи. Орловъ вертѣлся подъ ногами старика. Сначала тотъ гналъ отъ себя назойливаго мальчишку, грозилъ ему пальцемъ, требовалъ, чтобы тотъ не говорилъ глупостей. Наконецъ, разсердившись не на шутку, велѣлъ стать ему на полчаса подъ часы. Недоумѣвающій Орловъ сталъ хныкать и просить прощенія. Старикъ упорствовалъ. Тогда кто-то изъ старшихъ, выражая сочувствіе Орлову, посовѣтовалъ ему:

— Да ты попроси у него хорошенько прощенья. Скажи ему: «Буфонъ Мартыновичъ, простите, больше никогда не буду». Онъ тебя и проститъ.

Когда старикъ проходилъ мимо часовъ, Орловъ произнесъ подсказанную ему фразу. Старикъ затрепеталъ онъ гнѣва. Бросился къ Орлову. Трясъ его за плечи и кричалъ:

— Какъ ты смѣешь, скверный мальчишка! Сейчасъ тебя отведу къ директору. Тебя вонъ изъ гимназіи надо!

Орловъ стоялъ съ разинутымъ ртомъ. Совѣтчика и слѣдъ простылъ. Это было крещеніе новичка-пансіонера. Вскорѣ Орловъ сталъ однимъ изъ самыхъ неукротимыхъ сорванцовъ, издѣвавшихся и надъ старшими пансіонерами, и надъ зазѣвавшимися воспитателями.

А когда въ гимназіи появлялись «мамашины сыночки», пріѣзжавшіе на своихъ рысакахъ изъ Замоскворѣчья или съ Арбата, особенно, если у нихъ были тщательно расчесанные проборчики, припомаженные «капульчики» на лбу, — то такимъ приходилось плохо. Лишь только Матвѣевъ или Голиковъ появлялись въ рекреаціонный залъ, какъ передъ ними выросталъ какой-нибудь верзила и однимъ махомъ дѣлалъ имъ смазь, т. е. взъерошивалъ напомаженные волосы

и всей масляной ладонью смазывалъ имъ лицо. Мамашинъ сынокъ вспыхивалъ, негодовалъ, ругался. Но дѣлать было нечего. Нужно было бѣжать въ уборную или въ швейцарскую и пробирать себѣ проборчикъ, тщательно избѣгая вновь попасться на глаза великовозрастному верзилѣ.

Бывало, въ той же рекреаціонной залѣ устраивали общую возню или «малу-кучу». Иногда «жали масло» у стѣнки. Это были жестокія забавы, особенно если старшіе принимали въ нихъ участіе. Малу-кучу устраивали изъ малышей, изъ которыхъ наваливали дѣйствительно цѣлую кучу, которая копошилась, визжала, вопила и была настоящимъ мученіемъ для попавшихъ въ самый низъ. Масло жали на совѣсть. Малыши выскакивали изъ тисковъ двухъ стѣнокъ какъ мячики и летѣли далеко въ сторону. А когда раздавалось сигнальное предостереженіе:

— Директоръ! Директоръ!

— тогда вся толпа шарахалась отъ стѣнки. Происходила суматоха. Малыши падали, на нихъ наступали ногами, ихъ давили. Падая и быстро вставая, всѣ стремительно разсыпались по классамъ, оставляя на мѣстѣ подбитаго малыша, который охая, держась за ушибленное мѣсто, прихрамывая, тащился послѣднимъ, попадалъ на глаза директору и получалъ въ дополненіе къ ушибу, предложеніе остаться на часъ послѣ уроковъ.

Разъ, по неизвѣстной для насъ причинѣ, между двумя старшими гимназистами произошло настоящее единоборство, перешедшее въ подлинный кулачный бой. Это была страшная картина. Мы, малыши, стояли поодаль, образовавъ какъ бы кругъ, арену, и затаивъ дыханіе слѣдили за единоборствомъ. Удары глухо раздавались въ затихшемъ залѣ. Надзиратели суетились, больше, впрочемъ, разгоняя насъ, и ничего не могли подѣлать съ разсвирѣпѣвшими бойцами. Только приближеніе директора положило конецъ отвратительной сценѣ.

Но всѣ эти явленія, нарушавшія мирное теченіе гимназической жизни, были все же рѣдки. Обычно жизнь гимназистовъ была тихая, монотонная, безцвѣтная. Будучи вмѣстѣ, все же мы оставались разобщенными, не сближались въ кружкахъ. Это не поощрялось въ тѣ времена. Дружили съ сосѣдями по партамъ. Рѣдко завязывались настоящія, прочныя отношенія. Гимназія къ этому не располагала.

Вся масса гимназистовъ дѣлилась на нѣсколько категорій. Тутъ были — старшіе и младшіе, французы и нѣмцы, въ зависимости отъ того, какой у кого обязательный языкъ, приходящіе и пансіонеры, причемъ приходящіе должны были «угощать» пансіонеровъ, а послѣдніе приносили приходящимъ за пазухой куски черного хлѣба, не доѣденнаго за завтракомъ. Каждая категорія имѣла свои нравы и свою психологію. Французы обычно дрались съ нѣмцами. Пансіонеры представляли собой замкнутую касту. Старшіе немножко пре-

зирали младшихъ, давали имъ подзатыльники, когда малыши путались между ногами во время большихъ перемѣнъ. Особенно вихрастому, рыжему малышу, со вздернутымъ носомъ, давали «червячка», послѣ котораго малышъ, ухватившись обѣими руками за голову, съ визгомъ летѣлъ въ сторону, попавъ однажды съ разбѣга головой въ животъ мчавшемуся инспектору. Тутъ поднялась настоящая суматоха. Инспекторъ кричалъ громче всѣхъ, гнался за удиравшимъ и обомлѣвшимъ до смерти мальчуганомъ. Жертву ловили, наконецъ отчитывали и ставили къ стѣнѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ для невинно пострадавшаго было показать языкъ тому, кто далъ такъ не во-время «червячка».

Но среди старшихъ бывали прелестные люди, наши добрые друзья. Они сами какъ-то умѣли найти малышей, которымъ нужна была какая-нибудь помощь въ нескончаемыхъ и каждодневныхъ гимназическихъ нуждахъ. Климушинъ, Гамбургъ, Соснинъ были нашими настоящими старшими друзьями.

А были и такіе, передъ доблестью которыхъ мы положительно преклонялись. Это были «герои», авторитеты, образцы для подражанія. Что нужно было, чтобы стать въ нашихъ глазахъ «героемъ»? Нужно было хорошо учиться?.. Вовсе нѣтъ! Многіе хорошо учились, но вовсе не были героями... Хорошо учились въ старшихъ классахъ и братья Гучковы, Николай и Александръ, еще лучше Закъ Наумъ, получившій золотую медаль и записанный на золотой доскѣ, Климушинъ, Разумовскій. Было много и другихъ, которыхъ намъ ставили въ примѣръ. Но это не были герои. Зато Свинтаржецкій, прославившійся какимъ-то крупнымъ скандаломъ, поразившимъ воображеніе мальчишекъ, становился предметомъ нашего любопытства. Въ поведеніи этого великовозрастнаго юноши много отваги, онъ за кого-то заступился... Преклонялись мы и передъ «американцами», возвращенными изъ Тулы, по пути въ американскіе пампасы и льяносы. Любовались громаднымъ Жердинымъ, который вышелъ изъ предпослѣдняго класса гимназіи и поступилъ въ кавалерійское училище. Однажды въ большую перемѣну Жердинъ явился къ намъ въ гусарской формѣ, со шпорами.

Культъ старшихъ выражался въ томъ, что мы старались подражать имъ въ походкѣ, въ манерѣ носить кепи немножко на-бокъ и на затылокъ, въ манерѣ нѣсколько небрежно носить ранецъ не на спинѣ, а въ рукѣ, пальто надѣвать не въ рукава, а небрежно накидывать на плечи. Иногда даже мѣняли прически, подражая «герою». Одно время я подражалъ во всемъ, въ походкѣ, въ прическѣ, даже въ манерѣ говорить — «блаадарсте», вмѣсто «благодарю васъ» — Георгію Уварову, который былъ старше меня и годами, и жизненнымъ опытомъ. Это онъ далъ мнѣ первую папироску, отъ которой я чуть не полетѣлъ подъ столъ.

Бывало, во время большой перемѣны въ углу залы точно улей.

Тѣсной толпой, вплотную прижавшись другъ къ другу, наклонивъ головы въ одну сторону, тихо, безшумно стояли гимназисты какого-нибудь класса. Каждый держалъ въ лѣвой рукѣ книжку «автора» въ стереотипномъ изданіи, а въ правой завтракъ. Въ самомъ углу стоялъ тотъ, кто всегда готовилъ уроки и хорошо зналъ древніе языки. Это былъ переводъ «автора» къ предстоящему сейчасъ уроку. Это была своеобразная кооперація по коллективному приготовленію урока. Обязанности такихъ переводчиковъ исполняли не всѣ лучшіе ученики. Среди нихъ бывали жесткіе, тупые эгоисты, къ которымъ не обращались за услугами. Они ходили въ сторонкѣ. Ихъ не любили и немножко презирали. Однимъ изъ такихъ «первыхъ учениковъ» былъ ставшій впослѣдствіи немалой знаменитостью у большевиковъ Покровскій Михаилъ.

Это былъ бѣлобрысый, всегда блѣдный, со свѣтлыми, подслѣповатыми глазами мальчикъ. Онъ былъ всегда молчаливъ и угрюмъ. Его, кажется, никто не видалъ смѣющимся, даже улыбающимся. Но у него бывалъ противный смѣшокъ, холодный, задѣвающій. Онъ былъ всегда аккуратно одѣтъ, гладко причесанъ на проборъ. Носилъ очки въ стальной оправѣ. Ранецъ у него всегда былъ въ полной исправности. Никогда не носилъ его въ рукахъ, всегда за спиной, какъ требовали гимназическія правила, напечатанныя въ нашихъ билетахъ. Даже въ самомъ классѣ, когда раздавался звонокъ и кончался послѣдній урокъ, Покровскій, убравъ книги въ ранецъ, застегнувъ его на всѣ ремешки, тутъ же надѣвалъ его на спину. Это былъ строгій педантъ, несмотря на его 10-12 лѣтъ. Книжки у него всегда были въ идеальномъ порядкѣ, переплетены, иногда даже обернуты въ бѣлую бумагу. На нихъ не было ни помарокъ, ни отмѣтокъ и, Боже упаси, чернильныхъ пятенъ. Зато свои книжки онъ никогда не давалъ товарищамъ, позабывшимъ книгу дома и ожидающимъ, что вызовутъ.

Покровскій съ перваго же класса сталъ первымъ ученикомъ. Замѣчательно, что его никто не любилъ, ни товарищи, ни учителя. Гимназическая любовь — это чувство особенное. Это — п р и з н а н і е, соединенное съ какими-то правами на признаннаго въ общихъ интересахъ. Если такой признанный охотно и легко дѣлится своими преимуществами съ другими — его любятъ, считаютъ хорошимъ товарищемъ и признаютъ его авторитетъ. Если же признанный, какъ скряга, сидитъ со своими преимуществами, его не любятъ. сторонятся, изолируютъ, а изолировавъ презираютъ.

Покровскій Михаилъ былъ первымъ ученикомъ именно этой послѣдней категоріи. Онъ былъ какой-то костяной, застывшій. Его кто-то назвалъ однажды «костяной яичницей». Это было подходящее къ нему названіе. Онъ всегда былъ точенъ и мертвененъ. Никакого оживленія, никогда ни тѣни увлеченія, яркости, которыя мы такъ цѣнили въ нашихъ товарищахъ. Былъ ли онъ даровитъ и спо-

собенъ? На нашу гимназическую оцѣнку, онъ былъ зубрила, т. е. бралъ усидчивостью и памятью. Въ нёмъ мы не чувствовали той искры Божіей, которая радовала насъ въ другихъ нашихъ товарищахъ, проявленіемъ которой мы безкорыстно гордились.. Можетъ быть, это и была одна изъ причинъ его угрюмости и нелюдимости.

Пробовали было использовать его на общую потребу. Но онъ не пошелъ на оказаніе помощи другимъ. А помощь эта состояла въ томъ, чтобы быстро объяснить задачу въ пятиминутную перемѣну, быстро перевести урокъ ожидающему, что его неминуемо спросятъ, подсказать, дать списать и т. п. Покровскій никогда не шелъ на это. На что же былъ онъ нуженъ намъ со своими пятерками и наградами при переходѣ изъ класса въ классъ...

Я вспомнилъ Покровскаго и даже не очень изумился, когда мнѣ сказали, что къ нему бросились за помощью въ сентябрѣ 1919 года, когда надъ братьями Астровыми въ Москвѣ нависла смертная опасность. Къ нему, какъ къ товарищу по гимназіи одного изъ Астровыхъ, бросились за защитой... «За господами Астровыми грѣшки водятся» — послѣдовалъ отвѣтъ блѣднаго человѣка. Черезъ нѣсколько дней они были разстрѣляны.

Другого отвѣта я и не ждалъ отъ Покровскаго Михаила, съ которымъ я сидѣлъ въ одномъ классѣ въ Московской 2-ой гимназіи.

Наше первое политическое переживаніе въ гимназіи запомнилось. Послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ въ 1880 г. у насъ, среди гимназистовъ, былъ большой патріотическій подъемъ. Гимназистъ Леоновъ написалъ стихотвореніе, начинавшееся такъ:

Опять Вседержитель намъ милость послалъ,
Россіи царя сохранивши,
Россію Онъ спасъ, какъ и прежде спасалъ,
Крамольниковъ злыхъ посрамивши.

Стихотвореніе это было оглашено въ актовомъ залѣ, послѣ благодарственнаго молебна и слова протоіерея Смирнова. Это былъ общій патріотическій подъемъ, общее настроеніе, въ которомъ тонули настроенія иного рода. А эти иныя настроенія были.

Въ одномъ классѣ со мной былъ худой, изможденный, близорукій, въ очкахъ, Аносовъ Павелъ. Мы были рядомъ въ классномъ алфавитѣ и сидѣли въ классѣ неподалеку другъ отъ друга. Съ Аносовымъ и дорога изъ гимназіи была одна и та же, по Старой Басманной, мимо табачной фабрики Бостанжогло. Нерѣдко намъ съ Аносовымъ приходилось подвергаться нападенію мальчишекъ съ этой фабрики, которые осыпали насъ снѣжками, а иногда, если ихъ было больше, давали намъ и колотушки. Намъ приходилось отбиваться отъ нихъ, и въ трудныя минуты въ дѣло пускались ранцы, взятые

за ремни. Съ размаху ранцы, полные книгъ, наносили довольно чувствительные удары противнику. Противникъ исчезалъ столь же стремительно, какъ и нападалъ. Вдогонку намъ неслись весьма задѣвавшіе нашу гимназическую честь возгласы — «синяя говядина!» Что обозначали эти оскорбительныя слова, мы хорошо не знали, но оскорбленіе чувствовалось остро и жгуче. Намъ говорили, что это старое прозвище учениковъ классическихъ гимназій, вызванное ихъ синими мундирчиками.

Однажды, проходя мимо фабрики Бостанжогло, Аносовъ сталъ разсуждать о причинахъ ненависти къ намъ фабричныхъ мальчишекъ. Разсужденія его были смутны и расплывчаты. Но въ нихъ звучали какія-то нотки какъ бы сочувствія этимъ драчунамъ, нападавшимъ на насъ и обзывавшимъ насъ «синей говядиной». Въ его отрывистыхъ и нескладныхъ фразахъ было упоминаніе о неравенствѣ, о несправедливости, о необходимости борьбы.

Смутно мнѣ припомнились разговоры старшихъ въ нашей столовой. Слушая Аносова, я вспоминалъ нашего Николая Николаевича Афанасьева и довольно увѣренно отвѣтилъ ему, что не понимаю, о какой несправедливости онъ говоритъ. Если есть несправедливость, то нужно объ этомъ сказать, сдѣлать такъ, чтобы не было несправедливости.

— Кому же это ты скажешь? — криво улыбаясь, спросилъ Аносовъ.

Я совершенно не зналъ, кому это нужно сказать, кого нужно убѣдить, чтобы не было несправедливости, но не зналъ, и съ кѣмъ нужно вести борьбу...

Аносовъ поглядѣлъ на меня сбоку и сказалъ что-то очень задѣвшее меня. Это было что-то вродѣ:

— Ты ничего не понимаешь и разсуждаешь какъ ребенокъ!

Эти слова были несомнѣнно обидны. Какой же я ребенокъ, когда я уже во второмъ классѣ гимназіи?

Аносовъ, у котораго на блѣдныхъ щекахъ выступаютъ красныя, круглыя пятна, волнуясь и заикаясь говоритъ, что никакой справедливости нѣтъ, что есть одна неправда, просить о справедливости не у кого, нужна борьба...

— Но съ кѣмъ борьба? — спрашиваю я, ощущая въ то же время, что передо мной разверзается какое-то темное и жуткое пространство...

— Нужно просить царя, — произношу я нерѣшительно.

— Царя нужно убить! — послѣдовалъ отвѣтъ, поразившій меня какъ ударомъ молота.

Я остолбенѣлъ и единственно, что сумѣлъ выговорить, было:

— Ты нигилистъ, ты красный!

Слова Аносова глубоко потрясли меня. Такихъ мыслей я не до-

пускалъ. Былъ смущенъ и подавленъ. Аносовъ, еще вчера срѣзавшійся у доски по ариѳметикѣ, — и вдругъ такія слова!..

Разговоръ съ Аносовымъ оборвался какъ-то самъ собой. Какая-то пропасть насъ вдругъ раздѣлила. Мы оба замолкли. О чемъ намъ было еще разговаривать? Мы молча сунули другъ другу руки и разошлись въ разныя стороны. Съ тѣхъ поръ мы какъ-то стали избѣгать другъ друга. Вскорѣ онъ перевелся въ другую гимназію. Больше ничего о немъ я не слыхалъ.

Каково же было мое потрясеніе, когда черезъ короткое время, 1-го марта, насъ всѣхъ, малыхъ и большихъ, оглушила вѣсть о томъ, что Александръ II убитъ. Тутъ я вспомнилъ слова Аносова и ихъ страшный смыслъ.

Среди монотонной жизни гимназіи у насъ не было развлеченій. Начальство не считало это своимъ дѣломъ. А то, что иногда давалось намъ какъ развлеченіе, бывало изъ рукъ вонъ плохо.

Помню, однажды по классамъ было объявлено, что желающіе могутъ остаться послѣ уроковъ, что будетъ показываться «говорящая машина». Конечно, вся гимназія осталась посмотрѣть новое чудо.

Въ рекреаціонномъ залѣ были разставлены скамьи для гимназистовъ. Въ первомъ ряду поставлены стулья и два кресла для директора и его супруги. Въ концѣ зала на возвышеніи оказался какой-то шкафъ, обтянутый краснымъ сукномъ.

Когда залъ заполнился и появился директоръ съ супругой, на возвышеніе поднялся какой-то человѣкъ, очень лысый, съ большими черными усами и эспаньолкой, въ длинномъ сюртукѣ и бѣломъ жилетѣ.

Господинъ раскланялся и заявилъ, что съ разрѣшенія господина директора гимназіи онъ будетъ показывать говорящую машину, которая можетъ произносить любыя слова на любомъ языкѣ.

Онъ обратился къ директору и просилъ его быть любезнымъ и назвать слово, которое машина тотчасъ же воспроизведетъ.

Директоръ низкимъ баскомъ произнесъ слово:

— Гимназія".

Господинъ еще разъ раскланялся, зашелъ за шкафъ и сталъ тамъ продѣлывать какія-то движенія.

Вдругъ что-то зашипѣло, засвистѣло, захрипѣло и раздались какіе-то жалобные, хрипящіе звуки... Машина, среди шипѣнія и хрипѣнія, съ большими интервалами произнесла слога слова гимназія".

Шипѣніе кончилось. Машина издала какой-то свистъ или стонъ и затихла. Залъ тоже хранилъ глубокое молчаніе, не зная, какъ отнестись къ небывалому явленію.

Вдругъ какой-то мальчуганъ издалъ звукъ, почти въ точности

воспроизводящій странные звуки машины. Этого было довольно! Отношеніе опредѣлилось сразу. Вся толпа гимназистовъ разразилась неудержимымъ хохотомъ. Въ залѣ поднялся пискъ и визгъ. Опытъ съ машиной провалился.

Господинъ въ бѣломъ жилетѣ махалъ руками. Инспекторъ кричалъ:

— Прошу тише!

Но залъ не унимался. Шумъ затихъ только тогда, когда всталъ директоръ и грозно приказалъ успокоиться.

Господинъ въ жилетѣ объяснилъ, что звуки будутъ чище и яснѣй, и предложилъ самимъ гимназистамъ назвать слово.

Изъ заднихъ рядовъ было произнесено слово:

— Китъ !

Къ радости гимназистовъ, машина проскрипѣла и просвистѣла довольно отчетливо: «К и и т ъ».

Ободренные успѣхомъ, гимназисты съ разныхъ концовъ выкрикивали слова: «Фуція», «цирюльникъ», «красный носъ»...

Машина старательно воспроизводила слова, безразличныя для человѣка въ бѣломъ жилетѣ и полныя глубокаго смысла для гимназистовъ. Хохотъ стоялъ неудержимый. Послѣ того, какъ машина проскрипѣла «к р а с н ы й   н о с ъ», раздались оглушительные аплодисменты *).

Директоръ всталъ, подошелъ къ господину въ бѣломъ жилетѣ, что-то ему сказалъ и, повернувшись къ намъ, сердито сказалъ:

— Сеансъ конченъ! Можете идти домой! Безобразники!

Такъ и кончился опытъ съ говорящей машиной. Мы были въ полной мѣрѣ удовлетворены. И еще долго по улицамъ и переулкамъ по направленію отъ гимназіи раздавались визгливые голоса, выкрикивавшіе «какъ машина»: «фуція», «красный носъ», «цирюльникъ»...

Извозчики, дворники, разносчики оборачивались на насъ и замѣчали:

— Ишь, гимназія веселится!

Дѣдушка Александръ Ивановичъ

Въ первый годъ поступленія въ гимназію съ нами немного занимался по латыни нашъ дѣдушка Александръ Ивановичъ Тюменевъ. Но съ нимъ занятія какъ-то не очень налаживались. Съ дѣдушкой у насъ были совершенно особыя отношенія. Мы его любили и относились къ нему съ особой нѣжной преданностью. Онъ былъ и ласковъ, и внимателенъ къ намъ. А главное, онъ былъ роднымъ бра-

---

*) «Китъ, «Фуція», «Красный носъ» — прозвища, данныя гимназистами инспектору. Подробности въ гл. «Наши учителя».

томъ нашей бабушки Авдотьи Ивановны. Онъ былъ очень остроуменъ и веселъ. На людяхъ это настроеніе никогда не покидало его. И только когда онъ оставался одинъ, онъ бывалъ задумчивъ и какъ-то особенно печаленъ. Намъ говорили, что дѣдушка прекрасный человѣкъ, а что жизнь у него сложилась неудачно. Онъ былъ «ученый академикъ», въ свое время перевелъ Евангеліе на мордовскій языкъ, былъ преподавателемъ въ Мензелинской гимназіи, служилъ когда-то въ Петербургѣ въ «департаментѣ» столоначальникомъ; въ какомъ, такъ и не узнали. Тогда еще, на службѣ въ департаментѣ, по его словамъ, онъ привыкъ не завтракать, — вотъ и все, что мы знали о службѣ дѣдушки. Біографическія черты дѣдушки мало что намъ говорили. Главное было то, что мы его очень любили. Любили его шутки, разсказы о звѣздахъ, его музыку. Это онъ образовалъ изъ насъ четверыхъ цѣлый хоръ. Это онъ училъ насъ пѣть и разучивалъ съ нами и малороссійскія пѣсни-думки, и «божественное», и всевозможныя русскія пѣсни.

Мы пристрастились къ пѣнью и музыкѣ. А время, проводимое съ дѣдушкой у піанино, было радостнымъ и дорогимъ для насъ временемъ. Надѣвъ на кончикъ носа свое пенснэ, растопыривъ свои старые, негнувшіеся пальцы, дѣдушка по слуху подбиралъ какой-нибудь мотивъ и послѣ долгихъ стараній овладѣвалъ мелодіей. Показывая намъ, какъ должны пѣть «дишканта» и альты, онъ старался брать фальцетомъ высокія ноты. Дѣдушка училъ насъ пѣть хоромъ на разные голоса, причемъ самъ подпѣвалъ по надобности густымъ басомъ или бралъ дрожащія ноты срывающимся теноркомъ. Мы разучивали на голоса «Нива моя, нива», «Въ бурю, во грозу», «Да исправится молитва моя», «Херувимскую» Бортнянскаго, «Ахъ вы, сѣни, мои сѣни», «У сосѣда хата бѣла», «Волною морскою», «Коль славенъ», «Боже, царя храни» и многое, многое другое. Вновь разученныя пѣсни мы исполняли папѣ когда онъ возвращался домой. Если папа не былъ особенно утомленъ, онъ самъ принималъ участіе въ хорѣ, что доставляло намъ величайшую радость. Папа пѣлъ теноркомъ, чего намъ такъ недоставало въ нашемъ импровизированномъ хорѣ.

Особенно мы любили старыя украинскія пѣсни, которыя дѣдушка пѣлъ съ большимъ чувствомъ. Нахмуривъ брови и придавая своему голосу суровый оттѣнокъ, онъ пѣлъ, какъ

По подъ небомъ яснымъ,
У краю степовины
Наша неня родна Украина...

Какъ «Степь широка была, воля буйно жила», какъ козакъ воспѣвалъ «эту степь, эту волю», какъ «година пришла, житомъ степь поросла, и козакъ не летаетъ по полю». Пѣсня начиналась словами:

Хлопцы, хлопцы, кажи
Гдѣ нашъ лыцарь лежи
Въ чи земли его прахъ споховали,
Чи орлы изъ дубривъ
Съ украинскихъ краивъ,
Злюба очи клевать прилетали...

Пѣснь была полна печали и суровой задумчивости. Мотивъ гармонировалъ со словами объ утраченной волѣ. Дѣдушка пѣлъ съ чувствомъ, аккомпанируя себѣ своими негнущимися пальцами. Иногда слезы катились у него изъ глазъ и спадали по сѣдой бородѣ. Мы не спускали глазъ съ дѣдушки, увлеченные его настроеніемъ, словами печальной украинской пѣсни. А мотивъ мы уже хорошо знали и сами пѣвали его, подражая дѣдушкѣ въ интонаціяхъ.

Послѣ этой печальной пѣсни дѣдушка долго сидѣлъ, опустивъ голову и вздыхая. Что-то было связано съ этой пѣсью, какія-то воспоминанія о Кіевѣ, о молодости и о какомъ-то увлеченіи, о которомъ онъ не говорилъ даже своей любимой «племянницѣ» Юліи Михайловнѣ, съ которой былъ всегда неизмѣнно ласковъ и откровененъ. Потомъ, встряхнувъ головой, дѣдушка бралъ нѣсколько бравурныхъ аккордовъ и начиналъ, какъ онъ говорилъ, «божественную», тоже украинскую, только веселую:

Ну же, готовьте пляски, забавы,
Иде козаче въ домъ зъ-пидъ Полтавы,
Съ гарной добычей, честью и славой...

Пѣснь была лихая, задорная. А «божественной» онъ называлъ ее потому, что заканчивалась она словами:

Ай да серденько, годи крушиться,
Нехай недобрій печали страшится,
Доброму-жъ треба жить, веселиться,
Богъ не оставитъ въ печали его.

Вотъ потому-то, что Богъ упоминается въ веселой пѣснѣ, дѣдушка и называлъ ее «божественной».

Не ошибусь, если скажу, что любовь къ музыкѣ была привита намъ, дѣтямъ, именно дѣдушкой Александромъ Ивановичемъ. А у братьевъ Саши и Володи эта привязанность къ музыкѣ перешла въ страсть, заполнившую ихъ жизнь до конца. Они оба стали хорошими музыкантами. Но дѣдушка былъ намъ дорогъ и по другимъ причинамъ.

Однажды въ теплый лѣтній вечеръ, въ Люблинѣ, послѣ того какъ всѣ послѣ вечерняго чая разошлись по своимъ комнатамъ,

дѣдушка появился на балконѣ. Онъ былъ въ это время въ одѣяніи, въ которомъ отходятъ ко сну, только на плечи его было накинуто пальто. Дѣдушка остановился на той сторонѣ террасы, гдѣ не было высокихъ деревьевъ и откуда открывался безграничный просторъ ночного неба. Онъ недвижимо стоялъ, устремивъ свои глаза къ звѣздамъ, и только изрѣдка поворачивалъ свою голову, переходя отъ одной звѣзды къ другой. Въ рукахъ у него былъ большой красный носовой платокъ. Безмолвно онъ продѣлывалъ какія-то непонятныя для насъ движенія. Держа обѣими руками за концы платокъ, онъ поднималъ руки къ небу и водилъ ими, какъ бы отыскивая что-то на небѣ, какъ бы призывая кого-то. Мы наблюдали за дѣдушкой изъ оконъ нашей комнаты и недоумѣвали, что это дѣдушка дѣлаетъ со своимъ платкомъ. Въ это время пальто съѣзжало съ плечь дѣдушки, но онъ не замѣчалъ этого, устремивъ все вниманіе на звѣзды. На утро за чаемъ мы осторожно спросили дѣдушку, что это онъ дѣлалъ ночью на балконѣ.

Дѣдушка ласково улыбнулся и сказалъ, что онъ платкомъ опредѣляетъ разстояніе свѣтилъ. Тутъ онъ увлекательно сталъ разсказывать о небѣ, о звѣздахъ, о планетахъ, о млечномъ пути, Большой и Малой Медвѣдицахъ, о Кассіопеѣ, о Плеядахъ, Персеидахъ, которыя называлъ Слезами св. Лаврентія. А вечеромъ, когда мы кончили чай, онъ намъ показалъ звѣзды и научилъ ихъ находить. Онъ показалъ намъ и научилъ находить Юпитера и Сиріуса, Марса и Венеру, Вегу, Арктура и Капеллу и много другихъ. Это онъ научилъ насъ узнавать звѣзды, и только уже позднѣе Фламмаріонъ дополнилъ намъ то, что мы впервые услыхали отъ дѣдушки.

Ставъ гимназистами-классиками, мы относились нѣсколько скептически къ его латыни. Дѣдушка былъ семинаристъ, а мы классики. У него произношеніе иное, не такое, какъ у нашихъ учителей латинскаго языка.

Неналадившіяся занятія съ дѣдушкой вызвали появленіе у насъ М. И. Соллерса. Съ нимъ въ нашей семьѣ прозвучали новыя ноты, до той поры не улавливаемыя нашимъ дѣтскимъ слухомъ.

М. И. Соллерсъ

Это былъ небольшого роста брюнетъ, очень блѣдный, съ прядью черныхъ волосъ, спадающихъ на откинутый назадъ лобъ. Узкое, худое, длинноватое лицо было сурово и почти неподвижно. Но зато особенно выразительны были его глаза. Обычно они были печальны и холодны, но иногда въ нихъ вспыхивали огоньки плохо сдерживаемаго волненія и раздраженія. Его глаза вдругъ становились большими и темными, хотя лицо оставалось холоднымъ и неподвижнымъ. Тогда онъ закусывалъ губы, явно подавляя поднявшуюся волну гнѣ-

ва и раздраженія. Рѣдко, рѣдко въ нихъ свѣтилась радость. Тогда на лицѣ появлялось нѣчто вродѣ улыбки. Но улыбка эта скорѣе походила на гримасу, и эти проблески радости онъ старательно подавлялъ. Михаилъ Ивановичъ имѣлъ одинъ рѣзко выраженный физическій недостатокъ. У него одна лопатка была много больше другой и рѣзко выдавалась на спинѣ. Онъ былъ горбатъ, причемъ горбъ былъ косой. Этотъ горбъ дѣлалъ всю его худенькую фигурку тщедушной и жалкой. Несомнѣнно, этотъ физическій недостатокъ очень тяготилъ Михаила Ивановича, дѣлалъ его болѣзненно впечатлительнымъ и готовымъ всегда защищаться отъ ожидаемой обиды. Къ тому же и здоровье его было очень слабо. Всегда онъ кашлялъ, причемъ на его щекахъ выступали круглыя розовыя пятна. Періодически онъ оклеивалъ себя **papier faillard.**

Онъ пришелъ къ намъ настороженный и напряженный. Долго не могъ прижиться, несмотря на то, что всѣ въ нашей семьѣ, отъ мала до велика, отнеслись къ нему сразу съ полной теплотой и пріязнью. Но вотъ Михаилъ Ивановичъ началъ отходить и привыкать къ намъ. Его напряженность стала смѣняться мягкостью и даже благодушіемъ. Онъ сталъ охотно засиживаться за общимъ столомъ, не уходилъ въ свою комнату, сталъ часто и охотно вступать въ разговоры со взрослыми, сталъ даже улыбаться по-настоящему. А иногда изъ его комнаты до насъ долетали довольно странные звуки — это Михаилъ Ивановичъ своимъ баскомъ напѣвалъ какую-нибудь арію изъ итальянской оперы. Мы къ нему привязались. Его горбъ вовсе не замѣчали, и только прислуга иногда указывала, что Михаилъ Ивановичъ для роста носитъ высокіе каблуки. Вскорѣ онъ окончилъ гимназію и поступилъ на медицинскій факультетъ. Занятія его съ нами кончились. Но онъ постоянно приходилъ къ намъ и просиживалъ цѣлые дни.

Вотъ тутъ-то почувствовали мы то особенное, что вносилъ въ жизнь Михаилъ Ивановичъ. Наша семья, общеніе его съ Юліей Михайловной оказались для него какъ бы прибѣжищемъ отъ все болѣе и болѣе захватывавшей его безнадежности и отчаянія. Все чаще и чаще приходилъ онъ мрачнымъ и угрюмымъ, мало разговорчивымъ. Юлія Михайловна ласково вызывала его на разговоръ, разспрашивала его, стараясь вызвать въ немъ иное настроеніе духа. Какъ бы черезъ силу Михаилъ Ивановичъ начиналъ говорить. Потомъ оживлялся. И чѣмъ возбужденнѣе становился онъ, тѣмъ безнадежнѣе были его рѣчи. Вотъ тутъ-то мы впервые услыхали законченную философію безнадежности и отчаянія. Обреченность человѣческой жизни, страданье, смерть, полное исчезновеніе, невозможность понять смыслъ жизни, цѣль страданій. Эти мысли развивались отрывочно, но въ четкихъ формулахъ, отъ которыхъ на насъ вѣяло чѣмъ-то страшнымъ, враждебнымъ и въ то же время неотвратимымъ. Мы

жалѣли Михаила Ивановича, поглядывали на него съ большимъ состраданіемъ, и съ нетерпѣніемъ ждали репликъ старшихъ, сознавая, что слова Михаила Ивановича какъ-то совсѣмъ не согласуются съ тѣмъ, что мы слышали отъ отца, Юліи Михайловны и особенно отъ бабушки Авдотьи Ивановны. Юлія Михайловна замѣтно волновалась во время этихъ разговоровъ и на заявленія Михаила Ивановича, что жить не стоитъ, что человѣкъ воленъ распорядиться своей никому ненужной жизнью и разомъ покончить страданія и свое жалкое существованіе, — горячо возражала. Мы съ радостью слушали эти возраженія, всецѣло были на сторонѣ Юліи Михайловны и еще болѣе жалѣли и досадовали на Михаила Ивановича, который упорно возражалъ на успокаивающія слова Юліи Михайловны, отвергая ихъ и не желая сдаться. А то, что она говорила, было такъ ясно, просто и понятно. Жизнь — это даръ Божій. Жить нужно для другихъ. Тогда личныя страданія не будутъ такъ тяжелы. Смыслъ жизни нужно и с к а т ь, нельзя отказываться отъ жизни, если еще не обнаружилъ ея смысла. Она особенно горячо возставала противъ мыслей Михаила Ивановича о самоубійствѣ, говоря, что это малодушіе и трусость.

Все это было ново для насъ и открывало передъ нами новыя стороны жизни. Однажды при отцѣ Михаилъ Ивановичъ сказалъ нѣсколько словъ, обнаружившихъ его угнетенное душевное состояніе. Отецъ рѣшительно и прямо заявилъ, что нужно взять себя въ руки, не поддаваться хандрѣ и пессимизму, что легкомысленно смотрѣть на жизнь, какъ на удовольствіе и пріятное развлеченіе. что жизнь есть трудъ и трудъ тяжелый и отвѣтственный, что лучшее средство отъ хандры и пессимизма — это работа. И тотчасъ предложилъ Михаилу Ивановичу какія-то занятія. Послѣ словъ Юліи Михайловны и отца намъ становилось легче. Равновѣсіе снова возстановлялось. Но... гдѣ-то въ глубинѣ сознанія слова Михаила Ивановича находили отзвукъ. А впослѣдствіи, особенно къ концу гимназіи, это настроеніе стало часто посѣщать меня.

Бѣдный Михаилъ Ивановичъ былъ во власти своего угнетеннаго состоянія. Стали говорить, что онъ началъ сильно выпивать. Отецъ, а иногда и мы съ Юліей Михайловной, заходили къ нему въ номеръ на углу Садовой и Доброй Слободки. Помню этотъ убогій номеръ, холодный, нетопленный, съ деревянной крашенной постелью, столомъ и табуретомъ, выходившій окномъ на грязный дворъ. Въ этой комнатѣ Михаилъ Ивановичъ имѣлъ еще болѣе жалкій и угнетенный видъ. Онъ все рѣже сталъ заходить къ намъ. Однажды рано утромъ черезъ кухню пришелъ къ намъ корридорный изъ номеровъ на углу Доброй слободки и сказалъ, что Михаилъ Ивановичъ застрѣлился, что полиція взломала дверь его номера и что его нашли съ простреѣленнымъ вискомъ.

Такъ погибъ нашъ Михаилъ Ивановичъ. Онъ оставилъ на имя

папы записку, въ которой благодарилъ за все, что онъ нашелъ въ нашей семьѣ. Записка кончалась словами: «А жить больше не могу, да и не стоитъ».

Михаила Ивановича не хотѣли отпѣвать въ приходской церкви, какъ самоубійцу. Послѣ долгихъ уговоровъ, священникъ все же согласился. Отпѣваніе состоялось. Гробъ былъ открытъ. Половина лица Михаила Ивановича была закрыта ватой. Одинъ глазъ полуоткрытъ, и, казалось, онъ подмигивалъ кому-то и даже какъ будто улыбался. Казалось, онъ говорилъ: «А вотъ, я все же сдѣлалъ такъ, какъ хотѣлъ».

Алеша Полянскій

Если М. И. Соллерсъ внесъ въ наше сознаніе ноту пессимизма и далъ для послѣдующаго времени нѣкоторое обоснованіе тому настроенію, которое тогда называлось хандрой, то младшій братъ Юліи Михайловны, гимназистъ Владимірской гимназіи, а впослѣдствіи студентъ Московскаго Университета Алеша Полянскій, вызвалъ въ насъ, когда мы стали подрастать, первыя движенія мысли въ области соціально-политической. Мы уже давно знали, что такое нигилисты. Мы ихъ видѣли въ лицѣ нашего Н. И. Афанасьева. Мы слышали и знали, что кто-то ненавидитъ царя Александра II и хочетъ его убить. Мы слышали о Каракозовѣ, Нечаевѣ. Слышали о Герценѣ, его «Колоколѣ», о Бакунинѣ. Но все это не было связано для насъ между собой, и совсѣмъ непонятны были причины, порождавшія и «Колоколъ», и революціонеровъ, желавшихъ убить царя.

Много новаго узнавали мы отъ А. М. Полянскаго, который пріѣзжалъ къ намъ на лѣто. Это былъ веселый и благодушный гимназистъ, блондинъ невысокаго роста, съ большой круглой головой. Онъ охотно и много смѣялся, принималъ участіе въ нашихъ играхъ, но иногда становился очень серьезнымъ и приглашалъ насъ идти съ нимъ погулять. Мы уже были подростками, Паша въ 4-мъ классѣ, я въ 3-мъ. Алеша Полянскій начиналъ намъ говорить о несправедливости, царящей въ Россіи, объ угнетеніи крестьянъ и рабочихъ, о томъ, что нельзя такъ дальше жить, что нужно быть сознательнымъ, что нужно много читать, много знать и много думать, что мы уже не маленькія дѣти, что мы должны слѣдить за своимъ развитіемъ и такъ далѣе.

Паша внимательно слушалъ Алешу и, видимо, соглашался съ нимъ, когда онъ говорилъ, что нужно быть сознательнымъ, слѣдить за своимъ развитіемъ, читать и думать. Затрагивали его и вопросы о «царящей несправедливости». Но Алеша и Паша подходили къ этимъ вопросамъ съ разныхъ сторонъ. Для Алеши это были вопросы соціальные, для Паши же — основа вопроса лежала въ морали. Ко-

лечно, въ тѣ далекія времена оба не умѣли выразить своихъ взглядовъ съ надлежащей ясностью. Но не было сомнѣнія, что они не сходятся въ пониманіи того, что такое справедливость и что такое несправедливость.

Я слушалъ и лишь смутно ловилъ новыя мысли и слова. Чему-то я несомнѣнно сочувствовалъ въ томъ, что говорилъ Алеша, но что-то вызывало во мнѣ протестъ. Повидимому, мой протестъ относился къ пріемамъ и способамъ, при помощи которыхъ Алеша хотѣлъ установить справедливость.

Мы подрастали. Разговоры принимали все болѣе углубленный характеръ. Однажды, на вопросъ — что же дѣлать, заданный мной, Алеша прислалъ мнѣ книгу въ черномъ переплетѣ. Это было «Что дѣлать» Чернышевскаго. Алеша сказалъ, что это книга запрещенная и что ее нужно читать потихоньку и отнюдь не брать въ гимназію. Я засѣлъ за Чернышевскаго, волнуясь нѣсколько и чувствуя себя какъ будто въ какомъ-то и съ кѣмъ-то тайномъ заговорѣ. Но, увы, Чернышевскій оказался невѣроятно скучнымъ. Я никакъ не могъ его одолѣть. Вечерами, послѣ уроковъ, глаза слипались надъ нимъ. Я такъ и не уразумѣлъ, что же нужно дѣлать, чтобы можно было жить. А Алеша все продолжалъ говорить, что такъ жить больше нельзя.

Алеша видимо не очень былъ доволенъ мною, какъ объектомъ своей пропаганды. Однако, послѣ Чернышевскаго онъ принесъ мнѣ «Исповѣдь» Толстого и «Въ чемъ моя вѣра».

Такъ для насъ открывалась новая сторона жизни, впослѣдствіи заслонившая все остальное.

Первые стихи

Это было лѣтомъ, въ гимназическіе годы. Я перешелъ во второй классъ. Какъ-то разъ, перелистывая Тургенева, мнѣ попались страницы съ описаніемъ казни Тропмана. Не могу выразить, что со мной произошло, когда я прочелъ эти страницы и осмыслилъ то, что тамъ говорилось. Казалось, весь міръ для меня рухнулъ и перевернулся. Какъ же быть?.. Что это значитъ?.. Вѣдь не можетъ же быть, что въ этомъ правда.. Или неправда все то, что для насъ такъ ясно, такъ неоспоримо точно, что убивать людей нельзя... Ну, тамъ разбойники, дикіе индѣйцы, пираты, на войнѣ... это другое дѣло, разсуждалъ я. Потому-то они и разбойники и пираты. Но казнь.. Дальше уже не хватало мыслей, тѣмъ болѣе словъ, могущихъ ихъ выразить... Дальше было отчаяніе и негодованіе. Я не зналъ, куда себя дѣвать, что дѣлать съ собой, какъ высказать то, что со мной случилось. Этотъ томъ Тургенева въ зеленомъ переплетѣ съ жилками сталъ для меня страшнымъ. Я положилъ его въ самый низъ стопки Тургенева, лежавшаго на столѣ, и погрузился въ свое смятенное состояніе. Тутъ

была и безмѣрная жалость къ тому... и жгучая ненависть къ тѣмъ кто спокойно убивалъ, и великая растерянность и неизжитой ужасъ — нарушалось что-то такое, что казалось нерушимымъ, какъ святыня. Что это значитъ?

Томленіе продолжалось долго. Мнѣ не хотѣлось искать утѣшенія у старшихъ. Да и высказать свое горе я бы не сумѣлъ. Мама Юлія Михайловна, обративъ вниманіе на мое смятеніе, спрашивала, что со мной? «Такъ себѣ, ничего»..., отвѣчалъ я, погруженный въ свое горе.

Но вотъ тутъ произошло со мной небывалое до той поры явленіе. Какія-то слова стали сами напрашиваться, слова, не связанныя съ прочитаннымъ. Стали чуть ощущаться колебанія стихъ словъ, какъ бы размѣренный ритмъ, такъ, какъ бываетъ при чтеніи стиховъ. Я весь сосредоточился на этомъ новомъ ощущеніи. Съ напряженіемъ мучительнымъ сталъ вслушиваться, вызывать эти размѣренныя слова. Они то появлялись, то исчезали. Припомнить ихъ не могъ... А вдругъ они снова выходили наружу. И вотъ, послѣ самыхъ настоящихъ «мукъ творчества», я написалъ свои первые стихи. Ихъ теперь возстановить я не могу. Кончались они такъ:

Грома удары вдали раздавались,
Молніи грозно въ ночи извивались,
То озаряли все небо онѣ,
То исчезали въ сердитой рѣкѣ.

Порывистый вѣтеръ боролся съ рѣкой,
Въ берегъ плескалъ онъ холодной волной,
То поднималъ, то бросалъ онъ челнокъ,
То доставалъ золотистый песокъ,

Играютъ стихіи, прекрасны онѣ,
Проснувшись же, люди трепещутъ во снѣ.
Ничтоженъ и жалокъ короткій ихъ вѣкъ,
Ничтоженъ и жалокъ, какъ самъ человѣкъ.

Такъ разрѣшились мое волненіе и мое горе. Неожиданно для меня оцѣнка того, что повергло меня въ состояніе, близкое къ отчаянію, оказалась довольно суровой для всего человѣчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта оцѣнка опредѣлила надолго и основную ноту моего слагавшагося міроощущенія въ тѣ ранніе годы. Короткія стихотворныя строки на листкѣ бумаги вызвали приливъ горделивой радости. Надъ этими строками я надписалъ: «Гроза ночью». Стихи свои я поторопился спрятать, чтобы никто не видалъ и не узналъ моей тайны, и только украдкой прочитывалъ ихъ. Увы, на бумагѣ они скоро перестали отражать то острое чувство горя, которое имъ предшест-

вовало. Но въ нихъ вылилось мое страданіе, въ нихъ оно растворилось. Это были мои первые стихи.

Гимназическіе друзья

Изъ числа нашихъ гимназическихъ товарищей-друзей ранняго періода хочется вспомнить Колю Никольскаго. Это былъ изящный, тоненькій мальчикъ съ синими глазами. Очень тихій, очень застѣнчивый и очень печальный. Онъ былъ пансіонеромъ во 2-ой гимназіи. Родители его жили въ Смоленскѣ. По настоянію брата Паши Колю Никольскаго брали къ намъ въ отпускъ на праздники. Сначала онъ дичился, но вскорѣ сдружился съ нами всѣми и каждую субботу охотно уходилъ въ нашу семью въ отпускъ. Коля Никольскій былъ хрупкій и болѣзненный мальчикъ. Казалось, онъ постоянно прислушивался къ чему-то, что было слышно только ему одному, а его устремленные чуть-чуть вверхъ синіе глаза вглядывались во что-то, что видѣлъ только онъ одинъ. Казалось, онъ весь былъ напряженный слухъ и чуткое вниманіе. Эта устремленность его и въ то же время необычайная кротость, тихость и ласковость плѣняли всѣхъ. А его привычка взглядывать куда-то вдаль, выше головы, обращала на себя вниманіе, и живой, жизнерадостный Саша спрашивалъ его: «Куда это ты все смотришь, Коля? Ты какъ дѣвочка!»

Этими словами Саша, очевидно, хотѣлъ отмѣтить ту милую женственность, которая составляла отличительную черту Коли Никольскаго. Коля застѣнчиво улыбался, слегка краснѣя, и говорилъ: «Ну, что же, такой, какъ есть. А я такъ привыкъ».

Онъ оживлялся и свѣтился внутреннимъ свѣтомъ, когда вспоминалъ и разсказывалъ о своей семьѣ, о своей мамѣ, о Смоленскѣ, о стѣнахъ кремля, соборахъ. Онъ весь трепеталъ тогда и горѣлъ, какъ восковая свѣчечка. Папа неоднократно бралъ его въ свой кабинетъ, тамъ его выстукивалъ и выслушивалъ. А какъ-то разъ, когда въ отсутствіе Коли зашелъ о немъ разговоръ, папа обронилъ слова: «Не жилецъ милый Коля на этомъ свѣтѣ!»

Вскорѣ Колю взяли изъ гимназіи и увезли въ Смоленскъ къ родителямъ. А черезъ нѣсколько времени пришло извѣстіе, что Коля умеръ...

Онъ промелькнулъ въ наши дѣтскіе годы, какъ легкая, свѣтлая тѣнь, какъ призракъ, какъ лучъ свѣта.

Полную противоположность ему составлялъ маленькій, коренастый, скуластый, съ живыми карими глазами Маноловъ. Это былъ болгаринъ, совсѣмъ маленькимъ привезенный въ Москву съ другими болгарскими сиротами во время русско-турецкой войны. Принятый въ семью Гурскаленыхъ, мальчикъ былъ окруженъ лаской, вни-

маніемъ, заботой, какъ родной сынъ. Гурскаленъ былъ хорошій педагогъ, сослуживецъ извѣстнаго педагога А. Острогорскаго, директора Военно-Учительской Семинаріи на Нѣмецкой улицѣ. Надъ письменнымъ столомъ Острогорскаго висѣла надпись: «Человѣче, не сердись!» Гурскалены были бездѣтны и посвятили себя воспитанію маленькаго болгарина. Они раскрыли передъ нимъ всѣ возможности, желая вызвать проявленіе всѣхъ способностей мальчика. Его стали готовить въ гимназію, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали его учить музыкѣ, рисованію. Маленькій звѣрокъ скоро сталъ принимать всѣ черты благовоспитаннаго мальчика. У него оказались способности не особенно блестящія, но что-то помогало ему одолѣвать гимназическую премудрость. Какая-то особая сметка, находчивость, ловкость и самоувѣренность помогали ему выходить изъ самыхъ трудныхъ положеній, въ которыя такъ часто попадались малыши при прохожденіи гимназическихъ дебрей. Подрастая, онъ обнаружилъ недурныя способности къ рисованію и скоро призналъ себя пѣвцомъ. Было уморительно видѣть маленькаго, черненькаго Манолова у большого мольберта, съ палитрой въ рукѣ, съ кистями въ зубахъ, пишущимъ масляными красками картину. Онъ отходилъ отъ холста, присаживался на корточки, прикладывалъ кулакъ къ глазу, подбѣгалъ къ холсту, дѣлалъ нѣсколько мазковъ, снова отходилъ отъ холста, наклонялъ голову то направо, то налѣво. Онъ былъ поглощенъ процессомъ накладыванія красокъ и взвизгивалъ отъ удовольствія, когда изъ хаоса красокъ начинали выдѣляться очертанія фигуръ, когда вдругъ намѣчалась перспектива.

— Смотри, пожалуйста, какой воздухъ! — восклицалъ Маноловъ, присѣдая и смотря въ кулакъ на свою картину.

А когда онъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ рояля, онъ былъ вовсе уморителенъ. Онъ становился въ позу, закатывалъ глаза и старался пѣть басомъ. А лѣтъ этому пылкому болгарину тогда было не много. Кончилъ онъ какъ-то печально. Въ молодые годы онъ погибъ отъ чахотки.

Суббота и воскресенье

Гимназія все больше отвоевывала насъ отъ семьи. Но отъ гимназической властной руки все же оставалось кое-что и для насъ, когда семья снова становилась главнымъ. Это были вторая половина субботы и воскресенье, это были праздничные дни и ихъ кануны. Пока мы не выросли и не научились, каждый по-своему, занимать эти свѣтлые промежутки между однообразными и сѣрыми буднями, суббота и воскресенье были днями, когда семья снова вступала въ свои ласковыя права и окружала насъ своей атмосферой, уютомъ нашего дома, нашей столовой и нашей «дѣтской».

Что лучше — воскресенье или суббота? Этотъ вопросъ въ тѣ

далекіе годы, конечно, не ставился такъ отчетливо. Но опытъ нашей маленькой жизни съ несомнѣнностью говорилъ намъ, что суббота лучше воскресенья.

Это былъ конецъ недѣли, законный конецъ гимназическихъ дней съ ихъ напряженностью, тревогами и настороженностью. Если недѣля была въ общемъ благополучна и въ «бальникѣ», который нужно было представлять на подпись отцу, не было особыхъ непріятностей, суббота была радостнымъ завершеніемъ чего-то исполненнаго. Въ то же время она была ожиданіемъ воскреснаго дня, который что-то сулилъ, что-то обѣщалъ особенно хорошее и неожиданное. А мы и въ то раннее время жизни какъ-то смутно начинали чувствовать, что часто ожиданіе лучше достиженія.

Особенно хороши были субботніе вечера. Послѣ всенощной всѣ собирались въ столовой за чайнымъ столомъ. Надъ столомъ висѣла большая лампа подъ большимъ бѣлымъ колпакомъ. Колпакъ поддерживался бронзовыми кронштейнами, изображавшими какихъ-то птицъ. Столъ былъ ярко освѣщенъ. Въ углахъ комнаты легкій сумракъ.

На стѣнѣ старые часы съ гирями на цѣпочкахъ, съ открытымъ маятникомъ. Часы мѣрно и громко тикаютъ, а когда начинаютъ бить, къ ихъ звону присоединяется какое-то легкое дрожаніе. Это дрожаніе остается нѣкоторое время и послѣ того, какъ часы возвѣстили пройденное и ушедшее время. Къ этому слабо звучащему и замирающему дрожанію я часто прислушивался и говорилъ себѣ:

— А вотъ еще не совсѣмъ оно ушло... еще слышу его...

Что это «оно», сказать я не сумѣлъ бы. Но «оно» несомнѣнно участвовало въ нашей жизни. Часы въ столовой были частью, и очень значительной частью, нашей общей жизни, по нимъ строившейся, неизмѣнно и неудержимо шедшей впередъ. Охотно мы торопили время, особенно въ гимназіи, нетерпѣливо спрашивая у счастливцевъ, обладавшихъ часами: «Сколко осталось?», и находили, что время идетъ слишкомъ медленно. Но дома, особенно по субботамъ, слушая разсказы отца или чтеніе Юліи Михайловны, мы поглядывали на часы въ столовой, съ тревогой замѣчая, что время идетъ слишкомъ быстро и что вотъ-вотъ пробьетъ урочный часъ, когда намъ скажутъ:

— Ну, дѣти, пора спать ложиться! Потомъ дочитаемъ «Ундину».

— Еще, еще немножко! — хоромъ восклицаемъ мы всѣ, несмотря на то, что у маленькаго Володи уже слипаются глаза. Но и онъ настаиваетъ, что еще рано спать и что нужно продолжать чтеніе.

Въ столовой, на столѣ, покрытомъ толстой скатертью съ ткаными рисунками, стоялъ большой мѣдный самоваръ. Иногда самоваръ кипѣлъ такъ бурно, что клубы пара валили изъ-подъ его крышки. Иногда онъ пѣлъ пѣсенку, иногда жалобно плакалъ. Мы вступа-

ли съ самоваромъ въ разговоры и опредѣляли его настроенія, связывая ихъ съ маленькими событіями нашей маленькой жизни.

— Сегодня самоваръ радуется. Ишь, какъ поетъ. Это потому, что у всѣхъ хорошіе бальники!

У насъ у каждаго своя чашка. У отца много чашекъ самыхъ разнообразныхъ фасоновъ. Это подарки «больныхъ». Намъ особенно бываетъ пріятно, когда отецъ пьетъ чай изъ очень большой чашки тонкаго фарфора съ голубымъ ободочкомъ и надписью золотыми буквами «пей другую». У бабушки кружка коричневая съ бѣлыми цвѣтами, привезенная изъ Кіева. На столѣ въ круглой корзинкѣ бѣлый хлѣбъ изъ булочной Семенова съ Земляного вала и толстые бублики отъ Гусева съ Моросейки. По субботамъ послѣ чая намъ даютъ конфеты отъ Сіу или Эйнемъ или отъ Товарищества А. И. Абрикосова сыновей. А когда кто изъ насъ начиналъ кашлять, папа доставалъ изъ своего письменнаго стола коробочку съ пастильками, которыя назывались «патъ Жю-Жюпъ».

Чай проходилъ въ оживленныхъ разговорахъ. Чаще всего это были разсказы наперерывъ о событіяхъ гимназической жизни за истекшую недѣлю. Но эти шумные разсказы смолкали, когда кто-либо изъ старшихъ начиналъ разсказывать о томъ, что было за предѣлами нашей маленькой жизни. Тогда мы затихали и обращались въ слухъ.

Тутъ мы узнавали многое. Тутъ эпизоды изъ жизни нашихъ родныхъ, воспоминанія о старыхъ временахъ, разсказы отца объ его дѣтствѣ, о селѣ Пичины, гдѣ онъ родился, о семинаріи, о Москвѣ, о Московскомъ Университетѣ. Тутъ слышали мы имена старыхъ московскихъ врачей. Среди нихъ называлось имя доктора Лодера, отъ имени котораго образовалось слово «лодырить», хотя, прибавлялъ отецъ, докторъ Лодеръ былъ всегда очень дѣятеленъ и никогда не «лодырилъ»*).

Въ столовой мы слышали разсказы о жизни и человѣческихъ отношеніяхъ. Тутъ передъ нами открывались смутные горизонты той большой жизни, которая таинственно проходила тамъ, гдѣ-то внѣ нашей семьи, даже внѣ стѣнъ нашей гимназіи. Наша столовая въ субботніе вечера была мѣстомъ откровеній и познанія жизни. Тутъ отъ отца мы слышали въ простыхъ разсказахъ событія и факты изъ его повседневной работы. А это была работа среди людей, которымъ нужны были помощь и утѣшеніе. А правиломъ жизни отца было: помоги другому въ бѣдѣ. Отецъ охотно разсказывалъ «интересные случаи» изъ своей практики. Замѣчательно, что ин-

---

*) «Лодыря гонять» — безцѣльно и безъ дѣла слоняться. Московское словечко, созданное кучерами и лакеями, привозившими своихъ господъ на Подновинское гулять и прохаживаться, выпивая минеральныя воды. Лѣченье, введенное въ Москвѣ докторомъ Лодеромъ.

тересъ этихъ случаевъ, по его разсказамъ, былъ вовсе не въ томъ, что онъ сдѣлалъ, а въ томъ, какъ люди умѣли мужественно выносить страданія и преодолѣвать бѣду, внезапно свалившуюся на нихъ. Онъ былъ изъ той категоріи русскихъ врачей, которые подходили къ своимъ больнымъ не только какъ спеціалисты-техники, а какъ истинные друзья, передъ которыми довѣрчиво раскрывались самыя интимныя стороны человѣческой жизни. Къ нему шли не только съ физической болью, но и съ душевной печалью, шли повѣдать личную драму и выслушать совѣтъ не только медицинскій, но человѣческій, когда жизнь, казалось, окончательно затягивала попавшую въ ея тенета жертву.

Я помню благообразнаго, высокаго старика съ огромной сѣро-синеватой бородой, густыми черными бровями и большой лысиной. Это былъ скорнякъ Ожогинъ, когда-то состоятельный человѣкъ. Онъ неоднократно вечерами, когда закрывались торговые ряды на Ильинкѣ въ городѣ, приносилъ въ большомъ холщевомъ полосатомъ мѣшкѣ пушистые мѣха. Это дѣлалось, когда нужно было шить шубу бабушкѣ или кому-либо изъ родныхъ, пріѣзжавшихъ изъ Тамбовской губерніи.

Пріятно было видѣть этого благообразнаго старика, какъ онъ неторопливо вынималъ изъ мѣшка лисьи мѣха, встряхивалъ ихъ и ловкимъ движеніемъ бросалъ на столъ. Рѣчь его, такъ же, какъ и движенія, была плавна и красива. Все въ немъ было преисполнено большого достоинства. Однажды, уходя отъ насъ и складывая въ мѣшокъ свои пушистые мѣха, отвѣчая на слова благодарности отца, Ожогинъ, высоко приподнявъ свои густыя брови и какъ-то выпрямившись, ставъ еще выше, сказалъ:

— Что вы, Иванъ Николаевичъ, вамъ ли меня благодарить? Развѣ я могу когда-либо забыть, что вы сдѣлали для меня? Вѣдь только благодаря вамъ я и живу, и понялъ, какъ надо жить.

Потомъ мы узнали, что Ожогинъ, разорившись, запилъ и покушался на свою жизнь. Переломъ въ его душевномъ ожесточенномъ настроеніи произошелъ въ то время, когда отецъ говорилъ ему о смыслѣ жизни и о жизненныхъ испытаніяхъ. Ожогинъ былъ возвращенъ къ жизни вдвойнѣ, и физически, и духовно.

Въ разсказахъ отца никогда не видно было его личнаго участія въ разрѣшеніи чужой драмы. То, что онъ дѣлалъ, было для него просто и естественно. Зато онъ любовался подвигами другихъ, величіемъ ихъ духа и всегда съ особенной радостью отмѣчалъ проявленіе человѣческаго достоинства и чести. Онъ любилъ говорить: «Помоги человѣку въ бѣдѣ и ты увидишь, сколько въ немъ хорошаго».

Когда отецъ бывалъ занятъ и не выходилъ къ намъ въ столовую, послѣ чая мы переходили въ нашу дѣтскую. Это была довольно большая комната подъ сводами. Въ углу стояла круглая печка

«голландка». Ее топили утромъ и на ночь. Любили мы смотрѣть какъ въ ней горѣли осиновые дрова, потрескивая и стрѣляя искрами и раскаленными угольками. Заправлять печь кочергой было для насъ большимъ удовольствіемъ. Особенно любили мы горящую печку, когда въ комнатѣ было темно и еще не зажигали лампы. Перебѣгающее по сырымъ полѣньямъ синеватое пламя, занимающіеся въ серединѣ дрова, сложенные сводикомъ, переносили насъ въ сказочное царство видѣній и призраковъ.

По стѣнамъ нашей дѣтской стояли четыре наши кровати. Каждый изъ насъ, братьевъ, имѣлъ свой уголъ, въ углу свой ящикъ, въ ящикѣ все свое богатство. Это богатство видоизмѣнялось въ зависимости отъ того, какъ мы выростали и какъ мѣнялись наши вкусы и симпатіи. Тутъ были и старыя игрушки, съ которыми какъ-то жаль было разстаться, были разныя особенныя драгоцѣнности, какъ-то: круглая свинцовая пуля, медаль за оборону Севастополя, коробочки оловянныхъ солдатиковъ. Потомъ стали появляться въ нашихъ ящикахъ перышки, выигранныя в гимназіи въ игру «въ перышки», записныя книжки съ попытками веденія дневника и тому подобныя замѣчательныя вещи. Въ нашихъ ящикахъ было несомнѣнное наслоеніе культуръ разныхъ періодовъ нашей дѣтской жизни. У Саши въ ящикѣ долгое время хранились двѣ куклы, которыми онъ съ увлеченіемъ игралъ въ раннемъ дѣтствѣ. Тутъ же у него хранился лоскутокъ полотна, по которому онъ крестиками вышивалъ пѣтушковъ. Это было начало его рукодѣлія. Потомъ онъ вышилъ цѣлое полотенце пѣтушками. Долго не зналъ, какую надпись вышить на полотенцѣ. Поддразнивая его, мы, старшіе, посовѣтовали ему вышить на полотенцѣ: «Отъ Саши милаши, папашѣ и мамашѣ». Саша вспылилъ и налетѣлъ на насъ пѣтухомъ. А мы кричали ему, убѣгая отъ него:

— Вотъ почему ты любишь вышивать пѣтуховъ! Потому ты самъ пѣтухъ, да еще индѣйскій!

Однако, мы не могли не признать, что его вышивки были очень хороши и никто изъ насъ не могъ съ нимъ равняться.

Между окнами стоялъ высокій комодъ съ нашимъ достояніемъ, а на комодѣ этажерка. Это наша общая библіотека. Она не велика. Но чего тутъ только нѣтъ! Этажерка уже не вмѣщаетъ всѣхъ нашихъ сокровищъ. Книги стопками лежатъ по обѣ ея стороны на комодѣ. Тутъ прежде всего Пушкинъ въ изданіи Анненкова, въ свѣтло-коричневомъ переплетѣ съ кожаными корешками. Тутъ Лермонтовъ съ его автографомъ по всей крышкѣ переплета. Тутъ Гоголь, «Семейная хроника» Аксакова, «Дѣтскіе годы Багрова-внука», «Былое и возможное», «Крестовые походы» Чистякова, «Хижина дяди Тома», «Робинзонъ» ,«Катакомбы» и «Разрушеніе Помпеи» Евгеніи Туръ, Вальтеръ Скоттъ, два толстыхъ томика сказокъ Андерсена, всѣ тома Жуковскаго, Маркъ-Вовчекъ и многое, многое другое. Все разставлено по размѣру и росту книгъ. Тутъ и томики **Bibliothèque Rose,**

и «Нива», и превосходное художественное изданіе Дрезденской галлереи. Эту книгу мнѣ подарили Шубины, какъ признанному художнику.

Посрединѣ комнаты большой деревянный столъ, когда-то полированный, но за древностью лѣтъ и вслѣдствіе усиленнаго и періодическаго мытья и стиранія пемзой чернильныхъ пятенъ и нашихъ рисунковъ на немъ ставшій бѣлымъ, съ красивыми, ровными, бѣгущими по всей его длинѣ жилками. Эти жилки красиво завиваются около хорошо выструганныхъ сучковъ. Около одного изъ такихъ сучковъ мое мѣсто за столомъ. Какъ помню этотъ сучекъ, съ обходящими его тонкими жилками! Много разъ, когда во время приготовленія уроковъ вниманіе ослабѣвало, я не могъ оторвать глазъ отъ этого сучка. Мнѣ говорили тогда:

— Ну, Коля опять за сучекъ зацѣпился.

За этимъ столомъ субботними вечерами мы разсаживались по своимъ мѣстамъ. Каждый принимался за свою работу. Тутъ было и приготовленіе уроковъ, и рѣшеніе задачъ, и рисованіе красками. Но лучше всего было, когда Юлія Михайловна предлагала намъ почитать вслухъ. Тогда книги и тетради запихивались въ ранцы и мы отдавались во власть того, что читала Юлія Михайловна, пока не объявлялось: «Ну, дѣти, пора спать. Завтра дочитаемъ».

Такъ кончалась суббота. Завтра можно поспать подольше. Завтра воскресенье, не итти въ гимназію. Засыпали не сразу. Въ кроватяхъ, послѣ молитвы, еще долго шли разговоры о прочитанномъ и пережитомъ, особенно если читался «Вій» Гоголя или его «Страшная месть».

Наступало воскресенье. И что же! Его такъ ждали, а тутъ что-то съ утра не ладится. Печка-голландка еще не затоплена. Въ комнатѣ холодно. Мы всѣ проспали. Насъ торопятъ вставать и умываться. Кто-то разсыпалъ зубной порошокъ, у кого-то оторвалась пуговица. Ведро въ умывальникѣ переполнилось и потекло. Няня громко негодуетъ:

— Ахъ, вы, этакіе, что же это вы надѣлали!

— Это не мы, няня, оно само потекло.

Саша кричитъ, что кто-то у него стащилъ поясъ. Поясъ оказался завалившимся подъ кровать.

Все что-то неудачно сегодня, все какъ-то не ладится.

Наскоро пьемъ чай. Насъ ведутъ въ церковь. Въ церкви холодно, сумрачно. День сѣрый. Поютъ плохо. Разъ даже хоръ воспитанниковъ спутался и остановился. Старичекъ-регентъ Алабушевъ кому-то грозитъ, усиленно машетъ обѣими руками, во всѣ стороны даетъ тонъ, поетъ одинъ своимъ старческимъ голоскомъ, переходя съ тенора на басъ. Наконецъ, хоръ оправился, неувѣренно вступаетъ и доканчиваетъ испорченное пѣснопѣніе. Происшествіе съ хоромъ насъ волнуетъ. Мы стоимъ красные, смущенные, съ глазами, устрем-

ленными на Алабушева и на растерявшійся хоръ. Точно мы сами участвуемъ въ этой путаницѣ. Священникъ Полотебновъ говоритъ какую-то непонятную намъ проповѣдь. Проповѣдь длинная. Мы устали. Когда-то она кончится. Дома пирогъ не удался. Корка подгорѣла. Тѣсто безъ соли. Мы дѣлаемъ замѣчанія на этотъ счетъ и немедленно получаемъ за это выговоръ. Завтракъ проходитъ молчаливо. День сумрачный. Гулять нельзя. Дѣлать ничего не хочется. Вѣдь въ воскресенье должно быть что-то очень пріятное. А тутъ, на-поди. Только Паша и маленькій Володя занялись чѣмъ-то и сидятъ тихо. Паша что-то читаетъ, а Володя разсматриваетъ картинки изъ Священной исторіи. Тамъ Іуда Маккавей передъ арміей Никанора и Сусанна въ купальнѣ. Мы съ Сашей ничего не находимъ интереснаго. Слоняемся, какъ говоритъ няня. Начинаются капризы. День явно неудачный. Хорошо еще, что онъ не кончился бурнымъ столкновеніемъ между «слоняющимися».

Мы не въ духѣ. А тутъ уже зажигаютъ и лампы. Значитъ, день проходитъ. И ничего-то хорошаго не случилось. Вотъ тебѣ и воскресенье! А какъ его ждали и какъ ничего не вышло изъ этого ожиданія. А впереди цѣлая недѣля гимназіи.

Успеньевъ день

Середина августа. Зацвѣли осенніе цвѣты. Расцвѣтились и запестрѣли яркими красками сады и рощи. Кончилось лѣто. Наступаетъ осень.

Эта пора всегда навѣвала настроеніе нѣкоторой печали. А теперь, далеко отъ Россіи, если есть время прислушаться къ своимъ настроеніямъ, эта печаль особенно чувствуется.

Сижу за своимъ столомъ у открытаго окна въ Ростокахъ подъ Прагой и не сопротивляясь отдаюсь настроеніямъ осени.

Успеньевъ день, 15 августа. Одинъ изъ наиболѣе памятныхъ для меня дней. Настроенія, связанныя съ нимъ, прошли черезъ всю жизнь. И даже въ пору молодой самоувѣренности и легкомыслія этотъ день былъ концомъ одного психологическаго періода и началомъ неотвратимо идущаго ему на смѣну другого, совершенно иного психологическаго содержанія.

Въ этотъ день всѣ предметы и всѣ повседневныя явленія пріобрѣтали какой-то особый смыслъ, вещи выглядѣли какъ-то по-особенному и обнаруживали свою интимную сущность. То, что не замѣчалось раньше, вдругъ обнаруживало свою значительность и цѣнность. Все самое обыкновенное, къ чему приглядѣлись, до рисунка

простенькихъ обоевъ на стѣнахъ, обнаруживалось въ новыхъ чертахъ и краскахъ. Какъ я этого не замѣчалъ раньше! Почему только теперь, передъ концомъ, я вижу, слышу, ощущаю все это такимъ близкимъ, дорогимъ, неотразимо красивымъ?

Наши вещи уже уложены въ сундуки и ящики. Ящики еще не завязаны веревками, но полны книгъ, посуды, бѣлья, одежды, нашихъ дѣтскихъ свертковъ. Они стоятъ посреди комнатъ. Съ оконъ сняты шторы и занавѣски. Съ террасы снята парусина. Жилье разорено. Завтра Успенье, послѣднiй день въ Люблинѣ. А послѣзавтра, 16 августа, рано утромъ мы переѣзжаемъ съ дачи въ городъ. Рано утромъ будутъ погружены воза. Съ ними поѣдутъ кухарка Дуняша и кучеръ Анатолiй. Послѣднiй разъ мы кричимъ ему съ террасы:

— Хау-ду-ю-ду, Анатолiй!

А онъ, улыбаясь веселой молодой улыбкой, отвѣчаетъ намъ:

— Веривел-съ, барчуки!

Я не знаю, чѣмъ заняться. Останавливаюсь у окна. Гляжу и не могу оторваться отъ открывающагося вида. Видъ изъ окна нашей комнаты не представлялъ ничего особенно интереснаго, къ тому же я такъ къ нему приглядѣлся. Подъ окномъ былъ громадный огородъ, вдоль котораго справа тянулась длинная оранжерея. Огородъ замыкался рощей. А отъ края оранжереи, подъ угломъ, высилась старая, полуразрушенная кирпичная стѣна заброшеннаго грунтового сарая. За стѣной — старыя сосны. Вотъ эта стѣна и темныя сосны съ красными стволами и обнаружили вдругъ свою скрытую до сихъ поръ таинственность и красоту. Сколько разъ мы бывали подъ этими соснами и за этой стѣной! Ничего поразительнаго тамъ не было. Кучи щебня, поросшiя крапивой и чернобыльникомъ. Но что-же случилось съ соснами теперь? Почему я не могу оторваться отъ нихъ? Какiя-то ощущенiя, воспринятыя раньше въ связи съ другими, овладѣваютъ воображенiемъ. Образы балладъ Жуковскаго, ощущенiя, навѣянныя чтенiемъ Вальтеръ-Скотта, оживаютъ и дѣлаютъ изъ этой старой стѣны и темныхъ сосенъ съ красными стволами что-то совершенно новое и таинственное...

Иду внизъ, въ нашъ садикъ. Тамъ у каждаго изъ насъ, братьевъ, своя клумба съ цвѣтами. Странно! Каждый день мы поливали наши цвѣты, пололи грядки, знали каждый цвѣтокъ, всѣ новые бутоны. Знали «свой» садикъ въ совершенствѣ. А вотъ сейчасъ онъ какой-то особенный. Онъ теперь не изъ отдѣльныхъ клумбъ, которыя имѣли каждая свое названiе. Онъ представляетъ теперь одно цѣлое. Онъ теперь уже не нашъ. Онъ остается здѣсь, онъ чужой. А какiе георгины, высокiе, стройные, яркiе... Какiя астры, разныхъ цвѣтовъ. Какъ это я ихъ не сумѣлъ видѣть раньше такими, какъ вижу ихъ теперь? Еще одинъ только день, а тамъ новая жизнь. Городъ. Новые люди. Гимназiя, которая поглощаетъ все...

Время тянется очень медленно. Ничего не хочется дѣлать. Все

какъ-то валится изъ рукъ. Наконецъ наступаетъ пора итти на станцію встрѣчать папу.

Теперь и дорога на станцію, и «большая аллея», и роща стали другими. Только теперь мы замѣчаемъ, что листва порѣдѣла и какъ-то подобралась. Роща стала болѣе сквозить. Кое-гдѣ появились желто-красныя пятна на зелени, утратившей свою яркость. Въ садикахъ передъ дачами мои любимые яркіе георгины и астры. Опять сердце сжимается и становится грустно.

По выходѣ изъ рощи попадаемъ въ поле. Оно сжато и убрано. Вдали, за полотномъ желѣзной дороги, на горизонтѣ, высится церковь села Коломенскаго. Съ подавленнымъ вздохомъ бросаю взглядъ на эту далекую, таинственную церковь. Опять прошло лѣто, и опять мы не дошли до Коломенскаго, съ которымъ связывается столько интересныхъ разсказовъ, да и собственныхъ впечатлѣній отъ поѣздки туда нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тамъ мы видѣли старыя церкви, тронъ царя Алексѣя Михайловича и многое другое интересное. Это — историческое мѣсто. А у насъ въ семьѣ исторія въ большомъ почетѣ. Слѣва блеститъ на солнцѣ излучина рѣки Москвы. Село Перерва, гдѣ прервалась рѣка Москва. Перервинская роща, за нею Николо-Перервинскій монастырь. А справа Москва, со сверкающимъ куполомъ Храма Христа Спасителя.

Съ поѣздомъ папа не пріѣхалъ. Нужно торопиться домой обѣдать, чтобы не опоздать ко всенощной. Сегодня послѣдняя всенощная въ Люблинѣ. Уже подходя къ нашей дачѣ, замѣчаемъ ѣдущій по мягкой пыльной дорогѣ экипажъ. Это ѣдутъ монахи изъ Перервинскаго монастыря служить всенощную въ Люблинскую церковь. Іеромонаховъ присылали по очереди. Мы больше всего любили отца Нектарія. Это былъ благообразный старикъ, отличавшійся отъ другихъ пріѣзжавшихъ служить. Тѣ были какіе-то странные, порывистые въ движеніяхъ, неуклюжіе, скороговоркой, съ непріятными интонаціями совершавшіе богослуженіе. Служба отца Нектарія, напротивъ того, была торжественна, ясна и располагала къ сосредоточенности.

Кто будетъ служить сегодня послѣднюю всенощную? Если Нектарій — хорошо будетъ въ Москвѣ, хорошо будетъ и въ гимназіи. . Останавливаемся на поворотѣ и заглядываемъ въ облако пыли. Фигура кучера скрываетъ сидящихъ въ пролеткѣ. Но вотъ экипажъ приближается. Въ пролеткѣ совсѣмъ незнакомые монахи. Возвращаемся домой нѣсколько разочарованными. Садимся обѣдать. А съ открытой звонницы маленькой деревянной церкви раздаются звуки небольшого колокола. Благовѣстятъ. Насъ торопятъ съ обѣдомъ. Къ концу его слышенъ перезвонъ тоненькихъ колоколовъ. Пора итти ко всенощной.

Маленькая деревянная церковь, стоящая противъ большого дома, занятаго владѣльцемъ Люблина, Голофтѣевымъ.

Она ярко освѣщена. Около большого образа Успенья, у лѣваго

клироса, горятъ разноцвѣтныя лампады, стоитъ большой подсвѣчникъ съ большимъ количествомъ восковыхъ свѣчей. На иконѣ гирлянды цвѣтовъ. Опять георгины, опять астры. Церковь постепенно заполняется народомъ. Всѣ одѣты наряднѣе обыкновеннаго. Мы съ братьями стоимъ справа отъ алтаря. Старшій братъ Паша сосредоточенъ и внимательно слѣдитъ за богослуженіемъ. Онъ всегда серьезенъ и выдержанъ. Временами на его лицѣ видно напряженіе и особенная молитвенная сосредоточенность. Саша, живой и подвижной, часто мѣняетъ позу. Ему не терпится, не стоится на одномъ мѣстѣ. Онъ часто оглядывается, разсматриваетъ входящихъ, иногда позѣвываетъ и крутитъ свой поясъ. Маленькій Володя стоитъ серьезно и чинно. Я, по росту и возрасту, стою между Пашей и Сашей. Я разсѣянъ и не могу ни на чемъ сосредоточиться. Жалѣю, что не служитъ о. Нектарій. Гляжу на свѣчи и на георгины. Слѣжу, какъ Евстигней Купріяновичъ, или просто Купріянычъ, — какъ звали его его жена Аграфена Федоровна, и владѣлецъ Люблина, Голофтѣевъ — маленькій на своихъ кривыхъ, «какъ у кавалериста», ногахъ, переходитъ отъ иконы къ иконѣ и ставитъ свѣчи, снимаетъ нагаръ съ большихъ свѣчей. Евстигней Купріянычъ сегодня въ новомъ, длинномъ пиджакѣ, который ему очень широкъ. Онъ всегда особенно торжествененъ въ церкви. Поставивъ свѣчку, онъ крестится, не донося руки до лба, и кланяется, немного подгибая колѣни своихъ старыхъ, больныхъ ногъ. Онъ же ходитъ по церкви съ тарелочкой и позваниваетъ маленькимъ колокольчикомъ, который надѣтъ на его толстомъ мизинцѣ. Мы очень любимъ Евстигнея Купріяновича и намъ пріятно видѣть его въ церкви, гдѣ онъ такъ дѣловито-спокоенъ и торжествененъ.

Не могу сосредоточиться. Слова молитвы, пѣніе, все пролетаетъ мимо моего вниманія. Вотъ вошла въ церковь высокая, стройная, красивая Вѣра Александровна — «молодая Голофтѣева». Ее всѣ называли красавицей. И мнѣ она очень нравится. Но мнѣ ее какъ-то жаль. Это чувство прочно установилось съ тѣхъ поръ, какъ состоялась эта свадьба красавицы Вѣры Александровны съ рыжимъ и очень некрасивымъ молодымъ Голофтѣевымъ. Свадьба была шумно отпразднована нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тогда у насъ всѣ жалѣли Вѣру Александровну. Жалѣю я ее и теперь, глядя на ея красивое и печальное лицо, слѣдя за тѣмъ, какъ усердно она молится и отираетъ слезы...

Издали доносятся четкіе удары конскихъ копытъ. Къ церкви приближается кавалькада. Вотъ она останавливается у самой церкви. Общее вниманіе приковывается къ группѣ лицъ, довольно шумно входящихъ въ церковь. Впереди въ костюмѣ амазонки, съ хлыстомъ въ рукѣ и въ низкомъ цилиндрѣ на головѣ, появилась маленькая. изящная дачница Сумкина. Ее сопровождаютъ какіе-то незнакомые мужчины въ крагахъ, перчаткахъ, съ хлыстами. Эта компанія заняла

сразу много мѣста въ церкви. Сумкина опустилась на одно колѣно, низко склонила голову. Сильно прижимая правую руку ко лбу, часто-часто крестится. Мужчины, скучая, разсматриваютъ церковь. Черезъ нѣсколько минутъ Сумкина встаетъ, взоръ, полный молитвы, бросаетъ на икону Успенья и быстро выходитъ изъ церкви, сопровождаемая своими кавалерами. Черезъ нѣсколько мгновеній раздается топотъ уносящейся кавалькады. Что-то чуждое настроенію собравшихся ворвалось въ церковь, мелькнуло, какъ залетѣвшая птица, и унеслось прочь.

Гляжу на образъ Успенья, утопающій въ цвѣтахъ, заставляю себя уловить слова молитвы. Слышу: «Свѣте тихій святыя славы... пришедши на западъ солнца, видѣвши свѣтъ вечерній...»

Свѣтъ вечерній... Да, я хочу Свѣта вечерняго... Я не хочу такъ, какъ Сумкина...Чего не хочу? Что такъ, какъ Сумкина? Я не знаю. Я взволнованъ и совершенно утрачиваю нить всенощной. Машинально, вмѣстѣ съ другими, прикладываюсь къ образу. Не замѣчаю даже любимаго «Слава въ вышнихъ Богу»... Не вижу больше никого. Слезы Вѣры Александровны, Сумкина, топотъ уносящейся кавалькады, Свѣте тихій... Свѣтъ вечерній... Я смущенъ, подавленъ, растерянъ. Мама дотрагивается до моего плеча. Я овладѣваю собой. Прихожу въ себя. Начинаю усиленно креститься. Замѣчаю, что всенощная подходитъ къ концу.

А я еще ни о чемъ не успѣлъ помолиться.

— «Христе, Свѣте истинный, просвѣщаяй и освѣщаяй всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, да знаменуется на насъ свѣтъ лица Твоего...» — произноситъ священникъ слова молитвы. А хоръ, не давая докончить знакомыя слова, громко начинаетъ: «Взбранной воеводе побѣдительная»... Мы становимся на колѣни.

Вотъ и послѣдняя всенощная кончается, а я не помолился ни о чемъ. Мнѣ становится очень грустно. Усердно крещусь, кладу земные поклоны и шепчу:

— Господи, помоги мнѣ хорошо учиться и быть хорошимъ человѣкомъ.

Мысленно пробѣгаю промелькнувшее лѣто. Ощущаю надвигающуюся гимназію. Чувство сожалѣнія и раскаянія овладѣваетъ мной. Лѣто ушло. Лѣтнія работы сдѣланы не особенно отчетливо. Гдѣ опора? На что надежда?.. Я молюсь, молюсь горячо, пламенно, отрадно.

— «Отъ всякихъ насъ бѣдъ освободи, да зовемъ Ти. Радуйся Невѣста неневѣстная!» — раздаются послѣднія слова пѣснопѣнія.

Дома вечерній чай. Папа сидитъ на террасѣ и читаетъ «Русскія Вѣдомости». Это послѣдній чай на дачѣ. Разсказываютъ о появленіи въ церкви Сумкиной. Не отрываясь отъ газеты, папа произноситъ:

— Пустая бабенка.

Это новое опредѣленіе поразившаго меня явленія не утрачиваетъ противорѣчій, которыя я не умѣю примирить.

Скоро насъ, дѣтей, отправляютъ спать. Укладываюсь въ постель. Еще только одна ночь на дачѣ. Почему ничто не привлекаетъ меня въ городѣ? Вѣроятно потому, что онъ, этотъ городъ, весь поглощенъ гимназіей.

Я уже начинаю засыпать, какъ вдругъ слухъ мой напрягается. Сонъ летитъ прочь. Я весь сосредоточенъ на волнующемъ меня звукѣ. Мѣрные удары далекаго, гулкаго колокола доносятся откуда-то издали и заполняютъ тишину ночи. Звуки несутся издалека. Но я различаю ихъ ясно и отчетливо. Звуки далекаго, таинственнаго колокола будятъ образы и представленія, которыя быстро смѣняются одно другимъ. Это колоколъ далекаго монастыря... Это призывъ о помощи... Это набатъ, возвѣщающій и зовущій... Я знаю, что эти звуки скоро кончатся. И тѣмъ болѣе хочу, чтобы они продолжались долго, долго, всегда. Но вотъ напряженнымъ слухомъ ловлю умирающій звукъ послѣдняго удара. Все кончено. Колоколъ замеръ. Я знаю, что это не колоколъ, а старые часы въ квартирѣ Аграфены Федоровны и Евстигнея Купріяновича. Часы стоятъ въ углу гостиной, какъ разъ подъ нашей комнатой. Но мнѣ не хочется разстаться съ мечтой и вызванными образами, навѣянными этимъ далекимъ, таинственнымъ вечернимъ звономъ, который слышу въ послѣдній разъ. Разстроенный и взволнованный, не скоро засыпаю.

И вотъ наступаетъ Успеньевъ день. Быстро вскакиваю съ постели. Вмѣстѣ съ братьями поспѣшно умываемся, одѣваемся, совершаемъ утреннюю молитву, пьемъ чай съ «французскими» булками и идемъ къ обѣднѣ.

Утренняя служба совсѣмъ иная, настроенія совсѣмъ не тѣ, что вчера у всенощной. Нѣтъ и слѣда смущеній вчерашняго вечера, но зато нѣтъ и вчерашнихъ очарованій. Обѣдня проходитъ, какъ много другихъ обѣденъ. Отношеніе внимательное, но безразличное. Поютъ плохо. Бодро думаю, что скоро въ Москвѣ мы услышимъ прекрасное пѣніе въ церкви Межевого Института. Тамъ хоръ «воспитанниковъ» поетъ несравненно лучше этихъ наемныхъ пѣвчихъ...

Послѣ обѣдни быстро проходитъ завтракъ. Помогаемъ убрать послѣднія вещи. Теперь дѣлать больше рѣшительно нечего. Снова подкрадывается томленіе. Побродивъ по террасѣ, по садику, идемъ прощаться съ любимыми мѣстами. Нечего и думать о Царицынѣ. Туда нужно ѣхать по желѣзной дорогѣ. Не успѣемъ сходить и въ наши любимыя Кузьминки. Это самая интересная и занимательная прогулка. Кузьминскіе пруды, каналы, каменные мостики черезъ нихъ, висячій желѣзный мостъ, зыблющійся подъ ногами, на кото-

ромъ непремѣнно нужно покачаться, памятникъ, березовая бесѣдка, чудесныя бронзовыя фигуры коней на конномъ дворѣ и у фермы, княжескій домъ, пристани со львами, паромъ между пристанями, колоннады, портики, манящіе, заболоченные концы прудовъ, заросшіе осокой и камышомъ, бѣлая церковь Влахернской Божіей Матери... Все это было полно очарованія и дѣлало намъ, дѣтямъ, особенно дорогой эту «подмосковную».

Времени остается мало. Приходится ограничиться нашими люблинскими мѣстами.

Идемъ мимо церкви къ «большому дому». Домъ бѣлый, съ зеленымъ большимъ куполомъ и четырьмя выступами въ видѣ креста. Выступы соединяются полукруглыми террасами съ колоннами. Домъ въ планѣ долженъ былъ воспроизвести Анненскій крестъ. Преданіе передаетъ, что давній владѣлецъ Люблина, Дурасовъ, дослужившійся до ордена св. Анны, въ ознаменованіе этого торжественнаго событія, рѣшилъ построить на самомъ высокомъ мѣстѣ своего имѣнія большой каменный домъ въ видѣ креста св. Анны. Плафоны дома, говорятъ намъ, расписаны итальянцемъ Скотти. На вершинѣ большого купола, увѣнчивающаго зданіе, была поставлена статуя, изображавшая св. Анну Пророчицу. Статуя простояла много лѣтъ. Но со временемъ стала вывѣтриваться и понемногу разрушаться. Куски гипса стали отваливаться. Въ пустотѣ статуи однажды завелся рой пчелъ. Статую наконецъ сняли, чтобы не случилось бѣды. Долгое время куполъ ничѣмъ не былъ возглавленъ. Но вотъ однажды на куполѣ появились рабочіе и стали что-то устанавливать. На вопросы, обращенные къ Аграфенѣ Федоровнѣ, женѣ управляющаго, что это хотятъ дѣлать на крышѣ голофтѣевскаго дома, она махала рукой, поджимала губы, дѣлала строгое лицо и низкимъ голосомъ говорила:

— Грѣхъ-то какой, прости Господи! Идола задумали ставить!

— Какого идола? Какого идола, Аграфена Федоровна?

— Да какъ же! На мѣстѣ святой Анны Пророчицы какого-то голаго идола Апалона хотятъ поставить. Не къ добру это! Быть грѣху!

Черезъ нѣсколько дней на вершинѣ зеленаго купола, дѣйствительно, красовалась легкая, стройная фигура Аполлона Бельведерскаго съ протянутой рукой и перекинутымъ черезъ нее плащемъ.

Дачники ходили смотрѣть на голофтѣевскую затѣю. Стали приходить и крестьяне изъ окружныхъ деревень смотрѣть на чудо:

— Голофтѣевъ идола на крышу поставилъ!

Но торжество Аполлона и Голофтѣева продолжалось недолго. Восторжествовала Аграфена Федоровна съ ея предсказаніемъ. Всего нѣсколько дней простоялъ Аполлонъ на голофтѣевской крышѣ. Какъ-то ночью полилъ обильный дождь. Поднялся вѣтеръ. Налетѣла буря. Порывъ вѣтра ударилъ въ плащъ Аполлона. Греческій богъ не устоялъ на голофтѣевской крышѣ и съ грохотомъ низвергся на землю, разбившись въ куски. На утро вѣсть о паденіи Аполлона обле-

тѣла Люблино. Старые и малые, дамы въ утреннихъ туалетахъ спѣшили на мѣсто катастрофы. Фактъ на лицо. Аполлонъ былъ низвергнутъ не человѣческой силой. Аграфена Федоровна восклицала:

— Я говорила! Грѣхъ-то какой! Какое искушенье! Хорошо, что еще такъ отдѣлались... Скажите, пожалуйста! На мѣсто святой Анны Пророчицы, да голаго идола хотѣли поставить!

— Ну, что же будетъ теперь, Аграфена Федоровна?

— Да, конечно, опять поставятъ Анну Пророчицу.

Много времени куполъ оставался пустымъ. Наконецъ, на куполѣ появилась маленькая статуя Анны.

Аграфена Федоровна торжествовала.

Обходимъ большой домъ. Идемъ къ старому вязу, такому старому, что стволъ его и громадныя вѣтви стянуты желѣзными обручами.

Идемъ дальше по темной аллеѣ изъ старыхъ елей. Спускаемся къ маленькому пруду. Онъ совсѣмъ черный, немного жуткій. На немъ есть таинственный островъ. Онъ очень маленькій и весь глухо заросъ высокими елями и глухими кустарниками орѣшника и бузины. Выходимъ къ рѣкѣ. Отъ воды пахнетъ по-осеннему. Вода стала прозрачнѣе. Она уже другая, не наша лѣтняя, чужая. Идемъ по берегу рѣки. Поднимаемся на полотно желѣзной дороги. Подъ полотномъ большой каменный туннель, соединяющій два большіе пруда, образуемыхъ запруженной рѣчкой Голедянкой. Туннель для насъ живой и хорошо насъ знаетъ. Мы съ нимъ ведемъ постоянные разговоры. Сколько разъ онъ съ ясной точностью отвѣчалъ намъ на наши восклицанія, радостныя, смѣшныя, воинственныя! Чѣмъ громче было восклицаніе, тѣмъ отчетливѣе отвѣчало намъ эхо желѣзнодорожнаго туннеля. Кричимъ, и сейчасъ:

— Прощай! Завтра уѣзжаемъ въ Москву!

Сегодня туннель отвѣчаетъ что-то плохо. Среди гула разбираемъ только:

— Ай... уу...

Эхо или не въ духѣ, или не хочетъ, чтобы мы уѣзжали.

Идемъ дальше на обрывъ. На вершинѣ старое кладбище. Низкорослыя сосенки. Низенькіе холмики могилокъ. Старые покривившіеся кресты. Каменныя плиты, покрытыя зелено-желтыми лишаями и мхомъ. Мѣстами, вмѣсто могильныхъ холмиковъ — провалы и углубленія съ покривившимися надгробіями. Это — старообрядческое кладбище. Оно кончается большимъ песчанымъ обрывомъ. Наиболѣе высокія части обрыва получили названія. Я назвалъ свою возвышенность Фровардомъ. Паша назвалъ свою Мысомъ Доброй Надежды.

Черезъ поле идемъ на наши курганы-бугорки. Съ нихъ видно во всѣ стороны. Съ нихъ видна Москва, «какъ на ладонкѣ». Она тя-

нется длинной сѣро-лиловой полосой. Надъ ней всегда виситъ дымка, какъ бы полоса тумана.

— Это пыль надъ Москвой, — говорятъ старшіе.

Но и среди этой дымки и пыли сверкаютъ золотыя главы московскихъ церквей и горятъ на солцнѣ купола Храма Спасителя.

Москва далекая, манящая, зовущая, таинственная, жуткая — протянулась далекой туманной полосой на далекомъ горизонтѣ.

По низкому деревянному мосту возвращаемся въ Люблино. Идемъ вдоль болотистыхъ береговъ Голедянки. Рѣчка уклоняется въ сторону и скрывается среди высокихъ, черныхъ, старыхъ деревьевъ и среди непролазныхъ кустовъ. Мы называемъ эту чащу лѣсами Южной Америки, а Аграфена Федоровна полушопотомъ, сдвинувъ брови, эти мѣста называетъ «царскими кухнями». Такое неожиданное названіе было дано лѣтней резиденціи обитателей Московскаго Хитрова рынка, завсегдатаи котораго лѣтомъ превращались въ «грибниковъ». Ни у кого никогда не было такихъ прекрасныхъ бѣлыхъ грибовъ, какъ у этихъ людей, очень оборванныхъ и очень мрачныхъ. Про нихъ шопотомъ Аграфена Федоровна разсказывала разныя страшныя исторіи, связывая «царскія кухни» съ двумя постоялыми дворами, носившими названіе «двориковъ». Слава этихъ двориковъ была не очень добрая. Тамъ, какъ говорили, «пошаливали».

Обходъ Люблина конченъ. Идемъ домой. Заходимъ къ Аграфенѣ Федоровнѣ и Евстигнею Купріяновичу проститься. Она, ласковая, хлопочетъ, ставитъ на столъ варенье и мармеладъ. Хочетъ ставить самоваръ. Мы отказываемся. Изъ маленькой спальни выходитъ въ одномъ жилетѣ Евсигней Купріянычъ. Объясняетъ, отчего служилъ обѣдню не отецъ Нектарій, а другой монахъ. Очень хвалилъ пѣніе пріѣзжавшихъ изъ Москвы пѣвчихъ. Прощаемся съ пожеланіями увидѣться на будущее лѣто.

Все кончено. Люблино, лѣто, Кузьминки, дворики, царскія кухни — все это прошлое.

Завтра Москва! Завтра начинается новая жизнь...

Уходъ изъ Межевого Института

Въ ту пору, когда мы сидѣли одинъ за другимъ въ разныхъ классахъ гимназіи, — старшій, Паша, былъ въ пятомъ классѣ, а младшій, Володя, въ первомъ, — у насъ въ семьѣ произошло событіе большой важности оказавшее вліяніе на всю нашу дальнѣйшую жизнь.

Однажды отецъ вернулся изъ Института самъ не свой. Такимъ мы его никогда не видали. Онъ былъ блѣденъ, сдерживалъ себя, но не могъ скрыть своего волненія, раздраженія и гнѣва. Онъ позвалъ маму Юлію Михайловну въ кабинетъ, заперъ на ключъ двери и при-

казалъ никого не принимать. Что-то случилось. Такимъ папу мы никогда не видали. Долго въ кабинетѣ шелъ разговоръ, прерываемый иногда громкими восклицаніями отца:

— Да нѣтъ, ты послушай, какая низость! Нѣтъ, ты скажи мнѣ, гдѣ же совѣсть, гдѣ честь у этихъ людей!

Потомъ опять слова были неразборчивы, и мы только воспринимали взволнованный тонъ отца. Снова прорывались отдѣльныя фразы.

— Да такъ никто ничего не понимаетъ. Всѣ разводятъ руками, выражаютъ свое негодованіе, говорятъ, что такъ этого дѣла оставлять нельзя! Говорятъ, что тутъ какое-то недоразумѣніе, нужно ѣхать въ Петербургъ.

Потомъ изъ кабинета долетѣли слова отца:

— Какая низость! И это изъ-за того, что я съ ними не игралъ въ карты. Понадобилось мѣсто для своего человѣчка... Впрочемъ, на все воля Божья...

Становилось понятно изъ этихъ долетавшихъ отрывковъ, что случилось... Произошло что-то, что обрушилось на нашего отца, обрушилось нежданно, негаданно. Совершилась какая-то большая несправедливость, жертвой которой сталъ нашъ отецъ. Но кто повиненъ въ этомъ, гдѣ причины, не зналъ и отецъ, тѣмъ менѣе онѣ были понятны намъ.

Изъ кабинета между тѣмъ вышли отецъ и мама Юлія Михайловна. У обоихъ настроеніе было приподнятое. Но они оба справились съ собой. Отецъ, видя наши смущенно-вопрошающіе взгляды, улыбнулся намъ и сказалъ, какъ бы продолжая свой разговоръ.

— Никто, какъ Богъ, дѣти. Юля вамъ разскажетъ, что случилось. Ничего, не потеряемся, не пропадемъ. Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Вины за собой не вижу. Поѣду, посовѣтуюсь съ добрыми людьми. Вотъ не ждалъ, не гадалъ! Ну, да Богъ милостивъ.

Съ этими словами отецъ уѣхалъ къ князю Владиміру Михайловичу Голицыну, съ которымъ связывали его давнія добрыя отношенія. Онъ былъ врачемъ въ ихъ семьѣ.

Мама Юлія Михайловна повела насъ въ папинъ кабинетъ. Мы сѣли на диванъ и въ кресла. Мама, затворивъ двери, сѣла у папинаго стола и стала намъ разсказывать о томъ, что случилось. Мы всѣ тутъ были, и Володя, гимназистикъ 1-го класса, тутъ же сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ, внимательно слушая разсказъ мамы.

Разсказъ былъ кратокъ. Внутренній смыслъ его былъ ясенъ. Мы его уже уловили изъ словъ папы, долетавшихъ до насъ изъ кабинета. Оказалось, что изъ Петербурга, изъ Управленія Межевой частью, неожиданно для всѣхъ и безъ всякаго предупрежденія, было получено увѣдомленіе о томъ, что отецъ нашъ отчисляется отъ должности врача Константиновскаго Межевого Института, согласно прошенія, а на его мѣсто назначается петербургскій докторъ Михай-

ловъ, лечившій въ Петербургѣ семью новаго директора Института, генерала Кострова. Какъ все это произошло, въ чемъ вина отца, — никто не знаетъ. Все это будетъ выяснено. Правда должна восторжествовать тѣмъ болѣе, что совершилась величайшая несправедливость, которой и имени нѣтъ.

Вотъ и все, что мы узнали на нашемъ первомъ семейномъ совѣтѣ. Какъ должна была восторжествовать поруганная справедливость (а что она была поругана, какія могли быть у насъ сомнѣнія!), мы не знали. Одно стало для насъ непреложнымъ, это — явно враждебное начало Петербурга. Тамъ, и только тамъ, источникъ несправедливости и произвола. Все, что мы слышали раньше въ смыслѣ осужденія Петербурга, какъ собирательнаго цѣлаго, что раньше было отвлеченное, не связано съ нашей жизнью, вдругъ получило полный смыслъ и теперь понятное намъ содержаніе. Отвлеченныя для насъ до сихъ поръ понятія — несправедливости, произвола, самоуправства, незаслуженной обиды — оказались теперь полны значенія и живого содержанія. Острую боль обиды, обиды кровной, испытали мы со всей силой перваго дѣтскаго впечатлѣнія. Петербугъ! Кто это тамъ смѣетъ обижать нашего отца!

Исторія съ отцомъ такъ и осталась и для него, и для всѣхъ его друзей загадкой. Поѣздки въ Петербургъ ничего не разъяснили... Безспорно установлено было, что никакой вины за отцомъ не было. Тамъ, въ Межевомъ Управленіи, пожимали плечами и отмалчивались, а въ частныхъ разговорахъ, понижая голосъ, говорили: «Понадобилось мѣсто для доктора, который лѣчилъ семью новаго директора — ну, вотъ и пришлось это устроить. Конечно, вышло очень неловко. Но, знаете, теперь нельзя ничего сдѣлать, можетъ пострадать престижъ власти!»

Такъ ничего и не добились. Престижъ власти восторжествовалъ, а бѣдная «справедливость» должна была отойти въ сторону, какъ «дальняя и скучная, надоѣдная родственница».

Сотоварищи по службѣ трогательно проводили отца. Большинство изъ нихъ осталось его вѣрными паціентами. Очевидно, не въ недостаткѣ медицинскаго искусства и человѣчности было дѣло. Попросту, московскій врачъ оказался не ко двору при дворѣ петербургскаго генерала, пріѣхавшаго наводить свои порядки въ Межевой Институтъ послѣ Ал. Л. Апухтина, переведеннаго въ Варшаву.

Послѣ этого мы переѣхали въ Большой Казенный переулокъ, близъ стараго Курскаго вокзала, въ небольшой деревянный домикъ съ мезониномъ. Отецъ купилъ этотъ домъ у мѣщанина Кондратьева, торговавшаго старымъ желѣзомъ. Домъ былъ старенькій. Въ немъ помѣщалась камера мирового судьи Яузскаго участка С. И. Печкина. Домъ былъ запущенъ, грязенъ, полонъ громадныхъ крысъ. При ремонтѣ дома въ землѣ найдено было чугунное ядро. Это — остатки французовъ.

Домъ привели въ порядокъ, обновили, крысъ повыгнали, и въ немъ размѣстилась на новое жительство вся наша семья, къ тому времени уже подраставшая. Началась новая полоса въ нашей жизни. Время залѣчиваетъ всякія раны. Забылись и жгучія впечатлѣнія отъ обиды, причиненной отцу и всѣмъ намъ «Петербургомъ». Но враждебное отношеніе къ Петербургу и царящему въ немъ строю сложилось прочно и неизмѣнно. Мы совершенно были готовы воспринять призывы къ защитѣ идей права и правды, къ защитѣ правъ личности, по опыту зная, что значитъ ихъ нарушеніе.

Такъ было для насъ. А для отца это событіе было тяжелымъ. Онъ пережилъ его мужественно, но съ этого времени началось его старѣніе. Онъ сталъ еще больше преданъ церкви и еще шире открылъ свои двери для «униженныхъ, обиженныхъ, угнетенныхъ и обремененныхъ». Все его время уходило на посѣщеніе подваловъ, коечныхъ и каморочныхъ квартиръ, угловъ и ночлежекъ. Среди этого московскаго дна онъ сталъ нужнымъ и близкимъ человѣкомъ. Московскій Хитровъ рынокъ зналъ его и называлъ — «нашъ докторъ Иванъ Николаевичъ». Однажды, поздно, морознымъ вечеромъ, отецъ возвращался домой пѣшкомъ отъ больного. Путь его былъ по Покровскому бульвару, слабо освѣщенному рѣдкими керосиновыми фонарями. Онъ шелъ въ шубѣ и мѣховой шапкѣ. Бульваръ былъ безлюденъ, мѣсто глухое, поблизости былъ Хитровъ рынокъ съ его ночлежками и притонами. Дорога была для отца знакомая, мѣста привычныя. Вдругъ изъ темноты выдѣляются двѣ фигуры, быстро направляются къ отцу и начинаютъ стаскивать съ него шубу. Но вотъ одинъ, вглядѣвшись въ лицо отца, отскочилъ и смущенно пробормоталъ: «Извините, господинъ докторъ Иванъ Николаевичъ. Мы ошиблись!» И обращаясь къ недоумѣвающему товарищу, проговорилъ: «Идемъ, Ванька, это нашъ господинъ докторъ».

Вскорѣ какъ-то сама собой стала развиваться работа, которая получила названіе общественной работы — работа многихъ на общее благо. Среди этой работы отцу принадлежало видное мѣсто.

Въ казенномъ переулкѣ

Послѣ упомянутаго событія въ нашей семьѣ окрѣпли и опредѣлились яснѣе наши внутреннія взаимоотношенія. Кончилось дѣтство. Началась новая пора жизни и для всей семьи, и для каждаго изъ насъ. Переѣздъ изъ Константиновскаго Межевого Института въ Б. Казенный переулокъ оторвалъ насъ отъ безпечнаго дѣтства. Жизнь показала намъ свой новый обликъ. Борьба, отвѣтственность, условность человѣческихъ отношеній, условность въ жизненномъ обиходѣ понятій, абсолютная безспорность которыхъ провозглашалась въ семьѣ, — все это выростало вмѣстѣ съ нашимъ ростомъ, подчеркивая противорѣчія и ставя новые и сложные вопросы.

Тутъ уже довольно четко намѣтились индивидуальныя черты насъ, четверыхъ братьевъ, близкихъ другъ къ другу, дружныхъ, и въ то же время разныхъ по внутреннимъ свойствамъ и по отношенію къ новымъ сторонамъ жизни.

Старшій, Паша, во всѣхъ поступкахъ, во всемъ поведеніи и внутреннемъ отношеніи къ людямъ, близкимъ и чужимъ, безъ колебаній и сомнѣній руководился сознаніемъ долга и отвѣтственности передъ высшимъ въ мірѣ началомъ, передъ Богомъ. Цѣльность его міросозерцанія сложилась въ раннихъ дѣтскихъ лѣтахъ и осталась ненарушенной въ теченіе всей жизни. Такимъ онъ былъ всегда, съ самаго ранняго дѣтства, и съ ростомъ его эти свойства только укрѣплялись и получали новое обоснованіе. Долгъ и отвѣтственность въ жизни, трудъ и жертва на пути достиженія конечныхъ цѣлей, поставленныхъ человѣку при проведеніи въ жизни добра и правды. Склонность къ углубленію своей ищущей мысли, но мысли, которой онъ не позволялъ отрываться отъ незыблемыхъ для него основъ, лежащихъ въ глубокомъ религіозномъ настроеніи. Въ связи съ этимъ, признаніе авторитетовъ и послушное слѣдованіе за ихъ указаніями въ области вѣры и морали.

Не то представлялъ собой Саша. Пылкій и неудержимый въ своихъ порывахъ, онъ не искалъ философскихъ обоснованій своего отношенія къ жизни и людямъ. Но въ этихъ отношеніяхъ у него не было колебаній и неясности. На всѣ вопросы, которые ставила передъ нимъ тогда еще маленькая жизнь, онъ отвѣчалъ сразу и безошибочно, черпая отвѣты изъ своей прямой и честной натуры, изъ здороваго инстинкта, на который, какъ на чудесную почву, падали и давали чудесные всходы завѣты семьи. Это про него, про нашего Сашу, про его прямоту, не вѣдающую компромиссовъ и извилистыхъ путей, отецъ говорилъ: «Нашъ Саша, вотъ образецъ израильтянина, въ которомъ нѣсть льсти». И эти черты онъ пронесъ черезъ всю свою жизнь, оборвавшуюся такъ трагично.

Володя къ тому времени былъ еще очень малъ. Но и его отношеніе къ внѣшнему міру было ясно и не допускало колебаній. Укладъ семьи — что сказали бабушка, папа, Юлія Михайловна — вотъ законъ, который нельзя нарушить.

Нѣсколько иначе складывались у меня отношенія и внѣшнія, и внутреннія. Люди всѣ мнѣ казались и интересными, и прекрасными. Всякая встрѣча съ новымъ лицомъ и привѣтливое его отношеніе вызывало во мнѣ восклицаніе, обращенное ко всѣмъ: «А знаете, это очень хорошій человѣкъ. Нѣтъ, правда, онъ очень хорошій», торопился я ободрить самого себя, если не находилъ въ окружающихъ поддержки.

— У тебя всѣ хорошіе, ты очень довѣрчивъ, смотри, обожжешься. Нужно умѣть разбираться въ людяхъ.

Это былъ голосъ жизненнаго опыта, который вызывалъ недо-

умѣніе, протестъ, но и охлаждалъ немного мою пылкость и довѣрчивость.

Улавливаемыя противорѣчія между принципами и фактами жизни оставляли во мнѣ глубокій слѣдъ. Иногда меня влекли абсолютные идеалы, и хотѣлось имъ однимъ посвятить свою жизнь. Въ мрачныхъ чертахъ рисовалось зло въ мірѣ, порокъ. Навѣянные разсказами бабушки образы отшельниковъ, пустынниковъ, затворниковъ влекли къ себѣ. Въ Кузьминскомъ лѣсу я даже высмотрѣлъ глубокій оврагъ, гдѣ можно было бы устроить себѣ шалашъ-келью. Это было въ раннемъ дѣтствѣ. А потомъ приходили мысли о жизни въ монастырѣ... Но все это разлеталось какъ дымъ, когда слушалъ разсказы о жизни, объ ея увлекательныхъ сторонахъ, когда, читая, обнаруживалъ ея несравненную прелесть и интересъ. Тогда томительно хотѣлось чего-то другого. Не только отшельничество забывалось, но и обстановка семьи казалась чему-то мѣшающей. Это «что-то», таинственное и невѣдомое, влекло неудержимо. Между этими оторванными другъ отъ друга состояніями не было соприкосновеній. Колебанія между жизнью, какъ всѣ, и отреченіемъ отъ нея, какъ немногіе, были обычнымъ состояніемъ моего настроенія, которое часто бывало мрачнымъ, неспокойнымъ, иногда мечтательнымъ, иногда, какъ говорили, склоннымъ къ хандрѣ.

Каждый изъ насъ вносилъ свои настроенія въ общую гармонію семьи. Диссонансы бывали, но они быстро исчезали и исправлялись Юліей Михайловной, которая ласковой рукой, задушевнымъ словомъ останавливала устремленіе въ сторону отъ линіи семьи, возстанавливала нарушенное равновѣсіе, предотвращая опустошенія отъ налетавшихъ временами на молодыя души грозъ и бурь.

Мама Юлія Михайловна была нашимъ неизмѣннымъ другомъ и наставникомъ. И во всѣ времена нашей жизни она оставалась и другомъ, и наставникомъ. Мы не имѣли отъ нея тайнъ. Мы охотно повѣряли ей всѣ новыя движенія души. Это стало потребностью. Раньше это были маленькія заботы, маленькія тайны. Съ годами въ ея «исповѣдальню» мы шли по собственному побужденію, съ болѣе значительными вопросами взволнованной души и совѣсти.

Вечеромъ, когда она уже была въ постели, кто-нибудь изъ насъ заходилъ въ ея спальню, присаживался на край ея постели и начиналъ разсказывать и то, что было, и то, что хотѣлось, чтобы было, что волновало, что смущало, что казалось непримиримымъ противорѣчіемъ съ правиломъ жизни. Она знала всѣ наши стремленія и увлеченія, всѣ наши сердечныя тайны были ей открыты. Она обладала изумительной способностью вызывать довѣріе не только насъ, которыхъ она воспитала, но всѣхъ, кто имѣлъ случай соприкоснуться съ ней. Она была не только пассивной слушательницей, но истиннымъ другомъ, который бережно, не вторгаясь въ смятенное настроеніе исповѣдующагося передъ ней (а такіе разговоры съ ней именно

и были добровольной исповѣдью, такъ облегчавшей душу и совѣсть), помогала расплести, казалось, совсѣмъ запутанный клубокъ мыслей, поступковъ, противорѣчій. Все это дѣлалось кротко, ласково, умно и съ величайшимъ тактомъ и доброжелательствомъ.

Эти вечерніе разговоры съ ней вели всѣ мы, братья, во всѣ времена нашей жизни. Особенно эти разговоры становились часты и напряженны, когда на кого-либо изъ насъ налетало увлеченіе. А такъ какъ насъ было четверо и крылья увлеченія касались насъ и порознь и вмѣстѣ, то исповѣдальня мамы Юліи Михайловны не пустовала. А потомъ, когда мы выросли, къ ней на исповѣдь за утѣшеніемъ, за совѣтомъ, за помощью въ тоскѣ, уныньи и отчаяніи, за цѣлительнымъ елеемъ, который она должна была излить на душевныя раны, — стали приходить другіе. И для всѣхъ она находила и слово бодрое, и ласку, и умѣнье передать свою вѣру. Много смятенныхъ душъ сумѣла она спасти и удержать отъ отчаянія и гибели.

И такъ до самаго конца.

Кругъ друзей и близкихъ отца съ переѣздомъ въ Б. Казенный переулокъ сомкнулся. Остались только дѣйствительно преданные друзья. Среди нихъ Андрей Григорьевичъ Полотебновъ, оба князя Мещерскихъ, Страховъ, Дюшены, Эгерты и нѣсколько другихъ. Чаще сталъ наѣзжать къ намъ изъ Тамбова дядя Митя, братъ нашего отца. Его пріѣздъ вызывалъ въ насъ двойственное чувство. Мы очень любили дядю Митю, ласковаго, благодушнаго, красиваго, какъ намъ казалось. Онъ былъ инспекторомъ Тамбовской Духовной семинаріи, жилъ всегда въ Тамбовѣ, на Араповской улицѣ. Изъ Тамбова, съ береговъ Цны, отъ преподобнаго Питирима, отъ Трегуляевскаго монастыря, дядя Митя пріѣзжалъ въ Москву повидать брата, посовѣтоваться съ нимъ о здоровьѣ, побывать въ московскихъ театрахъ. Наша радость, вызванная пріѣздомъ дяди Мити, омрачалась появленіемъ вмѣстѣ съ нимъ его жены, Александры Фаддеевны. Это была явно ненормальная женщина, съ величайшимъ трудомъ переносимая въ общежитіи. Раздражительная, неопрятная, шумная, она отравляла существованіе дяди Мити, который, однако, съ кротостью и смиреніемъ несъ, какъ про него говорили, свой крестъ.

Если удавалось отвлечь вниманіе Александры Фаддеевны, и дядя Митя освобождался отъ ея нестерпимаго общества, онъ обнаруживалъ всю мягкость и изящество своей натуры. Онъ былъ немного провинціаленъ, старомоденъ, но былъ уменъ, образованъ, добръ и безмѣрно благодушенъ. Такъ всю свою жизнь и свѣковалъ со своей сумасшедшей женой, твердившей цѣлые дни о чудодѣйственной силѣ «черныхъ глазъ», о преступности, коварствѣ сѣрыхъ глазъ. Всѣ люди ею расцѣнивались по цвѣту глазъ. Умеръ онъ при нѣсколько загадочныхъ условіяхъ. Предполагали даже убійство. А вскорѣ послѣ смерти дяди Мити какой-то проходимецъ съ черными глазами

дочиста обобралъ тетушку Александру Фаддѣевну, бывшую долгое время притчей во языцѣхъ въ Тамбовѣ.

Иногда къ намъ наѣзжали изъ глуши той же Тамбовской губерніи наши двоюродныя сестры, молоденькія дѣвушки изъ семьи Серповскаго, сельскаго священника села Гагарина. Маня, постарше, милая, веселая дѣвушка съ нѣжнымъ сердцемъ и мечтательнымъ настроеніемъ. Младшая, Зина, подростокъ, младшая дочь гагаринскаго священника. По обычаю сельскаго духовенства, за младшей дочерью священника оставался и приходъ. Женившійся на младшей дочери умершаго священника «кончалый» (такъ называли семинариста, окончившаго курсъ семинаріи и искавшаго «невѣсту съ мѣстомъ») обычно получалъ вмѣстѣ съ невѣстой приходъ. Поэтому маленькую Зину звали «гагаринской попадьей».

Обѣ дѣвочки по-разному относились къ Москвѣ, ея улицамъ, церквамъ. Маня ахала и шумно восхищалась всѣмъ. Зина таращила свои большіе глаза, но находила, что ея гагаринская церковь ничуть не меньше Богоявленія въ Елоховѣ и вообще Гагарино имѣетъ такія преимущества, которыхъ нѣтъ въ Москвѣ. А барскіе дома въ имѣніяхъ Козлова, Жеребцова не уступаютъ, по ея убѣжденію, московскимъ дворцамъ. Зина была большая патріотка своего Гагарина.

Въ старшихъ классахъ гимназіи я любилъ писать стихи. Маня была въ восторгѣ отъ моихъ стиховъ и часто вмѣстѣ съ няней Акулиной просила почитать ей «стишки». Особенно ей нравились баллады и лирическія стихотворенія. Неизмѣнно просила она декламировать ей стихотвореніе о потокѣ. Это было подражаніе Алексѣю Толстому, на его «Минула страсть». Какъ у Толстого, первая часть стихотворенія говорила о минувшей страсти, объ успокоеніи, о разочарованіи:

Тихо все. Я спокоенъ душой.
Прежнихъ грезъ мнѣ не жаль,
И туманная даль
Не влечетъ меня прежней тоской.
Сердце полное юныхъ желаній,
Тихой грусти и скрытыхъ страданій,
Не трепещетъ въ отвѣтъ
На случайный привѣтъ,
И ужъ нѣтъ въ немъ былыхъ ожиданій.

Стихотвореніе кончалось такъ:

И спокойно съ высотъ
Я гляжу, какъ реветъ,
Какъ клокочетъ, кипитъ и бушуетъ
Межъ горами потокъ.

И широкъ, и глубокъ
Онъ, могучій, клубясь, негодуетъ.
А въ безбрежной дали,
По простору степи,
Тѣ же воды спокойныя льются.
Но не видно волны,
И покоя полны
Онѣ къ морю
Безстрастно несутся.

Не знаю, что волновало няню Акулину и Маню въ этихъ стихахъ, но только онѣ обѣ разливались слезами, когда я съ чувствомъ и выразительностью читалъ эти стихи.

Требовали отъ меня иногда страшныхъ разсказовъ. Съ должнымъ выраженіемъ и таинственнымъ недосказомъ передавалъ я содержаніе страшныхъ разсказовъ Эдгара По. Вниманіе моихъ слушательницъ напрягалось по мѣрѣ развитія разсказа. Маня, не моргая и полуоткрывъ ротъ, смотрѣла мнѣ въ глаза. А Зина, по мѣрѣ того, какъ разсказъ становился все страшнѣе и таинственнѣе, все больше отворачивалась отъ меня, отводила глаза въ сторону... Когда разсказъ обрывался на самомъ страшномъ мѣстѣ, когда привидѣніе исчезало, но оставляло послѣ себя весь ужасъ неразгаданной тайны и подавленность, вызванную проникновеніемъ въ реальную жизнь таинственныхъ призраковъ потусторонняго, когда я замолкалъ, самъ взволнованный и взволновавшій моихъ довѣрчивыхъ слушательницъ, Маня испускала тяжелый вздохъ и шептала: «Какъ страшно!» А Зина произносила: «Ухъ, постылюха!»

Церковь 4-ой гимназіи

Послѣ переѣзда изъ Константиновскаго Межевого Института въ Б. Казенный переулокъ нашей приходской церковью стала большая церковь Воскресенья въ Барашахъ на Покровкѣ. Церковь громадная, нескладная въ архитектурномъ отношеніи, съ короной на вершинѣ. Здѣсь Императрица Елизавета вѣнчалась съ графомъ Разумовскимъ. Привыкшіе къ домовой церкви Межевого Института, мы на Страстной недѣлѣ говѣли въ церкви 4-ой гимназіи на Покровкѣ, въ бывшемъ домѣ гр. Разумовскаго, извѣстномъ въ Москвѣ подъ названіемъ «комодъ». Насъ, гимназистовъ, включили въ составъ импровизированнаго хора, который составился изъ нѣсколькихъ учителей и воспитателей 4-ой гимназіи и двухъ-трехъ гимназистовъ, не уѣхавшихъ въ отпускъ на Страстную и Пасху. Хоромъ управлялъ сѣденькій старичекъ Виноградовъ, пѣвшій тоненькимъ теноркомъ. Басомъ пѣлъ маленькій, большеголовый, съ лицомъ, изрытымъ оспой, учи-

тель чистописанія. У него были маленькіе безцвѣтные глазки, носъ, какъ раздвоенная луковица, руки коротышки, немного кривыя, коротенькія ноги. Онъ былъ мало благообразенъ и какъ бы чувствуя это, держался очень скромно и конфузливо. Онъ покорно принималъ на спѣвкахъ замѣчанія Виноградова, когда вступалъ не во-время или тянулъ невѣрную ноту. Нашъ басъ былъ мало замѣтенъ въ хорѣ, онъ не столько пѣлъ, сколько жужжалъ. Но иногда, на замѣчаніе регента или на чью-либо фальшивую ноту, онъ подавалъ короткія реплики такимъ тономъ и съ выраженіемъ такого комическаго ужаса на лицѣ, что всѣ покатывались со смѣха, несмотря на великопостное пѣніе, а онъ уже стоялъ сконфуженный и безобразный, моргая своими бѣлыми глазами. Каково же было общее изумленіе, когда черезъ много лѣтъ въ знаменитомъ Артемѣ Московскаго Художественнаго Театра мы узнали участника нашего хора, гудѣвшаго пчелинымъ баскомъ, учителя чистописанія 4-ой гимназіи, превращавшаго неудачи маленькаго хора въ веселую шутку.

Пѣли мы въ хорѣ съ увлеченіемъ. Въ тріо «Да исправится молитва моя» мы принимали участіе. Очень нравились намъ всѣ пѣснопѣнія Страстной недѣли. Пѣли и «Чертогъ Твой вижду, Спасе мой», и «Волною морскою», и «Разбойника благоразумнаго», пѣли и всю заутреню.

Настоятелемъ маленькой церкви 4-ой гимназіи былъ старенькій священникъ съ черненькими глазками, съ торопливыми движеніями и скороговоркой. Въ тѣ годы наши религіозныя настроенія были еще свѣжи и не затронуты сомнѣніями своими или порожденными чужими шутками или скептицизмомъ. Къ исповѣди и причастію мы приступали съ чувствомъ глубокимъ и сознаніемъ значительности того, что дѣлалось. Но вотъ тутъ и произошелъ «соблазнъ», оставившій слѣдъ на всемъ послѣдующемъ.

Однажды, въ среду на Страстной недѣлѣ, я ждалъ своей очереди, чтобы войти въ алтарь къ исповѣди. Припомнилъ и привелъ въ систему всѣ мои грѣхи. Работа мысли по классификаціи своихъ грѣховъ была согрѣта искреннимъ признаніемъ, что то, что сдѣлано, дѣйствительно расходилось и съ закономъ Божіимъ, и съ правилами, принятыми въ нашей семьѣ. Я готовъ былъ открыть свою душу, разсказать о своихъ грѣхахъ, признать ихъ, покаяться и горячо пожелать всѣмъ сердцемъ, чтобы ихъ вновь не повторять.

Съ такимъ настроеніемъ я вошелъ въ маленькій алтарь. Старичекъ священникъ неожиданно и торопливо спросилъ меня:

— Ты сынокъ Ивана Николаевича, доктора Астрова?

Я отвѣтилъ утвердительно и готовъ былъ начать свою исповѣдь, какъ вдругъ батюшка заговорилъ торопливо:

— Знаешь, тамъ пріѣхала изъ-за Москва-рѣки купчиха сюда исповѣдываться. Она вкладчица. Нельзя, чтобы она дожидалась. Ну, ты табачекъ покуриваешь?

— Нѣтъ, батюшка, я не курю, — смущенно бормочу я.

— Не куришь? Это хорошо. А нынѣ всѣ курятъ! Съ барышнями танцуешь?

— Да, батюшка, танцую.

— Ну, ну, это ничего.

Не успѣлъ я открыть рта, чтобы сказать о своихъ грѣхахъ, тѣмъ болѣе, что неожиданные вопросы о табачкѣ и барышняхъ перепутали всѣ мои мысли и грѣхи, какъ голова моя уже оказалась покрытой эпитрахилью и я уже услышалъ, что мои грѣхи отпущены недостойнымъ iереемъ.

Я былъ смущенъ и переконфуженъ. Изъ алтаря я вышелъ съ тяжелымъ чувствомъ. Настроенiе, съ которымъ входилъ въ него, исчезло. Эта неудавшаяся исповѣдь сдѣлала то, что я утратилъ то чувство напряженнаго стремленiя, съ которымъ раньше шелъ къ исповѣди.

Папины гости.

Изрѣдка у отца собирались гости. Мы, дѣти, не присутствовали на этихъ собранiяхъ, но всегда бывали довольны, когда къ намъ приходили папины друзья. Къ этимъ вечерамъ съ гостями задолго готовились. Заблаговременно приглашали кухмистера Курсопова съ Таганки, который устраивалъ свадебные и похоронные обѣды. Съ нимъ велись переговоры объ устройствѣ ужина. Освѣдомившись о количествѣ персонъ, Иванъ Афанасьевичъ дѣлалъ серьезное лицо, а оно было у него толстое, круглое, бритое, рябое, какъ-то особенно вкусно поджималъ свои толстыя губы и предлагалъ меню. Тутъ была непремѣнно заливная осетрина съ соусомъ изъ капорцовъ и оливокъ, индюшка, телятина, кремъ и дессертъ. Договаривались о винахъ и ликерахъ, закускахъ, назывались какiя-то мудреныя названiя. Отецъ заявлялъ, что самъ купитъ и вина, и ликеры у Скирмунта на Ильинкѣ. Иванъ Афанасьевичъ спрашивалъ, нужны ли канделябры и шандалы, сколько нужно прислать людей. Договаривались, что будетъ прислано два «человѣка» и одинъ поваръ. Уславливались о цѣнѣ и о томъ, чтобы лакеи и поваръ были непремѣнно трезвы и чисто одѣты и чтобы не случилось, какъ на похоронахъ купца Залогина, когда выпившiй «человѣкъ» облилъ соусомъ одну даму... Иванъ Афанасьевичъ клялся и божился, что все будетъ въ полной исправности, но тутъ-же добавлялъ, что теперь народъ пошелъ такой, что съ нимъ и сладу нѣтъ.

Наступалъ день прихода гостей. Вся квартира наша прiобрѣтала особый видъ. Мебель сдвигалась со своихъ обычныхъ мѣстъ. Становилось просторнѣе, но менѣе уютно. Столъ раздвигался. На немъ появлялись канделябры, вазы съ фруктами. Насъ кормили не

въ столовой, а въ дѣтской. Въ столовую не велѣно было ходить, чтобы не простудиться, т. к. тамъ все время были открыты форточки. Все это было интересно. А старый человѣкъ съ сѣдыми бакенбардами, разставлявшій на столѣ приборы, казался намъ особенно важнымъ господиномъ.

Первыми обыкновенно пріѣзжали баронъ и баронесса Штакельбергъ. Николай Петровичъ Штакельбергъ, отставной гусаръ, служилъ въ таможнѣ, былъ очень шуменъ и веселъ. Былъ очень лысъ и забавенъ. Умѣлъ показывать разные фокусы. У него какъ то внезапно исчезали и столь же внезапно появлялись разныя вещи, что приводило въ восторгъ младшихъ братьевъ. Шумно поздоровавшись съ нами, ущипнувъ по дорогѣ Володю, поддразнивъ кого-либо изъ насъ, показавъ разные фокусы, внезапно снявъ съ уха Володи перочинный ножикъ, раззадоривъ Сашу, который непремѣнно хотѣлъ отгадать фокусъ, Николай Петровичъ шелъ въ гостиную, садился за піанино и начиналъ пѣть куплеты. Голосъ у него былъ хриплый, срывавшійся, но пѣлъ онъ съ увлеченіемъ. Мы узнали отъ него пѣсенку о «фонарикахъ, сударикахъ», которые «горятъ себѣ, горятъ, что видѣли, что слышали, о томъ не говорятъ». Заливисто пѣлъ онъ «крамбамбули, отцовъ наслѣдство» и еще много другихъ пѣсенокъ и куплетовъ. Особенно залихватски выходилъ у него припѣвъ: «Вотъ онѣ, вотъ, неземныя созданія», барышни тру-ля-ля-ля*)». Все это пѣлось пока не собирались гости. Съ ихъ появленіемъ пѣсни и куплеты прекращались и баронъ Николай Петровичъ превращался въ степеннаго человѣка.

Его жена, баронесса Екатерина Ивановна, была совсѣмъ иного нрава. Это была высокая дама, съ большими глазами на выкатѣ, съ сѣдыми взбитыми волосами, покрытыми черной кружевной косынкой, которая красиво спадала съ головы на плечи и спину. Говорила она низкимъ, слегка хриплымъ голосомъ и почти никогда не разставалась съ тоненькой папироской. Про нее говорили, что она въ молодости была очень красива. Теперь же, когда проживъ нѣсколько состояній, полученныхъ по наслѣдству, она постарѣла, ей тяжело живется, тѣмъ болѣе, что ея мужъ, хотя и добрый, но безпутный. Безпутный, впрочемъ, потому, что поетъ куплеты — разсуждали мы.

---

*) Припѣвъ слѣдующго куплета:

«Что за педантъ нашъ учитель словесности!
Слушать противно его...
Все говоритъ о трудахъ, объ извѣстности —
И не поймешь ничего!
Танцы, балы, маскарады, собранія
Я безъ него поняла»...
Вотъ онѣ, вотъ «неземныя созданія»,
Барышни, тру-ля-ля-ля!»

Вслѣдъ за Штакельбергами приходили Девальдены, священникъ Межевого Института, Андрей Григорьевичъ Полотебновъ, воспитатели и преподаватели Института, докторомъ котораго былъ нашъ отецъ, Автократовы, Сомовъ, Шубины, Семеновы, Смѣлковъ, Скритскій, Людмила Аполлоновна, «мессалина» Межевого двора, И. П. Кушнеревъ, худой, высокій съ тоненькимъ краснымъ носикомъ С. Н. Кацауровъ съ маленькой Ольгой Игнатьевной, его женой; ихъ называли «многочадными» изъ-за обилія дѣтей, и много другихъ. Комнаты быстро заполнялись гостями, становилось шумно. До насъ долетали дружные взрывы смѣха. Мы, дѣти, сидѣли въ своей комнатѣ и дожидались наступленія часа, когда нужно было ложиться спать.

Изъ гостиной къ намъ заходилъ кто нибудь изъ гостей. Заходилъ священникъ Полотебновъ въ одномъ подрясникѣ, съ магистерскимъ крестомъ, съ сигарой въ зубахъ и рюмкой ликера въ рукѣ, здоровался, освѣдомлялся о нашихъ занятіяхъ, разсказывалъ какую нибудь занимательную исторію, самъ смѣялся больше всѣхъ и уходилъ доканчивать игру въ карты. Изъ залы доносился до насъ шумъ и смѣхъ. Иногда намъ удавалось различить знакомый голосъ. Но мы обращались въ напряженный слухъ, когда изъ залы доносились звуки скрипки. Это означало, что пріѣхалъ князь Іосифъ Александровичъ Мещерскій. Онъ хорошо игралъ на скрипкѣ, а иногда читалъ свои переводы Мольера. Тогда въ залѣ наступала полная тишина, нарушавшаяся дружными взрывами хохота. Какъ проходилъ ужинъ съ канделябрами и человѣками во фракахъ, съ заливнымъ съ капорцами и оливками, мы уже не знали, ибо къ этому времени спали крѣпкимъ сномъ. Ни шумъ, ни хохотъ не нарушали нашего покоя, который охраняла все та же наша милая бабушка Авдотья Ивановна.

Только на слѣдующій день мы находили слѣды недавняго пиршества. Старые люди съ сѣдыми бакенбардами и съ бритыми подбородками, въ какихъ то грязныхъ кофтахъ, поспѣшно убирали въ сундуки и ящики канделябры съ стеклянными висюльками, вазы и цвѣтныя тарелки. На завтракъ намъ давали остатки заливного и остатки крема. Все это мы поѣдали съ удовольствіемъ.

Старый московскій докторъ

Часто заходилъ къ намъ и подолгу просиживалъ съ отцомъ и мамой, Юліей Михайловной, старенькій докторъ Преображенской больницы и Матросской богадѣльни Николай Петровичъ Страховъ. Съ этимъ старикомъ связаны самыя разнообразныя и ласковыя воспоминанія того времени, когда мы, еще гимназисты-подростки, жадно ловили и впивали въ себя впечатлѣнія жизни.

Николай Петровичъ Страховъ прожилъ долгую жизнь, захва-

тившую обѣ половины прошлаго столѣтія. Онъ служилъ еще въ старыхъ дореформенныхъ учрежденіяхъ, самъ прошелъ черезъ ту пору, которая была «игомъ рабства клеймена», которая «безбожной лести, лжи тлетворной и лѣни мертвой и позорной и всякой мерзости полна»...

Онъ со всею страстностью своего живого темперамента отдался великимъ реформамъ и, сохраняя до самой старости юношеское горѣніе, продолжалъ свою скромную и незамѣтную работу врача богадѣльни и больницы для умалишенныхъ почти до самаго конца столѣтія.

Николай Пертровичъ былъ изумительный и неизсякаемый разсказчикъ. Обѣ эпохи давали ему обильный матерьялъ для разсказовъ. А эти разсказы были всегда живы, содержательны, полны юмора. Онъ умѣлъ подмѣчать такія стороны въ жизни, которыя оставались незамѣтными для другихъ. Поэтому даже самыя простыя вещи въ его описаніи получали особый смыслъ, даже самыя страшныя событія онъ умѣлъ передать такъ, и такъ освѣтить, что они становились не такими страшными. Всему, о чемъ бы онъ ни разсказывалъ, онъ умѣлъ сообщить увлекательный интересъ.

Веселость, благодушіе, неподдѣльный юморъ въ полной мѣрѣ гармонировали со всею внѣшностью стараго московскаго доктора.

Н. П. Страховъ былъ небольшого роста, коренастъ и широкъ въ плечахъ. Его коротенькія ноги были выгнуты, «какъ у кавалериста» — шутилъ онъ. Но особое наше вниманіе привлекала его голова. Она была большая, покрытая густыми сѣдыми волосами, зачесанными на бокъ, но чаще взъерошенными. Его румяное лицо почти всегда было озарено улыбкой милой и ласковой, обнаруживавшей крѣпкіе, широко разставленные зубы. Глаза свѣтло-голубые тоже были всегда веселые и смѣющіеся, а ихъ учащенное морганіе придавало всему выраженію его лица нѣсколько лукавый характеръ — будто онъ все время кому-то подмигивалъ. Лицо его было тщательно выбрито и только отъ ушей къ низу подбородка спускался густой полуовалъ сѣдыхъ волосъ. Эта своеобразная борода, сливавшаяся съ сѣдой шевелюрой, какъ у голландскаго шкипера, оказывалась какъ бы рамой, изъ которой выглядывала добрая, благодушная, кому-то постоянно подмигивающая физіономія.

Николай Петровичъ былъ всегда чистенько, но бѣдно одѣтъ и неизмѣнно носилъ бѣлый батистовый галстукъ, завязанный широкимъ бантомъ. Зимой онъ ходилъ въ мѣховой шубѣ до пятокъ. Головной же его уборъ былъ невѣроятныхъ размѣровъ и формы — шерстяной колпакъ, который ему связала и сама сваляла въ мохнатую шапку его жена Софья Алексѣвна. По шапкѣ Николая Петровича можно было издали узнать на большомъ разстояніи и розыскать въ какой угодно толпѣ. Другой такой шапки во всей Москвѣ нельзя было бы найти.

Если Николай Петровичъ былъ неудержимо говорливъ, то его жена, милая Софья Алексѣвна, была его прямой противоположностью. Она была высокаго роста, весьма мало подвижна и поразительно молчалива. А когда начинала говорить, то рѣчь ея была медленна, монотонна и какъ то замирала не дойдя до конца. Какъ будто ей самой становилось неловко и невѣроятно скучно слушать самое себя. Но при всемъ этомъ она была активно добрымъ человѣкомъ, не устававшимъ излучать любвеобильную доброту и помогать людямъ въ ихъ неизбывной нуждѣ. Только все это она дѣлала не торопясь, безъ шума и безъ словъ.

Николай Петровичъ приходилъ къ отцу, какъ онъ говорилъ, «поболтать», по воскресеньямъ послѣ обѣдни, къ пирогу съ капустой. Когда всѣ уже сидѣли за столомъ, раздавался звонокъ въ передней и уже оттуда слышался громкій и веселый голосъ Николая Петровича, который начиналъ разсказывать что-то очень интересное, только-что случившееся на улицѣ или у обѣдни, горничной Анютѣ, снимавшей съ него шубу. Анюта ахала и громко восклицала. А Николай Петровичъ, широко улыбаясь, входилъ въ столовую, широкимъ жестомъ дѣлалъ общій поклонъ, здоровался съ отцомъ и Юліей Михайловной, со всѣми нами, и садясь за столъ на обычное свое мѣсто, справа отъ отца, начиналъ:

— А знаете, Иванъ Николаевичъ, что однажды случилось въ Калугѣ въ 1846 году? Я тогда, былъ еще молодымъ врачемъ...

И Николай Петровичъ начиналъ разсказывать какую нибудь занимательную исторію изъ давняго прошлаго. Мы обращались въ слухъ, зная, что исторія будетъ нова, интересна, изъ другого міра и притомъ разсказана изумительно живо.

Николай Петровичъ выпивалъ рюмочку темнаго звѣробоя, вкусно крякалъ, мимоходомъ разсказывалъ что нибудь о звѣробоѣ, закусывалъ селедкой, освѣдомившись у кого и почемъ покупали селедку, у Мурысова или у Колганова, наставительно замѣчалъ, что къ Скребетову на Нѣмецкомъ рынкѣ привезли свѣжаго судака, принимался за пирогъ съ капустой, похваливалъ и пирогъ и закуску, и возвращался къ прерванному разсказу о Калужскомъ случаѣ.

Запасъ разсказовъ у Николая Петровича былъ неистощимъ, а охоты разсказывать ему не приходилось занимать. Эти разсказы для насъ, подростковъ, открывали все новыя и новыя области интересовъ, знакомили насъ съ жизнью старой, уже миновавшей эпохи. Помню свое настроеніе какъ бы нѣкоторой гордости, когда Николай Петровичъ подчеркивалъ разницу межу суровостью и безправіемъ недавняго прошлаго и благомъ современности. Это превосходство нашего настоящаго надъ не нашимъ прошлымъ вызывало чувство радости и удовлетворенія. Осужденность прошлаго такъ ярко выступала въ разсказахъ Николая Петровича, оживляемыхъ и расширяемыхъ сочувственными репликами и дополненіями отца!

Иногда разсказъ переходилъ въ оживленный разговоръ о старомъ и новомъ. И докторъ Страховъ, и отецъ, и Юлія Михайловна были цѣликомъ въ этомъ новомъ и вспоминали о старомъ, какъ о тяжеломъ снѣ. Мы были для Николая Петровича, внимательными и благодарными слушателями: глазъ съ него не сводили. Воскресные завтраки съ нимъ и съ пирогомъ съ капустой проходили оживленно и съ хорошимъ общимъ подъемомъ.

А какихъ только разсказовъ не было въ столовой за пирогомъ съ капустой и за слѣдовавшимъ за нимъ чаемъ! Тутъ были разсказы о крѣпостномъ правѣ, о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, о публикаціяхъ въ «Вѣдомостяхъ» въ родѣ: «продается 20-ти лѣтъ человѣкъ, парикмахеръ, и лучшей породы коровы», или «лучшія моськи и семья людей продается за сходную цѣну». Разсказывалъ о томъ, какъ проигрывались въ карты крѣпостные, какъ ими давали взятки, какъ въ Москвѣ горничная дѣвушка стоила отъ 50 до 80 руб. и т. д.

Въ другой разъ, по поводу какого-либо происшествія въ Преображенской больницѣ Николай Петровичъ начиналъ сообщать, какъ прежде лечили сумасшедшихъ. Онъ вспоминалъ какой-то старый указъ о томъ, какъ велѣно было «сумасбродныхъ» солдатъ содержать въ особыхъ чуланахъ и высылать на работы въ цѣпяхъ, чтобы отъ нихъ не приключилось какого зла. Если эти сумасбродные солдаты не излѣчивались, то приказано было этихъ бѣснующихся отъ злыхъ духовъ отсылать для исправленія духовнаго въ Синодъ.

Много позднѣе мнѣ пришлось случайно найти этотъ указъ Военной Коллегіи отъ 10 октября 1726 года, содержаніе котораго довольно точно воспроизводилъ въ своихъ разсказахъ о старинѣ докторъ Страховъ*).

---

*) См. «Русскій Архивъ», 1876 г., кн. II, стр. 360 **Умалишенные при Екатеринѣ I.**

1726 года октября въ 10 день, по указу Ея Императорскаго Величества, Государственная Военная Коллегія, слушавъ выписки, приказали: обрѣтающихся въ С.-Петербургскомъ госпиталѣ сумасбродныхъ солдатъ содержать въ особыхъ чуланахъ и когда случится при госпиталѣ какая работа, тогда посылать ихъ на тое работу, скованныхъ на цѣпяхъ и смотрѣть за ними накрѣпко, чтобы они и надъ собой и надъ другими какого дурна не учинили. А пищу давать и лекарствомъ пользовать ихъ противъ другихъ солдатъ. Буде же отъ того содержанія и прилежнаго леченія въ надлежащее состояніе не придутъ и, по докторскому свидѣтельству, явится та ихъ болѣзнь неизцѣлима или покажется (какъ Святѣйшій Синодъ разсуждаетъ), что ихъ изступленіе отъ злыхъ духовъ, тогда Кригсъ-Коммисаріату доносить о томъ Военной Комиссіи: понеже бѣснующихся, для исправленія духовнаго, велено отсылать въ Синодъ. Потомъ въ Кригсъ-Коммисаріатъ послать указъ.

Разсказывая о нравахъ стараго Приказа Общественнаго Призрѣнія и о старыхъ методахъ леченія умалишенныхъ, Николай Петровичъ, хмуря брови, воспроизводилъ потрясавшія насъ картины наивнаго варварства. Тутъ было и заковываніе въ цѣпи больныхъ, связываніе веревками. Больныхъ укрощали, какъ дикихъ звѣрей. Они просиживали на цѣпи десятки лѣтъ... Разсказы были настолько потрясающи, что мы невольно робко спрашивали:

— Ну, а теперь какъ же? Теперь этого больше нѣтъ?

Старикъ поворачивался въ нашу сторону, лицо его принимало особенно ласковое и доброе выраженіе. Онъ снова улыбался и начиналъ разсказывать объ успѣхахъ въ дѣлѣ леченія душевнобольныхъ и о полномъ исчезновеніи, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, старыхъ методовъ укрощенія больныхъ.

Однажды онъ пришелъ къ намъ съ перевязанной какимъ то пестрымъ шерстянымъ шарфомъ головой. Съ особыми комичными жестами онъ издали раскланивался съ нами, весь сіялъ и весело спрашивалъ:

— Принимаютъ ли въ этомъ домѣ раненаго турку?

Всѣ ахнули, увидавъ Николая Петровича въ такомъ неожиданномъ видѣ. Оказалось, что одинъ душевнобольной запустилъ въ него оловянной миской.

— Ну, а какъ же больной? Что съ нимъ сдѣлали?

— Да ничего, послѣ этого онъ успокоился. Несчастные это люди...

Общее оживленіе и несмолкаемыя восклицанія вызывали его разсказы о московской знаменитости Иванѣ Яковлевичѣ Корейшѣ. Чего, чего только онъ не разсказывлъ объ этомъ юродивомъ, пользовавшимся поклоненіемъ московскихъ купчихъ, да и не однѣхъ купчихъ. Даже дамы высшаго общества ѣздили къ Ивану Яковлевичу на поклоненіе. Московскія дамы считали его святымъ, для нихъ онъ былъ пророкомъ, прорицателемъ. Къ нему въ Преображенскую больницу устраивались цѣлыя паломничества, тратились большія деньги, чтобы удостоиться повидать юродиваго, выслушать отъ него невнятное бормотанье или грубую брань, иногда сочетаніе неприличныхъ словъ, а иногда удостоиться лицезрѣнія непристойныхъ жестовъ и дѣйствій. Многія поклонницы Ивана Яковлевича не предпринимали ни одного важнаго рѣшенія, не спросивъ совѣта и указанія Ивана Яковлевича. Расшифровать несвязный вздоръ и нечленораздѣльные звуки Корейши бывало очень трудно, вѣрнѣе вовсе невозможно. Но поклонницы все же находили ключъ къ пониманію таинственныхъ вѣщаній сумасшедшаго. И слава Ивана Яковлевича росла, кругъ почитателей его множился. На поклонъ къ сумасшедшему стали появляться, сначала крадучись, потомъ открыто, сѣдо-

бородые купцы, а потомъ и почтенные сановники. Грубость и непристойныя выходки Ивана Яковлевича покорные посѣтители разсматривали какъ испытаніе, ниспосланное недостойнымъ... Начальство періодически запрещало эти паломничества. Тогда проникнуть въ тѣсную, грязную, полную смрада келію больного становилось труднѣе. Но все-же и въ этихъ условіяхъ поклонницы находили пути и способы повидать юродиваго и послушать его таинственныхъ и несвязныхъ вѣщаній.

Видно такова потребность духа русскаго человѣка, не поддающаяся ни времени, ни культурѣ, ни опыту. Успѣхъ Ив. Як. Корейши и ему подобныхъ, вплоть до Распутина, фаталенъ и знаменателенъ для русской жизни. Воспоминанія объ И. Я. Корейшѣ имѣются въ историческихъ журналахъ. Эти разсказы полностью совпадаютъ съ тѣмъ, что приходилось слышать отъ Н. П. Страхова.

Въ другой разъ Николай Петровичъ начиналъ разсказывать о своей жизни въ Калугѣ. Уголокъ провинціальной жизни дореформенаго времени тогда пріоткрывался передъ нами. Новыя стороны грубой жестокости обнаруживались въ яркомъ изображеніи старика, вспоминавшаго свою молодость. Помню его страшные разсказы о наказаніяхъ шпицрутенами, о «зеленой улицѣ», о томъ, какъ гоняли сквозь строй, черезъ шпалеры... И все это было такъ недавно. Наше время смыкалось со временемъ Николая Петровича. Мы слышали разсказы очевидца, разсказы лица, присутствовавшаго при этихъ страшныхъ экзекуціяхъ.

— Да, жестокія были времена, жестокіе были нравы, вздыхая говорилъ Николай Петровичъ и широко улыбаясь переходилъ къ новой темѣ изъ современности, иногда очень ѣдко посмѣиваясь надъ пережитками старины въ нашъ просвѣщенный и либеральный вѣкъ. Его иронія относилась по преимуществу къ тому, что дѣло преобразованій остановилось на полпути, не додѣланнымъ и не завершеннымъ. Среди новой жизни остались еще въ изобиліи темные углы, полные стараго, еще не выметеннаго сора и мусора. Дореформенные порядки и нравы еще сказывались повсюду и, въ особенности, въ нашихъ старозавѣтныхъ учрежденіяхъ, перешедшихъ къ городу изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, какъ Матросская богадѣльня и Преображенская больница*).

Припомнить все, что разсказывалъ Николай Петровичъ нѣтъ возможности, настолько разнообразны были его темы и воспоминанія. Трогательно онъ, вмѣстѣ съ отцомъ, вспоминали о Москов-

*) Преображенская больница была преобразована и поставлена на надлежащую высоту Московскимъ Городскимъ Управленіемъ позднѣе. Своимъ преобразованіемъ она много обязана ея главному доктору проф. Н. Н. Баженову.

скомъ Университетѣ съ его профессорами. Тутъ часто упоминались имена Иноземцева, Овера, Млодзѣевскаго, Матюшенкова. Вспоминалъ о московскихъ масонахъ съ ихъ цитаделью въ Меншиковой башнѣ. Разсказывалъ о звѣрствахъ Салтычихи, указывалъ мѣста, гдѣ въ Москвѣ въ старое время происходили кулачные бои, гдѣ травили волковъ и медвѣдей, гдѣ происходили гулянья на широкую масляницу, гдѣ въ старые годы рубили головы... Неожиданно рисовалъ цѣлую картину, какъ въ дореформенное время, раннимъ утромъ на улицахъ Москвы появлялись цѣлыя группы людей въ странныхъ костюмахъ, подъ конвоемъ будочниковъ и подъ предводительствомъ квартальнаго. Тутъ были и дамы въ шляпкахъ, въ нарядныхъ, но сильно помятыхъ костюмахъ, тутъ были и мужчины, одѣтые въ модные костюмы, съ цилиндрами на головахъ. Всѣ эти люди были вооружены метлами и лопатами. По командѣ квартальнаго эта несуразная, разношерстная толпа начинала взмахивать метлами и подметать улицу... Это была мѣра исправленія гулякъ и нарушителей общественной тишины, задержанныхъ ночью за буйство въ публичномъ мѣстѣ.

Наразсказавъ много интереснаго и довольный произведеннымъ на всѣхъ, старыхъ и малыхъ, впечатлѣніемъ, Николай Петровичъ взглядывалъ на часы въ столовой, ахалъ, вскакивалъ со стула и восклицалъ:

— Ну вотъ, всегда-то у васъ заболтаешься! А вѣдь меня ждутъ! Я уже опоздалъ...

Начиналось шумное прощанье, просьба приходить скорѣй, не забывать. Всѣ шли провожать Николая Петровича до передней. Въ передней начинался какой нибудь новый разсказъ, и иногда, становясь въ позу, Николай Петровичъ декламировалъ стихотвореніе о бытѣ Москвы и о москвичахъ, въ родѣ:

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины,
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились русскіе блины.
Два раза въ годъ они говѣли
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ...

Разсказъ или стихи договаривались уже въ шубѣ и въ шерстяной войлочной шапкѣ. Всѣ весело и благодушно улыбались на смѣшную фигуру милаго старика. А когда за нимъ наконецъ закрывалась дверь, невольно срывалось чье-либо ласковое замѣчаніе: «Какой милый и неизсякаемый болтунъ!».

«Архивный юноша»

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ,
И про нее между собою
Неблагосклонно говорятъ.
(«Евгеній Онѣгинъ», гл. 7, 49).

Въ письмѣ къ П. А. Вяземскому, въ началѣ 1830 года, Пушкинъ писалъ: «Правда ли, что моя Гончарова выходитъ за Архивнаго Мещерскаго?».

Въ комментаріяхъ къ письмамъ Пушкина сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ Мещерскомъ. Кн. Платонъ Алексѣевичъ Мещерскій родился въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія (1805 г.). Около 1825 года онъ поступилъ въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, вмѣстѣ съ другими «хорошо образованными московскими юношами»: Кошелевымъ, Веневитиновымъ, Шевыревымъ, Титовымъ, Мельгуновымъ, Мальцевымъ и др. Въ серединѣ 1820 года онъ былъ посѣтителемъ салона кн. З. А. Волконской и, какъ любитель, участвовалъ въ ея музыкальныхъ предпріятіяхъ. Здѣсь Пушкинъ встрѣчался съ кн. Платономъ Мещерскимъ и его братомъ. 21-го марта 1829 года А. Я. Булгаковъ писалъ брату своему изъ Москвы, что наканунѣ онъ съ семьей провелъ очень пріятно вечеръ дома въ обществѣ Ф. Ф. Вигеля и «Архивнаго князя Платона Мещерскаго». Черезъ двѣ недѣли послѣ женитьбы Пушкина, Мещерскій съ нимъ и его молодой женой участвовалъ въ масляничномъ катаньѣ на большихъ саняхъ. (Русск. Арх. 1902 г.). Е. И. Раевская называла князя Платона «тогдашнимъ московскимъ львомъ» и говорила, что онъ былъ «молодой человѣкъ замѣчательно умный, образованный и хотя не красавецъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, но обладавшій весьма пріятной наружностью. Онъ былъ средняго роста, брюнетъ съ матовой бѣлизной лица и выразительными черными глазами. Князь Платонъ былъ богатъ, остроуменъ, ловокъ, джентельменъ съ головы до ногъ — словомъ, пользовался всѣми качествами, способными по его желанію вскружить голову неопытной дѣвушкѣ». (Рус. Арх. 1885 г.).

Мнѣ довелось видѣть князя Платона Мещерскаго на закатѣ его дней. Съ образомъ этого интереснаго старика связаны воспоминанія моего ранняго дѣтства.

Мой отецъ, еще совсѣмъ молодымъ врачемъ, былъ приглашенъ однажды оказать медицинскую помощь внезапно заболѣвшему князю Мещерскому. И съ тѣхъ поръ между ними установились добрыя, дружескія отношенія, которыя сохранились до самой смерти старика.

Кн. Платонъ Алексѣевичъ жилъ тогда въ Москвѣ, на Старой Басманной, у церкви Никиты Мученика, въ домѣ, который долгое

время принадлежалъ купцамъ Рожновымъ. Занималъ онъ, какъ намъ, дѣтямъ, тогда казалось, большую квартиру. Онъ, старый холостякъ, жилъ въ родственной ему семьѣ Ильиныхъ. Наша няня Акулина говорила про него, что онъ добрѣйшій старикъ, но что онъ безъ толку и зря тратитъ свои деньги на всякія глупости и проживаетъ свое состояніе. Такъ говорила няня, а отъ нашихъ старшихъ, отъ отца и матери, мы слышали разсказы о князѣ Платонѣ, которые располагали къ нему. О немъ всегда говорили съ большой и искренней симпатіей, съ чувствомъ почтенія отмѣчали его большую доброту и шутливо говорили объ его «слабостяхъ». А такихъ слабостей у князя Платона было много. И среди нихъ, кажется, на первомъ мѣстѣ, была страсть хорошо и вкусно покушать.

Князь кушалъ, какъ истинный знатокъ и любитель. Но чувство мѣры ему часто измѣняло. Удовольствіе хорошо покушать онъ доставлялъ себѣ не часто. Зато послѣ хорошаго и обильнаго обѣда, старикъ неизмѣнно долженъ былъ звать на помощь своего друга-доктора, которому и каялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ, чтобы снова повторить ихъ черезъ нѣкоторое время. Князя Платона хорошо знали въ лучшихъ московскихъ ресторанахъ и трактирахъ, въ которыхъ москвичи любили и умѣли поѣсть. Онъ зналъ, гдѣ и какіе были повара и гдѣ что нужно было заказать. Онъ не любилъ шумныхъ компаній за столомъ. Чаще всего онъ священнодѣйствовалъ одинъ, получая полное, не раздѣленное ни съ кѣмъ наслажденіе. Но зато его разсказы о съѣденномъ обѣдѣ и о тонко приготовленныхъ кушаньяхъ въ Англійскомъ клубѣ, у Тѣстова, у Лопашова во всѣхъ подробностяхъ сообщались его друзьямъ.

Другой слабостью князя Платона была сложившаяся у него съ давнихъ поръ привычка покупать разныя художественныя бездѣлушки и собирать цѣлыя коллекціи старыхъ вещей. Его кабинетъ былъ положительно заваленъ старыми вещами, среди которыхъ было много художественно цѣнныхъ предметовъ. Тутъ были старинныя табакерки, мундштуки, трубки, коллекціи дорогихъ тростей, были старыя картины иностранныхъ художниковъ, старые портреты. Но рядомъ съ художественно цѣнными вещами были и совершенно ничтожныя вещицы, которыя онъ покупалъ въ изобиліи въ магазинѣ Даціаро на Кузнецкомъ мосту.

Съ утра къ подъѣзду его квартиры подавалась извозчичья карета или ландо; экипажъ ждалъ его выхода. Иногда этого выхода вовсе не случалось и карета, простоявъ до поздняго вечера, уѣзжала на извозчичій дворъ. Но часто князь Платонъ выѣзжалъ. Въ этихъ случаяхъ его выѣздъ занималъ цѣлый день. Тогда онъ объѣзжалъ антикварныя лавки, гдѣ имѣлъ постояннныхъ консультантовъ и соблазнителей. Часто бывалъ въ магазинѣ Даціаро. При видѣ входившаго въ магазинъ старика, управляющій магазиномъ бросалъ всякое дѣло и устремлялся навстрѣчу князю. Ему подставля-

ли удобное кресло и поспѣшно раскладывали на прилавкѣ послѣднія новинки изъ Италіи. Старикъ медленно, при помощи «человѣка», раскрывалъ свою медвѣжью шубу, долго разматывалъ шарфъ, снималъ большую мѣховую шапку съ наушниками и, усѣвшись въ кресло, неторопливо начиналъ разсматривать новинки. Такъ онъ проводилъ цѣлые часы. Незамѣтно для него смѣнялись услужавшіе ему любезные итальянцы, подкладывая ему все новые и новые предметы. А онъ все разсматривалъ гравюры, эстампы, фотографіи, издѣлія изъ бронзы и фарфора. Князь былъ медлителенъ, какъ въ движеніяхъ, такъ особенно въ словахъ и рѣшеніяхъ. Просиживая часами въ магазинѣ, онъ не столько слушалъ словоохотливыхъ итальянцевъ, сколько погружался въ свои собственныя думы и воспоминанія или заводилъ по поводу того или иного предмета, привлекшаго его вниманіе, длинный разсказъ, не обращая вниманія на то, что его, можетъ быть, не особенно внимательно слушали. Въ результатѣ князь иногда просилъ прислать ему на домъ отобранные предметы для болѣе подробнаго ихъ разсмотрѣнія, а иногда уѣзжалъ такъ и не остановившись ни на чемъ.

Частенько князь Платонъ пріѣзжалъ къ намъ въ гости. Въ этихъ случаяхъ его карета подъѣзжала къ намъ ко времени завтрака и отвозила его домой только вечеромъ.

Князь долго раздѣвался въ передней. Его «человѣкъ» проходилъ на кухню, а самъ князь появлялся въ гостиной.

Это былъ старикъ невысокаго роста, крѣпко сложенный, коренастый, съ сутулой широкой спиной и медленный въ движеніяхъ. Его сѣдая голова, крѣпко вдвинутая въ широкія плечи, была мало подвижна. Онъ поворачивался медленно и грузно только всѣмъ туловищемъ. Сѣдые волосы прикрывали его лысый черепъ слѣва направо. Онъ брилъ подбородокъ и щеки, сохраняя только небольшіе, жесткіе, сѣдые усы, концы которыхъ, вмѣстѣ съ опущенными краями губъ, придавали его морщинистому лицу нѣсколько суровое и угрюмое выраженіе. Изъ подъ густыхъ сѣдыхъ бровей выглядывали обычно безцвѣтные глаза. Но иногда эти глаза пріобрѣтали какой то особенный оттѣнокъ, становились глубокими. Это означало, что князю пришла какая то мысль, которой онъ собирался подѣлиться. Но слова медлили и отставали отъ мысли и не скоро мы узнавали, что возникло въ мысляхъ у князя Платона.

Князь Платонъ носилъ одежду, которая отличалась отъ одежды обычнаго покроя того времени. На немъ неизмѣнно былъ широкій и очень длинный сюртукъ. Иногда сюртукъ былъ бархатный, иногда темно-коричневаго сукна. Подъ сюртукомъ былъ надѣтъ большой, широкій двубортный жилетъ, бархатный или изъ шелковой матеріи съ узорами и рисунками. Большой черный фуляръ охватывалъ нѣсколько разъ мягкій воротъ его бѣлой рубашки... Князь былъ облеченъ въ широкіе, свѣтлые панталоны изъ мягкаго сукна.

Онъ входилъ въ гостиную, держа въ рукѣ, на которой была надѣта сѣрая замшевая перчатка, шляпу или мѣховую шапку и опираясь на массивную трость.

А сколько у него было тростей и палокъ! Счета имъ не было. Рѣдко онъ пріѣзжалъ съ одной и той же палкой. Мы, дѣти, съ любопытствомъ разсматривали его трости. У него были палки-костыли съ вдѣланными въ нихъ драгоцѣнными камнями. На нѣкоторыхъ палкахъ, съ набалдашниками изъ слоновой кости, были вырѣзаны цѣлыя сцены. Особенно занимала насъ охота на оленя съ тонкими, вѣтвистыми рогами.

Визиты князя Платона были можетъ быть нѣсколько утомительны для нашихъ старшихъ. Но намъ, дѣтямъ, его пріѣзды доставляли большое и своеобразное удовольствіе. Одного только мы боялись. Это, когда князь Платонъ Алексѣевичъ здоровался съ нами или прощался. Тогда онъ ласково насъ цѣловалъ. Вотъ эти минуты были довольно мучительны. Во-первыхъ, его жесткіе усы и подбородокъ пребольно кололись, а во-вторыхъ, старикъ имѣлъ привычку нюхать табакъ. Его красный фуляровый платокъ далеко не всегда своевременно приводилъ въ порядокъ его носъ... Князь былъ ласковъ съ нами, ласковъ по своему. Иногда онъ довольно больно тискалъ маленькаго Володю и насъ старшихъ, подолгу не отпускалъ отъ себя. Мы его любили по своему и съ любопытствомъ разглядывали его всего, всю его фигуру, столь не похожую на тѣхъ, кто посѣщалъ нашего отца. Разглядывали издали его постоянно мѣнявшіяся табакерки, изумлялись большому количеству колецъ и перстней на его старыхъ, крючковатыхъ пальцахъ. Князь Платонъ былъ весь особенный. И онъ ни на кого не походилъ, и на него никто не былъ похожъ. Развѣ только на старыхъ портретахъ и картинахъ мы видали такихъ стариковъ.

Особенно интересны были его медлительные разсказы, въ которыхъ мы улавливали черты чуждаго намъ и далекаго времени. Князь Платонъ говорилъ низкимъ голосомъ почти безъ интонацій. Онъ говорилъ медлительно, раздумчиво, какъ бы для себя, мало обращая вниманія на слушателей. Слово отъ слова было отставлено иногда на большіе промежутки, во время которыхъ онъ какъ-то жевалъ губами, издавалъ какіе-то тягучіе звуки. Медленно, медленно подыскивалъ онъ слова, медленно разсказывалъ, изрѣдка понюхивая табакъ, обсыпая себя табакомъ и изрѣдка утираясь краснымъ фуляромъ. Иногда онъ дѣлалъ большія паузы, опускалъ голову на грудь и глубоко задумывался. Въ эти минуты онъ мало интересовался слушаютъ его или нѣтъ. Онъ жилъ въ прошломъ и, казалось, бесѣдовалъ съ этимъ прошлымъ. Лишь изрѣдка поднималъ онъ глаза на сидѣвшаго противъ него слушателя и снова опускалъ голову и уходилъ въ созерцаніе образовъ и картинъ, лицъ и событій, о которыхъ повѣствовалъ. Рѣдко-рѣдко на его лицѣ появлялась улыб-

ка. Но зато она была особенная, переходившая иногда въ неожиданный громкій смѣхъ, который совершенно не походилъ на обычный смѣхъ. Это былъ скорѣй рядъ отрывочныхъ восклицаній на низкихъ нотахъ. Этотъ смѣхъ, казалось, удивлялъ самого князя и обрывался столь же неожиданно, какъ и возникалъ.

Иногда съ разсказами князя Платона выходили недоразумѣнія, огорчавшія его. Однажды онъ началъ разсказывать отцу длинную исторію о московской чумѣ. Отецъ уже слышалъ этотъ разсказъ, поэтому не очень внимательно вслушивался въ тягучую рѣчь князя Платона. Подавая иногда звукомъ своего голоса знаки, что онъ слушаетъ князя, отецъ украдкой просматривалъ на столѣ свои бумаги и записи. Сосредоточившись снова на разсказѣ князя, онъ уловилъ, что разсказъ повѣствуетъ о смерти бабушки князя. Когда наступила значительная пауза, отецъ, желая проявить свой интересъ къ разсказу, любезно сказалъ:

— А я и не зналъ, князь, что ваша бабушка отъ чумы умерла.

Князь медленно поднялъ глаза на отца, глаза его медленно выразили изумленіе, перешедшее столь же медленно въ обиду, и медленно, но рѣшительно произнесъ:

— Моя бабушка... отъ чумы... никогда!

Оказалось, что послѣ разсказа о московской чумѣ слѣдовало еще много другихъ разсказовъ, которые отецъ прослушалъ, занявшись записями. Разсказъ о бабушкѣ не имѣлъ никакого отношенія къ московской чумѣ.

Жизнь князя Платона Мещерскаго проходила черезъ весь XIX вѣкъ. А разсказы его захватывали и вѣкъ минувшій. Лишь отрывки этихъ разсказовъ доходили до насъ, дѣтей. Въ этихъ отрывкахъ часто упоминался вѣкъ Екатерины; слышали мы о чудачествахъ графа Гудовича, преслѣдовавшаго почему-то носившихъ очки; слышали разсказы о французахъ и о 12-томъ годѣ, о судьбѣ Новикова, о крѣпостномъ правѣ. Слышали разсказы о Пушкинѣ. А когда оказывалось, что князь лично зналъ Пушкина, былъ съ нимъ знакомъ и многое знаетъ о жизни Пушкина, нашему восхищенію и преклоненію передъ княземъ Платономъ не было предѣла.

Вся рѣчь князя была особенная и слова, которыя онъ произносилъ, были особенныя, и произносилъ онъ ихъ не такъ, какъ всѣ другіе. Такъ, онъ говорилъ «шандалъ» вмѣсто подсвѣчникъ, произносилъ «табатерка» вмѣсто табакерка, ясно выговаривалъ «консертъ» вмѣсто концертъ и такъ далѣе. Много разъ въ послѣдующіе годы приходилось очень жалѣть, что разсказы князя не были въ свое время записаны его близкими. Такъ и умерли эти разсказы вмѣстѣ съ оригинальнымъ старикомъ.

Но вотъ когда наступали для насъ интересныя минуты. Послѣ обѣда въ гостиной зажигали большія лампы и, по случаю пріѣзда князя, свѣчи въ канделябрахъ на гипсовыхъ бѣлыхъ тумбахъ. Если

князь былъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ, испросивъ разрѣшенія у нашей мамы, садился за рояль. И тутъ для насъ наступали минуты полныя очарованія. Намъ позволяли оставить наши занятія. Мы садились въ уголокъ въ гостиной и слушали...

Князь игралъ на роялѣ. Игралъ онъ старыя вещи. Обычно онъ начиналъ съ **«La prière d'une vierge».** Но основной репертуаръ князя Платона составляли другія вещи. Сколько себя помню, съ дѣтства и до юношескаго возраста, репертуаръ князя былъ овѣянъ романтизмомъ. Его старые пальцы уже плохо справлялись со сложными вещами. Но его любимыя вещи выходили у него сильно и захватывали насъ. Съ глубокимъ чувствомъ исполнялъ онъ похоронный маршъ, который называлъ Рылѣевскимъ. Мрачные, торжественно-драматическіе аккорды гремѣли изъ подъ его сильныхъ рукъ. Онъ самъ какъ бы преображался, глубоко переживая и передавая другимъ свое настроеніе. Рылѣевскій маршъ рыдалъ и замиралъ. Наступала продолжительная пауза. Князь сидѣлъ съ поникшей головой. Что думалъ онъ, что вспоминалъ? И въ послѣдующіе годы мы не получили никакихъ указаній на то, чтобы онъ имѣлъ какое-либо отношеніе къ декабристамъ. Но трагическая судьба погибшихъ очевидно глубоко волновала старика съ его романтически настроенной душой.

Не обращаясь ни къ кому, старикъ прерывалъ паузу словами:

— Этотъ похоронный маршъ былъ записанъ на стѣнѣ каземата, въ которомъ Рылѣевъ ожидалъ смерти...

Несмотря на волненіе, старикъ не отходилъ отъ рояля. И черезъ нѣсколько минутъ раздавались новыя мрачныя мелодіи. Подъ аккомпаниментъ полнозвучныхъ аккордовъ вдругъ раздавался старый, надтреснутый, иногда срывающійся голосъ князя. Онъ пѣлъ старую балладу объ узникѣ, томящемся въ башнѣ замка среди неприступныхъ скалъ. Онъ пѣлъ о стремленіи на волю, къ свободѣ, къ полету въ высокія небеса, къ солнцу. Баллада кончалась смертью узника, не дождавшагося свободы.

Концертъ завершался трогательнымъ исполненіемъ княземъ, подъ собственный аккомпаниментъ, пѣсни Беранже — «Ты отцвѣтешь, подруга дорогая, ты отцвѣтешь, твой вѣрный другъ умретъ. Ужъ мчится быстро стрѣлка роковая и скоро мой послѣдній часъ пробьетъ»... Романсъ заканчивался словами:

А юноши по шелковымъ сѣдинамъ
Найдутъ слѣды минувшей красоты
И робко скажутъ: бабушка, скажи намъ,
Кто былъ твой другъ, о комъ такъ плачешь ты?

Какъ я любилъ тебя, моя подруга,
Какъ ревновалъ, ты все имъ передай.

И кроткою старушкой пѣсни друга
У камелька тихонько напѣвай.

Этимъ кончались музыкальныя выступленія князя Платона. Казалось, у старика на глазахъ были слезы, когда онъ грузно поднимался изъ-за рояля.

Слушать его дребезжащій голосъ, его жесткія, надтреснутыя ноты и беззвучныя верхи было странно и немножко какъ-то неловко. Но именно это пѣніе насъ очень сближало съ княземъ Платономъ. А когда мы уже стали «большими», братъ Саша записалъ мотивъ Рылѣевскаго марша, баллады и пѣсни Беранже. А я въ стихахъ воспроизвелъ балладу объ узникѣ, который не дождавшись свободы, «замолкъ навѣки въ темницѣ своей».

Къ концу жизни князь Платонъ Алексѣевичъ долженъ былъ кореннымъ образомъ измѣнить свои привычки и образъ жизни. Деньги были прожиты. Пришлось отказаться отъ извозчичьей кареты. Пришлось разсчитать и «человѣка». Рѣже стали посѣщенія Даціаро и еще рѣже священнодѣйствія у Тѣстова. Старикъ угасалъ. Онъ умеръ въ глубокой старости, лѣтомъ 1889 года. Послѣ его смерти намъ, уже подросшимъ гимназистамъ, роздали на память о князѣ Платонѣ разныя принадлежавшія ему вещи. Мнѣ были переданы большая фотографія, изображавшая Моисея, особенно любимаго княземъ Микель-Анджело, и оригинальное преспапье со стола князя. Преспапье это изображало бронзовую руку въ натуральную величину на мраморной доскѣ. Это была рука нѣмецкаго пастора, любимаго наставника и воспитателя князя Платона въ его дѣтскіе и юношескіе годы.

И Моисей и рука пастора долго оставались у меня на столѣ и напоминали о старикѣ, который какъ-бы забрелъ въ чужую страну изъ далекаго края со своими чуждыми намъ манерами и привычками.

Такъ угасла жизнь когда-то блестящаго «Архивнаго юноши».

Наши друзья.

Соня Ильина и Сима Захарьина.

Часто у насъ собирались наши гости, наши сверстники. Тутъ уже мы становились хозяевами, а взрослые испытывали несомнѣнныя стѣсненія, предоставляя намъ всѣ комнаты нашей квартиры Ковры убирались ,мебель сдвигалась въ сторону. Комнаты освобождались для игръ, для шумнаго движенія, а когда мы подвыросли, то для танцевъ и котильона. Тутъ, въ общеніи съ нашими маленькими пріятелями и пріятельницами, вы выростали, начинали ощущать себя. Здѣсь слагались наши вкусы, опредѣлялись характеры, впервые

зарождалось таинственное ощущеніе радости жизни. Здѣсь начинали складываться отношенія съ людьми и точнѣе опредѣлялась индивидуальность каждаго изъ насъ, братьевъ.

Нашей первой по времени и общей любимицей была Кавочка Юденичъ, моя сверстница, неизмѣнная участница нашихъ игръ на дворѣ Межевого Института и прогулокъ по Институтскому саду. Дружба съ Кавочкой почему-то не поддержалась въ послѣдующіе годы. А когда мы стали гимназистами и уже стали обращать вниманіе на то, какъ нужно носить кепи, какъ долженъ сидѣть мундирчикъ и какія складки должны быть у гимназической шинели, то при встрѣчѣ съ Кавочкой мы дѣлали оффиціальный поклонъ, прикладывая руку къ козырьку кепи, по военному, давая тѣмъ почувствовать, что мы уже не маленькіе и наши отношенія по двору и саду насъ больше не интересуютъ. Столь же холодны и сдержаны были отвѣтные поклоны нашей недавней пріятельницы Кавочки. Такъ мы и раззнакомились... А теперь, какъ вспоминаю я эту милую бѣленькую дѣвочку, съ ея свѣтлыми глазками и большимъ бантомъ на пепельныхъ волосахъ!

Зато неизмѣннымъ нашимъ другомъ была Соня Ильина, младшая дочь Володиной крестной, Е. В. Ильиной. Съ Соней вмѣстѣ, рука объ руку, проходили наши дѣтскіе годы. Съ ней лѣтомъ въ Люблинѣ совершали далекія прогулки въ Кузьминки, въ Косино къ святому озеру, въ Царицыно съ его развалинами, къ Николѣ Угрѣши. Съ ней, смѣлой и предпріимчивой, подъ именемъ Цинцанъ («Приключенія на островѣ Цейлонѣ»), устраивали набѣги на Голофтѣевскую малину, съ ней строили чудесныя постройки изъ чернобыльника и пахучаго донника съ горькой полынью, постройки, въ которыя могли входить даже взрослые, а мы, дѣти, свободно помѣщались всѣ разомъ, съ ней играли въ Робинзона, въ крокетъ, въ попа, въ городки, въ горѣлки и другія увлекательныя игры. Она ловко лазала по деревьямъ, особенно любила залѣзать на рябину. Все это она дѣлала безъ шума и криковъ, дѣловито и стремительно. Только достигнувъ цѣли, она восклицала:

— А я вотъ гдѣ!

Глаза ея съ длинными рѣсницами излучали радостное сіяніе.

На это снизу Сашей подавалась реплика:

— На рябину-то легко! А ты попробуй на прямую березу.

— Ну и что же, могу и на прямую березу.

— Нѣтъ, не можешь.

— Нѣтъ, могу.

— Не можешь, потому у тебя юбка.

Соня умолкаетъ. Аргументъ убѣдительный.

Съ Соней мы всѣ были друзьями, всѣ одинаково любили ее и находили въ ней добраго и вѣрнаго товарища, на котораго всегда можно было положиться. А когда кромѣ игръ у насъ появлялись и

другіе интересы, когда кто нибудь изъ насъ начиналъ дѣлиться впечатлѣніемъ о прочитанномъ, видѣнномъ, услышанномъ, Соня всегда подавала свое мнѣніе вѣско, отчетливо, безъ лишнихъ словъ. У нея довольно скоро сложились вкусы и она рѣшительно и точно опредѣляла, что ей нравится и чего она не одобряетъ. Иногда у насъ начинались разговоры, переходящіе въ споры. Въ этихъ разговорахъ Паша былъ выдержаннымъ и точнымъ и всегда немного какъ-бы поучающимъ и наставляющимъ. Эта черта проявилась въ немъ съ ранняго дѣтства. Онъ былъ старшій и имѣлъ надъ нами какую-то власть, которую проявлялъ въ разъясненіяхъ и истолкованіяхъ того, что было для него безспорно.

Про себя скажу, что я охотно вступалъ въ разговоры съ Пашей, признавалъ его авторитетъ, но меня всегда одолѣвалъ духъ сомнѣнія и далеко не всегда безспорными казались мнѣ утвержденія Паши. Но гдѣ же намъ было спорить въ то счастливое время. Я иногда пытался возражать, начиналъ говорить, путался самъ въ своихъ несогласіяхъ съ Пашей, выдавалъ слабыя стороны своихъ утвержденій, а главное, ничего не утверждалъ точно и опредѣленно, ибо и тутъ возникали сомнѣнія. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно Паша выходилъ побѣдителемъ, если, однако, пылкій Саша съ азартомъ не вмѣшивался въ разговоръ. Тогда разговоръ переходилъ въ споръ, въ ссору, часто въ крикъ. Саша звенѣлъ своимъ звонкимъ голосомъ, въ короткой формулѣ выражалъ свое мнѣніе или свой протестъ.

— Нѣтъ можно, нѣтъ можно брать Голофтѣевскую малину, ея очень много, ее пололки объѣдаютъ. Сама Аграфена Федоровна сказала, что можно, только кустовъ нельзя ломать.

Соня столь же пылко поддерживала Сашу. Паша вновь пытался установить понятіе права собственности и обязанности не брать чужого. Но звонкіе голоса Саши и Сони не мирились съ отвлеченными взглядами Паши, разъ Аграфена Федоровна сказала, что можно

Но не только о малинѣ у насъ споры. Ннчинались разговоры о Пушкинѣ и Лермонтовѣ. Кто больше нравится. О томъ, что лучше — стихи или проза. Нерѣдко возвращались къ вопросу о томъ, кто чѣмъ хочетъ быть, когда выраститъ большимъ. По нашему общему рѣшенію Паша долженъ былъ быть профессоромъ. Я хотѣлъ быть докторомъ, какъ папа, Саша колебался... но какъ-то разъ, неожиданно для насъ, подпрыгивая на одной ногѣ, сказалъ, что будетъ музыкантомъ. Соня сказала, что желаетъ быть учительницей, чтобы просвѣщать «темный народъ», и тутъ же вступила въ бой съ Сашей, который сталъ восклицать:

— Какая ты учительница! Ты Цинцанъ, а не учительница! Какой-такой темный народъ? Это, которые темнаго цвѣта, это индусы навѣрно. Потому ты и Цинцанъ! Ну, Цинцанъ, пойдемъ въ крокетъ играть, тебя, учительницу, обыграю.

Насчетъ Пушкина и Лермонтова, стиховъ и прозы, мнѣнія раз-

дѣлились. Паша признавалъ обоихъ. Я склонялся къ Лермонтову. Его Демонъ, его Бэла казались мнѣ верхомъ совершенства. Я былъ въ ихъ власти. Маленькій Володя рѣшительно стоялъ за Пушкина. Онъ поражалъ всѣхъ, цитируя иногда цѣлыя строфы изъ Евгенія Онѣгина, не говоря ужъ о сказкахъ, о Царѣ Салтанѣ; онъ зналъ очень много Пушкинскихъ стиховъ, читая и запоминая все подрядъ. Иногда съ серьезнымъ видомъ лепеталъ онъ мадригалы Пушкина, посланія и эпиграммы. Еще совсѣмъ маленькимъ, чуть научившись разбирать по печатному, онъ однажды ко времени завтрака оказался погруженнымъ въ чтеніе. Его звали къ столу. Онъ все медлилъ и не отзывался. Наконецъ, Жозефина пошла за нимъ и стала ему выговаривать, что нужно являться къ столу, когда зовутъ. На это послѣдовалъ отвѣтъ Володи:

— **Mais, mademoiselle Joséphine, c'est très intéressant!**

Оказывается, Володя разбиралъ по складамъ Пушкинское стихотвореніе «Соловей».

Большинство стояло за прозу. Я защищалъ стихи. На это мои оппоненты дружно восклицали:

— Ну ты извѣстный стихоплетъ! Мы знаемъ!

И всѣ хоромъ, на распѣвъ, начинали выкликивать:

Пашу, Сашу и Володю
Всѣ-то любятъ и ласкаютъ,
Одинъ Коля, бѣдный мальчикъ,
Хуже всякой собаченки...

Это были мои первые стихи. Стихи приготовишки, подавленнаго первой двойкой. Я тщательно скрывлъ эти стихи. Но какими то судьбами они были обнаружены и служили поводомъ, чтобы меня изводить.

Съ Соней Ильиной связана вся пора дѣтства и юности. Когда задумывали устраивать дѣтскій вечеръ, всегда Соня была первой приглашенной. Она была всегда въ центрѣ веселья и среди иниціаторовъ новыхъ игръ и забавъ. Съ ней мы сочиняли пьесы для нашихъ спектаклей, съ ней разыгрывали ихъ. Особенно намъ нравилась сочиненная нами сообща пьеса «Возвращеніе на родину». Это было возвращеніе солдата съ турецкой войны въ свою деревню. Дома онъ застаетъ нищету и голодъ. Занимательной чертой нашихъ спектаклей было то, что актеры не имѣли заранѣе составленныхъ ролей и должны были импровизировать. Поэтому наше «Возвращеніе на родину» кончалось по разному и довольно неожиданно для самихъ исполнителей. Все зависѣло отъ того, что будетъ дѣлать главный исполнитель и что онъ будетъ говорить. Другіе исполнители нерѣдко недоумѣвали и таращили глаза на разыгравшагося главнаго исполнителя. Иногда пьеса кончалась печально, нѣмой кар-

тиной, иногда же она заканчивалась пляской и пѣніемъ. Все отъ вдохновенія исполнителей. Соня неизмѣнно играла жену солдата. А солдатомъ бывали то Паша, то я.

Для занавѣса намъ пожертвовали старую простыню. Мы рѣшили обратить ее въ звѣздное небо и налѣпили на нее много золотыхъ и серебряныхъ звѣздъ. Возникъ вопросъ, что изобразить на занавѣси. Много было споровъ, много разныхъ предложеній. Наконецъ, по предложенію Сони, рѣшено было изъ звѣздъ изобразить на простынѣ слово «ура». Мысль Сони была всѣми одобрена. И на занавѣси сами звѣзды провозглашали намъ — ура!

А когда мы стали гимназистиками, въ семьѣ Ильиныхъ задумали устроить настоящій спектакль, со сценой на подмосткахъ. Задумали поставить «Женитьбу» Гоголя. Роли были распредѣлены между нами. Паша игралъ Кочкарева, я — Подколесина, Нина Кацаурова — Агафью Тихоновну, Соня — Арину Пантелеймоновну. Спектакль прошелъ забавно. Впрочемъ, особыхъ талантовъ никто не проявилъ.

Въ ту же раннюю пору насъ обучали танцамъ. Для этого составлена была группа дѣвочекъ и мальчиковъ и мы собирались по очереди, то въ нашей залѣ, то у Ильиныхъ, то у Кацауровыхъ. Обучалъ насъ танцамъ извѣстный въ Москвѣ танцмейстеръ Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ, родной дядя знаменитой Маріи Николаевны Ермоловой. Онъ жилъ неподалеку отъ насъ, въ Козловскомъ переулкѣ. Петръ Алексѣевичъ былъ папинымъ паціентомъ и охотно взялся обучать насъ танцамъ. Петръ Алексѣевичъ являлся къ намъ въ безукоризненномъ фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Его сопровождалъ худой и блѣдный скрипачъ, который садился въ уголъ залы. Мы выстраивались въ рядъ и начиналось обученіе насъ изящнымъ движеніямъ, выдѣлыванію разныхъ па, изъ которыхъ одно Петръ Алексѣевичъ называлъ «па преседаль». Это было дѣйствительно па съ присѣданіемъ. Кто подвелъ милаго старика, подсказавъ ему это названіе — мы не знали. Мы охотно отплясывали и вальсъ, и польку, и венгерскій, и мазурку, даже нѣкоторое подобіе лезгинки воспроизводили мы подъ руководствомъ Петра Алексѣевича.

Особенныхъ танцоровъ среди насъ не было. Но нашъ Саша отплясывалъ съ увлеченіемъ и даже съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ. Нерѣдко онъ становился мокрымъ и послѣ урока танцевъ его отводили мѣнять бѣлье. Забавенъ былъ самый маленькій Володя, который усердно выдѣлывалъ па, путая однако правую и лѣвую ногу. Петръ Алексѣевичъ былъ милъ и элегантенъ. Несмотря на свои очень преклонные годы, онъ былъ легокъ, подвиженъ, изященъ. Его движенія были полны граціи и танцовалъ онъ по старомодному, даже для того времени. Когда онъ не добивался отъ дѣвочекъ граціозныхъ движеній и былъ недоволенъ выдѣлываемыми ими па, онъ смѣшно передразнивалъ ихъ, восклицая:

— Эхъ, барышня, точно въ лужу попала! Не бойтесь, тутъ сухо, вылѣзайте изъ лужи. Ступайте смѣлѣй. Смотрите на меня!

И старикъ съ изумительной легкостью скользилъ по крашеному полу нашей залы, дѣлалъ округлыя движенія руками, закидывалъ свою сѣдую голову немного назадъ и на-бокъ и леталъ по залѣ съ легкостью юноши или молодой дѣвушки. Было и радостно и немного неловко. Движенья его были красивы, а его старое, красное, морщинистое, бритое лицо изображало какую-то гримасу вмѣсто улыбки. Большая золотая медаль висѣла у него на шеѣ, на красной, анненской лентѣ, подъ бѣлымъ батистовымъ галстукомъ, и дѣлала еще болѣе страннымъ его порханье по залѣ. Но все же уроки проходили очень весело.

Время шло. Мы выростали. То, что было еще недавно смутно и неотчетливо, стало принимать новыя, неожиданныя формы и выраженія. Простыя дѣтскія, дружескія и товарищескія отношенія вдругъ какъ-то сильно осложнились чѣмъ-то новымъ, волнующимъ, радостнымъ, какой-то тревогой и безпокойствомъ, тревожнымъ ожиданіемъ чего-то таинственнаго, радостнаго и жуткаго. Неожиданно открылся какой-то внутренній слухъ, особое внутреннее зрѣніе. И это случилось для меня, по крайней мѣрѣ, внезапно и неожиданно.

Случилось такъ, что Ильины переѣхали на Патріаршіе пруды и мы давно не видали Соню. На лѣто она уѣзжала въ Костромскую губернію, въ ихъ маленькое имѣньице. Наши частыя встрѣчи прервались на значительное время. Какъ-то у насъ въ гимназіи ставили «Ревизора» и послѣ спектакля долженъ былъ состояться балъ. Конечно, мы пригласили на балъ Соню и ея старшую сестру Марью Осиповну. Спектакль уже начался, а Ильиныхъ все не было. Но вотъ обѣ сестры появились. Марья Осиповна, по обыкновенію, въ темномъ, скромномъ платьѣ. Она на много лѣтъ старше Сони. Но Соня... что съ ней? Это уже не прежняя веселая Соня съ немного задорнымъ видомъ, нашъ вѣрный сотоварищъ, такой-же какъ мы. Соня теперь совсѣмъ другая. Мы усаживаемъ Ильиныхъ на приготовленныя и охранявшіяся для нихъ мѣста. А я отхожу въ сторону и все поглядываю на нее и какое-то смутное безпокойство мною овладѣваетъ. Она спокойна и очень серьезна. Внимательно слѣдитъ за развитіемъ дѣйствія и только изрѣдка улыбается. Но и улыбка у нея какая-то особенная. Соня совсѣмъ стала большой, настоящей барышней. А когда, по окончаніи спектакля, она встала, тутъ и совсѣмъ стало несомнѣнно, что прежней нашей Сони уже нѣтъ. Теперь Соня стала другой. Какой?.. Да и можно ли ее теперь называть Соней. Пожалуй ее нужно называть Софьей Осиповной... Могу ли назвать ее — Соней, ты? Какъ все это странно. Она въ бѣломъ, длинномъ платьѣ, вышитомъ золотыми нитями, съ цвѣткомъ у пояса... Длинное платье на ней вижу въ первый разъ.

Она совсѣмъ большая, настоящая барышня. И какъ она держитъ себя хорошо, съ какимъ изяществомъ и красивымъ достоинствомъ. Сестры Ильины пробираются черезъ ряды стульевъ къ выходу изъ залы. У лѣстницы мы встрѣчаемся. Я не могу одолѣть своего восторга и смущенія, только младшіе, Саша и Володя, нисколько не смущены. Они тоже въ восторгѣ. Но ихъ радости другого рода. Наперебой они восклицаютъ:

— Соня, Соня! Какая ты сегодня красивая! Соня, Соня, у тебя талія какъ у осы! Ты переломишься! Смотрите, смотрите, у нея длинное платье. Ахъ, какая ты сегодня, Соня! Какъ настоящая барышня. Ты будешь со мной танцовать, Соня?

Соня улыбается. Глаза ея лучатся изъ подъ длинныхъ рѣсницъ.

— Да тише, тише! Будетъ вамъ! Буду съ вами танцовать.

И эти слова она произноситъ, какъ большая. Нѣтъ нашей прежней Сони. Какая теперь она? Какая?.. Не зналъ, что сказать ей, какъ подойти. Знаю только, что Соня стала совсѣмъ новой. Видя перемѣны въ Сонѣ, я еще не зналъ, что и во мнѣ произошла перемѣна. Смущеніе и безпокойство были смутными указаніями, что и для меня и для Сони наступаетъ новая пора нашей жизни.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній я все же подошелъ къ ней, спросилъ о «Ревизорѣ», понравилось ли ей исполненіе гимназистовъ и предложилъ провести ее показать гимназію. Я избѣгалъ называть ее по имени, но все же фразы сами строились на «вы». Соня мелькомъ взглянула на меня, услышавъ первое «вы», улыбка чуть скользнула на ея лицѣ, но она меня не поправила. Мы пошли рядомъ. Народу было такъ много, что насъ постоянно резъединяли. Идти такъ не было возможности. Преодолѣвая новое безпокойство, я предложилъ ей руку. Она взяла ее и мы пошли вмѣстѣ. У меня сердце замирало, духъ захватывало, слова путались. Все это странно. Очень странно. Мы съ Соней, Цинцаномъ, теперь Софьей Осиповной, идемъ подъ руку по корридорамъ и классамъ нашей гимназіи, идемъ какъ настоящіе взрослые. Я былъ радъ и гордъ. На насъ обращаютъ вниманіе. Даже учителя привѣтливо кланяются. Я избѣгаю Соню называть Соней и разсказываю ей о нашей гимназіи. Она внимательно слушаетъ... А мнѣ кажется, что нѣтъ никого красивѣе и прекраснѣе Сони.

— Соня, Соня, что ты тутъ гуляешь съ Колей подъ ручку. Какъ ты форсишь сегодня своимъ длиннымъ платьемъ! Иди скорѣй. Тебя Марья Осиповна зоветъ.

Соня освобождаетъ свою руку и порывается бѣжать. Но вспомнивъ, что она теперь большая, въ длинномъ платьѣ, замедляетъ шагъ и идетъ вмѣстѣ съ Сашей къ старшимъ.

Соня, Соня! Съ этого дня ея мѣсто въ нашей жизни стало новымъ. Новыя нити потянулись къ ней. Новыя струны зазвучали въ

сердцѣ. И этотъ звукъ былъ радостенъ и тревоженъ, пробуждая новыя, дотолѣ невѣдомыя чувства.

Прошло еще нѣсколько времени. Еще нѣсколько классовъ гимназіи преодолѣно. Однажды Соня и Марья Осиповна пріѣхали къ намъ посидѣть вечеркомъ. Такіе пріѣзды была не очень часты. Но тѣмъ пріятнѣе было ихъ посѣщеніе. И отецъ, и Юлія Михайловна, да и всѣ мы очень любили обѣихъ сестеръ. А къ Сонѣ отношенія была особенныя. Соня училась въ гимназіи Арсеньевой и мы были въ однихъ классахъ. Нерѣдко задаваемыя намъ сочиненія совпадали и тогда мы сговаривались съ ней о планѣ изложенія. Какъ-то разъ, по ея просьбѣ, я даже написалъ ей сочиненіе. Она говорила, что совершенно не умѣетъ описывать красоты природы, что это въ моемъ духѣ и я долженъ ей помочь.

Въ этотъ вечеръ Марья Осиповна заявила, что къ нимъ скоро пріѣзжаютъ изъ Варнавинскаго уѣзда Костромской губерніи ихъ кузины Захарьины и что въ слѣдующій разъ онѣ пріѣдутъ къ намъ съ Вѣрой и Симой Захарьиными. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько недѣль къ намъ появились Марья Осиповна и Соня, а съ ними двѣ прелестныхъ совсѣмъ юныхъ дѣвушки. Старшая, Вѣра Александровна, была блондинка съ голубыми, чуть на выкатѣ глазами, а младшая, Симочка, была потемнѣе, очень маленькая, полненькая, съ круглой головкой, круглымъ личикомъ, круглыми, нѣсколько удивленными глазками и губками бантикомъ.

Обѣ новыхъ гостьи оказались милыми, привлекательными, очень застѣнчивыми, говорящими чуть замѣтно на «о» по Костромски. Онѣ пріѣхали въ Москву поступать въ одинъ изъ послѣднихъ классовъ пансіона Дюмушель. Вѣра занималась пѣніемъ, а Симочка — музыкой.

Къ тому времени и у насъ въ семьѣ процвѣли искусства. Всѣ мы съ разными успѣхами учились играть на рояли. Учила насъ очень милая, чрезвычайно добрая, когда-то хорошая музыкантша А. А. Еропкина. Успѣхи Паши были средніе, хотя онъ много занимался и недурно игралъ въ четыре руки. Я въ музыкѣ не пошелъ дальше «Parfum de violettes», «Gazouillement des oiseaux». «Gondelied» Мендельсона и нѣсколькихъ другихъ сентиментальныхъ вещичекъ. Зато Саша, а впослѣдствіи Володя, съ полнымъ блескомъ успѣвали въ музыкѣ. Пѣнье подъ рояль было представлено мною. И какъ только у меня сталъ формироваться голосъ и зазвучало нѣчто вродѣ высокаго баритона, такъ я сталъ разучивать съ помощью брата Саши разные романсы и даже оперныя аріи. Первымъ моимъ романсомъ былъ «Der Wanderer» Шуберта. А потомъ романсовъ русскихъ и иностранныхъ музыкантовъ накопилось нѣсколько толстыхъ тетрадей. Не съ меньшимъ увлеченіемъ пристрастился я и къ живописи. Къ тому времени, втайнѣ, приносились мною дары и на алтарь поэзіи. У меня въ записной книжкѣ набра-

лось много стихотвореній, навѣянныхъ Лермонтовымъ, Надсономъ, а впослѣдствіи Алексѣемъ Толстымъ. Только эти стихи никому не показывались изъ-за неодолимой застѣнчивости.

Музыка, пѣніе, разговоры о живописи, все это было обильнымъ матеріаломъ для вечеровъ «съ гостями». Чуть ли не въ первый пріѣздъ Захарьиныхъ каждый изъ насъ обнаружилъ свои таланты. Паша и Саша играли въ четыре руки «Hussarenritt» и увертюру къ «Руслану и Людмилѣ». Я исполнилъ «Скитальца», «Двухъ гренадеровъ» и «Прости на вѣчную разлуку». Вѣра Захарьина пропѣла намъ «Сводъ неба звѣздный» Денца и «Вечеръ» Монюшки. Голосокъ ея былъ слабенькій, пѣла она почти по-дѣтски. Но она была такъ мила, такъ волновалась и такъ жалостно произносила: «Я у порога, въ сердце тревога», что мы шумно и много ей апплодировали.

Около Вѣры Симочка своими маленькими ручками сыграла «Маршъ Зуавовъ». У Саши глаза сіяли. Онъ весь былъ слухъ и созерцаніе. Вѣра и Симочка Захарьины имѣли у насъ большой успѣхъ. Всѣмъ онѣ очень нравились. Проводивъ ихъ, условившись, что онѣ непремѣнно будутъ бывать у насъ, а мы у Ильиныхъ, мы стали дѣлиться впечатлѣніями. Всѣ были довольны. Я назвалъ ихъ «куколками». Это названіе оказалось очень удачнымъ и такъ за ними и осталось.

На слѣдующій же день Саша, послѣ гимназіи, отправился на Кузнецкій мостъ къ Гутхейлю и купилъ «Маршъ Зуавовъ». Быстро разучилъ его и черезъ нѣсколько дней игралъ его съ такимъ оживленіемъ, съ такой страстью, что всѣ были въ восторгѣ. «Маршъ Зуавовъ» сталъ для Саши призывомъ, увлеченіемъ, которому онъ отдался со всей неудержимой страстью своей одаренной и пылкой натуры. Въ этомъ порывѣ гармонически сочеталось увлеченіе и Симочкой, и музыкой. Симочкѣ онъ отдавалъ всю юную страсть своей души, воплощая эту страсть въ музыкѣ. Съ этихъ поръ его успѣхи въ музыкѣ были поразительны. Онъ игралъ на рояли много и серьезно изучалъ музыку. Вернувшись изъ гимназіи, онъ тотчасъ же садился за рояль, долго игралъ экзерсисы, потомъ переходилъ на серьезныя музыкальныя вещи. Прервавъ ненадолго музыку и быстро приготовивъ уроки, онъ снова садился за рояль и тутъ изъ-подъ его пальцевъ лились порою мелодіи-импровизаціи, какъ гимнъ, какъ славословіе, какъ молитва. Этотъ вызовъ къ жизни несомнѣннаго музыкальнаго дарованія произвела маленькая Симочка съ губнымъ бантикомъ.

А по воскресеньямъ, послѣ обѣдни, Саша бѣжалъ на Швивую горку, гдѣ возвышалось прелестное старое зданіе, въ которомъ помѣщался пансіонъ Дюмушель. Онъ нѣсколько разъ обходилъ это зданіе со всѣхъ сторонъ, надѣясь увидѣть въ окнѣ маленькую головку. Но въ окнахъ ничего не было видно, никто не появлялся. И

нашъ трубадуръ возвращался домой, и снова мы слушали чудесныя мелодіи-импровизаціи. То пѣла бурная, пробудившаяся душа брата Саши, этого талантливаго, сильнаго и бурнаго Саши, становившагося юношей.

Однажды мы были приглашены къ Ильинымъ на вечеръ. Вечеръ долженъ былъ начаться съ пѣнья и музыки, а послѣ нужно было танцовать подъ тапера, которымъ былъ извѣстный въ Москвѣ Дреслеръ.

Вечеръ начала Вѣра Захарьина своимъ неизмѣннымъ «Сводъ неба звѣздный». Исполнилъ я часть своего репертуара. Тутъ было и «Не плачь, дитя» — подъ Хохлова, и «Старый капралъ» Вильбоа, «Подъ душистой вѣткой сирени», «Азра» Рубинштейна, «Льетъ ливмя дождь», арія Валентина изъ «Фауста» и даже исполненная по-французски арія Мефистофеля «**Le veau d'or est toujours debout**». Послѣ долгихъ упрашиваній Симочка исполнила что-то изъ Мендельсона и, въ заключеніе, «Маршъ Зуавовъ». Слѣдомъ за ней къ роялю подошелъ Саша и наизусть сыгралъ рапсодію Листа. Игралъ онъ хорошо. Можетъ быть, въ его игрѣ не хватало отдѣлки. Руководство нашей милой А. А. Еропкиной уже было недостаточно для Саши. Ученикъ переросъ свою учительницу. Онъ кончилъ. Ему много аплодировали. Особенно неудержимо аплодировала своими маленькими ручками Симочка, называвшая его Антономъ Рубинштейномъ. Саша продолжалъ сидѣть у рояля, какъ бы колеблясь, раздумывая и не рѣшаясь. Его просили сыграть еще. Называли разныя вещи изъ его репертуара. Но вотъ онъ махнулъ рукой, произнесъ что-то вродѣ «эхъ-ма» и, не раскрывая нотъ, заигралъ «Маршъ Зуавовъ». Звуки полились мощно, сильно, захватывающе. Это была цѣлая буря, цѣлый ураганъ все нароставшихъ звуковъ. Зуавы никогда не ходили подъ такой маршъ. Имъ пришлось бы летѣть на крыльяхъ радости, страсти и восторга. Исполненіе было настолько блестяще, такъ безконечно отличалось отъ исполненія Симочки, что изъ сосѣдней комнаты, изъ-за карточныхъ столовъ, вышли старшіе и съ изумленіемъ заглядывали на играющаго. Бравурный маршъ, все звучалъ, наросталъ и наконецъ завершился полнымъ, звучнымъ и торжественнымъ аккордомъ. Шумные апплодисменты малыхъ и старыхъ были заслуженной наградой Сашѣ. А онъ, казалось, не слышалъ похвалъ и восторговъ. Свой маршъ онъ исполнилъ, конечно, только для Симочки. Но, увы, даръ менестреля вызвалъ жгучую боль въ сердечкѣ той, которой онъ предназначался. Симочка подбѣжала къ роялю, у котораго стоялъ взволнованный Саша, схватила ноты, разорвала ихъ на мелкіе куски, а сама залилась слезами и убѣжала изъ комнаты.

Саша стоялъ переконфуженный, смущенный. Симочку пошли утѣшать. Ей говорили: «Какая ты глупая, Сима, вѣдь это для тебя онъ такъ чудесно сыгралъ твой любимый маршъ!» А Сашѣ при-

шлось выслушать разныя наставительныя сентенціи и поученія: «Вы прекрасно исполнили маршъ, но поступили не по-рыцарски» — говорилъ ему кто-то изъ старшихъ.

— Вы убили нашу Симочку. Она вамъ этого никогда не проститъ, — говорили другіе. — Она теперь не притронется до рояля.

— Ну, ужъ и кукла твоя Симочка, — говорилъ нашъ общій пріятель Арандаренко. — Она бы лучше поучилась у тебя, какъ надо играть Зуавскій маршъ.

Однако, Симочка скоро успокоилась. Она вышла съ заплаканными глазками и надутыми губками. Саша поспѣшилъ попросить у нея за что-то прощенья. А тутъ таперъ заигралъ весело и оживленно. Саша не переставалъ танцовать съ Симочкой. Третью кадриль онъ танцовалъ съ нею. Съ нею же танцовалъ и котильонъ, которымъ лихо и интересно дирижировалъ Арандаренко.

На Рождество и на масляницу такіе же вечера устраивались и у насъ въ Казенномъ переулкѣ. Для этого всю тяжелую мебель выносили изъ гостиной и папинаго кабинета. Обѣ эти комнаты предоставлялись для танцевъ. Танцовали съ увлеченіемъ и безъ устали. Народу набиралось въ этихъ комнатахъ видимо-невидимо. Тутъ были прежде всего Ильины и Захарьины, Кацауровы, Страховы, Эгерты, Лѣтниковы, Волковы, впослѣдствіи Цингеры и Коленька Загорскій. А душой этихъ вечеровъ былъ нашъ большой пріятель и товарищъ по гимназіи, Володя Арандаренко. Онъ былъ неутомимъ и изобрѣтателенъ и въ играхъ, и особенно въ устройствѣ котильона и кадрили-монстръ. Къ этимъ танцамъ готовились заранѣе, готовили банты, ордена, бубенчики и всевозможныя украшенія для избранницъ и избранниковъ. О, эти котильоны! Сколько радости они приносили съ собой, но и нерѣдко были острые уколы, возбуждавшіе ревнивыя чувства. Наши милыя дамы, плѣненныя веселымъ и находчивымъ Арандаренко, часто выбирали его для особо сложныхъ фигуръ и безъ устали украшали его грудь орденами, бантами. И вотъ въ этихъ случаяхъ бывали обиды. Въ общемъ же вечера эти проходили дружно и весело.

Бывали и другого характера вечеринки, когда не было танцевъ, а вмѣсто нихъ были музыка, пѣнье, декламація, иногда чтеніе вслухъ новаго произведенія Толстого, Чехова. Володя Арандаренко становился въ позу, устремлялъ глаза въ пространство, поверхъ головъ, и декламировалъ слегка нараспѣвъ: «Онъ водилъ по струнамъ, упадали власы на безумныя очи»... Ал. Толстого. На бисъ онъ прочитывалъ все тѣмъ же патетическимъ тономъ «Послѣднее новоселье» Лермонтова и съ особой гримасой презрѣнія произносилъ фразу: «Ты жалкій и пустой народъ». Заключалъ свою декламацію, имѣвшую шумный успѣхъ толстовскимъ: «Довольно! Пора мнѣ забыть этотъ вздоръ! Пора мнѣ вернуться къ разсудку!» Послѣдній стихъ онъ произносилъ въ порывѣ отчаянія, ударяя себя въ грудь:

«О, Боже! Я раненый на смерть игралъ, гладіатора смерть представляя!»

Володя Арандаренко зналъ себѣ цѣну и, видя общее одобреніе и восторженные взоры нашихъ барышень, слегка позировалъ. Но все это было хорошо, слегка волновало, вызывало и чувства, и мысли. А когда на нашемъ горизонтѣ появились консерваторки, настоящія пѣвицы, у насъ нѣкоторое время создался культъ Толстого-Чайковскаго. Чудесные стихи Ал. Толстого, положенные на печальную и тоскующую, недоговоренную музыку Чайковскаго. Цѣлые вечера посвящались Толстому и Чайковскому. Пѣли романсы Чайковскаго, читали стихи Толстого. Особенно любили «Іоанна Дамаскина» и его изумительный тропарь. Бабушка, прислушавшись къ жуткимъ стихамъ «Все пепелъ, призракъ, тѣнь и дымъ... Исчезнетъ все, какъ вихорь пыльный, и передъ смертью мы стоимъ и безоружны и безсильны» — просила ихъ прочесть наединѣ, безъ гостей. Она въ нихъ узнала тропарь, которымъ заканчивается чинъ погребенія. Нашъ общій другъ, Саша Бѣдняковъ, проводившій у насъ праздники, не разставаясь съ гимназическимъ учебникомъ, присутствовалъ тутъ же, но обычно стоялъ въ сторонкѣ и наблюдалъ, иногда только дѣлая свои замѣчанія по поводу нашихъ выступленій. Онъ одобрялъ серьезную дѣловитость Сони Ильиной и, нарочно подражая жаргону Юрьева-Польскаго, откуда онъ былъ родомъ, говорилъ: «И хорошая она дѣвка, эта Соня Ильина».

За стихами слѣдовало музыкальное отдѣленіе. Играли Шопена, Листа, Бетховена, Грига. Потомъ пѣли соло и дуэты подъ великолѣпный аккомпаниментъ Саши или Володи. За ужиномъ шли несмолкаемые разговоры о театрѣ. О Маломъ театрѣ, о новыхъ пьесахъ, о пріѣздѣ Мейнингенцевъ, ихъ утрированномъ реализмѣ. Одни были въ восторгѣ отъ этого новшества, среди нихъ были Соня и я. Другіе находили это уродствомъ, разсѣивающимъ вниманіе. Восторгались Коклэномъ, Поссартомъ, Барнайемъ, Сарой Бернаръ, впослѣдствіи Элеонорой Дузэ. Сара Бернаръ вызывала бурные споры. Сравненіе ея съ Дузэ порождало страсти не меньшія, чѣмъ споры о Мазини и Фигнерѣ. Сару Бернаръ мы судили довольно сурово. Отдавая дань ея чудодѣйственной игрѣ, все же называли ее «ломакой». Ея выходъ на вызовы, ея позировка, возмущали наши строгіе вкусы, воспитанные на Маломъ театрѣ со строгой Ермоловой и Федотовой. Я однажды пытался было защищать Сару Бернаръ и сказалъ, что ея позы при выходахъ все же красивы и какъ-то продолжаютъ иллюзію только что законченной сцены. Но былъ со всѣхъ сторонъ осмѣянъ. А Симочка, складывая губки бантикомъ, сказала:

— А я и не знала, что вы любите кривлякъ.

Мы любили свои московскіе театры. Любили оперу Большого театра съ Хохловымъ, Корсовымъ, Василевскимъ, Додоновымъ, Бар-

царомъ, впослѣдствіи Преображенскимъ; съ Кадминой, Кочетовой, Крутиковой, Климентовой, Лавровской... Увлекались Малымъ театромъ — съ Федотовой, Ермоловой, Акимовой, Никулиной, Ленскимъ, Южинымъ, Горевымъ, Живокини, Садовскимъ, Правдинымъ, Музилемъ. Любили театръ Корша съ Киселевскимъ, Ивановымъ-Козельскимъ.

Мы были поклонниками Ермоловой. А Южину часто подражали въ манерахъ и интонаціяхъ, иногда очень удачно имитируя его и внося его нотки и пріемы въ наши споры и объясненія. Иногда разсказъ о гимназіи вели въ патетическомъ тонѣ декламаціи Южина. Было похоже: «совсѣмъ какъ Южинъ». Несравнимые ни съ чѣмъ восторги вызывала Итальянская опера. Мазини, Ванъ-Зандъ, Арнольдсонъ, Дюранъ — кружили головы. Опера Мамонтова пріучала насъ къ музыкѣ. А опера «Норма» съ Арнольдсонъ и Дюранъ сохранилась въ памяти, какъ изумительно изящно исполненная вещь. Обѣ пѣвицы были прелестны. Полна очарованія была красавица Арнольдсонъ. Спектакль Мамонтовской оперы былъ особенно памятенъ и дорогъ и тѣмъ, что мы были вдвоемъ съ Соней Ильиной. Она, обычно сдержанная и молчаливая, не скрывала своей радости, вызванной музыкой. А въ антрактахъ говорила о своихъ планахъ на будущее. Она уже скоро кончала гимназію и собиралась поступить на курсы Герье.

Тогда москвичамъ, и особенно москвичкамъ, кружили головы Мазини и Фигнеръ. Оба — тенора. Одинъ обладалъ изумительнымъ голосомъ, но игралъ «какъ сапожникъ». Другой обладалъ сравнительно слабымъ голосомъ, но игралъ «какъ богъ». Первый былъ Мазини. Другой былъ Фигнеръ. Мы, братья, съ наслажденіемъ слушали и того, и другого, отдавая должное и тому, и другому. Но наши пріятельницы подѣлились на два непримиримыхъ лагеря. Соня была вся и цѣликомъ на сторонѣ Фигнера. Вѣра Захарьина — на сторонѣ Мазини. Соня требовала, чтобы и мы сдѣлали, наконецъ, выборъ. Нападала яростно на Мазини, который поетъ небрежно, задомъ поворачивается къ публикѣ, издѣвается надъ своими поклонницами и вообще грубъ и не умѣетъ должнымъ образомъ пользоваться тѣмъ даромъ, которымъ наградилъ его Господь. Фигнеръ — другое дѣло! Это настоящій артистъ. Онъ въ «Отелло» неподражаемо прекрасенъ. Надъ Соней подтрунивали, зачислили ее въ фигнеристки. И когда у нея появились на ея письменномъ столѣ портреты Фигнера въ разныхъ роляхъ, ее совсѣмъ зачислили въ разрядъ поклонницъ Фигнера. Слушая восторженныя восклицанія Сони о Фигнерѣ, я приходилъ въ мрачное настроеніе. Эти восторги такъ не свойственны Сонѣ, такъ не идутъ къ ней. Мнѣ было не до шутокъ. Какое-то новое чувство шевелилось въ сердцѣ. Что это было? Ревность? Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ это было болѣзненное чувство.

Но вотъ разъ мы съ Соней поѣхали въ концертъ Фигнера и Медеи Мэй въ большомъ залѣ Московскаго Дворянскаго Собранія. Народу было видимо-невидимо. Публика была нарядно одѣта. Исполнителей приняли шумно. Концертъ проходилъ прекрасно. Соня была возбуждена и, обращаясь ко мнѣ, спрашивала:

— Ну, что, неужели не хорошо? И это не нравится? Какой вы странный! Это просто вы нарочно.

Мнѣ все очень нравилось, но я продолжалъ оставаться не въ духѣ и сумрачно отвѣчалъ:

— Ничего особеннаго. У него крикливыя ноты и держится онъ, какъ офицеръ!

Но вотъ концертъ подходитъ къ концу. Выходятъ Фигнеръ и Медея и подъ аккомпаниментъ рояля исполняютъ романсъ Глинки «Не искушай меня безъ нужды». Зала притихла. Все замерло. Только звуки, напряженный слухъ, да восторженные взоры, устремленные на пѣвцовъ.

Не множь тоски моей, не множь,
Не заводи о прежнемъ слова
И, другъ заботливый, больного
Въ его дремотѣ не тревожь.
Я сплю, мнѣ сладко усыпленье,
Забудь бывалыя мечты...
Въ душѣ моей одно волненье,
А не любовь, пробудишь ты...

Звуки замерли. Прозвучалъ послѣдній аккордъ аккомпанимента. А залъ еще хранилъ оцѣпенѣніе, не желая разсѣять очарованія. Но вотъ буря восторговъ. Буря наростающая, волнами несущаяся къ пѣвцамъ. А они оба красивые, счастливые — улыбаются толпѣ.

Снова повторяется «Не искушай». Снова буря восторговъ. И такъ нѣсколько разъ. Публика встаетъ съ мѣстъ, обступаетъ эстраду и все умоляетъ повторить еще и еще разъ это поистинѣ восхищающее «Не искушай». Въ залѣ начинаютъ гасить люстры. Послѣдній разъ въ полутемной залѣ звучитъ дуэтъ. Фигнеры покидаютъ эстраду уже окончательно. Публика расходится. И тутъ происходитъ нѣчто необычайное для нашихъ сѣверныхъ нравовъ. Медленно спускаясь по красивой, бѣлой мраморной лѣстницѣ, сначала тихо, вполголоса, потомъ все громче, публика поетъ очаровавшій ее романсъ Глинки:

Забудь бывалыя мечты...

Въ душѣ моей одно волненье,

А не любовь пробудишь ты...

— Ну, что, развѣ плохо? — спрашиваетъ Соня. — Развѣ и это не нравится?

— Нѣтъ, нѣтъ, это очаровательно! Это великолѣпно! Вашъ Фигнеръ лучше Мазини, — волнуясь, спѣшу я признаться.

— Ну, то-то же! Наконецъ-то! Только почему это «вашъ Фигнеръ», когда онъ и вашъ, нашъ общій, правда.

Мы оба счастливы и довольны. Довожу Соню до извозчика. Ей къ Патріаршимъ прудамъ, а мнѣ въ Большой Казенный переулокъ, къ Курскому вокзалу.

— До свиданья. А что, въ воскресенье пойдемъ въ Третьяковскую галлерею? Тамъ есть новыя картины?

— Хорошо, приду. Буду въ Брюлловскомъ залѣ. Только смотрите, не опаздывайте, какъ тогда. Ну, до свиданья. Покойной ночи!

Я застегиваю на саняхъ извозчика полость. Извозчикъ трогаетъ. «До свиданья!»

Стою на тротуарѣ. Смотрю вслѣдъ уѣзжающей Сонѣ. Душа полна очарованья. Соня, Соня! «Въ душѣ моей одно волненье, а не любовь пробудишь ты...» — поетъ все внутри. Почему не любовь?.. Почему?..

Морозъ щиплетъ уши. Поднимаю воротникъ гимназической шинели, засовываю руки въ карманы и бѣгу домой. А въ душѣ все поетъ... «Не искушай, не искушай!» Какъ это было выразительно у Фигнера, точно онъ умолялъ, умолялъ о пощадѣ, просилъ избавить отъ какого-то страданія... «одно волненье, а не любовь пробудишь ты»... Странно, странно!.. Ахъ, Соня, Соня... Холодно, ногамъ. Морозъ рѣжетъ щеки. Бѣгу по пустыннымъ бульварамъ. Вдругъ все очарованье исчезаетъ. Къ холоду наружному присоединяется холодъ внутренній. Завтра — латинское экстемпорале — какая гадость! И когда все это кончится? Никогда не увѣренъ, что не наврешь. Особенно послѣ этихъ «не искушай». Уже поздно. Звоню у воротъ нашего домика. Слышу шаги дворника Петра въ большихъ калошахъ. Отпираетъ ворота.

— Что это, баринъ, какъ нонѣ поздно!

Темно. Тихонько пробираюсь къ себѣ въ комнату. По дорогѣ задѣваю стулъ въ столовой. Ворчу. Поспѣшно раздѣваюсь. Укладываюсь въ постель. Опять все поетъ, далеко, прекрасно. Соня, Соня... Въ воскресенье нужно не опоздать въ Третьяковскую галлерею.

Въ воскресенье, послѣ обѣда, наскоро завтракаемъ и бѣжимъ въ Лаврушинскій переулокъ. Путь далекъ, извозчики дороги, хотя въ тѣ времена отъ Покровки до Третьяковской галлереи извозчикъ на санкахъ спрашивалъ 40 коп., а поторговавшись везъ и за 30. Предпочитали бѣжать пѣшкомъ, такъ какъ старыя московскія конки ходили необычайно медленно. Нужно торопиться, чтобы не заставить ждать Соню. А можетъ быть, будутъ и Захарьины.

Въ Третьяковской галлереѣ мы были привычными посѣтителями. И мы знали служителей галлереи, одѣтыхъ въ черныя суконныя поддевки, артельщиками. Знали и они насъ. Быстро, не останавливаясь, пробѣгали мы Верещагинскія залы внизу и устремлялись по небольшой деревянной лѣстницѣ во второй этажъ, въ Брюлловскій залъ. Въ галлереѣ какъ-то особенно пахло — немножко мастикой и воскомъ отъ натертыхъ половъ, но болѣе всего «картинами» — краской, лакомъ, холстомъ. Это былъ запахъ пріятный, свойственный только Третьяковской галлереѣ. Окинувъ взоромъ Брюлловскій залъ, на сей разъ не картины, а посѣтителей, мы убѣждались, что Ильиныхъ еще нѣтъ. Заглядывали въ сосѣднія залы. Ихъ и тамъ нѣтъ. Хорошо, что мы не опоздали. Галлерею мы хорошо знали. Знали всѣ картины и всѣхъ художниковъ. Каждый изъ насъ имѣлъ свои любимыя картины и любимыхъ художниковъ.

Меня постоянно привлекалъ портретъ Н. Кукольника, написанный Брюлловымъ. Мнѣ вовсе не нужно было знать, кто это. Но выраженіе задумчиваго лица съ едва замѣтной улыбкой, старый костюмъ — будили какую-то тревогу. Это п р о ш л о е глядѣло на меня задумчиво, чуть улыбаясь, какъ бы вопрошая. Подолгу я простаивалъ передъ этимъ портретомъ, переживая какія-то смутныя ощущенія, не выливавшіяся въ мысли и тѣмъ менѣе въ слова. Казалось, портретъ говорилъ:

— Ну, вотъ, насъ уже нѣтъ, мы — прошлое. Ну, а вы, наше будущее, кто вы и что васъ ждетъ?

Минуя ряды чудесныхъ старыхъ портретовъ, минуя всадницу Брюллова, княжну Тараканову, на которой все же на минуту останавливался взоръ, — въ душѣ шевелилось негодованіе противъ человѣческой жестокости, а слагавшійся художественный вкусъ шепталъ, что это все-таки большая олеографія, —бросивъ взглядъ на «Неравный бракъ» Пукирева, который всегда вызывалъ чувство досады, обиды и негодованія уже не на исполненіе, а въ связи съ гримасой жизни, изображенной на этомъ полотнѣ, — я непремѣнно останавливался у другой, м о е й, любимой, небольшой картины въ той же залѣ. Это было небольшое полотно Перова, «На могилѣ сына». Поникшія фигуры старика и старушки глубоко трогали меня.. Я много разъ потихоньку зарисовывалъ эту картину въ свою записную книжку, а дома пытался воспроизвести ее масляными красками. Эта картина вызывала тѣ настроенія, которыя, независимо отъ художественнаго мастерства, составляли таинственныя чары искусства. Художникъ затрагивалъ интимныя струны души. Онѣ звучали ему отвѣтно. Создавалась радостная связь и соприкосновеніе съ художникомъ. Въ тѣ времена именно эти ощущенія и отзвуки и опредѣляли мое отношеніе къ искусству. Есть отзвукъ въ душѣ — мнѣ нравилась картина, музыкальная вещь, театральное

представленіе. Нѣтъ отзвука — и произведеніе искусства теряло для меня значительно свой интересъ. Однако, это не значило, что мы вовсе не разбирались въ вопросахъ искусства. Мы уже умѣли различать правильность рисунка, уже тогда появлялось у насъ чувство красокъ. Кто въ этомъ отношеніи помогалъ намъ? Думаю, что больше всего Третьяковская галлерея, Передвижныя выставки и художественныя обозрѣнія «Русскихъ Вѣдомостей», въ изложеніи В. И. Сизова.

А что же все нѣтъ Ильиныхъ? Время идетъ, скоро станетъ смеркаться. Неужели Соня не придетъ? Очевидно, то же думалъ Саша о Симочкѣ, постоянно поглядывая на лѣстницу, по которой поднимались посѣтители галлереи.

— Вотъ онѣ! — почти восклицаетъ Саша.

И дѣйствительно, на лѣстницу поднимаются Соня и Марья Осиповна. Соня въ черной, высокой барашковой шапкѣ, въ очень короткой черной кофтѣ, плотно облегающей ея изумительно тонкую талію. Въ черной, гладкой юбкѣ и съ муфтой въ рукахъ. Лицо ея серьезно, губы сжаты. Она довольно сухо здоровается, по-мужски протягивая руку. Марья Осиповна старается смягчить суховатую встрѣчу. У Симочки болитъ горло. Сегодня вечеромъ онѣ ѣдутъ въ театръ. Забѣжали въ галлерею только для того, чтобы мы не ждали понапрасну. Какъ-нибудь потомъ внимательнѣе всѣ вмѣстѣ осмотримъ галлерею, а теперь придется только обѣжать залы. Что же дѣлать? А я такъ ждалъ этой встрѣчи! Хотѣлъ разсказать о моемъ знакомствѣ съ Левитаномъ. Я уже гимназистъ 8-го класса, мое пристрастье къ живописи признано. Папина знакомая художница, Софья Петровна Кувшинникова, жена московскаго полицейскаго врача Мясницкой части, предложила меня познакомить съ Левитаномъ и ввести въ кругъ художниковъ. Первое мое посѣщеніе Левитана произвело на меня странное впечатлѣніе. Въ небольшой комнаткѣ, въ клубахъ синяго дыма, сидѣло и полулежало на тахтѣ, стульяхъ, креслахъ и даже на столѣ — много народа. Кувшинникова представила меня — Левитанъ вѣжливо поздоровался. Другіе обернулись, но тотчасъ же забыли о моемъ присутствіи и снова погрузились въ только что прерванное чтеніе. Я былъ разсѣянъ, подавленъ. Не зналъ, куда сѣсть. Свободнаго мѣста не было нигдѣ. Я плохо улавливалъ содержаніе читаемаго. Вниманіе было занято людьми и обстановкой. Помнится, читали отзывъ о какой-то выставкѣ. Порою чтеніе прерывалось возгласами кого-либо изъ присутствовавшихъ. Читали долго. Потомъ всѣ разомъ стали говорить. Шумъ поднялся страшный. Ничего разобрать было нельзя. Я не зналъ, куда себя дѣвать. Левитанъ былъ безмолвенъ, и, полулежа на тахтѣ, смотрѣлъ на всю эту компанію печальными глазами подъ густыми черными бровями. А я все стоялъ у двери, не зная, куда дѣть свои руки, куда дѣть самого себя. Кто-то сталъ прощаться. Его не задержи-

вали. Воспользовался этимъ случаемъ и я. Простился съ Левитаномъ. Онъ сказалъ что-то вродѣ, что будетъ радъ меня видѣть въ другой разъ, — и я поторопился уйти, унося съ собой смутное сознаніе, что къ художнику такъ просто притти нельзя, что сначала нужно самому стать художникомъ, а такъ... Чувство большой неловкости долго не покидало меня.

Но и объ этомъ случаѣ, который я собирался разсказать въ шутливомъ тонѣ, упомянуть не пришлось, настолько торопливо мы проходили по заламъ. Все же скользя по полотнамъ, взгляды задерживались на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Шишкинъ, Куинджи, Ге, Дубовского «Притихло» — непремѣнно привлекали къ себѣ вниманіе. Не любить ихъ въ то время значило ровно ничего не любить въ живописи. Тогда всѣ эти полотна имѣли прелесть новизны. Зала Крамского съ его «Неутѣшнымъ горемъ», съ «Христомъ въ пустынѣ», съ его портретами — была одной изъ любимыхъ нашихъ залъ. Кажется, самая любимая картина Сони была «Неутѣшное горе». Далѣе — Суриковъ, который затмевалъ для насъ «Никиту Пустосвята» Перова и даже васнецовскія большія полотна, въ которыхъ чувствовалась театральность, но который безраздѣльно владѣлъ нашими чувствами и воображеніемъ, помогая закрѣплять въ образахъ ощущеніе русской исторіи. Всегда привлекали наше вниманіе женскіе типы Сурикова. Въ нашу приходскую церковь ходила молодая женщина, Елагина, вылитая суриковская женщина. А онѣ были у него всѣ одного типа. Наслаждаясь Суриковымъ, мы дружно неодобряли Константина Маковскаго. Далѣе — «Не ждали» Рѣпина. Какъ бы ни торопились мы, а у этой картины всегда останавливались — смотрѣли на нее, изучали ее до мельчайшихъ подробностей, читали ее, и каждый разъ находили въ ней все новый интересъ и новое содержаніе. Къ «Ивану Грозному» отношенія наши были разныя. Тутъ было что-то вызывающее, рѣзко бьющее, дисгармонирующее съ общимъ впечатлѣніемъ отъ галлереи. Недаромъ какой-то маніакъ ударилъ ее ножемъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ повредилъ. Внизу обѣгаемъ залы Верещагина. Его проповѣдь противъ войны, его «Перевязочный пунктъ», «Поле битвы (побѣжденные)», «Раненый», «Апоѳеозъ войны» — все на насъ дѣйствуетъ сильно, приковываетъ, проникаетъ въ сознаніе и самое сердце. Какъ тутъ отдѣлишь содержаніе отъ техники, когда все волнуетъ? И чѣмъ дальше глядишь на картину, тѣмъ больше негодуешь и ненавидишь войну.

— Проклятая война! — заглушеннымъ голосомъ говорю я. — Какая это гадость!

— А какъ безъ нея обойтись, когда безъ нея люди жить не могутъ? — подаетъ реплику Марья Осиповна.

Всѣ нападки на Верещагина за его холодность, фотографичность, за то, что онъ не художникъ, а иллюстраторъ, что онъ устраивалъ свои выставки съ особенными эффектами и изображеніемъ за

занавѣсомъ похороннаго марша — на насъ совершенно не дѣйствуютъ: Верещагина мы любимъ и охотно отдаемся проповѣди его противъ войны.

Мы хорошо знали и Румянцевскій музей, но Третьяковскую галлерею любили больше. Она была для насъ живой лѣтописью современнаго намъ живописнаго искусства. А къ нему мы были чутки, неизмѣнно посѣщая Передвижныя выставки въ залахъ Школы живописи, ваянія и зодчества на Мясницкой, противъ Почтамта, а также Періодическія выставки на углу Малой Дмитровки, въ домѣ Шидловскаго. Тамъ мы увидали въ первый разъ сѣровскую дѣвушку подъ деревомъ съ солнечнымъ пятномъ. Это было новое откровеніе въ живописи. Эта дѣвушка имѣла какое-то отдаленное сходство съ Соней Ильиной. Впрочемъ, можетъ быть, это только мнѣ казалось. Эту картину я увидалъ издали, нежданно, и былъ пораженъ ею. Дѣвушка сидѣла подъ деревомъ, прислонившись къ стволу, и солнце покрывало ее своими свѣтлыми бликами. А неподалеку отъ меня стояла Соня Ильина, и солнце освѣщало ея стройную и строгую фигуру.

Разъ какъ-то мы сговорились съ Соней сходить вдвоемъ въ Третьяковскую галлерею и основательно разсмотрѣть тѣ картины, на которыхъ мы обычно не задерживались. А съ собой я захватилъ написанное мною стихотвореніе, посвященное Сонѣ. Соня только что кончила гимназію. Вырвалась на волю... но воля оказалась довольно сурова. Пришлось думать о работѣ, о заработкѣ, и Высшіе Женскіе Курсы Герье въ Политехническомъ музеѣ не могли быть использованы въ такой полнотѣ, какъ этого хотѣлось. Вотъ это и послужило темой для моего стихотворенія. Только, конечно, въ немъ рѣчь была не о Герье, не о курсахъ, не о работѣ. Стихи говорили о молодомъ орлѣ, который взвился въ поднебесье, но вдругъ неожиданно цѣпью желѣзной оказался прикованнымъ къ скалѣ. Но орелъ гордой главой не поникъ въ неволѣ печальной,

А гордыя крылья онъ крѣпко сложилъ
И такъ же, какъ прежде, въ дали необъятной,
За тучи движеньемъ онъ молча слѣдилъ.

Стихотвореніе могло бы быть прочитано довольно смѣло. Но оно было посвящено. А въ судьбѣ орла такъ ясно видѣлась судьба Сони. И хочется ей передать написанные для нея стихи, и очень все это неловко. Стихи жгутъ меня и очень мѣшаютъ смотрѣть картины. Обычно я даю указанія о художникѣ, о содержаніи картины, а тутъ путаюсь, все думаю, можно ли передать стихи, или это глупо, какъ Соня отнесется къ этимъ «сантиментальностямъ». Я такъ не люблю и боюсь этого слова, а оно часто срывается съ ея языка. Такъ въ галлереѣ я стиховъ и не передалъ. Картины просмотрѣли мы добросовѣстно, устали очень. Подъ конецъ у обоихъ разболѣлись головы. Уходили изъ галлереи вялые. Всякій интересъ пропалъ рѣшительно

ко всему. Мы взяли извозчика и поѣхали на Патріаршіе пруды. Ѣхать было не очень удобно на старой пролеткѣ. Голова все еще не переставала болѣть. Хотѣлось ѣсть. А тутъ стихи все еще безпокоятъ. Неужели такъ я и не найду рѣшимости и не передамъ стиховъ... Наконецъ, послѣ долгой паузы и большого количества переулковъ, которые мы проѣхали, я обратился къ Сонѣ съ введеніемъ такого приблизительно содержанія.

— Вотъ я хотѣлъ бы вамъ передать кое-что. Это для васъ. Только не подумайте чего-нибудь такого. Я знаю — это не очень удачно по формѣ. Но, право, мнѣ такъ жаль, что вы, кончивъ гимназію, и оказавшись на волѣ, какъ-то хуже и озабоченнѣе себя чувствуете, чѣмъ прежде. Вотъ, въ этихъ стихахъ это и сказано...

Я вытащилъ изъ кармана листокъ и нерѣшительно протянулъ его Сонѣ. Она поблагодарила меня, взяла листокъ и сказала:

— Я дома его прочту, благодарствуйте. А что касается до в о л и послѣ гимназіи, то... меня предчувствіе не обмануло.

Послѣ этого наступило молчаніе. Я былъ радъ, что передалъ Сонѣ свои стихи. А въ душѣ оставался вопросъ: «Ну, а какъ она къ нимъ отнесется? И что значитъ это таинственное «меня предчувствіе не обмануло»?

Пріѣхали къ дому Вишняковыхъ на Патріаршихъ прудахъ, гдѣ жили Ильины. Простились у воротъ. Отговорился необходимостью готовить уроки, побѣжалъ домой. Отвѣта на мои стихи не было. Да и какой могъ быть на нихъ отвѣтъ? Едва ли Соня согласилась со мной, что она, скромная курсистка, похожа на орла. А она всегда довольно реально смотрѣла на вещи и была чужда всякой «сантиментальности».

Свою судьбу Соня опредѣлила сама и опредѣлила ее трагично. Прошли дѣтскіе годы. Молодость оказалась суровой. Гордая, съ большими духовными запросами, она не нашла на своемъ пути того, что отвѣтило бы ея властной натурѣ. Наша дѣтская дружба и юношескія увлеченія не перешли въ болѣе глубокія чувства. Жизнь въ Ярославлѣ, Ташкентѣ, Петербургѣ, съ ея старшимъ братомъ — разъединила насъ надолго. Протекли года. Участіе въ жизни у каждаго изъ насъ становилось все сложнѣе и неотрывнѣй отъ новыхъ условій и новыхъ интересовъ. Рѣдко, рѣдко приходили вѣсти о Сонѣ. Еще рѣже появлялась она на нашемъ горизонтѣ. Встрѣчи были всегда радостныя. Воскресали дорогіе дѣтскіе годы. Особенно ласково Соня относилась къ брату Володѣ, котораго называла не иначе, какъ Додо или Додоки, несмотря на то, что былъ уже женатъ и имѣлъ дѣтей. Соня появлялась у насъ всегда элегантная, какъ и раньше, съ изумительно тонкой таліей. Была всегда весела. Только глаза ея временами были холодны и суровы. Появилась суровая складка около ея губъ.

Однажды Соня извѣстила Юлію Михайловну, что она выходитъ

замужъ и, проѣздомъ изъ Петербурга въ Крымъ, будетъ у насъ и познакомитъ насъ со своимъ женихомъ.

Мы порадовались за Соню и съ любопытствомъ ожидали увидѣть, кто же ея избранникъ. Мы знали хорошо, что властная, независимая, самостоятельная, прямая, несгибающаяся и свободолюбива Соня лишь съ большимъ трудомъ могла бы найти себѣ подъ стать спутника жизни. Кто же ея избранникъ?

Посѣщеніе Сони и ея жениха оставило у всѣхъ насъ смутное чувство. Соня была попрежнему элеганта, но суровость складки около губъ и стальная холодность, минутами мелькавшая въ ея глазахъ, — говорили намъ, что душевной гармоніи Соня не обрѣла.

Ея женихъ, товарищъ прокурора, оказался довольно пріятнымъ, но весьма зауряднымъ человѣкомъ. Такихъ много. А наша Соня неповторяема. Глядя на нихъ, мы не чувствовали радости. Какую-то другую судьбу хотѣлось видѣть для нашего друга, для нашей Цинцанъ, для сильной и независимой Сони. Но рѣшеніе принято. Оставалось только признать совершившееся.

Передъ свадьбой, назначенной на осень, Соня съ женихомъ уѣхали въ Крымъ и поселились въ Судакѣ. Прошло немного времени. И вотъ, какъ-то разъ изъ Судака отъ жениха Сони получена была телеграмма, зловѣщій смыслъ которой даже не сразу былъ понятъ. Телеграмма извѣщала, что гробъ съ останками прибудетъ въ Москву для погребенія тогда-то.

Встрѣтили мы останки милой нашей Сони на Курскомъ вокзалѣ. На рукахъ донесли ихъ до Алексѣевскаго монастыря и тамъ, въ углу кладбища, схоронили нашу Соню.

Какъ это случилось, подавленный и растерянный женихъ ея не могъ толкомъ объяснить. Вечеромъ они читали Мережковскаго о Достоевскомъ и Толстомъ. Слегка поспорили по поводу прочитаннаго. Разошлись по своимъ комнатамъ. А на утро рыбаки увидали на прибрежной скалѣ какую-то, какъ они говорили, большую бѣлую птицу съ распластанными крыльями. Это оказалась наша Соня. Въ рукѣ ея былъ зажатъ небольшой револьверъ.

Наши учителя

Нужно ли говорить, что гимназія 70-хъ и 80-хъ годовъ плохо вліяла на характеры дѣтей и молодежи, проходившихъ черезъ ея ферулу? Для сильныхъ и крѣпкихъ она мало давала. Для слабыхъ и не сильныхъ характеромъ она была тяжелымъ, иногда непосильнымъ бременемъ.

Паша, мой старшій братъ, вступилъ въ гимназію легко и прошелъ ее спокойно, подчинивъ себя завѣту, которому онъ остался вѣрнымъ до конца своей жизни: жизнь есть трудъ и подвигъ. Нужно

сумѣть сдѣлать этотъ трудъ и подвигъ радостными. Онъ много и ровно работалъ въ гимназіи, безъ перебоевъ, и кончилъ ее съ золотой медалью.

Саша, нашъ живой и талантливый Саша, легко и беззаботно прошелъ гимназію. Сначала живо интересовался всѣмъ новымъ, что она ему давала. Потомъ гимназическая премудрость ему надоѣла. Его живая и страстная душа увядала въ скучной формалистикѣ преподаванія. Она искала новой пищи для своего роста. Онъ увлекался музыкой. Увлекся по-настоящему, конечно, въ ущербъ гимназіи. Послѣ выпускныхъ экзаменовъ директоръ Гулевичъ, прощаясь съ выпускными гимназистами, сказалъ:

— Александръ Астровъ свою медаль проигралъ... — и, желая избѣжать двусмысленности своихъ словъ, добавилъ: — на роялѣ...

Володя прошелъ гимназію съ большимъ трудомъ, безъ всякаго увлеченія. Онъ выбралъ для себя нѣсколько предметовъ, которые изучилъ въ должной полнотѣ. Это были исторія, литература и новые языки. Остальное было грузомъ, который несъ добросовѣстно, но безъ всякаго удовольствія.

Я съ трудомъ и сопротивленіемъ одолѣлъ гимназію. Ея пріемы преподаванія и воздѣйствія на учениковъ были чужды мнѣ и не давали результатовъ. А со многими формальными требованіями такъ до конца я и не справился. Такъ и кончилъ гимназію, не научившись писать экстемпорале. Интересы складывались помимо и внѣ гимназіи. Съ самыхъ первыхъ шаговъ у меня почти безсознательно сложилось какъ-бы нѣкоторое противоборство гимназіи во всемъ ея цѣломъ. Гимназія казалась мнѣ сосредоточіемъ силъ и вліяній, враждебныхъ началамъ и устоямъ нашей семьи. Тамъ все было не то и не такъ, какъ въ семьѣ, какъ дома. Я инстинктомъ почуялъ, что нужно что-то укрыть въ себѣ, не обнаруживать того, что такъ абсолютно необходимо дома, не обнаруживать, чтобы не быть поднятымъ на смѣхъ, чтобы не получить замѣчанія. Нужно было приноравливаться къ новому укладу и къ новымъ отношеніямъ, которыя не совпадали съ тѣмъ, что было дома и что казалось абсолютнымъ. Особенно смущали нѣкоторые учителя, и притомъ самые главные, преподававшіе самые трудные предметы. Они были такъ далеки отъ насъ, малышей, казались такими враждебными намъ, собраннымъ въ разобщающіе и разобщенные классы. Отъ нихъ приходилось защищаться, съ ними приходилось бороться. Вскорѣ почувствовались какъ бы двѣ правды: одна настоящая, наша, та, что дома у отца, у бабушки, у мамы Юліи Михайловны, и другая, не настоящая, которая въ гимназіи.

Эти противорѣчія такъ и остались до конца не изжитыми. Они и опредѣлили мое отношеніе къ гимназіи. А окончаніе ея ознаменовалось событіемъ, въ которомъ, какъ въ символѣ, отразилась борьба съ гимназіей и непризнаніе ея правды. Положимъ, въ этомъ

эпизодѣ пострадала и правда объективная, общечеловѣческая, но, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго, этотъ конфликтъ былъ вызванъ противоборствомъ условной и отвергнутой мной правдѣ гимназической.

Въ младшихъ классахъ наши учителя были разные, какъ мы считали ихъ — добрые и злые. Но, пожалуй, даже изъ числа добрыхъ учителей почти никто не пользовался нашей настоящей любовью. И учителя, и такъ называемые классные наставники, и надзиратели были какъ-то далеки отъ насъ, холодны и равнодушны. Это равнодушіе было какъ-бы системой и въ основѣ педагогическихъ отношеній учителей къ гимназистамъ. Это не внушало къ нимъ особенной привязанности, хотя многіе изъ нихъ были несомнѣнно очень хорошіе люди.

Гроза малышей, классный наставникъ и учитель русскаго и латинскаго языковъ, А. П. Ѳивейскій, наводилъ на насъ трепетъ своей суровостью, требовательностью и грознымъ голосомъ. Его: «Стой столбомъ, болванъ!» или: «Пошелъ въ уголъ носомъ!», произносимые съ особеннымъ удареніемъ на «о», приводили въ трепетъ. Провинившійся покорно поднимался и застывалъ, какъ соляной столбъ. Но, можетъ быть, еще болѣе уничтожающи были его нѣмые взгляды, въ которыхъ мы читали не только осужденіе и кару, но и свое собственное паденіе. Помню, какъ въ первый урокъ латинскаго языка, въ первомъ классѣ, Ѳивейскій обратился съ вопросомъ къ классу: «Ну, кто изъ васъ знаетъ латинскую азбуку?» Среди другихъ и я поднялъ руку. Ѳивейскій вызвалъ меня къ доскѣ и сталъ называть въ разбивку латинскія буквы, предлагая четко писать ихъ на доскѣ. Все шло благополучно и латинскія буквы, не особенно красиво написанныя, выводились мною на черной доскѣ. Но вотъ А. П. назвалъ букву «ф». Я запнулся, напрягалъ всѣ усилія, чтобы вспомнить начертаніе этой буквы, но никакъ не могъ припомнить. Ѳивейскій уставилъ на меня свой пристальный взглядъ. Я застылъ, терялъ и память, и воображеніе, и энергію. А Ѳивейскій все смотрѣлъ на меня, пронизывая, изучая смущеннаго и растеряннаго. Такъ, ни слова не сказавъ, жестомъ отправилъ на мѣсто. Этотъ пристальный взглядъ, это молчаливое изученіе были убійственнѣе всякаго наказанія стоять столбомъ, стоять у стѣны или даже внѣ класса. Онъ усмирялъ насъ, какъ звѣренышей. Но вмѣстѣ съ чувствомъ страха, у насъ было къ нему и какое-то надежное чувство. Это было довѣріе къ нему: «Этотъ не выдастъ и всегда заступится передъ директоромъ!» До насъ доходили слухи, что Ѳивейскій всегда «горой стоялъ за свой классъ» на педагогическихъ совѣтахъ. Что значило «стоять горой», мы не очень знали, но Ѳивейскаго по-своему уважали и какъ-то даже любили.

Это отсутствіе равнодушія къ намъ дѣлало его намъ близкимъ.

И мы покорно читали и переводили въ первомъ классѣ латинскія фразы, изготовленныя чехами для усвоенія русскими дѣтьми. Въ одномъ изъ первыхъ параграфовъ «Книги для упражненій» были, помню, слѣдующія замѣчательныя латинскія фразы, которыя жалобнымъ голоскомъ выводилъ вихрастый мальчуганъ: **vehementer aegroto, saepe peccamus, quotidie ombulamus. Regina amat puellas. Rex amat pueros. Victoria gloriam praebet,** и т. п.

Мы всѣ очень жалѣли, когда, переходя въ старшіе классы, уходили, правда, изъ-подъ его строгой руки, суроваго взора, но и лишались заботы его горячаго сердца.

Но вотъ преподавателей безучастныхъ, холодныхъ, иногда мстящихъ намъ за наши вольныя и невольныя прегрѣшенія, злопамятныхъ, — мы не любили. Или, вѣрнѣе, мы имъ отвѣчали тѣмъ же равнодушіемъ, какое чувствовали съ ихъ стороны. А съ нѣкоторыми у насъ завязывалась настоящая борьба, въ которой далеко не всегда побѣжденными оказывались мы. Бывало, что учитель долженъ былъ въ какой-то мѣрѣ сдаться и прекратить преслѣдованіе ученика, за котораго стоялъ классъ.

Нѣкоторыхъ учителей мы любили за ихъ открытый нравъ, кого за веселость и склонность къ юмору, кого за доброту. Были и такіе, которыхъ мы и любили, и уважали, и съ восторгомъ ждали ихъ «вдохновеній». А такія минуты бывали, и мы ими очень дорожили.

Уже въ среднихъ классахъ гимназіи намъ пришлось познакомиться съ преподавателемъ латинскаго и греческаго языковъ, С. Ф. Рожантковскимъ. Онъ ничего особеннаго не вносилъ въ свое преподаваніе. Та-же грамматика, то-же зубреніе, тѣ-же экстемпорале. Но все это было не такъ мучительно у него, какъ у другихъ «язычниковъ». Его открытое лицо, веселые глаза, красиво посаженная, нѣсколько назадъ закинутая голова, постоянная улыбка, постоянная шутка — облегчали намъ трудъ преодолѣнія классической грамматической премудрости. Его строгость и требовательность смягчались милой веселостью. Иногда онъ заливался заразительнымъ хохотомъ, когда другой латинистъ поднялъ бы крикъ негодованія, гналъ бы проврравшагося ученика. Этотъ смѣхъ не былъ оскорбительнымъ, не влекъ за собой, казалось бы, неминуемой двойки. Смѣхъ поддерживалъ бодрое настроеніе въ классѣ. Запутавшійся мальчуганъ краснѣлъ, пыхтѣлъ и въ то же время какъ-то выкарабкивался изъ пучины неправильныхъ формъ. Смѣхъ С. Ф. заставлялъ навсегда запомнить трудную форму глагола. Запоминалъ ее и весь классъ. Уроки С. Ф. проходили безъ утомленія, и мы съ полнымъ довѣріемъ смотрѣли ему въ глаза, не опасаясь подвоха, увѣренные въ немъ, зная, что онъ не подстерегаетъ насъ, чтобы напасть врасплохъ, и притомъ на самое незащищенное мѣсто.

Мы уже были въ одномъ изъ старшихъ классовъ, когда С. Ф. перевели куда-то инспекторомъ въ провинціальную гимназію. Мы

проводили его съ печалью и на память поднесли ему традиціонный бюваръ съ чернильницей.

Любили мы и нашего француза, Макса Августовича Солюса. Любили его за его неподдѣльный юморъ, за веселость нрава и за то, что онъ довѣрялъ намъ и хорошо къ намъ относился. Онъ былъ страстный охотникъ. Это давало поводъ заводить съ нимъ разговоры на неизсякаемыя охотничьи темы. Среди насъ были тоже подраставшіе любители охоты, были и просто хвастуны по этой части. Уроки французскаго языка часто проходили въ разговорахъ на эти интересныя темы. Максъ Августовичъ увлекался и начиналъ разсказывать случаи изъ своихъ охотничьихъ приключеній. Намъ, не охотникамъ, того только и нужно было. Въ это время кто подзубривалъ латынь, ожидая, что его спросятъ, кто читалъ подъ столомъ интересную книгу, а кто, слушая разсказы о лѣсахъ и болотахъ, о собакахъ и уткахъ — уносился мечтами въ далекое и недавнее прошлое, въ деревню, на дачу...

Въ случаѣ тревоги, — а она подавалась ученикомъ сидѣвшимъ ближе всего къ двери, изъ которой былъ виденъ весь корридоръ, и который въ этихъ случаяхъ сигнализировалъ тревожнымъ, шуршавшимъ шопотомъ: «Директоръ, директоръ!..», Солюсъ спохватывался, принималъ позу суроваго наставника и вызывалъ къ доскѣ одного изъ учениковъ, хорошо говорившихъ по-французски. Ученикъ начиналъ переводить «а ливръ уверъ» съ первой попавшейся страницы. Это былъ обычный пріемъ, къ которому мы уже привыкли и не растеривались, каждый зная свою роль. Директоръ заставалъ въ классѣ полный порядокъ, а легкій французскій разговоръ Солюса съ ученикомъ, говорящимъ по-французски, завершалъ сцену.

Весь классъ былъ доволенъ. Ученики и учитель какъ бы соучаствовали въ общемъ дѣлѣ и въ удачномъ выходѣ изъ труднаго положенія.

Такіе же молчаливые сговоры между классомъ и Максомъ Августовичемъ происходили, когда онъ приходилъ въ классъ красный, съ тяжелыми, красными глазами. Мы уже знали, что это значитъ и въ чемъ тутъ дѣло. Максъ Августовичъ клалъ свой журналъ на кафедру, не раскрывая его, закладывалъ руки за спину подъ фалды своего короткаго синяго фрака и, помахивая ими, какъ хвостиками, начиналъ расхаживать по классу, не обращая ни на кого вниманія. Мы знали, что у него мигрень. А гимназисты, что постарше и поопытнѣе, говорили, щелкая себя по воротнику:

— Вчера были имянины Квятковскаго, вотъ, значитъ, и мигрень! Заложили здорово!

И тутъ мы охотно были въ обоюдно выгодномъ для насъ молчаливомъ договорѣ.

Это про Солюса, понизивъ голосъ, говорили старшіе гимназисты, вспоминая злую шутку, которую сыграли съ прежнимъ дирек-

торомъ гимназіи, Сасфеновымъ. Сасфеновъ нѣсколько разъ сдѣлалъ какія-то замѣчанія по адресу самолюбиваго Солюса. Тотъ смолчалъ, но затаилъ обиду. И вотъ однажды въ лютые московскіе морозы, среди суровой зимы, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилось объявленіе:

«Расцвѣли піоны. Видѣть можно на квартирѣ директора 2-ой классической гимназіи, на Разгуляѣ, отъ такихъ-то до такихъ-то часовъ».

Любители цвѣтовъ, изумленные извѣстіемъ, со всѣхъ концовъ Москвы устремились къ счастливому директору. Тутъ были и дамы, желавшія пріобрѣсти піоны въ цвѣту, были и старички, знатоки-любители, были и просто любопытные... Директоръ гимназіи былъ пораженъ и озадаченъ. Никакихъ піоновъ въ цвѣту у него не было. А къ нему все приходили и приходили посѣтители и освѣдомлялись о піонахъ, показывая объявленіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Такъ продолжалось нѣсколько дней, пока публикація въ газетахъ не была забыта. Директоръ бѣсился. Онъ-то хорошо понялъ злую шутку. Онъ обладалъ большимъ краснымъ носомъ, на которомъ, когда онъ сердился, выступали яркія, какъ піоны, пятна. Весь гимназическій дворъ, вся гимназія знала про піоны. Солюсъ ходилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вмѣстѣ съ другими порицая шутника. Однако, молва шопотомъ называла именно его этимъ злымъ шутникомъ.

Среди преподавателей Закона Божія, скучныхъ и лѣнивыхъ, какими были батюшки Рубцовъ, Геликонскій, Ляпидевскій, намъ былъ особенно дорогъ священникъ Андрей Григорьевичъ Полотебновъ. Это былъ настоятель церкви Межевого Института, серьезный богословъ, превосходный проповѣдникъ и человѣкъ непомѣрной доброты съ нами. Его уроки были полны содержанія и очень занимательны. Онъ умѣлъ оживить учебникъ и помимо его сообщалъ намъ много интереснаго по исторіи церкви. А иногда онъ цѣлый урокъ разсказывалъ намъ о началахъ вѣры, о вѣрѣ и жизни, о столкновеніяхъ между требованіями совѣсти и условіями жизни, о смыслѣ жизни, объ ужасѣ и пустотѣ безрелигіозной жизни. Эти уроки были для насъ источникомъ живой воды. Кроткая и умная, проникнутая живымъ, трепетнымъ чувствомъ рѣчь Андрея Григорьевича увлекала классъ. Затаивъ дыханіе, его слушали и мы, православные, и лютеране, и евреи. Это былъ, дѣйствительно, учитель жизни, это былъ источникъ свѣта среди нашихъ довольно скучныхъ гимназическихъ сумерекъ. Часъ урока отца Полотебнова пролеталъ незамѣтно. Раздавался звонокъ. Классъ какъ бы пробуждался отъ чудесной грезы. Андрей Григорьевичъ какъ-то виновато улыбался, разводилъ руками и произносилъ ласково:

— Вотъ и не успѣлъ никого спросить. Ну, читайте молитву.

Уходя, говорилъ:

— А къ слѣдующему разу повторите старый урокъ. Тогда буду спрашивать.

И, поклонившись намъ, а этого никто изъ учителей никогда не дѣлалъ, низко опустивъ голову, уходилъ изъ класса.

Замѣчательно, что послѣ ухода учителя обычно въ классѣ поднимался шумъ и гомонъ, какъ реакція на вынужденную тишину. А послѣ уроковъ Андрея Григорьевича классъ оставался тихимъ, какъ бы желая сохранить и продлить очарованіе, подъ властью котораго онъ только что былъ.

Проходила недѣля. Снова являлся Андрей Григорьевичъ. Но сегодня онъ не въ настроеніи. Онъ печаленъ. Лицо его желто. Мы знаемъ, что у него тяжело больна его жена (мой отецъ лечитъ всю его семью). Андрей Григорьевичъ начинаетъ спрашивать. Мало кто знаетъ предметъ. Тѣмъ, кто хоть немного отвѣчаетъ, онъ ставитъ съ удовольствіемъ пять. Тѣмъ, кто обнаруживаетъ интересъ и знаетъ больше, чѣмъ въ книжкѣ, онъ съ нескрываемой радостью ставитъ пять съ плюсамъ (онъ почему-то произносилъ это слово, сильно подчеркивая звукъ «а»). А тѣмъ, кто ровно ничего не зналъ, ставилъ четыре съ минусамъ и какъ-то упрашивалъ поучить урокъ къ слѣдующему разу.

Былъ и другой у насъ законоучитель, настоятель церкви Петра и Павла на Новой Басманной, отецъ Петръ Алексѣевичъ Смирновъ, переведенный впослѣдствіи въ Исаакіевскій соборъ въ Петербургъ.

Это былъ знаменитый московскій проповѣдникъ. Онъ былъ невѣроятно толстъ, что не мѣшало, однако, ему въ совершенствѣ владѣть своимъ дыханіемъ и голосомъ. Онъ тоже, какъ и Полотебновъ, иногда приходилъ въ высокомъ настроеніи. Но у него это выражалось иначе. Послѣ прочтенія молитвы, онъ медленно поднимался на кафедру. Садился на стулъ. Поворачивался всѣмъ своимъ грузнымъ туловищемъ къ окну, долго и задумчиво глядѣлъ въ окно, на крыши домовъ, на небо. Бралъ съ кафедры ручку и концомъ ея долго ковырялъ въ ухѣ... Такъ проходило минутъ пять... Мы знали, что послѣ этой не особенно пріятной для созерцанія операціи батюшка глубоко и шумно вздохнетъ и или начетъ спрашивать урокъ, или, закрывъ журналъ, начнетъ ходить по классу. А потомъ, положивъ свой могучій животъ на край парты, начнетъ разсказывать... Его разсказы были нѣсколько иного характера и тона, чѣмъ разсказы о. Полотебнова. У него было много яркихъ и сильныхъ опредѣленій. Иногда юморъ освѣщалъ его повѣствованіе. Иногда подлинный гнѣвъ вспыхивалъ, когда онъ говорилъ о злѣ, неправдѣ, несправедливости... Иногда онъ сводилъ свою умную, интересную рѣчь къ самымъ простымъ образамъ изъ повседневной жизни, облекая ихъ въ чисто народныя выраженія. Все это дѣлало его рѣчь изумительно живой, образной, интересной и захватывающей. Мы всѣ были въ восторгѣ. Восторгъ былъ написанъ на нашихъ лицахъ. Онъ видѣлъ это, чув-

ствовалъ, что владѣлъ нами, раскрылъ наши души, и говорилъ все дальше и увлекательнѣе...

— Вотъ, дѣти, такова жизнь. Вотъ правда Христова и не принимается жизнью. Вотъ и отвергли Христа и его правду. Говорятъ, что и безъ Христа проживемъ!.. Матеріализмъ овладѣваетъ міромъ. Матеріей хотятъ все истолковать и объяснить, все оправдать по-своему... Вотъ вы, дѣти, скоро вступите въ самостоятельную жизнь. Помните, что безъ правды Христовой человѣчество обречено на невѣроятныя страданія. Храните въ вашей жизни эту правду...

Въ другой разъ, возвращаясь къ той же темѣ о матеріализмѣ, батюшка трактовалъ ее въ реалистическихъ чертахъ.

— Говорятъ, наша жизнь на землѣ подобна сновидѣнію! Ну, если это такъ, то сновидѣнья бываютъ разныя. Вотъ, если ты передъ сномъ помолишься, очистишь свои мысли и чувства, тогда и сновидѣнія твои легки и свѣтлы. Вотъ это жизнь въ правдѣ Божіей. А другой на ночь, на сонъ грядущій наѣстся каши съ квасомъ, набьетъ себѣ брюхо черной кашей съ масломъ... того всю ночь черти будутъ тузить по брюху. Вотъ такъ сонъ! Нечего сказать! Тутъ задохнуться можно. И кажется, что черти въ адъ тащутъ и поджигаютъ каленымъ желѣзомъ.

Этимъ образомъ онъ опредѣлялъ матеріалистическое, ненавистное ему міровоззрѣніе. Это было грубо. Но толстый батюшка говорилъ такъ вдохновенно, такъ пылко, такъ гнѣвно сверкали его красивые, большіе глаза, что грубость формы не рѣзала слуха, и мы отдавались его обличительному порыву.

Спрашивая уроки, о. Смирновъ былъ много строже отца Полотебнова. Не знающаго урокъ онъ прогонялъ на мѣсто, говоря:

— Сиись, двѣ! **Cura melius!**

Первое слово обозначало: садись! Онъ произносилъ его «сиись», ибо его толстыя губы лѣнились раскрываться для такихъ незначительныхъ вещей.

Среди нашихъ учителей были и такіе, которыхъ мы несомнѣнно любили по-своему, но къ которымъ относились съ дѣтской жестокостью и безжалостностью. Конечно, не всѣ гимназисты были активными исполнителями этихъ настоящихъ экзекуцій надъ нѣкоторыми учителями. Исполнителей было не много. Это были отпѣтые озорники. Теперь ихъ назвали бы хулиганами. Въ наше время этого слова еще не было. Но мы, остальные, не можемъ оправдать себя и почитать непричастными и неповинными въ этомъ общемъ азартѣ. Мы были, конечно, попустителями и соучастниками. Только роли наши были второстепенныя и менѣе замѣтныя.

Въ чемъ тутъ дѣло? Отчего это въ насъ уживалось два, казалось бы, исключающихъ другъ друга чувства любви и жестокости? Мы всѣ, не исключая и патентованныхъ озорниковъ, любили нашего учителя исторіи и географіи, Михаила Ивановича Владиславлева. Мы

считали его добрымъ и хорошимъ человѣкомъ. А въ то же время подвергали его иногда настоящимъ пыткамъ, издѣваясь надъ нимъ грубо и приводя его въ отчаяніе.

Въ чемъ тутъ дѣло? Почему прекрасный учитель русскаго языка, И. П. Казанскій, сразу прозванный «селедкой», просто не выдержалъ издѣвательства мальчишекъ и бросилъ нашу гимназію, хотя она считалась строгой и образцовой по поведенію, руководимая сухимъ педантомъ и безжалостно-строгимъ директоромъ С. В. Гулевичемъ. Почему эта свора мальчишекъ, трепетавшая передъ одними, была смѣла и разнуздана съ другими? Конечно, тутъ имѣли рѣшающее значеніе индивидуальныя черты того или иного педагога. Воля и характеръ учителя опредѣляли и отношеніе къ нему стаи учениковъ. Имѣла тутъ значеніе и традиція, измѣнить которую въ непрерывной смѣнѣ классовъ гимназіи было почти невозможно.

— Этотъ добрый! съ нимъ все можно!

Такое опредѣленіе учителя ставило его въ опасное положеніе. Малѣйшее послабленіе, уступчивость съ его стороны, воспринятая какъ слабость, — и скрытый, подавленный дисциплиной, протестъ противъ гимназіи вообще, озорство, всегда накопленное и находящееся въ скрытомъ состояніи, вырывались наружу и проявлялись иногда въ безобразной формѣ.

Обычно такія жертвы изъ числа учителей обладали какими-нибудь свойствами, которыя дѣлали ихъ въ глазахъ мальчишекъ почему-либо смѣшными, а потому и беззащитными.

Такъ, названный мной М. И. Владиславлевъ былъ очень близорукъ. Очки не спасали его. Подслѣповатость отражалась на всей его фигурѣ, неловкой и неуклюжей. Онъ былъ малъ ростомъ, сутуловатъ, какъ-то странно горбился. А когда онъ входилъ въ классъ, держа въ одной рукѣ наперевѣсъ навернутую на черную палку географическую карту, а въ другой классный журналъ, онъ производилъ комическое впечатлѣніе. Подавшись впередъ, какъ бы нащупывая дорогу къ кафедрѣ, съ картой въ видѣ оружія наперевѣсъ, съ журналомъ, прикрывающимъ часть груди, какъ со щитомъ, онъ въ это время такъ оправдывалъ приставшее къ нему и традиціонно переходившее отъ одного гимназическаго поколѣнія къ другому названіе «макалы»... Откуда и какъ появилось это странное названіе, не имѣющееся ни въ одномъ лексиконѣ, — никому не было извѣстно. Но извѣстно было всѣмъ, что «Макала» — это не кто иной, какъ М. И. Владиславлевъ.

И вотъ, появленіе Макалы съ географической картой вызывало часто такую сцену. Долговязый Алексѣевъ срывался съ лавки и бросался навстрѣчу къ Михаилу Ивановичу.

— Михаилъ Ивановичъ, позвольте я повѣшу карту!

Михаилъ Ивановичъ сопротивляется. Начинаетъ что-то говорить.

— Опять вы, Алексѣевъ...

Но Алексѣевъ уже завладѣваетъ картой и устремляется къ доскѣ. Онъ долго возится съ картой, что-то разсматриваетъ на ней и наконецъ вѣшаетъ ее вверхъ ногами.

Должный эффектъ получается очень скоро. Алексѣевъ проситъ Михаила Ивановича показать, гдѣ находится какой-нибудь городъ, который онъ никакъ не могъ найти на своей картѣ.

Довѣрчивый Михаилъ Ивановичъ слѣзаетъ съ кафедры, щурясь подходитъ къ доскѣ, начинаетъ пальцемъ водить по картѣ въ нужномъ направленіи, не находя, однако, нужнаго города. Мы всѣ сидимъ тише воды, ниже травы...

И вотъ раздается крикливый возгласъ Михаила Ивановича:

— Что за безобразіе! Алексѣевъ! Я запишу васъ въ журналъ! Перевѣсить карту сейчасъ же! Опять.. Безобразіе! Не смѣть въ другой разъ брать у меня карту!

Далѣе происходитъ борьба изъ-за попытки Михаила Ивановича записать въ журналъ, что Алексѣевъ Петръ повѣсилъ карту вверхъ ногами.

Алексѣевъ устремляется къ кафедрѣ и видя, что Михаилъ Ивановичъ уже вписалъ его фамилію въ журналъ, какъ бы нечаянно, желая сдѣлать умоляющій жестъ, проводитъ пальцемъ по только что написанной своей фамиліи. Въ журналѣ получается размазанное пятно... Михаилъ Ивановичъ вскрикиваетъ. Волненіе не даетъ ему говорить Онъ задыхается, захлебывается, отталкиваетъ Алексѣева. Начинается настоящая борьба. Мы знаемъ, чѣмъ кончится вся эта исторія. Она кончится побѣдой Алексѣева.

Михаилъ Ивановичъ грозитъ, что сейчасъ-же пожалуется директору. Алексѣевъ принимаетъ трагическій тонъ и говоритъ, что Михаилъ Ивановичъ этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ тогда уже навѣрное, его, Алексѣева, исключатъ изъ гимназіи.

Михаилъ Ивановичъ говоритъ, что давно пора бы исключать изъ гимназіи такихъ шалопаевъ. Но перо уже кладетъ на столъ. Тонъ его уже безъ раздраженія. Коритъ Алексѣева за его озорство. Алексѣевъ побѣдилъ. Онъ показываетъ намъ изъ-за спины всякіе знаки, а самъ поддерживаетъ съ Михаиломъ Ивановичемъ уже мирный разговоръ на тему о преступленіи и наказаніи, доказывая, что въ гимназіи преступленія гораздо легче, чѣмъ постигающія гимназистовъ наказанія. Разговоръ идетъ уже въ мирныхъ тонахъ.

А время уходитъ. Мы рады, что добрыхъ четверть часа ушло на борьбу Михаила Ивановича съ Алексѣевымъ.

Хуже бывало, когда на всѣхъ насъ нападало возбужденіе, требовавшее исхода. Тогда опять жертвой оказывался нашъ милый Михаилъ Ивановичъ.

Однажды это возбужденіе дошло до крайняго напряженія и могло кончиться плачевно.

Урокъ географіи начался какъ обычно. Вызванный ученикъ раз-

сказывалъ заданный урокъ. Вмѣстѣ съ Михаиломъ Ивановичемъ, повернувшись къ доскѣ, они отыскивали на картѣ рѣки, горы, города, торгующіе юфтью, сапогами, пенькой... Отвѣчающій ученикъ и спрашивающій учитель были поглощены путешествіемъ по изучаемой странѣ. Какъ вдругъ на обоихъ окнахъ класса стремительно и съ шумомъ упали шторы. Въ классѣ потемнѣло. Въ разныхъ углахъ, на отдаленныхъ партахъ въ разныхъ тонахъ зазвенѣли перышки. Поднялось мяуканье, рычаніе и свистъ. Къ потолку взлетѣли чертики изъ бумаги и изображенія инспектора, (онъ же «китъ», онъ же «фуція»), надзирателя, по прозванію «красный носъ». Изображенія чертей и инспектора крѣпко прилѣпились къ потолку. Изъ конца въ конецъ класса проносились бумажныя стрѣлы. Кто-то вымазывалъ сидѣнье пустого стула на опустѣлой кафедрѣ мѣломъ. Въ чернильницу на кафедрѣ запихивали губку. Классъ вылъ и мяукалъ, обращался въ сумасшедшій домъ. Даже самые скромные гимназисты, поддавая общему увлеченію, общей психической заразѣ, приходили въ неистовство, издавали странные крики, хлопали книгами по звучнымъ партамъ.

Бѣдный Михаилъ Ивановичъ пришелъ въ полное отчаяніе. Онъ тоже издавалъ какіе-то крики, метался изъ стороны въ сторону, перебѣгалъ отъ парты къ партѣ, хваталъ гимназистовъ за руки, грозя требуя, взывая, умоляя прекратить шумъ и неистовство.

Кавардакъ длился, конечно, не долго. Изъ сосѣдняго класса выбѣжалъ инспекторъ Гетлингъ.

— Тише, тише! Прошу васъ! — восклицалъ онъ. Мотнувъ коротенькими фалдочками своего синяго фрака (за эти коротенькія фалдочки его и звали «фуція», производя это слово отъ «куцый»), онъ стремительно исчезъ въ длинныхъ гимназическихъ корридорахъ.

Въ классѣ наступила полная тишина. Азартъ и озорничество слетѣли мгновенно. Всѣмъ стало неловко, не по себѣ. Перышки выбрасывались изъ ящиковъ, бумажныя стрѣлы уничтожались. Къ окнамъ бросились наиболѣе длинноногіе ученики и пытались поднять шторы. Но шнурки, при стремительномъ паденіи шторы, взвились такъ высоко, что достать ихъ безъ лѣстницы не было возможности.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь въ классъ широко распахнулась. Въ классѣ появился директоръ въ сопровожденіи инспектора и старшаго корридорнаго сторожа Ксенофонта, того самаго, котораго гимназисты всѣхъ поколѣній называли не иначе, какъ Ксенофонтъ-Анабазисъ.

Директоръ былъ въ ярости. Видя затихшій классъ въ полутьмѣ, съ опущенными шторами, онъ строго обратился къ Михаилу Ивановичу съ вопросомъ:

— Что это у васъ дѣлается? Кто это безобразничаетъ?

Михаилъ Ивановичъ что-то несвязно бормочетъ. Обращаясь къ

классу, директоръ холоднымъ и строгимъ голосомъ спрашиваетъ — кто опустилъ шторы?

Классъ упорно молчитъ. Видя, что добиться выдачи виновныхъ возможности нѣтъ, директоръ говоритъ, что всѣ безъ исключенія должны остаться на два часа послѣ классовъ, должны явиться на воскресенье. Пансіонеры останутся безъ отпуска и, вѣроятно, всѣмъ будетъ сбавленъ баллъ въ поведеніи.

Пока идетъ опредѣленіе должнаго возмездія, инспекторъ и Ксенофонтъ-Анабазисъ суетятся около шторъ, тщетно стараясь ихъ поднять. Ксенофонтъ уходитъ за щеткой и съ ея помощью достаетъ шнурки отъ шторъ. Въ классѣ снова свѣтло. Классъ стоитъ какъ вкопанный. Директоръ что-то строго говоритъ Михаилу Ивановичу, у котораго весь задъ оказывается выпачканнымъ мѣломъ. Волнуясь и не зная, что дѣлать, онъ присѣлъ на свой стулъ. Въ результатѣ, обѣ фалды оказались бѣлыми. Директоръ обращаетъ вниманіе на это Михаила Ивановича. Тотъ еще болѣе сконфуженъ, отряхается.

А на потолкѣ, на длинныхъ ниткахъ, раскачиваются чертики, «фуція» и «красный носъ». Комки жеваной бумаги съ этими бумажными фигурами крѣпко пристали къ потолку, будучи ловко, опытной рукой, съ размаху брошены вверхъ.

— Молодцы! Безобразники! Всѣмъ вамъ баллъ въ поведеніи нужно сбавить! — говоритъ директоръ, глядя на потолокъ съ болтающимися чертями и инспекторомъ.

Гнѣвно онъ выходитъ изъ класса. Ксенофонтъ старается щеткой согнать чертей съ потолка. Но это ему не удается.

А тутъ наступаетъ конецъ урока. Азартъ прошелъ. Намъ очень всѣмъ неловко. Особенно стыдно передъ Михаиломъ Ивановичемъ, который пострадалъ несомнѣнно больше всѣхъ насъ. При выходѣ его изъ класса мы обступаемъ его и просимъ насъ простить. Михаилъ Ивановичъ обиженъ не на шутку. Онъ блѣденъ и взволнованъ. Фракъ его выпачканъ мѣломъ. Онъ не хочетъ съ нами говорить. Протискивается между нами и какъ-то бочкомъ, по стѣнкѣ корридора, съ картой наперевѣсъ, уходитъ отъ насъ.

Остальные уроки проходятъ вяло. Мы разстроены, не столько ожидаемымъ наказаніемъ, сколько тѣмъ, что обидѣли Михаила Ивановича.

Въ перемѣны къ намъ заглядываютъ старшіе гимназисты. Кто посмѣивается, кто разсматриваетъ насъ съ любопытствомъ. Учителя съ нами суровы. Мы провинились. О насъ говорятъ во всей гимназіи. Только приготовишки и первоклассники съ нескрываемымъ почтеніемъ поглядываютъ на насъ: для нихъ мы герои.

Послѣ послѣдняго урока является къ намъ инспекторъ и, накричавъ на насъ, жестикулируя объявляетъ, что по просьбѣ Михаила Ивановича наказаніе намъ уменьшено. Мы оставлены только на одинъ часъ послѣ уроковъ и въ воскресенье можемъ не приходить.

Объявивъ это, грозитъ намъ обѣими руками, говоритъ, что жалѣетъ, что мало наказали насъ, озорниковъ.

Намъ еще болѣе неловко передъ Михаиломъ Ивановичемъ. Теперь онъ насъ побѣдилъ. Это послѣдняя выходка нашего класса противъ него. Теперь мы никогда не позволимъ себѣ его огорчать. И дѣйствительно, нашъ классъ становится съ Михаиломъ Ивановичемъ въ самыя лучшія отношенія. А многіе изъ насъ устанавливаютъ съ нимъ и личныя добрыя и пріязненныя отношенія, остающіяся надолго.

Это 3-ій и 4-ый классы особенно порывисты, неуравновѣшены и бурны въ проявленіи своихъ настроеній. Въ старшихъ классахъ складывались иныя отношенія между нами и учителями.

Въ этихъ порывахъ и неистовствахъ, въ этихъ взрывахъ все же былъ значительный элементъ какъ бы мести и борьбы съ общимъ режимомъ гимназіи. Безсознательно мстили за подлинныя мучительства, которымъ подвергали насъ другіе педагоги. Только объектомъ мести оказывались наиболѣе мягкіе и наиболѣе беззащитные учителя, которые сами были въ загонѣ среди классиковъ, дѣлавшихъ карьеры на древнихъ языкахъ и придававшихъ гимназіи такой сѣрый, нудный тонъ, подчиняя все сухому, формальному требованію, дѣлая гимназію такой скучной и тяжелой школой.

Мы называли «хорошими» тѣхъ учителей, съ которыми у насъ, мальчиковъ и подростковъ, устанавливались добрыя, человѣческія отношенія, для которыхъ мы, какъ намъ казалось, представляли индивидуальный интересъ, а не только механизмы, обладавшіе разными степенями и свойствами памяти для зазубриванія правилъ латинской и греческой грамматики и быстраго, безошибочнаго ихъ примѣненія. Эти «хорошіе учителя были, по преимуществу, преподавателями второстепенныхъ предметовъ. А въ числѣ послѣднихъ были, какъ это ни странно, русскій языкъ и исторія, имѣвшіе ничтожное количество недѣльныхъ часовъ, по сравненію съ латинскимъ и греческимъ, обильно насыщавшими всю недѣлю. А по субботамъ латынь имѣла два сплошныхъ часа, когда насъ морили длиннѣйшими экстемпорале.

Такимъ «хорошимъ» учителемъ былъ Иванъ Семеновичъ Розановъ, преподававшій русскій языкъ въ старшихъ классахъ. Это былъ немолодой человѣкъ, переведенный въ Москву изъ какой-то провинціальной гимназіи. Говорили, что онъ былъ изъ семинаристовъ. Лицо у него было рябоватое, издали довольно благообразное. Характерной для него была манера говорить. Онъ говорилъ глухимъ, нѣсколько монотоннымъ голосомъ. А въ тѣхъ мѣстахъ,, когда хотѣлъ подчеркнуть содержаніе своей мысли, закатывалъ глаза и отводилъ ихъ въ сторону. Этотъ странный пріемъ восполнялъ недостатокъ голоса и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы стремился сосредоточить вниманіе слушающихъ на отвлеченной мысли, оторвавъ ее отъ реальной

обстановки. Это придавало Ивану Семеновичу нѣсколько провинціальный характеръ. Его застѣнчивость и простое съ нами обращеніе, совсѣмъ не похожее на обращеніе другихъ учителей, сразу сблизило насъ съ нимъ, и мы охотно у него занимались, хотя и сознавали, что Иванъ Семеновичъ не былъ изъ числа блестящихъ преподавателей, не былъ «орломъ». Онъ насъ взялъ уже въ старшемъ классѣ, когда мы разбирались въ достоинствахъ учителей и могли сами давать имъ оцѣнку.

На юбилейномъ торжествѣ въ память Жуковскаго, когда гимназисты декламировали его стихотворенія, а мой братъ Паша прочиталъ въ актовомъ залѣ «Царскосельскаго лебедя», причемъ особенно тепло и выразительно у него выходили вступительныя слова:

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Что такъ нелюдимо ты, отшельникъ хилый...

Розановъ произнесъ рѣчь о Жуковскомъ. Рѣчь его всѣмъ намъ понравилась особеннымъ, задушевнымъ тономъ, которымъ она была проникнута. Романтизмъ Жуковскаго овѣялъ насъ въ простомъ изложеніи Розанова. А когда, повидимому самъ поддавшись очарованію поэзіи, Иванъ Семеновичъ закончилъ свою рѣчь словами, обращенными къ стоявшимъ въ рядахъ гимназистамъ: «Дѣти, читайте Жуковскаго! Въ немъ вы найдете много прекраснаго и благороднаго, такъ необходимаго для вашего ума и сердца», — мы ему горячо апплодировали. У насъ возникло желаніе читать Жуковскаго и мы его полюбили. Очень понравилось намъ и интимное обращеніе къ намъ Ивана Семеновича, назвавшаго насъ всѣхъ «дѣтьми», хотя нѣкоторые изъ насъ уже пощипывали пушокъ надъ губой — **prima lanugo** — какъ называли его римскіе поэты.

Иванъ Семеновичъ былъ намъ пріятель при оцѣнкѣ нашихъ сочиненій. И тутъ у него была своя манера. Плохое сочиненіе онъ просто возвращалъ неудачливому автору, говоря: «На поляхъ вы найдете мои замѣчанія, мы съ вами поговоримъ отдѣльно». Онъ не хотѣлъ конфузить неудачнаго сочинителя передъ классомъ. Зато онъ съ особой охотой отмѣчалъ удачныя сочиненія. Иногда самъ прочитывалъ ихъ вслухъ, отмѣчая содержаніе, построеніе мыслей, манеру изложенія. Въ исключительныхъ случаяхъ, поощряя автора, онъ предлагалъ ему самому прочесть въ классѣ свое сочиненіе. Это былъ настоящій тріумфъ, который такъ залечивалъ раны, наносимыя греками и латинистами. Какъ этотъ простой пріемъ радовалъ насъ! Какъ онъ отличался отъ классической системы «язычниковъ», которые съ особымъ злорадствомъ, какъ намъ по справедливости казалось, подчеркивали только наши промахи, не обращая вниманія на удачно преодолѣнныя трудности, на удачно переведенныя фразы, нарочно придуманныхъ длиннѣйшихъ періодовъ, которыми, конеч-

но, никогда не говорили ни римляне, ни русскіе. Пріемы Ивана Семеновича достигали хорошихъ результатовъ. Мы съ большой охотой писали русскія сочиненія, и многіе изъ насъ выработали пріемы, свой стиль. Это отмѣчалось Розановымъ и поощрялось.

Въ нашей второй московской гимназіи, да и во всѣхъ вообще классическихъ гимназіяхъ того времени, преподаваніе древнихъ языковъ велось такъ, что всякое живое содержаніе чудесныхъ произведеній поэтовъ и прозаиковъ классической литературы исчезало. Это было чисто формальное усвоеніе правилъ грамматическаго, синтаксическаго и фразеологическаго строенія древнихъ языковъ. Этому сухому усвоенію языка приносились въ жертву лучшіе образцы древней классической литературы. Это была своего рода вивисекція. Эти операціи надъ литературой вызывали явное нерасположеніе къ объекту операціи и совершенную непріязнь къ тѣмъ, кто продѣлывалъ эти операціи и надъ литературой, и надъ нами. А надъ нами совершали иногда нѣчто вродѣ инквизиціи, въ которой неисправимыми грѣшниками являлись вихрастые мальчишки, неуравновѣшенные подростки и юноши, у которыхъ складывались свои вкусы и свои стремленія. Все, что не удовлетворяло точному штампованному, формальному трафарету, все считалось неуспѣвающимъ. А неуспѣвающіе, помимо нравственныхъ страданій, постоянныхъ униженій, подвергались оставленію на второй годъ и увольненію изъ гимназіи. Сколько способныхъ юношей оказывались въ положеніи такъ называемыхъ «путешествующихъ», т. е. переходящихъ изъ гимназіи въ гимназію, ищущихъ такихъ гимназій, въ которыхъ можно было бы укрыться отъ свирѣпствующихъ грековъ и латинистовъ. У насъ въ округѣ считалась наиболѣе благополучной по латинской и греческой чумѣ гимназія въ Коломнѣ. Одно время въ Коломенскую гимназію былъ форменный наплывъ московскихъ путешествующихъ. И это были далеко не «отпѣтые», не бездарные, не классическіе лѣнтяи.

О режимѣ классическихъ гимназій недоброй памяти гр. Дмитрія Толстого много въ свое время писалось. Въ художественной литературѣ даны яркія картины быта этихъ гимназій и педагоговъ въ футлярѣ и безъ онаго. Мнѣ хотѣлось бы бѣгло набросать нѣсколько силуэтовъ педагоговъ нашей 2-ой Московской гимназіи.

Вотъ нѣсколько преподавателей древнихъ языковъ моего времени. Это были 80-ые годы прошлаго столѣтія. Можетъ быть, это были хорошіе люди. Намъ этого не было видно. Они такъ отгородились отъ насъ колючими проволоками неправильныхъ глаголовъ, всевозможныхъ исключеній, всякихъ **ut finale, ut consecutivum**, косвенными рѣчами, герундивами, супинами и прочими препятствіями, что мы переставали видѣть въ нихъ обыкновенныхъ людей. Это были инквизиторы, мстители, каратели. При встрѣчѣ съ ними на улицѣ или, еще хуже, въ театрѣ, чего Боже упаси! становилось какъ-то нелов-

ко, не по себѣ. Вотъ онъ, только что подловилъ меня въ классѣ на какой-нибудь неправильной формѣ! Вотъ онъ, только что влѣпилъ мнѣ двойку за этимологическую ошибку въ экстемпорале. А въ театрѣ такія встрѣчи вызывали состояніе чуть ли не застигнутаго съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія. Вотъ, дескать, онъ ходитъ въ оперу, слушаетъ «Демона» съ Хохловымъ, «Юдиѳь» съ Корсовымъ, а не зубритъ латинскіе тексты и не повторяетъ грамматику Чернаго...

Среди этихъ гонителей, убѣжденныхъ и принципіальныхъ. были и просто чудаки. Въ числѣ ихъ нашъ инспекторъ К. В. Гетлингъ, какъ уже было сказано, «китъ» и «фуція». Это былъ нѣмецъ, довольно плохо говорившій по-русски, большой, массивный, съ изряднымъ брюшкомъ. За эту тучность онъ и былъ прозванъ китомъ. Несмотря на свою полноту, онъ быстро носился по корридорамъ, взлеталъ по лѣстницамъ на третій этажъ и всюду шумно наводилъ порядокъ, пресѣкалъ, предупреждалъ, каралъ и миловалъ. Это была безтолковая суета, «шабарша», какъ говорили старшіе гимназисты. Онъ не былъ золъ. Къ его шумливости и стремительности привыкли, его не боялись, съ нимъ не считались, но и не очень любили. Отъ него всего можно было ожидать. Такая же суета и безтолковщина были и въ его преподаваніи греческаго языка въ младшихъ классахъ.

Какъ извѣстно, среди греческихъ глаголовъ есть глаголъ **titemi.** Нѣкоторыя формы его при ритмическомъ произношеніи звучали выразительно и даже красиво. И вотъ иногда, когда Гетлингъ бывалъ въ духѣ, онъ доставлялъ и себѣ, и всему классу большое удовольствіе.

Отвѣчающій ученикъ начиналъ громко, нарочно повысивъ голосъ, скандировать: «Титей, титето, титетонъ, титетонъ, титете, титентонъ, титетоза».

Ритмъ и ударенія были красивы и звучны. Гетлингъ былъ въ большомъ удовольствіи.

— Ну, еще разъ! — провозглашалъ онъ. И весь классъ громко, на распѣвъ, подъ управленіемъ Гетлинга, въ тактъ размахивающаго руками, все громче и громче выкрикивалъ спрягаемую форму. Хоръ повторялъ спряженіе нѣсколько разъ. Гетлингъ былъ въ упоеніи. Наконецъ, спохватившись, восклицалъ:

— Тише, директоръ!

Хоръ обрывался. Гетлингъ боязливо озирался на дверь, и опять начиналась скучная долбня неправильныхъ формъ и подлавливаніе зазѣвавшихся мальчишекъ.

А иногда почти половина класса вдругъ получала за письменную работу по колу. Около этого кола была надпись: «Единица! Худо! За обманъ! Гетлингъ»... Въ чемъ былъ обманъ — мы не знали. Но утѣшались тѣмъ, что кара и квалификація поступка поражала многихъ.

Еще чаще запутавшійся въ склоненіяхъ ученикъ получалъ отъ Гетлинга такое опредѣленіе: «Ну, конечно, ты дуракъ!»

Но бывали латинисты и греки не сумасбродные, вродѣ Гетлинга, а педагоги съ каменной выдержкой. Среди нихъ, кажется, первыя мѣста занимали нашъ директоръ С. В. Гулевичъ, О. А. Петрученко, Д. Н. Корольковъ и почти всѣ чехи. Другіе классики были болѣе слабой разновидностью того же типа.

Гулевичъ считался въ Москвѣ однимъ изъ образцовыхъ директоровъ. Гимназія у него была въ полномъ порядкѣ. Выпускные экзамены давали хорошіе результаты. Гимназія считалась хорошо поставленной, особенно по преподаванію древнихъ языковъ.

Директоръ былъ каменный. Это опредѣленіе одинаково относилось и къ его внутреннему существу, и къ его внѣшности. Онъ былъ высокъ, массивенъ. Его большая голова съ громаднымъ открытымъ лбомъ и глубокими взлызами, была величественно посажена на его широкія плечи. Замѣчательно, что у него была очень короткая шея, совершенно неподвижная, — «волчья шея» — говорили про него. Чтобы повернуть голову, ему нужно было повернуться всѣмъ корпусомъ. Эта медлительность въ движеніяхъ придавала ему особенную величественность. Онъ ходилъ большими шагами, держа руки въ карманахъ брюкъ. Поступь его была важна, медлительно-величественна. Голосъ былъ низокъ и тоже величественный. Общій тонъ рѣчи — безапелляціонный. Слова отчеканенныя. Глаза стеклянные, лишь изрѣдка вспыхивавшіе гнѣвомъ. Онъ былъ движущимся изваяніемъ. Это былъ классическій типъ холоднаго и безстрастнаго начальства. Его всѣ боялись, и гимназисты, и учителя, а особенно надзиратели. Его всѣ стѣснялись. При его приближеніи все угасало — и смѣхъ, и шутка, и веселость. Наступала напряженная сосредоточенность, переходившая въ великую, всепоглощающую скуку. Онъ мало говорилъ. Онъ вѣщалъ или отдавалъ приказанія.

То же было и на его урокахъ. Онъ сидѣлъ неподвижно на кафедрѣ и, казалось, съ полнымъ равнодушіемъ слушалъ отвѣтъ ученика, вызваннаго къ кафедрѣ, скучно, безъ всякаго увлеченія переводившаго Тита Ливія. Все вниманіе было устремлено на то, чтобы не оговориться. Содержаніе было полностью поглощено формой. Приходилось иногда ловить себя и поспѣшно приводить себя въ порядокъ, когда начинало увлекать содержаніе главы изъ Цезаря, когда начинали рисоваться картины чудесныхъ метаморфозъ Овидія, когда мы готовы были увлечься краснорѣчіемъ Цицерона. Все это было не нужно въ классѣ латинскаго языка, даже вредно, ибо отвлекало вниманіе отъ синтаксическаго построенія фразъ, отъ своеобразныхъ оборотовъ рѣчи и глагольныхъ формъ.

А когда насъ заставляли зазубривать наизусть цѣлыя страницы изъ Ливія, когда насъ мучили двухчасовыми экстемпорале, для чего раздавали заранѣе заготовленные литографированные громадные

тексты того же Ливія, когда мы должны были эти тексты тутъ же, безъ словаря и грамматики, переводить на латинскій языкъ, — тогда мы преисполнялись ненавистью и къ директору, и къ методу преподаванія, и къ ни въ чемъ не повиннымъ Цезарю, Ливію, Цицерону и Горацію.

Таковы результаты. Интересно отмѣтить, что въ этихъ условіяхъ у насъ развивались своеобразные психозы. Я иначе не могу назвать того, что происходило съ нѣкоторыми изъ насъ. Это напряженіе бывало такъ неестественно, что получались какіе-то странные провалы перенапряженнаго вниманія. Я помню, напримѣръ, свою систематически повторявшуюся ошибку, совершенно исключительную по своей нелѣпости. Ошибка эта преслѣдовала меня. Я принималъ всякія мѣры противъ нея. Писалъ роковое слово на мѣдномъ кружкѣ чернильницы, на промокательной бумагѣ, зажималъ написанное слово въ кулакъ... И тѣмъ не менѣе неукоснительно писалъ въ экстемпорале **romanibus**, вмѣсто **romanis**. Если это злосчастное **romanibus** попадалось въ первыхъ строкахъ экстемпорале, директоръ подчеркивалъ это слово двумя чертами, ставилъ на поляхъ знаменательное «этим. ош.», зачеркивалъ не читая все остальное и ставилъ внизу жирную единицу. Выдавая тетради, онъ пожималъ плечами и безстрастнымъ тономъ произносилъ:

— Опять **romanibus!**

Если этого рода ошибки были своего рода неврастеніей, которая была чрезвычайно развита въ наше время въ гимназіи, то общее отвращеніе къ классицизму было несомнѣнно результатомъ системы, метода преподаванія. Странно, что эти неглупые люди, среди которыхъ были совсѣмъ хорошіе филологи и знатоки своего предмета, не хотѣли понять простой истины, что преподаваніе не должно быть только формальнымъ. А можетъ быть, они уже и не могли усвоить себѣ иной системы. Во всякомъ случаѣ, ихъ старанія не увѣнчались успѣхомъ. Изъ выпускаемыхъ классическими гимназіями учениковъ лишь самый ничтожный процентъ давалъ чистыхъ филологовъ.

Если Гулевичъ намъ внушалъ отвращеніе къ латыни своимъ каменнымъ педантизмомъ, то Петрученко достигалъ тѣхъ же результовъ другими способами. Въ противоположность Гулевичу, это былъ человѣкъ очень маленькаго роста, съ большимъ носомъ и предлинной бородой. Ходилъ онъ большими размѣренными шагами по классу, а его черные глазки бѣгали изъ стороны въ сторону и зорко слѣдили затѣмъ, что творилось въ классѣ. Казалось, онъ оглядитъ въ окно, а въ то же время оказывалось, что онъ видитъ, какъ сидящій на задней партѣ Шульцъ, великовозрастный рыжій нѣмецъ, или подремываетъ послѣ воскреснаго отпуска, или читаетъ подъ столомъ книгу.

Гимназисты прозвали Петрученку, со дня его появленія въ гим-

назіи, — Черноморомъ. Его длинная борода была достаточнымъ основаніемъ для этого прозвища. А его жестокосердіе въ отношеніи къ гимназистамъ оправдывало названіе по существу.

Петрученко преподавалъ греческій языкъ. Грамматика была въ основѣ всего. Авторы анатомировались для торжества той же грамматики, а комментаріи Петрученки при чтеніи авторовъ нерѣдко смущали насъ своимъ неожиданнымъ оборотомъ.

Когда текстъ передавалъ миѳъ о похожденіяхъ Зевса среди смертныхъ, Петрученко неожиданно прерывалъ вялый переводъ отвѣчавшаго и, обращаясь къ классу, заявлялъ:

— Вотъ какой Зевсъ былъ шалунъ! Онъ любилъ пошалить съ красивыми женщинами! Правда, Шульцъ, Зевсъ былъ шалунъ?

Шульцъ съ недоумѣніемъ и тревогой поглядываетъ на Петрученку. А тотъ не унимается:

— Вотъ Шульцъ хорошо понимаетъ, что значитъ шалить съ женщинами. Онъ вчера тоже шалилъ. Правда, Шульцъ? Онъ вчера шалилъ, а сегодня мечтаетъ!

Шульцъ пыхтитъ, неуклюже поднимается съ лавки, становится краснымъ, какъ ракъ, потѣетъ и глупо улыбается.

А Петрученко наступаетъ все больше и больше. Смакуя похожденія Зевса и Шульца, онъ расхаживаетъ по классу, помахивая фалдочками своего фрака. И вдругъ, стремительно, какъ коршунъ, направляется къ Шульцу. Шаритъ въ его столѣ и съ торжествомъ вытаскиваетъ французскій романъ, раскрытый на самомъ интересномъ мѣстѣ. Разъ ему попалась подъ руку фотографическая карточка какой-то скромной нѣмки. Шульцъ клялся, что это его сестра. Но Петрученко продолжалъ свою атаку, пока не довелъ бѣднаго Шульца до полнаго отчаянія.

Шульцъ былъ много старше насъ. Ни съ кѣмъ изъ насъ не былъ близокъ. И въ гимназію нашу перешелъ недавно. Онъ былъ намъ чужой. Но несмотря на это, отношеніе Петрученки къ Шульцу намъ было противно. Мы мрачно молчали, нетерпѣливо поглядывая на часы — сколько же осталось этого нелѣпаго урока греческаго языка.

Но бывали уроки и другого характера. При входѣ Петрученки въ классъ мы уже замѣчали, что онъ былъ золъ. Тогда мы знали, что будетъ произведена экзекуція. И она производилась по трафарету. Замѣчательно, что мы никакъ не могли справиться со своими нервами и всегда оказывались побѣжденными, поверженными во прахъ налетомъ Черномора. Только очень немногіе, и въ томъ числѣ мой братъ Александръ, умѣли противопоставить озорству учителя свое хладнокровіе и выдержку, не растериваясь и не поддаваясь на его происки.

Начиналась экзекуція съ того, что Петрученко приказывалъ намъ положить книги наши на столъ и закрыть ихъ, руки также положить

на столъ. Потомъ онъ принимался молча ходить по классу большими шагами, не глядя ни на кого изъ насъ. Такъ продолжалось минутъ пять. Наши нервы напрягались, какъ струны. Вдругъ онъ внезапно поворачивался на каблукахъ, останавливался среди класса и называлъ чью-нибудь фамилію. Вызванный поднимался и застывалъ въ нерѣшительной позѣ не то готоваго бѣжать сломя голову, не то готоваго провалиться сквозь землю. За фамиліей ученика слѣдовало лаконическое слово, формулировавшее вопросъ. Это былъ вопросъ по склоненію или спряженію. Система такихъ летучихъ вопросовъ заключалась въ томъ, чтобы застигнуть врасплохъ. Поэтому далеко не всѣ вопросы заключали каверзныя исключенія. Мы ждали именно исключеній. А вопросы трудные чередовались съ самыми легкими. Каждому по-очереди задавался всего одинъ вопросъ. Въ теченіе какихъ-либо десяти минутъ весь классъ былъ спрошенъ. Изъ всѣхъ отвѣтовъ правильными оказывалось два-три, пылкаго и живого моего брата Александра и флегматичнаго Флейшера. Случайно попадалъ правильно кто-нибудь третій. Всѣ остальные отвѣты были ошибочны. Бухали что попало, наугадъ, такъ какъ отвѣты должны были слѣдовать немедленно за вопросами. Въ результатѣ, весь классъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ счастливчиковъ, получалъ по колу. Петрученко злорадно улыбался. Онъ былъ доволенъ. Психологическій фокусъ опять ему удался. Влезая на кафедру, онъ говорилъ:

— Гимназистъ долженъ отвѣтить на эти вопросы, даже если его разбудятъ среди ночи.

А мы были разстроены, возмущены, подавлены.

Такіе эксперименты кончились не тогда, когда мы выучили грамматику, а когда научились оказывать сопротивленіе Осипу Антоновичу, когда нарочно медлили съ отвѣтомъ и открыто помогали не въ мѣру растерявшемуся товарищу. Тогда эти психологическія испытанія или издѣвательства кончились.

Однажды, послѣ такой экзекуціи, раздосадованный на Петрученку, негодуя на себя, что опять попался на какомъ-то явномъ вздорѣ, я пересталъ слушать дальнѣйшій урокъ и погрузился въ рисованіе. Нарисовалъ безобразнаго идола и жреца, приносящаго жертву этому идолу. Жрецъ былъ маленькій, съ длинной бородой и съ развѣвающимися сзади двумя хвостиками въ видѣ фалдъ. Я увлекся рисункомъ, тѣмъ болѣе, что жрецъ вышелъ очень похожимъ на Петрученку. Пока я окружалъ эти фигуры соотвѣтствующимъ пейзажемъ, вдругъ на мою тетрадь съ рисункомъ быстро опустилась рука. Передо мной стоялъ Петрученко, незамѣтно подкравшійся. Онъ взглянулъ на рисунокъ. Поглядѣлъ на меня.

— Вы рисуете? И недурно... Похоже...

Взялъ листокъ, сложилъ и спряталъ въ свой карманъ.

Понялъ ли онъ символическій смыслъ моего рисунка? Только возмездія не послѣдовало.

Такіе учителя не прививали намъ любви къ древнимъ языкамъ, не порождали интереса и къ основамъ языковъ. Не привязывали они и къ себѣ. А ихъ мы видали вѣдь каждый день. Это они создавали тонъ и содержаніе гимназической жизни. Они и были гимназіей въ прямомъ смыслѣ слова. Он не столько учили, сколько боролись съ нами. Боролись съ ними и мы. Методы борьбы, какъ на настоящей войнѣ, были самые неожиданные. Въ этой борьбѣ было все дозволено. А самое страшное было то, что признававшееся морально недопустимымъ дома, въ жизни, въ отношеніяхъ между людьми, — было допустимо въ гимназіи...

Какъ бы апоѳеозъ этой борьбы, какъ бы символъ ея, произошелъ при выпускѣ 1888 года. Это былъ нашъ выпускъ.

Экзаменъ на аттестатъ зрѣлости въ тѣ времена былъ труднымъ экзаменомъ. Тутъ экзаменовались не только ученики даннаго состава VIII класса, экзаменовались преподаватели, директора, экзаменовались сами гимназіи. Для каждаго округа экзамены на аттестатъ зрѣлости происходили въ одинъ и тотъ же день и темы письменныхъ работъ были однѣ и тѣ же для всего округа. Такимъ образомъ происходилъ какъ бы конкурсъ гмназій. Въ основѣ этихъ конкурсовъ лежали, конечно, темы по древнимъ языкамъ. Провѣрялась восьмилѣтняя работа гимназіи и умѣніе учениковъ написать труднѣйшее и весьма длинное экстемпорале.

Къ этимъ экзаменамъ готовились и ученики, и учителя. Ученики неистово зубрили. Учителя подхлестывали, подтягивали учениковъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь.

Въ большомъ напряженіи проходили послѣднія недѣли передъ выпускными экзаменами. Приближались и самые роковые дни. Мы уже давно перестали ходить по московскимъ часовнямъ и ставить свѣчки чудотворнымъ иконамъ. Дѣтская вѣра покинула насъ, хотя многіе изъ насъ сохранили свою религіозность.

И вотъ за два дня до начала выпускныхъ экзаменовъ одинъ изъ нашихъ товарищей по VIII классу, Михаилъ Бородачевъ, таинственно заявилъ намъ, что въ Вязьмѣ, гдѣ учился его братъ, «добыли» темы и что темы будутъ доставлены въ Москву, какъ только онѣ будутъ переписаны. Все это сообщалось подъ величайшимъ секретомъ. Какъ были «добыты» темы, оставалось неизвѣстнымъ. Было, однако, внѣ сомнѣнья, что пути эти были совершенно нелегальны. Мы, оканчивающіе, были встревожены. Какъ быть? Можно или нельзя? Конечно, нельзя! Но это категорическое рѣшеніе какъ-то не очень удовлетворяло и не исчерпывало вопроса. Рѣшили ждать, что будетъ дальше. Тамъ видно будетъ.

Наступили экзамены. Первый — русское сочиненіе.

Не безъ нравственнаго удовлетворенія мы вошли въ актовый залъ. Мы не знали темы. Искушеніе пропало. Темы запоздали. Однако, видно было, что многіе волнуются и сожалѣютъ, что не знали темы раньше.

Русское сочиненіе прошло благополучно. Черезъ два дня латинскій письменный экзаменъ.

И вотъ вечеромъ поспѣшно, мнѣ доставляютъ на квартиру пакетъ. Въ немъ оказался невѣроятнымъ почеркомъ переписанный подлинный текстъ изъ Ливія. Сомнѣній нѣтъ, это тема латинскаго экзамена. Она у меня въ рукахъ. Посланный поспѣшно уходитъ, заявивъ, что ему нужно обѣжать еще много квартиръ. Черезъ нѣсколько времени, уже поздно, раздается звонокъ и къ намъ почти вбѣгаетъ наша учительница музыки, Анна Александровна, и шопотомъ заявляетъ, что привезла намъ темы изъ Вязьмы. Саша молчитъ. Я конфузливо говорю, что имѣю уже темы.

На слѣдующее утро къ намъ является цѣлая группа нашихъ гимназистовъ, желающихъ совмѣстными усиліями перевести текстъ, а главное, перевести его при участіи брата Александра, который хотя и бросилъ заниматься латынью, но все же зналъ предметъ лучше другихъ.

Саша еще вечеромъ отказался посмотрѣть тему. Сегодня онъ наотрѣзъ отказался принять участіе въ переводѣ. Онъ коротко заявилъ:

— Я увѣренъ, что мнѣ дадутъ аттестатъ зрѣлости. А медаль, ну ее къ чорту! Краденыхъ темъ знать не желаю!

Отказался и пошелъ играть на роялѣ.

Мы остались одни, сконфуженные, пристыженные прямотой брата. Но дѣлать было нечего. Для большинства вопросъ былъ предрѣшенъ. Отказаться отъ темы было нелѣпо, тѣмъ болѣе, что судьба многихъ висѣла на волоскѣ.

Итакъ мы узнали темы. Писали два экстемпорале — латинское и греческое — въ обстановкѣ полнаго къ намъ довѣрія. Столики, за которыми мы сидѣли, были отставлены другъ отъ друга болѣе чѣмъ на сажень, чтобы нельзя было подсмотрѣть у сосѣда, перекинуться словомъ, тѣмъ болѣе запиской. Не знаю, чего было больше въ эти минуты, сознанія ли совершаемаго преступленія или нѣкоторой злой радости въ процессѣ борьбы. Во всякомъ случаѣ, было очень скверно на душѣ, и я съ завистью поглядывалъ на брата Сашу, который углубился въ переводъ.

По выходѣ изъ зала не хотѣлось дѣлиться своимъ настроеніемъ. Не всѣ, однако, раздѣляли мое смущеніе и рѣшительно мотивировали свою радость, какъ радость побѣды. Но и смущеніе, и торжество побѣдителей было непродолжительно.

Мы явились на очередной экзаменъ, — уже начались устные —

какъ ни въ чемъ не бывало: острота впечатлѣнія отъ совершеннаго начинала исчезать.

Насъ встрѣтилъ Илья Семеновичъ, въ просторѣчьи Ильюшка-Цирюльникъ, словами:

— Что это вы надѣлали! Эхъ вы! Чѣмъ то все это кончится! Наверху у директора помощникъ Попечителя Учебнаго Округа. Говорятъ, всѣхъ васъ уволятъ. И какъ это вы заполучили темы!.. Эхъ, вы!

Илья Семеновичъ сочувственно качалъ головой и разводилъ руками. Мы смущены. Но дѣлать нечего. Дѣло сдѣлано. Нужно принимать послѣдствія.

Насъ позвали наверхъ въ актовый залъ. Поставили въ концѣ зала, а въ глубинѣ, у большого стола, стояли Гулевичъ и Исаенковъ и горячо о чемъ-то разговаривали.

Они оба направились къ намъ. Директоръ былъ полонъ олимпійскаго негодованія. Исаенковъ испытующе поглядывалъ на насъ. Раньше онъ былъ учителемъ въ нашей гимназіи и многихъ изъ насъ зналъ хорошо.

— Ну, молодцы! Отличились! — началъ директоръ свою рѣчь.

Мы и сами знали, что отличились. Хотѣли скорѣй узнать, чѣмъ же все это кончится. А директоръ какъ будто нарочно тянулъ, читая намъ длинное нравоученіе.

Наконецъ, намъ было объявлено рѣшеніе Попечителя Учебнаго Округа. Насъ хотѣли всѣхъ уволить, хотѣли оставить на второй годъ. Но рѣшили заставить насъ вторично держать письменныя испытанія по латыни и по одной изъ математикъ.

Мы вздохнули свободно. Возмездіе — заслуженное. На душѣ и на совѣсти стало какъ-то полегче. Мы искупали нашъ несомнѣнный грѣхъ.

Борьба кончалась. Въ борьбѣ обѣ стороны потерпѣли немалый ущербъ.

Вторичныя испытанія прошли благополучно. Мы получили наши аттестаты зрѣлости.

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Университетскіе годы

Старшій братъ Паша уже въ Университетѣ. Онъ окончилъ гимназію съ золотой медалью. Пошелъ на юридическій факультетъ, хотя у него были несомнѣнныя склонности къ философскимъ наукамъ и къ филологіи. Выборъ юридическаго факультета разочаровалъ гимназическихъ классиковъ.

Подходитъ къ концу и нашъ гимназическій путь. Братъ Саша сильно колеблется. По складу ума онъ былъ далекъ отъ отвлеченныхъ наукъ. Его влекло къ точнымъ знаніямъ. Нашъ учитель математики, И. А. Фалѣевъ, настаивалъ на томъ, чтобы братъ Саша шелъ на математическій факультетъ. Но его увлеченіе музыкой было не мимолетной прихотью, не забавой талантливаго человѣка, а было настоящимъ влеченіемъ. По окончаніи экзаменовъ на «аттестатъ зрѣлости» мы цѣлый день проходили съ нимъ по окрестностямъ Москвы. Были въ Петровско-Разумовскомъ, въ Медвѣдковѣ. Заходили на дачу къ Ильинымъ во Владыкинѣ. Опоздали на послѣдній поѣздъ, ночью шли пѣшкомъ изъ Владыкина домой. Во время этой прогулки Саша постоянно возвращался къ вопросу: итти ли ему въ консерваторію и посвятить себя музыкѣ, или поступить въ спеціальное инженерное учебное заведеніе. Его прямая, непосредственная натура не мирилась съ половинчатыми рѣшеніями. Компромиссы были ему чужды. Онъ не могъ дѣлиться и дѣлать что-либо наполовину. Музыку онъ не считалъ развлеченіемъ, но и избрать музыку, какъ главное дѣло жизни, онъ не рѣшался. Въ нашей семьѣ на искусство смотрѣли, какъ на нѣчто очень дорогое въ жизни, но не самое главное. Въ основѣ жизнепониманія семьи было воззрѣніе, что жизнь есть трудъ, трудъ суровый и отвѣтственный, искусство же — радость жизни, ея праздникъ, лучезарный даръ. Гимназистами стар-

шихъ классовъ мы по-очереди посѣщали симфоническіе концерты. У насъ былъ одинъ абонементъ — мѣсто «за колоннами» въ залѣ дворянскихъ собраній, гдѣ давались симфоническіе концерты. Не пропускали мы и другихъ большихъ концертовъ. Мы, также по-очереди, слушали историческіе концерты Антона Рубинштейна. Симфоническими же концертами въ то время управлялъ блестящій, но нѣсколько сухой дирижеръ Эрмансдерферъ. Слышали П. И. Чайковскаго, дирижировавшаго своей знаменитой послѣдней симфоніей, слышали оркестръ подъ управленіемъ С. И. Танѣева. Музыкальная культура занимала значительное мѣсто въ нашей жизни. Но она была не на первомъ планѣ. Значительно болѣе другихъ музыкѣ былъ преданъ братъ Саша, а позднѣе младшій мой братъ, Володя.

Домой мы пришли, когда уже свѣтало. Пришли усталые. Но рѣшенія не нашли. На утро Саша всталъ мрачнымъ. Ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Наскоро напился чаю и сѣлъ за рояль. Онъ долго игралъ, игралъ со страстью. Знакомыя вещи звучали сегодня какъ-то по-новому. Бетховенъ, Шопенъ, Григъ, Листъ и Бахъ смѣняли другъ друга. Саша словно искалъ чего-то, ждалъ отъ нихъ отвѣта на мучившій его вопросъ. Его тревожное, ищущее и вопрошающее настроеніе ясно выражалось въ его игрѣ. Лирическія вещи его не удовлетворяли. Онъ начиналъ ихъ и бросалъ недоигранными. Зато драматическія вещи звучали съ небывалой выразительностью.

— Ишь, какъ разыгрался сегодня нашъ Саша, — говорили сидѣвшіе въ столовой, — гдѣ это вы вчера такъ долго загуляли, что вернулись такъ поздно?

Я разсказалъ о нашихъ разговорахъ во время нашего путешествія. Было ясно, что братъ Саша еще не нашелъ рѣшенія, что онъ ищетъ его у рояля.

Черезъ нѣсколько дней стало извѣстно, что Захарьины будутъ проводить зиму въ Петербургѣ. Саша вдругъ повеселѣлъ. Мрачность его вдругъ исчезла. А черезъ короткое время онъ заявилъ намъ, что поступаетъ въ Горный Институтъ. Это было совершенной для всѣхъ неожиданностью. Но рѣшеніе было принято твердо и окончательно. Оно было тѣмъ неизмѣннѣе, что прекратило мучительныя колебанія. Выборъ былъ сдѣланъ между искусствомъ и практической работой. А Горный Институтъ! Это случайная подробность, вызванная случайнымъ рѣшеніемъ Захарьиныхъ провести зиму въ Петербургѣ.

Саша засѣлъ готовиться къ конкурснымъ экзаменамъ. Работалъ безъ устали все лѣто, и съ увлеченіемъ. Осенью блестяще сдалъ всѣ нужные экзамены и поступилъ въ Горный Институтъ. Около года провелъ онъ въ Петеребургѣ. Но вотъ отъ Саши письмо. Онъ

проситъ отца и насъ выяснить, можетъ ли онъ перейти на медицинскій факультетъ въ Москву: Горный Институтъ ему не по душѣ, и ему хотѣлось бы вернуться въ Москву.

— Вотъ какъ трудно Саша отыскиваетъ себя и свой путь, — говоритъ отецъ, внутренно довольный, что Саша избираетъ медицинскій факультетъ.

Начинаются хожденія за справками. Оказывается, нужно особое разрѣшеніе Министра Народнаго Просвѣщенія. Таковое получено. Саша возвращается въ Москву.

Подъ его аккомпаниментъ я пою арію отца изъ Травіаты:

Ты забылъ свой отчій домъ,
Бросилъ ты Провансъ родной,
Гдѣ такъ много свѣтлыхъ дней
Было въ юности твоей.

Особенно выразительно выходятъ слова:

Годы поздніе мои
Безотрадно, тихо шли,
Тщетно ждалъ въ родную сѣнь
Я тебя и ночь и день.
Скученъ былъ мнѣ отчій кровъ,
Ширь полей и тѣнь лѣсовъ,
Грустный взоръ я не сводилъ,
Одинокъ я въ жизни былъ.
Но прошелъ печальный срокъ,
Въ сердцѣ нѣтъ былыхъ тревогъ
и т. д.
Лѣсъ, поля, родной пріютъ
Тебя, странника, зовутъ,
Отдохни на лонѣ ихъ,
Въ ихъ объятіяхъ родныхъ.
и т. д.

Всѣ растроганы. Саша улыбается. Я широко, какъ отецъ въ Травіатѣ, открываю ему свои объятія. Няня Акулина заливается слезами. Мама Юлія Михайловна смахиваетъ набѣжавшую слезу и цѣлуетъ Сашу. Отецъ очень доволенъ.

За вечернимъ чаемъ разсказъ о Петербургѣ, о Горномъ Институтѣ. О Захарьиныхъ что-то нѣтъ упоминаній.

— Ну, а какъ Симочка? — спрашиваетъ Володя.

— У нихъ своя компанія, свой кругъ знакомыхъ, военные, — нехотя бросаетъ Саша.

Саша начинаетъ ходить въ университетъ. Каждое утро я съ нимъ вмѣстѣ быстрымъ шагомъ проходимъ Покровкой, Моросейкой, мимо красивой церкви Успенья, нынѣ снесенной большевиками, сворачиваемъ въ Армянскій переулокъ мимо Лазаревскаго Института, по Мясницкой, черезъ Лубянскую и Театральную площади, по Охотному ряду, узенькимъ проходомъ между рыбными лавками и красной церковью Параскевы-Пятницы (тоже снесенной большевиками). Я иду въ библіотечный залъ, гдѣ читаются лекціи студентамъ-юристамъ. Я уже на второмъ курсѣ юридическаго факультета. Саша проходитъ во дворъ стараго зданія Университета, въ анатомическій театръ.

Недолго мы съ нимъ такъ походили вмѣстѣ. Онъ становился все мрачнѣе и раздражительнѣе. Новый факультетъ его явно не удовлетворялъ, а анатомическій театръ вызывалъ непреодолимое отвращеніе. Онъ пересиливалъ себя, продолжалъ ходить и слушать профессоровъ медицинскаго факультета, но отталкивался отъ него все больше и больше.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Саша заявилъ отцу, что не можетъ болѣе оставаться на медицинскомъ факультетѣ, что ошибся въ выборѣ и что переходитъ въ Императорское Московское Техническое Училище.

Происходятъ разговоры въ кабинетѣ отца. Отецъ сожалѣетъ, пытается привести доводы въ пользу медицины. Но не настаиваетъ, не желая насиловать волю.

Опять хлопоты о принятіи, опять экзамены и поступленіе на первый курсъ новаго, уже третьяго по счету, высшаго учебнаго заведенія. Это было окончательнымъ рѣшеніемъ и выборомъ брата Саши. Техническое Училище онъ окончилъ блестяще, въ немъ былъ профессоромъ по кафедрѣ гидравлики и водяныхъ турбинъ, былъ деканомъ механическаго отдѣленія и помощникомъ директора этого училища имѣвшаго громадное значеніе для Московскаго промышленнаго района.

Я тоже не сразу выбралъ себѣ факультетъ. Мнѣ хотѣлось пойти на медицинскій. Хотѣлось это сдѣлать, между прочимъ, и потому, что отецъ нѣсколько печалился, что никто изъ его сыновей не хочетъ послѣдовать его примѣру и стать докторомъ. Но въ то же время мои личныя склонности и свойства влекли скорѣе въ область гуманитарныхъ наукъ. Отыскивая рѣшеніе вопроса, какъ мнѣ быть, — я пришелъ къ нѣсколько лукавому выводу: я пойду на медицинскій факультетъ, но сначала пройду юридическій. Это нужно для того, чтобы стать образованнымъ и просвѣщеннымъ врачемъ. Такъ на этомъ и порѣшили. Однако, рѣшеніе это не осуществилось. Юридическій факультетъ я окончилъ, а для прохожденія послѣ этого еще пятилѣтняго курса медицинскаго факультета не хватило энер-

гіи и духа. Да и интересы за годы юридическаго факультета опредѣлились. Къ тому же нужно было, какъ говорилось, «становиться на собственныя ноги» и помогать отцу, силы котораго начинали слабѣть.

Черезъ три года и младшій братъ, Володя, поступилъ въ Университетъ и тоже на юридическій факультетъ, хотя у него ярко выраженъ былъ интересъ къ исторіи.

Такимъ образомъ, мы трое братьевъ оказались на юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета и притомъ, какъ бы въ нѣкоторомъ несоотвѣтствіи съ нашими симпатіями и склонностями.

Въ то время, а это былъ конецъ 80-хъ годовъ, юридическій факультетъ Московскаго Университета былъ самымъ многолюднымъ. Съ нимъ могъ конкурировать только медицинскій факультетъ, но тамъ былъ опредѣленный комплектъ. На юридическій факультетъ валомъ валилъ молодой народъ, получившій аттестацію о зрѣлости. Приходится признать, что сравнительно небольшое число студентовъ шло на этотъ факультетъ по призванію, по ясно выраженному желанію изучить право, ради интереса къ праву. Факультетъ этотъ выбирался многими какъ самый легкій, какъ не замыкающій въ предѣлы строгой спеціальности, какъ дающій общее образованіе. На него шли нерѣдко, соблюдая семейную традицію, слѣдуя примѣру отцовъ и родичей. Шли, расчитывая сдѣлать карьеру, расчитывая на хорошій заработокъ «дядюшки адвоката». Но были и такіе, которыхъ плѣняла изящная стройность юридическихъ нормъ римскаго права, философія права, экономическія науки, независимость судьи, идейная сторона адвокатской дѣятельности, защита угнетенныхъ. Народниковъ увлекала перспектива изученія политической экономіи и постиженіе экономическаго матерьялизма. Но большинство рѣшало вопросъ путемъ отрицанія: филологія надоѣла въ гимназіи, математику не люблю и радъ, что отдѣлался отъ ѣдущихъ курьеровъ, бассейновъ, наполняемыхъ водой, естественныхъ наукъ не знаю, гимназія не давала о нихъ ни малѣйшаго представленія. Итакъ, все отвергнуто. Остается юридическій факультетъ. Поступлю на него, а тамъ видно будетъ, что будетъ дальше.

Довольно скоро отбирались на факультетѣ студенты занимающіеся, проходящіе университетскія науки, и лодыри, проходящіе черезъ университетъ.

Многимъ приходилось выдерживать жестокую борьбу за существованіе, пробиваться грошевыми уроками, перепиской, голодать и нерѣдко изнемогать въ этой борьбѣ. Эти студенты, истощенные, сѣрые, въ старыхъ студенческихъ сюртукахъ и въ скомканныхъ темнозеленыхъ, съ выцвѣтшимъ околышкомъ, фуражкахъ, иногда безъ пальто даже въ зимнія стужи, такъ безконечно отличались отъ «бѣлоподкладочниковъ». Тѣ были въ изящныхъ мундирахъ въ талію, на бѣ-

лой подкладкѣ съ гвардейской грудью, съ длинной шпагой золингенскаго клинка. Они ходили зимой въ николаевской шинели съ мягкимъ бобровымъ воротникомъ съ сѣдиной. Эти франты держались въ сторонкѣ, не смѣшивались съ остальной массой. Впрочемъ, они скоро стали рѣдкими гостями въ университетскихъ аудиторіяхъ, предпочитая другія, болѣе веселыя мѣста въ Москвѣ. Разительнымъ контрастомъ были два студента, оказавшіеся на нашемъ первомъ курсѣ юридическаго факультета. Маленькій, живой, страстный и порывистый въ рѣчахъ и движеніяхъ Дубровинъ. Смуглый, повидимому южанинъ, съ горящими черными глазами. Въ рваномъ студенческомъ сюртукѣ нараспашку, въ красной рубахѣ, вызывающе торчавшей изъ-подъ сюртука, въ мятой фуражкѣ на затылкѣ, — онъ всегда на что-то негодовалъ, всегда протестовалъ противъ чего-то, съ кѣмъ-то спорилъ и иногда заразительно смѣялся. На лекціяхъ бывалъ рѣдко и начиналъ заниматься, какъ говорили, «съ мочеными яблоками», т. е. передъ самыми зачетными экзаменами, великимъ постомъ, когда въ Москвѣ появлялись разносчики съ мочеными яблоками. Мы вступили въ университетъ, когда только что былъ введенъ новый уставъ, когда введены были полукурсовыя испытанія и репетиціи. Но это не мѣняло положенія. Система начала занятій съ мочеными яблоками, т. е. передъ самымъ началомъ испытаній, оставалась въ полной силѣ.

Если въ лицѣ Дубровина мы видѣли вольнолюбиваго, неукротимо протестующаго студента, непремѣннаго участника всякихъ сходокъ, то въ лицѣ Оттона Фрейната мы наблюдали совершенно иной типъ. Это былъ высокій бѣлесоватый нѣмецъ, всегда гладко выбритый, всегда одѣтый съ иголочки въ ловко сшитый сюртукъ, съ накладными пуговицами. Это былъ типичный фатъ. Его сюртуки имѣли разныя подкладки. Была и бѣлая, но была и свѣтло-синяя, которую онъ небрежно выставлялъ напоказъ. Онъ являлся въ аудиторію однимъ изъ первыхъ. Садился у самой профессорской кафедры, причемъ такъ, чтобы быть всегда на глазахъ у профессора. Слушая лекціи, онъ записывалъ ихъ въ аккуратно переплетенную тетрадь и въ то же время сочувственно и почтительно слегка кивалъ головой въ знакъ того, что онъ все слышитъ, все понимаетъ и всему, что говоритъ г. профессоръ, почтительно сочувствуетъ. Онъ ловилъ взоръ профессора и громко смѣялся, когда профессоръ говорилъ какую-нибудь забавную вещь. Онъ приходилъ на лекціи со своей чернильницей и добивался, чтобы случайно занявшій его мѣсто студентъ пересѣлъ на другое мѣсто. Въ перерывѣ между лекціями онъ становился около кафедры лицомъ къ аудиторіи, засунувъ руки въ карманы, обнаруживалъ свою подкладку и съ легкимъ презрѣніемъ оглядывалъ разношерстную аудиторію. Онъ искалъ знакомства только съ богатенькими, со студентами, носившими имена, извѣстныя въ городѣ, или пріобрѣтшими популярность въ университетѣ своими занятіями. Это былъ разсказ-

чикъ сальныхъ анекдотовъ, человѣкъ, поставившій себѣ цѣлью сдѣлать карьеру.

На нашемъ курсѣ было около 300 человѣкъ. Общей жизни не было, соприкосновенія стали происходить впослѣдствіи при занятіяхъ, на семинаріяхъ, въ библіотекѣ. Ближе мы узнавали другъ друга въ кружкахъ, гдѣ слагались прочныя отношенія. А пестрая масса народа, собиравшаяся въ первое время въ большой аудиторіи юридическаго факультета, въ библіотечномъ залѣ, была настолько велика, что мы въ ней тонули. Эта масса была довольно безлична и не имѣла руководителей. Среди этой разношерстной толпы юношей выдѣлялся студентъ, тоже въ студенческомъ сюртукѣ съ синимъ воротникомъ и громадной каштановой бородой, по фамиліи Здановичъ. Онъ былъ старше насъ, юнцовъ, только что соскочившихъ съ гимназической скамьи, и обращалъ на себя вниманіе своей на диво громадной красивой бородой. Въ глаза бросались еще два неразлучныхъ студента. Очень высокій, очень плотный и складный Г. В. Филатьевъ, и маленькій, тщедушный, съ большимъ носомъ Санандинаки. Они были всегда вмѣстѣ и неразлучны. Среди толпы облеченныхъ въ мундиры рѣзко выдѣлялись два вольнослушателя, одинъ пожилой, съ сильной сѣдиной, Боголѣповъ, и тонкій, сухой, длинный, въ черномъ, застегнутомъ на всѣ пуговицы сюртукѣ, Ремизовъ. Послѣдній — очень культурный человѣкъ, большой любитель музыки и видный дѣятель по Комитету вспомоществованія нуждающимся студентамъ. Онъ вмѣстѣ съ нами, юношами, участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ у профессора Н. П. Боголѣпова и переводилъ **Leges duodecim tabularum**. Въ этихъ семинаріяхъ пылкій и безтолковый кн. Бебутовъ переводилъ латинскіе тексты съ невѣроятной поспѣшностью, усердіемъ, но и съ такой наивной безсмыслицей, что даже Боголѣповъ, каменный и неподвижный, улыбался и торопился на защиту законодательства двѣнадцати таблицъ.

Среди моихъ однокурсниковъ былъ П. Н. Малянтовичъ, впослѣдствіи видный московскій адвокатъ, эс-дэкъ и недоброй памяти министръ юстиціи Временнаго Правительства. Ближе другихъ мнѣ былъ мой товарищъ по гимназіи, впослѣдствіи перешедшій въ Лазаревскій Институтъ, А. Д. Солодовниковъ, съ которымъ меня связывала большая дружба, и А. Н. Тольскій, очень толстый человѣкъ и очень способный, впослѣдствіи мировой судья по гор. Москвѣ. Исключительныхъ способностей и дарованій былъ С. А. Вержболовичъ, съ которымъ я близко сошелся по работѣ у профессора И. И. Янжула. Это былъ человѣкъ, который торопился жить и работать. Онъ сгоралъ на работѣ, а блескъ его дарованій поражалъ тѣхъ, кто видѣлъ его. Въ большой нуждѣ, больной, съ женой и младенцемъ на рукахъ, онъ приглашенъ былъ И. И. Янжуломъ остаться по его кафедрѣ. Это былъ

бы несомнѣнно одинъ изъ самыхъ талантливыхъ его учениковъ. Вержболовичъ быстро умеръ отъ чахотки.

Особой близости съ моими однокурсниками у меня не было. Я былъ вовлеченъ въ другой кружокъ студентовъ, которые были нѣсколько старше меня.

Годы моего студенчества по политикѣ были мало замѣтными годами. Наканунѣ нашего вступленія въ Университетъ произошла шумная исторія Брызгалова и Синявскаго. Въ наши годы одинъ только разъ студентовъ загоняли въ манежъ и отправляли на Бутырки. Въ это время я лежалъ дома съ высокой температурой. Большихъ волненій не было. Политическихъ кружковъ я сторонился. Ужъ очень крѣпкимъ духомъ соціализма отъ нихъ несло. Помню, какъ отъ насъ отобрали подписку о неучастіи въ забастовкахъ и нелегальныхъ организаціяхъ. Помню неловкость и обиду, которыя испыталъ. Какъ давать обѣщаніе на будущее? Эта подписка не связываетъ съ тѣми, кто ее отбираетъ, скорѣй вооружаетъ противъ нихъ. Ругаясь и негодуя, Дубровинъ, въ красной рубашкѣ, далъ такую подписку. Подписалъ, обругался и плюнулъ. Подписали и мы съ Солодовниковымъ.

Первыя недѣли всѣ поступившіе въ Университетъ студенты, въ полномъ составѣ, являлись на всѣ лекціи посмотрѣть и послушать профессоровъ, побыть въ аудиторіяхъ Московскаго Университета, благоговѣніе къ которому было велико. Юристы ходили не только на свои лекціи. Для многихъ было необходимо, входило въ ихъ планъ, познакомиться съ преподаваніемъ на другихъ факультетахъ, чтобы рѣшить окончательно вопросъ о выборѣ факультета. Поэтому можно было встрѣтить въ чужихъ аудиторіяхъ своихъ сотоварищей по первому курсу юристовъ. Одни были веселы и беззаботны, немного свысока дѣлали свои замѣчанія по поводу лекцій И. И. Стороженко, А. Н. Веселовскаго, В. И. Герье и другихъ профессоровъ историко-филологическаго отдѣленія. Другіе съ напряженнымъ вниманіемъ слушали чужія лекціи, очевидно отыскивая рѣшеніе на вопросъ: остаться ли на юридическомъ, или сбѣжать на историко-филологическій? Но и тѣ, и другіе, и прогуливающіеся по чужимъ факультетамъ изъ любопытства, и старающіеся опредѣлить, что болѣе отвѣчаетъ ихъ свойствамъ, — одинаково были плѣнены В. О. Ключевскимъ. Этотъ профессоръ завораживалъ своимъ чтеніемъ. Его аудиторіи бывали переполнены любителями Ключевскаго изъ всѣхъ другихъ факультетовъ. Такъ продолжалось до той поры, пока администрація университета не приняла рѣшительныхъ мѣръ. Тогда у входныхъ дверей аудиторіи, въ которой читалъ Ключевскій, ставили педелей другихъ факультетовъ, которые вылавливали «иностранцевъ».

Заходили юристы и на медицинскій факультетъ, въ анатомиче-

скій театръ. Пробирались и на судебно-анатомическія вскрытія. Для многихъ первыя впечатлѣнія были рѣшающими. Мой братъ Володя, поступивъ на юридическій факультетъ, зашелъ какъ-то въ анатомическій театръ. Тяжелый запахъ и видъ столовъ, на которыхъ были разложены трупы, изъ коихъ часть была искромсана студентами, такъ на него подѣйствовали, что онъ выбѣжалъ изъ залы, повторяя въ волненіи: «руки, ноги! руки, ноги!» Съ тѣхъ поръ онъ избѣгалъ даже проходить мимо анатомическаго театра.

Первыя впечатлѣнія отъ университета проходили. Къ актовому залу, къ аудиторіямъ успѣли приглядѣться. Узнали своихъ и чужихъ профессоровъ; послушали разсказы о традиціяхъ университета, коекакія интересныя воспоминанія послушали отъ стариковъ-швейцаровъ, оглядѣлись и стали понемногу приноравливаться къ новымъ методамъ занятій. Празднично-безотвѣтственный періодъ проходилъ. Нужно было начинать самостоятельно заниматься. А къ этому гимназія плохо подготовляла. Немногіе вынесли изъ нея умѣнье и привычку работать самостоятельно. А тутъ — полная свобода, сознаніе всей полноты всѣхъ правъ и... и... кажется, никакихъ обязанностей? И это послѣ гимназіи, гдѣ не было никакихъ правъ и однѣ только обязанности!

Испытаніе для многихъ оказывалось довольно труднымъ. Не всѣ его выдерживали. Для многихъ первый годъ пропадалъ цѣликомъ. Особенно трудно давалось это испытаніе на самостоятельный, свободный трудъ для пріѣхавшихъ изъ провинціи. Передъ ними Москва широко раскрывала всѣ свои соблазны.

Профессора нашего факультета

Среди профессоровъ юридическаго факультета нашего времени первое мѣсто безспорно принадлежало А. И. Чупрову. О немъ такъ много сказано прекраснаго и задушевнаго А. А. Кизеветтеромъ въ его книгѣ «На рубежѣ двухъ столѣтій», что ничего не прибавишь къ ожившему подъ его перомъ образу профессора и человѣка. Наука, человѣчность и служеніе людямъ такъ гармонически сочетались въ немъ, такъ увлекательны были его лекціи, въ которыхъ онъ былъ безмѣрно щедръ на мысли, идеи, въ основѣ которыхъ были прогрессъ и общее благо. Такъ неизгладимо интересны были встрѣчи съ нимъ, обаятельно было внимательное его отношеніе ко всякому вопросу, обращенному къ нему.

— Когда начинаетъ читать Чупровъ? Были ли вы на лекціи Чупрова? — эти вопросы задавались студентами, только что начинавшими университетскій курсъ. Популярность А. И. Чупрова была, пожалуй, не меньше популярности Ключевскаго. На лекцію Клю-

чевскаго шли съ чужихъ факультетовъ немножко какъ на выступленіе знаменитаго артиста. На Чупрова шли посмотрѣть, какъ на выдающагося человѣка своего времени, человѣка, участіе котораго въ общественной жизни ощущалось повсюду. У Чупрова была постоянно полная аудиторія. Около него былъ постоянно кружокъ способныхъ и даровитыхъ студентовъ, которые подъ его руководствомъ вели серьезную научную работу.

Для вчерашнихъ гимназистовъ незамѣнимой школой было преподаваніе римскаго права Н. П. Боголѣповымъ. Сухой, холодный, безстрастный, — каменное изваяніе — всегда ровный и, казалось, ко всему равнодушный, скучно монотонный въ чтеніи лекцій, Боголѣповъ былъ для начинающихъ студентовъ совершенно ясенъ и отчетливъ. Ясны и отчетливы были его лекціи. Ясны и точны были его требованія, обращенныя къ студентамъ. Просты и отчетливы были его практическія занятія. Желающимъ заниматься было удобно работать у Боголѣпова. Его семинаріи такъ напоминали гимназію съ переводами съ латинскаго на русскій. Точный и ясный въ томъ, что онъ давалъ студентамъ, онъ былъ требователенъ на полукурсовыхъ испытаніяхъ и на экзаменахъ. Онъ требовалъ отъ студентовъ такой же точности и ясности. Далеко не всѣ могли удовлетворить этимъ требованіямъ, и поэтому Боголѣповъ считался грозой студентовъ. Передъ нимъ трепетали. Многіе не выдерживали его холодныхъ, стеклянныхъ глазъ, его сухого тона и леденящаго безмолвія во время отвѣта все болѣе растеривающагося студента. Со мной вмѣстѣ, по алфавиту фамилій, экзаменовался нѣкій Айзенбергъ, краснощекій студентъ-еврей, въ сшитомъ по модѣ студенческомъ мундирѣ. Я благополучно отвѣтилъ на всѣ вопросы Боголѣпова. Айзенбергъ нѣсколько разъ просилъ дать ему возможность успокоиться и подготовиться къ отвѣту. Съ разрѣшенія Боголѣпова онъ нѣсколько разъ отходилъ отъ экзаменаціоннаго стола, усиленно пилъ воду, капалъ въ стаканъ валеріановыя капли, его щеки то блѣднѣли, то заливались краской. Бѣдняга никакъ не могъ справиться съ собой и рѣшиться начать отвѣчать. Наконецъ, Боголѣповъ спросилъ его, чего это онъ такъ волнуется, если не знаетъ, можетъ не отвѣчать и притти въ другой разъ. Отвѣтъ Айзенберга былъ совершенно неожиданный:

— Ахъ, господинъ профессоръ, ваше превосходительство, это изъ уваженія къ начальству!

Боголѣповъ невозмутимо прогналъ его съ экзамена.

Свирѣпымъ экзаменаторомъ считался профессоръ Янжулъ. Этотъ былъ труденъ на экзаменахъ своей неожиданностью и грубостью. Его вопросы вродѣ: «Школько шабакъ въ Англіи?». Недоумѣнно смущенный видъ студента на подобный вопросъ — считался незнаніемъ и влекъ за собой провалъ. «Штатиштическія цифры въ финаншовомъ правѣ господа штуденты должны знать безъ за-

пинки», говорилъ Янжулъ, произнося шипящимъ звукомъ букву «с». Налогъ на собакъ въ Англіи былъ изложенъ въ курсѣ Янжула. Тамъ указанъ былъ размѣръ этого налога, исчисленный по количеству собакъ...

Нелѣпый и безтолковый на экзаменахъ, Янжулъ былъ интересенъ на своихъ лекціяхъ и, особенно, на практическихъ занятіяхъ. Онъ сообщалъ массу интересныхъ фактовъ изъ того, что дѣлалось въ западной Европѣ и Америкѣ въ области культуры и просвѣщенія. Онъ несомнѣнно будилъ мысль, давая не только отвлеченныя, теоретическія схемы права, а реальное претвореніе этихъ схемъ въ подлинной жизни. Въ этомъ отношеніи онъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ другіе профессора, вызывалъ иниціативу и побуждалъ къ дѣйствію. Это онъ въ своемъ живомъ разсказѣ о народныхъ университетахъ въ Америкѣ вызвалъ цѣлое движеніе среди студенческой молодежи. По этому поводу образовался кружокъ лицъ, которые съ оживленіемъ обсуждали вопросъ, что можно сдѣлать въ этомъ отношеніи въ Россіи. Рѣшили пойти посовѣтоваться къ Янжулу и просить его взять это дѣло въ свои руки, сами же иниціаторы обѣщали свое живое содѣйствіе и привлеченіе нужныхъ средствъ. Янжулъ выслушалъ господъ «штудентовъ», почесалъ свою тыквообразную лысую голову и отвѣтилъ, что его дѣло бросить мысль, дать иниціативу, а осуществляютъ эту иниціативу пускай другіе. «Дѣлайте шами. Мое дѣло подать идею».

Его семинары проходили очень оживленно. На нихъ читались и обсуждались рефераты студентовъ. На этихъ занятіяхъ я сблизился съ упомянутывъ Вержболовичемъ, И. Х. Озеровымъ, будущимъ замѣстителемъ Янжула по кафедрѣ финансоваго права. Хорошо помню рефератъ Андреева объ утопіи Белями. Рефератъ, вызвалъ оживленныя пренія, которыя велись въ ироническомъ тонѣ. Книга Янжула, «Книга о книгахъ», была полезна и нужна намъ не только въ университетскіе годы. Она была руководствомъ для чтенія и въ послѣдующіе годы. Его статьи и рѣчи, изданныя въ двухъ томикахъ, свидѣтельствовали о томъ, что онъ былъ не теоретикъ, а живой человѣкъ, замѣчавшій все живое въ жизни, откликавшійся на это новое и живое и популяризировавшій то, что было бы полезно Россіи.

Толстый, неуклюжій, грубоватый по внѣшности, онъ былъ общителенъ. По четвергамъ онъ принималъ у себя въ тѣсненькой квартирѣ на углу Арбата и Денежнаго переулка. Его приходилось видать и въ другихъ профессорскихъ кружкахъ. Я бывалъ у него на его четвергахъ и видѣлъ его окруженнаго заботами его жены, Екатерины Николаевны. Заходилъ и по поводу своихъ работъ въ его семинаріи. Нѣсколько разъ звалъ онъ меня къ себѣ, когда предлагалъ остаться при его кафедрѣ и готовиться къ магистерскому экзамену.

Много обѣщалъ намъ, первокурсникамъ, и даже увлекалъ пер-

вое время, профессоръ энциклопедіи права, а на второмъ курсѣ — философіи права, Н. А. Звѣревъ. Маленькій, сухонькій, онъ очень выразительно читалъ свой курсъ безъ особыхъ туманностей, въ доступной и даже увлекательной формѣ. Его манера читать лекціи была своеобразна. Казалось, онъ вотъ именно сейчасъ находитъ счастливыя формулы для выраженія своихъ мыслей. Онъ сумѣлъ найти созвучіе со слушателями, которыхъ онъ какъ-бы дѣлалъ соучастниками въ процессѣ творчества, которымъ казались его лекціи. Я ходилъ на его лекціи аккуратно и все болѣе заинтересовывался его предметомъ и его манерой изложенія. Увы, нѣкоторое разочарованіе смѣнило прежнее очарованіе, когда я познакомился съ литературой предмета: курсъ, который читалъ Звѣревъ, былъ почти дословнымъ повтореніемъ учебника Льюиса. Столь подкупающее творчество оказалось чужимъ, довольно просто и точно изложеннымъ въ учебникѣ.

Но все-же лекціи Звѣрева были несравнимы по живости съ лекціями Мрочекъ-Дроздовскаго, А. Н. Филиппова, читавшихъ исторію русскаго права. Филипповъ былъ невыносимо тяжелымъ лекторомъ. Слова ему не подчинялись и рѣчь его, даже по запискамъ, была нескладная, сѣрая, бездарная. Мрочекъ-Дроздовскій оживлялъ свои лекціи анекдотами, иногда болѣе чѣмъ сомнительными съ точки зрѣнія вкуса и элементарнаго приличія.

Профессоръ богословія, проторіерей Сергіевскій, высокій старецъ иконописнаго облика въ муаровой рясѣ, собиралъ первое время переполненную большую словесную аудиторію: его должны были слушать первые курсы всѣхъ факультетовъ. Лекціи не увлекавшія насъ, не талантливыя. При внѣшнемъ сопоставленіи лекцій по богословію съ лекціями по другимъ дисциплинамъ, успѣхъ и преимущество были на сторонѣ первыхъ. Отношеніе къ богословію было чисто формальное. Нужно было сдать зачетъ. Это дѣлалось легко.

Мой пріятель П. М. Богаевскій, изрядно запустившій всѣ зачеты, долженъ былъ во что-бы то ни стало сдать богословіе. Полистовавъ конспектъ, поразспросивъ, о чемъ спрашиваетъ батюшка, онъ отправился на экзаменъ послѣ вечера, проведеннаго гдѣ-то шумно и весело. На вопросъ о свойствахъ Божіихъ, Богаевскій сталъ что-то молоть очень возвышенное и очень непонятное. Однако, онъ говорилъ громко и увѣренно, тараща свои выпуклые глаза на экзаменующаго священника.

Отецъ Сергіевскій молча слушалъ его и воспользовавшись паузой въ неудержимой рѣчи отвѣчающаго, спросилъ:

— Откуда вы все это знаете, господинъ студентъ?

— Изъ откровенія Божьяго, господинъ профессоръ! — послѣдовалъ убѣжденный отвѣтъ.

— Вы бы лучше изъ моей книжки, — невозмутимо отвѣтилъ Сергіевскій, ставя «удовлетворительно».

На другихъ курсахъ насъ встрѣчали новые профессора. Въ тѣ годы юридическій факультетъ Московскаго Университета не блисталъ свѣтилами. Ни Ковалевскаго, ни Муромцева уже не было среди профессуры. Были способные и знающіе профессора, какъ напримѣръ Гамбаровъ. Но у него установилась репутація лѣниваго профессора. Нерсесовъ барабанилъ свой курсъ торговаго и вексельнаго права безъ всякаго интереса и къ предмету и къ слушающимъ его скороговорку. Интересенъ былъ не столько профессоръ, сколько его двѣ хорошенькія дочки, кажется почти каждое утро встрѣчавшіяся мнѣ по дорогѣ въ университетъ, въ Армянскомъ переулкѣ.

Уголовное право читалъ Колоколовъ. Курсъ его состоялъ изъ множества разнообразнѣйшихъ теорій по всѣмъ вопросамъ уголовнаго права. Онъ безпощадно расправлялся со всѣми теоріями, иногда остроумно, иногда совершенно бездоказательно. Колоколовъ былъ безцвѣтенъ, скученъ и неувлекателенъ. У него была репутація Донъ-Жуана. Глядя на него и слушая его монотонное чтеніе, лишенное искры Божіей, видя его темное пенснэ, скрывавшее его глаза, не вѣрилось въ правильность прочно установившейся репутаціи. А между тѣмъ факты были неоспоримы.

А. С. Алексѣевъ читалъ государственное право. Этотъ профессоръ имѣлъ свои несомнѣнныя достоинства. Ф. Ф. Кокошкинъ, его ученикъ, вспоминаетъ о немъ съ большимъ уваженіемъ. Но лѣвое студенчество не могло ему простить того, что онъ замѣстилъ ушедшаго «по независящимъ обстоятельствамъ» М. М. Ковалевскаго и согласился читать курсъ сокращенный, изъ котораго, по словамъ обвинителей, были исключены тѣ части, которыя могли волновать умы и порождать безсмысленныя и несбыточныя мечтанія.

А. С. Алексѣевъ аккуратно и добросовѣстно излагалъ свой курсъ. Подробно развивалъ теоріи Монтескье - Руссо, добросовѣстно давалъ систематическій матеріалъ по преподанной программѣ. Для студента вообще этого было достаточно. А для желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ предметомъ или отдѣльными вопросами, двери его кабинета были постоянно открыты. На экзаменѣ у А .С. Алексѣева со мной произошелъ забавный случай.

Я былъ занимающимся студентомъ. По государственному праву работалъ и пользовался указаніями А. С. Алексѣева. Курсъ его зналъ и не очень безпокоился передъ экзаменомъ. За нѣсколько дней до экзамена вижу во снѣ, что мнѣ попадается 21-ый билетъ по государственному праву. Сонъ запомнился и утромъ первымъ моимъ движеніемъ было посмотрѣть по программѣ, что это за 21-ый билетъ. Оказался это Комитетъ министровъ. Билетъ легкій. Посмотрѣлъ и перешелъ къ штудированію всего курса.

Въ день экзамена опять снится мнѣ 21-ый билетъ. Иду въ уни-

верситетъ. Въ большой словесной аудиторіи долженъ происходить экзаменъ. Отъ кого-то сильно пахнетъ валеріановыми каплями. Входитъ Алексѣевъ. Раскладываетъ передъ собой вѣеромъ билеты. Начинается экзаменъ. Вызываетъ меня. Мы знакомы. Раскланиваемся. Поднимаю руку, чтобы взять билетъ. Рука направляется къ правому концу вѣера и какъ-то сама переходитъ къ лѣвому концу и беретъ третій билетъ съ края. Поднимаю билетъ, переворачиваю... 21-ый. Я поблѣднѣлъ и издалъ какой-то звукъ не то недоумѣнія, не то смущенія. Алексѣевъ вопросительно смотритъ на меня — «Можетъ быть перемѣнить?» — «Нѣтъ, нѣтъ!», заявляю я, отходя на скамью, чтобы готовиться.

Готовиться мнѣ не пришлось. 21-ый билетъ я зналъ хорошо. Но пока отвѣчалъ студентъ, вызванный передо мной, я погрузился въ размышленія о странномъ случаѣ съ 21-ымъ билетомъ. Нечего и говорить, что экзаменъ прошелъ блестяще.

Студенческіе годы пролетали съ неимовѣрной быстротой. Курсы, профессора, экзамены, семинаріи, рефераты, доклады, сочиненія — все это, смѣнялось, чередовалось и сплеталось съ жизнью, которая шла внѣ стѣнъ университета, часто связанная съ нимъ, а часто далекая отъ него, даже въ противорѣчіи съ нимъ. Въ студенческіе годы произошли новыя встрѣчи, образовались новыя связи и привязанности.

Мой большой другъ, которому я весьма многимъ былъ обязанъ въ первые годы моей студенческой жизни, Н. Н. Харузинъ, былъ въ центрѣ небольшого кружка студентовъ, которые съ чрезвычайнымъ увлеченіемъ и серьезностью принялись за изученіе этнографіи и обычнаго права. Н. Н. Харузинъ, студентъ юристъ, еще со старшихъ классовъ гимназіи пристрастился къ этнографіи. Работая подъ руководствомъ профессоровъ В. Ф. Миллера, Д. Н. Анучина, онъ занялъ выдающееся положеніе среди этнографическаго отдѣла Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Его работы по этнографіи, его большой трудъ, изслѣдованіе о Лопаряхъ, привлекли вниманіе. Большія средства, затраченныя имъ на изданіе Этнографическаго Сборника, передали ему въ руки большое научное и хозяйственное дѣло по изданію этого ученаго журнала. Его брату Алексѣю Николаевичу принадлежалъ тоже очень солидный трудъ по этнографіи — это изслѣдованіе Киргизъ-Букѣевской орды. Н. Н. Харузинъ привлекъ къ своей работѣ рядъ студентовъ. Въ ихъ числѣ оказались мой братъ Павелъ Ивановичъ, П. М. Богаевскій, В. В. Кандинскій, впослѣдствіи Солодовниковъ, Е. О. Шарко и др. Въ этомъ кружкѣ принялъ живое участіе и я, что дало мнѣ возможность совершить нѣсколько интересныхъ этнографическихъ поѣздокъ въ Тамбовскую губ. и въ Эстляндію. Работа по этнографіи такъ захватила насъ, что нѣкоторые почти прервали свои занятія въ университетѣ и только съ опозданіемъ на годъ,

или болѣе того, окончили университетъ. Братъ Павелъ Ивановичъ заболѣлъ, вышелъ изъ университета и окончилъ Ярославскій Демидовскій Лицей.

Съ работой по этнографіи связаны воспоминанія объ интересныхъ вечерахъ, проведенныхъ мною у художника Николая Авенировича Мартынова. Онъ не столько былъ извѣстенъ какъ художникъ, сколько какъ учитель рисованія. Кто, кто только не учился у него изъ нашего поколѣнія: тутъ были и молодыя дѣвушки съ талантомъ и безъ всякаго таланта, тутъ были студенты и профессора, и люди всякаго званія и положенія въ обществѣ. Проф. Сѣверцевъ, зоологъ — рисовалъ у него птицъ. Другіе приходили научиться у него техническому рисованію. Среди послѣднихъ былъ и я, который въ качествѣ рисовальщика долженъ былъ ѣхать въ этнографическую экспедицію на Кавказъ, съ проф. В. Ф. Миллеромъ во главѣ. Мнѣ нужно было выправить мое рисованіе, что и заставило меня обратиться къ Н. А. Мартынову, проживавшему тогда въ Ваганьковомъ переулкѣ, въ домѣ кн. Долгоруковыхъ. Какъ ни разнохарактерна была компанія учениковъ Мартынова, собиравшаяся у него по вечерамъ, но всѣ безъ исключенія были чрезвычайно удовлетворены этими вечерами.

Пока я вырисовывалъ акантовые листья или растушевывалъ орнаменты съ гипса, а другіе рисовали и писали, что имъ полагалось, подъ руководствомъ Николая Авенировича, его дочь играла на роялѣ или читала вслухъ письма Крамского или другія вещи, имѣющія отношеніе къ искусству. Время пролетало незамѣтно. Настроеніе создавалось превосходное, помогавшее работать. Эти вечера были большой и свѣтлой радостью и память о нихъ и миломъ Николаѣ Авенировичѣ сохранилась на долгіе годы.

Кружокъ Харузина былъ интересенъ и по работѣ, которую онъ производилъ, и по тѣмъ людямъ, которые связаны были съ этой работой. Въ домѣ Харузиныхъ на Собачьей площадкѣ, въ большомъ особнякѣ съ мезониномъ, собиралось по средамъ интересное, довольно разнообразное, общество. Семья Харузиныхъ, купеческаго происхожденія, была очень одаренной. Марія Михайловна Харузина принимала у себя друзей и знакомыхъ своихъ сыновей. Три сына — Михаилъ, Алексѣй и Николай — всѣ очень способные, всѣ съ интересомъ работали въ области науки. Старшіе, Михаилъ и Алексѣй, дѣлали административную карьеру. Михаилъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при кн. Шаховскомъ, Эстляндскомъ губернаторѣ; онъ рано умеръ. А Алексѣй дослужился до должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ и при его участіи были произведены знаменитые выборы въ 3-ью Государственную Думу. Николай Николаевичъ остался вѣренъ наукѣ и продолжалъ работать по этнографіи до самой своей весьма ранней смерти. Ему дѣятельно помогала его сестра Вѣра Николаевна, которая посвятила свою

жизнь служенію наукѣ и памяти своего брата, послѣ его смерти. Съ ними у брата Павла Ивановича и у меня установились добрыя, дружескія отношенія.

У Харузиныхъ по средамъ мы встрѣчали профессоровъ А. П. Богданова, Д. Н. Анучина, И. И. Янжула, Н. П. Стороженко, А. Н. Веселовскаго, хранителя Историческаго Музея кн. Щербатова, В. Н. Сизова, Орѣшникова. Изрѣдка появлялся М. М. Ковалевскій. Постоянными посѣтителями средъ были участники кружка Николая Николаевича, молодые этнографы, среди которыхъ были Н. Я. Янчукъ, В. В. Каллашъ и др. Бывалъ тамъ завсегдатаемъ нашъ другъ съ молодыхъ лѣтъ, Вл. Ив. Арандаренко, который впослѣдствіи женился на Еленѣ Николаевнѣ Харузиной.

Харузинскія среды проходили не очень весело. Однако, нерѣдко среди профессоровъ завязывался интересный разговоръ объ искусствѣ, о литературѣ. Интересны были разсказы о лѣтнихъ экскурсіяхъ по Кавказу Миллера. Шуменъ и говорливъ былъ Янжулъ. Остроуменъ и язвителенъ В. Н. Сизовъ. Марья Михайловна Харузина, уже старая женщина, съ рыжевато-оранжевыми волосами, была со всѣми изысканно любезна и съ особой восторженной похвалой отзывалась на всякую доблесть или смѣлый поступокъ. Она жила въ грезахъ, окружая себя фантастическими образами рыцарей. Эту слабую струну Маріи Михайловны знали и охотно разсказывали что-нибудь героическое, «рыцарское». Когда разговоръ оживлялся въ гостиной и въ центрѣ его оказывался кто-либо изъ маститыхъ профессоровъ, около котораго образовывался тѣсный кружокъ слушателей, Марья Михайловна брала меня подъ руку и вела въ залу. Я уже зналъ, что будетъ слѣдовать дальше.

— Ну, милый Николай Ивановичъ, спойте «Иль на щитѣ, иль со щитомъ»!

Я отнѣкивался, ссылался, что не въ голосѣ, указывалъ на Е. О. Шарко, который любилъ попѣть при публикѣ. Но все было безуспѣшно. Рояль открытъ. У рояля уже сидитъ постоянная наша аккомпаніаторша Марія Александровна и беретъ первые аккорды Глинковскаго «Прости, корабль взмахнулъ крыломъ, зоветъ труба моей дружины». Я начинаю пѣть «рыцарскій романсъ». Марія Михайловна довольна. Ей особенно нравится, какъ «на ста языкахъ сто пѣвцовъ запоютъ и заиграютъ». А заключительная фраза «иль на щитѣ, иль со щитомъ!», произнесенная съ особымъ выраженіемъ, приводитъ ее въ полный восторгъ. Она апплодируетъ и говоритъ, что у меня какъ-то по особенному выходитъ эта заключительная фраза.

Слѣдомъ выступаетъ Е. О. Шарко. У него большой репертуаръ. Голосъ у него нѣсколько сухъ, слегка деревянный. Но поетъ онъ охотно. На звуки рояля изъ гостиной выходятъ дамы. Величественная Евгенія Викторовна Миллеръ, съ пышнымъ, высоко поднятымъ вы-

сокимъ корсетомъ, бюстомъ. Она часто смѣется. Но смѣхъ ея не отражается на ея красивомъ и холодномъ лицѣ: оно остается почти неподвижнымъ. А. К. Сизова живо на все реагируетъ и вставляетъ свои замѣчанія по поводу происходящаго въ залѣ.

Иначе проходили вечера въ кабинетѣ Николая Николаевича. Тутъ раскрывалась его очень одаренная и глубокая натура. Большіе и широкіе планы набрасывалъ онъ будущаго развитія этнографическаго отдѣла, будущихъ этнографическихъ изслѣдованій Россіи. Онъ торопился работать, боясь опоздать, предчувствуя, что жить ему недолго. Какая-то тревога не оставляла его. Воспитанный, владѣющій собой, онъ временами впадалъ въ прострацію и безсиліе. Чувство неудовлетворенности не покидало его, несмотря на большой, признанный успѣхъ въ наукѣ. Много вечеровъ мы провели съ нимъ въ его кабинетѣ. Наши разговоры касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Только не было въ нихъ политики. Насъ сближало взаимное чувство большой пріязни. Въ минуты усталости и душевнаго упадка, которыя часто случались съ нимъ, онъ вдругъ встряхивался и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ:

— Ну, жердочка (такъ меня звали за мою худобу и ростъ), спой «Знойной мы степью идемъ».

И я исполнялъ арію Олоферна изъ Юдифи, подражая Корсову, который мастерски исполнялъ ее, сопровождая выразительной игрой. Иногда Николай Николаевичъ просилъ исполнить «Три карты» изъ Пиковой Дамы.

Такъ наши бесѣды объ этнографіи, о жизни, объ окружавшихъ людяхъ, перемежались съ пѣніемъ изъ оперъ. Ему все чаще требовалось возбужденіе, которое онъ сталъ находить въ винѣ.

Онъ умеръ сравнительно въ ранніе годы, отъ общаго перерожденія внутреннихъ органовъ. Смерть эта опечалила многихъ. Онъ умеръ, не успѣвъ осуществить своихъ плановъ. Вспоминая объ этой рано прервавшейся, очень одаренной жизни, лица знавшія его, отмѣчали въ его судьбѣ роковую роль интенсивнаго развитія умственныхъ и духовныхъ силъ у представителей недостаточно подготовленныхъ къ этому напряженію сословій. Въ данномъ случаѣ, это было первое поколѣніе стараго купеческаго рода, которое вступило въ интеллигентскую среду и заняло въ ней видное положеніе. Но напряженіе сыграло въ судьбѣ одного изъ самыхъ даровитыхъ представителей семьи, въ судьбѣ Николая Николаевича, фатальную роль.

Шумно и весело проходили вечера у Сизовыхъ. Небольшая квартира наполнялась и профессорами и «молодежью» изъ театральнаго училища. Въ этой семьѣ совсѣмъ не было тихаго промежутка времени, пока собирались гости. Шумъ и гамъ, хохотъ, восклицанія, начинались разомъ при появленіи гостей. Впрочемъ, здѣсь гости почти не переводились и каждый вечеръ кто-либо за-

ходилъ посидѣть, поболтать, справиться о чемъ нибудь, разсказать какую-нибудь театральную новость. А въ вечера, когда приглашали гостей, здѣсь бывалъ настоящій улей. Шумъ, возгласы, перекрикиваніе другъ друга, шутки, споры не смолкали. На всѣхъ нападало какое-то возбужденіе. Одинъ только Алексѣй Николаевичъ Веселовскій оставался величественнымъ и великолѣпнымъ. Въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, онъ поглядывалъ на шумную толпу гостей своими всегда нѣсколько мутными, слегка на выкатѣ глазами и витіевато расказывалъ что-то изъ области литературы или театра, какъ-бы не принимая участія въ общемъ оживленіи. Н. И. Стороженко шутилъ и заливался заразительнымъ смѣхомъ. Что-то громко доказывалъ Янжулъ. О чемъ-то торопливо жужжалъ Ермиловъ. Заливался самъ и смѣшилъ окружающихъ Максимъ Ковалевскій. Иногда появлялись Пьеръ Бобо (Боборыкинъ), Джаншіевъ, Угримовы, Булдинъ, Изучевскій. Все это говорило и шумѣло разомъ, на всѣ голоса. На столѣ уже стояло красное вино. Ученики театральнаго училища, а среди нихъ были и пожилые люди, напр. Носовъ и Уховъ, быстро приходили въ настроеніе. Начинались разсказы, споры, декламація, пѣніе. Парамоновъ вызывалъ дружный хохотъ. Смѣшила Турчанинова. Поотдаль держалась Серафима Нечаева, немного позировавшая и подражавшая знаменитой Федотовой. Милая, съ прелестными лучистыми глазами, тонкая и длинная Нина Шерваль, Харитоновъ, Подаринъ, Грибунина, все будущіе артисты Малаго Театра — всѣ были тутъ и всѣ вносили что-то отъ своихъ малыхъ или значительныхъ дарованій. Всѣмъ было хорошо на этихъ вечерахъ и всякій находилъ въ нихъ что-то для себя.

Признаться, я никакъ не могъ попасть въ общій восторженно-разгульный тонъ университетской Татьяны. Чего тутъ не хватало у меня — темперамента, удали, увлеченія? Думаю, что все это было у меня не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у другихъ, но именно въ дни Татьяны это не обнаруживалось. Что-то отталкивало отъ такой формы празднованія дня русскаго просвѣщенія. Даже рѣчи еще трезвыхъ профессоровъ со столовъ Эрмитажа, среди возбужденной толпы полупьяныхъ и пьяныхъ студентовъ, остроуміе Ф. Н. Плевако — не увлекали, не поднимали настроенія. Было какъ-то неловко, немножго стыдно и служителей Эрмитажа, и извощиковъ. А Стрѣльна, Яръ съ пьяными рѣчами, съ лазаньемъ на пальмы, купаньемъ въ бассейнѣ для рыбъ, было — непріятно. Старался быть веселымъ, пилъ водку и шампанское, слушалъ рѣчи, самъ произносилъ рѣчи. А на душѣ становилось все болѣе мутно и не по себѣ. Очень пришлась по сердцу извѣстная статья Толстого о Татьянином дне, напечатанная въ Русскихъ Вѣдомостяхъ. Почувствовалъ еще большую неловкость послѣ этой статьи и пересталъ бывать на Татьяниномъ днѣ.

Въ университетскіе годы въ нашей семьѣ еще болѣе процвѣтала музыка. У насъ появились двѣ консерваторки, Женичка Михай-

лова и Александра Емельянова-Щелокова, впослѣдствіи, по сценѣ, Ростовцева. Каждое воскресенье пѣнье не смолкало. Сначала это были институтскіе романсы на сантиментальные слова: «Увы, завяли эти розы», а потомъ, по мѣрѣ развитія консерваторокъ, зазвучало настоящее пѣніе. Александра Емельянова, вмѣстѣ съ братомъ Сашей, играли безъ устали въ четыре руки. Репертуаръ ихъ увеличивался съ каждымъ годомъ, а успѣхи въ техникѣ исполненія превосходили всякія ожиданія.

Университетъ, его профессора, ученые диспуты, новый методъ работы, бездны знаній и мудрости, пріоткрывающіяся въ его прекрасной библіотекѣ, попытки научной работы, все это вовлекало не сразу, но сила притяженія университета становилась все значительнѣе по мѣрѣ прохожденія его курсовъ. Какъ подавляющее большинство студентовъ, я не стремился выбрать одну изъ дисциплинъ для спеціальнаго изученія. Работалъ по большинству предметовъ, не отдавая явнаго предпочтенія какому либо изъ нихъ. Сочиненіе писалъ по уголовному праву. Исторію русскаго права, гражданское право изучалъ, увлекшись обычнымъ правомъ и спеціально интересуясь этнографіей. Работалъ и по финансовому праву и политической экономіи. Общее настроеніе, которое слагалось и крѣпло въ университетѣ — это было настроеніе бодрости, нѣкотораго изумленія и рѣшимости...

Бодрость — внушало соприкосновеніе съ сокровищемъ знанія, неизсякаемые кладези котораго вотъ тутъ, въ этомъ храмѣ науки, въ нашемъ Московскомъ Университетѣ.

Изумленіе — вызывало то, что все болѣе обнаруживалось, какъ все у насъ въ Россіи **недавно** началось, какъ еще молодо все то, что кажется безспорнымъ, какъ молода наша новая культура и какъ на это безспорное ополчается реакція.

Рѣшимость слагалась все крѣпче — стать въ дальнѣйшей работѣ на защиту этого безспорнаго. А безспорными казались и идеи права, и принципы гуманности и либерализма. Эти формальные термины заключали въ себѣ опредѣленно сложившіяся убѣжденія, въ которыхъ исключались насиліе и произволъ, укрѣплялась идея права, прочно связанная съ принципами морали, отвергались привиллегіи классовъ. Міръ внутренній и внѣшній рисовался основаннымъ на усовершенствованіи людей, на эволюціи, на любви къ человѣчеству и на торжествѣ правды. Это не была выработанная программа жизни. Это были скорѣй настроенія, характерныя для того времени.

А что у насъ все такъ **недавно** — по истинѣ поражало. Помню наши разговоры по пути изъ университета съ моимъ другомъ А. Д. Солодовниковымъ о реформахъ Александра II. Вѣдь все это, всѣ «великія реформы», происходили за семь и четыре года до моего рожденія, не безъ нѣкоторой гордости говорилъ, я называя ему 1868 годъ моего появленія на свѣтъ. Первая текстильная фабрика въ Россіи

оказалась открытой, когда отецъ моего собесѣдника уже былъ юношей. Пѣвца эпохи великихъ реформъ, Гр. Ав. Джаншіева, маленькаго, горбатаго, неизсякаемаго разсказчика интереснѣйшихъ подробностей объ этой эпохѣ, мы постоянно встрѣчаемъ въ семьѣ Сизовыхъ, у которыхъ я даю уроки маленькому Леди.

А вопросы пасифизма? Такъ было ясно, что война — пережитокъ варварства, что войны больше не можетъ быть въ условіяхъ культурныхъ завоеваній. Разсужденія гр. Комаровскаго, читавшаго международное право, были такъ безспорны, трактаты и договоры казались такъ всесильны.

Курсъ административнаго права открывалъ грандіозныя перспективы въ области устройства жизни въ городахъ. Учрежденія города Москвы, которыя мы осмотрѣли подъ руководствомъ проф. И. Т. Тарасова, показали, какъ недавно Москва стала освобождаться отъ архаическихъ учрежденій Приказа Общественнаго Призрѣнія и стала обзаводиться учрежденіями европейскаго типа.

Вездѣ намѣчались новыя, обширныя практическія задачи. Все требовало приложенія силъ, знанія и культуры. Тревога, хорошая тревога ощущалась, когда думалось, какъ много предстоитъ работы во всѣхъ областяхъ жизни Россіи и какъ хочется пріобщиться къ этой работѣ.

А защита принициповъ Судебныхъ Уставовъ Александра II, судебная дѣятельность въ соотвѣтствіи съ этими Уставами — и это плѣняло и казалось стоющимъ, чтобы этому дѣлу можно было посвятить жизнь. Довольно частое посѣщеніе судебныхъ засѣданій въ зданіи Московскихъ Судебныхъ Установленій плѣняло торжественностью и стройностью формъ нашего суда. В. М. Духовской, читавшій уголовный процессъ, хорошо истолковывалъ Судебные Уставы Александра II.

Политика въ ея чистомъ видѣ и техническихъ дѣйствіяхъ не занимала въ то время первенствующаго мѣста. Вспоминая свои настроенія того времени, я сказалъ бы, что относился къ той категоріи людей, которые рѣшительно отвергали всякія насилія, откуда бы они ни исходили, отъ власти или отъ тѣхъ, кто боролся съ властью. Разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ казалось на путяхъ общей, большой работы для всѣхъ, въ повышеніи уровня культуры, въ просвѣщеніи народныхъ массъ, въ уравненіи правъ всѣхъ живущихъ въ Россіи, в проведеніи въ общественной жизни принциповъ права и справедливости. На этихъ путяхъ видѣлось и разрѣшеніе вопросовъ, вытекающихъ изъ классоваго неравенства.

Въ такихъ настроеніяхъ покидалъ я нашъ Московскій Университетъ. Думаю, что это былъ основной тонъ нашего университета того времени. Гуманизмъ и либерализмъ — вотъ что было въ основѣ университетскаго преподаванія того времени, что обвѣвало эти

аудиторіи, что составляло духъ и душу этого храма истиннаго просвѣщенія.

Первоначальное предположеніе о медицинскомъ факультетѣ, послѣ окончанія юридическаго, исчезло безъ слѣда. Юридическій факультетъ основательно заполнилъ интересы и вниманіе. Участіе въ жизни сказывалось все опредѣленнѣе, склонности и свойства достаточно опредѣлились. Вотъ почему, безъ колебанія, я отвѣтилъ отрицательно И. И. Янжулу на его предложеніе быть оставленнымъ при его кафедрѣ.

Польщенный его предложеніемъ, я отвѣтилъ ему, что на профессорское дѣло я смотрю, какъ на священнослуженіе въ храмѣ, божествомъ котораго является наука и знаніе. Для этого жреческаго служенія нужно особое призваніе, котораго я въ себѣ не нахожу. Иванъ Ивановичъ ухмыльнулся, вскинулъ на меня свои зеленые глаза въ золотыхъ очкахъ и сказалъ:

— Ну, это вы преувеличиваете! Какой же я, напримѣръ, жрецъ? Развѣ я похожъ на жреца?!

И дѣйствительно, толстый, съ громаднымъ отвислымъ животомъ, съ тыквообразной лысой головой, онъ вовсе не походилъ на жреца въ томъ идеальномъ храмѣ, о которомъ я говорилъ; онъ скорѣе походилъ на Фальстафа.

Государственные экзамены мы сдавали въ Государственной Комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Кіевскаго профессора Ренненкампфа. Это была вторая Государственная Комиссія со времени введенія новаго университетскаго устава. Экзамены прошли хорошо. Въ результатѣ ихъ, дипломъ студента первой степени. Это новая терминологія новаго устава, соотвѣтствующая прежней степени кандидата правъ. Прежнее названіе намъ больше нравилось.

Иду съ однимъ изъ пріятелей получать дипломъ. Говорятъ, дипломъ выдаетъ ректоръ университета, Н. П. Боголѣповъ. Идемъ къ нему. Боголѣповъ встрѣчаетъ любезно. Даже что-то вродѣ улыбки появляется на его лицѣ. Освѣдомляется, куда мы предполагаемъ поступить. Оказывается, оба подаемъ заявленіе о зачисленіи кандидатами на судебныя должности при Московскомъ Окружномъ Судѣ. Боголѣповъ передаетъ намъ дипломы, жметъ руки и говоритъ на прощанье:

— Желаю дослужиться до генеральскихъ чиновъ.

Пожеланіе Боголѣпова вызываетъ полное недоумѣніе. Уже этого-то менѣе всего ожидалъ я, покидая Московскій Университетъ. Никогда о генеральскихъ чинахъ не помышлялъ, слушая лекціи по римскому праву и по другимъ предметамъ. Что-то чужое и холодное почувствовалъ я въ этомъ пожеланіи, такъ не гармонировавшемъ съ общимъ настроеніемъ.

Окончаніе университетскаго курса, конецъ Московскаго Университета, вызвало во мнѣ настроенія меланхолическія. Такъ быстро

промелькнули эти четыре университетскіе года. Такъ мало забралъ я изъ этихъ сокровищъ, которыя предлагались намъ: бери, захватывай возможно больше, бери все. Потомъ некогда будетъ. И вотъ я ухожу. Въ рукахъ дипломъ первой степени. Сокровища замкнулись, а вмѣсто нихъ — пожеланіе дослужиться до генеральскаго чина...

ГЛАВА ВТОРАЯ

МОСКОВСКІЙ ОКРУЖНЫЙ СУДЪ

Окончивъ университетъ, получивъ изъ рукъ Н. П. Боголѣпова дипломъ, я представилъ его при своемъ прошеніи въ Московскій Окружный Судъ. Просилъ о зачисленіи меня въ кандидаты на судебныя должности, а самъ, продолжая чувствовать себя свободнымъ, въ тотъ же день уѣхалъ въ Ревель догонять своихъ сотоварищей, отправленныхъ Этнографическимъ отдѣломъ Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи въ Эстляндскую губернію, для изученія тамошнихъ обычаевъ и, въ частности, артельнаго устройства рыболовныхъ промысловъ.

Поѣздка въ Эстляндію была очень интересна и дала нѣкоторый матеріалъ, доложенный нами въ Этнографическомъ Обществѣ. На мою долю выпали, помимо собиранія свѣдѣній по опредѣленной программѣ, зарисовки типичныхъ жилищъ эстонскихъ крестьянъ, предметовъ изъ хозяйственнаго быта, узоровъ и вышивокъ и т. п. Матерьялы эти съ иллюстраціями были въ свое время напечатаны въ трудахъ Этнографическаго отдѣла Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Мы объѣхали уѣзды Ревельскій, Везенбергскій и Вейсенштейнскій, видѣли интересный водопадъ Яговаль, побывали въ Гапсалѣ. На одномъ изъ крайнихъ мысовъ, вдающихся въ Балтійское море, куда мы явились для изслѣдованія рыбачьихъ артелей, насъ приняли за губернскихъ чиновниковъ, явившихся производить ревизію. Оказалось, что мѣстные жители не столько занимались рыбной ловлей, сколько контрабандой. Наше положеніе оказалось довольно труднымъ. Пришлось отступить передъ агрессивно настроенной толпой, которая рѣшила защищать себя отъ непрошенныхъ гостей.

Пока я занимался интересными изслѣдованіями и, при содѣйствіи и любезной помощи губернатора, князя Шаховского, разъѣзжалъ по Эстляндіи съ подорожной и на заявленіе «opuset valmis» получалъ лошадей, надъ моей головой собиралась первая служебная гроза.

Въ Москвѣ меня хватились, такъ какъ Предсѣдатель Суда, Ф. П. Ивковъ распорядился прикомандировать меня куда-то, гдѣ не хватало кандидатовъ. Меня вызвали въ канцелярію Предсѣдателя. Въ Ревель полетѣли телеграммы, требующія, чтобы я немедленно вернулся «на службу». Въ простотѣ душевной я еще никакъ не считалъ себя чиновникомъ на службѣ, еще меньше казалось мнѣ, что я началъ службу съ проступка и самовольной отлучки...

Пришлось спѣшно возвращаться въ Москву. Секретарь Предсѣдателя Суда, Финиковъ, качалъ головой и говорилъ, что Предсѣдатель Суда Ивковъ требуетъ, чтобы я немедленно явился къ нему. Провинившійся, не имѣющій что представить въ свое оправданіе, я явился къ Ивкову. Большой кабинетъ, громадный столъ; въ глубокомъ креслѣ маленькій человѣчекъ съ сѣдыми, бобрикомъ подстриженными волосами и черными, острыми, сердитыми глазами.

— Ахъ, это вы такъ прекрасно начали вашу службу! Да вы знаете, что вы надѣлали! Самовольно, безъ разрѣшенія ... Слова чеканныя, острыя какъ его глаза, гнѣвно и неудержимо слѣдовали одно за другимъ. Это былъ форменный разносъ.

— Ну, что вы скажете? Вашъ проступокъ я не могу такъ оставить.

Что я могъ сказать гнѣвному Предсѣдателю, который имѣлъ всѣ основанія негодовать и корить? Мнѣ оставалось только повиниться и неожиданно для себя я добавилъ, что поѣздка въ Эстляндію оказалась очень интересной. Это добавленіе плохо вязалось съ условіями разноса.

Ивковъ вскинулъ на меня еще гнѣвный и, въ то же время нѣсколько удивленный взоръ. Секунду поколебался, разнести еще или помиловать.

— Какъ вы говорите? Поѣздка была интересна? Гдѣ-же вы были и что дѣлали?

Я разсказалъ о задачахъ поѣздки и о томъ, что удалось получить. Острые глаза Ивкова пріобрѣли совсѣмъ другое выраженіе. Умные и проницательные, они слѣдили за моимъ разсказомъ какъ бы изучали.

— Ну, хорошо! Это интересно. Я васъ командирую въ IV гражданское отдѣленіе, къ Н. И. Покровскому. Только помните, что вы теперь не вольная птица, а кандидатъ на судебныя должности. Это налагаетъ обязанности.

Черезъ полгода я сдавалъ экзаменъ на старшаго кандидата. Въ экзаменаціонной комиссіи предсѣдательствовалъ Ивковъ. По окон-

чаніи экзамена имъ были сказаны по моему адресу комплименты и отмѣчено было, что вся комиссія осталась особенно удовлетворена моими отвѣтами. А мнѣ казалось, что отвѣты мои были самые простые, не представлявшіе ничего особеннаго.

Четвертое отдѣленіе Московскаго Окружнаго Суда не было въ числѣ выдающихся отдѣленій по своему составу. Тамъ не было крупныхъ юристовъ. Знаменитый Эсперъ Николаевичъ Сумбулъ былъ въ 5-омъ отдѣленіи. Къ нему за консультаціей ходили не только изъ нашего отдѣленія, но и самъ предсѣдатель Ивковъ. Значительнѣе другихъ былъ членъ суда Ягелло. Предсѣдательствовавшій въ отдѣленіи Н. И. Покровскій, въ сѣдомъ парикѣ, скрывавшемъ его огромную лысину, былъ мягкій, добрый человѣкъ, но уже утомленный годами и службой. Работа по составленію опредѣленій суда почти цѣликомъ передавалась кандидатамъ, что было для нихъ хорошей школой. Присутствіе въ судебныхъ засѣданіяхъ вводило насъ въ технику процесса. Особой радостью было спѣшно приготовить проектъ опредѣленія суда по дѣлу, въ которомъ выступалъ С. А. Муромцевъ. Его статная, красивая фигура, его величественно посаженная голова привлекали наше общее вниманіе. Мы любовались имъ, съ жадностью слушали его судебныя рѣчи, а исполнить его просьбу доставляло истинное удовольствіе. Сразу завоевалъ мою симпатію только что получившій значекъ присяжнаго повѣреннаго А. Р. Ледницкій, пришедшій заказать мнѣ копію опредѣленія по дѣлу Дмитріевыхъ.

Пройдя гражданскія отдѣленія, я былъ командированъ, для ознакомленія со слѣдственнымъ производстомъ, къ судебному слѣдователю С. И. Трусову. Это былъ хорошій судебный дѣятель, очень почтенный человѣкъ, съ неизгладимымъ отпечаткомъ провинціала.

Въ бытность старшимъ кандидатомъ, я пристрастился къ судебнымъ защитамъ и охотно ѣздилъ на «казенныя защиты» съ выѣздными сессіями Окружнаго Суда. На эти сессіи тогда выѣзжало 1-ое отдѣленіе Окр. Суда, во главѣ котораго стоялъ старикъ П. С. Кларкъ. Это былъ суровый, раздражительный старикъ, не любившій, когда ему «затягивали» дѣла.

Досталось мнѣ отъ него однажды въ выѣздной сессіи у Троицы. Я былъ командированъ въ качествѣ казеннаго защитника. Всѣ дѣла съ присяжными засѣдателями проходили очень плохо. Ни одного оправдательнаго приговора, даже не давали снисхожденія. Составъ присяжныхъ засѣдателей изъ простыхъ мѣщанъ и крестьянъ оказался какъ никогда суровымъ. Товарищъ прокурора, В. В. Цубербиллеръ, также изъ кандидатовъ — торжествовалъ. Молодые защитники недоумѣвали и досадовали. Въ состязаніи съ товарищемъ прокурора, своимъ же собратомъ, въ судебномъ процессѣ все-же былъ нѣкоторый элементъ спорта: — кто кого!

Послѣ одного изъ особенно неудачныхъ дней, когда всѣ мои

дѣла провалились, а товарищъ прокурора проявлялъ даже явную небрежность, зная напередъ, что присяжные вынесутъ обвинительный приговоръ, я за обѣдомъ со старыми чиновниками канцеляріи выѣздной сессіи, подѣлился своей печалью. Вѣдь совсѣмъ не такъ проходятъ дѣла въ другихъ мѣстахъ. Одинъ изъ этихъ стариковъ, Пронинъ, много лѣтъ выѣзжавшій съ сессіей, сказалъ:

— У Троицы такъ всегда бываетъ, когда въ составѣ присяжныхъ оказывается этотъ старый бородачъ.

— Кто такое, какой бородачъ?

— Да этотъ старикъ Горскій, профессоръ Академіи. Онъ въ совѣщательной комнатѣ грозитъ мужикамъ, что они отвѣтятъ на страшномъ судѣ, если будутъ оправдывать всякихъ мошенниковъ. Ужъ если царскій прокуроръ обвиняетъ, значитъ виноватъ. И крышка! А этихъ молокососовъ, т. е. васъ то, защитниковъ, и слушать не стоитъ.

Судебный приставъ, охранявшій тайну совѣщательной комнаты, подтвердилъ слова Пронина — самъ, дескать, слышалъ.

Я былъ пораженъ. Всѣ принципы судебныхъ уставовъ оказались нарушены. Какой ужъ при этихъ условіяхъ состязательный процессъ, когда грозятъ загробной отвѣтственностью.

Вспомнилъ лицо этого старика, ученаго профессора Академіи. который неизмѣнно попадалъ въ составъ присяжныхъ и избирался ихъ старшиной. Вспомнилъ его недобрые глаза и ироническое выраженіе, когда защита приводила, казалось, неопровержимые доводы въ пользу обвиняемаго. Такъ это вотъ что значитъ! Вотъ гдѣ причина нашихъ неудачъ у Троицы!

На слѣдующій день первое дѣло мое — кража съ пожара. Всѣ предварительныя формальности процесса проходятъ быстро, гладко. Скороговоркой П. С. Кларкъ, не дожидаясь и не ожидая отвѣта, ставитъ обычный вопросъ:

— Стороны не имѣютъ отводовъ по списку присяжныхъ засѣдателей?

Я, подавляя волненіе, заявляю, что имѣю отводъ.

— Вы? Имѣете отводъ? — Багровый, недоумѣвающій и негодующій Кларкъ уставился на меня и переспрашиваетъ:

— Вы, имѣете отводъ?

Вниманіе всего зала на мнѣ. Очевидно для всѣхъ, я дѣлаю какую-то огромную безтактность. Чувствую себя очень неловко. Но отступленія нѣтъ. Подхожу къ столу и вычеркиваю фамилію Горскаго.

Кларкъ испепеляетъ меня своими маленькими, ставшими злыми. презлыми глазками. Горскій въ составъ присяжныхъ не попадаетъ. И онъ, и многіе изъ публики понимаютъ въ чемъ дѣло.

Процессъ проходитъ нервно. Кларкъ не скрываетъ своего раз-

драженія. Прокуроръ подтягивается. Въ залѣ чувствуется особое напряженіе.

Дѣло довольно простое. И пожаръ былъ, и кража была, но обстанока такова: всѣмъ міромъ тушили и всѣмъ міромъ тащили.

Прокуроръ и защитникъ обмѣнялись рѣчами. Моя задача была отвергнуть квалифицирующій признакъ. Резюме Кларка было сурово и далеко не безпристрастно. Обвиняемому приходилось плохо.

Какъ только присяжные засѣдатели удалились въ совѣщательную комнату, а судьи ушли въ свой кабинетъ, Кларкъ грозно позвалъ меня въ комнату судей.

— Какъ вы смѣли отвести Горскаго? Да вы знаете, что это такое?

Старикъ сердился и кипѣлъ и говорилъ явныя несообразности.

— Но это мое право, указанное въ законѣ...

— Какое такое право... Правомъ нужно пользоваться не такъ... — Старикъ кипятился все больше.

Но объясненіе наше кончилось скоро. Присяжные засѣдатели совѣщались недолго. Отвѣтъ былъ: «Да, виновенъ, но не во время пожара, и заслуживаетъ снисхожденія».

Въ залѣ пронесся вздохъ облегченія. Это рѣшеніе, не погашавшее правъ обвиняемаго, сводило дѣяніе на простую кражу.

Послѣ этого дѣла и я и мой товарищъ по защитѣ, А. С. Спиридоновъ, неизмѣнно отводили Горскаго. Рѣшенія присяжныхъ стали много снисходительнѣе и болѣе отвѣчающими жизненнымъ и бытовымъ условіямъ. Теперь настала очередь прокурора негодовать и сердиться. Роли перемѣнились.

Помню одно изъ первыхъ дѣлъ, доставившее мнѣ много волненія и, въ конечномъ счетѣ, большую радость.

Опять выѣздная сессія съ Кларкомъ. На этотъ разъ въ Коломнѣ. Обвиняется крестьянинъ Глазовъ въ поджогѣ, отъ котораго сгорѣла почти вся деревня. Дѣло большое, много свидѣтелей. Ознакомленіе со слѣдственнымъ производствомъ въ Москвѣ даетъ довольно безспорную картину. Всѣ улики, всѣ показанія свидѣтелей противъ Глазова. Сижу надъ дѣломъ, дѣлаю выписки изъ показаній свидѣтелей. Готовлюсь. Пишу защитительную рѣчь и чувствую, какъ все разсыпается, какъ моя защита строится на пескѣ, какъ всякія сомнѣнія въ пользу обвиняемаго исчезаютъ при дружномъ напорѣ свидѣтелей — это онъ! Онъ намъ грозилъ. Его видѣла Анютка, какъ онъ крался!

Дѣло изучено. Составленъ въ воображеніи образъ обвиняемаго. Написана и хорошо выучена защитительная рѣчь.

Въ Коломнѣ прошу свиданія съ Глазовымъ. Боже! отъ моего представленія о невинной жертвѣ человѣческой ненависти и клеветы — ничего не остается. Передо мной большой, угрюмый, черный

мужикъ съ опущенной головой, съ потупленными глазами. Въ глаза не глядитъ. На всѣ вопросы одинъ отвѣтъ:

— Знать не знаю. Вина не моя. Не поджигалъ.

Больше ничего отъ него не могъ добиться. Послѣдняя надежда рухнула. Обвиняемый въ поджогѣ не располагаетъ къ себѣ. Отъ моей защитительной рѣчи остаются разрозненные клочки.

На слѣдующее утро засѣданіе суда. Мое волненіе достигаетъ большого напряженія. Жалѣю, что поѣхалъ на защиту. Какой я защитникъ! Что буду говорить? А прокуроръ Газенвинкель имѣетъ репутацію злого и краснорѣчиваго прокурора. Нахожу большой ошибкой суда, что по такимъ большимъ и отвѣтственнымъ дѣламъ посылаютъ неопытныхъ кандидатовъ.

Изъ комнаты судей посылаютъ узнать, кто изъ кандидатовъ будетъ защищать Глазова. Дѣло считаютъ серьезнымъ. Ахъ, Ты Господи! Чувствую себя, вѣроятно, такъ же скверно, какъ и Глазовъ. Но дѣлать нечего.

— Судъ идетъ! Прошу встать, — провозглашаетъ судебный приставъ.

Входятъ Кларкъ, старикъ А. И. Григоровичъ и мѣстный уѣзный членъ Окружнаго Суда, Золотаревъ. За ними тов. прок. Газенвинкель. Назначается къ слушанію дѣло Глазова. Вводятъ обвиняемаго подъ стражей. Глазовъ такой же угрюмый, суровый и непріятный.

Я занимаю мѣсто передъ нимъ. Безнадежно раскладываю на столѣ свою тетрадь, въ которой выписаны показанія свидѣтелей. Сую подъ тетрадь написанную рѣчь, чувствуя къ ней отвращеніе. Впадаю въ безразличіе и лишь смутно сознаю все, что происходитъ.

Свидѣтели, односельчане Глазова, явились разряженными, словно на праздникъ. Избѣгаютъ смотрѣть на Глазова. Обвинительный актъ не сложенъ. Загорѣлось съ краю деревни, вѣтеръ подхватилъ пламя. Сгорѣло столько-то дворовъ. Свидѣтели показали, что поджогъ Глазовъ, его alibi не установлено, а потому и т. д. Свидѣтели показываютъ дружно и какъ-то особенно легко. Никто какъ Глазовъ, другому некому. Онъ давно грозилъ, что спалитъ деревню.

Оживаю и послѣ прокурора начинаю допрашивать свидѣтелей. Оказывается, Глазова давно деревня не взлюбила. Съ міромъ Глазовъ не въ ладахъ. Разорился и сталъ самымъ бѣднымъ, угрюмымъ, нелюдимымъ. Міръ сталъ опасаться его, ожидая крестьянской мести. А тутъ пожаръ! Никто, какъ Глазовъ!

Такъ допрашиваю я свидѣтелей. А изъ допроса прокурора выходитъ другая картина. Слышали, какъ грозилъ спалить, видѣли, какъ бродилъ и таился, исчезъ, когда разгорѣлось и т. д. Газенвинкель произноситъ короткую рѣчь. Все ясно, все внѣ сомнѣній. Прокуроръ кончаетъ. Но что же я буду говорить? Все спуталось. Аргументы прокурора такъ убѣдительны. Мысль растерянно обращает-

ся къ подготовленному плану, къ заученной рѣчи, но тотчасъ съ ужасомъ отметается и отъ плана, и отъ заготовленной рѣчи.

— Господинъ защитникъ, ваше слово — обращается предсѣдатель.

Тутъ впервые я испыталъ таинственную работу подсознательнаго, ощутилъ невѣдомые доселѣ психическіе процессы.

Вся растерянность моя исчезла, какъ только я долженъ былъ начать говорить. Не связанныя до сихъ поръ обрывки мыслей и впечатлѣній быстро уложились въ какую-то систему, откуда-то взялись слова, образы, сравненія, сопоставленія. Какъ-то неожиданно для меня самого аргументы прокурора обратились противъ него. Увлекаясь все болѣе и отдаваясь потоку новыхъ образовъ и мыслей, я говорилъ, что это месть не Глазова односельчанамъ, а односельчанъ Глазову. Тонъ свидѣтелей только подтверждаетъ мое утвержденіе. Неожиданно для себя замѣчаю, что и Кларкъ и Григоровичъ повернулись ко мнѣ и слушаютъ съ небывалымъ вниманіемъ. Вижу лица присяжныхъ засѣдателей. Вижу и чувствую, что они не только слушаютъ, но и сочувствуютъ. Еще болѣе неожиданно для себя пытаюсь объяснить угрюмость и нелюдимость Глазова — разорившагося, затравленнаго и всѣми отверженнаго. Чувствую, что какъ-то помимо себя и въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что было мною подготовлено, я овладѣлъ новымъ матерьяломъ, переработалъ его внутренне и этотъ переработанный матерьялъ самъ облекся въ словесную форму.

Этотъ новый для меня процессъ былъ легокъ и радостенъ. Онъ былъ тѣмъ радостнѣе, чѣмъ мучительнѣе было все то, что ему предшествовало. Чувствовалось участіе въ отысканіи правды и содѣйствіе въ ея обрѣтеніи. Резюме Кларка было кратко. Онъ подчеркнулъ мои доводы.

Я сидѣлъ радостный и еще взволнованный. Присяжные удалились на совѣщаніе. Меня позвали въ комнату судей. Иду. А навстрѣчу мнѣ Кларкъ, судьи и Газенвинкель. Жмутъ руку и поздравляютъ съ прекрасной рѣчью.

Глазовъ былъ оправданъ.

А когда къ нему подошла его жена съ ребенкомъ на рукахъ, когда ребенокъ протянулъ ему руки, лицо Глазова просвѣтлѣло, угрюмость исчезла безъ слѣда. Я оказался правъ и въ опредѣленіи психологіи этого угрюмаго человѣка.

Этотъ успѣхъ не исцѣлилъ меня, однако, отъ волненій, предшествовавшихъ публичнымъ выступленіямъ. Замѣтилъ, что выступленіе всегда удачнѣе, когда ему предшествуетъ наиболѣе острая тревога и возбужденіе.

Потомъ пошли командировки по исполненію обязанностей городского судьи, судебнаго слѣдователя. Новая работа интересовала все больше. Появился вкусъ къ ней и увѣренность въ своихъ си-

лахъ. Наряду съ этимъ — знакомство съ провинціей, съ захолустьемъ, гдѣ исправника Перфильева называли «трешницей», по минимальному размѣру взятокъ, которыя онъ бралъ, гдѣ жандармскій полковникъ Грушевскій возбуждалъ политическое дѣло по оскорбленію Величества противъ пьяненькаго мужичка, спросившаго себѣ въ трактирѣ водки — «на всего лысяка»! При этомъ онъ щелкнулъ по прилавку серебрянымъ полтинникомъ, на которомъ изображенъ былъ профиль Александра III, обладавшаго, какъ извѣстно, большой лысиной.

Наши уѣзды Московской губерніи, даже въ то не столь отдаленное время, были мало благоустроены. Ко мнѣ въ Можайскѣ привели однажды буйнаго сумасшедшаго, спалившаго деревню. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ сидѣлъ на цѣпи въ темномъ чуланѣ. Сорвавшись съ цѣпи, онъ сжегъ деревню. Бывали и аграрные безпорядки, въ которыхъ бабы играли первенствующую роль. Черноглазая молодая крестьянка подняла цѣлый бунтъ изъ-за покосовъ. Вся волость пошла за Катериной Комаровой защищать свои покосы. Становой бѣжалъ отъ Катерины. Началось дѣло, кончившееся, къ счастью, ничѣмъ.

Мой старшій братъ, Павелъ Ивановичъ, одновременно со мной былъ кандидатомъ на судебныя должности. Онъ работалъ въ камерѣ прокурора, исправлялъ обязанности городского судьи въ Твери. Потомъ былъ слѣдователемъ въ Подольскѣ, Московской губерніи. Онъ весь отдался своему дѣлу. Мы подшучивали надъ нимъ, надъ его серьезностью, и воспѣвали его въ стихахъ, которые безъ конца росли по мѣрѣ того, какъ онъ давалъ новые поводы своими неожиданными выходками, проистекавшими отъ безмѣрной доброты, чистоты сердца и разсѣянности.

Посвящено ему было стихотвореніе подъ названіемъ «День Кандидата». Въ этихъ стихахъ изображенъ былъ трудовой день кандидата. Тамъ были, между прочимъ и такія строфы:

У кандидатова патрона
Прогнана нянька Матрена.
Кандидатъ не унываетъ
И съ ребятами гуляетъ.
    Сталъ онъ ѣсть по пол-котлеты,
    Обратя свой взоръ въ газеты...

....
....

Правила о кандидатахъ,
Рецидивахъ и окладахъ
Тщательно онъ вырѣзаетъ
И въ свой ящикъ убираетъ.

Наши вирши кончались такъ:

И въ подушкахъ утонувъ,
Видитъ онъ, сладко заснувъ,
Что онъ Прокуроръ Палаты,
А кругомъ все кандидаты...

Это были шутки надъ братомъ Павломъ Ивановичемъ. Онъ давалъ много поводовъ для нихъ своими своеобразными манерами, большой непрактичностью, изъ-за которой часто попадалъ въ просакъ и въ смѣшное положеніе. Но по существу, именно нашъ Паша меньше всего могъ-бы быть объектомъ шутки и, тѣмъ менѣе, насмѣшки.

Онъ не плылъ по теченію. Онъ мучительно отыскивалъ смыслъ, цѣль, содержаніе жизни и свое мѣсто въ ней. Еще съ гимназическихъ лѣтъ онъ строго и точно опредѣлилъ свой **долгъ,** и ни на шагъ не отступалъ отъ его выполненія. Это было — **вѣрность** принципамъ, завѣтамъ, традиціямъ, **служеніе** людямъ во имя Христа, подавленіе личныхъ влеченій, если они противорѣчатъ «вѣрности» и мѣшаютъ «служенію». Нѣчто аскетическое, подвижническое было въ немъ, во всемъ укладѣ жизни, который онъ самъ создалъ для себя. Въ основѣ его жизнепониманія было глубокое религіозное чувство. Чувство это онъ стремился укрѣпить не только въ молитвѣ, на которой онъ по долгу простаивалъ, но и въ чтеніи твореній отцовъ Церкви и русскихъ духовныхъ писателей. Его письменный столъ былъ заваленъ томами духовныхъ книгъ. Онъ не только читалъ, онъ работалъ надъ чтеніемъ и, главнымъ образомъ, надъ собой. Работа была не легка. Въ своемъ чрезмѣрномъ напряженіи она довела его до глубокаго нервнаго разстройства. Пришлось вмѣшаться отцу, какъ врачу, и предписать полный и продолжительный отдыхъ. Покорный, онъ подчинился требованію отца, пресѣкъ и свои занятія этнографіей. Безропотно смотрѣлъ, какъ его этнографическіе матеріалы сложены были въ ящикъ и отправлены въ каретный сарай. Покорился и тому, что творенія святыхъ отцовъ были возвращены священнику Андрею Григорьевичу Полотебнову и въ библіотеки. Послушно уѣхалъ въ загородную санаторію д-ра Огановича. Прервалъ работу въ университетѣ. Но остался вѣрнымъ себѣ и обрѣтенной имъ истинѣ, которую онъ и пронесъ черезъ всю свою жизнь. Вѣра въ Бога, вѣрность русскому православію, служеніе людямъ — вотъ что было обрѣтено имъ въ его мучительныхъ исканіяхъ. По призванію онъ долженъ былъ-бы стать ученымъ, внѣ сомнѣнія могъ бы стать незауряднымъ профессоромъ. Впослѣдствіи онъ и сталъ преподавателемъ права на курсахъ Полторацкой въ Москвѣ. Но въ тѣ молодые годы онъ находилъ нужнымъ быть на работѣ въ самой жизни. Онъ сталъ судебнымъ дѣятелемъ, ру-

ководясь все той-же идеей служенія людямъ. Былъ членомъ Московскаго Окружного Суда по гражданскому отдѣленію. Карьера судебная его вовсе не прельщала. Онъ вообще не искалъ и не желалъ созданія положеній и успѣховъ. Свой опытъ судьи претворялъ въ спеціальныхъ докладахъ въ Юридическомъ Обществѣ и съ увлеченіемъ работалъ по нѣсколькимъ соціальнымъ вопросамъ. Онъ мучительно переживалъ судьбу «дѣтей подмостковъ». Судьбѣ этихъ дѣтей было посвящено нѣсколько его печатныхъ статей. Писалъ онъ и по вопросу защиты труда, защиты рабочихъ въ нѣкоторыхъ особо опасныхъ для здоровья производствахъ. Особенно много души и увлеченья отдалъ онъ изданію двухъ сборниковъ подъ названіемъ «Свободная совѣсть». Около этихъ сборниковъ и сложился тотъ кружокъ лицъ, о которыхъ упоминаетъ Андрей Бѣлый въ своихъ воспоминаніяхъ, посвящая брату Павлу Ивановичу нѣсколько строкъ пріязни и уваженія. Онъ говоритъ, что «въ тѣ годы П. И. Астровъ старался естественно сочетать устремленіе къ эстетизму съ моральнымъ, сверкающимъ пафосомъ; этотъ-то пафосъ насъ влекъ къ нему. «Впослѣдствіи «астровская» общественность вылилась въ кадетизмъ; и мы съ ней разошлись («аргонавты» держались гораздо лѣвѣй); но дружескія отношенія съ П. И. Астровымъ сохранили надолго мы» («Эпопея», № 2, стр. 157).

Этотъ кружокъ образовался значительно позднѣе того времени, о которомъ записываю сейчасъ, подчиняясь хронологической послѣдоватльности событій изъ жизни нашей «Семьи». Можетъ быть къ этому кружку будущихъ «Аргонавтовъ» вернусь въ послѣдующихъ записяхъ. Сейчасъ лишь упомяну, что въ него входили: Андрей Бѣлый, С. М. Соловьевъ, П. К. Батюшковъ, М. А. Эртель, Эллисъ (Л. Л. Кобылинскій), художн. И. А. Астафьевъ, Шкляревскій, Грифцовъ, Ф. А. Степунъ и др. Частымъ посѣтителемъ этого кружка былъ Г. А. Рачинскій, иногда П. Г. Виноградовъ. Нерѣдко появлялась извѣстная въ Москвѣ антропософка Христофорова и др. Это былъ кружокъ молодыхъ поэтовъ, эстетовъ, искателей. Братъ Павелъ Ивановичъ не былъ ни эстетомъ, ни поэтомъ. Искателемъ тоже трудно было его назвать, ибо для себя онъ давно обрѣлъ правду и оправданіе жизни. Но эти талантливые люди привлекали его вниманіе горѣніемъ, возможностями, которыя таили въ себѣ ихъ несомнѣнныя дарованія. Они же цѣнили въ братѣ Павлѣ Ивановичѣ самоотверженную вѣрность чему-то такому, что не укладывалось въ узкія рамки установленныхъ программъ, патентованныхъ схемъ и «хорошаго тона» въ областяхъ духа и мысли. Склоненъ думать, что не совсѣмъ вѣрно объясняетъ А. Бѣлый причину расхожденія «аргонавтовъ» съ «астровской общественностью». По его мнѣнію, причина эта была въ томъ, что «астровская общественность вылилась въ кадетизмъ, а аргонавты держались гораздо лѣвѣй». Братъ Павелъ Ивановичъ не былъ кадетомъ. Къ тому же политиче-

скія темы не входили въ интересы кружка, собиравшагося въ домѣ брата. Не думаю, чтобы мое участіе въ партіи к. д. могло окрасить въ к. д. цвѣтъ «астровскую общественность».

Подтвержденіе этихъ мыслей нахожу въ только-что присланныхъ мнѣ (1 марта 1934 г., а мои записи относятся къ іюлю-августу 1931 года) интересныхъ страницахъ одного изъ пылкихъ участниковъ этого кружка. Это Л. Л. Кобылинскій-Эллисъ свидѣтельствуетъ о моемъ братѣ Павлѣ Ивановичѣ. Его свидѣтельскія показанія я надѣюсь использовать въ дальнѣйшемъ изложеніи, такъ какъ они представляются мнѣ чрезвычайно цѣнными для пониманія духовныхъ исканій и всей жизни моего брата. Здѣсь же, въ связи съ мимоходомъ брошенными замѣчаніями Андрея Бѣлаго, отмѣчу нѣсколько штриховъ изъ характеристики Павла Ивановича, данной Эллисомъ.

Вотъ какими словами Эллисъ опредѣляетъ положеніе Павла Ивановича въ кружкѣ, собиравшемся «въ небольшой, скромно-серьезной гостиной Павла Ивановича».

«Свойства Павла Ивановича сдѣлали его сосредоточіемъ нашего кружка. Всѣ шли къ нему охотно и уже не покидали его. Онъ сумѣлъ объединить самыхъ разнообразныхъ лицъ. Его роль въ нашемъ кружкѣ, подготовившемъ незамѣтно и нечаянно почву для позднѣйшаго крупнаго культурнаго начинанія, основанія издательства «Мусагетъ» и для работы «Пути», была роль крупной, духовно объединяющей, свѣтлой и стойкой личности, основа которой состояла не въ созданіи цѣнностей, могущихъ быть отдѣленными отъ самой личности, создавшей ихъ, но въ излученіи этой самой личности... Онъ былъ «единяющимъ морально и религіозно связующимъ началомъ»... «Онъ испускалъ тихій, ясный свѣтъ, озаряя другихъ»...

«Трудно разсказать о всѣхъ безчисленныхъ вопросахъ, идейныхъ разногласіяхъ, гармоническихъ аккордахъ и тревожныхъ исканіяхъ, о всей симфоніи душевныхъ движеній, прозвучавшей въ нашемъ кружкѣ. Отдѣльныя рѣчи, слова, доклады забываются, но незабвенной навсегда остается та духовная атмосфера, свободная, искренняя, безкорыстная, ищущая правды, ревнивая, иногда слишкомъ горячая, но чуждая всякой лжи внутренней и фальши внѣшней, она не исчезнетъ и пребываетъ навсегда. Эта духовная атмосфера царила въ небольшой скромно-серьезной гостиной Павла Ивановича.

«Вся сущность его личности и его пути заключалась въ тревожномъ и серьезномъ исканіи внутренняго примиренія трехъ началъ, а именно: 1) совершенно цѣльной религіозности (церковности и догматической истины), 2) общественности въ духѣ мирной и гуманной эволюціи и 3) культуры (не только внѣшне традицирующей, но творческой). Онъ искалъ прежде всего синтеза догматической правды съ дѣятельной любовью».

Эллисъ вспоминаетъ, какъ однажды Павелъ Ивановичъ, Андрей

Бѣлый и онъ шли тихой, зимней ночью по Новинскому бульвару, бесѣдуя о нашемъ «Арго». Полузадумчиво, словно въ бесѣдѣ съ самимъ собой, Павелъ Ивановичъ сказалъ: «Какъ все дѣло просто, его можно выразить двумя словами. Вѣдь нашъ идеалъ будущаго можетъ быть названъ ясно и точно. Тотъ ликъ, который намъ всѣмъ предносится, какъ живое воплощеніе синтеза, есть ликъ **культурнаго праведника,** святого будущаго!...».

Этими выдержками изъ свидѣтельскаго показанія одного изъ участниковъ кружка моего брата Павла Ивановича, пока я ограничусь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МИРОВОЙ СЪѢЗДЪ

Моя общественная служба началась довольно для меня неожиданно. Я былъ избранъ въ Московскіе Мировые Судьи на дополнительныхъ выборахъ добавочныхъ судей, осенью 1894 года. Я былъ еще слишкомъ молодъ и не имѣлъ за собой никакихъ заслугъ, чтобы разсчитывать на избраніе мировымъ судьей, да еще въ составѣ такого суда, какъ московскій. Однако, выборы прошли съ полнымъ успѣхомъ. Московская Городская Дума удостоила меня избраніемъ московскимъ судьей. Отношу это исключительно за счетъ моего отца, имя котораго, какъ московскаго доктора, было достаточно популярно въ то время.

Въ Вербную субботу въ церкви Межевого Института отецъ встрѣтилъ С. И. Печкина, предсѣдателя Московскаго Съѣзда Мировыхъ судей, освѣдомился у него о предстоящихъ выборахъ Добавочныхъ Судей и тутъ же было рѣшено, что я выставлю свою кандидатуру на эту должность. Къ тому времени я кончалъ свой кандидатскій стажъ и уже нѣсколько разъ исполнялъ обязанности городского судьи и судебнаго слѣдователя.

Службы этой я не искалъ, довольно равнодушно ожидалъ назначенія на какую-либо судебную должность въ провинціи. Когда же выяснилась возможность баллотироваться на должность мирового судьи, я вспомнилъ жизненный совѣтъ нашего учителя математики, П. А. Фалѣева, который, однажды, въ связи съ неудачно списанной задачей по тригонометріи, сказалъ мнѣ: «Господинъ Астровъ, предоставьте все своему теченію».

Вотъ и тутъ я предоставилъ все своему теченію. Никакихъ предвыборныхъ хлопотъ не продѣлалъ. Никого не просилъ. Представился предсѣдателю Съѣзда, подалъ въ Городскую Думу нужные до-

кументы и, по совѣту С. И. Печкина, отправился къ Л. В. Любенкову просить его разрѣшенія посѣщать его камеру и приглядѣться къ работѣ мирового судьи.

Любенковъ ласково меня принялъ и охотно допустилъ къ занятіямъ въ его канцеляріи. Тамъ уже занимался молодой пом. прис. повѣр. И. И. Шейманъ, который, какъ оказалось, тоже собирался баллотироваться въ добавочные Мировые Судьи.

Работа у Л. В. Любенкова оказалась исключительно интересной. А его бесѣды съ нами — откровеніемъ. Если, какъ мнѣ казалось, я зналъ Судебные Уставы, научился понимать и примѣнять матеріальное право во время занятій въ университетѣ и, особенно, въ годы кандидатства, то послѣ разговоровъ съ Львомъ Владиміровичемъ мои знанія оказались такими маленькими и ничтожными, что становилось жутко. Но это чувство оторопи, благодаря все тому-же Льву Владиміровичу не уничтожало, не парализовало, а побуждало скорѣй переучиться, скорѣй узнать то, что ускользало раньше. Любенковъ подходилъ къ Уставамъ и къ матеріальному праву не съ формальной стороны, хотя требовалъ точнаго знанія и соблюденія формы, а со стороны внутренняго смысла, самой идеи Уставовъ и права. Занятія у него требовали большой работы. А когда эта работа была произведена, рѣшенія его стали казаться такими цѣльными, простыми, логически необходимыми, такими ясными, что первоначальныя растерянность и оторопь исчезали и получалась нѣкоторая увѣренность въ себѣ (о, конечно, не самоувѣренность! Это состояніе было всегда чуждо мнѣ), проистекавшая отъ знакомства съ дѣломъ. Уроки Любенкова были драгоцѣнны. Они были многообразны и далеко не ограничивались техникой дѣла мирового судьи. Это былъ большой общественный работникъ, типичный русскій либералъ того времени. Это былъ человѣкъ высокихъ моральныхъ требованій и своеобразно умный человѣкъ. Встрѣча съ нимъ на первыхъ шагахъ общественной работы была большимъ счастьемъ. А его ласковость въ обращеніи съ людьми поражала и плѣняла. Только значительно позднѣе эта ласковость обращенія съ людьми оказывалась выработанной манерой и нѣкоторыми воспринималась, какъ нѣчто искусственное и неискреннее. Но первыя соприкосновенія съ нимъ поражали своей непринужденностью, простотой и искренностью. Во всякомъ случаѣ, эти внѣшніе пріемы обращенія съ людьми облегчали работу у него и дѣлали пріятнымъ общеніе съ нимъ.

На работѣ у Любенкова въ Пречистенской камерѣ я очень сблизился съ И. И. Шейманомъ, который оказался недюжиннымъ по своимъ способностямъ. Съ нимъ на долгое время у меня сохранились добрыя, дружескія отношенія. Съ нимъ въ одинъ день мы оказались избранными на должность добавочныхъ Мировыхъ Судей.

Московскій Съѣздъ Мировыхъ Судей за Москва-рѣкой, у Б. Каменнаго моста, занималъ въ наше время двухэтажное каменное

зданіе, расположенное въ части усадьбы Винно-Соляного двора. Фасадъ зданія выходилъ на Москва-рѣку. Передъ нимъ, немного слѣва, сіялъ своимъ золотымъ куполомъ храмъ Христа-Спасителя, нынѣ снесенный большевиками, а нѣсколько правѣе — величественный Кремль съ соборами, Иваномъ Великимъ, царскимъ дворцомъ, зубчатыми стѣнами и башнями. Изъ оконъ Съѣзда особенно была видна красавица Водовзводная-Свиболовская башня.

Помѣщеніе Съѣзда не имѣло ничего характернаго. Два обширныхъ судебныхъ зала во второмъ этажѣ; между ними широкій кулуаръ съ большимъ портретомъ государя Александра II во весь ростъ. Около портрета столъ — юридической консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ. Слѣва отъ входа по лѣстницѣ, пріемная непремѣннаго члена и его кабинетъ. Должность непремѣннаго члена занималъ, чуть-ли не съ самаго введенія мировыхъ судебныхъ установленій въ Москвѣ, старикъ П. П. Строевъ. Типичная фигура старозавѣтнаго чиновника и въ то же время хранителя формъ и традицій судебныхъ уставовъ и, въ частности, традицій Московскаго Мирового Съѣзда. Неторопливый, со скрипучимъ голосомъ, достаточно упрямый и формально требовательный, онъ исправно велъ не очень сложный механизмъ по распредѣленію судебныхъ дѣлъ по отдѣленіямъ и составамъ Съѣзда, и по назначенію въ очередь этихъ дѣлъ, выдавалъ содержаніе судьямъ, былъ хранителемъ цѣнностей.

Рядомъ съ его кабинетомъ, кабинетъ предсѣдателя съѣзда, Сергѣя Ивановича Печкина. Благообразный, совсѣмъ сѣдой, невысокаго роста, съ небольшой круглой бородкой и гладкой прической на проборъ, со свѣтлыми и ласковыми глазами, Сергѣй Ивановичъ былъ хорошій юристъ и, можетъ быть, еще лучшій бытовой судья. Онъ сначала былъ судьей Яузскаго участка, потомъ долгое время предсѣдателемъ Съѣзда. Онъ былъ прекрасный предсѣдатель Съѣзда, и судебныхъ засѣданій. Его любили и цѣнили и судьи, и населеніе Москвы. Онъ съ большимъ достоинствомъ представлялъ Съѣздъ и въ Московской Думѣ, когда давалъ объясненія въ частныхъ совѣщаніяхъ гласныхъ, и въ министерствѣ юстиціи въ случаяхъ, когда приходилось отстаивать независимость Московскаго Съѣзда.

Московскій Съѣздъ нерушимо хранилъ завѣты Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и соблюдалъ московскія традиціи. И вовнѣ Московскій Съѣздъ имѣлъ свои отличительныя черты. Такъ напр., въ отличіе отъ Петербургскаго Съѣзда, судьи въ судебныхъ засѣданіяхъ Московскаго Съѣзда были въ судейскихъ мундирахъ и, по заведенному обычаю, мундиры эти были не застегнуты на всѣ пуговицы, тогда какъ Петербургскіе судьи засѣдали во фракахъ. По сохранившейся съ дореформенныхъ временъ привычкѣ, на столахъ судебныхъ засѣданій долгое время не было заведено бюваровъ съ промокательной бумагой. Вмѣсто нихъ, около массивныхъ черниль-

ницъ стояло бронзовое блюдечко съ такой же ложечкой. Блюдечко было доверху полно тончайшимъ пескомъ, которымъ присыпали свѣжія чернила написанныхъ рѣшеній. Старые судьи неизмѣнно присыпали пескомъ свои писанія и ловкимъ движеніемъ стряхивали песокъ съ листа бумаги, иногда въ сторону, а иногда себѣ на колѣни. Къ концу судебнаго засѣданія столъ покрывался слоемъ тонкаго песку. Это была традиція. Но не только въ песочницахъ Московскій Съѣздъ соблюдалъ свои традиціи.

Мировой Судъ былъ введенъ въ Москвѣ 17-го мая 1886 года. Этотъ судъ сразу завоевалъ расположеніе и довѣріе населенія, принятъ былъ имъ и былъ признанъ. Случилось это не потому, что всѣ судьи оказались особенно выдающимися юристами или исключительными людьми. Произошло это оттого, что самъ судъ, его доступность, гуманность, его гласность, близость къ населенію были дѣйствительно на большой высотѣ и несравнимы съ недавнимъ судомъ «полнымъ неправды черной», крючкотворства и взяточничества. Новые судьи усвоили **духъ** новаго суда и сами внесли въ новый судъ свою преданность дѣлу, свой энтузіазмъ, и своей волей воплотили духъ Судебныхъ Уставовъ въ новыя формы суда. Основнымъ правиломъ Московскаго Съѣзда, традиціонно передававшимся отъ старыхъ судей къ молодымъ, было правило въ простыхъ словахъ выраженное Л. В. Любенковымъ: «помни», говорилъ онъ молодому, вступающему судьѣ, «что ты для идущихъ къ тебѣ въ камеру за правдой, а не они для тебя».

Конечно, по разному творили судъ московскіе судьи, индивидуальность каждаго сказывалась въ отправленіи правосудія. Но и за индивидуальными чертами судьи, все же всегда чувствовалось **нѣчто** незыблемое, надежное и гарантирующее, если не объективную правду, то правду житейскую. Это незыблемое было — Судебный Уставъ Императора Александра II.

Носителями добрыхъ традицій Московскаго Съѣзда, охранителями его «добрыхъ нравовъ» и достоинства суда и судьи, были уже названные Л. В. Любенковъ и С. И. Печкинъ. Изъ нихъ первый былъ наставникомъ судей и высокимъ моральнымъ авторитетомъ.

Среди московскихъ судей нашего времени были чрезвычайно яркія индивидуальности и очень интересные люди.

Вспоминаю милаго, шумно-болтливаго старика Г. Н. Кругликова, неудержимаго въ своей живости и подвижности. Населеніе его участка (Хамовническаго) любило его. Къ нему шли за совѣтомъ не только по судебнымъ дѣламъ. Самыя интимныя, семейныя дѣла несли къ нему не для судебнаго разбирательства, а для совѣта. Какъ къ священнику-духовнику, шли къ нему, чтобы онъ посовѣтовалъ, усовѣстилъ, сказалъ — можно ли выдавать дочку замужъ за токого-то. Добрый, ласковый, привѣтливый, сердечный, говорли-

вый, иногда крикунъ, онъ былъ на своемъ судейскомъ креслѣ — отцомъ роднымъ.

Когда въ его камерѣ слушалось дѣло, почему-то затрагивавшее интересы мѣстнаго населенія, его камера была переполнена народомъ. Тутъ были и заинтересованные исходомъ дѣла: какъ-то Георгій Николаевичъ разрѣшитъ сложное дѣло, которое волновало публику? Были и просто любопытные, которые знали, что судья сумѣетъ подчеркнуть бытовыя стороны спорнаго дѣла и докопаться до самаго существа бытовой правды. Когда нервъ дѣла оказывался обнаруженнымъ, все въ камерѣ приходило въ возбужденіе. Тутъ всѣ — и истецъ , и отвѣтчикъ, и свидѣтели, самъ судья, да и вся публика, начинали шумно реагировать на раскрывшееся существо дѣла. Поднимался общій гомонъ, среди котораго громче всѣхъ раздавался голосъ судьи. Вся камера участвовала въ этомъ своеобразномъ судоговореніи. Если искъ оказывался по человѣчеству несправедливъ, всѣ начинали усовѣщевать истца: — Да будетъ тебѣ! Вѣдь говоритъ тебѣ господинъ судья — брось! Ну и брось, чего дурака валяешь! — раздавался внушительный совѣтъ изъ публики.

Изъ другого угла неслась шутка и язвительныя замѣчанія по адресу истца. Дѣло было ясно. Голосъ «народа» умолкалъ тогда, когда истецъ сдавался и, махнувъ рукой, говорилъ:

— Будь по вашему, господинъ судья! А ты у меня смотри, впередъ не попадайся, — обращался онъ къ отвѣтчику.

Если же истецъ былъ непреклоненъ, то судья, по указу Его Императорскаго Величества, отказывалъ ему въ искѣ при общемъ одобреніи камеры, а лавочникъ лѣзъ въ карманъ, доставалъ двугривенный и заявлялъ:

— Копію пожалуйте. Я этимъ судомъ не доволенъ.

Кругликовъ переживалъ каждое дѣло, которое несла ему сама жизнь. Въ этой жизни онъ принималъ самое непосредственное участіе. Всякое дѣло было его собственнымъ дѣломъ. Это чувствовали и тяжущіеся. Вотъ почему Хамовническій участокъ, въ бытность Кругликова судьей этого участка, стоялъ на первомъ мѣстѣ по числу мировыхъ сдѣлокъ. Онъ былъ по истинѣ «Мировымъ» Судьей. А когда ему не удавалось убѣдить по его мнѣнію неправую сторону, онъ и самое рѣшеніе дѣлалъ, по живости своего нрава, частью житейскаго процесса и живого спора, въ которомъ принималъ непосредственное участіе. Такъ, тщетно убѣждая нѣкую Амалію Карловну заплатить разнощику за купленныя яблоки, онъ вынужденъ былъ написать рѣшеніе, присуждающее съ нея, что полагалось въ пользу истца. Объявивъ, по указу Его Императорскаго Величества свое рѣшеніе, онъ тѣмъ же голосомъ добавилъ:

— Любите, Амалія Карловна, яблочки покушать, любите и денежки платить.

Кто изъ судей умѣлъ чувствовать бытъ и понималъ этотъ свое-

образный московскій красочный бытъ, тотъ становился любимымъ и популярным судьей. И какъ были дороги и необходимы эти судьи, равные для всѣхъ, судьи, для которыхъ не существовало ни классовыхъ привилегій, ни классовой правды. Правда была одна для всѣхъ. И если эта правда не была оторвана отъ жизни, она была понятна и была принята.

Полную противоположность Кругликову, по внѣшности, по тону и пріемамъ, представлялъ собой судья Тверского участка, П. С. Гончаровъ. Это былъ баринъ въ полномъ смыслѣ этого слова. И осанка у него была барская, и голосъ зычный, властный, былъ барскій. Одинъ глазъ его немного косилъ. П. С. Гончаровъ обладалъ прирожденнымъ юморомъ. Однимъ словечкомъ умѣлъ онъ опредѣлить все существо иногда весьма запутанныхъ отношеній, однимъ словомъ, интонаціей, выраженіемъ лица умѣлъ поймать и подчеркнуть фальшивую ноту въ отношеніяхъ судящихся. Иногда это словечко было настолько мѣтко и создавало такое неожиданное комическое положеніе, что вся камера разражалась неудержимымъ смѣхомъ. Сраженный «словечкомъ» невозмутимо спокойнаго и величественнаго судьи, обвинитель путался, сбивался и проваливался. Дѣло оказывалось рѣшеннымъ однимъ мѣткимъ словечкомъ судьи. Только одинъ глазъ П. С. немного косилъ и легонько шевелился тонкій усъ, выражая участіе судьи въ общемъ настроеніи радости по поводу добытой жизненной правды. Замѣчательно, что люди не обижались на П. С. за его иронію, вѣроятно подчиняясь художественной силѣ его тонкаго, истиннаго юмора.

Когда молодой кандидатъ на судебныя должности собирался баллотироваться на должность Мирового судьи, или студентъ юристъ приходилъ узнать, гдѣ онъ могъ бы поучиться процессу въ судѣ первой инстанціи, — мы давали такой совѣтъ: У Печкина поучитесь образцовому веденію судебнаго процесса, у Любенкова — судебной этикѣ, у Гончарова — жизненной правдѣ.

Московскій Съѣздъ моего времени (конецъ 80-хъ и начало 90-хъ годовъ) представлялъ собою дружную семью людей, любящихъ свое дѣло, вѣрующихъ въ высокіе идеалы Судебныхъ Уставовъ. Московскій Съѣздъ умѣлъ перерабатывать и отшлифовывать входящихъ въ него новыхъ людей. Они, или уходили изъ Съѣзда, или усваивали его традиціи и становились настоящми московскими судьями, отличительной чертой которыхъ были: независимость, самостоятельность, преданность идеямъ Судебныхъ Уставовъ и чуткость въ жизненной правдѣ. Если и были диссонансы въ общей гармоніи Московскаго Съѣзда, то они все-же были исключеніемъ и не портили общаго высокаго тона работы московскихъ судей.

Былъ старый чудакъ Н. Н. Каринскій — лѣнивый, уже уставшій отъ работы. Про него разсказывали, какъ онъ подлавливалъ своихъ кліентовъ, ведя съ ними хитрую борьбу. Его камера была

на Новинскомъ бульварѣ. Нерѣдко по бульвару провозили хоронить на Ваганьковомъ кладбищѣ военныхъ въ высокихъ чинахъ. Похоронная процессія сопровождалась военной музыкой. При звукахъ похороннаго марша вся публика высыпала на улицу. Камера пустѣла. Этимъ пользовался старикъ судья. Поспѣшно вызывалъ стороны по гражданскимъ дѣламъ и по частнымъ обвиненіямъ и, за неявкой сторонъ, исключалъ дѣла изъ очереди или прекращалъ ихъ. Покойника съ музыкой провозили на кладбище. Публика возвращалась въ камеру, гдѣ разсыльный объявлялъ, что всѣ дѣла прекращены, а судья уѣхалъ домой.

Жестокій, злой и раздражительный былъ П. Н. Панинъ. Его приговоры были всегда чрезмѣрно строги, а пріемы разбирательства совсѣмъ не походили на общіе пріемы московскихъ судей. Однажды, онъ приговорилъ къ длительному аресту мужиченка, пріѣхавшаго изъ деревни на базаръ — за оскорбленіе коннаго полицейскаго, находившагося при исполненіи своихъ обязанностей. Оскорбленіе оказалось въ томъ, что сани раскатились на поворотѣ и задѣли грядкой за ногу лошади, на которой сидѣлъ полицейскій.

Московскій Съѣздъ былъ школой для начинающихъ общественныхъ дѣятелей. Черезъ эту школу прошли многіе видные члены Московской Городской Думы. Среди нихъ Н. Н. Щепкинъ, братья Гучковы. Почти всѣ наиболѣе видные дѣятели Москвы были почетными судьями. Тутъ были кн. А. А. Щербатовъ, Д. Ф. Самаринъ, кн. В. М. Голицынъ. Былъ и столѣтній старецъ Грудневъ, бывшій на Дворцовой площади въ день декабрьскаго возстанія.

Связь Съѣзда съ Московской Думой была органическая и крѣпкая. Московскій Съѣздъ былъ гордостью Московскаго Городского Общественнаго Управленія. Московская Дума, избирая свой Съѣздъ, своихъ судей, берегла ихъ. Поэтому мы не чувствовали противорѣчія между принципомъ несмѣняемости судей и выборнымъ началомъ. Московская Дума, какъ правило, переизбирала своихъ судей, и никогда не покушалась на ихъ самостоятельность. Однако, это право переизбирать судей давало возможность отмѣчать общественную оцѣнку дѣйствій судей. Такъ, упомянутый Панинъ всегда проходилъ очень плохо. Однажды, одинъ старый судья былъ забаллотированъ въ участковые судьи и избранъ добавочнымъ, за проявленную имъ безтактность во внѣ судебныхъ отношеніяхъ.

Судьи жили дружной семьей. Сближала ихъ общая работа, общее преклоненіе передъ Судебными Уставами. Сближали и дисциплинировали общія собранія судей и авторитеты отдѣльныхъ лицъ. Не послѣднюю роль въ дѣлѣ сближенія играли и общіе обѣды въ юбилейные дни и ежегодный обѣдъ 17-го мая, въ день открытія Мировыхъ Судебныхъ Установленій въ Москвѣ. Эти обѣды были шумны, веселы и часто интересны. Они оправдывали въ полной мѣрѣ мнѣніе одного иностранца, который изумлялся обычаю русскихъ

съѣдать два обѣда подрядъ, одинъ стоя, другой сидя. Обѣдали обычно въ Эрмитажѣ, на Трубной площади. Обильная закуска у стола, заставленнаго всевозможными явствами. Чего, чего тутъ не было: рыбы, балыки, окорока, закуски холодныя и горячія, всевозможныя водки. Дѣйствительно, это былъ цѣлый обѣдъ, вкусный, разнообразный и неограниченный въ предѣлахъ потребленія. Случилось однажды такъ, что одинъ изъ моихъ друзей, невмѣру налегшій на закуски и предварительную выпивку стоя, весь настоящій обѣдъ долженъ былъ пропустить, просидѣвъ въ уборной, прикладывая къ вискамъ мокрое полотенце и нюхая нашатырь.

Но такія несчастья случались рѣдко. Послѣ закуски переходили въ бѣлый колонный залъ Эрмитажа, разсаживались за громадный столъ, установленный покоемъ и тогда начинался настоящій обѣдъ. Недолго обѣдъ проходилъ въ тишинѣ. Гулъ и шумъ голосовъ становился все громче, какъ только былъ съѣденъ супъ съ пирожками. Гулъ усиливался, ибо всѣ говорили, усѣвшись со своими пріятелями. Но вотъ подаютъ шампанское. Стукъ ножа о стаканъ. Водворяется тишина. Изъ центра стола поднимается пресѣдатель Съѣзда, С. И. Печкинъ. Послѣ оффиціальнаго тоста, онъ произноситъ рѣчь о Судебныхъ Уставахъ. Сергѣй Ивановичъ говоритъ хорошо, спокойно, высоко поднимая брови въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ. Онъ высоко цѣнитъ Судебные Уставы, преклоняется передъ его создателями, вспоминаетъ работу московскихъ судей въ первые годы введенія Мирового Съѣзда въ Москвѣ. Рѣчь Сергѣя Ивановича слушаютъ съ глубокимъ вниманіемъ, съ полнымъ сочувствіемъ. Судьи любятъ своего предсѣдателя, а рѣчь его въ полномъ созвучіи съ ихъ настроеніями. Ему долго и много апплодируютъ. По обычаю, всѣ идутъ съ нимъ чокаться и цѣловаться. Сергѣй Ивановичъ доволенъ. Онъ красивъ и благообразенъ. Глаза его молодые и веселые, а серебрянная сѣдина такъ идетъ къ его хорошему лицу. Послѣ рѣчи предсѣдателя становится еще шумнѣе. Обѣдъ вступаетъ въ новую стадію.

Мы, молодые судьи, сохранившіе еще должную свѣжесть, просимъ Л. В. Любенкова сказать слово. Онъ высокій, нѣсколько сгорбленный, сѣдой, съ длинной бородой и характернымъ продолговатымъ лицомъ русскаго стараго, умнаго мужика, съ маленькими, свѣтлыми глазками и съ прической по мужицки, немного въ кружокъ и скобку — сегодня серьезенъ и мало разговорчивъ. Онъ отнѣкивается, не хочетъ говорить, показываетъ рукой на шумную компанію, сидящую за столомъ, какъ бы желая сказать, что ужъ поздно говорить, ибо настроеніе поднялось на высокіе градусы. Однако, его уговорили. Стучатъ о тонкое стекло. Водворяется тишина. Всѣ поворачиваются въ сторону Любенкова, который уже поднялся. Онъ преобразился. Лицо серьезно, выраженіе почти сурово. Онъ такъ непохожъ на старика съ ласковыми глазами и ласковыми словами.

Любенковъ опытный ораторъ. Тульское земское собранiн хорошо знаетъ силу его рѣчи и блескъ ораторскаго искусства. Сегодня и голосъ у него звучитъ по иному, чѣмъ обычно. Звучатъ суровыя нотки. Любенковъ старый либералъ русскаго типа. Его рѣчь построена ловко. Слова обычныя, а сказаны такъ, такимъ тономъ и съ такимъ выраженiемъ, что значенiе ихъ становится новымъ, необычнымъ. Тема его рѣчи — покушенiе на Судебные Уставы, угроза мировому суду, опасное торжество реакцiи. Въ его словахъ и тонѣ слышатся гнѣвъ и суровое осужденiе. Залъ затихъ, ни звука. Всѣ слушаютъ въ сосредоточенномъ молчанiи.

— Общественныя учрежденiя должны отстоять свои права и право имѣть свой судъ, — заканчиваетъ Любенковъ свою суровую и сильную рѣчь.

Ему долго и много апплодируютъ. Съ нимъ чокаются. Онъ уже прежнiй, ласковый и улыбающiйся.

Далѣе слѣдуютъ вольныя рѣчи. Говорятъ старые судьи, говорятъ гласные Думы. Мы, молодые судьи, пробуемъ силы, выступая съ рѣчами на общественныя темы. Наконецъ рѣчи изсякли. Пора переходитъ къ третьей части вечера.

Появляются ломберные столы и любители усаживаются за карты. Остальные образуютъ кружки и начинаются разговоры на самыя разнообразныя темы, подбодряемыя коньякомъ и ликерами.

Къ концу вечера Гончаровъ становится опаснымъ для тѣхъ, кто попадается ему на языкъ. Онъ по прежнему величественъ и осанистъ. Но галстукъ съѣхалъ на сторону, запонка выскочила изъ намокшей рубашки. Громовымъ голосомъ онъ поноситъ аршинниковъ и толстосумовъ, тыкая пальцемъ въ купеческихъ сыновъ, играющихъ видную роль въ Городской Думѣ. Звонкимъ смѣхомъ заливается Н. Н. Щепкинъ, разсказывая разныя происшествiя изъ практики общественной работы. А Костя Дерюжинскiй уже начинаетъ пѣть арiи изъ итальянскихъ оперъ. Это настоящiй пѣвецъ, удачно дебютировавшiй на сценѣ Московскаго Большого Театра, не ставшiй пѣвцомъ изъ-за тяжелой болѣзни. Ему аккомпанируетъ Ф. Д. Селивачевъ, худой, суровый, съ длинными черными усами.

На звуки арiй итальянскихъ оперъ выходитъ изъ-за карточнаго стола С. И. Печкинъ и дождавшись окончанiя пѣнiя Дерюжинскаго, поправивъ пенснэ, заложивъ руки въ карманы, начинаетъ — «La donna e mobile...».

У него больше увлеченiя, чѣмъ умѣнiя, больше крика, чѣмъ голоса, и полное отсутствiе слуха. Но всѣ довольны его исполненiемъ. А больше всѣхъ онъ самъ. Сговариваются ѣхать за городъ. Инициаторъ этихъ поѣздокъ все тотъ же Гончаровъ, Вендрихъ и Приклонскiй.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ 17-го мая произошла страшная московская Ходынка. Слухъ о томъ, что произошло на Ходынскомъ

полѣ, зрѣлище того, что мы увидали на улицахъ Москвы, разогнали и хмѣль и веселость.

Старая реакція стремилась уничтожить Мировой Судъ. Ей не удалось этого сдѣлать во всей полнотѣ ея замысла. Зато большевики выполнили эту работу съ полнымъ успѣхомъ. Судъ по Судебнымъ Уставамъ они уничтожили и создали пародію на судъ, создавъ органы классовой расправы.

Кажется, никто изъ судей не пошелъ на службу къ большевикамъ по ихъ «судебному вѣдомству». Горькую участь всей русской интеллигенціи раздѣлили и они. Многіе изъ нихъ погибли жертвами классовой расправы. Кн. А. С. Кропоткинъ умеръ отъ разрыва сердца въ тюрьмѣ, когда его вызвали «съ вещами по городу». Говорятъ, его вызвали, чтобы выпустить изъ тюрьмы. На югѣ, послѣ эвакуаціи Врангеля, были звѣрски убиты Мировые судьи Озеровъ и Андреевъ. По слухамъ, А. Н. Волковъ оказался епископомъ живоцерковцевъ въ Москвѣ. О судьбѣ моего брата Владиміра Ивановича — ниже.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СМЕРТЬ ОТЦА

За эти годы въ нашей семьѣ произошли большія перемѣны. Семья выросла и въ этомъ процессѣ роста стала выдѣлять изъ себя самостоятельныя новыя семьи. Эта «отсадка» молодой поросли производилась бережно и съ сохраненіемъ возможно болѣе тѣсныхъ отношеній съ корнями семьи. Это было такъ естественно и просто, такъ какъ не было никакихъ центробѣжныхъ стремленій у отдѣльныхъ членовъ нашей семьи.

Первымъ обзавелся семьей нашъ младшій братъ Владиміръ Ивановичъ. Къ тому времени онъ уже окончилъ юридическій факультетъ, отбылъ воинскую повинность въ первой батареѣ артиллерійской бригады, расположенной въ Покровскихъ казармахъ, и женился на красивой дѣвушкѣ, бывшей съ нами въ дальнемъ свойствѣ черезъ нашу маму Юлію Михайловну. Еще будучи вольноопредѣляющимся, въ семьѣ своего будущаго тестя, полковника Волкова, онъ ударилъ подвыпившаго офицера, который позволилъ себѣ какую-то выходку, показавшуюся брату Володѣ задѣвшей достоинство его невѣсты. Дѣло затушили. Оно не имѣло послѣдствій. Пьяненькій офицеръ больше не появлялся въ семьѣ Волковыхъ. Вскорѣ отпраздновали свадьбу и Екатерина Васильевна или милая Катюша, какъ мы стали ее называть, вошла въ нашу семью. Молодую чету устроили въ мезонинѣ въ нашемъ домѣ, куда вела скрипучая лѣстница съ забѣжными, покатыми ступеньками. Кухонька въ новомъ жильѣ оказалась такой крохотной, что приходилось нагибаться, чтобы пройти въ нее. Въ этой болѣе чѣмъ скромной и далеко не барской обстановкѣ сложилась новая семья.

Володя поступилъ въ Канцелярію Московской Городской Думы и сталъ однимъ изъ помощниковъ городского секретаря, которымъ былъ въ то время извѣстный въ Москвѣ Н. И. Бабаевъ.

Вскорѣ женился братъ Саша на дочери извѣстнаго математика, профессора и директора Московскаго Техническаго Училища, Алексѣя Васильевича Лѣтникова, Вѣрѣ Алексѣевнѣ.

Семья Лѣтниковыхъ — большая и многочисленная, была своеобразной семьей. Нѣкоторые ея члены унаслѣдовали несомнѣнную талантливость покойнаго отца, А. В. Лѣтникова. Выдающейся по даровитости, образованію и культурности была старшая дочь, Екатерина Алексѣевна. Яркими дарованіями отличался единственный сынъ въ семьѣ, Владиміръ. Онъ съ раннихъ лѣтъ поражалъ своими математическими способностями. Умственный трудъ былъ для него легокъ, память — изумительна. Но, кажется, надо всѣмъ преобладали его музыкальныя способности. Въ дѣтскихъ годахъ онъ уже достигъ большого мастерства въ игрѣ на роялѣ. Зналъ музыку теоретически и самъ композиторствовалъ. Еще въ годы гимназіи обнаружилась его страстная натура. Уже тогда, подросткомъ, онъ создавалъ свой собственный міръ исканій и ощущеній. Но надъ всѣми его дарованіями тяготѣли непреодолѣваемыя имъ меланхолія и угрюмость. Что-то неодолимо тяжелое было въ немъ, угнетающее и давящее. Непокидающая его угрюмость такъ не шла къ его внѣшности, къ его яркому румянцу на щекахъ, къ его голубымъ глазамъ, къ его волнистымъ, поразительнымъ по красотѣ, золотистымъ волосамъ. Въ немъ было какое-то неизживаемое внутреннее противорѣчіе, которое такъ подчеркивалось его внѣшностью. Шутя его называли, особенно въ дѣтствѣ «херувимомъ», а въ глубинныхъ переживаніяхъ онъ былъ «демониченъ», какъ также говорили о немъ, отчаявшись вывести его изъ состоянія злобнаго возбужденія или мрачнаго угнетенія. Онъ искалъ спасенія самого себя въ музыкѣ, въ работѣ, отдаваясь женщинамъ, которыхъ привлекалъ этотъ голубоглазый мальчикъ съ суровой мрачностью. Онѣ хотѣли спасти его отъ мрака, соблазняя великой радостью жизни. Онъ отдавался имъ, но становился все мрачнѣй и все глубже уходилъ въ неодолимую безнадежность. Его пытались лѣчить. Онъ съ презрѣніемъ отвергалъ совѣты и издѣвался надъ предлагавшимся ему режимомъ и надъ тѣми, кто его предлагалъ. Онъ пристрастился къ алкоголю. Сталъ злоупотреблять эфиромъ. Все чаще слышали мы отъ него логически построенную теорію самоубійства. Часами просиживалъ онъ за роялемъ. И жутки были его импровизаціи. Казалось, духъ безграничнаго отчаянія владѣлъ имъ. Борьба шла въ немъ великая, борьба за уничтоженіе чего-то, что стенало, молило о пощадѣ, издавало вопли отчаянія и погибало въ безобразныхъ судорогахъ. И надо всѣмъ торжествовала жгучая ненависть. Громомъ разрушенія и проклятіями заканчивалась безумная импровизація Володи Лѣтникова.

— Володя, да что съ тобой? Это тебя куда уноситъ! — говорилъ ему братъ Саша.

— Какой ты талантливый, Володя, — говорилъ ему я. — У тебя это записано?

— Займись же по настоящему музыкой, брось свою дурь. Возьми себя въ руки. Ты губишь себя и свои таланты, — говорили ему разомъ мы, потрясенные его импровизацiей. А онъ сидѣлъ, опустивъ свою курчавую голову, оставаясь еще во власти жестокаго очарованiя. Устремивъ свой неподвижный взоръ куда-то внизъ и жадно затягиваясь двумя папиросками сразу, онъ вяло и нехотя бросалъ:

— Я сжегъ это все! Все это ни къ чему!

Злоупотребленiе эфиромъ давало свои тягостныя и роковыя послѣдствiя. Временами онъ былъ какъ безумный и все чаще сталъ говорить о самоубiйствѣ. Братъ Володя и Саша нерѣдко проводили съ нимъ цѣлыя ночи, опасаясь, что онъ приведетъ въ исполненiе свое намѣренiе.

И вотъ въ его настроенiи наступила перемѣна. Онъ бросилъ пить. Подтянулся. Онъ какъ-то внезапно, со всей своей мрачной и тяжелой страстностью, увлекся Юлiей Ц. Это была молодая дѣвушка немного старше его. Ее нельзя было назвать красавицей. Но она была неотразима всей фигурой, лицомъ и особенно выраженiемъ большихъ темныхъ глазъ. Хорошаго роста, съ мужественной походкой и движенiями, темная брюнетка съ темно-матовымъ, чуть желтоватымъ цвѣтомъ выразительнаго и умнаго лица, съ большимъ, открытымъ мужскимъ лбомъ, гладко причесанными волосами, Юлiя Васильевна Ц. выдѣлялась изъ всѣхъ своихъ сверстницъ. Что-то сильное, властное, непреклонное было во всей фигурѣ, въ выраженiи холодныхъ глазъ, въ волевой складкѣ губъ. Ее нельзя было не замѣтить. Ея появленiе среди людей сразу чувствовалось по той сдержанности, которая невольно сообщалась самымъ разудалымъ и беззастѣнчивымъ молодымъ людямъ. Она скорѣе стѣсняла своимъ присутствiемъ, чѣмъ оживляла. А реплики ея, вопросы, были всегда заострены, часто язвительны, иногда высокомѣрны. Но ею нельзя было не любоваться. А когда чье-либо удачное слово или интересный разсказъ привлекали ея вниманiе, она преображалась. Слегка наклонившись впередъ, она внимательно слушала разсказъ, не сводя глазъ съ разсказчика. По мѣрѣ возрастанiя интереса къ разсказу, лицо ея оживлялось, исчезала холодная надменнность, глаза прiобрѣтали изумительную глубину и особый блескъ, губы прiоткрывались, лицо озарялось улыбкой, которая красила все лицо.

— Экая красавица эта Юлiя Ц., — говорили тѣ, кто былъ постарше. — А вѣдь къ ней не подойдешь, какъ къ другимъ, такимъ холодомъ обдастъ, захолодитъ!

И дѣйствительно, кончился разсказъ и съ нимъ потухало и просвѣтленное выраженiе лица. Глаза становились холодные, над-

менные; снова появлялась властная складка около губъ. И опять Юлія Ц. стновилась неприступной, отчужденной, холодной, непріятной. Семья Ц. какъ то грубо и властно вторглась въ семью Лѣтниковыхъ. Вторглась, поработила и наложила свою тяжелую руку на болѣе податливую семью Лѣтниковыхъ. Старикъ Ц., вдовецъ, съ большимъ количествомъ взрослыхъ дѣтей, выдающійся ученый профессоръ — женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Лѣтниковой, дочери его сверстника и сотоварища по профессурѣ. Старшій сынъ Ц. женился на другой дочери Лѣтникова. Отецъ и сынъ оказались женатыми на двухъ сестрахъ. Это вторженіе семьи Ц. въ Лѣтниковскую семью производило тягостное впечатлѣніе.

Настала очередь новаго осложненія между двумя родами, изъ которыхъ одинъ оказался властнымъ и покоряющимъ, а другой мягкимъ, уступчивымъ и порабощеннымъ.

Володя Лѣтниковъ со всею неукротимостью повлекся къ Юліи Ц. Повидимому, и его захватила тяжелая страсть. Что-то жуткое чувствовалось въ соприкосновеніи этихъ двухъ одаренныхъ, страстныхъ и тяжкихъ людей. Володя кореннымъ образомъ измѣнилъ свои привычки. Но настроеніе его не становилось легче.

Внезапно Юлія Ц. уѣхала въ Петербургъ и тамъ поступила на Высшіе Женскіе Курсы. Володя остался въ Москвѣ. Наступило зловѣщее молчаніе. Все притаилось. Володя умолкъ и не выходилъ изъ своего кабинета. Мать Володи, добрая, привлекательнаго вида, когда-то на рѣдкость красивая, теперь очень пожилая женщина, на цыпочкахъ подходитъ къ дверямъ кабинета сына и въ щелочку подглядываетъ, что дѣлаетъ ея Володя. Она была въ вѣчной тревогѣ. Воспользовавшись однажды его отсутствіемъ, она унесла изъ его кабинета револьверъ, унесла разные подозрительные склянки и пузырьки. Володя дѣлаетъ видъ, что не замѣтилъ похищеній, но озабоченъ, и въ свою очередь, потихоньку отъ матери, шаритъ въ ея комнатахъ, въ бѣльѣ и... находитъ унесенный у него револьверъ.

Томительно тянутся дни, недѣли. Мои братья, Саша и Володя, стараются угадать настроеніе и намѣренія Володи, не оставляютъ его. Онъ молчитъ и кажется даже спокойнымъ.

Внезапно приходитъ извѣстіе изъ Петербурга, что Юлія Ц. пропала. А черезъ день газеты сообщили, что на взморьѣ обнаруженъ трупъ молодой дѣвушки, оказавшейся Юліей Ц.

Въ тотъ же день Володя застрѣлился.

Окончивъ Техническое Училище, братъ Саша вскорѣ поступилъ на машиностроительный заводъ въ Рязани. Нѣсколько лѣтъ онъ пробылъ на заводахъ въ Рязани и въ Мытищахъ, а впослѣдствіи сталъ профессоромъ того-же Московскаго Техническаго Училища.

Братъ Павелъ Ивановичъ — уже судебный слѣдователь въ городѣ Подольскѣ, Московской губ. Онъ женатъ на Александрѣ Михайловнѣ Цвѣтковой, дочери извѣстной въ Москвѣ дѣятельницы по народному образованію, Елизаветы Ивановны Цвѣтковой. Его судебная работа проходитъ среди большой культурной работы, среди исканій правды на землѣ и согласованія правды Божьей съ правдой человѣческой.

Отпочковавшіяся семьи продолжали крѣпко и дружно держаться связанными другъ съ другомъ, не отрываясь отъ основного корня въ розовомъ домикѣ въ Б. Казенномъ переулкѣ.

Семья вся собиралась каждое 1-ое октября въ домѣ отца. Это день переѣзда изъ Межевого Института въ свой домикъ, въ Б. Казенномъ переулкѣ. Въ этотъ день, или въ одинъ изъ ближайшихъ дней, у насъ на дому служили молебенъ съ водосвятіемъ и съ акафистомъ Покрову Божіей Матери. Отовсюду съѣзжались молодыя семьи съ внуками и внучками къ дѣдушкѣ на молебенъ.

Молебенъ проходилъ благолѣпно и трогательно. Прекрасныя слова акафиста, обращенія къ Всѣпѣтой Матери: «Призри на смиреніе души моея, покрый мя всемощнымъ омофоромъ Твоимъ, да избавлюся отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, и въ часъ кончины моея, о Всеблагая, предстани мнѣ...» — произносятся священникомъ, старичкомъ Далицинымъ, съ особымъ чувствомъ и проникновенностью.

Отецъ стоитъ на колѣняхъ. Молитва захватываетъ его. Его лицо просвѣтлено, но во всей его фигурѣ чувствуется утомленіе, а въ глазахъ печаль и покорность.

Внучата, а ихъ уже много, стоятъ поодаль, у зеркала, передъ бабушкой, которую они всѣ зовутъ «баба Юля». Всѣ братья тутъ и ихъ жены. Вся семья всборѣ. Бросается въ глаза что отецъ какъ-то очень постарѣлъ и сдалъ. Съ нѣкоторымъ трудомъ поднимается съ колѣнъ.

Послѣ молебна пьемъ чай. Столъ раздвинутъ на всѣ вставныя доски. Вся семья едва помѣщается за этимъ столомъ. Марья Ивановна, тоже постарѣвшая, она въ нашей семьѣ съ очень давнихъ поръ, неизмѣнно разливаетъ чай. Сколько чая было выпито при ея непосредственномъ участіи! Вѣдь она занимается этимъ дѣломъ съ самаго начала нашихъ гимназическихъ лѣтъ. Отецъ растроганъ. У него слезы на глазахъ. Онъ шутитъ съ внуками. Онъ говоритъ намъ, что лѣтомъ собирается съѣздить въ родныя мѣста, въ Тамбовскую губернію.

— Хочу съѣздить проститься съ родными мѣстами, — говоритъ онъ съ печальной улыбкой.

Мы всѣ привѣтствуемъ это рѣшеніе и протестуемъ противъ цѣли поѣздки. Не проститься, а повидать родныя мѣста и людей, отдохнуть, набраться силъ и т. д. Однако, мы чувствуемъ, что отецъ правильно опредѣлилъ смыслъ своей поѣздки.

Послѣднее время онъ сталъ прихварывать, скорѣе уставать. Часто возвращается отъ «больныхъ» самъ изнеможенный и очень печальный. Онъ по прежнему дѣятеленъ. Неизмѣнный участникъ живой работы Яузскаго попечительства о бѣдныхъ. По прежнему у него больные и онъ у нихъ. Такъ съ утра и до вечера. По прежнему «Русскія Вѣдомости» и газета «Врачъ» составляютъ его постоянное чтеніе. Но силы его замѣтно слабѣютъ и падаютъ.

Рѣшивъ ѣхать въ Тамбовскую губ., онъ оживился и сталъ дѣятельно готовиться къ этой поѣздкѣ. Списались съ родными, установили маршрутъ, отовсюду получили радостныя письма непремѣнно побывать, не забыть, заѣхать и т. д. Почти во всѣхъ уѣздахъ Тамбовской губ. оказались родные, родственники, друзья и лица, которыя «по гробъ жизни» обѣщали не забыть то доброе, что сдѣлалъ для нихъ Иванъ Николаевичъ.

И вотъ лѣтомъ поѣздка состоялась. Вдвоемъ съ Юліей Михайловной отецъ совершилъ задуманное имъ путешествіе. Тамбовской губ., село Пичины встрѣчало его радостно и радушно, съ выраженіемъ признательности за все, что онъ сдѣлалъ, и признанія дѣла его жизни. А это дѣло — было помощью людямъ въ ихъ бѣдѣ, въ ихъ горѣ и страданіяхъ. Эта поѣздка оказалась, дѣйствительно, завершеніемъ круга, завершеніемъ его жизненнаго пути.

Растроганный, душевно удовлетворенный, онъ вернулся въ Москву. Вскорѣ онъ занемогъ своимъ обычнымъ недомоганіемъ около Рождества. На этотъ разъ такъ онъ и не поправился. Онъ болѣлъ около года. Какъ докторъ, онъ сознавалъ свое положеніе. Исполнялъ все, что требовали отъ него товарищи и друзья-врачи, а самъ готовился въ новый путь, съ котораго уже не возвращаются.

Около него неотлучно была вѣрная его спутница, наша вторая мать, Юлія Михайловна. Лѣто они провели въ Сокольникахъ, на дачѣ. Въ тотъ годъ осень была на диво красочная и золотая. Въ подмосковныхъ Сокольникахъ, несмотря на ихъ заселенность, есть уголки совершенно очаровательные, а широкія просѣки мѣстами проходятъ подъ сводомъ золото-желтыхъ и красныхъ кленовъ, пронизанныхъ солнечными лучами. Прогулки отца по любимымъ его дорожкамъ становились все рѣже. Наконецъ, онѣ вовсе прекратились. Врачи избѣгали называть его болѣзнь, но не подавали никакихъ надеждъ. Повидимому, это была саркома легкихъ.

Отецъ безропотно принялъ сложившееся положеніе. Онъ самъ врачъ. Иногда, въ отсутствіе врачей, просилъ Юлію Михайловну дать ему аппаратъ съ гуттаперчевыми трубочками для выслушиванія сердца и легкихъ. Вставивъ концы трубочекъ себѣ въ уши и приложивъ чашечку, съ которой были соединены трубочки, къ своей груди, онъ долго съ напряженнымъ вниманіемъ, выслушивалъ себя. Его спокойно-покорное выраженіе лица не мѣнялось, только становилось сосредоточеннѣе и печальнѣе. Тяжело вздохнувъ, онъ

отдавалъ приборъ Юліи Михайловнѣ, закрывалъ глаза и оставалася такъ, молчаливый и сосредоточенный. Слеза скатывалсь изъ-подъ его закрытыхъ вѣкъ.

Онъ подзывалъ Юлію Михайловну, бралъ ее за руку, долго и нѣжно гладилъ эту руку и, вздохнувъ, говорилъ:

— На все воля Божія! Юля, скоро конецъ. Переѣдемъ въ Москву, домой. Тамъ хочу умереть.

Онъ утѣшалъ маму, которая едва сдерживала слезы. Усаживалъ ее поближе къ себѣ и говорилъ ей, какъ ей нужно устроить свою жизнь, когда его не будетъ.

— Дѣти всѣ на ногахъ, они тебя любятъ. Ты ихъ вынянчила. Они тебѣ будутъ опорой.

Въ Москвѣ состояніе отца стало ухудшаться. Онъ съ печальной улыбкой встрѣчалъ своихъ коллегъ врачей. Благодарилъ ихъ за заботу и говорилъ, что нужно готовиться къ концу.

Впрочемъ, кажется, я уже готовъ, — говорилъ онъ Варнавѣ Евфимовичу Игнатьеву, врачу Константиновскаго Межевого Института, который забѣгалъ къ нему «утрушкомъ», какъ онъ говорилъ, и просиживалъ до вечера.

Отецъ охотнѣе велъ бесѣды и слушалъ тихіе разговоры священника Андрея Григорьевича Полотебнова. Эти разговоры и напутствія «въ путь ходящимъ», были ближе его душѣ вѣрующаго христіанина. Однажды, когда отцу было особенно томительно кто-то изъ близкихъ ему людей предложилъ призвать Іоанна Кронштадскаго, чтобы онъ «помолился».

Іоаннъ Кронштадскій вскорѣ пріѣхалъ къ намъ. Мнѣ не нравились приготовленія къ его пріему. Я не сочувствовалъ, раздѣляя общее недоброжелательное отношеніе интеллигенціи къ этому, сдѣлавшемуся популярнымъ, батюшкѣ. Дорогой портвейнъ опредѣленной марки, которую только и пьетъ батюшка, цвѣты, особыя груши, которыя батюшка любитъ, ритуалъ пріема его — все это было сообщено спеціалистами и антрепренерами отца Іоанна. Все это меня настраивало враждебно.

Отецъ, въ подушкахъ, сидѣлъ на диванѣ, лежать ему было тяжко, казался безучастнымъ, не замѣчая невольной суетни и приготовленій.

Вотъ съ улицы дали знать — «ѣдетъ!».

Засуетились. Всѣ вышли къ воротамъ встрѣчать отца Іоанна. Я остался одинъ съ отцомъ. Онъ подозвалъ меня. Взялъ за руку и произнесъ чуть слышно: — «Я знаю, что умираю. Я готовъ. Но тяжко мнѣ».

Я припалъ къ его рукѣ.

А изъ залы раздался рѣзкій, громкій и какъ бы повелѣвающій голосъ:

— А гдѣ больной?

Съ этими словами, произнесенными рѣзкимъ тономъ, такъ не соотвѣтствующимъ тишинѣ, окружавшей умирающаго, отецъ Іоаннъ быстро вошелъ въ кабинетъ отца.

Рѣзкій тонъ, шелковая муаровая ряса, кресты и яркія ленты на груди — все это опять мнѣ не понравилось.

— Что, нездоровъ, боленъ? Ну, ничего, поправишься. Богъ милостивъ. Ну, помолимся. А какъ твое имя?

И это было сказано рѣзко, грубо, даже съ ноткой какъ-бы нѣкотораго недоброжелательства. Мнѣ обидными показались и тонъ и манера этого священника.

Начался краткій молебенъ. Отецъ Іоаннъ служилъ скороговоркой. Но вотъ онъ опускается на колѣни, распростирается и начинаетъ громко молиться.

Что это была за молитва! Что произошло съ отцомъ Іоанномъ и со всѣми нами, сказать я не сумѣю и сейчасъ, когда съ того времени прошло болѣе 35 лѣтъ, а я помню все, какъ будто это было вчера. Молитва его была поистинѣ вдохновенна. Это былъ призывъ къ Богу, сліяніе съ нимъ, просьба о милосердіи и помощи, и пламенная вѣра, что душѣ, готовящейся и уже идущей, тамъ уготовано мѣсто упокоенія, тамъ, куда устремляются всѣ души, свершившія свой жизненный путь.

Я глянулъ на отца. Онъ былъ весь просвѣтленъ, онъ какъ то выпрямился весь. Глаза его широко открылись. Казалось, онъ видитъ и путь, и шествіе, и мѣсто упокоенія. Молитва чудная, неслыханная по тону и по проникновенію, кончилась.

Отецъ Іоаннъ всталъ съ колѣнъ. Благословилъ отца широкимъ крестнымъ знаменіемъ и поспѣшно уѣхалъ.

Отецъ долго оставался подъ обаяніемъ этой чудесной молитвы и долго сохранялъ просвѣтленное настроеніе духа.

Однако, разрушеніе организма продолжалось. Иногда по утрамъ, зайдя къ нему проститься передъ отъѣздомъ въ Съѣздъ или камеру Прѣсненскаго участка, которую я получилъ въ завѣдываніе послѣ смерти А. А. Арнольди, я находилъ отца лежащимъ на полу. Томясь ночью и не находя себѣ мѣста, онъ просилъ маму постлать ему тюфячекъ на полъ и въ изнеможеніи оставался на немъ.

Ему становилось все хуже и хуже. Ясно было, что дни его сочтены. Я просилъ освободить меня отъ разбора въ камерѣ и замѣнить меня добавочнымъ судьей. Но судьи всѣ были заняты. 6-го октября 1896 года въ большой тревогѣ поѣхалъ я въ свою камеру, оставивъ отца въ великомъ томленіи. Во время разбора дѣлъ ко мнѣ подошелъ мой разсыльный Василій и шепотомъ сказалъ:

— По телефону изъ участка приказано Вамъ передать, что Вашъ батюшка померли.

Въ день похоронъ нашъ переулокъ запрудили, пришедшіе его проводить. Когда изъ воротъ дома мы выносили гробъ и несли его

въ церковь Воскресенія въ Барышахъ, слышно было какъ въ толпѣ говорили: — «Это нашъ докторъ Иванъ Николаевичъ, царство ему небесное. Добрый былъ баринъ!».

Это хитровскій народъ, жители угловъ и подваловъ, коечно-коморочныхъ квартиръ и ночлежекъ пришли проводить «своего доктора».

Схоронили отца въ Алексѣевскомъ монастырѣ, тамъ, гдѣ схоронена была и наша мама Елизавета Павловна.

Часть третья

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА

1897 - 1905 г.

Это было 34 года тому назадъ. Я былъ тогда еще молодъ. На этихъ страницахъ вспоминаю, какъ началась моя общественная работа.

Въ маѣ 1897 года я избранъ Секретаремъ Московской Городской Думы (оффиціально должность эта называется Городской Секретарь), избранъ противъ воли, при моемъ энергичномъ сопротивленіи и даже при отказѣ отъ баллотировки. Я былъ совершенно удовлетворенъ своей работой мирового судьи. Съ нѣкотораго рода презрѣніемъ относился къ тѣмъ, кто бросалъ судейскую работу ради «карьеры», какой бы то ни было и гдѣ бы то ни было. «Карьеризмъ» — развнозначило съ безпринципностью. Уходить изъ судей — казалось измѣнять дѣлу ради тщеславія или улучшенія своего матерьяльнаго положенія. Все это казалось недостойнымъ судьи. Если мое сопротивленіе было всетаки сломлено, то только потому, что старикъ Л. В. Любенковъ однажды, видя, какъ я тяжело переживаю положеніе, въ которомъ очутился нежданно-негаданно, послѣ того какъ стали требовать, чтобы я шелъ въ Городскую Думу вмѣстѣ съ кн. В. М. Голицынымъ, только что избраннымъ Московскимъ Городскимъ Головой, сказалъ мнѣ въ одну изъ средъ, послѣ судебныхъ засѣданій въ Съѣздѣ:

— Что это ты, ясочка, загрустилъ? Тащутъ тебя на большое общественное дѣло. А ты упираешься. Нельзя такъ. Мало ли что пріятно. Иди, иди. Такъ нужно. Приходи ко мнѣ въ воскресенье. Ты что-то давненько у меня не былъ. Мы поговоримъ.

Въ воскресенье я былъ у Любенкова. Онъ увелъ меня въ свой длинный узенькій кабинетикъ, чтобы намъ не помѣшали. Усадилъ въ кресло и началъ:

— Ну, разсказывай. Почему ты не хочешь идти въ Думу съ Голицынымъ?

И не давъ мнѣ докончить моихъ соображеній о томъ, что я полюбилъ дѣло судьи, что городского дѣла не знаю, что купеческая Дума меня совсѣмъ не интересуетъ, Любенковъ сталъ говорить о томъ, что такое общественное дѣло, каковы его задачи и какъ необходимо именно въ Москвѣ это общественное дѣло развить и поставить на надлежащую высоту.

— Ты будешь тамъ не одинъ. Тамъ Николка Щепкинъ. Горяченекъ онъ. Но способный, талантливый. А Московская Дума, вотъ она какая! Какія у нея были головы! Орлы! Черкасскій, Чичеринъ! Иди, иди. Князю Голицыну нужна помощь. Онъ хорошій, но слабый. Ему будетъ трудно. Помоги ему. Нѣтъ, не отказывайся. Иди! Такъ надо.

По мѣрѣ того, какъ Левъ Владиміровичъ развивалъ свои мысли, я чувствовалъ, что моя сопротивляемость слабѣетъ и разрушается. Мои основанія къ отказу, казавшіяся такими безспорными, утрачивали свою убѣдительность даже въ моихъ собственныхъ глазахъ. Какой то новый порядокъ мыслей сталъ овладѣвать мною. Въ немъ растворялись мои недавнія соображенія. Что-то жутко заманчивое глянуло изъ-за сѣрой, смутной неопредѣленности, которой представлялось мнѣ общественное дѣло, творимое въ красномъ, довольно неуклюжемъ домѣ на Воскресенской площади, дѣло болѣе высмѣиваемое газетами, чѣмъ поощряемое. Мотивы: мнѣ хорошо здѣсь, я не хочу уходить отъ пріятнаго для меня дѣла и отъ пріятныхъ для меня людей — поблекли и оказались слабыми и неубѣдительными. Даже какъ-то было неловко вспоминать, не то что ужъ выдвигать ихъ на первое мѣсто.

Общественный долгъ. Общественное дѣло. Вотъ что стало передо мной во всемъ своемъ значеніи и увлекательности въ этомъ тѣсненькомъ кабинетикѣ Л. В. Любенкова.

— Мировой судья — это первая ступень общественнаго служенія, говорилъ Л. В. Любенковъ. А тамъ — гласный земскій или городской. Передъ ними не только техническія, хозяйственныя дѣла. Большое культурное общественное дѣло, нужное для народа, для Россіи. Тамъ шире. И хорошо, что ты станешь Секретаремъ Московской Думы, да еще при мягкомъ Голицынѣ. Все ты заберешь въ свои руки. Ты съ характеромъ и съ волей. Вліяніе твое будетъ большое. Иди, иди. Не сомнѣвайся больше. А со съѣздомъ ты не порвешь. Ты нашъ. Мы тебя любимъ. Самъ насъ не забывай. Да ты и не забудешь. И хорошо, что ты сопротивляешься. Ишь, какъ упираешься. Не то что Мишка Приклонскій. Тотъ хочетъ. Тому судъ надоѣлъ. А ты не бросаешься. Значитъ будетъ хорошо. Иди же, иди.

Уходилъ я отъ Любенкова, растерявъ всѣ свои доводы, вся моя рѣшимость и сопротивляемость исчезли. Все, на чемъ, думалось, я

твердо стоялъ, какъ на гранитѣ, оказалось размытымъ. Я очутился на пескѣ. Новыя, загадочно манящія перспективы открылись передо мною. Но между ними стояли люди, съ которыми сопрягать свою судьбу мнѣ все же не хотѣлось.

Я пошелъ къ моему большому пріятелю И. И. Шейману, съ которымъ мы въ одинъ день были избраны добавочными мировыми судьями въ Москвѣ. Это было въ 1894 году. Съ тѣхъ поръ мы были неразлучны. Въ Съѣздѣ надъ нами подтрунивали и называли насъ inséparables, а то и попросту — «ну вотъ, можно начинать засѣданіе: Аяксы идутъ!».

И. И. Шейманъ былъ человѣкъ большихъ способностей и тонкаго, аналитическаго ума. Онъ быстро овладѣлъ дѣломъ судьи и, пользуясь постояннымъ руководствомъ Л. В. Любенкова, который очень его оцѣнилъ, сталъ однимъ изъ выдающихся судей по знанію, умѣнью разобраться въ сложныхъ юридическихъ положеніяхъ. Это былъ образованный, начитанный человѣкъ, продолжавшій читать и учиться. Онъ любилъ искусство, былъ настоящимъ европейцемъ. Мы съ нимъ близко сошлись и, какъ говорили наши судьи, дополняли другъ друга свойствами своихъ характеровъ. Иванъ Ивановичъ былъ мнѣ близокъ многими своими чертами. А особенно привлекала меня къ нему какая-то печаль въ его глазахъ и во всемъ его тонѣ, когда мы оставались вмѣстѣ, безъ постороннихъ. Трудно было объяснить эту присущую ему печаль, мало замѣтную на людяхъ, но составлявшую основу его существа.

Иванъ Ивановичъ былъ въ полномъ курсѣ моихъ переживаній. Онъ былъ на моей сторонѣ и не хотѣлъ, что бы я уходилъ изъ судей. Мы должны были съ нимъ начать одну работу по пересмотру Наказа Мировымъ Судьямъ, что предлагалъ намъ С. И. Печкинъ. Иванъ Ивановичъ раздѣлялъ и мое не очень восторженное отношеніе къ судьямъ, которые сами стремились въ Городскую Управу и настаивали на томъ, чтобы я шелъ вмѣстѣ съ ними. Среди этихъ судей былъ Н. К. фонъ Вендрихъ, М. И. Приклонскій и С. Д. Лебедевъ. Два послѣднихъ были приглашены Голицынымъ на должность членовъ Городской Управы. Приклонскій былъ способный человѣкъ, но никакъ не отличался ни тонкостью культуры, ни образованіемъ. По существу это былъ человѣкъ безъ всякихъ принциповъ. Это была грубая натура, большой циникъ. Въ Съѣздѣ его сдерживало и облагораживало вліяніе Любенкова, котораго онъ побаивался и мнѣніемъ котораго дорожилъ. Особенно радоваться компаніи Приклонскаго не приходилось.

Еще менѣе интересна была фигура Лебедева, лѣниваго и безличнаго человѣка. Старикъ Вендрихъ составлялъ для князя Голицына «кабинетъ». Самъ онъ въ Управу не шелъ. Это онъ, по порученію князя и вмѣстѣ съ нимъ, велъ со мной настойчивые переговоры.

Н. К. фонъ Вендрихъ былъ старый судья и давній гласный Гор.

Думы. Фигура типичная и колоритная. У него нечего было искать идеологій, глубокихъ размышленій и принципіальныхъ обоснованій дѣла судьи или общественнаго дѣла. У него дѣйствія предшествовали слову и иногда, казалось, они опережали даже и мысль. Это былъ человѣкъ импульса, очень пристрастный и предвзятыхъ симпатій и антипатій. Ему не нужны были деклараціи. Ему нужны были дѣйствія, которыя онъ оцѣнивалъ съ точки зрѣнія своихъ настроеній и вкусовъ. Горе тому, кто вмѣсто правильныхъ дѣйствій подставлялъ красивыя слова. Такого преступника онъ сначала испепелялъ своими острыми, жгучими, сверкающими глазами, а потомъ разражался пучками вылетавшихъ изъ него несвязныхъ, обличительныхъ словъ. Онъ былъ грозой помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, дерзавшихъ свое незнаніе прикрывать праздными словами. Его боялись даже старые адвокаты и часто отказывались отъ дѣлъ у Мирового Судьи Александровскаго участка, каковымъ былъ грозный фонъ Вендрихъ.

Этотъ то Вендрихъ и настаивалъ на томъ, чтобы я шелъ въ Думу. Его главный аргументъ былъ: «нужно помочь Князю». Но какъ я буду помогать, когда я не знаю дѣла! Доводы Вендриха скорѣе укрѣпляли мою позицію и я упорно продолжалъ отказываться. Но, послѣ разговора съ Л. В. Любенковымъ, онъ усмотрѣлъ во мнѣ колебанія. Немедленно сообщилъ объ этомъ князю Голицыну и, послѣ ожесточеннаго и послѣдняго сопротивленія, оказаннаго мною князю въ его кабинетѣ въ домѣ Полякова, на Б. Никитской улицѣ, князь просилъ меня все-же придти на засѣданіе Думы, назначенное для выборовъ, и тамъ дать мой окончательный отвѣтъ. Передъ засѣданіемъ князь велѣлъ мнѣ сказать, что онъ умоляетъ меня не снимать моей кандидатуры, иначе онъ долженъ будетъ уйти въ отставку. Что мнѣ было дѣлать?

Я присутствовалъ при томъ, какъ Московская Дума почти единогласно избрала меня на должность Городского Секретаря. Я видѣлъ, какъ считали шары въ моемъ ящикѣ, слышалъ стукъ падающихъ на лотокъ шаровъ и мнѣ хотѣлось крикнуть — «да что вы тамъ дѣлаете? Вовсе не хочу я баллотироваться куда бы то ни было». — Но я этого не крикнулъ. Такъ судьба моя была рѣшена. Съ острой болью я простился съ моей камерой Прѣсненскаго судьи, со Съѣздомъ, съ судьями и вступилъ въ красный неуклюжій домъ на Воскресенской площади*).

---

*) Этотъ домъ построенъ въ 1892 году по весьма неудачному во всѣхъ отношеніяхъ проекту архитектора Чичагова. Къ сожалѣнію, былъ забракованъ, кажется изъ-за дороговизны, прекрасный проектъ проф. Резанова, о которомъ В. В. Стасовъ отзывался съ восторгомъ — проектъ въ стилѣ русской архитектуры XVII вѣка.

В. В. Стасовъ, въ Новостяхъ 1887 г. отъ 25 января № 24, негодуетъ

Жутко было. Люди новые. Первыя встрѣчи не особенно привѣтливыя, за исключеніемъ стариковъ, сторонниковъ Найденова, среди нихъ членъ управы Колоховскій, которые разсчитывали во мнѣ, молодомъ, найти поддержку. Въ Городской Канцеляріи, начальникомъ которой я оказался, леденяще холодный пріемъ. И. Д. Городского Секретаря В. П. Преображенскій — философъ, литераторъ, прикрывъ ротъ рукой, сощурившись, острыми глазками слѣдитъ за моими неувѣренными шагами. Старшій помощникъ Гор. Секретаря, С. П. Юнгферъ, дѣловито изысканно вѣжливъ и строго формаленъ. Изъ за двери до меня долетаютъ громкіе голоса:

— А что, новый Городской Секретарь появился? Смѣлый молодой человѣкъ! Берется за такое дѣло! Ну, посмотримъ.

Это А. А. Шиловъ и Н. М. Горбовъ въ сосѣднемъ кабинетѣ Товарища Городского Головы. Это оппозиція новому Городскому Головѣ и новой Городской Управѣ.

Начинается новая жизнь, новая работа среди новыхъ людей. И во главѣ всего князь В. М. Голицынъ. Меня съ нимъ связываютъ давнишнія воспоминанія, еще дѣтскія.

Князь В. М. Голицынъ, такой торжественный и красивый въ своемъ камергерскомъ мундирѣ въ церкви Межевого Института. Мы, дѣтьми, любуемся имъ. Мы хорошо знали высокую, величественную княгиню Софью Николаевну, которая появлялась въ церкви Межевого Института, становилась у праваго клироса со всѣми своими дѣтьми, тремя мальчками и двумя дѣвочками. Иногда съ ними являлась старушка бабушка, Луиза Трофимовна. А кн. Владиміръ Михайловичъ становился поодаль. Вся эта семья была какъ бы изъ другого міра. Это были первоосновы отношеній къ Голицыну. Теперь

по поводу того, что проектъ зданія Московской Городской Думы, составленный проф. Ал. Ив. Резановымъ, былъ оставленъ безъ вниманія и на заключеніе Московскаго Археологическаго О-ва предъявлены были планы и фасады для новой Думы, проектированные архитекторами В. П. Карнѣевымъ, Д. Н. Чичаговымъ и Терскимъ.

По словамъ Стасова проектъ Резанова былъ великолѣпенъ, высоко талантливъ, полный самостоятельной оригинальности, въ стилѣ превосходной архитектуры XVII вѣка. Проектъ былъ сочиненъ въ началѣ 70-хъ годовъ. Пять широкихъ аркадъ, идущихъ въ вышину всего зданія, сквозь три этажа, составляютъ главный корпусъ и, наклонившись кверху, съ двухъ сторонъ, подъ карнизъ, накрыты, какъ вѣнцомъ, выгнутою русской изразчатой кровлей со сквознымъ гребнемъ вверху. По угламъ строенія — многоэтажныя башенки, изъ которыхъ каждая, сама по себѣ взятая, есть прекрасное художественное созданіе. «Это лучшее созданіе Резанова. У насъ былъ бы прекрсный домъ Думы, достойный стоять на ряду если не съ капитальными ратушами Европы, то по крайней мѣрѣ съ лучшими и талантливѣйшими между ними».

Проектъ Резанова былъ разсчитанъ на другое мѣсто въ Москвѣ.

онъ избранъ Городскимъ Головой въ Москвѣ и я долженъ быть его ближайшимъ сотрудникомъ.

Кандидатура кн. Голицына была выдвинута послѣ тщетныхъ упрашиваній и уговариваній К. В. Рукавишникова принять избраніе на новое четырехлѣтіе. Рукавишниковъ упорно отказывался: усталъ, запустилъ свои коммерческія дѣла, больше не хочетъ. Купеческая Москва остановила свой выборъ на князѣ Голицынѣ, подчеркивая этимъ свою независимость отъ Петербурга, свою самостоятельность въ сужденіи и выборѣ: Москва имѣетъ свое мнѣніе и Петербургъ ей не указъ. Голицынъ былъ въ Москвѣ губернаторомъ и снискалъ общія симпатіи и расположеніе къ себѣ всѣхъ круговъ Москвы. Онъ былъ простъ, ласковъ и обходителенъ со всѣми. Его благородная, изящная красивая наружность пріятна была москвичамъ. Особенно дамы были очарованы княземъ Голицынымъ.

«Нашъ князь Владиміръ Михайловичъ, наше красное солнышко!», — такъ называли его московскія дамы.

Князь Владиміръ Михайловичъ человѣкъ просвѣщенный, дворянской культуры, либерально настроенный человѣкъ, никогда не былъ чиновникомъ и бюрократомъ. Техническое дѣло управленія, со всѣми мелочами и формализмомъ, было ему скучно и чуждо. Онъ не скрывалъ, что мало интересуется этой стороной дѣла. Если онъ былъ «представительнымъ» губернаторомъ на Москвѣ, то какъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ онъ былъ весьма слабъ и мало отвѣчалъ требованіямъ Петербургскихъ канцелярій. Говорятъ, что за время губернаторства кн. Голицына на Москвѣ, о немъ накопилось въ Петербургѣ цѣлое досье, которое называлось: «Дѣло Голицынскихъ курьезовъ». Его происхожденіе и связи, связи его жены Софьи Николаевны, урожденной Деляновой, защищали Голицына и заставляли терпѣть на посту Московскаго губернатора.

Но вотъ, однажды, терпѣніе Петербурга изсякло. Какой-то служебный промахъ Владиміра Михайловича переполнилъ чашу департаментскаго терпѣнія. Петербургская бюрократія отомстила ему разомъ за всѣ его прегрѣшенія и за «досье Голицынскихъ курезовъ». Онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Черниговъ! Изъ Москвы въ Черниговъ! Это была явная административная кара. Никого не убѣждали лицемѣрныя завѣренія, что въ Черниговѣ губернаторъ болѣе независимъ, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ ему приходится все время считаться съ генералъ-губернаторомъ. За что? Москва не знала за своимъ губернаторомъ прегрѣшеній. Петербургская демонстрація по отношенію къ князю Голицыну была принята недоброжелательно. Москва стала на сторону Голицына. Злоязычія, начавшіяся было по его адресу, успѣха не имѣли и быстро смолкли. Голицынъ въ Черниговъ не поѣхалъ. Вышелъ въ отставку, сложилъ придворное званіе и сталъ «простымъ смертнымъ», сойдя съ правящаго Олимпа.

Это еще болѣе понравилось Москвѣ. Московское купечество охотно называло его «Нашъ Князь».

Съ этого времени кн. В. М. Голицынъ еще больше входитъ въ общественную жизнь Москвы. Московская Городская Дума выбираетъ его почетнымъ мировымъ судьей. Его выбираютъ на почетныя должности въ разныя благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія. А въ 1897 году Московская Дума выбрала его Городскимъ Головой. Это была контръ-демонстрація Москвы по адресу Петербурга.

— Вы, петербургскіе чиновники, не умѣете цѣнить хорошихъ людей. Вамъ они не нужны. Ну, а мы ихъ любимъ, цѣнимъ, ими дорожимъ. Они намъ нужны.

Таковъ былъ смыслъ избранія кн. Голицына на должность Московскаго Городского Головы.

Онъ былъ, дѣйствительно хорошій человѣкъ. Отъ него не нужно было требовать того, чего онъ не могъ дать. Но онъ самъ по себѣ являлся большой цѣнностью, будучи всегда и во всемъ благороднымъ, чистымъ, безукоризненнымъ джентельменомъ, культурнымъ, прекрасно настроеннымъ человѣкомъ. Онъ былъ баринъ въ своемъ глубокомъ существѣ. Баринъ культурный, достаточно просвѣщенный, понимающій недуги русской жизни и охотно прислушивавшійся къ провозглашеніямъ прогрессивныхъ и либеральныхъ идей и раздѣлявшій ихъ. Но внутренній міръ его не былъ исчерпанъ работой, которую требовало управленіе или веденіе большого хозяйства. Не даромъ у него была своя «святая святыхъ», недоступная никому. Даже жена его и дѣти не смѣли входить къ нему въ кабинетъ въ опредѣленный часъ дня. Онъ запирался въ своемъ кабинетѣ и велъ свою запись, въ которую заносилъ событія и факты текущей жизни, свои размышленія. Запись эта велась изо дня въ день и должна представлять весьма цѣнный историческій матеріалъ. Гдѣ теперь эти записи?

Какъ губернаторъ онъ, можетъ быть, плохо «управлялъ» ввѣренной его попеченію губерніей, такъ же и городскимъ головой онъ мало интересовался, а иногда явно тяготился дѣлами по управленію городскимъ хозяйствомъ, засѣданіями управы, въ которыхъ онъ предсѣдательствовалъ, засѣданіями комиссій, въ которыхъ ему приходилось присутствовать. Именно присутствовать, ибо объясненій отъ имени управы онъ не давалъ никогда, предоставляя дѣлать это товарищу городского головы Ив. Ал. Лебедеву, или соотвѣтствующему члену управы, или мнѣ.

Но зато онъ былъ незамѣнимымъ представителемъ города во всѣхъ весьма разнообразныхъ случаяхъ, требующихъ достоинства внѣшняго и внутренняго. Онъ былъ чудеснымъ предсѣдателемъ думскихъ засѣданій. А что особенно было важно — онъ своимъ присутствіемъ въ Московской Думѣ и Управѣ, сообщалъ всему тотъ

благородный, высокій тонъ, который такъ былъ необходимъ тому общественному дѣлу, которое дѣлалось въ Москвѣ и которое нужно было съ достоинствомъ оберечь отъ недоброжелательнаго, часто явно враждебнаго отношенія со стороны Петербурга.

Послѣ Городского Головы Н. А. Алексѣева съ его бурно-пламенной и кипучей дѣятельностью, послѣ дѣлового и формально подтянутаго управленія К. В. Рукавишникова, управленіе котораго Найденовская группа ехидно называла «рука-Вишнякова», намекая на большое вліяніе крупнаго московскаго коммерсанта А. С. Вишнякова, — князь Голицынъ давалъ совершенно новый и своеобразный типъ Головы въ Москвѣ. Сопоставляя его съ двумя его предшественниками, Голицына находили не дѣловымъ, не дѣятельнымъ, его упрекали даже въ равнодушіи къ городскому дѣлу, въ отсутствіи иниціативы. Эти обвиненія со стороны противниковъ имѣли основаніе только формальное. Онъ не былъ дѣльцомъ, казался всегда сдержаннымъ, не вступалъ въ горячіе споры и пререканія изъ-за того или иного вопроса городского хозяйства, охотно уступалъ своимъ оппонентамъ. Но это вовсе не значитъ, что онъ былъ равнодушенъ къ дѣлу. Если прежніе головы сами были источниками иниціативы, часто эгоистической и тщеславной, и трудно мирились съ **чужой иниціативой,** то кн. Голицынъ предоставлялъ широкую иниціативу другимъ, своимъ сотрудникамъ, не стѣсняя никого, часто поощряя другихъ, вызывалъ иниціативу среди гласныхъ. При немъ общественная работа развивалсь можетъ быть больше, чѣмъ при его предшественникахъ. Гласные Думы получили возможность выдвигать новые и новые вопросы, не боясь, что встрѣтятъ сопротивленіе и недоброжелательство, можетъ быть нѣчто вродѣ зависти со стороны Головы. Тѣмъ печальнѣе было, что образовавшаяся въ Думѣ оппозиція недоброжелательно отнеслась къ князю, а то большинство, которое его поддерживало представляло въ общемъ довольно сѣрую «домовладѣльческую» массу.

Мнѣ было очень досадно и обидно, что группа гласныхъ, сразу ставшая въ оппозицію къ кн. Голицыну и къ его Управѣ, увлеченная борьбой и преслѣдованіемъ нѣкоторыхъ довольно устарѣлыхъ и лѣнивыхъ членовъ Управы, сводившая счеты съ группой Н. А. Найденова, который неизмѣнно поддерживалъ князя Голицына — не замѣчала высокополезной и хорошей стороны въ дѣятельности кн. Голицына, травила его и потѣшалась надъ его беззащитностью въ хозяйственныхъ дѣлахъ. Къ сожалѣнію еще бóльшему для меня, однимъ изъ самыхъ неукротимыхъ оппонетовъ князя Голицына былъ и талантливый Н. Н. Щепкинъ, не мирившійся съ кажущимся равнодушіемъ князя. Щепкинъ, товарищъ городского головы при Рукавишниковѣ, отказался занимать эту должность при князѣ Голицынѣ, вышелъ изъ состава Управы, и во всеоружіи знанія городского дѣла вошелъ въ оппозиціонную группу, которую вскорѣ стали назы-

вать «Торговый домъ Братья Гучковы, Щепкинъ, Мамонтовъ и К°».

Въ основѣ этой оппозиціи лежало нескрываемое недоброжелательство къ тѣмъ группамъ думскихъ гласныхъ, которыя выдвинули кандидатуру кн. Голицына въ Городскіе Головы. Это была группа Н. А. Найденова, царившаго тогда и въ Биржевомъ Комитетѣ и въ Купеческомъ Обществѣ. У Найденова былъ тяжелый нравъ и тяжелая рука. Самъ очень умный, знающій себѣ цѣну, не ломавшій шапки передъ сильными міра, онъ любилъ показать свою силу и вліяніе. Маленькій, сухенькій, съ рысьими, бѣгающими глазками и всегда покачивающейся изъ стороны въ сторону головой, онъ говорилъ отрывочными словами, не повышая голоса. Выраженіе глазъ замѣняло ему интонаціи. Казалось, его не столько слушали, сколько были прикованы къ его глазамъ. Онъ говорилъ, а глаза его свидѣтельствовали, что онъ не допускаетъ возраженій. Зависѣвшее отъ него московское купечество безпрекословно исполняло его приказанія. Такъ было въ комерческихъ дѣлахъ. Такъ было и при выборахъ въ Городскую Думу, въ Биржевой Комитетъ, въ Купеческое Общество. Диктатура Найденова въ девяностыхъ годахъ тяготила многихъ. Стали образовываться среди купечества группы, дерзавшія выступать противъ него. Такъ служилась группа А. С. Вишнякова (впослѣдствіи основателя Московскаго Коммерческаго Института), которая имѣла противъ себя и старо-кредитнаго Общества группу Шильдбаха, и Найденовскую группу. Оппозиція князю Голицыну въ Думѣ сложилась изъ недавняго окруженія К. В. Рукавишникова. Она била по Найденову, а попадала въ Голицына.

Группировки гласныхъ того времени, чуждыя какихъ либо политическихъ признаковъ, были, однако, предтечами группировокъ, которыя образовались въ началѣ наступившаго столѣтія и получили явно выраженныя политическія очертанія. Но въ этихъ новыхъ группировкахъ произошли довольно неожиданныя перемѣщенія отдѣльныхъ лицъ: изъ оппозиціи въ реакцію, и изъ глубокихъ нѣдръ купеческой Москвы — въ революцію...

Значеніе оппозиціи того времени было благодѣтельно въ томъ отношеніи, что она оказывалсь постояннымъ стимуломъ къ работѣ городской управы. Она не давала ни отдыха, ни срока. На оппозицію ворчали, на нее негодовали, отъ нея много страдали самолюбія отдѣльныхъ лицъ, но она торопила и улучшала работу городского управленія. Благодаря ей, Московское Городское Общественное Управленіе стало вскорѣ всероссійской консультаціей по городскимъ дѣламъ.

Не безъ смущенія вошелъ я въ небольшой кабинетъ Городского Секретаря. Письменный столъ съ протертымъ по борту зеленымъ сукномъ противъ кресла свидѣтельствовалъ о долгой и на-

пряженной работѣ. Противъ стола — желтый книжный шкафъ съ «законами». Небольшой узенькій диванчикъ у большого окна, выходящаго на узкій, длинный дворъ, отдѣлявшій зданіе Думы отъ Губернскаго Правленія. На стѣнѣ у кресла телефонъ № 102 - 47, и большой фотографическій портретъ въ черной рамѣ бывшаго Городского Секретаря Николая Ивановича Бабаева.

Бабаевъ былъ многолѣтнимъ Секретаремъ Московской Городской Думы. Дума неизмѣнно и единогласно избирала его на эту должность. Смѣнялись Городскіе Головы, смѣнялись составы Городскихъ Управъ, а Н. И. Бабаевъ оставался на своемъ посту, хранитель традицій Московской Думы, связь прошлаго съ настоящимъ, непремѣнный участникъ работы всѣхъ думскихъ комиссій, знавшій все прошлое, бережно относившійся къ творимому настоящему и беззавѣтно преданный родной Москвѣ. Всѣ, безъ различія направленій и группировокъ, гласные, всѣ составы Управъ, всѣ Городскіе Головы относились къ Н. И. Бабаеву съ величайшимъ уваженіемъ. Безъ него не предпринималось ни одно новое начинаніе, не принималось ни одно важное рѣшеніе. Въ его лицѣ была прочная связь между Думой и Городской Управой, въ составъ которой по закону Городской Секретарь не входилъ, связь между враждовавшими группами гласныхъ. Онъ былъ добрый и мудрый совѣтчикъ въ общественномъ дѣлѣ, которое любилъ и которому служилъ съ беззавѣтной преданностью. Н. И. Бабаевъ умеръ отъ разрыва сердца на работѣ, въ самомъ зданіи Думы, когда онъ велъ дѣловую бесѣду съ Городскимъ Головой Рукавишниковымъ. Этого большого работника съ почетомъ схоронили на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря. Временно, до новыхъ выборовъ, его замѣнилъ В. П. Преображенскій.

Мнѣ, новичку въ городскомъ дѣлѣ, совершенно неопытному, пришлось замѣстить такого крупнаго знатока городского дѣла, какъ Н. И. Бабаевъ, который былъ живой лѣтописью и энциклопедіей городского дѣла. Лично я сохранилъ отъ соприкосновенія съ Николаемъ Ивановичемъ чарующее впечатлѣніе. Мнѣ пришлось обратиться къ нему за разъясненіями по поводу условій выборовъ мировыхъ судей. Къ нему я шелъ за справками и указаніями. Когда я входилъ въ его кабинетъ, для меня ясно было, что иду безпокоить человѣка, который долженъ сдѣлать мнѣ одолженіе, давая разъясненія и указанія. А когда я выходилъ отъ него, мнѣ казалось, что это я сдѣлалъ ему одолженіе и доставилъ ему удовольствіе тѣмъ, что пришелъ къ нему за справками. Такъ ласково, радушно встрѣтилъ онъ меня, такъ подробно разсказалъ не только объ условіяхъ баллотировки, но и о работѣ мирового судьи, и о Съѣздѣ въ качествѣ почетнаго мирового судьи. Это привѣтливое обхожденіе съ приходящими къ нему высоко цѣнилось въ Николаѣ Ивановичѣ всѣми и дѣлало его особенно популярнымъ въ Москвѣ. Своимъ обхожденіемъ съ «просителями», а ихъ было всего очень много, Николай Ивано-

вичъ осуществлялъ на дѣлѣ одинъ изъ существеннѣйшихъ принциповъ общественной работы: общественныя учрежденія для населенія, а не населеніе для учрежденій. Это было правиломъ и духомъ работы Николая Ивановича.

Входя въ его кабинетъ уже Городскимъ Секретаремъ, я вспомнилъ мою первую встрѣчу съ Николаемъ Ивановичемъ въ этомъ самомъ кабинетѣ, вспомнилъ основное правило его общественной работы — и, взглянувъ на портретъ Бабаева, рѣшилъ, что этому правилу буду стараться слѣдовать и я.

Работа въ Московской Городской Думѣ не терпитъ остановокъ. Съ перваго же дня я оказался вовлеченнымъ въ потокъ текущихъ дѣлъ. Забравъ новыхъ пассажировъ поѣздъ покатилъ дальше, потряхивая, погромыхивая, иногда ровно и гладко, безъ особой тряски, иногда съ сильными толчками, весьма мало заботясь о томъ, какъ чувствуютъ себя эти пассажиры. О покинутомъ Съѣздѣ уже не приходилось сожалѣть: некогда было! Новыя задачи, новыя заботы, новые неожиданные широкіе интересы, новыя трудности заполнили и дни, и даже ночи. Работа поглотила всего. Работа, связанная съ другими людьми, зависящая отъ нихъ, отъ ихъ рѣшеній, и въ то же время вліяющая на эти рѣшенія — стала увлекать. Общее дѣло, дѣло общественнаго интереса, дѣло ради удовлетворенія «пользъ и нуждъ общественныхъ», какъ говорилъ законъ — раскрыло свои бездонныя глубины. Конца-краю не было этой работѣ, этимъ пользамъ и нуждамъ, этимъ потребностямъ населенія, вопіющимъ, взывающимъ и неудовлетвореннымъ. Методы этой работы оказались совершенно иными, чѣмъ все то, что приходилось дѣлать до сихъ поръ. Работа въ Окружномъ Судѣ, въ камерѣ мирового судьи, въ засѣданіяхъ Съѣзда мировыхъ судей — оказалась такой маленькой по сравненію съ тѣмъ, что дѣлала Московская Дума и Московская Городская Управа. Тамъ тоже жизнь и человѣческія нужды, человѣческія отношенія, живые люди. Но роль судьи, его работа была лишена того непосредственнаго творчества, которое такъ радовало въ широкой общественной работѣ. Тамъ примѣненіе нормъ закона къ индивидуальнымъ коллизіямъ правъ и интересовъ, иногда очень запутаннымъ и сложнымъ, болѣзненнымъ для людей, вовлеченныхъ въ эти коллизіи, иногда не разрѣшимымъ «справедливо» указаніемъ закона. Тамъ участіе въ жизни — **со стороны, внѣ ея потока,** какъ нѣкій маленькій регуляторъ этого потока. Здѣсь — работа въ самой гущѣ жизни. Здѣсь — свобода иниціативы, мысли, иногда увлекательнѣйшія рѣчи на темы широкаго общественнаго интереса такихъ людей, какъ С. А. Муромцевъ, кн. А. И. Урусовъ, В. М. Пржевальскій, проф. В. И. Герье, В. М. Духовской. Постановка новыхъ цѣлей и задачъ во всѣхъ областяхъ интереснѣйшаго дѣла, которое называлось — далеко не охватывающимъ всего сложнаго содержанія и внутренняго смысла, — словомъ «городское хозяйство».

Въ тѣ времена, а это были годы на рубежѣ двухъ вѣковъ, XIX и XX столѣтій, Московское Городское Управленіе, продолжая работу предшествовавшихъ лѣтъ, широко развивало свою дѣятельность по муниципализаціи городскихъ предпріятій. Городское благоустройство стало замѣтно улучшаться. Городской бюджетъ, къ началу XX столѣтія выражался въ суммѣ уже 13.145.056 руб. (1900 г.). Продолжались работы по расширенію городского водопровода, начиналась постройка городской канализаціи, городъ выкупалъ знаменитую московскую «конку», разсматривались интересные проекты московскаго метрополитена и московской окружной дороги, вопросы связанные съ постройкой новыхъ желѣзнодорожныхъ путей, связывающихъ Москву со всѣми концами Россіи.

А въ другихъ областяхъ выдвигались и разрѣшались вопросы объ общедоступномъ и всеобщемъ обученіи въ городскихъ школахъ, о внѣшкольномъ и ремесленномъ обученіи, о приведеніи городскихъ больницъ въ соотвѣтствіе съ новыми требованіями науки и съ запросами увеличившейся нужды населенія. Въ области общественной благотворительности укрѣплялась и развивалась работа городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ. Благотворительность изъ дѣла частнаго и личнаго милосердія стала на твердую почву общественнаго дѣла. Городская статистика ставила себѣ все новыя и новыя задачи по учету городского населенія. Городское Управленіе совершенствовало методы своей работы, искало новыхъ людей для выполненія своихъ задачъ.

Словомъ, у меня голова шла кругомъ, когда я все глубже вступалъ въ этотъ лѣсъ, казавшійся непроходимымъ и дремучимъ. Однако, въ этомъ лѣсу уже были проложены тропинки, въ немъ прокладывались широкія дороги, намѣчался довольно стройный планъ разработки его. А освѣщеніе предпринимаемой работы въ комиссіяхъ, въ общихъ засѣданіяхъ Думы гласнымъ съ такимъ талантомъ, какъ Н. Н. Щепкинъ — дѣлало задачи увлекательными и участіе въ общей работѣ радостнымъ.

На этой работѣ пришлось воочію убѣдиться въ наличіи двухъ началъ русской жизни, бывшихъ въ глубокомъ противорѣчіи другъ съ другомъ, часто въ непримиримой борьбѣ. Эти два начала были: общественная работа и бюрократическій произволъ. Для насъ, занятыхъ практической работой въ Москвѣ, это было: Москва и Петербургъ, а вскорѣ это стало — Россія и Петербургъ. Въ общей работѣ Городского Управленія роль Городского Секретаря — была значительная. Его вліяніе на эту работу могло осуществляться разными способами. Оно могло быть прямое и непосредственное, въ порядкѣ высказыванія мнѣнія, подкрѣпленнаго ссылками на законы, на разъясненія Сената, на постановленія Думы и установившуюся практику, на создавшіеся прецеденты. Оно могло выражаться въ тактическихъ воздѣйствіяхъ на оппозицію или Управу, когда вза-

имныя отношенія между ними особенно заострялись. Наконецъ, на Городскомъ Секретарѣ нерѣдко лежала обязанность улаживать тренія, возникавшія между органами Городского Управленія и органами мѣстной власти. Переговоры съ непремѣннымъ членомъ Особаго по Городскимъ дѣламъ Присутствія, которымъ былъ въ то время сухой, формальный, немного гоголевскаго типа чиновникъ В. В. Петровъ. Городской Секретарь былъ въ то же время первымъ редакторомъ докладовъ, вносимыхъ въ Городскую Думу. Но кромѣ того, Городской Секретарь своимъ образомъ дѣйствій и поведеніемъ могъ разжигать страсти, которыя всегда готовы вырваться наружу въ работѣ многихъ, но онъ могъ и вносить умиротворяющее начало въ это соприкосновеніе людей, столь различныхъ по происхожденію, воспитанію, по культурѣ, развитію и пониманію общественныхъ задачъ.

Я всѣми силами старался упражнять методы второго рода: умиротвореніе, объединеніе усилій для достиженія общихъ цѣлей. Это мое стремленіе было скоро замѣчено и ко мнѣ стали относиться съ довѣріемъ и сторонники князя Голицына, и его талантливая оппозиція, и Управа съ громаднымъ количествомъ служащихъ разныхъ спеціальностей, такъ называемый «третій элементъ», и органы надзора за дѣятельностью Городского Управленія въ лицѣ Московскаго губернатора, непремѣннаго члена Особаго по городскимъ дѣламъ Присутствія, и Канцелярія губернатора.

Вотъ довольно неожиданная для меня оцѣнка моего образа дѣйствій со стороны городскихъ служащихъ. Одна очень почтенная старая служащая Московской Городской Управы, М. П. Ватсонъ, уже въ эмиграціи писала мнѣ (3-го марта 1922 г.):

«Не знаю, имѣли ли Вы ясное представленіе о той тяжелой атмосферѣ, въ которой приходилось служащимъ работать, о томъ унизительномъ положеніи, которое приходилось имъ терпѣть? Я пришла въ Управу еще при Городскомъ Головѣ Н. А. Алексѣевѣ (раньше я была городской учительницей, но Ив. Ал. Лебедевъ призналъ меня неподходящей къ его требованіямъ и выставилъ). И вотъ, когда мы переходили во вновь выстроенное зданіе Думы, я отъ служащихъ услыхала, что Н. А. Алексѣевъ, устраивая новоселье, выразился такъ: «надо же эту сволочь (служащихъ) напоить шампанскимъ». И служащіе пошли на это новоселье. Этотъ фактъ необычайно характеристиченъ для того времени. Много примѣровъ, характеризующихъ отношеніе къ служащимъ и отношеніе послѣднихъ къ своему положенію, можно было бы привести, но думаю довольно напомнить Вамъ, что Д. Д. Дувакинъ не подавалъ руки своему же брату, врачамъ, и почти не отвѣчалъ на низко отвѣшиваемые ему поклоны. Вы и кн. В. М. Голицынъ измѣнили это отношеніе: своимъ обращеніемъ со служащими заставили и другихъ измѣнить его, да и самихъ служащихъ заставили почувствовать себя по ино-

му. Вы были «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» и Ваше появленіе въ нашей средѣ вызвало то измѣненіе, за которое, я полагаю, служащіе и должны относиться къ Вамъ съ великой любовью. И представьте, кромѣ Васъ и кн. В. М. Голицына, я никого не могу указать, кто бы относился къ служащимъ, какъ равный къ равному».

Такъ опредѣлилось мое новое положеніе въ Московской Думѣ. Конечно, это произошло не сразу. Нѣкоторое время происходило взаимное ознакомленіе и взаимное изученіе. Въ мой кабинетъ заходили старые городскіе дѣятели «посмотрѣть» на новаго Николая Ивановича (покойнаго Бабаева звали тоже Николаемъ Ивановичемъ). Заходилъ старикъ кн. А. А. Щербатовъ — почетный гражданинъ города Москвы, первый всесословный Городской Голова въ Москвѣ по положенію 1862 г.. Заходилъ посмотрѣть, познакомиться и сказать нѣсколько ласковыхъ словъ. Заходилъ съ львиной сѣдой гривой и острыми, живыми, насквозь пронизывающими глазами знаменитый городской дѣятель, изслѣдователь и историкъ городского хозяйства города Москвы, Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ. Этотъ пронизывалъ глазами насквозь, желая угадать, узнать, провѣрить: «годится или не годится новый Николай Ивановичъ?». Черезъ нѣсколько времени мнѣ дано было знать, что Митрофанъ Павловичъ, ознакомившись съ нѣсколькими работами новаго Николая Ивановича — сказалъ: «годится!».

Въ самые первые дни моего появленія въ Думѣ, когда я былъ еще весь объятъ смущеніемъ, зашелъ ко мнѣ гласный Думы Вл. А. Абрикосовъ, котораго я зналъ давно. Я приподнялся, чтобы поздороваться съ нимъ. Но онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ, сидите, сидите, пожалуйста! Мнѣ хочется посмотрѣть.

Я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него. Вл. Ал. окинулъ взглядомъ кабинетъ, прищурилъ глаза, какъ разсматриваютъ картину, постоялъ секунду, потомъ быстро подошелъ ко мнѣ, крѣпко пожалъ руку и сказалъ:

— Поздравляю! Очень хорошо! А онъ еще отказывался!

В. А. Абрикосовъ на думскую работу смотрѣлъ больше съ эстетической точки зрѣнія. Въ думскія засѣданія ѣздилъ, какъ въ театръ.

Приходили и гласные, предсѣдатели Комиссій, старые гласные — живая хроника Москвы. Въ разговорахъ въ кабинетѣ и въ думскихъ преніяхъ вырисовывались интересные типы москвичей. Тутъ были представители тонкой европейской культуры и красочные представители московскаго коренного быта, кряжи, крѣпо сидѣвшіе въ самомъ материкѣ старой Москвы. Казалось, никакія бури и ураганы не выкорчуютъ этихъ кряжистыхъ москвичей, корни которыхъ вросли въ самую глубь исторіи Москвы.

При цензовыхъ выборахъ въ Думу, гласными были домовладѣльцы, купцы и фабриканты. Кругъ избирателей былъ сильно со-

кращенъ Городовымъ Положеніемъ 1892 года. На всю Москву, съ ея населеніемъ въ началѣ столѣтія 1.174.673 (по 31-ое января 1902 года), избирателей, заносимыхъ въ избирательные списки, было всего около 8 тысячъ. А участіе въ выборахъ гласныхъ принимало немного болѣе 3 тысячъ человѣкъ*).

По степени образованія избиратели, участвовавшіе въ выборахъ по личному праву, давали довольно печальную картину. Такъ, въ началѣ столѣтія, на 4.563 избирателя (по личному праву), съ высшимъ образованіемъ было всего 475 человѣкъ, со среднимъ — 620, съ низшимъ — 1200, съ домашнимъ — 1393, вовсе неграмотныхъ — 183, остальные грамотны, но не получили систематическаго образованія. Эти довольно плачевныя цифры требуютъ разъясненія въ томъ смыслѣ, что категоріи лицъ съ домашнимъ образованіемъ были совершенно исключительные по степени культуры, широкаго развитія и выдающагося ума люди. Это были по преимуществу купцы старшаго поколѣнія, по возрасту отцы нашего поколѣнія. Они не имѣли оффиціальныхъ дипломовъ учебныхъ заведеній, но часто были весьма просвѣщенными людьми, иногда широкой европейской культуры, сдѣлавшими для Москвы весьма много. Какъ на примѣръ такого стараго московскаго дѣятеля съ домашнимъ образованіемъ можно было бы указать на умнаго, стараго П. И. Санина, долгіе годы бывшаго московскимъ гласнымъ. Изъ болѣе молодого поколѣнія можно было бы назвать очень даровитаго, очень много знающаго во всѣхъ областяхъ М. В. Челнокова, съ честью несшаго обязанности Московскаго Городского Головы въ тяжкіе годы великой войны.

Въ своемъ цѣломъ составъ гласныхъ Московской Думы въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія представлялъ весьма красочную картину. Это, конечно, не были представители всей Москвы. Далеко нѣтъ. Приведенныя цифры показываютъ, какое ничтожное число населенія города было представлено городскими гласными. Громадное большинство населенія Москвы лишено было избирательныхъ правъ. Но таковъ былъ законъ, носившій въ обиходѣ названіе «Новаго Городового Положенія» по отношенію къ старому, каковымъ считалось Город. Положеніе 1870 года.

И тѣмъ не менѣе, Московская Дума была весьма разнообразна по своему личному составу. Можетъ быть эта неоднородность, разношерстность ея состава и была одной изъ причинъ того, что она не костенѣла въ недѣланіи, а напротивъ того, несмотря на крайне

*) Число избирателей, внесенныхъ въ списки въ 1909 г. было — 8151, а приняло участіе въ выборахъ — 3689; въ 1913 г. — 9431, а участвовало въ выборахъ — 3407. Замѣчательно, что по Гор. Положенію 62 г. число городскихъ избирателей было 13.240, а по Гор. Полож. 70 г. это число возросло до 20.000.

ограниченныя средства, постоянно проявляла дѣятельное исканіе способовъ возможно полнѣе отвѣтить на запросы жизни, на нужды населенія, на новыя теченія въ областяхъ «городского хозяйства», которое было ввѣрено ея заботамъ и попеченію.

А эти исканія были трудны. Иногда наталкивались или на прямое, а чаще на пассивное сопротивленіе со стороны властей предержащихъ. Городовое Положеніе ограничивало не только кругъ избирателей. Оно ставило тѣсныя рамки въ работѣ Городской Управы, подчиняло эту работу неусыпному контролю администраціи. А эта послѣдняя иногда весьма безцеремонно вмѣшивалась какъ въ рѣшенія городскихъ дѣлъ, такъ и въ дѣло приглашенія на городскую службу нужныхъ людей. Неутвержденія городскихъ служащихъ стали обычнымъ явленіемъ въ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь. Городская Управа, преобразовавъ дѣло управленія медико-санитарной частью, пригласила стать во главѣ санитарнаго отдѣла извѣстнаго общественнаго дѣятеля и общественнаго врача, Михаила Ильича Петрункевича. Это былъ просвѣщенный и талантливый врачъ, которому по рукѣ и по способностямъ была бы большая работа по его спеціальности въ такомъ центрѣ, какъ Москва. Однако, М. И. Петрункевичъ не былъ утвержденъ начальствомъ. Это была явная «политика», но осуществляемая не Городскимъ Управленіемъ, а властью, которая карала Москву за свои счеты съ Тверскимъ земствомъ и преслѣдовала обоихъ братьевъ Петрункевичей за ихъ земскую работу, за ихъ либерализмъ. Михаила Ильча не утвердили въ должности завѣдующаго Врачебно-Санитарной частью гор. Москвы. А когда спрашивали: «въ чемъ дѣло? Почему его не утвердили?», слѣдовалъ отвѣтъ: «Да вѣдь это братъ, знаете, того самаго Петрункевича»... А вина «того самаго» была въ томъ, что онъ оказывался «живымъ центромъ русской либеральной мысли» (Дурново) и «не давалъ покоя бюрократіи» (Горемыкинъ).

Неутвержденія служащихъ слѣдовали одно за другимъ. Но это вовсе не значило, что Городское Управленіе отыскивало неблагонадежные элементы и стремилось заполнить свои кадры революціонерами. Совершенно наоборотъ. Политическія тенденціи Московскаго Городского Общественнаго Управленія того времени были совершенно иныя. Но объ этомъ ниже.

Трудности работы Гор. Управленія были также и въ томъ, что въ его распоряженіи были очень ограниченныя средства, увеличить которыя Думѣ цензоваго состава въ тѣ времена было довольно трудно. Надзирающая администрація не была склонна поощрять особо интенсивное развитіе городского дѣла: чѣмъ спокойнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ меньше хлопотъ. Были бы выполнены обязательные расходы по содержанію полиціи, войскъ, мѣстъ заключенія и др. государственныя повинности, а до остального администраціи дѣла не было.

Составъ гласныхъ Московской Думы былъ дѣйствительно разнообразенъ и въ своихъ сочетаніяхъ довольно интересенъ.

Если гласные Думы знакомились съ новымъ Николаемъ Ивановичемъ и изучали новаго Городского Секретаря, то и онъ съ величайшимъ интересомъ, любопытствомъ, а иногда и увлеченіемъ, наблюдалъ и изучалъ это собраніе преинтересныхъ москвичей. Каждый въ своемъ родѣ представлялъ не только себя самолично, но свою среду, колоритную, вѣковую, свой вѣковой бытъ, со своими стародавними преданіями, привычками и строго соблюдаемыми обычаями. А обычаи эти и уклады были разные для разныхъ частей Москвы. Коренные жители Замоскворѣчья совсѣмъ были особенными. Обыватель Рогожской, Таганки, Преображенскаго не былъ похожъ на жителей Сущева. Мѣщанская часть совсѣмъ не то, что Лефортово, что Хамовники. Всѣ эти «части» города были особенныя, какъ бы сами города со своими нравами и причудами, особенностями, бытомъ, даже занятіями. Москва «интеллигентная» населяла Арбатъ и Пречистенку съ лабиринтомъ ихъ переулковъ. «Городъ» Москву-**City** — исключительно большія торгово-промышленныя предпріятія и банки. Замоскворѣчье — старозавѣтное московское купечество, въ недавнемъ прошломъ типы Островскаго; Рогожское — старообрядцы; Сущево — ямщики; Хамовники — ломовые извозчики и т. д. А московскіе ямщики — особый народъ, со своимъ самоуправленіемъ, хранящіе свои стародавнія сословныя учрежденія и традиціи! А ремесленники съ ихъ Ремесленной Управой съ Игн. Алек. Александровымъ во главѣ, со своими цеховыми устройствами! А мѣщане — со своими учрежденіями и сословными организаціями — безправные, «непривилегированные», стремящіеся выправить свое положеніе, стать, «какъ и другіе», и въ то же время не могущіе отдѣлаться отъ своей сѣрости и воспитанной приниженности. Купеческое сословіе имѣло свое самоуправленіе по своимъ сословнымъ дѣламъ, имѣло своего купеческаго старшину, которымъ въ то время былъ небольшой, худенькій, довольно безцвѣтный, однако съ высшимъ образованіемъ С. А. Булочкинъ. Но для обще-московскаго всесословнаго дѣла московскіе купцы и фабриканты, мѣщане, ремесленники, ямщики входили въ Думу. Къ тому времени московское купечество уже ярко выдѣлялось въ Думѣ двумя поколѣніями. Тутъ были **отцы,** въ большинствѣ съ «домашнимъ» или среднимъ образованіемъ; многіе изъ нихъ окончили московское нѣмецкое училище **Peter-Schule** въ Козьмодемьянскомъ переулкѣ на Покровкѣ. Тутъ были и **дѣти,** уже прошедшіе университетъ по разнымъ факультетамъ и другія высшія учебныя заведенія.

Въ Думѣ одновременно засѣдали иногда цѣлые купеческіе кланы: отцы, дядья, сыновья и племянники, иногда одновременно даже внуки. Родъ извѣстныхъ московскихъ жертвователей «благотворителей» Бахрушиныхъ постоянно имѣлъ въ Думѣ одновременно нѣ-

сколькихъ представителей разныхъ поколѣній. Старики благотворители, Василій и Александръ Алексѣевичи Бахрушины, почетные граждане города Москвы въ воздаяніе за ихъ непрерываемыя, въ интересномъ планѣ осуществлявшіяся пожертвованія, ихъ сыновья Владиміръ и Алексѣй Александровичи Бахрушины, изъ которыхъ Алексѣй — извѣстный создатель Театральнаго Музея въ Москвѣ. Впослѣдствіи, представитель третьяго поколѣнія, талантливый историкъ Сергѣй Владиміровичъ Бахрушинъ. Кромѣ нихъ засѣдали въ Думѣ Константинъ и Николай Петровичи Бахрушины. Изъ нихъ одинъ отличался развѣ только своей чрезвычайной толщиной, а другой — молчаливостью. Одно время весь этотъ родъ засѣдалъ въ Московской Думѣ, являя интересную картину крѣпкой семьи, крѣпко связанной съ общественной работой, давшей Москвѣ, въ смѣнѣ поколѣній, рядъ индивидуальностей и рядъ благотворительныхъ учрежденій.

Интересную семейную группу представляли Гучковы. Одновременно гласными Думы были Иванъ Ефимовичъ Гучковъ со своимъ братомъ Федоромъ Ефимовичемъ и пріобрѣтшіе большую извѣстность сыновья перваго,, Николай Ивановичъ и Александръ Ивановичъ Гучковы. Въ то-же время состоялъ гласнымъ ихъ младшій братъ Константинъ и, короткое время, Федоръ.

Тутъ были названные уже братья Николай и Александръ Найденовы. Изъ нихъ старшій, Николай Александровичъ, издатель извѣстнаго альбома Московскихъ церквей, державшій въ свое время московское купечество въ полномъ подчиненіи.

Отецъ, сынъ и дядя Вишняковы. Изъ нихъ Александръ Семеновичъ Вишняковъ одинъ изъ основателей Московскаго Коммерческаго Института, и старикъ Николай Петровичъ, уже въ преклонныхъ годахъ ставшій недурнымъ художникомъ и музыкантомъ. Два брата Абрикосовыхъ и др.

Все это коренныя московскія семьи, крѣпко связавшія себя съ московскимъ общественнымъ дѣломъ. Онѣ были какъ бы непремѣнными членами Московскихъ Думъ, званіе гласныхъ переходило изъ рода въ родъ. Семья Гучковыхъ, изъ которыхъ Николай Ивановичъ былъ избранъ въ концѣ 1905 года Городскимъ Головой, имѣла и въ прошломъ еще Городского Голову. Въ 1859 году въ Москвѣ былъ Головой Ефимъ Федоровичъ Гучковъ. Семья эта оказывается связанной съ городскимъ дѣломъ не только въ Россіи. Одинъ изъ восходящихъ по роду матери, которая была француженкой, былъ мэромъ одного изъ городковъ Франціи.

Среди гласныхъ были и потомки бывшихъ на Москвѣ Городскихъ Головъ — Ляминъ, Третьяковъ, Рукавишниковъ. Были и крупные, предпріимчивые промышленники,, были и крупные дѣятели торгово-промышленнаго міра, и общественные дѣятели.

Не стало больше московскаго купечества. Его старый бытъ съ

темными сторонами Замоскворѣчья нашелъ отраженіе въ комедіяхъ Островскаго. Не нашли отраженія въ литературѣ другія черты этого интереснаго «сословія», давшаго такія крупныя имена, какъ Алексѣевы (Станиславскій), Боткины, Бахрушины, Морозовы, Третьяковы, Щукины, Солдатенковы, Сабашниковы, Якунчиковы, Лепешкины, Мамонтовы и множество другихъ. Среди этихъ именъ мы встрѣчаемъ и выдающихся русскихъ женщинъ — Варвара Алексѣевна и Маргарита Кирилловна Морозовы, В. И. Фирсанова, Е. С. Пѣтухова.

Но въ основѣ Московская Дума была довольно сѣрой. Человѣческая масса, составлявшая гласныхъ Московской Думы, была въ общемъ инертной массой, состоявшей иногда изъ очень трудолюбивыхъ, благонамѣренныхъ людей наилучшихъ побужденій, но мало культурныхъ и привыкшихъ смотрѣть на общественное дѣло, на сложное хозяйство Москвы, какъ на собственное маленькое дѣло. Методы управленія городскимъ дѣломъ, по ихъ мнѣнію, тѣ же самые, что порядокъ управленія собственными фабриками, булочными, трактирами и постоялыми дворами.

Московская Дума имѣла свои строгіе нравы, свои обычаи, отступать отъ которыхъ было невозможно. Такъ, далеко не всѣ гласные могли свободно говорить въ Думѣ. Право «выступать» въ Думѣ нужно было пріобрѣсти. Пустой болтовни Дума не терпѣла. Неосторожный выступатель изъ молодыхъ встрѣчалъ такой суровый пріемъ, такіе недоброжелательные взгляды, Дума обдавала его такимъ ледянымъ холодомъ, что надолго отучала смѣльчака отъ попытокъ выступить, не заслуживъ вниманія Думы.

Замѣчательно, что въ Московской Думѣ нужно было умѣть говорить, чтобы слушали. Отмѣчалось всѣми, не безъ своеобразнаго удовлетворенія, что даже такіе неподражаемые корифеи краснорѣчія, какъ знаменитый Ф. Н. Плевако или, позднѣе, Н. П. Шубинскій, никакъ не могли найти надлежащаго тона, чтобы говорить въ Думѣ, чтобы овладѣть ея вниманіемъ и сочувствіемъ. Видно было, какъ эти избалованные ораторы сами чувствовали, что нашу Думу они не захватываютъ, что она холодна къ ихъ пафосу, что ихъ рѣчи пролетаютъ мимо нея, не задѣвая, а часто вызывая скептическія улыбки. Адвокаты недоумѣвали, раздражались, поднимались на самыя вершины своего краснорѣчія и явно для себя и для всѣхъ внемлющихъ — проваливались...

А слѣдомъ за ними какой нибудь А. П. Максимовъ, конфетный фабрикантъ съ Алексѣевской улицы въ Рогожской, на своемъ своеобразномъ языкѣ произносилъ рѣчь «изъ нутра», пересыпая ее неподражаемымъ юморомъ и мѣстными словечками... и его всѣ слушали, одобрительно кивая головой на простыя хозяйственныя мысли, которыя онъ высказывалъ, и ухмыляясь на его незатѣйливыя шутки и мѣткія словечки. Онъ зналъ, что его слушаютъ, и легонь-

ко, къ общему удовольствію, зажмуривъ глаза, задѣвалъ раздосадованнаго златоуста.

— Гдѣ ужъ намъ съ суконнымъ рыломъ да въ Калашный рядъ, гдѣ ужъ намъ тягаться съ знаменитыми адвокатами. Ихъ вся Россія слушаетъ! А мое дѣло пропѣть! А тамъ разсвѣло или не разсвѣло — судите сами.

И этотъ рогожскій ораторъ, самъ сравнившій себя съ пѣтухомъ, былъ близокъ настроенію многихъ гласныхъ. Къ нему относились съ благодушіемъ и уваженіемъ: знали, что только онъ одинъ прочитываетъ всю массу печатныхъ матерьяловъ, которыми, въ видѣ докладовъ, отчетовъ, смѣтъ — снабжали гласныхъ Городская Канцелярія и Городская Управа. Этотъ рогожскій ораторъ, со своимъ несравненнымъ, яркимъ, образнымъ языкомъ, имѣлъ часто большій успѣхъ въ Думѣ, чѣмъ лучшіе ораторы и златоусты. Максимовы были непобѣдимы, когда затрагивались вопросы быта, обычая, коренного интереса изъ избирателей.

Но бывали и скучнѣйшіе, бездарные и малограмотные мѣстные Мирабо, которые изводили Думу своими пространными рѣчами. Ими тяготились, ихъ мало слушали, но имъ давали говорить, признавая ихъ мѣстными авторитетами. Среди нихъ былъ, считавшій себя выдающимся ораторомъ, мѣщанинъ, косой Н. А. Алексѣевъ. Онъ заводилъ свою рѣчь издалека, оснащая ее цвѣтами краснорѣчія и иностранными словами. Становясь въ позу обличителя, ядовито требовалъ объясненій отъ Управы, будучи на стражѣ интересовъ пославшаго его въ Думу Лефортовскаго населенія. Это были интересы своей колокольни. Но онъ былъ всегда на стражѣ ихъ. Жалуясь однажды на то, что его районъ еще не имѣетъ канализаціи, онъ патетически заявилъ, что Управа обслуживаетъ только центръ города что несправедливо, чтобы только изъ центральныхъ частей «городскіе эксперименты текли на колониціонныя поля», когда окраины тонутъ въ грязи и остаются бездоходными около зловонныхъ городскихъ свалокъ.

Были и гласные, которые сверкая алмазами на перстняхъ, въ минуты, когда администраціей нарушались права города, предлагали: «испросить уединенцію у Его Императорскаго Величества, Государя Императора, и доложить ему сущую правду».

Были простодушные старики, которые считали необходимымъ (въ первые мѣсяцы своей дѣятельности еще съ непривычки къ думскимъ порядкамъ) по каждому докладу подниматься, требовать слова и заявлять:

— А я по докладу № такому-то — нѣтъ, не согласенъ.

Произнеся эту формулу, или противоположную по смыслу: «да, согласенъ», старичекъ садился, при общемъ недоумѣніи.

Гласный Вавиловъ, изъ Сущева, любилъ аргументировать свои рѣчи, произносимыя безаппеляціоннымъ тономъ, сочно произноси-

мыми словами: «Сама собой разумѣется!». А гласный П. А. Работкинъ почему-то часто вставлялъ въ свои рѣчи два французскихъ слова: **dos à dos**, придавая этимъ словамъ какой то особый смыслъ и значеніе.

Баньщикъ съ Мѣщанской, коротконогій, съ сизымъ носомъ Малышевъ, на предвыборномъ собраніи въ трактирѣ Бубнова, кланяясь составителямъ кандидатскихъ списковъ, просилъ оказать ему милость, записать его въ списки и избрать въ гласные на новый срокъ.

— Прошу васъ, господа почтенные, изберите меня въ Градскую Думу гласнымъ, чтобы при отлучкѣ изъ дому могъ сказать женѣ, что уѣзжаю молъ, въ Думу, дѣла опчественныя рѣшать.

И Малышеву оказывали милость и нѣсколько разъ подрядъ избирали гласнымъ. Въ Думу онъ показывался не часто, хранилъ глубокомысленное молчаніе, голосовалъ со своими, по указкѣ.

На выборы гласныхъ, производившіеся по шести частямъ, на которыя былъ раздѣленъ городъ, являлся весьма разнообразный по составу избиратель. По второму избирательному округу, въ составъ котораго входили Арбатъ и Пречистенская полицейскія части — избирателями являлись представители интеллигенціи — профессора, адвокаты. Иногда интеллигенціи приходилось считаться съ шумной, сѣрой толпой избирателей Хамовнической части. Это были содержатели постоялыхъ дворовъ, дворовъ для извозчиковъ, трактирщики, мѣстные мѣщане. Ими руководили гласные, присяжный повѣренный Ф. Ф. Воскресенскій и А. С. Шмаковъ, ведшіе непримиримую борьбу съ прогрессивными теченіями въ Гор. Думѣ. Замоскворѣчье, Рогожская часть, Сущево — давали сѣраго избирателя. Являлись старозавѣтные, патріархальные старцы съ длинными, сѣдыми бородами, въ длиннополыхъ сюртукахъ, а то и русскихъ поддевкахъ, въ сапогахъ бутылками. Среди этихъ старцевъ, нарочно приведенныхъ для баллотировки, прохаживались взволнованные, озабоченные, красные, пóтные кандидаты, претендующіе на избраніе. Это мѣстные тузы, ведущіе борьбу, кто изъ тщеславія, кто изъ-за мѣстнаго интереса.

— Ужъ ты, Иванъ Трофимовичъ, поддержи, шарокъ то свой положи мнѣ направо. А я ужъ, когда буду въ Думѣ, безпремѣнно переулочекъ къ твоему дому вымощу. Не все же въ грязи топнуть. Ужъ окажи поддержку. А то вонъ какъ Приваловъ старается!

А въ это время Приваловъ, какъ опытный демагогъ, произноситъ рѣчь, окруженный внимательными слушателями. Онъ тоже говоритъ о замощеніи окраинъ, о свалкахъ нечистотъ, которыя подступаютъ къ жилью. Но его рѣчь уже болѣе общаго характера. Въ ней чувствуется увѣренный тонъ многолѣтняго гласнаго, не сомнѣвающагося въ своихъ силахъ.

Избирателей вызываютъ по алфавиту въ большой думскій залъ, гдѣ длинными рядами на особыхъ подставкахъ разставлены избира-

тельные ящики съ ярлыками, обозначающими имя, отчество и фамилію баллотирующихся, съ отверстіемъ для руки избирателя и съ двумя отдѣленіями, чернымъ и бѣлымъ — неизбирательнымъ и избирательнымъ. Выборы происходятъ чинно, степенно, въ полной тишинѣ. Избиратели, сопровождаемые иногда спеціально приглашенными студентами, иногда торговыми смотрителями, проходятъ вдоль избирательныхъ ящиковъ, получаютъ для каждаго ящика шаръ и таинственно опускаютъ его въ ящикъ. У нѣкоторыхъ въ рукахъ записочка. Это значитъ — вѣренъ своей группѣ и избираетъ только тѣхъ, кто указанъ руководителемъ. А бывали и такіе простецы, которые, получивъ шаръ, отходили на нѣкоторое разстояніе отъ баллотировачнаго ящика и, прицѣлившись, бросали шаръ въ дырку. Пускай самъ скатится куда Богъ велитъ. Не сразу такой избиратель понималъ, что отъ него требовалось.

Попавъ въ Думу, большинство «простыхъ» гласныхъ молчало и голосовало за своими вожаками или, впослѣдствіи, за излюбленными руководителями, лидерами своихъ группъ.

А такихъ блестящихъ руководителей думской работы въ Московской Думѣ было много. Въ Думу охотно шли выдающіеся москвичи. Изъ состава московскаго просвѣщеннаго купечества и московской передовой интеллигенціи и сложилась та большая культурная сила, которая создала такъ много выдающихся цѣнностей въ Москвѣ, для Москвы и для ея населенія; создалась та работа, которая ставила Московское Городское Управленіе во главѣ всѣхъ городскихъ управленій Россіи.

Эта сила выростала изъ стараго быта, который крѣпко еще держался въ глубинахъ московскихъ темныхъ угловъ, но уже смѣнялся новыми слагавшимися привычками, вкусами и стремленіями, которые еще не достаточно оформились, еще не осознали себя въ должной мѣрѣ. Новый слагавшійся бытъ еще не окрѣпъ. Онъ долженъ былъ подвергнуться испытанію, чтобы опредѣлить свою жизненность. И испытаніе это наступило скорѣе, чѣмъ было нужно.

Среди группы талантливыхъ руководителей городскаго дѣла Москвы нужно прежде всего назвать нынѣ покойнаго, убитаго большевиками Н. Н. Щепкина*) и обоихъ братьевъ Гучковыхъ. Въ то время, конецъ 90-хъ и начало 1900-хъ годовъ, эти три лица составляли дружную группу хорошихъ пріятелей, которые являлись какъ бы живыми двигателями городского дѣла, будучи въ то же время въ оппозиціи. Имъ принадлежала прогрессивная иниціатива въ городскомъ дѣлѣ, они, иногда очень больно, стимулировали нѣсколько медлительную и недостаточно яркую Управу. Они были въ центрѣ городского дѣла въ тѣ годы. Ихъ вниманіе было сосредоточено по

*) О Щепкинѣ см. мою статью въ сборникѣ «Памяти погибшихъ». Парижъ, 1930 г.

преимуществу на хозяйственной сторонѣ дѣла, въ широкомъ смыслѣ слова. Финансы, смѣты, городскія предпріятія, самый порядокъ веденія дѣла — вотъ что поглощало ихъ энергію. Н. Н. Щепкинъ велъ большую работу по подготовкѣ устройства городского электрическаго трамвая, въ сотрудничествѣ съ инженерами А. Л. Линевымъ и Е. Я. Шульгинымъ. Московскій трамвай въ значительной мѣрѣ обязанъ ему своимъ превосходнымъ устройствомъ.

Не вмѣшиваясь въ борьбу оппозиціи съ Управой, принимали большое участіе въ городскомъ дѣлѣ выдающіеся москвичи того времени: С. А. Муромцевъ, В. И. Герье, В. М. Духовской, В. М. Пржевальскій, П. Г. Виноградовъ, въ короткое время пребыванія гласнымъ успѣвшій провести и осуществить обширный планъ общедоступности начальнаго образованія въ Москвѣ, А. И. Геннертъ, обычный защитникъ Управы всѣхъ составовъ, Н. Н. Перепелкинъ, Л. Н. Сумбулъ. Лица, вносившія въ думскую работу иниціативу, часто оказывались гласными «по довѣренностямъ» отъ учрежденій. Эти «довѣренности» открывали путь въ Думу не домовладѣльцамъ и не купцамъ. Они вносили большое оживленіе въ работу Думы.

Участіе С. А. Муромцева въ Московской Городской Думѣ отмѣчено мной въ статьѣ, помѣщенной въ Сборникѣ, посвященномъ его памяти. Муромцевъ велъ большую работу въ Думѣ. Велъ ее со свойственнымъ ему изящнымъ педантизмомъ. Онъ предсѣдательствовалъ въ Комиссіи по организаціоннымъ вопросамъ и по изданію обязательныхъ постановленій Городской Думы. Тутъ онъ проявлялъ великое мастерство тонкой юридической работы. Его доклады, которые онъ самъ писалъ, представляли иногда шедевры юридическаго построенія, а его рѣчи въ Думѣ, въ поясненіе или въ защиту своихъ докладовъ, были блестящими лекціями изъ области административнаго права или на тему о задачахъ общественной работы. Его прекрасная, величественная фигура, его красивый голосъ, его часто очень оживленное слово приковывали вниманіе Думы. Его слушали всѣ — старые и молодые гласные, арбатскіе и рогожскіе гласные. Всѣмъ было пріятно и радостно послушать Муромцева, въ которомъ такъ гармонически сочетались красота и величественность внѣшнія съ глубиной мысли. Онъ прививалъ Московской Думѣ изысканные нравы англійскаго парламента. Его рѣчи были образцомъ парламентскаго краснорѣчія: ни одной рѣзкости въ самыхъ жгучихъ преніяхъ никогда отъ него не было слышно. Оружіемъ, уничтожающимъ противника, была логика, неопровержимая аргументація, а иногда тонкій юморъ, который замѣнялъ Роландовскій ударъ, на который онъ, конечно, былъ способенъ. Однако, выдержка, дисциплина давали ему возможность блестяще обнаружить, какъ нужно вести борьбу съ противникомъ въ общественномъ собраніи. Его обращеніе къ противнику, невѣжественному и безтолковому, горячащемуся и говорящему завѣдомый вздоръ, со словами: «почтенный ораторъ, мой

уважаемый оппонентъ, достоуважемый гласный», уничтожали мѣстнаго Мирабо, но придавали всему безукоризненный тонъ. Это были превосходные уроки общественности. Не ошибусь, если скажу, что гласные москвичи въ подавляющемъ большинствѣ гордились, что въ въ ихъ средѣ Муромцевъ, тотъ самый, который былъ профессоромъ Московскаго Университета, который по «независящимъ», какъ тогда говорили, обстоятельствамъ вынужденъ былъ уйти въ отставку, сталъ адвокатомъ и съ большимъ интересомъ работалъ въ Думѣ, рѣдко пропуская ея засѣданія.

А Муромцевъ самъ говорилъ, что работа въ Думѣ его интересуетъ, она является подготовительной работой къ болѣе широкой работѣ, которую когда-то русскимъ людямъ придется производить уже не только для Москвы, а для всей Россіи. Онъ говорилъ это, засиживаясь иногда въ моемъ кабинетѣ и разсказывая, какъ технически выполняетъ онъ всякую работу. Выдержка его, педантическая точность въ каждой детали работы — поражали. У него можно было научиться не только римскому праву, не только юридической наукѣ, не только общественному дѣлу, но и тому, какъ нужно было дѣлать это дѣло и какъ, добиваясь точности и ясности формъ, можно было обезпечить существо дѣла. Муромцевъ частенько затрагивалъ въ своихъ разговорахъ въ моемъ кабинетѣ самыя широкія и разнообразныя темы, далеко выходящія за предѣлы дѣлъ его Комиссій и задачъ Городского Управленія. Онъ затрагивалъ иногда тёмы политическія и, казалось мнѣ, что ему доставляло удовольствіе находить во мнѣ созвучныя настроенія. Взаимное довѣріе между нами росло и перешло въ добрыя личныя отношенія, которыя мнѣ были очень дороги.

Муромцевъ очень живо интересовался вопросами, касавшимися коренныхъ улучшеній города Москвы. Будучи европейцемъ, онъ хотѣлъ дать Москвѣ такое устройство, которое сдѣлало бы изъ нея современный европейскій городъ, сохраняя, однако, ея своеобразіе и историческую красоту. Поэтому онъ съ особымъ интересомъ изучалъ проекты большихъ переустройствъ Москвы. Проектъ Балинскаго Рязано-Уральской ж. д., Московскаго метрополитена, большого проспекта Москвы — все это останавливало вниманіе и онъ съ головой уходилъ въ обсужденіе всѣхъ сторонъ интересовавшаго его дѣла.

Впослѣдствіи — предсѣдатель Государственной Думы — онъ вспоминалъ о нашей совмѣстной съ нимъ работѣ въ Московской Думѣ и вновь повторялъ, что работа въ Организаціонной Комиссіи Московской Городской Думы очень помогла ему при составленіи его первоначальнаго проекта Наказа Государственной Думы.

Обычно Муромцевъ блестяще проводилъ свои доклады въ Думѣ. Онъ былъ незамѣнимымъ творцомъ и редакторомъ мѣстнаго закона, которымъ являлись Обязательныя Постановленія Городской

Думы. Но, однажды, онъ потерпѣлъ полное крушеніе и докладъ его, который онъ защищалъ съ горячностью, провалили при шумномъ восторгѣ заполнявшей эстраду публики. Докладъ былъ объ изданіи обязательныхъ постановленій о коровникахъ, содержимыхъ въ чертѣ города Москвы. Проектъ обязательнаго постановленія, составленный Муромцевымъ, былъ довольно скроменъ. Онъ не требовалъ голландскихъ усовершенствованій. Онъ требовалъ только элементарной чистоты, стоковъ и свѣта. Проектъ вызвалъ цѣлую бурю. Коровники со всѣхъ окраинъ города, провѣдавъ о проектѣ, завопили, бросились къ гласнымъ своего участка. Гласные взволновались, бросились къ своимъ лидерамъ, къ гласному Ф. Ф. Воскресенскому, оппонировавшему всякому предложенію, откуда бы оно ни исходило, во имя идей одному ему понятныхъ. Это было воплощеніе «особаго мнѣнія» по каждому вопросу.

Воскресенскій, Найденовъ и всѣ гласные, связанные корнями съ интересами домовладѣльцевъ, горячо приняли подъ свою защиту интересы коровниковъ. Проектъ обязательнаго постановленія объявленъ былъ нарушающимъ священныя права собственности, обозванъ былъ соціалистическимъ и непріемлемымъ для Московской Думы. Наступилъ день разсмотрѣнія проекта обязательнаго постановленія о коровникахъ. Гласные оказались въ небываломъ количествѣ. Торжественность и возбужденіе были написаны на лицахъ гласныхъ, которые должны были вступить въ борьбу и состязаніе съ самимъ Муромцевымъ. Эстрада для публики въ большомъ Думскомъ залѣ была переполнена людьми въ чуйкахъ, какими то бабами въ ковровыхъ шаляхъ, людьми, которые никогда на думскихъ засѣданіяхъ не показывались.

Произошелъ бой. Муромцевъ спокойно и вѣско защищалъ свой проектъ. Но сопротивленіе явнаго большинства было настолько ожесточенно, настолько злобно, что Сергѣй Андреевичъ не выдержалъ и обрушился грозной филиппикой на своекорыстную защиту частнаго интереса въ ущербъ общаго дѣла. Но большинство было сплоченное. Докладъ Муромцева былъ поддержанъ десяткомъ-двумя гласныхъ, близкихъ Муромцеву. Громадное же большинство докладъ о коровникахъ провалило.

Извѣстный въ Москвѣ профессоръ В. И. Герье — былъ старымъ гласнымъ Московской Городской Думы. Въ большомъ думскомъ залѣ, который еще не имѣлъ неуклюжаго амфитеатра послѣднихъ лѣтъ, когда гласные еще сидѣли на простыхъ «вѣнскихъ стульяхъ» рядами, охватывающими большой столъ Городской Управы, покрытый краснымъ сукномъ, В. И. Герье, изъ четырехлѣтія въ четырехлѣтіе занималъ всегда одно и то же мѣсто въ первомъ ряду стульевъ, на правомъ углу управскаго стола. Къ концу столѣтія, уже въ очень преклонныхъ годахъ, Владиміръ Ивановичъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ пачкой думскихъ докладовъ подъ мыш-

кой, являлся безъ опаздыванія въ каждое засѣданіе Думы. Онъ имѣлъ очень много заслугъ передъ Думой, велъ большую работу, будучи безсмѣннымъ предсѣдателемъ Комиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, черезъ которую приходили всѣ просьбы учрежденій и организацій, обращавшихся къ Думѣ за пособіями. Ему съ В. М. Духновскимъ*) Москва обязана созданіемъ своихъ городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ. Къ нему всѣ относились съ большимъ почтеніемъ. Знали и цѣнили его замѣчательную настойчивость по устройству и веденію знаменитыхъ сначала Курсовъ Герье, а потомъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ Герье. Вообще, это была очень замѣтная фигура въ Москвѣ и въ Московской Думѣ. Это былъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ гласныхъ. Одно время онъ даже былъ Предсѣдательствующимъ въ Думѣ при разсмотрѣніи отчетовъ о дѣятельности Управы. Всегда сухой, часто готовый обидѣться или напасть на возражающаго, В. И. Герье рѣдко участвовалъ въ общихъ разговорахъ въ кулуарахъ Думы, держался въ сторонкѣ, являя собой законченную индивидуальность, не ищущую сліянія съ другими и вносящую въ общественное дѣло то, что онъ находилъ нужнымъ. Эта нѣкоторая отчужденность его осложняла отношенія съ нимъ. А его иногда скептической, иногда саркастической улыбки и рѣдкихъ, но колючихъ репликъ побаивались даже опытные и смѣлые думскіе ораторы. Его рѣчи въ Думѣ никогда не были особенно пространны. Онѣ всегда были хорошо аргументированы, всегда дѣловыя, иногда язвительныя, но безъ цвѣтовъ краснорѣчія, чаще сухія, какъ и онъ самъ. Но особенно дорого было въ нихъ то, что каждый отдѣльный, разбираемый имъ случай связывался съ основными принципами общественной работы.

Въ Московской Думѣ эти принципы очень оберегались. Отъ нихъ не отступали. Это дѣлало работу Московской Думы устойчивой, ясной и понятной для населенія. Цензовая Дума утрачивала свою замкнутость и изолированность отъ населенія ,ибо принципы ея работы не были въ противорѣчіи съ интересами населенія. Напротивъ того, они въ полной мѣрѣ совпадали съ его пользами и нуждами. Лучшіе и наиболѣе талантливые гласные, имена которыхъ уже были названы мной, оберегали эти принципы и продолжали традицію Московской Городской Думы, корни которой были заложены давно и которая офармливалась въ годы кн. Щербатова, кн. Черкасскаго, Б. Н. Чичерина, при участіи М. П. Щепкина, Н. С. Четверикова, Ив. Аксакова и др.

Существо традицій Московской Думы сводилось къ тому, что Дума дѣлаетъ не чисто хозяйственное дѣло, а большое общественное дѣло, нужное для всей Москвы, для всего населенія города.

*) Ему обязано населеніе Москвы широко поставленнымъ обслѣдованіемъ коечно-ночлежныхъ квартиръ.

Московская Дума никогда не забывала, что Москва — сердце Россіи и что ея работа нужна для Россіи, связанной съ нею духовными и матерьяльными узами. Московская Дума строго берегла свое достоинство и независимость, отдавала должное С. Петербургу, не фрондировала передъ нимъ, исполняла свой долгъ, указанный въ законѣ, но жила своею жизнью, создавала и берегла свои нравы и свой московскій укладъ. Будучи цензовой, поневолѣ считаясь съ интресами класса, который былъ въ ней представленъ, **она вела внѣклассовую работу для всѣхъ.** Московской Думѣ вѣрило населеніе. Ворчала пресса на ея медлительность, на то, что она не обращаетъ Москву въ цвѣтущій садъ, въ городъ со всѣмъ благоустройствомъ европейской цивилизаціи. Но и она цѣнила работу Думы. А граждане Москвы несли ей свои пожертвованія, отдавали свои капиталы и имущества, завѣщали свои средства, зная, что Московская Дума выполнитъ ихъ волю свято. И Москва пользовалась сложной сѣтью учрежденій благотворительныхъ и просвѣтительныхъ, имѣющихъ цѣлью также и глубже идти навстрѣчу общимъ нуждамъ всего населенія. Будучи цензовой, Московская Дума дѣлала работу, которая все болѣе и болѣе пріобрѣтала характеръ демократическій. Въ этомъ заслуга крупныхъ общественныхъ дѣятелей, къ которымъ перешло лидерство въ работѣ Московской Думы.

Работу въ Московской Думѣ мы привыкли называть общественной работой. Старые думскіе кряжи не любили этого новаго термина. «Какая тамъ общественная работа, просто работа въ предѣлахъ, точно указанныхъ въ законѣ». Не удовлетворялись этимъ терминомъ и тѣ, кто стремились къ полному и широкому переустройству общественныхъ учрежденій на широкихъ демократическихъ началахъ. Такимъ образомъ «Общественная Дума» нашего времени, на рубежѣ двухъ столѣтій, оказалась переросшей узкія одежды, скроенныя ей городовымъ положеніемъ 1892 года. Ея составъ былъ оторваннымъ отъ толщи населенія, ей не хватало правъ, не было въ ея распоряженіи надлежащихъ средствъ, чтобы развернуть дѣло въ должномъ размѣрѣ. Но тѣмъ не менѣе работа ея шла, развиваять и совершенствуясь. Сложилось съ теченіемъ времени такъ, что мой маленькій кабинетъ Городского Секретаря сталъ нѣкоторымъ центромъ, въ которомъ сосредотачивались мнѣнія, пожеланія, выраженія неудовольствія гласныхъ разныхъ направленій, членовъ Управы, служащихъ и даже постороннихъ Думѣ лицъ, которыя обращались къ Думѣ или къ Управѣ съ просьбами, жалобами и разными ходатайствами о пособіяхъ. Говорили обыкновенно: «Не хочу безпокоить князя», или «съ Управой вашей не договришься, одинъ посылаетъ къ другому, ужъ я вамъ разскажу свое дѣло». Вскорѣ мнѣ пришлось быть какъ-бы буферомъ между оппозиціей и Управой. Братья Гучковы, Щепкинъ часто изливали мнѣ свое недовольство на Управу, указывали на свои намѣренія. Иногда мы совмѣстно устанавливали

согласительный планъ дѣйствій. Вскорѣ мой кабинетъ сталъ дѣйствительнымъ центромъ, въ которомъ разговоры шли на самыя разнообразныя темы. Это стало особенно замѣтно, когда Московская Дума вступила на путь такъ называемой политики.

Въ указаные годы составъ Городской Управы былъ не изъ блестящихъ. Фактическимъ руководителемъ ея и отвѣтчикомъ за ея дѣйствія передъ Думой былъ Товарищъ Городского Головы Ив. А. Лебедевъ. Это былъ своеобразный человѣкъ большихъ качествъ, но и преисполненный свойствъ, которыя были въ полной дисгармоніи съ его положеніемъ замѣщающаго Московскаго Городского Голову. Начать съ того, что Иванъ Алексѣевичъ обладалъ весьма не представительной внѣшностью. Когда-то незаурядный историкъ, бывшій прекрасный учитель гимназіи, сухой, подслѣповатый, съ краснымъ носомъ, съ глухимъ голосомъ, чрезвычайно некраснорѣчивый, начинавшій всякое свое слово съ неизмѣнныхъ «тутъ — такъ», Иванъ Алексѣевичъ однимъ своимъ видомъ навѣвалъ невыносимую скуку. Столь же скучны и нудны были его рѣчи. Но кромѣ нудности въ нихъ, да и во всемъ его образѣ дѣйствій, было нѣчто деревянное, сухое и формальное. Казалось, что все, что проявляло жизненность и способность къ движенію, не только вызывало съ его стороны протестъ, но даже оскорбляло его. Онъ не столько двигался самъ, сколько сопротивлялся движенію. Къ тому же онъ былъ нелюдимаго, тяжелаго нрава. Съ нимъ, бывало, не поговоришь и не посовѣтуешься. Однако, это былъ человѣкъ преданный городскому дѣлу, знавшій и любившій его по своему. Только его взгляды на городское дѣло отставали отъ ускореннаго темпа жизни, а въ пылкихъ рѣчахъ увлекавшихся и живыхъ дѣятелей, вродѣ Н. Н. Щепкина, онъ видѣлъ опасныя для города затѣи и авантюры. Это онъ, когда былъ членомъ Управы, завѣдывавшимъ Училищнымъ Отдѣломъ, не допускалъ, чтобы городскія учительницы выходили замужъ. Для большаго московскаго дѣла онъ не годился, хотя и представлялъ собой довольно точную справочную книгу по городскому хозяйству Москвы.

Изъ состава Управы того времени выдѣлялся членъ Управы, завѣдывавшій благотворительнымъ отдѣленіемъ, В. Н. Григорьевъ, самый лѣвый изъ всего состава Управы. Бывшій саперный офицеръ, статистикъ, изслѣдованіе котораго въ давнія времена было однажды сожжено по распоряженію губернскаго начальства., Василій Николаевичъ былъ близокъ къ Короленкѣ — это онъ и познакомилъ меня съ маститымъ писателемъ. Василій Николаевичъ обладалъ благообразной внѣшностью. Умное лицо, большая сѣдѣющая борода, лысина, обрамленная сѣдыми волосами вѣнчикомъ, какъ у Николая Чудотворца. Онъ былъ пріятенъ въ обращеніи, не глупъ, но все въ немъ, начиная съ выраженія глазъ, улыбки, недоговоренныхъ мыслей, недосказанныхъ словъ, кончавшихся всегда не утвержденіемъ, а вопросомъ — не вызывало къ нему особаго довѣрія. Онъ всегда

чего-то не досказывалъ, останавливался на полусловѣ, какъ бы боясь договорить свою мысль до конца. Такъ было во всемъ и въ вопросахъ, которые имѣли политическій оттѣнокъ, и въ вопросахъ чисто дѣловыхъ. Василій Николаевичъ всегда былъ окруженъ лицами, которыя чаще всего попадали въ административную бѣду; по его отдѣленію чаще всего не утверждались служащіе. Часто, часто Василій Николаевичъ заходилъ ко мнѣ въ кабинетъ и начиналъ свое обращеніе стереотипной фразой: «Николай Ивановичъ, я знаю, какой вы добрый и отзывчивый человѣкъ»...

Я уже зналъ, что слѣдуетъ дальше. Оказывалось, что совершенно ни въ чемъ неповиннаго человѣка сегодня ночью арестовали, что ему грозитъ высылка изъ Москвы въ Сибирь или еще что-либо похуже. У него жена и новорожденный ребенокъ. Нужно выручать... Послѣ этого передавалась записка съ именемъ и фамиліей лица и я долженъ былъ ходатайствовать въ Канцеляріи Губернатора о судьбѣ ни въ чемъ не повиннаго человѣка. Много такихъ ходатайствъ было въ свое время обращено мною къ губернскому начальству черезъ добраго и отзывчиваго А. М. Полянскаго, завѣдывавшаго много лѣтъ Канцеляріей Московскаго Губернатора, и много облегченія было оказано разнымъ людямъ. Бывало, кое-кто зайдетъ пожать руку за услугу, но большинство принимало эти услуги, повидимому, какъ должное... «въ борьбѣ съ режимомъ».

Остальная Управа не представляла особаго интереса. Старѣйшимъ ея членомъ былъ казакъ по происхожденію, докторъ Д. Д. Дувакинъ, хранитель добрыхъ традицій Московскаго Городского Управленія. И онъ, и В. Н. Григорьевъ оставались безсмѣнными членами Управы до 1917 года.

Не могу не назвать имена и моихъ ближайшихъ сотрудниковъ по думскимъ Комиссіямъ. Среди нихъ были совершенно выдающіеся люди, которыми можно было гордиться. Имена ихъ свидѣтельствуютъ о характерѣ работы, которая совершалась въ думскихъ комиссіяхъ.

По просьбѣ С. А. Муромцева мною приглашенъ былъ Ф. Ф. Кокошкинъ, который нѣкотрое время былъ помощникомъ Городского Секретаря и секретарствовалъ въ комиссіи Муромцева и нѣкоторыхъ другихъ комиссіяхъ. С. В. Сперанскій, выдающійся статистикъ и сотрудникъ «Русскихъ Вѣдомостей», много лѣтъ велъ секретарскую работу въ Училищной Комиссіи. П. М. Богаевскій, будущій профессоръ международнаго права въ Кіевскомъ Университетѣ, одно время также занималъ должность помощника Городского Секретаря. А секретаремъ Финансовой Комиссіи много лѣтъ былъ В. Н. Сторожевъ, впослѣдствіи оказавшійся большевикомъ. Сторожевъ былъ историкомъ. Судить объ его дарованіяхъ, какъ историка — не берусь. Секретаремъ Финансовой Комиссіи онъ былъ лѣнивымъ и бездарнымъ. Терпѣли его изъ жалости къ нему. Самолюбивый, обид-

чивый, лѣнивый, чрезвычайно трусливый, онъ не пользовался ничьими симпатіями. Изумленіе было общее, когда послѣ выборовъ въ Думу въ 1917 году, онъ занялъ мѣсто на крайней лѣвой, среди оголтѣлыхъ большевиковъ.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о томъ, въ чемъ же выражалось участіе Московской Городской Думы въ политической жизни, я долженъ остановиться на отношеніи краснаго дома на Воскресенской площади къ земству и, въ частности, къ Московскому земству.

По закону Московская Дума имѣла своихъ представителей въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ числѣ такихъ представителей были Городской Голова и наиболѣе яркіе гласные Думы. Нѣкоторые городскіе гласные, замлевладѣльцы Московской губерніи, входили въ составъ губернскаго земскаго собранія. Городскіе гласные входили въ составъ земскихъ комиссій. Такимъ образомъ, связь Московской Думы съ земской работой была тѣсная и органическая. Городскіе гласные, какъ участники Московскаго губернскаго земства, въ особенности принадлежащіе къ московской интеллигенціи, были не только хорошо освѣдомлены о развивавшемся земскомъ движеніи, но живо сочувствовали ему и хорошо знали его руководителей и главныхъ дѣятелей. Въ этомъ земскомъ движеніи, начавшемся давно, видѣли не столько спеціально земское дѣло, сколько общерусское движеніе, находившее откликъ и въ другихъ группировкахъ людей, какъ-то кружкахъ профессорскихъ, писательскихъ и т. д.

Если основная толща Мосоквской Думы по своему культурному уровню значительно уступала губернскому земскому собранію, была иного соціальнаго состава, то интеллигентская группа Московской Думы ничѣмъ не отличалась отъ передовыхъ земцевъ. Это были, тамъ и тутъ, тѣ же русскіе интеллигенты, общественные дѣятели, русскіе либералы, которые продолжали дѣло освобожденія начатое предшествующими поколѣніями, ярко расцвѣтшее въ эпоху реформъ Александра II и заглушенное въ пору наступившей реакціи. Это были люди того же культурнаго слоя, тѣхъ же настроеній, тѣхъ же взглядовъ на политическія задачи, стоявшія передъ Россіей, и на методы ихъ разрѣшенія. Это были рѣшительные противники правительственной реакціи, душившей общественную жизнь, и столь же убѣжденные противники революціонныхъ устремленій, которыя все настойчивѣе и дерзновеннѣе проявляли себя, несмотря на суровыя мѣры борьбы и самозащиты со стороны власти. Это былъ одинъ и тотъ же общественный слой того времени, по существу демократы, не раздѣлявшіе, однако, соціализма и методовъ дѣйствія народниковъ. Это были одни и тѣ же соціальные элементы, тогда еще не организованные, но скоро ставшіе въ ряды одной и той же политической партіи. Только условія дѣйствія городскихъ

и земскихъ гласныхъ были разныя. Одни дѣйствовали въ средѣ городской буржуазіи, другіе имѣли подъ ногами земскую почву. У однихъ среда была довольно инертная, сознающая свою матеріальную силу, это — богатые промышленники, купцы и фабриканты, въ то время не стремившіеся еще широко ставить политическія проблемы. У другихъ была среда, въ которой прогрессивныя идеи давно взросли и стали руководящими въ ихъ земской работѣ. Эта работа, успѣхъ ея, не мирились съ произволомъ администраціи, съ походомъ противъ земства, начатымъ правительствомъ. Городскіе просвѣщенные гласные прекрасно понимали, что походъ противъ земства есть походъ противъ общественныхъ самоуправленій. Въ этомъ походѣ съ очевидностью выступалъ цѣлый планъ, цѣлая система политическаго дѣйствія, направленнаго къ подавленію общественной самодѣятельности въ Россіи и къ новому усиленію бюрократическаго начала. Брошюра Витте о самодержавіи и самоуправленіи, распространенная среди насъ, такъ же волновала насъ, горожанъ, какъ и земцевъ. Мы понимали общій, связывающій насъ, интересъ и общую опасность. Опасность не только для нашихъ общественныхъ учрежденій, но и для судьбы Россіи.

Кто это были «мы»? Это былъ тѣсный и въ тѣ времена небольной кружокъ гласныхъ, въ центрѣ котораго были А. С. Муромцевъ и Н. Н. Щепкинъ. Это не была организованная группа. Скорѣе это было соприкосновеніе лицъ одинаковыхъ настроеній, находившихъ другъ друга на общественной работѣ. Большинство этого кружка приняло участіе въ Союзѣ Освобожденія (1903 г.). На работѣ мы узнавали другъ друга и получали возможность обсуждать вопросы, которые далеко выходили за предѣлы думскихъ дѣлъ. А для разговоровъ внѣ думскихъ дѣлъ темы росли и множились.

Какъ-то разъ, мимоходомъ, Сергѣй Андреевичъ и Щепкинъ, припоминая, сколько и гдѣ происходило съѣздовъ земцевъ, говорили о большомъ значеніи этихъ съѣздовъ для общаго русскаго дѣла. Обращаясь ко мнѣ, Сергѣй Андреевичъ спросилъ:

— Вѣдь вы, Николай Ивановичъ, хорошо знаете думскую среду, какъ вы думаете, можно ли было созвать совѣщаніе изъ городскихъ головъ, что ли, или изъ гласныхъ Думъ?

Мой отвѣтъ былъ отрицательнымъ. Съѣздъ безъ представителей Петербурга былъ бы не полонъ, а Петербургская Дума была такъ не похожа на Московскую и не пользовалась ни симпатіями, ни авторитетомъ. Съ провинціальными Думами у насъ не было никакихъ связей, кромѣ случайной, чисто дѣловой переписки. Было ясно, что городская среда, съ цѣломъ, отставала отъ земской и еще не дозрѣла до потребности во взаимномъ общеніи.

Нужно отмѣтить, что отношенія Московской Думы къ московскому земству, какъ губернскому, такъ и уѣздному, были очень осложнены чисто дѣловыми, сосѣдскими взаимоотношеніями. Зем-

ство губернское разсматривало городъ Москву какъ своего данника, и еще съ 1888 г. постановило обложить губернскимъ земскимъ сборомъ торгово-промышленныя помѣщенія Москвы. Еще Городской Голова Н. А. Алексѣевъ вступилъ въ борьбу съ земствомъ по этому поводу. Борьба продолжалась при Рукавишниковѣ. Въ этой борьбѣ земство побѣдило, и городскія недвижимыя имущества были привлечены къ обложенію земскимъ сборомъ. Это была борьба двухъ сильныхъ сосѣдей. Одинъ изъ нихъ — земство — во главѣ съ знаменитымъ Д. Н. Шиповымъ, побѣдило. Естественно, что побѣжденный затаилъ недобрыя чувства къ своему счастливому сопернику. Не буду останавливаться на этомъ вопросѣ, вызвавшемъ въ свое время острую и ожесточенную борьбу между городомъ и земствомъ. Упоминаю объ этомъ только для того, чтобы отмѣтить, что Городская Дума въ цѣломъ была недоброжелательно настроена къ земству.

Это отношеніе еще болѣе заострилось, когда при устройствѣ городской канализаціи пустопорожнія земли, кочки и болота, отчужденныя у крестьянъ близъ станціи Люблино подъ поля орошенія, были оцѣнены, при энергичномъ участіи предсѣдателя уѣздной земской управы, Н. Ф. Рихтера, въ баснословно дорогую цѣну. Городу пришлось заплатить за земли подъ поля орошенія въ семь разъ больше того, что онъ предполагалъ по предварительной оцѣнкѣ. Эта несообразно высокая оццѣнка, вызвавшая непредвидѣнный расходъ города въ суммѣ свыше 3.300.000 рублей, внесла новое раздраженіе и противъ земцевъ и его дѣятелей, равно какъ и противъ петербургскихъ канцелярій, утвердившихъ эту оцѣнку. На наши протесты и восклицанія намъ говорили: «Ничего, Москва богата! заплатитъ!»

Москва заплатила. Но не могла не признать, что на пути ея стремленій къ благоустройству города, который нуженъ для всей Россіи, ей создавали препятствія, которыя не вызывались необходимостью. Такое отношеніе къ нуждамъ Москвы представляло систему. Министръ финансовъ Витте отвѣтилъ совершенно дерзкой бумагой городу Москвѣ на ея ходатайство запретить постройку фабрикъ и заводовъ по теченію рѣки Москвы на протяженіи 25 верстъ ниже Рублева, откуда Москва предполагала брать воду для снабженія ею жителей города: Витте усмотрѣлъ въ этомъ покушеніе на развитіе россійской промышленности.

Несмотря на эту сосѣдскую «вражду», городскіе гласные живо слѣдили за борьбой Плеве съ Шиповымъ. Конечно, сочувствіе прогрессивныхъ гласныхъ всецѣло было на сторонѣ Шипова, боровшагося за независимость земскихъ учрежденій и противъ неограниченнаго произвола бюрократіи. А когда умѣреннѣйшій, лояльнѣйшій Д. Н. Шиповъ, исключительный организаторъ, коренной земецъ, оказался неутвержденнымъ въ должности предсѣдателя Московской губернской земской управы, которую занималъ много лѣтъ, вся зем-

ская Россія, а съ нею и прогрессивные гласные Городской Думы, сочли это за грубый и ничѣмъ не оправданный вызовъ, брошенный властью русскому земству и всей общественной Россіи. Московская Дума постановила выразить Д. Н. Шипову свое сочувствіе и надежду, что онъ вернется къ своей работѣ, столь необходимой для Россіи.

Борьба правительства съ земствомъ, законодательные акты, направленные къ органиченію правъ и компетенціи земствъ, разгромъ Тверского земства, высочайшее неудовольствіе, объявленное участникамъ земскаго совѣщанія въ маѣ 1902 г., назначеніе ревизіи Московскаго земства — все это не проходило незамѣченнымъ для участниковъ городской работы. Равнодушнымъ оставаться было нельзя. Высочайшій указъ объ отдачѣ студентовъ въ солдаты за участіе въ студенческихъ волненіяхъ, убійство Боголѣпова Карповичемъ, какъ отвѣтъ на этотъ актъ правительственной мудрости, убійство Сипягина Балмашевымъ, крестьянскія волненія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ — все это раскрывало грозныя перспективы. Царскіе манифесты о томъ, что смуты препятствуютъ работамъ на благо родины, что народное благосостояніе можетъ развиваться только подъ сѣнью самодержавной власти, — уже не вносило успокоенія, скорѣе вызывало раздраженіе. Только Ив. А. Лебедевъ, да кучка старыхъ гласныхъ, сурово молчали или подавали неодобрительныя реплики на все учащавшіяся выраженія неудовольствія по адресу правительства и Петербурга. Общественное мнѣніе слагалось все болѣе опредѣленно и не въ пользу Петербурга. Нуженъ былъ толчекъ, чтобы оно кристаллизировалось. И толчекъ этотъ вскорѣ произошелъ.

Московская Дума имѣла свою политическую традицію и свою политическую память. Въ ея исторіи, можетъ быть не столь долгой, если считать ее съ 1862 года, — время введенія положенія объ общественномъ управленіи гор. Москвы — были событія, если не большого политическаго значенія, то весьма характерныя въ исторіи общественнаго самосознанія Москвы. Память объ этихъ событіяхъ прочно сохранялась въ Московской Думѣ и традиціонно передавалась отъ одного состава гласныхъ другому. А портреты Городскихъ Головъ и городскихъ дѣятелей, которыми были украшены стѣны большого зала засѣданій Городской Думы, наконецъ мраморная статуя Екатерины II, возвышавшаяся въ этомъ залѣ, напоминали объ этихъ событіяхъ.

Помню синее «дѣло» городской канцеляріи, въ которомъ находился текстъ извѣстнаго всеподданнѣйшаго адреса Московской Городской Думы по случаю объявленія самостоятельности дѣйствій Россіи на Черномъ морѣ и по случаю введенія всеобщей воинской повинности. Этотъ адресъ былъ составленъ Городскимъ Головой кн. В. А. Черкасскимъ при участіи Ив. Серг. Аксакова и Ю. Ф. Самарина. Адресъ былъ характеренъ для настроеній того времени и

особенно, какъ выраженіе настроеній и воззрѣній его авторовъ. Тутъ ярко были выражены идеи славянофиловъ. Пространный адресъ кончался словами: «Вашей волѣ готовы мы служить и достояніемъ нашимъ и кровью, а наша мысль такова». Эта мысль сводилась къ тому, что залогъ успѣха лежитъ въ силѣ народнаго самосознанія и самоуваженія; государственный организмъ укрѣпляется только въ неуклонномъ служеніи началу народности. Сила и историческое призваніе — въ довѣріи царя къ своему народу, разумное самообладаніе въ свободѣ и честность въ покорности со стороны народа, во взаимной неразрывной связи царя и народа, основанной на общеніи народнаго духа, на согласованіи стремленій и вѣрованій... *). Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, всеподданнѣйшій адресъ заявлялъ, что только отъ царя народъ ожидаетъ довершенія благихъ начинаній и прежде всего ожидаетъ — простора мнѣнію и печатному слову, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правдѣ въ его отношеніи къ власти; ожидаетъ свободы церковной и свободы вѣрующей совѣсти...

Въ такихъ достойныхъ и спокойныхъ словахъ былъ редактированъ всеподданнѣйшій адресъ Московской Городской Думы. С.-Петербургъ взглянулъ на дѣло иначе. Министръ Вн. Дѣлъ Тимашевъ призналъ московскій адресъ «неумѣстнымъ» и составленнымъ въ «неприличной формѣ». Министръ отказался представить адресъ государю. Если, по выраженію Валуева, адреса вообще являются отголоскомъ Золотой Орды, соединеннымъ съ византійской витіеватостью семинаріи, то московскій адресъ оказался совершенно въ иномъ стилѣ, непривычномъ для петербургскаго самовластія, и былъ поэтому признанъ неумѣстнымъ и по формѣ неприличнымъ. Послѣ этого князь Черкасскій 19 марта 1871 г. сложилъ съ себя званіе Московскаго Городского Головы.

Это было первое политическое выступленіе Московской Городской Думы. Петербургъ не поощрилъ его.

Столь же формально неуспѣшно было и другое политическое выступленіе представителя Московской Думы. Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, избранный Московскимъ Городскимъ Головой въ концѣ 1881 года, былъ уволенъ въ іюнѣ 1883 г. по распоряженію Александра III за рѣчь, произнесенную имъ во время коронаціонныхъ торжествъ на обѣдѣ городскихъ головъ 16 мая. Въ его рѣчи былъ, между прочимъ, призывъ къ объединенію всѣхъ земскихъ силъ для блага отечества...

Петербургъ сурово относился къ проявленію политическихъ настроеній въ Московской Думѣ. Даже, казалось бы, въ самомъ благонамѣренномъ и патріотическомъ настроеніи Московской Думы Петербургъ усматривалъ опасныя тенденціи. Въ 1885 г., по случаю

*) Слова кн. С. Н. Трубецкого через 35 лѣтъ: 1870-1905 г. г.

столѣтія жалованной грамоты городамъ, Московская Дума рѣшила установить на одной изъ площадей города памятникъ Екатеринѣ II. Объ этомъ въ установленномъ порядкѣ было представлено соотвѣтствующее ходатайство. И что же! Въ этомъ ходатайствѣ Москвѣ было отказано. Въ постановленіи Думы была усмотрѣна опасная демонстрація по поводу утраченныхъ городами вольностей. Памятникъ Екатеринѣ II не разрѣшено было поставить на площади. Невмѣстно-де царской особѣ стоять съ непокрытой головой на площади. Изображеніе Екатерины II разрѣшено было поставить только въ закрытомъ помѣщеніи, въ зданіи Думы. Пришлось подчиниться. Въ зданіи Московской Думы на Воскресенской площади, въ большомъ залѣ думскихъ засѣданій, на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ была помѣщена грандіозная статуя Екатерины II изъ бѣлаго мрамора. Бѣлый мраморъ четко выступалъ на темно-малиновомъ бархатѣ, который въ тяжелыхъ складкахъ составлялъ красивый фонъ памятнику. Даже царственная особа, сама Екатерина Великая, была лишена свободы всевластной волей С.-Петербурга.

Московская Дума принимала приказанія Петербурга къ исполненію, лояльно относилась къ нему. Но это не значитъ, что она не имѣла своего особаго мнѣнія по поводу этихъ приказаній. Не желая ставить себя въ фальшивое положеніе и ронять своего достоинства, Московская Дума избѣгала конфликтовъ съ Петербургомъ. Ея Головы исполняли трудную роль улаживанія отношеній съ петербургскими департаментами и чтобы обезпечить вниманіе къ ея вынужденнымъ ходатайствамъ, вели довольно тонкую политику при своихъ поѣздкахъ, какъ иногда у насъ говорили, «въ Орду съ челобитьемъ».

Въ порядкѣ такой дипломатіи установилось нѣчто вродѣ обычая — по случаю рожденія новаго члена въ царской семьѣ составлять всеподданнѣйшій адресъ, открывать по нѣскольку новыхъ городскихъ начальныхъ училищъ и слагать безнадежныя къ поступленію недоимки. Установилось даже нѣчто вродѣ особаго ритуала по этому поводу.

Отъ Московскаго Генералъ-Губернатора являлся въ чрезвычайное засѣданіе Думы особый посланецъ (одинъ изъ адъютантовъ) и объявлялъ о радостномъ событіи рожденія въ царской семьѣ. Служили торжественный молебенъ, послѣ котораго Дума постановляла открыть по случаю сего радостнаго событія нѣсколько мужскихъ и женскихъ начальныхъ училищъ и сложить на нѣсколько сотъ тысячъ безнадежныхъ къ поступленію недоимокъ, о чемъ высочайше представить Государю Императору. Гласные, исполнивъ эту формальность, разъѣзжались по домамъ. А между тѣмъ, сѣть городскихъ начальныхъ училищъ постепенно увеличивалась новыми училищами, ассигнованіе на которыя не могло быть опротестовано Петербургомъ, въ виду высокой цѣли этого сверхсмѣтнаго кредита.

Въ эпоху англо-бурской войны нельзя не отмѣтить единодушнаго негодованія всѣхъ гласныхъ на англичанъ и общаго горячаго сочувствія бурамъ. Имена Крюгера и Бота не сходили съ устъ. Событіями у буровъ, у Ледисмита, подчасъ больше интересовались, чѣмъ вопросомъ о выкупѣ конки... А. И. Гучковъ отправился въ Африку сражаться на сторонѣ буровъ. Его провожали, ему горячо сочувствовали, ему завидовали. Тамъ онъ былъ раненъ. Гласные Московской Думы въ складчину заказали у Овчинникова прекрасный золотой кубокъ, который и былъ отправленъ командующему бурской арміей отъ гласныхъ Московской Городской Думы.

Убійство Гор. Головы Н. А. Алексѣева не было политическимъ актомъ. Это былъ роковой случай. Личность Алексѣева была чрезвычайно яркая. Вниманіе къ нему и его дѣятельности было приковано. Его убилъ маніакъ, стрѣлявшій въ него въ упоръ. Одна изъ пуль застряла въ толстой двери кабинета Городского Головы. Эта засѣвшая пуля осталась прикрытой небольшимъ стекломъ, обдѣланнымъ въ рамку. Въ свое время было много разговоровъ по поводу этого убійства. Говорили о мести со стороны оскорбленнаго... Но сохранившееся дѣло, кажется, съ несомнѣнностью установило, что убійца Алексѣева, Андріановъ, былъ маніакъ. Знаменательно, что Алексѣевъ, такъ много сдѣлавшій для умалишенныхъ, погибъ отъ руки сумасшедшаго. Рѣчь Алексѣева въ Кремлевскомъ дворцѣ во время высочайшаго выхода, о крестѣ на Святой Софіи, въ свое время надѣлала много шума. Въ сферахъ ею были недовольны.

Такъ, въ общемъ, мирно текли дни жизни Московской Думы... Но и среди этой мирной жизни Дума накопляла скрытое раздраженіе противъ Петербурга. Особенно раздражали опротестованія и отмѣны ея постановленій чисто дѣлового харатера. Иногда отмѣнялись и считались не состоявшимися выраженныя Думой благодарности за дѣятельность въ пользу города (благодарность проф. Эрисману въ 1896 г.). Отставки Черкасскаго и Чичерина не вспоминались, но онѣ не были забыты. Портреты ихъ висѣли на стѣнѣ думской залы. Память о нихъ легла въ основаніе политической традиціи Московской Городской Думы, которая не растрачивалась безъ толку, но готова была проявиться, когда надобность окажется.

Скоро эта надобность наступила. Не Московская Дума ее создала, не она ее вызвала.

Я говорю о Московской Думѣ, какъ учрежденіи. Отдѣльные члены ея, гласные, принадлежали къ разнымъ общественнымъ кругамъ и намѣчавшимся тогда общественно-политическимъ теченіямъ и жили общей жизнью русскаго общества того времени. Среди нихъ были крупные политическіе дѣятели европейскаго типа, которые были бы украшеніемъ любого стараго европейскаго парламента. Во главѣ ихъ, конечно, былъ С. А. Муромцевъ. Большое любопытство

и интересъ вызывало «Освобожденіе» Струве, тревогу и раздраженіе — попадавшаяся иногда въ руки «Искра».

Помню, какъ гласный С. В. Пучковъ, — докторъ больницы имени Александра III въ Мал. Казенномъ переулкѣ, ранѣе полицейской больницы, гдѣ работалъ въ свое время знаменитый д-ръ Гаазъ, — рано утромъ забѣгалъ ко мнѣ и съ таинственнымъ видомъ совалъ мнѣ доставленный ему номеръ «Освобожденія». Онъ шопотомъ называлъ мнѣ статью, которая по его мнѣнію заслуживала особаго вниманія. Онъ цѣликомъ раздѣлялъ направеніе штутгардскаго журнала, былъ его горячимъ поклонникомъ и добровольнымъ распространитеемъ. Въ Думѣ я часто находилъ у себя на столѣ номеръ «Освобожденія», присланный въ конвертѣ какой-нибудь торговой фирмы. Почти полный комплектъ «Освобожденія» подбирался мною и хранился въ нижнемъ ящикѣ моего письменнаго стола. Заходившіе въ теченіе дня гласные спрашивали, нѣтъ ли чего новаго изъ «Штутгардта». Спрашивалось это понижая голосъ, соблюдая конспирацію, какъ бы подчеркивая этимъ, что такіе вопросы относятся къ области чисто личныхъ отношеній и ни въ какой степени не касаются думскихъ дѣлъ.

Заходилъ изъ статистики кто-нибудь изъ служащихъ поговорить о «политикѣ». Статистика считалась у насъ «лѣвой». Она была въ завѣдываніи члена Управы В. Н. Григорьева, радикально настроеннаго человѣка. Среди служащихъ его отдѣленій были такіе, которые презрительно морщились, когда говорили про «Освобожденіе», и съ увлеченіемъ цитировали Мартова изъ «Искры».

Общія политическія настроенія вмѣстѣ съ воздухомъ проникали въ красный домъ на Воскресенской площади. Но отношеніе «городскихъ дѣятелей» къ этому политическому воздуху было разное. Большинство дѣлало свои повседневныя дѣла и мало интересовалось политикой. Меньшинство дѣлилось на двѣ почти равныя половины. Одни сочувственно относились ко всему тому, что искало выхода изъ существующаго положенія въ освободительномъ движеніи. Другіе — съ нескрываемымъ раздраженіемъ и ненавистью улавливали всякое «либеральное» словечко и замыкались въ своихъ охранительныхъ настроеніяхъ. Среди гласныхъ того времени я не зналъ ни одного соціалиста или хотя бы близкаго къ соціализму.

Кого было больше, «либераловъ» или «охранителей», сказать было трудно. Не было поводовъ или, вѣрнѣе сказать, избѣгали создавать поводы для подсчета тѣхъ и другихъ. Этотъ подсчетъ произвелся и соотношеніе силъ опредѣлилось впослѣдствіи, причемъ инертная сначала масса продѣлала своеобразное движеніе. Сначала они двинулась влѣво и, казалось, въ этомъ ея подлинное существо; но вскорѣ вся эта масса устремилась слѣва направо, гдѣ и укрѣпилась. Въ началѣ же девятисотыхъ годовъ политическая сущность Московской Думы еще далеко не опредѣлилась.

Но вотъ наступили событія, которыя быстро вывели русское общество, а вмѣстѣ съ нимъ и городскія думы, изъ неопредѣленнаго состоянія.

Безъ объявленія войны, японская эскадра въ ночь на 27 января 1904 года произвела минную атаку на русскую эскадру у Портъ-Артура. Броненосцы «Ретвизанъ» и «Цесаревичъ», а также крейсеръ «Паллада» получили пробоины. Въ тотъ же день въ гавани Чемульпо, послѣ боя, русскіе вынуждены были затопить крейсеръ «Варягъ» и канонерскую лодку «Кореецъ». Впечатлѣнія были оглушительны. Какъ это могло случиться?.. Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно было дать должный физическій отвѣтъ дерзкимъ «япошкамъ». Ихъ иначе и не называли, если не считать еще болѣе поносительнаго названія «макаки». Увы, скоро полетѣло по Россіи другое словечко, уже по нашему собственному адресу! Это словечко было — «кое-каки», когда обнаружилось, что ничего у насъ нѣтъ, что мы проглядѣли ростъ Японіи и ея приготовленія къ войнѣ, что все у насъ кое-какъ и неизмѣнное «шапками закидаемъ».

Но начало горестнаго разочарованія наступило не сразу. Отвѣтъ на вопросъ «какъ это могло случиться?» былъ отсроченъ. Нужно было вести войну, въ которой оказалась Россія не по своей винѣ и для себя неожиданно.

Московская Дума отозвалась на событіе со свойственными ей достоинствомъ и торжественностью. Экстренное собраніе. Всѣ гласные въ сборѣ. Молебенъ о дарованіи побѣды русскому воинству. Прекрасная, благородная рѣчь кн. В. М. Голицына о томъ, что Москва должна показать примѣръ всѣмъ городамъ Россіи своей помощью русской арміи. Ассигнованъ одинъ милліонъ рублей на нужды арміи. Открытъ сборъ пожертвованій на больныхъ и раненыхъ. Впослѣдствіи образованіе большого санитарнаго отряда, отправленнаго на Дальній Востокъ. Во главѣ отряда сталъ гласный Думы А. Е. Армандъ (жена его, Инесса Армандъ, оказалась впослѣдствіи ярой большевичкой).

Всѣ заняты войной, работой на войну. Всѣ полны несомнѣнной увѣренности въ совершенной необходимости скорой и рѣшительной побѣды. Газеты полны воинственнымъ азартомъ. «Русское Слово» пишетъ патетическія статьи на тему: «Идутъ всѣ полки могучи... прямо на востокъ! Идутъ Микулы Селяниновичи, Ильи Муромцы!..». По убѣжденію прессы, исходъ войны заранѣе обезпеченъ, ибо японская сухопутная армія не можетъ итти въ сравненіе съ русской арміей, которая можетъ быть сосредоточена въ любой части Дальняго Востока, въ какомъ угодно количествѣ, въ какой угодно моментъ. А на Дальнемъ Востокѣ неудача за неудачей, пораженіе за пораженіемъ, одно другого неожиданнѣе, обиднѣе и позорнѣе... Въ чемъ дѣло? Этотъ вопросъ смѣняетъ уже исчерпанный вопросъ: какъ это могло случиться?

На новый вопросъ русское общество отвѣта не получило. Ему косвенно отвѣтили на него, указывая на надлежащій образъ его поведенія. Ему сказали: терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе...

Въ большомъ колонномъ залѣ московскаго Дворянскаго собранія происходятъ встрѣча и проводы генерала Куропаткина, отбывающаго на Дальній Востокъ. Совершается торжественное молебствіе о дарованіи побѣды русскому оружію. Красивый залъ съ колоннами переполненъ блестящими мундирами военныхъ и чиновниковъ высокихъ ранговъ. Здѣсь вся Городская Дума и сословные представители. На хорахъ дамы въ нарядныхъ туалетахъ. Собрались словно на праздникъ, на парадъ или на открытіе дворянскаго собранія. Цѣлый уголъ залы у колоннъ заставленъ иконами, большими, малыми, совсѣмъ маленькими, складными. Виденъ роскошный стягъ, который подноситъ главнокомандующему Московская Городская Дума отъ города Москвы. Все это должно сопровождать Куропаткина на театръ военныхъ дѣйствій. По поводу изобилія иконъ, подносимыхъ Куропаткину, пущено крылатое словцо, на которыя такіе мастера русскіе всякаго званія и состоянія:

— «Куропаткинъ не знаетъ, какимъ образомъ ему побѣдить японцевъ».

Послѣ молебна и слова митрополита, короткой рѣчи Московскаго Городского Головы, кн. Голицына, Куропаткинъ, при гробовой тишинѣ всего зала, говоритъ нѣсколько словъ. Онъ не сомнѣвается въ побѣдѣ. Но необходимо — терпѣніе!

Собраніе кончилось. Расходимся. Чувство смутное, неудовлетворенное. Никакого подъема, никакого одушевленія. Въ чемъ дѣло? Совершилось какое-то формальное дѣйствіе, которое представляется оффиціальнымъ доказательствомъ оффиціальнаго отношенія къ событію исключительной важности, все болѣе раскрывающему свою роковую сущность.

Торжественныя рѣчи замолкли. Прекратились подношенія иконъ и устройство напутственныхъ молебновъ. А изъ-за пышныхъ словъ и фразъ о чаемомъ и ожидаемомъ, о славѣ русскаго оружія, о грядущихъ несомнѣнныхъ побѣдахъ, о наказаніи дерзостнаго врага, — все болѣе выступала неприкрытая горестная дѣйствительность. Призывы къ терпѣнію утрачивали силу. Нетерпѣніе, чувство обиды, возмущенія растетъ и крѣпнетъ у всѣхъ. Съ каждымъ новымъ пораженіемъ, съ каждымъ новымъ отходомъ на «заранѣе подготовленныя позиціи», по «заранѣе предусмотрѣнному плану» — росло негодованіе, оформливался протестъ. Не было злорадства. О, нѣтъ! Было чувство жгучаго стыда и незаслуженной обиды.

Кто же виноватъ въ этомъ позорѣ? — былъ новый вопросъ, смѣнившій прежніе вопросы.

Гибель адмирала Макарова на броненосцѣ «Петропавловскъ», пораженіе на Ялу, у Тюренчена, Вафангоу, Ляояна, Шахе, Санде-

пу; оставленіе на произволъ Портъ-Артура, разоблаченія капитана Кладо... Безобразное и необъясненное въ то время столкновеніе между Гриппенбергомъ и Куропаткинымъ, кончившееся самовольнымъ, какъ тогда писали, оставленіемъ Гриппенбергомъ Арміи... Все это уже не оставляло сомнѣнія въ томъ, что исполинская Россія терпитъ жестокое пораженіе отъ крохотной Японіи изъ-за того, что все у насъ отстало, все въ застоѣ, все въ полномъ несоотвѣтствіи съ условіями прогресса внутренняго и техническаго. Власть, правительство самонадѣянное и бездарное — вотъ кто повиненъ въ этомъ позорѣ Россіи. Эта обвинительная формула объединяла всѣхъ. Не было возраженій противъ этого обвиненія. «Охранители» изъ нашихъ думскихъ круговъ только махали руками и убѣгали отъ разговоровъ о войнѣ, о скандальной авантюрѣ, которая оказалась поводомъ къ войнѣ, о позорѣ неудачъ и пораженій и о томъ, кто и что въ этомъ повинно.

Обвинительныя настроенія росли. Почва становилась все болѣе наклонной. Обвиненія скатывались все быстрѣй и формулировки ихъ становились все болѣе обобщенными. Понятія «власть, бездарное правительство» скоро были замѣнены въ этихъ формулахъ понятіемъ «режимъ». Развязывались языки, создавалось какъ бы право на критику, на осужденіе, и чѣмъ краснорѣчивѣе были обвинители, тѣмъ легче были обобщенія. Чѣмъ радикальнѣе были эти обобщенія, тѣмъ болѣе успѣха они имѣли въ неподготовленныхъ политически массахъ. Негодованіе противъ власти переносилось на основу государственнаго строя.

А между тѣмъ внутренняя политика была въ полномъ несоотвѣтствіи съ настроеніемъ общества. Плеве и Витте. Ихъ борьба между собой. Борьба Плеве съ земствомъ во имя защиты самодержавія. Удары, наносимые Плеве земству и земскимъ дѣятелямъ весьма умѣреннаго образа мыслей, какъ Д. Н. Шиповъ. Въ апрѣлѣ 1904 г. Шиповъ, этотъ безукоризненный земскій дѣятель, лояльнѣйшій въ отношенія къ власти, пользовавшійся всероссійской извѣстностью, не былъ утвержденъ предсѣдателемъ Московской Губернской Земской Управы: Плеве расправлялся со своими противниками, плохо разбирая опасныхъ и неопасныхъ. Московская Дума выразила Д. Н. Шипову свое сочувствіе и надежду, что онъ вернется къ своей работѣ, которую столь безукоризненно исполнялъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Точная формулировка основаній отказа въ утвержденіи человѣка, прослужившаго въ этой должности уже четыре трехлѣтія, въ то время намъ, въ Московской Думѣ, не была извѣстна. Знали только, что этой мѣрой хотѣли остановить земское движеніе. Только позднѣе стало извѣстно, что мотивомъ къ неутвержденію, между прочимъ, было то, что Шиповъ стремился къ расширенію компетенціи общественныхъ учрежденій и къ объединенію земствъ. И это въ то время, когда уже сложилась обще-земская организація для

оказанія санитарной помощи раненымъ и больнымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ и начала свою большую работу подъ руководствомъ кн. Г. Е. Львова. Ранѣе того, въ самомъ началѣ января, тѣмъ же Плеве, за нѣсколько дней до начала войны съ Японіей, была разгромлена Тверская губернія и Новоторжское уѣздное земство. Изъ предѣловъ Тверской губерніи были высланы выдающіеся земцы, во главѣ съ И. И. Петрункевичемъ. Около ста человѣкъ земскихъ служащихъ было удалено. Ревизіи земствъ съ цѣлью подтянуть и выкурить вредный духъ, неутвержденія, высылки земскихъ дѣятелей, закрытіе съѣздовъ, все это чрезвычайно раздражало и возмущало людей самыхъ мирныхъ. Казалось, что особенно во время войны, да еще при постоянныхъ неудачахъ, отношеніе правительства къ обществу должно было быть совершенно инымъ.

Я сказалъ, что все **общество** было возмущено и раздражено политикой Плеве. Говоря такъ, я разумѣю пунктъ моего наблюденія — Московскую Думу и круги московскаго общества, съ ней соприкасающіеся. Но кромѣ этого общества были и другіе круги, представители которыхъ вели работу среди рабочихъ и части служащихъ Городской Управы. Настроенія этихъ круговъ были рѣшительныя и непримиримыя. Они рѣзко осуждали мирное соглашательство земцевъ, ихъ пассивную тактику и ожиданіе милостей сверху. По мѣрѣ того, какъ обнаруживалась безпомощность власти, скандальное провалы на театрѣ военныхъ дѣйствій, эти круги становились все смѣлѣй и настойчивѣе. Ихъ лозунгами вскорѣ стали: немедленное прекращеніе войны и созывъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Вліяніе этихъ круговъ давало себя чувствовать въ періодическихъ забастовкахъ городскихъ рабочихъ, ставившихъ въ трудное положеніе городскія предпріятія.

Пользуясь современной терминологіей, можно было бы сказать, что и на внѣшнемъ, и на внутреннемъ фронтѣ въ то время было одинаково скверно.

Помню, какъ Плеве, возвращаясь изъ Троице-Сергіевской Лавры, заѣхалъ въ Московскую Думу. Его приняли кн. Голицынъ и вся Управа. Онъ, грузный, холодный, недоброжелательный, со скучающимъ видомъ выслушивалъ краткое сообщеніе князя о положеніи городскихъ дѣлъ и о томъ, что больше всего заботитъ городъ въ данное время. Это были ходатайства, застрявшія въ Петербургѣ. Плеве былъ сухъ и весьма мало любезенъ съ представителями города. Въ его отвѣтѣ было начальническое указаніе на то, что министерство знаетъ, что дѣлаетъ, если отказываетъ въ ходатайствахъ: значитъ такъ надо, а что Городская Управа должна строго держаться требованій закона и не уклоняться отъ нихъ. Словомъ, это былъ скорѣе выговоръ на всякій случай, хотя Московское Городское Управленіе еще ни въ чемъ не провинилось. По желанію Плеве, ему было показано нѣсколько городскихъ предпріятій и про-

изводимыхъ городомъ работъ. Показывающіе замѣтили, что онъ былъ пораженъ грандіозностью сооруженій и долженъ былъ признать, что Московское Городское Управленіе умѣетъ дѣлать настоящее практическое дѣло.

Настроенія напрягались все больше и больше. Недовольство росло и объединяло людей самыхъ разныхъ свойствъ и привычекъ. Потребность какого-то сдвига, толчка — было смутнымъ сознаніемъ всѣхъ. Въ этомъ состояніи извѣстіе о томъ, что террористъ Сазоновъ бросилъ бомбу въ карету Плеве, что Плеве убитъ, не вызвало ни возмущенія, ни ужаса, ни даже особаго удивленія.

— Слышали? Плеве убитъ! — говорили люди при встрѣчѣ другъ съ другомъ.

— Этого нужно было ожидать!

Далѣе не столько говорили о террористическомъ актѣ, сколько о томъ, что будетъ дальше. Устраненіе Плеве воспринималось какъ устраненіе какого-то тяжкаго противодѣйствія, преграды на пути, который теперь долженъ быть свободнымъ. Какой это путь? Куда ведущій? Все было неясно. Несомнѣнно было одно: такъ оставаться дальше было нельзя.

Назначеніе князя Святополкъ-Мирскаго было встрѣчено и въ Московской Думѣ, какъ и вездѣ, съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Къ его словамъ о «благожелательномъ довѣріи» въ этой средѣ, конечно, не могло быть иного отношенія. Слова о веснѣ, о томъ, что «повѣяло» весной», были подхвачены и передавались изъ устъ въ уста. Перипетіи по созыву съѣзда земцевъ въ Петербургѣ, переговоры Д. Н. Шипова съ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ по поводу этого съѣзда, его колебанія — были замѣчены и должнымъ образомъ оцѣнены. Земскій съѣздъ долженъ будетъ сказать и формулировать то, что всѣми чувствуется, но еще не названо, не опредѣлено. Будетъ сказано то «новое слово», которое такъ ожидается всѣми и до сихъ поръ еще не произнесено. Въ атмосферѣ «довѣрія» и «весны» это слово будетъ найдено и произнесено.

Когда съѣздъ состоялся и свѣдѣнія о немъ дошли до насъ, я помню, какъ мнѣ было досадно, что на этомъ ноябрьскомъ съѣздѣ не было нашихъ, городскихъ представителей. Правда, тамъ были С. А. Муромцевъ и Н. И. Гучковъ — это наши коренные городскіе гласные. Но тамъ они были какъ земцы и подписали постановленіе какъ губернскіе гласные. Было и другое смутное чувство, которое я подмѣчалъ у многихъ: найдено ли это «новое слово», отъ произнесенія котораго падаютъ стѣны и отворяются запертыя двери? Ну, конечно, резолюція очень хорошая. Но это только **путь**, а не разрѣшеніе вопросовъ. Это опредѣленіе позиціи, которую сразу приняли подъ обстрѣлъ и со стороны правительства, и со стороны соціалистической демократіи. Мнѣ принесли изъ статистики «Искру» съ отмѣченной краснымъ карандашемъ статьей по поводу земскаго

съѣзда. Въ этой статьѣ были подчеркнуты строки, смыслъ которыхъ сводился къ тому, что было бы нелѣпостью итти въ хвостѣ земскихъ либераловъ, что демократія должна дѣйствовать самостоятельно и должна вліять на поведеніе земскихъ либераловъ. Далѣе опять шли призывы къ Учредительному Собранію, къ революціонному пробужденію народныхъ массъ.

Однако, постановленія земскаго съѣзда имѣли большое значеніе для горожанъ. Помимо провозглашенія конституціонныхъ требованій, организовавшихъ общественное мнѣніе, эти постановленія, пренія на этомъ первомъ политическомъ собраніи, возгорѣвшійся споръ и борьба между группами И. И. Петрункевича и Д. Н. Шипова — все это было въ значительной степени началомъ политическаго просвѣщенія въ широкихъ кругахъ городского населенія. Для многихъ, можетъ быть для большинства, эти вопросы были чужды, для многихъ они были смутны, почти для всѣхъ, за малыми исключеніями, они были не безспорны... Первый земскій съѣздъ 6 - 9 ноября 1904 г. привлекъ общее вниманіе, поставилъ вопросы, возбудилъ живой интересъ и вызвалъ работу мысли въ новомъ направленіи. Послѣ него повысился интересъ къ вопросамъ политическимъ. Кое-кто изъ гласныхъ заходилъ спросить, какую бы книжку, не очень большую, можно было бы почитать по конституціонному праву, чтобы быть въ курсѣ вопроса. Среди дамъ, ежедневно присутствовавшихъ въ маломъ думскомъ залѣ и принимавшихъ пожертвованія на войну, также политическій интересъ повысился. Среди нихъ оказались нѣкоторыя хорошо образованныя и прекрасно разбиравшіяся въ вопросахъ конституціоннаго права. Къ моему удивленію, одна очень скромная на видъ молодая женщина была въ полномъ курсѣ вопроса. Это была дочь купца Пупышева, весьма мало культурнаго и старозавѣтнаго. Еще маленькой дѣвочкой я видалъ ее въ церкви сельца Люблина, гдѣ мы дѣтьми проводили лѣто на дачѣ.

Ноябрьскій земскій съѣздъ оказалъ и на Московскую Городскую Думу непосредственное воздѣйствіе. Въ связи съ этимъ съѣздомъ начинается вступленіе Московской Городской Думы на путь политической дѣятельности. Наступившая полоса «банкетовъ», устраиваемыхъ Союзомъ Освобожденія, истолковывала смыслъ постановленія земскаго съѣзда, расширяла его, вводила въ курсъ политическихъ вопросовъ.

Вскорѣ послѣ ноябрьскаго съѣзда ко мнѣ въ кабинетъ явилась гр. В. Н. Бобринская и, со свойственной ей пылкостью и прямотой, обратилась ко мнѣ со слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы видите, Николай Ивановичъ, что начинается большое политическое движеніе. Неужели Московская Дума не примкнетъ къ нему? Я уже переговорила съ нѣкоторыми вашими гласными, они готовы. Но нужно это сдѣлать такъ, чтобы вся Дума примкнула къ движенію. Съ вами будутъ объ этомъ говорить... Какъ вы думаете,

пойдетъ ли на это кн. Голицынъ? Пойдетъ ли на это ваша Дума? Какъ вы смотрите на это?

Вопросъ гр. Бобринской не застигъ меня врасплохъ. Ноябрьскій земскій съѣздъ не могъ не вызвать у многихъ однихъ и тѣхъ же мыслей. Земскій съѣздъ выразилъ и формулировалъ не только земскія мнѣнія, мысли и настроенія, а мнѣнія цѣлаго общественнаго слоя, который искалъ выхода изъ тупика, въ которомъ оказалась Россія. Поэтому какъ-то отозваться на провозглашенныя земцами положенія было настоятельной потребностью многихъ. Это настроеніе раздѣлялось и мною въ полной мѣрѣ. Однако, я далеко не былъ увѣренъ въ томъ, какъ отнесется Дума къ провозглашенію тѣхъ же идей. Трудность была и въ томъ, что въ 1904 году истекали полномочія Думы. Согласится ли Московская Дума, наканунѣ новыхъ выборовъ, совершить политическій актъ такого значенія? Не вызоветъ ли политическій вопросъ раскола среди гласныхъ, соберетъ ли постановленіе внушительное большинство голосовъ? Наконецъ, въ какой формѣ провести черезъ Думу «политическій вопросъ»?... Все это были такіе вопросы, на которые я не могъ сразу отвѣтить графинѣ Бобринской. Я ихъ только намѣтилъ, сославшись на то, что скоро начнутся выборы гласныхъ, обычно отвлекающіе вниманіе отъ городскихъ дѣлъ, что время скорѣе мало благопріятно для проведенія въ Думѣ политическаго вопроса. Однако, мое сочувствіе было ей выражено.

Въ своемъ осторожномъ отвѣтѣ я, очевидно, недооцѣнилъ общаго подъема настроенія въ Москвѣ. Вскорѣ Муромцевъ и Н. Н. Щепкинъ принесли мнѣ проектъ заявленія гласныхъ, которое они предложили внести въ Думу. Проектъ былъ составленъ Щепкинымъ и носилъ явныя поправки, сдѣланныя Муромцевымъ, его характернымъ почеркомъ. Щепкинъ притворилъ дверь въ кабинетъ, Муромцевъ, улыбаясь своими красивыми глазами, сказалъ:

— Ну, слушайте и скажите ваше мнѣніе, пройдетъ или не пройдетъ... И какъ сдѣлать, чтобы прошло.

Щепкинъ присѣлъ на кончикъ диванчика у окна и, опустивъ глаза, обратился въ слухъ. Онъ умѣлъ какъ-то особенно слушать. Онъ слушалъ не только то, что произносилось, но въ то же время какъ-то весь прислушивался и къ самому себѣ и къ тому, какъ воспринималось то, что слушалось. Обратился въ слухъ и я, ловя развитіе мыслей и ихъ формулировку. Муромцевъ началъ читать.

Въ принесенномъ мнѣ проектѣ въ спокойныхъ, но полныхъ достоинства выраженіяхъ было указано на неотложную необходимость установить огражденіе личности отъ внѣсудебнаго усмотрѣнія, отмѣнить дѣйствіе исключительныхъ законовъ, обезпечить свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу слова, печати, собраній и союзовъ. Проектъ указывалъ, что всѣ эти начала должны быть проведены въ жизнь «на обезпечивающихъ ихъ неизмѣнность незыбле-

мыхъ основахъ, выработанныхъ при участіи свободно избранныхъ представителей населенія». Проектъ заканчивался указаніемъ на необходимость правильнаго взаимодѣйствія правительственной дѣятельности съ постояннымъ, на законѣ основаннымъ контролемъ общественныхъ силъ надъ законностью дѣйствій администраціи. Это былъ очевидый откликъ на резолюцію земскаго съѣзда.

Я не могъ не усмотрѣть, что составители проекта уклонились отъ воспроизведенія формулы большинства земскаго съѣзда, въ которой говорилось объ осуществленіи народнымъ представительствомъ законодательной власти, но и не стали на шиповскую точку зрѣнія. Значительность земской резолюціи какъ-то потускнѣла въ текстѣ, подготовленномъ для Городской Думы. Однако, можетъ быть это было и правильно для перваго шага Московской Думы. Несомнѣнно было и то, что общая политическая резолюція, которой заканчивалось заявленіе, оказывалась гораздо полновѣснѣе вступительныхъ строкъ, которыя говорили о томъ, что дальнѣйшему развитію городского хозяйства мѣшаютъ современныя правовыя условія. Эти соображенія я высказалъ, когда Муромцевъ кончилъ читать и спросилъ: «Ну, что вы скажете?»

Оба мои собесѣдника поторопились сказать, что это именно и было ихъ задачей. Щепкинъ громко засмѣялся, хитро подмигнулъ и сказалъ, что это нужно для В. В. Петрова (непремѣнный членъ особаго по городскимъ дѣламъ присутствія), да и гласные не такъ перепугаются. Далѣе стали совѣщаться, какъ внести это заявленіе въ Думу. Очень скоро сговорились, что удобнѣе всего было бы внести это заявленіе при обсужденіи смѣты на 1905 годъ, когда въ общихъ преніяхъ затрагиваются самые широкіе вопросы. Такъ и порѣшили.

Теперь надо было спросить согласія Городского Головы — допуститъ ли онъ огласить это заявленіе, явно выходящее за предѣлы компетенціи Думы.

Меня просили сходить къ князю и предварительно переговорить съ нимъ. Князь выслушалъ меня, пробѣжалъ глазами проектъ заявленія и, не вступая въ дальнѣйшіе разговоры, произнесъ: «Можно».

Это была обычная его манера. Онъ не любилъ длинныхъ разговоровъ. Онъ вышелъ къ Муромцеву и Щепкину, сказалъ имъ о своемъ согласіи допустить оглашеніе заявленія при общихъ преніяхъ по смѣтѣ. Условились о томъ, что нужно созвать предварительно частное совѣщаніе гласныхъ и заранѣе ихъ подготовитъ къ тому, чтобы не было преній. Нужно было, чтобы заявленіе было принято единогласно. Князь сказалъ, что его сынъ, молодой гласный Тульскаго земства, принималъ участіе на съѣздѣ въ Петербургѣ и подписалъ резолюцію. На моей заботѣ было переписать заявленіе и начать собирать подписи.

Управа и мои сотрудники весьма сочувственно откликнулись на

предстоящій шагъ Думы. Одинъ только С. П. Юнгеръ, мой старшій помощникъ, былъ весьма сдержанъ, суровъ и молчаливъ. Онъ явно не сочувствовалъ затѣѣ, считая ее незаконной и вредной. Угрюмо отмалчивался и Товарищъ Городского Головы, И. А. Лебедевъ, находя, что Дума вступаетъ на вредный путь политиканства. В. Н. Григорьевъ одобрительно улыбался и находилъ, что все хорошо и правильно.

Съ С. А. Муромцевымъ мы вспоминали адресъ Черкасскаго съ свободой мнѣнія, вѣрующей совѣсти и съ его единеніемъ царя съ народомъ. Тридцать лѣтъ понадобилось, чтобы сдѣлать шагъ впередъ по пути политическихъ декларацій Московской Думы. И какъ съ тѣхъ поръ измѣнились обстоятельства!

30 ноября было засѣданіе Думы по разсмотрѣнію смѣты. На сей разъ смѣта мало интересовала гласныхъ. Засѣданіе было спокойное, и все, что въ немъ дѣлалось, было какъ-то болѣе торжественно и значительно, чѣмъ обыкновенно. Сознавалось и значеніе собранія, и смыслъ историческаго момента, переживаемаго страной, и отвѣтственности предстоящаго акта. Эстрада полна публики, тоже внимательно-напряженой. О выступленіи Думы слухъ пробѣжалъ по Москвѣ. Телефонный звонокъ изъ Канцеляріи Губернатора предупредилъ меня, что и тамъ что-то знаютъ. Я сослался на оффиціальную повѣстку засѣданія, въ которой стоитъ разсмотрѣніе смѣты.

Вотъ князь Голицынъ объявляетъ, что на очереди смѣта 1905 года. Тов. Гор. Головы даетъ краткое объясненіе на докладъ Финансовой Комиссіи и умолкаетъ. Слѣдомъ поднимается Н. Н. Щепкинъ и проситъ разрѣшенія огласить заявленіе 74 гласныхъ, подаваемое въ связи съ проектомъ смѣты. Предсѣдатель кн. Голицынъ даетъ разрѣшеніе на оглашеніе заявленія. Заявленіе выслушивается при небывалой тишинѣ. У многихъ гласныхъ возбужденныя лица, оживленные глаза. Нѣкоторые потупились. Другіе низко опустили головы. Безразличныхъ не было видно. Чувствовалось, что Московская Дума переживаетъ дѣйствительно торжественно-тревожный моментъ. Устами Щепкина она произносила слова отвѣтственныя, обязывающія; глубокая тишина и сосредоточенное вниманіе свидѣтельствовали о томъ, что она понимаетъ значеніе переживаемаго Россіей времени.

Чтеніе кончено. Кн. Голицынъ спрашиваетъ, раздѣляетъ ли Дума то, что оглашено въ заявленіи 74 гласныхъ. Какъ было установлено на частномъ совѣщаніи гласныхъ — возраженій не заявляется. Есть лишь нѣсколько воздерживающихся. Въ ихъ числѣ И. А. Лебедевъ, Ф. Ф. Воскресенскій. Такъ Московская Дума примкнула къ земскому движенію.

Въ концѣ 1904 года были произведены выборы новаго состава гласныхъ. Вновь избранные гласные въ знакъ своей солидарности съ постановленіемъ Думы отъ 30 ноября подали на имя Городского Головы заявленіе о томъ, что они присоединяются къ этому

постановленію, раздѣляя всѣ его положенія. Въ числѣ новыхъ гласныхъ, вступившихъ въ Думу въ 1905 году, были А. А. Мануиловъ, М. Я. Герценштейнъ, В. В. Пржевальскій, П. А. Стояновскій. Тогда же и я, не оставляя должности Городского Секретаря, былъ избранъ гласнымъ Думы. Этимъ заявленіемъ традиція Думы стараго состава была закрѣплена и подтверждена вновь вступившими гласными.

Постановленіе Думы отъ 30 ноября еще долго безпокоило администрацію. Конечно, оно было опротестовано губернаторомъ. У кн. Голицына требовали объясненій, грозили... но событія стали развертываться съ такой быстротой и стремительностью, что плохое поведеніе Московской Думы и ея предсѣдателя было забыто, а возбужденное въ Городскомъ Присутствіи «дѣло» закончено безъ особыхъ послѣдствій. Гдѣ ужъ тутъ было говорить о «послѣдствіяхъ», когда въ наступившемъ году все пошло ходуномъ!

Въ январѣ 1905 г. — паденіе Портъ-Артура, разстрѣлъ рабочихъ въ Петербургѣ на пути къ Зимнему Дворцу. Въ февралѣ — проиграно многодневное Мукденское сраженіе. Въ маѣ — гибель русскаго флота при Цусимѣ. Волна забастовокъ, прокатившаяся и не прерывающаяся по всей Россіи. Растущее крестьянское движеніе, погромы помѣщичьихъ усадебъ. Волненія въ войскахъ, во флотѣ. «Князь Потемкинъ Таврическій», «Георгій Побѣдоносецъ», «Прутъ»... Все усиливавшіяся волненія по всей странѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше сгущались событія. Странный выстрѣлъ картечью изъ орудія во время крещенскаго парада на Невѣ...

Газеты ежедневно приносили извѣстія о забастовкахъ и стачкахъ. Гдѣ, гдѣ ихъ не бывало! Казалось, вся Россія уже охвачена лихорадкой и судорогами. Каждый день приносилъ извѣстія о покушеніяхъ на чиновъ полиціи, объ убійствѣ городовыхъ, приставовъ, губернаторовъ. Терроръ революціонный поражалъ представителей власти большихъ и малыхъ. А въ отвѣтъ заработали военные суды: смертные приговоры, казни стали обычнымъ явленіемъ; массовые разстрѣлы при подавленіи, порки, еврейскіе погромы. Внутри страны началась форменная война, размѣры которой намъ все же не были достаточно извѣстны, ибо никто не считалъ и не регистрировалъ ни забастовокъ, ни покушеній, ни казней. Къ осени борьба достигла кульминаціоннаго напряженія. Разрозненныя забастовки въ октябрѣ слились во всеобщую политическую забастовку... Въ странѣ все остановилось... Манифестъ 17 октября открылъ клапанъ и предотвратилъ взрывъ.

Въ самомъ началѣ февраля этого бурнаго года думскій день въ красномъ залѣ на Воскресенской площади шелъ обычнымъ порядкомъ. Въ Москвѣ все было относительно спокойно. Только что кончилась забастовка въ городскихъ предпріятіяхъ, причемъ требованія рабочихъ были частично удовлетворены. Вдругъ гдѣ-то раздался глухой ударъ, потрясшій воздухъ. Стекла въ окнахъ дрог-

нули, и зазвенѣли, кое-гдѣ зашуршала штукатурка. Въ недоумѣніи мы переглянулись. Что это за звукъ? Выстрѣлъ? Взрывъ? Можетъ быть взрывъ газа въ газгольдерѣ на городскомъ газовомъ заводѣ? Никто никакихъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ объясненій дать не могъ. Однако, звукъ былъ очень внушителенъ. Пошли звонить по телефону, справляться, не случилось ли чего на газовомъ заводѣ. Поговорили, высказали предположенія и, въ ожиданіи извѣстій, каждый уткнулся въ свои дѣла.

Черезъ нѣсколько минутъ въ канцелярію вбѣгаетъ корреспондентъ «Новостей Дня» Кугульскій, славившійся тѣмъ, что всегда первый приноситъ всякія новости и сенсаціи, и съ побѣдоноснымъ видомъ перваго оповѣстителя объ исключительномъ происшествіи, восклицаетъ:

— Убитъ Великій Князь Сергій Александровичъ. Брошена бомба. Карета въ щепки!

Наступила пауза.

— Такъ вотъ что означалъ этотъ звукъ! Вы знаете, у насъ слышно было...

Да и не мудрено. Бомба была брошена въ Кремлѣ, у самыхъ Никольскихъ воротъ. Между ними и зданіемъ Думы — только Историческій Музей.

Вотъ первое впечатлѣніе отъ террористическаго акта. Почти что только слуховое. Вѣсть объ убійствѣ Вел. Кн. Сергія Александровича быстро облетѣла Москву. Какое впечатлѣніе произвело это убійство? Въ Москвѣ не любили Вел. Князя. Его высокая фигура, неподвижное, точно каменное, лицо, стеклянные глаза — производили непріятное впечатлѣніе. Его холодное безучастіе ко всему окружающему дѣлало его чужимъ и чуждымъ Москвѣ, несмотря на то, что онъ много лѣтъ былъ въ ней Генералъ-Губернаторомъ. Это былъ представитель петербургской власти и ея традицій. Онъ привезъ съ собой холодную чопорность петербургскаго двора и придворнаго этикета. Это все такъ не вязалось съ патріархальной простотой князя В. А. Долгорукова, котораго смѣнилъ на Москвѣ Великій Князь. Московское именитое купечество было недовольно холодностью Вел. Князя и отвѣтило ему тою же холодностью. Вел. Князь въ Москвѣ не пришелся ко двору. Его отставка произошла не больше, какъ за мѣсяцъ до убійства. Это убійство, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ жила тогда Москва, не произвело особаго впечатлѣнія. Возмущенія, негодованія — не помню. Скорѣе было любопытство. Сочувствіе окружало больше Великую Княгиню Елизавету Федоровну, къ которой относились гораздо лучше, чѣмъ къ Вел. Князю. Кто убилъ? Что онъ говоритъ, этотъ Каляевъ? Что будетъ дальше? Однако, эти революціонеры стали дерзко расправляться. Вѣдь совершенно недавно было покушеніе на Трепова.

Дума продѣлала весь должный ритуалъ. Въ теченіе нѣсколькихъ

дней поинтересовались «подробностями» убійства, какъ собирали по площади куски разорваннаго тѣла... и «перешли къ очереднымъ дѣламъ». О дѣлѣ вспомнили, когда судили Каляева и вынесли ему смертный приговоръ.

Это была кровавая борьба, смыслъ и размѣры которой плохо сознавались въ нашихъ думскихъ кругахъ. Тѣмъ менѣе отдавали себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ скрытая пружина всѣхъ этихъ кровавыхъ дѣйствій.

Какъ я сказалъ, Вел. Кн. Сергій Александровичъ былъ уволенъ въ отставку за нѣсколько недѣль до убійства. Послѣ отставки Великаго Князя нѣкоторое время обязанности Московскаго Генералъ-Губернатора исполнялъ бывшій Московскій Губернаторъ А. Г. Булыгинъ. Баринъ, неглупый, съ живыми, черными, часто смѣющимися глазами, онъ былъ недурной губернаторъ въ Москвѣ. Онъ и кн. Голицынъ были женаты на родныхъ сестрахъ. Но между ними не было особой близости. Напротивъ того, Булыгинъ какъ бы нѣсколько свысока и насмѣшливо относился къ князю, подчеркивая своей язвительной шуткой нѣкоторыя слабыя стороны нашего думскаго князя. Иногда выходили забавныя вещи, когда своякъ-губернаторъ опротестовывалъ постановленія Думы, состоявшіяся подъ предсѣдательствомъ свояка-Городского Головы. Когда гласные Думы съ Голицынымъ во главѣ пришли прощаться съ Булыгинымъ по случаю его назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ принялъ насъ въ гостиницѣ «Дрезденъ», гдѣ временно проживалъ. Это было не столько прощаніе, сколько выговоръ и въ достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ по поводу того, что Дума уклоняется отъ своихъ прямыхъ обязанностей и встаетъ на путь, въ законѣ не указанный. А черезъ нѣсколько недѣль на имя того же Булыгина (18 февраля) послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, которымъ, между прочимъ, предлагалось общественнымъ учрежденіямъ сообщить ихъ предположенія о преобразованіяхъ въ государственномъ устройствѣ.

Вспоминаю о Булыгинѣ для того, чтобы отмѣтить эпизодъ, характерный для отношеній между администраціей и общественными учрежденіями того времени.

Булыгинъ, какъ я сказалъ, не былъ особенно высокаго мнѣнія объ административныхъ талантахъ своего свояка. Губернаторъ и его окруженіе какъ-то очень оцѣнили мое, какъ тамъ говорилось, большое знаніе городского дѣла и силу моего вліянія на ходъ его. Когда Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ назначенъ былъ бывшій московскій оберъ-полицеймейстеръ, старый генералъ А. А. Козловъ, а московскимъ градоначальникомъ гр. П. П. Шуваловъ, то, какъ впослѣдствіи оказалось, Булыгинъ, ставя въ курсъ московскихъ дѣлъ новое начальство, далъ обо мнѣ особенно хорошій отзывъ. Булыгинъ зналъ меня и мою работу въ Думѣ, и его отношеніе, такъ же, какъ и отношенія его окруженія ко мнѣ, были вполнѣ коррект-

ны и совершенно нормальны. Не такъ поняли этотъ отзывъ новые представители власти.

Началось съ довольно неожиданной демонстраціи. Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Москву Козлова, однажды я возвращался изъ Думы домой въ Б. Казенный переулокъ, гдѣ я жилъ вмѣстѣ со своей матерью Юліей Михайловной. Пересѣкая площадь, образуемую скрещеніемъ двухъ Казенныхъ, Лялина и Введенскаго переулковъ, я былъ нѣсколько удивленъ тѣмъ, что городовой Захаровъ, много лѣтъ стоявшій на этой площадкѣ, завидя меня, какъ-то особенно вытянулся, лихо отдалъ мнѣ честь, провожая и поѣдая меня глазами. Дома мнѣ было сказано, что въ мое отсутствіе къ воротамъ съ Мал. Казеннаго переулка подъѣхалъ элегантный экипажъ, въ которомъ сидѣлъ старый генералъ. Изъ воротъ въ это время выходила старуха Ненила, прислуга тети Наташи. Ее-то и разспрашивали сидѣвшіе въ экипажѣ, гдѣ проживаетъ Н. И. Астровъ, дома ли онъ и когда бываетъ дома. Ненила отвѣчала, что — кто его знаетъ, когда Николай Ивановичъ бываетъ дома, что живетъ онъ не съ этого переулка, а съ другого, что бываетъ онъ и днемъ, и вечеромъ въ Городской Думѣ. Сидѣвшіе въ экипажѣ передали ей карточку для Н. И. Астрова и уѣхали. Оказалось, что это былъ Ген.-Губ. Козловъ. Въ тотъ же день мнѣ была доставлена визитная карточка гр. Шувалова, тоже лично завезенная.

Я былъ удивленъ такимъ неожиданнымъ вниманіемъ. Никогда такія высокія административныя лица не дѣлали лично визитовъ. Самое большее, если присылались карточки въ отвѣтъ на посѣщеніе.

По совѣту кн. Голицына, тоже весьма удивленнаго, я отправился представиться тому и другому. Козловъ принялъ меня внѣ очереди, увелъ въ большой кабинетъ генералъ-губернаторскаго дома, усадилъ въ кресло и повелъ разговоръ, какъ со старымъ знакомымъ. Онъ принялъ тонъ стараго москвича, хорошо знающаго московскіе обычаи и московскихъ людей. Послѣ незначительныхъ вступительныхъ фразъ, Козловъ перешелъ къ главной интересовавшей его темѣ.

— Что дѣлается у васъ въ Городской Думѣ? Она теперь въ центрѣ вниманія.

Еще не разбирая истинныхъ намѣреній моего собесѣдника, я съ охотой сталъ говорить о большой работѣ, которую производитъ Московское Городское Общественное Управленіе. Я былъ увлеченъ этой работой и гордился ею. Поэтому радъ былъ воспользоваться случаемъ и развернуть передъ новымъ генералъ-губернаторомъ картину дѣятельности Думы, подчеркивая препятствія, которыя она встрѣчаетъ въ своей работѣ.

Но не это было нужно Козлову. Онъ скоро остановилъ меня.

— Да, да, это все очень хорошо! Но кто у васъ въ центрѣ новаго движенія, въ которомъ Дума играетъ такую видную роль?

Я насторожился и отвѣтилъ, что если онъ имѣетъ въ виду постановленія 30 ноября, то вся Дума приняла его, что инициатива принадлежитъ 74 гласнымъ.

Мой отвѣтъ не понравился бывшему оберъ-полицеймейстеру.

— Да я не о томъ! Мнѣ говорили, что вы въ курсѣ всего, что дѣлается въ Думѣ. Вотъ я и прошу васъ, держите меня въ извѣстности о всемъ, что тамъ дѣлается. Я буду вамъ очень признателенъ. Вы знаете, теперь такое время. Если вы пожелаете сообщить мнѣ что-нибудь такое, понимаете, только мнѣ, то прямо звоните мнѣ по телефону и пріѣзжайте такъ, какъ есть, въ вашемъ рабочемъ пиджакѣ, никакихъ вицмундировъ не надо...

Очевидно, высокій полицейскій усмотрѣлъ на моемъ лицѣ выраженіе, которое не поощрило его къ дальнѣйшему развитію его мысли.

Я сухо заявилъ ему что Дума производитъ свою работу гласно и публично, что въ ея работѣ нѣтъ секретовъ, что въ законѣ указаны пути, что Городской Голова кн. Голицынъ представляетъ городъ и т. д.

— Знаю, знаю, — бормоталъ старикъ, — но все-таки радъ съ вами познакомиться и надѣюсь, что мы съ вами еще увидимся.

Вышелъ я изъ генералъ-губернаторскаго дома весьма смущеннымъ. Ощущеніе было такое, будто я вымазался въ чемъ-то весьма противномъ. Очевидно, они хотятъ, чтобы я сталъ доносителемъ и информаторомъ. Какая гадость!

Вернувшись въ Думу, я тотчасъ же подробно разсказалъ обо всемъ кн. Голицыну. Негодованію моему не было предѣла. Милый князь успокоилъ меня.

— Развѣ вы не знаете, что А. А. Козловъ не отличается особеннымъ умомъ? Но погодите, онъ еще васъ такъ не оставитъ. Ждите новыхъ походовъ на васъ.

Между тѣмъ, событія развертывались все болѣе и болѣе. Забастовки въ Москвѣ почти не прекращались. Онѣ перебрасывались съ фабрикъ и заводовъ на городскія предпріятія, на желѣзныя дороги. Возбужденіе росло. Въ отвѣтъ на указъ Сенату 18 февраля о видахъ и предположеніяхъ частныхъ лицъ и учрежденій по вопросамъ, касающимся «усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія государственнаго благосостоянія» и въ связи съ рескриптомъ на имя А. Г. Булыгина, смѣнившаго кн. Святополкъ-Мирскаго, о привлеченіи достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, стали формироваться политическія требованія разныхъ общественныхъ круговъ. Секретный циркуляръ Булыгина тотчасъ же разъяснилъ губернаторамъ «предѣлы» указа 18 февраля, причемъ

земскія и городскія управленія оказались лишенными права возбуждать ходатайства по предметамъ, ихъ вѣдѣнія не касающимся.

Это секретное разъясненіе оказалось лишнимъ поводомъ къ организаціи общественныхъ силъ, готовившихся принять участіе въ наступавшей политической жизни страны и къ тому, чтобы земскіе и городскіе круги, уже внѣ земскихъ собраній и внѣ думъ приступили къ работѣ, вызванной указомъ Сенату. Работу эту оказалось гораздо удобнѣе производить согласованно. Отсюда начало организаціи городскихъ гласныхъ и связи ихъ съ земской организаціей, возникшей много раньше. Въ Думѣ, среди гласныхъ, началась оживленная политическая работа, образована была Комиссія по общимъ вопросамъ, которая приступила къ составленію предположеній въ связи съ указомъ Сенату 18 февраля. Работа была увлекательная и новая.

Н. Н. Щепкинъ, при участіи С. А. Муромцева и Ф. Ф. Кокошкина, составилъ обширный докладъ, въ которомъ въ ясныхъ и отчетливыхъ чертахъ давалось представленіе объ основахъ констуціоннаго строя. Разсматривались вопросы о системахъ выборовъ народныхъ представителей, о двух- и однопалатной системѣ. Словомъ, давалось какъ бы пособіе для усвоенія элементовъ конституціоннаго права. Докладъ этотъ, № 180, подробно обсуждался въ частныхъ совѣщаніяхъ гласныхъ и былъ основой ихъ политическаго просвѣщенія. Докладъ былъ отпечатанъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Быстро былъ разобранъ гласными и служащими. Вѣсть о немъ распространилась. Его стали спрашивать изъ провинціи, за нимъ приходили изъ разныхъ учрежденій и организацій Москвы, а то и просто частныя лица. Докладъ пришлось печатать вновь. Успѣхъ его былъ большой. Онъ сыгралъ не малую роль въ организаціи согласованнаго мнѣнія городской среды въ вопросахъ «усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія».

На этомъ докладѣ, конечно, отразилось вліяніе и ноябрьскаго земскаго съѣзда и работы, произведенной земскимъ движеніемъ. Положенія его предполагали организацію народнаго представительства по системѣ двухъ палатъ, а выборы по системѣ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.

Въ Думу все чаще стали являться депутаціи отъ разныхъ организацій и вновь возникавшихъ союзовъ. Эти депутаціи приносили Городскому Головѣ разныя петиціи, заявленія политическаго характера. Кн. Голицынъ любезно бралъ у депутацій заявленія и обѣщалъ, что они будутъ приняты во вниманіе при разсмотрѣніи общаго вопроса объ «усовершенствованіи государственнаго благоустройства». Еще больше такихъ заявленій поступало по почтѣ.

Всѣ эти заявленія и петиціи передавались мнѣ и хранились въ особой папкѣ. Ихъ накопилось большое количество. Подавляющее

ихъ большинство отражало лозунги соціалъ-демократовъ, которые были намъ извѣстны по «Искрѣ». Тутъ было требованіе Учредительнаго Собранія, немедленное прекращеніе войны, отказъ отъ колоніальной политики, сверженіе абсолютизма. За паденіе Портъ-Артура должны пасть стѣны Петропавловки — говорилось въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ. Долой самодержавіе! Да здравствуетъ народная революція!

Это были возгласы петицій, написанныхъ въ повышенномъ тонѣ, часто вполнѣ безграмотно. «Искра» вдохновляла авторовъ этихъ петицій. И напрасно большевики въ своихъ фанфарахъ послѣдующаго времени приписываютъ себѣ наибольшую активность въ 1905 году. Все революціонное возбужденіе среди рабочихъ въ то время было прозведено эсдеками меньшевиками.

Эти петиціи были выраженіемъ крайне-лѣвыхъ настроеній первой половины 1905 г. Къ нимъ примыкали заявленія и резолюціи разныхъ союзовъ, съѣздовъ профессіональныхъ организацій, какъ-то врачей, адвокатовъ, инженеровъ, фармацевтовъ, агрономовъ, желѣзнодорожниковъ и др. Въ маѣ мѣсяцѣ состоялся первый делегатскій съѣздъ союза союзовъ профессіональныхъ организацій. На крайней правой того времени была монархическая организація Грингмута при редакціи «Московскихъ Вѣдомостей».

Промежуточной, центральной политической средой была земская среда, которая къ тому времени уже распалась на земцевъ-конституціоналистовъ и шиповцевъ, раздѣлявшихъ его своеобразное и переработанное «славянофильство». Московскіе городскіе гласные, въ ихъ активной части, примыкали къ конституціонному движенію. Однако, вскорѣ намѣтилась и оппозиція. Герье, Найденовъ, Казначеевъ, И. А. Лебедевъ, Воскресенскій, наконецъ, вступившій въ составъ гласныхъ А. С. Шмаковъ — держались въ сторонѣ и явно не сочувствовали какъ оживленію, такъ и движенію, къ которому начинала примыкать Дума. Однако, эта оппозиція еще не сорганизовалась. Ворчали, искоса поглядывали, возражали на частныхъ совѣщаніяхъ. Но въ бой не вступали. Высказываніе «видовъ» было разрѣшено свыше. А возмущеніе въ связи съ войной и тактикой правительства обезоруживало и ихъ.

Группа гласныхъ Московской Думы, начавшая политическую работу, къ которой примкнулъ и я, стала устанавливать связь и съ провинціей. На масляницѣ 1905 г. въ Маломъ залѣ Городской Думы былъ устроенъ небольшой съѣздъ городскихъ гласныхъ изъ крупнѣйшихъ городскихъ центровъ. Это собраніе не было названо съѣздомъ. Его скромно назвали частнымъ совѣщаніемъ. Но въ сущности, это былъ первый съѣздъ представителей городовъ, на которомъ поставлены были и были разсмотрѣны политическіе вопросы, которыми въ то время интересовалась вся страна. На этомъ частномъ совѣщаніи были Городскіе Головы Харькова — Погорѣлко,

Нижняго Новгорода — А. И. Меморскій. Были гласные Кіевской Городской Думы — кн. Е. Н. Трубецкой и И. В. Лучицкій.

Совѣщаніе открылъ кн. Голицынъ. Докладчикомъ выступилъ Н. Н. Щепкинъ. Обсуждались все тѣ же положенія, которыя разрабатывала Комиссія по общимъ вопросамъ и которыя обсуждались на земскихъ съѣздахъ въ Москвѣ. На этомъ совѣщаніи возникла мысль объ образованіи Бюро по созыву совѣщанія представителей городовъ. Эта идея и была вскорѣ осуществлена. Въ составъ Городского Бюро, подъ предсѣдательствомъ кн. В. М. Голицына, вошли Погорѣлко (Харьковскій Гор. Голова), Меморскій (Гор. Голова Нижн. Новгорода), Николаи (Гор. Гол. Казани), Алехинъ (Курскъ), Вермишевъ (Тифлисъ), гл. Оппель и Федоровъ отъ Петербурга, Н. Н. Щепкинъ и я. Можетъ быть, были и другіе, которыхъ не помню.

Однажды мнѣ передано было по телефону, что Московскій Градоначальникъ хочетъ говорить со мной. Черезъ секунду я услыхалъ въ телефонѣ очень ласковый и привѣтливый голосъ графа Шувалова. Онъ просилъ меня не поставить себѣ въ трудъ и сейчасъ же, въ чемъ я есть, пріѣхать къ нему по срочному дѣлу, о которомъ онъ скажетъ мнѣ лично. Я успѣлъ только спросить его, нужно ли мнѣ захватить что-либо для справокъ, какъ послѣдовалъ отвѣтъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего не нужно. Пріѣзжайте сами. Такъ пріѣдете? Я васъ жду. До свиданья!

Я сказалъ кн. Голицыну, что меня вызываетъ градоначальникъ. Тотъ выразилъ недоумѣніе. Не бывало прежде такихъ случаевъ, чтобы разговоры представителей власти по городскимъ дѣламъ велись помимо Городского Головы и даже безъ его вѣдома.

Въ домѣ градоначальника на Тверскомъ бульварѣ мнѣ не пришлось долго ждать. Меня тотчасъ же ввели въ кабинетъ Шувалова. Первое, что чисто физически поразило меня, это ослѣпительный свѣтъ, прямо бросавшійся мнѣ въ глаза. Это свѣтовое ощущеніе было такъ сильно, что трудно было различить выраженіе лицъ, стоявшихъ и сидѣвшихъ спиной къ окнамъ. Только позднѣе я объяснилъ себѣ причину этого свѣтового эффекта, ослѣпившаго меня, какъ только я вступилъ въ кабинетъ градоначальника. Оказалось, что стѣна сосѣдняго дома, на которую выходили окна кабинета, была выкрашена бѣлой масляной краской, но не вся стѣна, а квадратъ соотвѣтствующій окнамъ кабинета. Лучи солнца отражались на этой, словно полированной поверхности и слѣпили человѣка, сидящаго противъ градоначальника.

Меня встрѣтили изысканно любезно, усадили въ кресло, которое оказалось настолько глубокимъ, что я положительно утонулъ въ немъ и съ великимъ трудомъ могъ въ немъ производить движенія. Передо мной сидѣлъ Шуваловъ, лица котораго я не могъ разглядѣть изъ-за указаннаго свѣтового эффекта. Сбоку оказался В. В. Пет-

ровъ, непремѣнный членъ Особаго по городскимъ дѣламъ присутствія, повернуться къ которому въ этомъ какомъ-то небываломъ креслѣ мнѣ было почти невозможно. Поодаль стоялъ и. д. пом. градоначальника, бар. Будбергъ. Болѣе я никого въ комнатѣ не замѣтилъ.

Шуваловъ началъ съ любезныхъ фразъ, которыя, однако, очень скоро показались мнѣ сначала неловкими, потомъ не очень тактичными и вскорѣ просто грубыми и намѣренно вызывающими. Смыслъ ихъ въ томъ, что я центръ всего, что происходитъ въ Думѣ. Ничто безъ меня не дѣлается, я въ курсѣ всего... Къ кому другому обратиться, какъ не ко мнѣ, по дѣламъ, касающимся Думы. Я пробовалъ было сказать, что это далеко не такъ, но меня прервали.

— Не говорите, не говорите мы все знаемъ. Конечно, не къ князю Владиміру Михайловичу нужно обращаться по дѣламъ Думы, а къ вамъ...

Становилось ясно, что я попалъ не для разговоровъ о городскихъ дѣлахъ, а на допросъ, производимый въ какой-то особой обстановкѣ. Я замкнулся, а отраженный свѣтъ слѣпилъ меня. Я видѣлъ темные силуэты, слышалъ голосъ, давно утратившій пріятныя и любезныя ноты, и не могъ различить ни одной черты на лицѣ допрашивавшаго меня Шувалова.

— Намъ нужно знать, кто бываетъ у васъ въ Думѣ. Что это за люди приходятъ къ вамъ и о чемъ они ведутъ съ вами переговоры? Вы понимаете, что нужно намъ знать для общаго блага.

Положеніе опредѣлилось. Моя жизнь такъ прошла, что мнѣ не пришлось быть ни арестованнымъ, ни на допросахъ. Но нѣкоторый опытъ исправленія обязанности судебнаго слѣдователя у меня былъ. Настроеніе опредѣлилось сразу. Я почувствовалъ себя во вражескомъ лагерѣ. Мнѣ было противно и обидно. Противно въ обстановкѣ явно вражеской. Обидно и за себя, и за князя Голицына, къ которому выражалось полное пренебреженіе, и за нашу работу въ Городской Думѣ. Мои отвѣты были кратки, точны и абсолютно безсодержательны.

— У насъ въ Думѣ, въ помѣщеніи Городского Управленія, бываетъ вся Москва. Всѣ такъ или иначе имѣютъ отношеніе къ Городской Управѣ.

— Да не то, не то! Я не о томъ. Вы понимаете, я хочу знать, кто бываетъ у васъ, у князя Голицына по дѣламъ не Городской Управы, а по другимъ... Ну, вы же меня понимаете.

— У меня бываетъ ежедневно очень много народа по самымъ разнообразнымъ дѣламъ. По своей должности я всѣхъ долженъ выслушать.

— Ну, конечно, конечно! Но къ вамъ и къ князю приходятъ по политическимъ дѣламъ.

— Долженъ замѣтить, что я занимаю должность Городского

Секретаря, т. е. секретаря Городской Думы, а вовсе не секретаря Городского Головы или личнаго секретаря князя Голицына.

В. В. Петровъ подтвердилъ мое заявленіе.

— Но у васъ бываютъ представители разныхъ союзовъ, подаютъ вамъ разныя заявленія.

— Бываютъ, подаютъ.

— Ну вотъ, ну вотъ, кто же это бываетъ? Назовите.

— Не знаю.

—То есть, какъ это не знаете! Вы принимаете заявленія отъ лицъ, которыхъ не знаете?

— Именно такъ. Это меня не интересуетъ.

— Разрѣшите, ваше превосходительство, задать вопросъ?

Оказывается, въ углу кабинета, за столикомъ, сидѣлъ еще кто-то, присутствовавшій при допросѣ; его я не замѣтилъ. Повернуться къ нему не было никакой возможности. Кресло не выпускало меня и не давало возможности двигаться.

— А бывали у васъ прис. пов. Сахаровъ, Муравьевъ, Малянтовичъ? — допрашивалъ меня голосъ изъ угла.

— Да не только бывали, но бываютъ. Это мои хорошіе знакомые, съ ними меня связываютъ старыя отношенія. Одинъ изъ нихъ мой товарищъ по университету.

— Ну, а такіе-то и такіе-то бываютъ у васъ?

Тутъ были названы имена, которыя принадлежали къ лѣвымъ союзамъ.

— Можетъ быть и бывали Но я ихъ не знаю. Опять повторяю, у насъ бываетъ вся Москва.

— А что вы дѣлаете съ заявленіями, которыя вамъ подаютъ?

— Прочитываю и стараюсь понять создающіяся настроенія.

— Ну, и что же, интересно?

— Не столько интересно, сколько жутко. Настроенія все растутъ.

— Можете мнѣ передать эти заявленія?

— Нѣтъ, не могу. Они принадежатъ не мнѣ.

Шуваловъ явно нервничалъ.

— Жаль, очень жаль, что вы не хотите намъ помочь.

Я вылѣзалъ изъ глубинъ удивительнаго кресла. Шуваловъ весьма мало любезно простился со мной и на прощанье бросилъ:

— А насчетъ настроеній, не безпокойтесь, мы сумѣемъ съ ними справиться.

Уходя изъ кабинета я съ укоромъ взглянулъ на В. В. Петрова, съ которымъ мы впервые встрѣтились въ такой неожиданной обстановкѣ.

Въ углу кабинета сидѣлъ начальникъ охраннаго отдѣленія.

Вернувшись въ Думу, я во всѣхъ подробностяхъ разсказалъ князю Голицыну о допросѣ.

— Я вамъ говорилъ, что они васъ такъ не оставятъ. Вотъ видите, такъ и вышло.

О моемъ первомъ крещенiи разсказалъ я и гласнымъ, съ которыми все болѣе крѣпли наши взаимныя отношенiя.

Но этимъ допросомъ отношенiя Шувалова ко мнѣ не кончились. Онъ пожелалъ на дѣлѣ продемонстрировать мнѣ, какъ нужно справляться съ настроенiями.

Не помню въ точности, когда это было. 1-го ли мая готовилась въ Москвѣ большая рабочая демонстрацiя, или былъ какой-то другой поводъ, но извѣстно было, что московскiе рабочiе собираются со всѣхъ концовъ Москвы итти къ Московской Городской Думѣ и тамъ, на Воскресенской площади, устроить митингъ и заявить какiя-то требованiя. День манифестацiи приходился на воскресенье или въ какой-то праздникъ. Слухи объ этой готовящейся демонстрацiи были весьма смутные, городскiя предпрiятiя были въ общемъ, кажется, спокойны.

Изъ градоначальства мнѣ было передано, что гр. Шуваловъ проситъ быть у него вечеромъ въ 9 часовъ. Проситъ быть въ домашнемъ костюмѣ. Цѣль приглашенiя опять не сообщена. Визитъ ничего прiятнаго не обѣщалъ, особенно послѣ допроса, со времени котораго прошло мѣсяца полтора.

Являюсь къ назначенному времени. Въ небольшой прiемной всѣ помощники градоначальника, полицеймейстеръ и нѣсколько приставовъ. Всѣ въ бѣлыхъ кителяхъ, держатъ себя особенно развязно, бряцаютъ шпорами и шикуютъ военной выправкой. У стѣны стоитъ неизмѣнный В. В. Петровъ въ вицмундирномъ фракѣ, со своимъ гуттаперчевымъ лицомъ и Владимiромъ въ петлицѣ. Я одинъ оказываюсь въ сѣромъ пиджакѣ. Чувствую себя крайне неуютно въ этой полицейской комнатѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ выходитъ Шуваловъ. Онъ очень моложавъ, очень элегантенъ, несомнѣнно красивъ. Красота его была бы привлекательна, если бы не нѣкóторая жесткость, которая нѣтъ-нѣтъ да и промелькнетъ въ его глазахъ. Онъ изъ тѣхъ людей, которыхъ называютъ шармерами. Онъ тоже въ кителѣ. Держится совершенно непринужденно. При его появленiи раздается дружный, короткiй, сливающiйся въ одинъ сухой звукъ звяканья шпоръ.

— Благодарю васъ, что пришли. Ну, какiя у васъ свѣдѣнiя о завтрашнемъ днѣ?

— У меня никакихъ.

— Ну, тѣмъ лучше. Вотъ вы познакомьтесь съ тѣмъ, что завтра предполагается.

Затѣмъ онъ обошелъ всѣхъ присутствовавшихъ, поздоровался и началъ:

— Господа, вамъ извѣстны мои распоряженія на завтрашній день?

— Такъ точно, ваше сіятельство! — послѣдовалъ общій отвѣтъ.

— Такъ вотъ, измѣненій пока никакихъ. Расположеніе нарядовъ то же самое.

Далѣе, какъ бы повторяя уже извѣстное, онъ указывалъ, гдѣ должны быть укрыты городовые, жандармы и казаки. Оказалось, что вся Воскресенская площадь представляла собой нѣчто въ родѣ ловушки. Вооруженная полиція во дворѣ Историческаго Музея, во дворѣ Губернскаго Правленія, Большой Московской гостиницы и т. д. Штабъ, во главѣ съ бар. Будбергомъ, будетъ расположенъ въ зданіи Думы. Будетъ сдѣлана попытка задержать демонстрантовъ и не пропустить ихъ къ Думѣ. Если же попытка не удастся, то манифестація должна быть разогнана силой оружія. Это приказъ, который долженъ быть исполненъ во всей точности.

— Итакъ, господа, до завтра. Не сомнѣваюсь, что все сказанное мною въ точности будетъ исполнено. Колебаній и нерѣшительности не допускаю. Дѣйствія должны быть самыя рѣшительныя. Можете итти, господа.

Снова звяканье шпорами. Полицейскіе удалились.

— Вы слышали, Николай Ивановичъ, мои распоряженія. Манифестація допущена не будетъ. Не остановлюсь передъ самыми рѣшительными мѣрами. Шутить не буду.

И, снова любезно улыбаясь, добавилъ:

— Я надѣюсь, что все кончится благополучно.

Снова я чувствую себя и противно, и подавленно. Спорить, возражать... какой смыслъ? Ясно, что надо мной издѣвается.

— Больше я вамъ не нуженъ? — спрашиваю я. — Считаю необходимымъ обратить ваше вниманіе, что вы нарушаете старую традицію. Никогда полиція безъ разрѣшенія Городского Головы въ зданіе Городской Думы не вступала.

Шуваловъ усмѣхнулся.

— Теперь не до старыхъ традицій. Теперь нужно дѣйствовать.

Спросилъ меня, буду ли я завтра въ Думѣ, и мы разстались.

По возвращеніи отъ Шувалова немедленно сталъ звонить по телефону кн. Голицыну, членамъ Управы и завѣдующимъ городскими предпріятіями, чтобы приняли мѣры и удержали рабочихъ отъ участія въ манифестаціи.

Рано утромъ я уже сидѣлъ въ своемъ кабинетикѣ на Воскресенской площади. По телефону условились, что никто изъ Управы въ зданіе Думы не явится (былъ праздничный день, и занятій въ Управѣ не было). Громадное зданіе было совершенно пусто. Только курьеры и сторожа убирали помѣщенія и корридоры. Но вотъ по гулкимъ, пустымъ корридорамъ раздаются поспѣшные и увѣренные шаги, все яснѣе различаю позвякиваніе шпоръ. Шаги

приближаются и въ мой кабинетъ входитъ графъ Шуваловъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ полицейскихъ высшихъ чиновъ. Онъ очаровательно любезенъ. Здоровается со мной какъ со старымъ знакомымъ и съ изысканной любезностью заявляетъ:

— Я пришелъ пожать вашу руку, Николай Ивановичъ, и сказать, что зданіе Думы занято полицейскими нарядами.

Не успѣлъ онъ закончить фразы, какъ въ окно стали долетать четкіе звуки мѣрнаго шага большого количества людей, а за нимъ и мѣрный топотъ лошадиныхъ копытъ.

— Что это? — невольно вырвалось у меня.

— Посмотрите въ окно! Это немножко не въ традиціяхъ Думы. Но это ничего.

Я взглянулъ въ окно. Весь узкій дворъ, отдѣляющій зданіе Думы отъ зданія Губернскаго Правленія, былъ переполненъ городовыми съ винтовками. Казаки спѣшивались со своихъ коней. Видя мое волненіе и негодованіе, Шуваловъ съ прежнимъ очарованіемъ, какъ бы сочувствуя мнѣ, сказалъ:

— Ничего, ничего, не волнуйтесь! Все обойдется благополучно! Ну, а если — тутъ что-то жесткое мелькнуло въ его глазахъ — мы ихъ разстрѣляемъ. Съ нами шутки плохи. Баронъ Будбергъ со штабомъ въ телефонной. Распоряженія всѣ отданы. До свиданья, Николай Ивановичъ, все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

Итакъ, я долженъ быть свидѣтелемъ расправы. Зданіе Думы обращено въ мѣсто засады. Шуваловъ явно издѣвался надо мной и въ моемъ лицѣ надъ Городской Думой, надъ ея «традиціями». Не было сомнѣнія — это была месть за мой разговоръ съ Козловымъ, за мои отвѣты на допросѣ. Нужно ли говорить, какія чувства вызвала во мнѣ эта полицейская тактика?

Къ счастью, манифестація не произошла. Небольшія группы рабочихъ появлялись въ Александровскомъ саду и мирно расходились по требованію полиціи. Часамъ къ двумъ дворъ подъ моимъ окномъ опустѣлъ. Во всей этой исторіи, повидимому, наиболѣе пострадавшимъ оказался я.

Въ ближайшемъ частномъ совѣщаніи гласныхъ, — а такія совѣщанія происходили въ то время часто, — я подробно разсказалъ о всемъ, что было продѣлано Шуваловымъ. Общее сочувствіе было на моей сторонѣ. Этотъ эпизодъ былъ новымъ раздраженіемъ общественной среды.

Въ послѣднихъ числахъ іюня (28 іюня - 11 іюля) графъ Шуваловъ былъ убитъ въ домѣ Градоначальства, во время пріема. Его убилъ эсъ-эръ Куликовскій, явившійся на пріемъ къ Градоначальнику. На пріемъ онъ явился, сбривъ свою бороду. Шуваловъ былъ убитъ наповалъ пятью выстрѣлами въ упоръ. Куликовскаго сослали на каторгу. При революціи онъ былъ освобожденъ и, по слу-

хамъ, былъ назначенъ большевиками на должность комиссара въ Астрахань.

Московская Дума все больше втягивалась въ политическую работу. Какъ внѣшнія событія, такъ и правительственные акты вовлекали ее въ эту работу. Здѣсь вовсе не было надобности въ особой агитаціи со стороны профессіональныхъ политиковъ современнаго типа. Къ тому же, ихъ въ то время среди насъ не было. Общія настроенія требовали выхода, ими нужно было только руководить, ихъ нужно было направить въ то или иное русло. Руководительство оказалось въ рукахъ людей либеральнаго настроенія. Они и повели тогда Московскую Думу. Муромцевъ и Щепкинъ были осторожны. Они знали среду, въ которой приходилось имъ дѣйствовать, и не форсировали выступленій. Однако, линія ихъ была достаточно тверда и опредѣленна. Это была линія земцевъ-конституціоналистовъ. Ихъ слушали, имъ сочувствовали. Старые гласные, какъ купецъ Калашниковъ, часовщикъ съ Ильинки, столпъ и утвержденіе старыхъ добрыхъ нравовъ, одобрительно относился къ новымъ рѣчамъ въ старой Думѣ, слушалъ ихъ не безъ волненія и прерывалъ ихъ увѣсистымъ: «правильно».

Политическія выступленія Московской Думы оказались естественными, необходимыми, неизбѣжными. Старые гласные считали это долгомъ ихъ общественнаго служенія. И во исполненіе этого долга шли осторожно, но рѣшительно. Только И. А. Лебедевъ все болѣе ожесточился и ворчалъ на «политиканствующихъ» гласныхъ. Возстановить всѣ выступленія Московской Думы политическаго характера я, конечно, не въ состояніи, не имѣя поръ руками матеріаловъ. Нѣкоторыя, однако, запомнились.

Въ связи съ актомъ 18 февраля 1905 г. о призваніи довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей, къ участію въ предварительной разработкѣ законодательныхъ предположеній, Московская Дума въ чрезвычайномъ собраніи приняла текстъ всеподданнѣйшаго адреса, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что Москва вѣритъ, что въ скоромъ осуществленіи государственныхъ реформъ лежитъ надежный залогъ прекращенія внутренней распри, измучившей Россію; призывъ свободно избранныхъ представителей народа къ участію въ осуществленіи законодательной власти установитъ въ странѣ прочный правовой порядокъ...

Это все было развитіе конституціонной идеи, провозглашенной на ноябрьскомъ земскомъ съѣздѣ 1904 г., и дальнѣйшее уясненіе ея составныхъ частей.

11 марта особая депутація, въ составѣ кн. В. М. Голицына и гласныхъ Думы Вл. Ал. Бахрушина, А. А. Мануилова и С. А. Муромцева, представила министру внутр. дѣлъ Булыгину ходатайство Думы о томъ, чтобы въ составъ Особаго Совѣщанія, учрежденнаго въ силу рескрипта 18 февраля, были включены выборные отъ Москов-

ской Городской Думы и чтобы было допущено свободное обсужденіе въ печати вопросовъ, составляющихъ предметъ работы Совѣщанія, и гласность по отношенію къ его занятіямъ Такое же ходатайство было возбуждено и Московскимъ Губ. Земствомъ и цѣлымъ рядомъ другихъ земскихъ собраній.

Въ это время выступленія Московской Думы и другихъ городскихъ управленій оказались въ полномъ согласіи съ выступленіями земскихъ собраній. Работа городскихъ гласныхъ шла въ той же линіи, что и работа земцевъ, причемъ это была линія большинства ноябрьскаго съѣзда. Взаимныя соприкосновенія горожанъ и земцевъ становились все чаще и необходимѣе. Вскорѣ эти соприкосновенія получили организованныя формы.

Въ маѣ въ Москвѣ вновь собралось совѣщаніе городскихъ представителей. Какъ разъ въ это время пришло страшное извѣстіе о полномъ разгромѣ и гибели нашего флота при Цусимѣ. По поводу гибели русскаго флота при Цусимѣ въ Московской Думѣ было заявлено, что дальнѣйшая отсрочка созыва народныхъ представителей невозможна и что «насталъ часъ, когда самому народу предстоитъ разрѣшить вопросъ о войнѣ и мирѣ, достойныхъ Россіи, и приступить къ государственному строительству».

Въ связи съ этой катастрофой созванъ былъ земцами на 25 мая особый съѣздъ, который называли коалиціоннымъ. На этотъ съѣздъ были позваны представители общеземской группы, группы коституціонной, группы Шипова, губернскихъ предводителей дворянства, а также представители городовъ. Городскіе представители не составляли опредѣленной группы. Въ значительномъ числѣ была представлена Петербургская Дума (Красовскій, Никитинъ, Федоровъ, Лихачевъ и Фальборкъ). Былъ представитель Одессы — Драго и нѣкоторые другіе. Это было первое совмѣстное выступленіе земцевъ и горожанъ. На этомъ съѣздѣ было рѣшено обратиться къ монарху съ изложеніемъ того, что происходитъ въ странѣ и съ выраженіемъ того, что нужно странѣ. Многіе высказывали, что это — послѣднее обращеніе къ монарху. Шиповъ возражалъ противъ какихъ-либо угрозъ, видя спасеніе только въ единеніи царя съ народомъ.

Съѣздъ отправилъ особую делегацію къ Государю, во главѣ съ кн. С. Н. Трубецкимъ. Въ составъ делегаціи, кромѣ выдающихся земцевъ, вошли и представители Петербургской Думы, которая предполагала обратиться къ Царю со своимъ адресомъ черезъ особую делегацію. Эта делегація, въ лицѣ бар. П. Л. Корфа, А. Н. Никитина и М. П. Федорова, была присоединена къ депутаціи съѣзда, съ согласія послѣдняго. Кандидатомъ къ членамъ делегаціи, избраннымъ на Московскомъ съѣздѣ, былъ и нашъ Н. Н. Щепкинъ.

Вскорѣ въ составъ Бюро по созыву земскихъ съѣздовъ вошли и представители городскихъ управленій. Въ числѣ этихъ представи-

телей былъ и я. А первый общій съѣздъ, съѣздъ земскихъ и городскихъ представителей, состоялся 6 - 8 іюля въ Москвѣ.

Ранѣе того, 15 - 16 іюня, въ зданіи Московской Гор. Думы происходилъ первый оффиціальный съѣздъ городскихъ представителей. Этотъ съѣздъ носилъ также названіе Частнаго Совѣщанія городскихъ дѣятелей, ибо формальнаго разрѣшенія на его созывъ получено не было. Однако, это Частное Совѣщаніе происходило въ зданіи Московской Гор. Думы, подъ предсѣдательствомъ Московскаго Городского Головы, кн. Голицына. На этомъ совѣщаніи было 126 представителей отъ 86 городовъ. Это первое собраніе представителей городовъ было очень интересно и знаменательно. Городскія Управленія того времени были скромны и не проявляли своихъ политическихъ настроеній. Они оставались безъ движенія въ то время, какъ земцы вели борьбу, получившую вскорѣ явно политическое содержаніе. Тѣмъ неожиданнѣе было увидѣть въ іюнѣ 1905 года представителей русскихъ городовъ и выслушать ихъ полныя содержанія, живыя рѣчи. Это были вовсе не растерянные люди. Напротивъ того, они прекрасно разбирались въ вопросахъ, выдвинутыхъ жизнью, рѣчи ихъ звучали увѣренно и менѣе всего представляли собой проявленіе классоваго страха и эгоизма. Это были рѣчи людей, понимающихъ общегосударственный интересъ. Представитель г. Кронштадта, Волковъ, говорилъ: «У насъ въ захолустьяхъ есть люди, способные и готовые къ участію въ общегосударственной работѣ». Подробный стенографическій отчетъ объ этомъ съѣздѣ былъ въ свое время отпечатанъ. Но, къ сожалѣнію, лишь очень небольшое количество экземпляровъ было выпущено типографіей. Несь наборъ былъ задержанъ и впослѣдствіи уничтоженъ.

Съѣздъ былъ открытъ кн. В. М. Голицынымъ. Во вступительномъ словѣ онъ сказалъ, что въ жизни общества и его учрежденій бываютъ минуты, когда частные помыслы блѣднѣютъ передъ общими вопросами. Минуты высшей важности, ведущей жизнь къ неотвратимымъ послѣдствіямъ. Такія минуты переживаетъ теперь Россія, и это ясно для всѣхъ, кто не жмуритъ нарочно своихъ глазъ. Кризисомъ мы всѣ захвачены; всѣми помыслами мы ощущаемъ, однако, тотъ путь, на которомъ найдемъ цѣлебное средство отъ невыносимыхъ страданій нашей родины. Народный голосъ долженъ свободно доходить до престола. Передъ нами отвѣтственная, трудная, но благодарная и почтенная задача — быть гражданами, стоящими на высотѣ своего призванія...

Въ президіумъ съѣзда были избраны: товарищами предсѣдателя А. К. Погорѣлко (Харьковъ) и Крыжановскій (Одесса), Н. И. Астровъ, Н. И. Гучковъ, А. А. Мануиловъ, В. В. Пржевальскій и П. А. Столповскій.

Сразу опредѣлилось настроеніе съѣзда. Единодушно было признано, что постановленія ноябрьскаго земскаго съѣзда, это — кате-

хизисъ, символъ вѣры, это азбучныя истины, усвоенныя всѣми, это платформа, объявляемая для всѣхъ и всѣми принятая. Теперь нужно назвать вещи своимъ именемъ и произнести наконецъ это слово, которое у всѣхъ на устахъ. Слово это — конституція! Для упорядоченія жизни страны нужны конституціонныя гарантіи. Депутацій больше не надо. Нужно объединить бюро городское и земское и созвать общій земскій и городской съѣздъ, который долженъ будетъ выяснить практическіе пути воздѣйствія на общество и на правительство.

Въ резолюціи московскаго совѣщанія городскихъ представителей было, между прочимъ, сказано, что оно находитъ «настоятельно неотложнымъ введеніе въ Россіи народнаго представительства на конституціонныхъ началахъ, т. е. предоставленіе народному представительству рѣшающаго голоса въ вопросахъ законодательства, государственнаго бюджета, отвѣтственности министровъ и контроля надъ дѣйствіями администраціи, а также право законодательнаго почина».

При шумныхъ апплодисментахъ, съѣздъ большинствомъ голосовъ высказался за участіе женщинъ въ государственныхъ выборахъ. Онъ принялъ двухпалатную систему. Къ проекту «Булыгинской Думы», извѣстному лишь изъ неоффиціальныхъ списковъ, отнесся совершенно отрицательно. Пылкій Н. Н. Щепкинъ назвалъ проектъ Булыгина «обманомъ», призывалъ заклеймить «эту гнусность», которая замышляется въ петербургскихъ департаментахъ и проектируетъ дать намъ «канцелярію при отбросахъ бюрократіи — Государственномъ Совѣтѣ».

Съѣздъ принялъ чрезвычайно рѣзкую резолюцію по адресу правительства, не прекращающаго кровопролитія. Съѣздъ отразилъ на себѣ настроеніе того времени. Гибель русскаго флота, волненія въ странѣ и слова государя, не содержавшія никакого отвѣта на вопросы, мучившіе страну. «Сомнѣнія», оставить которыя предлагалъ царь, не могли быть оставлены. Они уже обращались въ протестъ, въ негодованіе.

Вступленіе въ Бюро по созыву съѣздовъ или, какъ его называли также, Организаціонное Бюро, представляло для меня особый интересъ. Тутъ я входилъ въ самый центръ земскаго движенія, видѣлъ очень интересныхъ людей на работѣ, входилъ въ курсъ политическаго разрѣшенія, казалось, самыхъ главныхъ вопросовъ, ставшихъ на очередь въ русской жизни. Нечего и говорить, что личныя мои воззрѣнія въ полной мѣрѣ совпадали съ основами освободительнаго движенія, хотя и шиповскій романтизмъ находилъ отзвуки въ моемъ сознаніи или, вѣрнѣе, въ моихъ настроеніяхъ. Работа Бюро и съѣздовъ, къ тому времени уже оказавшаяся подъ запретомъ со стороны властей, пріятно волновала и вызывала радостное сознаніе, что это продолженіе давно начавшейся въ Россіи работы, работы

за освобожденіе, корни которой лежатъ глубоко. Упоминаніе со стороны того или иного участника работы о декабристахъ, о Герценѣ вызывало радостную теплоту сердца.

Возвращаясь домой послѣ засѣданій, не чувствуя усталости, вспоминая рѣчи старыхъ земцевъ, я все болѣе укрѣплялся въ сознаніи, что избранный ими путь — единственно правильный путь... Смущало немного всеобщее и прямое избирательное право... Но рѣчи были столь убѣдительны, тонъ говорившихъ былъ столь увѣренный, истинный демократизмъ такъ не мирился съ какими-либо компромиссами, что сомнѣнія и тревоги теряли свою остроту, захлопывалась какая-то дверь внутри и все становилось яснымъ, безспорнымъ и несомнѣннымъ. Авторитетъ говорившихъ былъ такъ высокъ и безспоренъ, что передъ нимъ исчезало и раздраженіе, которое вызывали непримиримые выкрики с.-д., призывавшихъ къ народной революціи. Выкрики эти, натравлявшіе одинъ классъ на другой, казались настолько нелѣпыми, что не заслуживали особаго вниманія. То, что готовитъ освободительное движеніе, должно положить конецъ самовластію и устранить угрозу революціи. Опять захлопывалась какая-то внутренняя дверца. Создавалась спокойная, горделивая увѣренность въ найденномъ пути, въ постигнутой истинѣ. Такія настроенія все больше опредѣляли мое тогдашнее состояніе. Тутъ, конечно, была извѣстная доля романтизма, однако оправданнаго опытомъ Европы. Эти настроенія въ полной мѣрѣ отвѣчали всему предыдущему, всему, что вырабатывалось и слагалось въ университетскіе годы и укрѣплялось отъ соприкосновенія съ жизнью. Рѣчи старыхъ земцевъ не столько открывали новыя, невѣдомыя области и горизонты, сколько чудесно проговаривали то, что было недодумано, недосказано самимъ когда-то... Въ этомъ была сила ораторовъ на съѣздахъ, въ этомъ была радость слушающаго, находившаго счастливыя созвучія въ своемъ сознаніи и своей душѣ. Въ этомъ было, наконецъ, радостное сознаніе соучастія въ творческой работѣ. Это созвучіе дѣлало такими дорогими и близкими людей, которыхъ видѣлъ впервые на работѣ. Такимъ даромъ убѣждать слушающихъ въ томъ, что это ихъ собственная мысль, развивающаяся въ прекрасной, художественной формѣ, — обладалъ еще совсѣмъ молодой земецъ Ф. Ф. Кокошкинъ. Съ захватывающимъ вниманіемъ и наслажденіемъ слушали его не только мы, молодые, но и старые общественные дѣятели. А такихъ ораторовъ было много, и среди нихъ были дѣйствительно интересные, выдающіеся и талантливые люди. Особый интересъ и общую какъ-бы приподнятость, вниманіе и настроеніе вызывало появленіе на засѣданіяхъ Бюро и съѣздовъ Ивана Ильича Петрункевича, Ф. И. Родичева, гр. П. А. Гейдена, кн. Д. И. Шаховского, князей Павла и Петра Долгоруковыхъ; Якушкинъ, Шаховской, Долгоруковы были постоянными участниками въ работахъ Бюро.

Это были люди извѣстные. Извѣстны были ихъ имена, извѣстны были и ихъ дѣла. Москвичей приходилось встрѣчать и раньше. Другихъ же, пріѣзжихъ, видѣлъ впервые. Это все были сильные, интересные, чрезвычайно своеобразные люди. Съ ясной мыслью, съ большимъ благородствомъ, съ превосходнымъ даромъ слова. Они были такъ непохожи другъ на друга (за исключеніемъ, конечно, двухъ братьевъ Долгоруковыхъ, которыхъ непозволительно смѣшивали въ первое время) и въ то же время они были объединены одной общей идеей, одной общей мыслью, однимъ общимъ настроеніемъ, дополняли другъ друга и давали представленіе единаго цѣлаго, хотя и многограннаго, сложнаго, ярко блестящаго и искрящагося талантомъ, силой убѣжденія и неизсякаемаго знанія.

Эта среда не могла не плѣнить. Были и у насъ, среди городскихъ гласныхъ, совершенно выдающіеся по уму, знанію, таланту и ораторскимъ дарованіямъ люди. Но можетъ быть потому, что я приглядѣлся, прислушался къ нимъ, можетъ быть тутъ имѣла значеніе привычная обстановка, но выходило такъ, что новые для меня люди, старые земцы, производили болѣе сильное впечатлѣніе.

И. И. Петрункевичъ жилъ тогда внѣ Москвы и бывалъ въ Москвѣ рѣдко. Это былъ дѣйствительно центръ политической мысли среди конституціоннаго движенія того времени, большой и непререкаемый авторитетъ, каждое слово котораго было полновѣсно и выслушивалось съ особеннымъ вниманіемъ. Это были слова, проникнутые знаніемъ русской жизни, любовью къ родинѣ и тревогой за судьбу страны и государства. Нѣсколько суровый видъ Ивана Ильича придавалъ особую значительность всему тому, что онъ говорилъ. Его слова пріобрѣтали тонъ строгій и непримиримый, когда онъ говорилъ о правительственномъ режимѣ, который велъ страну къ гибели. Его иниціативѣ принадлежало извѣстное обращеніе къ населенію отъ имени съѣзда 6 - 8 іюля. Обращеніе, которое вызвало такой переполохъ у правительства и по высочайшему повелѣнію особое разслѣдованіе, произведенное сенаторомъ Постовскимъ при участіи прокурора Камышанскаго.

На засѣданіяхъ Бюро и на съѣздахъ появлялся неукротимый, пылкій и громоносный Ф. И. Родичевъ. Я хорошо зналъ его брата, Д. И. Родичева, мирового судью города Москвы. Какая разница между братьями! Природа всѣ дары и таланты дала Федюру Измайловичу, оставивъ Дмитрію лишь безграничную доброту, ласковость и восторженное преклоненіе передъ братомъ. Ф. И. Родичевъ, появляясь въ Бюро, внимательно слушалъ то, что говорили другіе, сохраняя спокойный видъ. Потомъ, такъ же спокойно вставалъ и начиналъ ходить по комнатѣ между сидящими, останавливался, просилъ слова, и тутъ у него вырывались его искрометныя, молніеносныя импровизаціи. Такого оратора мы не слыхали въ нашей Думѣ. Это была сама страсть и пламя. Его мысль облекалась въ самые неожи-

данные образы, еще болѣе неожиданныя сопоставленія, аналогіи, противопоставленія неслись въ неудержимомъ вихрѣ, въ увлекательномъ полетѣ. Его рѣчи-экспромты были художественными произведеніями, художественнымъ творчествомъ, поясняющими, аргументирующими, иллюстрирующими тѣ положенія, которыя методически разрабатывались въ Бюро. Слушать Родичева было большимъ наслажденіемъ. А гнѣвъ его, гнѣвъ на произволъ самовластія, на тупость и бездарность властей и власти, былъ неудержимъ и неотразимъ...

Въ Бюро подготовлялись проекты созданія русскаго народнаго представительства. А передъ нами уже во весь ростъ стояли эти будущіе парламентаріи, во всеоружіи знанія и таланта.

Кн. Д. И. Шаховской, худой, съ рѣзко вырѣзаннымъ профилемъ, упорный въ работѣ, непоколебимый въ убѣжденіи, всегда настроенный радикальнѣе другихъ, временами вспыхивающій какъ порохъ, былъ безапелляціоненъ въ своихъ сужденіяхъ. Онъ двигалъ работу Бюро впередъ. Въ карманахъ его неизмѣннаго старенькаго сѣренькаго пиджака былъ всегда набросанный проектъ положеній или резолюцій, что помогало и обсужденію вопросовъ, и принятію рѣшеній.

Интересенъ былъ гр. П. А. Гейденъ. Къ его своеобразному заиканію, которымъ начиналась каждая его рѣчь, мы скоро привыкли. Его образъ мыслей и его рѣчь были отточены остро. Въ критикѣ режима, въ осужденіи «приказнаго строя» онъ былъ, можетъ быть, не менѣе безпощаденъ, чѣмъ другіе. Только оружіемъ его былъ не молніеносный мечъ Родичева, а тонкій юморъ и остро отточенный стилетъ, которымъ онъ вскрывалъ и анатомировалъ.

Братья Долгоруковы внушали къ себѣ большую симпатію и уваженіе. Горожане-провинціалы съ особымъ почтеніемъ входили въ ихъ дворецъ-особнякъ у Колымажнаго двора, поднимались по ихъ мраморной лѣстницѣ въ бѣлый залъ, гдѣ происходили засѣданія съѣзда, и отмѣчали, что, значитъ, дѣло ясно и безспорно, что настала пора, когда такіе люди, князья, Рюриковичи, богатые люди, стали во главѣ движенія. О долгоруковскихъ бесѣдахъ уже знала вся просвѣщенная Россія, объ участіи ихъ въ работѣ по народному образованію и ихъ связяхъ съ учительской средой знали не только земцы, но и горожане. Наконецъ, ихъ выступленія на съѣздахъ съ докладами показывали, что въ ихъ лицѣ мы будемъ имѣть членовъ русскаго парламента, который неминуемо долженъ создаться.

Земцы производили на насъ, горожанъ, сильное впечатлѣніе. Ихъ демократизмъ былъ такъ безспоренъ. Ихъ готовность пожертвовать личнымъ благосостояніемъ (вѣдь это были помѣщики и изъ нихъ нѣкоторые очень крупные!) для общаго блага — располагала къ нимъ. То, что они говорили и претворяли въ формулы, было ихъ подлиннымъ убѣжденіемъ, проистекавшимъ изъ всего ихъ міровоз-

зрѣнія. Въ ихъ средѣ чувствовалось, что путь, по которому они идутъ, путь вѣрный, выводящій изъ позора, униженія и смуты, въ которой оказалась Россія, путь, приводящій къ цѣли — къ славѣ Россіи, къ развитію ея духовныхъ и матеріальныхъ силъ. Конституція — вотъ путь къ цѣли и средство достиженія этой цѣли.

Въ такихъ мечтахъ, въ такомъ радостномъ настроеніи возвращался я домой изъ засѣданій Бюро. Въ такомъ настроеніи участвовалъ въ работахъ Бюро. Этими настроеніями и взглядами дѣлился со своими близкими.

Вступленіе горожанъ въ Организаціонное Бюро было уже послѣ выхода изъ Бюро Д. Н. Шипова. Однако, духъ его еще присутствовалъ, когда возвращались къ вопросамъ, еще такъ недавно возбуждавшимъ острыя съ нимъ столкновенія. Шипова всѣ признавали, всѣ считались съ его высокимъ нравственнымъ авторитетомъ, съ его громаднымъ вліяніемъ въ земской средѣ. Но съ нимъ расходились въ основномъ политическомъ вопросѣ того времени. Конституція, ограниченіе самодержавія, основа **права** въ отношеніяхъ власти и населенія, идея народоправства — это кругъ идей большинства ноябрьскаго съѣзда и большинства Бюро. Съ другой стороны, Д. Н. Шиповъ, вводящій въ основу отношеній власти и населенія ускользающее и расплывающееся понятіе «нравственнаго начала». Царь, какъ исполнитель соборной народной совѣсти... Эта идея составляла глубочайшее убѣжденіе Шипова. Нравственная идея, начало справедливости, добра и правды въ основѣ взаимныхъ отношеній власти и народа — это жизнепониманіе было неизмѣннымъ у Шипова и сохранилось у него до самаго конца его жизни. Онъ неизмѣнно повторялъ эту свою **profession de foi** волнуясь, иногда со слезами на глазахъ, въ послѣдніе годы своей жизни, когда мнѣ съ нимъ пришлось особенно сблизиться на работѣ уже послѣ крушенія русской государственности, спасти которую было стремленіемъ освободительнаго движенія.

Отъ Московской Думы, по избранію совѣщанія ея гласныхъ, въ земскихъ съѣздахъ участвовали: М. Я. Герценштейнъ, А. С. Вишняковъ и С. В. Пучковъ. Входили въ составъ Организаціоннаго Бюро и участвовали на съѣздахъ гласные Думы: Н. И. Астровъ, Н. И. Гучковъ, В. В. Пржевальскій, А. А. Мануиловъ, П. А. Столповскій. А. И. Гучковъ принялъ участіе лишь на послѣднихъ съѣздахъ (въ сентябрѣ и ноябрѣ 1905 г.). Ранѣе онъ былъ на Дальнемъ Востокѣ и въ плѣну у японцевъ послѣ взятія ими Мукдена.

Если, по спискамъ участниковъ съѣздовъ, Муромцевъ и Н. Н. Щепкинъ числились земскими гласными по Московской губерніи, то они не переставали, однако, быть коренными городскими гласными. Участіе того и другого на съѣздахъ было особенно значительно. Отъ Петербургской Думы на съѣздахъ участвовали Н. Н. Оппель, М. П. Федоровъ и М. И. Петрункевичъ.

Отъ другихъ городовъ отмѣтимъ: И. В. Лучицкаго, А. О. Немировскаго (Саратовъ), А. В. Алехина (Курскъ), X. А. Вермишева (Тифлисъ), Л. Е. Сицынскаго (Кишиневъ), А. М. Макушева Томскъ),, А. К. Погорѣлко (Харьковъ) и др.

Участіе Муромцева на съѣздахъ и въ подготовительной работѣ къ нимъ было особенно значительно. Его правиломъ, которое онъ методически проводилъ въ жизнь, было не ограничиваться однымъ провозглашеніемъ идей и лозунговъ, а облекать идеи въ точныя формулы, сообщать имъ организаціонныя формы. Форма, какъ онъ любилъ говорить, защищаетъ идею.

Къ съѣзду 6 - 8 іюля 1905 г. Муромцевъ, при дѣятельномъ участіи Ф. Ф. Кокошкина и Н. Н. Щепкина, подготовилъ обширный проектъ «Основныхъ законовъ». Этотъ проектъ какъ бы увѣнчивалъ работу предшествовавшихъ съѣздовъ, подготовлявшихъ и разрабатывавшихъ матеріалы для конституціоннаго закона. Эта работа по составленію «Основныхъ законовъ» производилась конспиративно на дачѣ Муромцева въ Царицынѣ. Туда, разсаживаясь въ разные вагоны Курской ж. д., изрѣдка собирались нѣкоторые члены Бюро или участники съѣзда. Помню, какъ для ознакомленія съ законченнымъ проектомъ часть членовъ Бюро была позвана въ Царицыно. Предложено было принять мѣры къ тому, чтобы не привлекать вниманія полиціи, уже зорко слѣдившей за собраніями, которыя, въ полномъ несогласіи съ рескриптомъ 18 февраля, объявлялись незаконными. Конспираторы мы были очень плохіе. Пробираясь на дачу Муромцева и разбредясь, для отвода глазъ, по парку, мы только привлекли къ себѣ вниманіе публики. Среди дачниковъ пробѣжала молва, что гдѣ-то въ Царицынѣ происходитъ конспиративное политическое засѣданіе.

Организаціонное Бюро по созыву съѣздовъ работало подъ предсѣдательствомъ Ф. А. Головина, замѣстившаго Шипова послѣ его неутвержденія въ должности предсѣдателя Московской Губ. Земской Управы. Это былъ очень выдержанный, не терявшій хладнокровія человѣкъ, нѣсколько англійской складки. Онъ съ большимъ достоинствомъ предсѣдательствовалъ въ Бюро, сознавая и давая чувствовать другимъ, что Бюро, это — органъ всей земской и городской Россіи. Такое поведеніе предсѣдателя Бюро было особенно цѣнно въ виду того, что московская администрація, по распоряженію изъ Петербурга, повела рѣшительную кампанію противъ движенія. Запрещенъ былъ съѣздъ 6 іюля. Запрещены были засѣданія Бюро, подготовлявшаго съѣздъ. Первоначально засѣданія Бюро происходили въ помѣщеніи Московской Губ. Земской Управы. Послѣ формальнаго ихъ запрещенія въ зданіи Управы, засѣданія были перенесены на квартиру Головина, въ домъ Шанксъ, на Покровкѣ. Туда явился полицеймейстеръ Носковъ съ нарядомъ полиціи, переписалъ собравшихся и потребовалъ, чтобы собраніе разошлось. Отъ

имени собранія Головинъ заявилъ протестъ. Составивъ протоколъ, полиція удалилась, а занятія Бюро продолжались. Носковъ явился и на съѣздъ 6 іюля. Тоже требовалъ прекращенія занятій. Внезапно для него его сфотографировали въ то время, когда онъ объяснялся съ предсѣдателемъ съѣзда гр. Гейденомъ. Носковъ протестовалъ, но фотографъ исчезъ. Отъ насъ были отобраны наши визитныя карточки, составленъ протоколъ. Собраніе отказалось подчиниться требованію полиціи, находя его незаконнымъ. Носковъ удалился. Съѣздъ продолжалъ свои занятія. Появился Носковъ и въ засѣданіи Бюро на квартирѣ д-ра Н. Н. Баженова. Заявилъ, что не уйдетъ, пока происходитъ засѣданіе. Засѣданіе продолжалось. А Носковъ сидѣлъ въ сторонкѣ и что-то записывалъ.

Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей 6 - 8 іюля 1905 г. отличался отъ предшествовашихъ земскихъ съѣздовъ не только по своему составу (на немъ присутствовали представители городовъ), но и по самому существу принятыхъ имъ рѣшеній. Если предшествующіе съѣзды представляли собой отчасти провозглашеніе принциповъ (съѣздъ въ ноябрѣ 1904 г.), отчасти разработку отдѣльныхъ вопросовъ (аграрный, система выборовъ), то на іюльскомъ съѣздѣ въ первомъ чтеніи былъ принятъ «Основной законъ», установлено принципіальное отношеніе къ «Булыгинской Думѣ» и, что главнѣе всего, съѣздъ заслушалъ докладъ кн. Петра Долгорукова — о пріобщеніи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ — и обратился къ населенію съ воззваніемъ, ставя его въ извѣстность о своихъ дѣйствіяхъ, планахъ и намѣреніяхъ и призывая населеніе къ дружной совмѣстной работѣ. Обращеніе къ монарху было сдѣлано 6 іюля. Теперь съѣздъ апеллировалъ къ народу. Это былъ первый шагъ по новому пути. Это было начало политической работы, начало образованія политическихъ партій, ищущихъ соприкосновенія съ широкими массами. Еще раньше Союзъ Союзовъ, послѣ Цусимскаго пораженія, призналъ совершенно безцѣльнымъ всякое ходатайство и обращеніе къ верховной власти. Онъ призывалъ къ уничтоженію существующей власти и къ созыву Всероссійскаго Учредительнаго собранія.

Не всѣ участники съѣзда подписали это обращеніе къ населенію. Уже тогда намѣчалась правая оппозиція. Рѣчи Касаткина-Ростовскаго были полны негодованія и раздраженія противъ всего существа работы съѣзда. Это были тѣ же идеи, которыя развивались Грингмутомъ и Шараповымъ. Это былъ отзвукъ того, что говорила депутація Союза русскаго народа, принятая Государемъ 21 іюня, т. е. черезъ двѣ недѣли послѣ депутаціи кн. С. Н. Трубецкого. Тогда, въ противовѣсъ земцамъ, депутація Союза русскаго народа требовала продолженія войны, новой мобилизаціи, водворенія порядка неприкосновенности самодержавія и сохраненія сословій.

Такъ, все опредѣленнѣе и отчетливѣе вырисовывались полити-

ческія теченія и настроенія въ странѣ. Притягивались однородные элементы и отталкивались элементы антагонистичные. Спѣшно происходила организація страны. Эта организація должна была завершиться образованіемъ политическихъ партій. Съѣздъ 6 - 8 іюля расширилъ полномочія своего Бюро, которое получило характеръ Исполнительнаго Комитета.

Правительство негодовало. Назначено было разслѣдованіе дѣйствій съѣзда. Допрошено было нѣсколько членовъ съѣзда, въ ихъ числѣ И. И. Петрункевичъ, давшій блестящую и убійственную отповѣдь допрашивавшему, въ которой вскрылъ истинный смыслъ земскаго освободительнаго движенія и указалъ на гибельность пути, который избрало правительство. Вызванъ былъ сенаторомъ Постовскимъ и я. Но приглашеніе не было мнѣ вручено, въ виду моего отъѣзда въ Финляндію.

Слѣва похваливали іюльскій съѣздъ. Отмѣчали рѣшимость безповоротно стать на почву конституціонализма и желаніе опереться на народъ. Мартовъ въ «Искрѣ» поощрялъ помѣщичью оппозицію, видѣлъ признаки роста народной революціи въ отказѣ съѣзда подчиниться треповскому приказу распустить незаконное собраніе, констатировалъ, что на рѣшеніяхъ съѣзда видно вліяніе Петрункевича... Но тутъ же Мартовъ ставитъ ехидный вопросъ: приметъ ли помѣщичья оппозиція и разночинная демократія революцію, или снова пойдетъ по пути банкетовъ и съѣздовъ? Онъ обѣщалъ революціононной иниціативѣ конституціоналистовъ поддержку всего пролетаріата при условіи, однако, разоруженія реакціи, вооруженія народа, созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія... Пролетаріатъ поддержитъ революціонную иниціативу, чтобы открыть эру революціи, чтобы не дать остановиться революціонному процессу, чтобы не дать водвориться столь желательному для редактора «Освобожденія» «сильному правительству». Съ этого момента пути пролетарской революціи и либеральной буржуазіи разойдутся безповоротно.

Такія программы-пророчества мы читали въ «Искрѣ» послѣ іюльскаго съѣзда. Сатана похваливалъ, дразнилъ и указывалъ перспективы.

— Читали «Искру»? — спрашивали меня изъ статистики. — Ну, какъ же насчетъ революціи, г. г. участники съѣздовъ?

— Да какъ же вы не понимаете, что это единственный путь предотвращенія революціи!

— Ну, это еще посмотримъ!

А тутъ возстаніе на «Потемкинѣ». Броненосецъ «Георгій Побѣдоносецъ», транспортъ «Прутъ». Блужданіе «Потемкина» по Черному морю...

«Освобожденіе», откликаясь на эти событія, говорило, что открытую проповѣдь рѣшительнаго выступленія въ Россіи оно счита-

етъ безумнымъ и преступнымъ. Тутъ же оно высказывало свой взглядъ на отдѣльныя вспышки въ отдѣльныхъ частяхъ арміи. Оно находило эти отдѣльныя вспышки въ войскахъ вредными, пріучающими страну къ идеѣ «пронунціаменто». «Главное же, къ чему мы должны стремиться, — говорило «Освобожденіе», — это, чтобы армія въ лицѣ ея сознательныхъ и руководящихъ элементовъ духовно отпала отъ самодержавія».

Событія и, въ связи съ ними, политическія провозглашенія имѣли послѣдствіемъ, съ одной стороны, болѣе точныя формулировки политическихъ программъ, объединяющихъ около себя «единомышленниковъ», а съ другой стороны отходъ въ сторону лицъ, не пріемлющихъ этихъ программъ.

Если формально отходя Шиповъ въ апрѣлѣ намѣтилъ расхожденія чисто идеологическія съ большинствомъ участниковъ съѣзда, то на сентябрьскомъ земско-городскомъ съѣздѣ уже слагалась оппозиція, намѣтившая новый отколъ.

Нужно замѣтить, что къ этому съѣзду въ Москвѣ появился А. И. Гучковъ, до сихъ поръ находившійся на Дальнемъ Востокѣ и, какъ было сказано, въ плѣну у японцевъ, послѣ сдачи Мукдена.

Отмѣчу, что по мѣрѣ того, какъ политическія событія все болѣе сгущались, по мѣрѣ того, какъ изъ разныхъ угловъ выступали все новыя и новыя требованія, сталкивались непримиримые взгляды, создавались явленія и событія, расшатывавшія, казалось, всю жизнь сверху до низу, я, уже привыкшій къ тому, что въ самой гущѣ наиболѣе сложныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ жизни Московской Городской Думы, всегда были Щепкинъ и братья Гучковы, очень чувствовалъ отсутствіе А. И. Гучкова — умнаго, волевого и дѣятельнаго человѣка. Говорилъ я объ этомъ его брату Николаю Ивановичу; говорилъ и его женѣ, Маріи Ильиничнѣ, настаивалъ, чтобы она употребила свое вліяніе къ возможно скорому возвращенію ея мужа въ Москву.

— Намъ не достаетъ Александра Ивановича здѣсь, въ Москвѣ. Тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, дѣло кончено. Теперь центръ событій здѣсь, въ Москвѣ.

Я ждалъ А. И. Гучкова съ нетерпѣніемъ, не подозрѣвая, что онъ тотчасъ по пріѣздѣ внесетъ намъ еще большую путаницу и еще больше осложнитъ и безъ того чрезвычайно тягостное положеніе.

Сентябрьскій съѣздъ состоялся въ домѣ Новосильцева, на Большой Никитской улицѣ. Съѣздъ происходилъ въ присутствіи представителя администраціи, управляющаго канцеляріей Московскаго Генералъ-Губернатора Воронина, впослѣдствіи погибшаго при взрывѣ на Аптекарскомъ островѣ. Воронинъ сидѣлъ въ углу, подъ образами, слушалъ, записывалъ что-то, не вмѣшивался въ работу съѣзда. Всѣ попросту забыли про него.

На этомъ съѣздѣ приняли впервые участіе П. Н. Милюковъ,

М. М. Ковалевскій и А. И. Гучковъ. Тутъ же намѣтились два коренныхъ расхожденія по весьма существеннымъ вопросамъ.

При редактированіи политической программы по вопросу о выборахъ въ Государственную Думу 6 августа 1905 г. — цѣлая группа изъ 37 человѣкъ высказалась противъ всеобщаго избирательнаго права. Та же группа рѣшительно протестовала противъ установленія мѣстной автономіи съ представительными собраніями, осуществляющими въ извѣстныхъ предѣлахъ законодательную власть. Лидеромъ этой группы явился А. И. Гучковъ. Онъ необычайно заострилъ вопросъ и требовалъ поименнаго голосованія.

Появленіе А. И. Гучкова внесло явный расколъ и способствовало новому, болѣе точному обнаруженію политической мысли и раздѣленію участниковъ съѣзда на политическія партіи.

Это и случилось на новомъ съѣздѣ, который былъ назначенъ на 12 октября 1905 г. Этотъ съѣздъ происходилъ уже въ полный разгаръ общей политической забастовки. Участниковъ его было не много. Остановились желѣзныя дороги. Попасть въ Москву многіе изъ постоянныхъ и коренныхъ участниковъ съѣздовъ уже не могли. Такъ, напримѣръ, не могъ уже пріѣхать на съѣздъ И. И. Петрункевичъ. Этотъ съѣздъ оказался учредительнымъ по образованію конституціонно-демократической партіи.

Процессъ оформленія политической мысли закончился. Въ обработкѣ земскихъ, а потомъ земско-городскихъ съѣздовъ, въ обработкѣ Союза Освобожденія — сложилась программа к.-д. партіи, установившая твердую и ясную политическую позицію между реакціей и революціей.

Мнѣ не пришлось участвовать на этомъ съѣздѣ. Въ октябрьскіе дни я неотлучно былъ въ Думѣ. Политическія событія вихремъ закрутились въ Москвѣ. Центромъ ихъ на нѣкоторое время стала Московская Городская Дума.

Учредительный съѣздъ партіи народной свободы происходилъ въ домѣ кн. Долгоруковыхъ. Политическіе съѣзды не имѣли тогда постояннаго помѣщенія. Помѣщенія мѣнялись въ зависимости отъ разныхъ причинъ. Однажды по Москвѣ пробѣжалъ слухъ:

— Земцы отказались отъ дома Романовыхъ, они предпочли домъ князей Долгоруковыхъ!

Могло ли быть сомнѣніе въ глубокомъ смыслѣ этой молвы! Извѣстіе это, какъ всякая сенсація, полетѣло за-границу... Въ дѣйствительности — на Бронной, въ театрѣ Романова, засѣдать было неудобно и дорого. Въ домѣ кн. Долгоруковыхъ, на Колымажномъ дворѣ, было куда лучше.

По возникновеніи партіи к.-д. я примкнулъ къ ней.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РЕПЕТИЦІЯ РЕВОЛЮЦИИ

(Октябрь, ноябрь и декабрь 1905 г.)

Я не собираюсь дать сколько нибудь подробное описаніе того, что было въ Москвѣ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1905 года. По этому періоду имѣется теперь достаточное количество печатныхъ матеріаловъ. Хотя ихъ все-таки мало для полнаго освѣщенія существа первой наиболѣе напряженной вспышки русской революціи. Среди этихъ матеріаловъ разной цѣнности и значенія наименѣе достовѣрными и наболѣе лживыми представляются мнѣ матеріалы большевиковъ. Патетическій, пошлый, безвкусный тонъ изложенія, побѣдоносныя фанфары, умалчиванія о всемъ томъ, что не выгодно этимъ, съ позволенія сказать, историкамъ — извращаютъ дѣйствительность и искажаютъ историческую перспективу.

Вспоминая о томъ, что было въ послѣдніе мѣсяцы 1905 года, я остаюсь на своемъ наблюдательномъ посту, каковымъ была Московская Городская Дума. Далеко не все съ этого пункта въ то время было ясно и отчетливо. Далеко не все было видно. Напротивъ того, многаго, очень многаго мы вовсе не знали и оказывались передъ неожиданными фактами, которые сваливались, какъ снѣгъ на голову. Не знали мы того, что происходило на вершинахъ власти, въ Петербургѣ, видѣли все большую растерянность, смущеніе и безсиліе. Не знали и того, что происходило внизу, въ гущѣ рабочихъ круговъ. Мы были въ центрѣ, между двухъ стихій, въ подвѣшенномъ состояніи, безъ точки опоры. Снизу наши устои подмывало все сильнѣе и глубже. Власть и вліяніе органовъ городского управленія сохранялись больше по инерціи. Авторитетъ Городского Головы, Городской Управы, Городской Думы, завѣдующихъ городскими предпріятіями слабѣлъ и исчезалъ. Появлялись какіе-то новые центры влія-

нія, новые авторитеты, новыя силы, дезорганизующія, разстраивающія прежній укладъ и порядокъ. То, что казалось неизмѣннымъ, безспорнымъ, непоколебимымъ, вдругъ объявлялось недопустимымъ, преступнымъ, подлежащимъ измѣненію немедленно, безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Появились какіе-то «средніе техники», о которыхъ до сихъ поръ мы ничего опредѣленаго не знали, и имя которыхъ упоминалось только тогда, когда имъ нужно было прибавить содержаніе по смѣтѣ. Теперь эти «средніе техники» оказались разрушительной силой. Они волновали рабочихъ городскихъ предпріятій, предъявляли требованія одно фантастичнѣе другого. Требованія эти начинались съ увеличенія жалованія, а кончались восклицаніемъ «долой самодержавіе, долой буржуевъ, да здравствуетъ народная революція, учредительное собраніе» и т. д. Эти техники были неукротимы. Они ходили изъ одной мастерской въ другую, изъ одного желѣзнодорожнаго парка въ другой, призывали къ забастовкѣ, снимали съ работы сопротивляющихся. Словомъ, они были, повидимому, главной дезорганизующей силой. Они терроризировали и производили панику. За ихъ безтолковыя рѣчи и восклицанія и несуразныя требованія ихъ прозвали «средняго ума техники». Но дѣло, очевидно, было не въ умѣ. Разыгрывалась стихія. Стихія бушевала по всей странѣ. И что особенно важно, стихіи этой, при всей ея разрушительной силѣ, поддавались, ибо первоисточники ея были у всѣхъ на глазахъ. Дальне-восточная авантюра, позорно проведенная война, вскрытые войной пороки власти, режима, упорство этого режима, его явная борьба съ обществомъ, кровавыя расправы съ народомъ, обѣщанія реформъ и поспѣшный отказъ отъ этихъ обѣщаній, вызовы, бросаемые странѣ и общественнымъ кругамъ, попытки вызвать въ странѣ темныя силы для борьбы съ массами, пришедшими въ волненіе, отказъ пойти навстрѣчу требованіямъ общества, антагонистичнаго революціонному движенію, все болѣе и болѣе захватывающему страну, овладѣвшему арміей и флотомъ — все это вызывало рѣзко отрицательное отношеніе къ власти... Власть бездарная, тупая, неспособная, преступная, доведшая страну до позорнаго пораженія — такія опредѣленія все чаще и ожесточеннѣе произносились при упоминаніи о Петербургѣ. Нестерпимы были и упорные, настойчивые, долбящіе призывы эс-дэковъ къ революціи, къ сокрушенію режима. Пропаганда эс-дэковъ была настойчива и планомѣрна. Она давала уже свои страшныя послѣдствія въ видѣ разроставшейся стачки. Но вытекала она изъ однѣхъ и тѣхъ же предпосылокъ, оперировала тѣми же данными, которыми пользовались и круги примыкавшіе къ «освободительному движенію». Эс-дэки только шли дальше по этому пути освобожденія...

Такъ элементарно и смутно строили свои умозаключенія смущенные и недоумѣвающіе круги, соприкасавшіеся съ Городской Думой.

На чьей сторонѣ были ихъ симпатіи?

Конечно, эти круги были противъ революціи! Какое же въ этомъ можетъ быть сомнѣніе! Помню, какъ однажды, въ разговорѣ по поводу развертывавшихся въ октябрѣ событій, въ отвѣтъ на восклицаніе одной изъ дамъ, принимавшихъ участіе въ общественной работѣ, о томъ, какъ захватывающе разыгрываются событія, какъ это увлекательно и жутко, я сказалъ:

— Если такъ увлекательно будутъ и дальше разворачиваться событія, то мы съ вами скоро будемъ болтаться на уличныхъ фонаряхъ!

Дама была въ ужасѣ. Объ увлекательности больше разговоровъ не было. Мы были въ самой гущѣ движенія, происходившаго вокругъ Думы. Въ Москвѣ сначала забастовали типографскіе рабочіе. Газеты перестали выходить. Ихъ замѣнили слухи, одинъ невѣроятнѣе другого. Мой телефонъ не переставая работалъ. Приходилось отвѣчать на тревожные вопросы, которые ставили изо всѣхъ концовъ Москвы. Вопросы были: «Что это творится? Что дальше будетъ?».

Не сразу, но очень послѣдовательно, точно выполняя очередь, останавливались желѣзныя дороги, соединявшія Москву со всѣми концами Россіи. Остановилась городская желѣзная дорога. Погасло электричество.

Телефонные звонки становились все болѣе испуганные. — «У насъ сегодня не было воды! Что же это значитъ! Нужно же принять мѣры!».

Что это за мѣры, которыя нужно было принять, вопрошающіе и восклицающіе указать не могли.

— А что же дѣлаетъ градоначальникъ! Вотъ они до чего довели! Вотъ имъ теперь покажутъ! Вѣдь это настоящая революція? Что же это будетъ?

А между тѣмъ Полина Дмитріевна Путилова лихо торговала въ своемъ книжномъ магазинѣ на Арбатѣ открытками, на которыхъ д-ръ Чемодановъ талантливо изображалъ акварелью толстую розовую свинью у корыта, или свинью въ лужѣ... На открыткѣ была выведена надпись «буржуй». На другой была изображена ворона, потрепанная, съ уныло опущенной головой. Надпись обозначала «бюрократъ». Тутъ же былъ и городовой съ краснымъ носомъ, съ растопыренными руками, отъ преслѣдованія котораго ускользаютъ революціонеры.

Революція пугала, жизнь становилась нестерпимой... Однако, какое то сочувственное пониманіе того что происходило, отрицать было нельзя. Много безобразнаго, нелѣпаго, возмутительнаго было въ этомъ проявленіи стихіи. Университетъ, захваченный бушующей и митингующей толпой, былъ центромъ и сосредоточіемъ разныхъ сходокъ. Генералъ-Губернаторъ П. П. Дурново со своей балериной

— комическая фигура на фонѣ вышдшей изъ береговъ стихіи — все это было безобразно... Но внутри смутное чувство подсказывало: — еще напоръ, еще усиліе, и падетъ обезсиленнымъ сопротивленіе, падетъ самовластіе «приказного строя» и наступитъ... Что наступитъ? Ну, конечно, не то, о чемъ кликушествуютъ эс-дэки, оголтѣлые «средняго ума техники», эти «живыя силы», которыя продемонстрировали себя въ думѣ на знаменитомъ совѣщаніи представителей революціонныхъ организацій въ Москвѣ!

Октябрьскіе дни были чрезвычайно тягостны для мирно настроенной и законопослушной Городской Управы. Забастовавшія городскія предпріятія остановили городскую жизнь. Вернуть ихъ къ работѣ не было возможности. Завѣдующіе предпріятіями приносили извѣстія одно печальнѣе другого. Экономическія требованія рабочихъ — это только внѣшній поводъ. Рабочіе бастуютъ, связанные предписаніями стачечнаго комитета. Кое-гдѣ въ городскихъ больницахъ появляются совѣты изъ низшихъ служащихъ, которые не только вмѣшиваются въ распорядки учрежденія, но просто оттѣсняютъ прежнюю администрацію. Возбужденіе растетъ, озлобленіе распространяется не только на полицію, поносятъ и Городскую Управу и Думу, возобновить работу предпріятій нечего и думать, ходятъ какія-то толпы рабочихъ и снимаютъ съ работъ тѣхъ, кто не прочь былъ бы возобновить работы.

Однажды, ко мнѣ въ кабинетъ вбѣжалъ Корнѣй Клюенковъ, безсмѣнно служившій курьеромъ у смѣнявшихся Городскихъ Головъ, и съ тревогой сказалъ:

— Съ княземъ Владиміромъ Михайловичемъ дурно. Они васъ просятъ. Идите скорѣй, что-то произошло между нимъ и забастовщиками.

Я бросился въ кабинетъ князя. Онъ полулежалъ въ креслѣ у своего письменнаго стола. Лицо его было блѣдно, глаза блуждали. Онъ былъ въ полномъ изнеможеніи послѣ пережитого, очевидно большого, напряженія, волненія.

— Что случилось, князь? Что съ вами?

— Я больше не могу! Это невозможно. Я ухожу въ отставку, и сегодня же. Я больше не въ состояніи.

— Но что же случилось, князь? Почему отставка?

Нѣсколько придя въ себя, князь разсказалъ, какъ его освистали забастовщики за его отказъ въ ихъ требованіи, чтобы занятія въ Управѣ были прекращены.

Оказалось, что «средніе техники» густой толпой ворвались въ помѣщеніе Управы и повстрѣчали въ корридорѣ князя Голицына, къ которому и предъявили требованіе, чтобы онъ немедленно прекратилъ занятія въ Гор. Управѣ. На его отказъ — онъ былъ освистанъ, въ догонку ему неслись угрозы и ругательства.

Князь былъ до крайности взволнованъ и все твердилъ, что онъ

больше не можетъ и теперь же подастъ въ отставку. Я пытался убѣдить его, что такія рѣшенія нельзя принимать въ состояніи возбужденія, что его присутствіе въ эти дни всеобщаго хаоса необходимо, что его уходъ создастъ еще больше трудностей и т. д.

Но Владиміръ Михайловичъ былъ неумолимъ. Повидимому, его рѣшеніе подготовлялось давно. Событія были чрезмѣрны по своей напряженности и напору. Силъ, дѣйствительно не хватало. Впереди полная неопредѣленность, тьма первозданнаго хаоса... Какъ повліять на стихію, какъ направить ее въ русло? Онъ былъ безсиленъ и растерянъ. Слушая его я видѣлъ, что онъ, дѣйствительно, не можетъ больше оставаться на посту. И еще разъ пришла мнѣ отчетливая мысль, что общественные дѣятели, также какъ и артисты, должны сами угадать моментъ, когда они должны сойти со сцены, чтобы не пережить себя. Имя кн. Голицына было окружено большимъ уваженіемъ за всѣ годы его пребыванія Головой въ Москвѣ. Съ величайшимъ тактомъ онъ велъ себя въ періодъ политическихъ выступленій Московской Думы. Это прекрасное имя нужно было сохранить во всей неприкосновенности. Поговорили мы еще объ условіяхъ, при которыхъ онъ могъ бы остаться... Но рѣшеніе его уже сложилось. Я пересталъ настаивать.

Онъ уѣхалъ изъ Думы и прислалъ заявленіе о томъ, что онъ, въ виду болѣзненнаго состоянія, слагаетъ съ себя обязанности Московскаго Городского Головы.

Пока я былъ у кн. Владиміра Михайловича, въ кабинетѣ Тов. Гор. Головы, И. А. Лебедева, разыгралась другая сцена. Иванъ Алексѣевичъ, спускаясь съ верхняго этажа помѣщенія Управы, наткнулся на бушевавшую толпу «среднихъ техниковъ», снимавшихъ служащихъ Управы съ ихъ занятій. Ивана Алексѣевича очень не любили управскіе служащіе. Причину всякихъ непріятностей для нихъ видѣли въ немъ. Что произошло въ корридорѣ между «средняго ума техниками» и Лебедевымъ, такъ никто въ точности и не узналъ. Одни говорили, что его хотѣли побить, другіе говорили, что его хотѣли разорвать на куски, третьи говорили, что ему нанесено было оскорбленіе дѣйствіемъ. Что было съ нимъ — не знаю. Но когда, по зову того же Корнѣя Клюенкова, я вбѣжалъ въ кабинетъ Товарища Гор. Головы, я увидѣлъ странную картину. Иванъ Алексѣевичъ стоялъ на колѣняхъ на стулѣ, спинкой прислоненномъ къ его письменному столу. Въ рукахъ у него были раскрытыя большія канцелярскія ножницы, лезвіе которыхъ было у самаго его горла. В. Н. Григорьевъ держалъ его за руки и отнималъ у него ножницы. Казалось, они боролись. Иванъ Алексѣевичъ былъ въ крайнемъ возбужденіи. Не своимъ голосомъ онъ выкрикивалъ что-то, кому-то грозилъ, восклицая:

— Довели! Довели! Вотъ до чего довели!

Не скоро его успокоили. Черезъ боковой ходъ, его, въ сопро-

вожденіи преданнаго служащаго, отправили домой. Вскорѣ и онъ прислалъ заявленіе объ отставкѣ.

Во главѣ Управы сталъ старшій по годамъ службы членъ Гор. Управы, Д. Д. Дувакинъ. Но и онъ не выдержалъ долго. Съ нимъ сдѣлался сердечный припадокъ и его отвезли домой. Во главѣ Управы сталъ членъ Управы В. Н. Григорьевъ.

Въ эти тяжелые для Управы дни очень небольшая группа гласныхъ не покидала Думы. Щепкинъ, братья Гучковы, М. Я. Герценштейнъ были постоянными участниками въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, возникавшихъ изъ хаоса разрушавшейся жизни. Мой маленькій кабинетикъ сталъ какъ бы центромъ. Тутъ сосредоточивались всѣ свѣдѣнія, тутъ обсуждались вопросы, тутъ принимались рѣшенія.

Когда рабочее движеніе приняло угрожающія формы, Дума, по предложенію Муромцева, въ своемъ постановленіи признала, что «рабочее движеніе является лишь частью общаго политическаго движенія страны, находящаго себѣ особые источники не только въ неудовлетворительности экономическаго положенія рабочаго класса, но не въ меньшей степени въ непризнаніи его политическихъ правъ обнародованной государственной реформой, что крайне напряженное состояніе населенія Имперіи, переживаемое въ настоящее время, близится къ тому предѣлу, когда могутъ быть затронуты самыя основы государственной жизни и что коренная реформа политическаго строя болѣе, чѣмъ когда либо, представляется неотложной и необходимой въ интересахъ возможнаго еще успокоенія. Поэтому необходимо пересмотрѣть Учрежденіе Государственной Думы и положеніе о выборахъ на конституціонныхъ началахъ, созвать народныхъ представителей, избранныхъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права, для окончательной выработки основного государственнаго закона и немедленно установить начала свободы, обезпечивающія каждому безпрепятственное проявленіе его политической личности».

Положеніе въ Москвѣ становилось критическимъ. Возникла мысль устроить въ Думѣ совѣщаніе, на которое пригласить представителей всѣхъ союзовъ и организацій, чтобы выяснить, что нужно сдѣлать, чтобы урегулировать положеніе вещей, становившееся совершенно нестерпимымъ. Кто былъ иниціаторомъ этой мысли — не знаю. Предложеніе это было принесено нашими гласными и безъ долгихъ размышленій было принято къ исполненію. На 15 октября въ большомъ залѣ Думы было назначено это всемосковское совѣщаніе. Возникшее въ Москвѣ информаціонное бюро, въ которомъ были представители всѣхъ организацій, оповѣстило всѣхъ, кого сочло нужнымъ. Что это были за организаціи и кто ихъ представлялъ — мы не имѣли понятія. Говорили, что это будетъ собраніе «живыхъ

силъ» города, которыя соберутся для обсужденія создавшагося политическаго положенія.

Съ утра 15 октября малая и большая залы Думы стали заполняться совершенно неизвѣстными людьми. Они собирались по угламъ залы кружками, переговаривались о чемъ-то, готовились выступать съ заявленіями, декларадіями и требованіями. Гласные Думы стояли въ сторонкѣ. Многіе изъ нихъ имѣли весьма смущенный, другіе явно обиженный видъ. А народъ все прибывалъ и прибывалъ. Среди массы рабочихъ намѣчались фигуры «лидеровъ», юркихъ, сангвиничныхъ, крикливыхъ. Было нѣсколько женщинъ съ истерическими, изступленными лицами. Около нихъ группировались пришедшія въ Думу «живыя силы». Появились и нѣкоторые изъ участниковъ нашихъ съѣздовъ. Былъ кн. Д. И. Шаховской, Тесленко, Мандельштамъ, которые вступали въ переговоры съ представителями организацій.

Корридоры полны народа. Кто тамъ? Зачѣмъ они пришли? Кого влекло любопытство, кого тревога. Когда я пробирался черезъ толпу, кто-то тронулъ меня за руку. Я оглянулся и не сразу узналъ. Въ простомъ бурнусѣ, повязанная платкомъ, низко опущеннымъ на лобъ, передо мной стояла, прижавшись къ стѣнѣ, жена одного гласнаго, выдающаяся дѣятельница по народному образованію, Е. С. П. Ея большіе, красивые глаза были полны ужаса. — «Что же это дѣлается? Что же будетъ? — Я только пожалъ плечами. Кто могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, который стоялъ передъ каждымъ изъ насъ.

Появился и С. А. Муромцевъ. Около 12 часовъ дня совѣщаніе открылось. Предсѣдателемъ былъ избранъ Муромцевъ, который объяснилъ собравшимся, что Московская Городская Дума желала бы знать пожеланія общественныхъ организацій, что она ихъ обсудитъ въ своемъ засѣданіи, въ которомъ по закону посторонніе не могутъ принимать участія. Этого вступленія было достаточно, чтобы отъ имени рабочаго пролетаріата тотчасъ же былъ заявленъ протестъ. Какой то небольшой еврей въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ выпалилъ цѣлую декларацію о силѣ пролетаріата, объ узурпаціи правъ народа цензовой Думой, о томъ что Дума должна немедленно сложить свои полномочія, передать городскую кассу и все управленіе представителямъ демократическихъ организацій и революціонныхъ партій, упразднить полицію и замѣнить ее милиціей подъ управленіемъ совѣта. Истерическіе возгласы какой-то экзальтированной дѣвицы поддерживали требованія представителя пролетаріата. Положеніе сразу опредѣлилось: Дума должна упразднить себя, отдать городскую кассу революціонному пролетаріату и уйти со сцены.

Пошли нескончаемыя пренія. Выступали представители всѣхъ организацій. А ихъ было много. Объявлялись перерывы для частныхъ сговоровъ. Снова возобновлялось засѣданіе. Гласные молчали, слу-

шали. Кое-кто уѣхалъ домой. Смѣнился и предсѣдатель. Оставалась небольшая группа гласныхъ. Темнѣло. Электричества не было. А совѣщаніе «живыхъ силъ» все продолжалось и конца ему видно не было. Принесли четыре керосиновыя лампы и поставили на большой столъ, за которымъ засѣдалъ президіумъ совѣщанія. Эти четыре керосиновыхъ лампы таинственно освѣщали лишь небольшую часть большого зала, погруженнаго во мракъ. Изъ этого мрака раздавались несмолкаемыя рѣчи, возгласы, угрозы, призывы къ возстанію, къ борьбѣ. Въ этой тьмѣ носились призраки революціи. А на высокомъ пьедесталѣ чуть бѣлѣлъ другой призракъ... статуя Екатерины Великой. Борьба двухъ началъ съ полномъ разгарѣ...

Кто побѣдитъ?

Уже за полночь совѣщаніе изсякло. Рѣчи, повторявшія одна другую, выдохлись. Собраніе изнемогало. Гласнымъ Думы были переданы «требованія» Совѣщанія. Они оказались изложенными въ болѣе умѣренныхъ выраженіяхъ, чѣмъ первоначальныя требованія, заявленныя большевикомъ*). Эта смягченная редакція, выработанная при участіи кн. Д. И. Шаховского, требовала, чтобы Дума ввела въ свой составъ представителей демократическихъ элементовъ и организовала городскую милицію для охраны порядка.

Листокъ съ требованіями былъ врученъ небольшой кучкѣ гласныхъ, ихъ оставалось тогда въ Думѣ человѣкъ 20. Гласные удалились въ опустѣлый кабинетъ Гор. Головы для обсужденія этихъ требованій. Насъ сопровождали недоброжелательные взгляды участниковъ отшумѣвшаго собранія.

Мы удалились въ кабинетъ. Усталость, недоумѣніе, раздраженіе были написаны на лицахъ нѣкоторыхъ.

— Ну, что же мы будемъ дѣлать, — спросилъ кто-то. — Сколько ихъ тутъ? Вѣдь они не уйдутъ отсюда и завладѣютъ зданіемъ, что бы мы тутъ ни постановили.

— Но мы не можемъ идти навстрѣчу этимъ нелѣпымъ требованіямъ! Какой вздоръ! Передать имъ городскія дѣла и убираться вонъ!

М. Я. Герценштейнъ не обнаруживалъ ни усталости, ни раздраженія. Онъ, какъ всегда, въ полной мѣрѣ владѣлъ собой. — «Ну, господа, сядемъ и обсудимъ положеніе дѣла».

Всѣ сѣли вокругъ круглаго стола. Какъ непохоже было это ночное засѣданіе въ кабинетѣ Городского Головы на привычныя засѣ-

---

*) По «Матеріаламъ по Исторіи Пролетарской Революціи. Сборникъ № 3. Декабрьское возстаніе въ Москвѣ 1905 г.». Госизд. М. 1920., оказывается, что этимъ юркимъ еврейчикомъ, заявившимъ требованія въ первоначальной редакціи, былъ нѣкій Черномордикъ (П. Ларіоновъ), а кричвшая дѣвица — г-жа Заславская.

данія комиссій! Самообладаніе Герценштейна внесло полный порядокъ. Безъ труда и разногласій было признано, что никому уступать своихъ правъ Дума не можетъ, что никакое вступленіе посторонниxъ элементовъ въ составъ Думы невозможно при дѣйствующемъ законѣ, что вопросъ милиціи уже поднятъ въ Думѣ и будетъ разработанъ.

Рѣшеніе состоялось. Всѣмъ стало легче. Кошмары «совѣщанія живыхъ силъ» какъ-то поблекли.

Въ это время постучали въ дверь. Вошелъ экзекуторъ Управы, полковникъ В. В. Сила-Новицкій, онъ принесъ намъ чего-то закусить. На вопросъ, что дѣлается тамъ, за дверями кабинета, Викторъ Викторовичъ, сохраняя военную выправку, доложилъ:

— Понемножку расходятся. Устали и разочарованы. Я сказалъ имъ: «и чего это вы, господа, волнуетесь и понапрасну время теряете! Въ Городской Управѣ денегъ нѣтъ. Только вчера всѣ городскія средства переведены въ Государственный Банкъ». Это сообщеніе мое быстро облетѣло всѣхъ сидѣвшихъ по разнымъ угламъ. Ко мнѣ подходили, провѣряли извѣстіе. Кто разочарованно отходилъ, кто ругался... Потомъ пошли совѣщаться. Народъ расходится понемногу. Но все же осталось довольно много, ждутъ вашего рѣшенія и отвѣта на ихъ требованія. Всѣ они въ маломъ залѣ. Большую залу я заперъ на ключъ.

Сообщеніе Сила-Новицкаго было весьма кстати. Оно только подтвердило правильность принятаго рѣшенія. Доѣли все, что принесъ нашъ милый полковникъ. Настроеніе у всѣхъ стало бодрымъ. Н. Н. Щепкинъ, по обычаю, балагурилъ.

Но вотъ пора уже выходить. Постановленіе переписано мной, подписано всѣми присутствующими. В. Н. Григорьевъ за Гор. Голову, я скрѣпилъ его по должности Гор. Секретаря. Кто будетъ объявлять это постановленіе «живымъ силамъ»? Приходится эту обязанность исполнить Григорьеву. Онъ не очень радъ этому, спрашиваетъ: — «Можетъ быть кто нибудь изъ гласныхъ объявитъ рѣшеніе?». Никому нѣтъ охоты. Да къ тому же нужно все это сдѣлать по формѣ.

Мы выходимъ въ малую залу, Григорьевъ и я. Тамъ все еще довольно много народа. Всѣ устремляются къ одному углу, гдѣ Григорьевъ съ нашимъ постановленіемъ въ рукахъ ожидаетъ, когда водворится тишина.

Тишина наступаетъ полная. Кажется, слышно дыханіе. Волнуясь и какъ бы нѣсколько запинаясь, Григорьевъ читаетъ постановленіе экстреннаго собранія Моск. Гор. Думы. Постановленіе недлинное. Смыслъ его еще короче — «отказать».

Снова мертвая пауза. Мы съ Григорьевымъ направляемся къ выходу, гдѣ стоятъ гласные вынесшіе это краснорѣчивое рѣшеніе. Но вотъ паузу нарушаетъ источный женскій крикъ. На подоконни-

кѣ стоитъ растрепанная дѣвица и неистовымъ голосомъ выкрикиваетъ проклятія буржуазной Думѣ.

— Отрясемъ прахъ отъ ногъ! Уйдемъ изъ этой проклятой Думы! Да здравствуетъ пролетарская революція!

Съ крикомъ и свистомъ толпа устремляется къ выходу.

— Слава Богу, что такъ все кончилось!

— Ну и «живыя силы». Онѣ еще себя покажутъ!

— Что же будетъ дальше?

Прощаемся. Расходимся по домамъ. День окончился болѣе или менѣе благополучно. Но какъ-то все «это» кончится? Улицы погружены въ полную тьму. Пробираемся по стѣнкамъ домовъ. Что это такое? Вѣдь это подлинная революція...

На слѣдующій день, 16 октября, снова собрались въ Управѣ. Занятія не клеились. Какія ужъ тамъ занятія! Всѣ въ томленіи. Никакихъ извѣстій. Москва изолирована. Телефонные звонки не смолкаютъ. Но въ телефонъ тревожные голоса задаютъ тревожные вопросы.

— Что же новаго? Когда же это все кончится? Какъ у васъ вчера прошло совѣщаніе въ Думѣ съ представителями общественныхъ организацій? На чемъ порѣшили? Что «они» говорятъ?... и т. д.

Кто это «они», всемогущіе, отъ которыхъ все зависитъ? «Они» требовали, чтобы мы «имъ» сдали городскую кассу...

Вопрошающіе разочарованы. Просятъ разрѣшенія еще позвонить попозднѣе.

А связь съ этими таинственными «они», т. е. со стачечнымъ комитетомъ и съ городскими рабочими, поддерживалась при посредствѣ довольно своеобразныхъ лицъ. Въ дни забастовокъ появился на нашемъ горизонтѣ нѣкій Красиковъ. Это былъ мужчина среднихъ лѣтъ, очень худой, съ козлиной бородкой и длинными космами сальныхъ волосъ. Онъ ходилъ въ темной рубашкѣ, поверхъ которой надѣтъ былъ старенькій пиджакъ. Штаны были заправлены въ высокіе сапоги. Кто былъ этотъ Красиковъ, откуда онъ появился — никто не зналъ. Его рѣчи были самыя революціонныя. Онъ таинственно намекалъ на какіе-то конспиративные центры, представителемъ которыхъ онъ будто бы являлся. Иногда онъ говорилъ то, что вскорѣ дѣйствительно происходило. Кое-кому онъ намекалъ, что могъ бы быть полезнымъ въ дѣлѣ улаживанія отношеній съ рабочими. Фигура этого господина была фатальная. При его приближеніи невольно умолкали. Говорили, что онъ служилъ раньше въ какомъ то полицейскомъ участкѣ письмоводителемъ, теперь перешелъ къ революціонерамъ. Но кажется всѣ сходились въ томъ, что онъ очень похожъ на провокатора и въ отношеніи къ нему рекомендовалась большая осторожность. Однако, онъ приносилъ кое-какія извѣстія изъ внѣшняго міра. Извѣстія эти иногда подтверждались, иногда опровергались. Но развѣ это было удивительно по тѣмъ временамъ?

Связь съ городскими рабочими была въ лицѣ вагоновожатаго Эзопова и водопроводнаго рабочаго Тимофеева. Эзоповъ былъ бурный, рѣзкій, съ рѣзко выраженной истеричностью. Но онъ былъ очень неглупъ и, главное, честенъ. Эти черты въ немъ цѣнили и охотно съ нимъ вступали въ разговоръ послѣ оффиціальныхъ засѣданій Комиссій. Тимофеевъ былъ попроще. Самъ измотался въ своихъ новыхъ функціяхъ посредника между городскими рабочими и Городской Управой. Приходилъ къ намъ измученный и, присѣвъ на диванчикъ, охотно разсказывалъ о настроеніяхъ среди рабочихъ. Онъ уже не грозилъ, давно утратилъ непримиримый тонъ. Въ его словахъ мы улавливали нотки и оттѣнки, свидѣтельствовавшіе, что напряженность забастовочнаго движенія слабѣетъ.

Какъ-то вечеромъ Н. Н. Щепкинъ привелъ ко мнѣ какого-то молодого человѣка довольно страннаго вида. Онъ былъ средняго роста, въ элегантной, но поношенной визиткѣ, мѣшковато сидѣвшей на немъ. Каштановые волосы волнистыми кудрями спадали чуть не до плечъ. Онъ имѣлъ видъ музыканта изъ провинціальнаго оркестра. Щепкинъ просилъ меня дать ему хоть какую-нибудь работу, такъ какъ юноша положительно голодаетъ, что его рекомендуютъ ему съ лучшей стороны. Молодой человѣкъ мнѣ не понравился. Но онъ былъ чрезвычайно жалокъ. А разсказъ его объ его мытарствахъ, преслѣдованіяхъ, которымъ онъ подвергается со стороны полиціи, страдая за чью-то чужую вину, запомнился мнѣ.

Вскорѣ мнѣ понадобился человѣкъ, который могъ бы нести секретарскія обязанности въ Комиссіи по разсмотрѣнію претензій рабочихъ. Я вспомнилъ о господинѣ съ длинными кудрями, рекомендованномъ Щепкинымъ, котораго звали Ляошкевичемъ, и вызвалъ его. Секретарь онъ оказался плохой. М. Я. Герценштейнъ, руководившій работами Комиссіи, постоянно жаловался на него. Между тѣмъ, этотъ господинъ продолжалъ выдавать себя за политическую жертву, нуждающуюся въ защитѣ и покровительствѣ.

Изъ состраданія къ нему я продолжалъ его держать на службѣ, замѣняя его въ засѣданіяхъ Комиссіи. Но вотъ онъ внезапно исчезъ. И только черезъ много мѣсяцевъ извѣстилъ меня о случившейся съ нимъ бѣдѣ. Просилъ снова помочь. По его словамъ онъ долженъ былъ скрыться отъ преслѣдованій полиціи, бѣжалъ сначала во Владимірскую губернію, потомъ на Кавказъ. Его обвиняли въ подлогѣ и растратѣ. Онъ негодовалъ и говорилъ, что все это на политической почвѣ... Еще какую-то помощь я оказалъ ему. Прошло много лѣтъ. Наступила вторая революція. Теперь я оказался въ положеніи нелегальнаго и долженъ былъ искать убѣжища у добрыхъ людей. Каково же было мое изумленіе, когда мнѣ было сказано моими друзьями, что, при обсужденіи вопроса объ участи моей и моихъ близкихъ въ какихъ-то органахъ расправы, главнымъ до-

носителемъ является какой-то Ляошкевичъ. Это была отплата за услугу, когда-то оказанную ему.

Въ великомъ томленіи проходилъ и день 17 октября. Казалось, что напряженіе слабѣетъ, но еще не было никакихъ признаковъ того, что жизнь можетъ возстановиться. Томленіе это было безысходнымъ. Никто не зналъ, что нужно предпринять. Наступилъ вечеръ. Мы по обычаю сидѣли въ зданіи Думы.

Вотъ въ Городской Канцеляріи зазвонилъ телефонъ. Изъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» звонили и чей-то прерывающійся голосъ спрашивалъ, извѣстно ли Думѣ про Высочайшій манифестъ, объявляющій конституцію. Служащій канцеляріи, Скороходовъ, довольно равнодушно отвѣтилъ, что ничего неизвѣстно, но что онъ сейчасъ спроситъ у Городского Секретаря. Я бросился къ телефону. Но онъ уже былъ разъединенъ.

— Что такое! Какой манифестъ? Кто говорилъ? Звоните во всѣ редакціи. Что такое...

Но по корридору уже бѣжали люди, кто-то кричалъ. Въ Канцелярію вбѣжало нѣсколько служащихъ изъ статистики.

— Слышали? Слышали? Конституція! Конституція! Манифестъ!

— Да откуда же эти свѣдѣнія? Кто сказалъ?

Вскорѣ изъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» принесли гранку съ текстомъ набраннаго манифеста. Прилетѣлъ откуда-то Щепкинъ. Мы крѣпко обнялись.

— Наконецъ-то дождались! Ура! Ура!

Появились откуда-то гласные. Что это было? Ликованіе, радость, восторгъ? Нѣтъ, это все не тѣ слова. Не они выражали настроеніе, охватившее насъ въ тѣ минуты. Это чувство было больше, чѣмъ радость. Оно было другого порядка, нежели восторгъ. Это было сознаніе исчезнувшей великой опасности, висѣвшей все время надъ нами, надъ Московской Думой, надъ Москвой, надъ Россіей. У стариковъ были на глазахъ слезы. Часто слышалось —

«Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко!».

Конституція! Цѣль стремленій! Новая жизнь съ этой самой минуты. Новая жизнь!

По телефону зовутъ: «Теперь-же, сейчасъ-же пріѣзжайте въ купеческій клубъ. Тамъ собираются всѣ. Тамъ поздравимъ другъ друга!

Въ клубѣ я испытываю сложное чувство. Опять рѣчи, опьяненіе и отъ радости, и отъ вина — не удовлетворяетъ. Мнѣ хочется крикнуть — «Не ликовать надо, а закрѣплять, удержать. Вѣдь только начинается новая жизнь. Кто ее поведетъ?». Эту мысль высказываю своему сосѣду, сильно подвыпившему М. С. Зернову.

— Ну, вы извѣстный пессимистъ! Завтра будемъ закрѣплять, а сейчасъ выпьемъ!

Послѣдующіе дни ознаменовываются самыми разнообразными

событіями. 18 октября Дума въ чрезвычайномъ собраніи заслушала заявленіе, сдѣланое С. А. Муромцевымъ отъ имени 54 гласныхъ и постановила: почтить вставаніемъ память всѣхъ положившихъ свою жизнь за дѣло русскаго освобожденія, признать безусловную необходимость полной амнистіи всѣмъ пострадавшимъ за свои политическія и религіозныя убѣжденія и отмѣны въ разныхъ мѣстахъ Имперіи исключительнаго положенія; ознаменовать настоящій торжественный день широкими мѣропріятіями въ области свободнаго просвѣщенія народнаго и благотворительности, принявъ во вниманіе бѣдственное положеніе семей рабочихъ, принимавшихъ участіе въ забастовкѣ. Это постановленіе уже не встрѣтило единодушную Думу. Въ частномъ совѣщаніи, предшествовавшемъ оффиціальному собранію, произошло рѣзкое столкновеніе между А. И. Гучковымъ и Муромцевымъ, предложившимъ проектъ резолюціи. Это предложеніе — почтить вставаніемъ память положившихъ жизнь за дѣло русскаго освобожденія, требованіе полной амнистіи, помощь забастовщикамъ, державшимъ городъ какъ бы въ осадѣ... все это вызывало негодованіе. А. И. Гучковъ лидерствуетъ. Шмаковъ и Воскресенскій неистовствуютъ. Бурное совѣщаніе длится много времени. Въ тонѣ говорящихъ — раздраженіе, нотки непримиримости. Однако, проектъ резолюціи собираетъ значительное большинство. Это первое острое столкновеніе либеральной части Думы съ слагавшейся уже реакціонной оппозиціей. Процессъ разслоенія въ Думѣ пошелъ быстро и на протяженіи нѣсколькихъ недѣль Московская Дума круто измѣнила свое настроеніе: ея либеральное большинство стало ничтожнымъ меньшинствомъ...

Князя Голицына уже нѣтъ. Онъ сложилъ свои полномочія. Нѣтъ и И. А. Лебедева. Князю Голицыну гласные подносятъ адресъ, въ которомъ перечисляютъ его заслуги передъ городомъ, отмѣчаютъ его благородное участіе въ освободительномъ движеніи. Его избираютъ почетнымъ гражданиномъ города Москвы. Адресъ, составленный въ весьма либеральномъ духѣ, съ волненіемъ оглашаетъ старѣйшій гласный, купецъ П. М. Калашниковъ. У всѣхъ сознаніе значенія исторической минуты, сознаніе собственнаго участія въ совершившемся мирномъ завершеніи одного историческаго періода и наступленія новаго.

М. Я. Герценштейнъ съ изумительной настойчивостью проводитъ сложную и трудную работу въ Комиссіи по пересмотру окладовъ содержанія рабочихъ и низшихъ служащихъ въ городскихъ предпріятіяхъ. Работа эта вноситъ значительныя улучшенія въ ихъ матеріальный бытъ. Это залогъ взаимнаго пониманія между Думой и рабочими, залогъ мира и согласія въ будущемъ. Съ этой цѣлью велась эта работа, повлекшая за собой увеличеніе городского бюджета по содержанію городскихъ рабочихъ на сумму около 800.000 рублей.

А на улицахъ Москвы толпы народа съ любопытствомъ поглядываютъ на уличные митинги, на процессіи съ красными флагами. Эс-деки проявляютъ большую дѣятельность, стремятся закрѣпить туманныя обѣщанія манифеста фактами. Раздраженіе отъ пережитой забастовки еще не прошло. Появляются и контръ-демонстраціи съ царскими портретами. Противоположныя теченія сталкиваются. Полиція организуетъ черносотенныя выступленія. На Нѣмецкой улицѣ убитъ дворникомъ фабрики Щаповыхъ Бауманъ. Похоронная процессія тянется черезъ всю Москву. Мы наблюдаемъ ее изъ оконъ Думы, выходящихъ на Театральную площадь. Вечеромъ, у манежа, выстрѣлы по возвращающимся съ похоронъ.

Манифестъ 17 октября прервалъ всеобщую забастовку, но волненія приняли новый оборотъ. Начались активныя дѣйствія. Обозначились борющіяся стороны, началась борьба. Вѣсть о разгромѣ Тверской губернской земской управы, о поджогѣ зданія управы, объ убійствахъ земскихъ работниковъ — на глазахъ и при бездѣйствіи властей — потрясла. Возобновившіяся газеты и появившіяся новыя несли со всѣхъ концовъ Россіи вѣсти о волненіяхъ, о столкновеніяхъ между манифестантами и полиціей, о начавшихся погромахъ по разнымъ городамъ. Изъ Кронштадта неслись вѣсти о волненіяхъ среди матросовъ и солдатъ, перешедшихъ въ форменное возстаніе. Волненія матросовъ въ Севастополѣ. Волненіе и возстаніе на крейсерѣ «Очаковъ», на «Потемкинѣ» и другихъ военныхъ судахъ черноморскаго флота. Лейтенантъ Шмидтъ во главѣ возстанія. Волненія среди матросовъ и солдатъ въ Петербургѣ и Владивостокѣ. Крестьянскія волненія въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Тамъ и тутъ образовывались «республики съ президентами во главѣ». Милая и веселая А. О. Третьякова, наша добрая знакомая и сотрудница по работѣ въ городскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ, оказалась во главѣ республики въ одномъ городкѣ сѣвернаго Кавказа. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ президентомъ оказался купецъ Барановъ. Образовалась Ветлужская республика съ президентомъ предсѣдателемъ уѣздной земской управы Петерсономъ. Въ Москвѣ главою революціонной власти называли Чичкина и Членова.

Взволнованная и растревоженная жизнь не входила въ свое обычное русло. Да и русло это должно стать новымъ, непривычнымъ для однихъ, недостаточнымъ для другихъ. Въ волненіи и въ столкновеніяхъ все больше и больше разслаиваются и дифференцируются еще вчера единомышленныя, казалось, группы. Процессъ образованія политическихъ партій въ полномъ разгарѣ.

Храктернымъ въ этомъ отношеніи былъ послѣдній съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Москвѣ 6 ноября. Съѣздъ на сей разъ происходилъ въ вычурномъ испанскомъ замкѣ на Воздвиженкѣ, принадлежавшемъ М. А. Морозову. На съѣздѣ были уже делегаты избранные земскими собраніями и городскими думами, а не частны-

ми совѣщаніями гласныхъ, какъ это было до сихъ поръ. Польская политическая партія была на немъ оффиціально представлена. На этомъ съѣздѣ съ достаточной точностью опредѣлились политическія позиціи разныхъ слагавшихся группъ. Съ одной стороны заявлялось о необходимости созыва учредительнаго собранія, съ другой — шли рѣзкія возраженія противъ автономіи Польши, противъ всеобщаго избирательнаго права. Лѣвое и правое крыло съѣзда, намѣчавшіяся на сентябрьскомъ съѣздѣ, опредѣлились съ полной ясностью на съѣздѣ ноябрьскомъ. Большинство съѣзда, однако, удержало свои центральныя позиціи. Вопросъ объ автономіи Польши, послѣ чрезвычайно талантливой и захватившей всѣхъ рѣчи Врублевскаго и новыхъ рѣзкихъ выступленій А. И. Гучкова, собралъ, однако, подавляющее большинство голосовъ. Съѣздъ отвергъ предложеніе объ учредительномъ собраніи. Онъ обѣщалъ поддержку кабинету Витте, при условіи строгаго соблюденія имъ конституціонныхъ началъ. Съѣздъ высказался за учредительныя функціи Государственной Думы, которая должна выробатотать новую конституцію на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

Это былъ послѣдній съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Началась новая жизнь и работа политическихъ партій. Конституціонно-демократическая партія уже возникла и вела ноябрьскій съѣздъ. На съѣздѣ этомъ уже слагалась цѣлая группа лицъ, не скрывавшая своего недовольства направленіемъ дѣятельности и тактики большинства, руководившаго земскими и городскими съѣздами. Къ постановленію съѣзда было подано особое мнѣніе, подписанное среди прочихъ А. И. Гучковымъ, гр. Гейденомъ, М. А. Стаховичемъ и др. Въ этомъ особомъ мнѣніи выражался протестъ противъ учредительныхъ функцій Думы, признавалось невозможнымъ предрѣшать вопросъ объ автономіи Польши. Подписавшіе особое мнѣніе находили неправильной и самую тактику, усвоенную съѣздомъ: нужно было успокаивать взволнованное общество, идти навстрѣчу правительству и поддерживать его, а не предъявлять ему требованія и т. д. Заявители, подавъ особое мнѣніе, покинули съѣздъ.

Такимъ образомъ, земское движеніе въ своемъ развитіи съ одной стороны пріобрѣло новыхъ стронниковъ и послѣдователей (присоединеніе городскихъ управленій), съ другой стороны, отъ него отпадали и отставали его коренные участники. Такъ. Д. Н. Шиповъ еще въ апрѣлѣ порвалъ со съѣздами и около него стала образовываться группа ему сочувствующихъ лицъ. Теперь Гучковъ, вернувшійся съ Дальняго Востока, повелъ энергичную кампанію, шедшую вразрѣзъ съ движеніемъ. Начало кампаніи намѣтилось на сентябрьскомъ съѣздѣ. Оформилась эта кампанія на ноябрьскомъ съѣздѣ.

Вскорѣ послѣ этого съѣзда въ Москвѣ создалась новая политическая партія, получившая названіе «Союза 17 октября». Среди учредителей этой партіи оказались видные дѣятели земскаго движенія:

гр. Гейденъ, постоянный предсѣдатель земскихъ съѣздовъ, Д. Н. Шиповъ, одинъ изъ основателей земскаго движенія, М. А. Стаховичъ, М. В. Родзянко и др. Среди подписавшихъ первое воззваніе «Союза 17 октября» — А. И. Гучковъ, С. И. Четвериковъ, Г. А. Крестовниковъ и др.

Вскорѣ, кромѣ Союза 17 октября, возникли партіи: торгово-промышленная, правового порядка и умѣренно-прогрессивная. Впослѣдствіи возникъ, просуществовавшій впрочемъ очень недолго, «Клубъ независимыхъ». Его организаторами были кн. В. М. Голицынъ, кн. Г. Н. Трубецкой, гр. Хрептовичъ-Бутеневъ и еще нѣсколько лицъ. Для составленія его устава былъ приглашенъ я. Консультировали В. А. Маклакова. Устроили въ русскомъ залѣ Славянскаго Базара организаціонное собраніе, на которомъ было произнесено нѣсколько рѣчей о значеніи и задачахъ клуба. Затѣя успѣха не имѣла. Многіе изъ насъ уже были записаны въ партіи. Кн. Голицынъ не хотѣлъ вступать ни въ какую партію. Клубъ независимыхъ болѣе отвѣчалъ его склонностямъ.

Въ это время и среди гласныхъ Думы происходили рѣзкія измѣненія въ настроеніяхъ. Еще такъ недавно прогрессивно настроенная Дума, поддерживавшая конституціонныя требованія, стала замѣтно подаваться вправо. А. С. Шмаковъ съ его погромными рѣчами, извергающій хулу на всякое либеральное заявленіе, рыкающій какъ лютый звѣрь, сталъ находить внимательную аудиторію среди гласныхъ. Скрипучій, скучный, тупой и упорный Воскресенскій сталъ выступать каждый разъ, когда возникали вопросы, такъ или иначе связанные съ политикой. Но умнѣе и тоньше была работа А. И. Гучкова. Онъ повелъ кампанію широко и увѣренно. Всеобщей забастовкой, автономіей Польши, всеобщимъ избирательнымъ правомъ, почва была достаточно подготовлена для образованія новой политической партіи, охраняющую конституцію отъ эксцессовъ и потрясеній. Въ эту партію онъ сталъ широко вовлекать гласныхъ Думы, потрясенныхъ впечатлѣніями только-что пережитого. Успѣхъ Гучкова былъ внѣ сомнѣнія. Съ нимъ вмѣстѣ, на какое-то время, оказались и Д. Н. Шиповъ, и гр. П. А. Гейденъ, и М. А. Стаховичъ.

Организовавшись въ партію подъ водительствомъ такого сильнаго человѣка, какъ А. И. Гучковъ, гласные Думы почувствовали себя смѣлѣе и увѣреннѣе. Купецъ Калашниковъ, еще недавно произносившій сочное «правильно», слушая Муромцева или Щепкина, теперь свирѣпо рычалъ, когда тѣ выступали противъ Гучкова или Шмакова. Въ теченіе ноября гласные промежъ себя обсуждали вопросъ: кому же быть въ Москвѣ Городскимъ Головой? Подсчетъ голосовъ не оставлялъ сомнѣній въ томъ, что намъ, прогрессивной группѣ, оказавшейся въ меньшинствѣ, не удастся провести своего кандидата. Къ тому же естественный нашъ кандидатъ, Муромцевъ,

говорилъ, что онъ предполагаетъ баллотироваться въ Государственную Думу.

Созвано было частное совѣщаніе гласныхъ для рѣшенія вопроса о возможномъ кандидатѣ въ Гор. Головы. Гласный А. И. Геннертъ, охарактеризовалъ общее положеніе, среди котораго оказалась Московская Дума, тягостность ея положенія среди бушующаго моря политическихъ страстей, заявилъ, что въ данныхъ условіяхъ единственными возможными кандидатами являются братья Гучковы. Кто же изъ нихъ возьметъ на себя бремя стать Московскимъ Городскимъ Головой въ такое время, пусть они рѣшаютъ сами. Большинство гласныхъ бурно привѣтствовало слово Геннерта.

— Пусть сами рѣшаютъ! Ѣхать къ нимъ и просить. Какъ рѣшатъ — тому и быть головой въ Москвѣ!

Такъ и порѣшили отцы города — предоставить рѣшеніе вопроса самимъ незамѣнимымъ братьямъ.

Это происходило въ самомъ началѣ ноября 1905 года. Въ одинъ изъ первыхъ дней ноябрьскаго съѣзда А. И. Гучковъ позвонилъ мнѣ и просилъ къ нему заѣхать. Тогда онъ жилъ за Тріумфальными воротами по Петербургскому шоссе. Дѣло, по которому онъ хотѣлъ знать мое мнѣніе, сводилось къ слѣдующему: кому изъ нихъ, Александру или Николаю, остаться въ Москвѣ и принять избраніе въ Городскіе Головы?

— Если ужъ судьба призываетъ одного изъ братьевъ Гучковыхъ стать Московскимъ Городскимъ Головой, то мнѣ кажется совершенно очевиднымъ, сказалъ я, что ваша линія — линія политическая. Вашъ путь въ Государственную Думу. Въ Москвѣ остаться придется Николаю Ивановичу.

— Такъ и мы съ братомъ думаемъ, — послѣдовалъ отвѣтъ.

Такое заключеніе пришлось мнѣ дать по вопросу, поставленному гласными Думы, братьями Гучковыми.

Вскорѣ состоялись выборы Городского Головы. Избранъ былъ значительнымъ большинствомъ голосовъ Н. И. Гучковъ. По московскому обычаю гласные Думы, послѣ произведенныхъ выборовъ Головы, отправлялись къ нему на домъ сообщить объ избраніи. Въ это самое время пришла вѣсть о подавленіи возстанія въ Севастополѣ. Сомнѣнія не было — имъ угрожала смертная казнь. Отправляясь къ вновь избранному Головѣ вмѣстѣ съ его братомъ Константиномъ Ивановичемъ Гучковымъ, съ которымъ я былъ на «ты» (а съ семьей Гучковыхъ меня связывала еще по гимназіи близость съ ихъ покойнымъ братомъ, Викторомъ), я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Какъ ты думаешь, не пожелаетъ ли твой братъ ознаменовать свое избраніе актомъ гуманности и примиренія? Не признаетъ ли онъ возможнымъ ходатайствовать о томъ, чтобы къ возставшимъ матросамъ не примѣнялась смертная казнь?

Мой себесѣдникъ даже привскочилъ отъ негодованія:

— Да что ты говоришь! Да развѣ это мыслимо! Ихъ всѣхъ нужно перевѣшать. Нѣтъ! Теперь всѣ эти штучки будутъ окончены. Никакихъ больше сантиментальностей не будетъ!

И дѣйствительно, скоро всѣ эти «штучки» со стороны большинства Думы окончились. Попытка возбудить ходатайство черезъ Думу успѣха не имѣла. А дальше разыгрались декабрьскія событія.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ и комитеты с.-д. и с.-р. объявили всеобщую политическую стачку, которая должна была перейти въ вооруженное возстаніе.

Съ 7 декабря жизнь города приходитъ въ полное разстройство. Повторяется картина октябрьскихъ дней съ тою только разницей, что теперь московскіе улицы и переулки покрываются баррикадами, на улицахъ стрѣльба, а иногда громъ артиллерійскихъ орудій, убійства при подавленіи возстанія, убійства со стороны революціонеровъ, расправы съ той и другой стороны. Москва обратилась въ театръ военныхъ дѣйствій. Успѣхъ борьбы былъ далеко не обезпеченъ за властью, пока на подкрѣпленіе Дубасову не прибылъ изъ Петербурга Семеновскій полкъ съ Миномъ и Риманомъ. Съ этого момента начался разгромъ революціонеровъ.

Декабрьскіе дни подробно описаны и имѣютъ значительную литературу. Я не буду останавливаться на событіяхъ въ Акваріумѣ, на разстрѣлѣ дома моего сосѣда Фидлера, на разстрѣлахъ домовъ Шикъ въ Каретномъ ряду, Громова въ Сущевѣ, типографіи Сытина, на разгромѣ фабрики Шмитъ, на осадѣ и штурмѣ Прѣсни.

Оправившаяся власть жестоко расправлялась съ возставшими. Жестоко пострадало и неповинное населеніе. А его отношеніе къ декабрьскому возстанію было очень своеобразно.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ постройкѣ баррикадъ, какъ въ какой-то забавѣ, принимали участіе и такіе люди, которымъ, казалось бы, не къ лицу было заниматься такимъ дѣломъ. Не только либерально настроенная интеллигенція, но и весьма умѣренная публика съ нескрываемой ненавистью относилась къ неистовствамъ семеновцевъ при подавленіи возстанія. Имена Дубасова, Мина, Римана стали ненавистными именами далеко не у однихъ революціонеровъ. Разсказы о разстрѣлахъ на льду рѣки Москвы захваченныхъ рабочихъ и студентовъ, объ избіеніяхъ и казняхъ при сортировкѣ захваченныхъ, о казняхъ по линіи Казанской ж. д. въ Перовѣ, Сортировочной, Голутвинѣ — вызывали трепетное негодованіе. Въ этомъ негодованіи какъ то меркли и тускнѣли неистовства революціонеровъ, убивавшихъ городовыхъ, жандармовъ, захватившихъ начальника охраннаго отдѣленія Войлочникова и разстрѣлявшихъ его по приговору революціоннаго суда. Все это было отвратительно. Но совѣсть не оправдывала власть и ея агентовъ. «Это они довели страну до такого состоянія, а теперь, побитые японцами, расправля-

ются съ нами... Власть, во всеоружіи силы и мощи, такъ постыдно и гадко расправляется съ народомъ, отказываясь идти навстрѣчу тому, что требуетъ общество».

Таково было настроеніе многихъ. Во время борьбы въ Москвѣ, когда изъ-за баррикадъ обстрѣливались войска, полиція, когда артиллерія громила дома, изъ которыхъ были одиночные выстрѣлы и палила вдоль улицъ, когда жертвы съ той и другой стороны насчитывались сотнями и безъ счета страдали мирные жители — участіе общественныхъ организацій въ этой борьбѣ опредѣлялось Н. М. Кишкинымъ, какъ участіе Краснаго Креста, т. е. помощь пострадавшимъ, не спрашивая, съ чьей строны нуждающійся въ помощи. Помню свое отношеніе къ этой братоубійственной борьбѣ. Я искалъ примиренія. Образно мнѣ представлялось, что кто-то въ бѣлыхъ одеждахъ, съ пальмовыми вѣтвями и крестомъ долженъ выйти между борющимися. — «Да кто же это выйдетъ», спрашивали меня. — «Ну, мы, не принимающіе участія въ этой междуусобной борьбѣ». — «Такъ васъ тутъ же подстрѣлятъ съ той и съ другой стороны», отвѣчали мнѣ смѣясь. Но было и другое настроеніе. Шмаковъ, издѣваясь надъ всѣми принявшими манифестъ 17 октября, во всемъ видѣвшій происки евреевъ и жидо-масоновъ, сталъ въ воинствующій лагерь правыхъ черносотецевъ. Онъ призывалъ организовывать боевыя дружины для самозащиты отъ революціонеровъ. Онъ проклиналъ всѣхъ, кто искалъ путей примиренія въ начавшейся междуусобной борьбѣ.

Домъ Фидлера, у Чистыхъ прудовъ, находился въ десяти минутахъ ходьбы отъ дома, гдѣ я жилъ въ Б. Казенномъ переулкѣ. Поздно вечеромъ 9 декабря мы были поражены ружейной стрѣльбой и пушечной канонадой совсѣмъ вблизи отъ насъ. Стекла неистово звенѣли, воздухъ сотрясался. Казалось, стрѣляли во дворѣ нашего дома. Наскоро одѣвшись, я выбѣжалъ на улицу и направился на звукъ выстрѣловъ. Вскорѣ выстрѣлы и канонада замолкли. Попадавшіеся по дорогѣ говорили, что въ домѣ Фидлера засѣла боевая дружина и ее оттуда выбиваютъ. Только что я выбѣжалъ на Покровку, какъ канонада возобновилась съ новой силой. Идти дальше было нельзя. Путь былъ прегражденъ. Неподалеку отъ меня оказался старикъ, содержатель крупнаго заведенія мѣховъ. При каждомъ новомъ пушечномъ выстрѣлѣ, онъ присѣдалъ, разѣвалъ свой беззубый ротъ и неистово кричалъ: «Такъ ихъ, с... дѣтей! Такъ ихъ, мерзавцевъ! Еще, еще, такъ ихъ, негодяевъ!». Старикъ былъ въ полномъ экстазѣ. Но вотъ толпа ринулась въ разныя стороны. Изъ Лобковскаго и Машкова переулка неслись драгуны, размахивая шашками и гоня передъ собой толпу. Улицы мгновенно опустѣли при этой атакѣ. Я уже былъ около воротъ моего дома, какъ съ нами поровнялись несшіеся карьеромъ драгуны. Только что я успѣлъ захлопнуть за собою калитку, какъ драгунъ шашкой нѣсколько

разъ ударилъ по воротамъ... На утро мы отчетливо различили на воротахъ двѣ ссадины отъ удара шашкой. Удары были сильные. Я просилъ сохранить эти слѣды вооруженнаго возстанія и не закрашивать ихъ при ремонтѣ дома.

Неистовство правыхъ росло по мѣрѣ того, какъ успѣхъ переходилъ на сторону Дубасова. Овладѣвшіе вліяніемъ въ Думѣ братья Гучковы, одинъ какъ предсѣдатель Думы, другой какъ лидеръ сомкнувшагося около него большинства, не допускали никакого сужденія, тѣмъ менѣе осужденія дѣйствій правительства. Предложенная отъ имени ставшей теперь оппозиціей резолюція, возлагавшая на правительство отвѣтственность за послѣдствія вооруженнаго возстанія въ Москвѣ и указывающая на необходимость немедленнаго созыва народныхъ представителей, избранныхъ всеобщей подачей голосовъ, для выработки основного закона — была отвергнута громаднымъ большинствомъ. Недавнее либеральное большинство Думы насчитывало теперь не болѣе 20 - 25 человѣкъ изъ 100 гласныхъ. Изъ состава этой оппозиціи гл. С. А. Левицкій былъ арестованъ.

Реакціонное настроеніе все болѣе овладѣвало нашей Думой. Пылкій Н. Н. Щепкинъ бросалъ ей въ глаза обвиненіе, что теперь Городская Дума не пользуется болѣе довѣріемъ населенія, поэтому ей нечего обращаться съ воззваніями къ населенію. Въ одномъ изъ частныхъ совѣщаній гласныхъ, а таковыя стали обычно предшествовать публичнымъ засѣданіямъ, между братьями Гучковыми и Щепкинымъ произошло рѣзкое столкновеніе. Щепкинъ бросилъ имъ упрекъ, что они стали прислужниками власти. Столкновеніе могло кончиться очень печально. Гласные бросились уговаривать стороны. Внѣшне миръ былъ установленъ. Но съ октября 1905 года пути ихъ разошлись. Прежняя дружба кончилась. Политика ихъ развела по разнымъ станамъ.

Мрачные декабрьскіе дни кончились. Улицы Москвы были очищены отъ баррикадъ, выбитыя стекла вставлены, пробоины отъ снарядовъ кое-гдѣ задѣланы. Жизнь постепенно входила въ свое обычное русло. Только городовые съ винтовками на перекресткахъ улицъ, да разстрѣлянные и соженнные дома напоминали о подавленномъ революціонномъ возстаніи въ Москвѣ.

Московская Дума отвела нѣсколько школьныхъ помѣщеній для жителей разгромленной Прѣсни и ассигновала денежныя пособія пострадавшимъ отъ разгрома, а также пострадавшимъ солдатамъ и полицейскимъ.

— Такъ вы кадетъ, Николай Ивановичъ? А какъ же «живыя силы», которыя продемонстрировали себя въ Думѣ 15 октября? — спрашивали меня мои друзья изъ гласныхъ, еще не рѣшающіеся связать себя съ той или иной политической партіей.

— Да, кадетъ. А какъ же Дубасовы, Мины и Риманы? К.-д. это противодѣйствіе Дубасову и «живымъ силамъ».

— Ну, да нельзя же было отдать Москву на потокъ и разграбленіе черни.

— До потока и разграбленія еще далеко. А безотвѣтственность власти, а война, а Портъ-Артуръ, а Цусима. Сами довели до позора, а теперь расправляются.

— Это вы правы, такъ больше нельзя. Что-то должно быть кореннымъ образомъ измѣнено. Но к.-д. идутъ за лѣвыми. Они боятся порвать съ революціонерами.

— Ничуть! Вотъ на съѣздѣ у Морозова к.-д. отмежевались отъ лѣвыхъ, отъ учредительнаго собранія, отъ революціи. То-то и есть, что нужно что-то начинать новое. Вотъ это новое и указываютъ к.-д. Это новое и есть конституція.

— Да, да, вы правы! Я тоже сочувствую этому... а вотъ эта четырехвостка.

Разговоръ обрывается... «Ну, это еще когда будетъ! Это лишь въ далекой перспективѣ»...

Такіе разговоры происходили въ моемъ кабинетѣ часто. Вопрошали съ нѣкоторой робостью. Какъ-бы не обнаружить неожиданно то, что разрушило бы взаимныя добрыя и довѣрчивыя отношенія. Но тѣ, кто выбралъ себѣ политическую среду, своихъ вождей, кто напитался еще свѣженькими, съ непросохшей типографской краской программами, тѣ стали враждебны, вызывающи, нетерпимы.

— Онъ к.-д.! шипѣли октябристы.

— Оставьте его, онъ Гучковецъ! — восклицалъ Кишкинъ, когда мы подсчитывали среди гласныхъ своихъ сторонниковъ.

Взаимныя отношенія, такія прочныя и, казалось, несокрушимыя — лопнули. Призывы октябристовъ поддержать власть на дѣлѣ свелись къ тому, что они стали въ услуженіе къ Дубасову... Услуженіе доходило до того, что въ Хамовническомъ полицейскомъ домѣ приспособили сарай, въ которомъ вѣшали приговоренныхъ военными судами къ казни.

Московская Дума стала новой. Новый духъ овладѣлъ ею. Оставаться въ ней въ качествѣ ея секретаря стало нестерпимо. Вскорѣ я сложилъ эти обязанности и остался въ числѣ нашей небольшой оппозиціи. Эта оппозиціонная группа сорганизовалась и значеніе ея въ работѣ Московской Думы скоро сказалось съ полной силой.

Наступилъ новый періодъ въ жизни Московской Думы и моей.

Прошло болѣе 20 лѣтъ со времени Московскаго вооруженнаго возстанія. Нѣтъ больше, да и не было, конституціи. Нѣтъ больше Семеновскаго полка. Нѣтъ и Московской Городской Думы. Однажды, я пріѣхалъ въ Брюссель навѣстить А. И. Деникина. У него проѣздомъ остановился его бывшій ген.-квартирмейстеръ по Добр. Ар-

міи, ген. Плющикъ-Плющевскій. Насъ положили на ночь въ одной комнатѣ. Уже лежа въ постеляхъ, мы разговорились о Москвѣ.

— А я хорошо помню въ Москвѣ одинъ домъ. Очень онъ мнѣ памятенъ.

— Какой же это домъ? Можетъ быть я его знаю.

— Да, знаете, у какихъ то прудовъ домъ Фидлера.

— Ну?!

— Такъ это я командовалъ ротой, которая разстрѣливала этотъ домъ.

— ?! Вотъ тебѣ на! Какая встрѣча!

— Да, бываетъ, всяко бываетъ. Покойной ночи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первая Государственная Дума

Въ слѣдующихъ главахъ я не предполагаю останавливаться подробно на фактахъ, событіяхъ и явленіяхъ, послѣдовавшихъ за первой русской революціей. Первая и вторая Государственныя Думы, законъ 3 іюня 1907 г. третья и четвертая Государственныя Думы, война, революція въ Россіи. Эти событія и явленія сами по себѣ настолько значительны, что каждое изъ нихъ потребовало бы цѣлаго изслѣдованія. Въ то же время объ этихъ событіяхъ имѣется большая литература и собранъ значительный матеріалъ для новыхъ изслѣдованій. Въ мою задачу вовсе не входитъ дать обзоръ и оцѣнку этихъ историческихъ фактовъ громаднаго значенія. Мнѣ хотѣлось бы и для этихъ періодовъ удержать тотъ же методъ изложенія, который былъ примѣненъ въ предшествовавшихъ главахъ. Моя задача намѣтить штрихи, по которымъ могла бы быть возстановлена судьба русской культурной, по существу демократической, семьи, зародившейся въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, участвовавшей въ общественной и политической жизни Россіи на рубежѣ двухъ вѣковъ и разрушенной до основанія революціей. Подчиняясь поставленной мною задачѣ, я и въ дальнѣйшемъ изложеніи буду всячески избѣгать разсужденій и оцѣнокъ явленій. Эти явленія въ моемъ изложеніи должны представлять основной, иногда трагическій фонъ, на которомъ должны намѣчаться силуэты, дающіе представленіе о нашей семейной хроникѣ. Къ моему сожалѣнію, въ этомъ изложеніи моей жизни и моей дѣятельности отведено боль-

ше мѣста, чѣмъ жизни и дѣятельности моихъ братьевъ. Это происходитъ по той причинѣ, что моя работа почти всецѣло протекала въ общественныхъ учрежденіяхъ, втянутыхъ въ общественную и политическую борьбу, тогда какъ мои братья по преимуществу работали въ спеціальныхъ областяхъ — двое въ судѣ, одинъ въ области технической науки. Съ другой стороны, какъ ни велико мое желаніе возстановить, хотя бы въ основныхъ чертахъ, жизнь и работу моихъ братьевъ, погибшихъ еще въ полномъ обладаніи силъ, я не могу этого сдѣлать, будучи оторванъ отъ живыхъ корней, отъ источниковъ, которые обезпечили бы полноту и предохранили отъ ошибокъ. Поневолѣ, поэтому, мнѣ приходится разсказъ мой вести отъ перваго лица и явленія разсматривать съ субъективной точки зрѣнія.

Еще оговорка. Въ предстоящихъ главахъ я вынужденъ ограничить предѣлы излагаемаго матеріала, чтобы не нарушить пропорцій всего изложенія. Въ тѣхъ же цѣляхъ мною выдѣляется въ особый очеркъ вся исторія моего участія въ бѣломъ движеніи. Это дѣлается по обширности матеріала, который долженъ войти въ изложеніе этого періода. Въ одной изъ послѣдующихъ главъ будетъ данъ лишь краткій обзоръ моего участія въ бѣломъ движеніи, необходимый для связи съ заключительной главой о гибели моей семьи.

Послѣ подавленія московскаго вооруженнаго возстанія Москва стала жить двойной жизнью. Усиленно заработали политическія партіи, готовящіяся въ выборамъ въ Государственную Думу. Безостановочно работали военные суды, ликвидируя революцію. Сочеталось два противоположныхъ настроенія въ кругахъ, къ которымъ я былъ близокъ и переживанія которыхъ раздѣлялъ. Общій тонъ настроенія былъ высокій. Тутъ были и окрыленныя надежды на скорое прекращеніе безправія и неистовствующаго насилія: вотъ соберется Государственная Дума, и наступитъ новая эра! Кончится произволъ, воцарится законность, восторжествуетъ правда... Это было настроеніе не только наивныхъ душъ, не только скромныхъ обывателей, которые были возмущены, подавлены разстрѣлами на льду рѣки Москвы, неистовствами семеновцевъ въ Голутвинѣ, Коломнѣ, на Сортировочной. Это настроеніе лежало въ основѣ ожиданій и тѣхъ, кто, казалось, былъ въ числѣ готовыхъ стать лидерами въ политическихъ группировкахъ перваго парламента.

Въ то время молодая и неопытная политическая мысль даже просвѣщенныхъ круговъ безъ колебаній и сомнѣній принимала простыя схемы и отвлеченныя положенія за реальную дѣйствительность. Романтизмъ, прекраснодушіе въ политикѣ были характерной чертой тѣхъ круговъ, съ которыми соприкасалась Московская Го-

родская Дума. Среди этихъ настроеній диссонансами звучали неистовыя рѣчи А. С. Шмакова, явно не сочувствовавшаго манифесту и обѣщанной Государственной Думѣ. Онъ громилъ всякія революціонныя выступленія, всякое проявленіе политической мысли, протестовавшей противъ расправы власти съ побѣжденными. Онъ грозилъ великими бѣдствіями отъ тайныхъ козней и замысловъ евреевъ и жидомасоновъ. Ему вторилъ скрипучимъ голосомъ Ф. Ф. Воскресенскій. Шмаковъ находилъ себѣ внимательную аудиторію какъ среди гласныхъ Думы, собиравшихся въ ряды Союза 17 октября, такъ и среди укрѣпившихся въ крайне-правыхъ кругахъ, получившихъ названіе «черной сотни». Основы настроенія лицъ, примыкавшихъ къ этимъ двумъ теченіямъ, мало чѣмъ отличались другъ отъ друга. По существу, и октябристы, и правые были охвачены реакціоннымъ настроеніемъ. А то, что партія 17 октября объявила себя конституціонной, мало говорило уму и сердцу обывателя. Это конституціонное опереніе полиняло и стерлось, когда наступила предвыборная пора и на митингахъ стали происходить состязанія представителей разныхъ политическихъ партій.

Общему настроенію радостнаго ожиданія мало соотвѣтствовало и опредѣлившееся вскорѣ скептически-оппозиціонное отношеніе нашей «статистики», которая весьма точно отражала настроенія лѣвыхъ соціалистическихъ круговъ. Мои пріятели изъ третьяго этажа Московской Думы, гдѣ помѣщалась статистика Городской Управы, заходили ко мнѣ въ кабинетъ поиронизировать надъ приподнятымъ настроеніемъ, въ которомъ «мы» готовились къ выборамъ въ Государственную Думу.

— Неужели вы не видите во всей этой игрѣ самаго неприкрытаго обмана? — говорили наши «лѣвые». — Вотъ вамъ покажутъ конституцію! Не такими способами нужно завоевывать свободу, — говорилъ В. И. Масальскій, котораго мнѣ приходилось не разъ выручать изъ бѣды.

Глубокомысленно и весьма скептически высказывался и нашъ своеобразный мыслитель А. П. Рудановскій, разсужденія котораго не укладывались ни въ одну изъ опредѣлившихся тогда схемъ. Онъ упрекалъ въ романтизмѣ и прекраснодушіи. Довольно скоро та же «статистика» принесла мнѣ ошеломившія меня извѣстія о томъ, что «лѣвые» рѣшаютъ бойкотировать Думу и въ выборахъ участвовать не будутъ. Эти вѣсти изъ статистики опережали свѣдѣнія о бойкотѣ, которыя лишь позднѣе стали общимъ достояніемъ. Итакъ, на первыхъ же шагахъ по конституціонному пути — рѣзкое разногласіе и непріязнь и справа, и слѣва.

— Ну, такъ что же дѣлать! Тѣмъ точнѣе и яснѣе наша позиція. Нашъ путь конституціонной борьбы. Мы противъ реакціи, но и противъ революціи. Пойдемъ этимъ путемъ «мы» одни, если «вы»

хотите революціи. Жаль, что «вы» не понимаете исторической задачи времени.

— Идите, идите, мирные политики, по этой дорожкѣ. Васъ надуютъ! Вотъ посмотрите! На этомъ пути, безъ «насъ», вы не будете опасны для власти, которая и съ вами расправится.

— Ну, посмотримъ. Не такъ-то легко будетъ взять назадъ то, что будетъ входить въ жизнь... Только, надѣюсь, что «вы» не будете намъ мѣшать.

— А тамъ видно будетъ!

Разговоры въ такомъ родѣ неоднократно происходили въ моемъ кабинетѣ. Они волновали, смущали, заботили и вызывали какое-то новое настроеніе, особую бодрость и рѣшимость.

— Вотъ она, начинающаяся политическая борьба! Вотъ они, начинающіяся отвѣтственныя дѣйствія!

Выборъ большой! Ворча и злобствуя, одни идутъ къ Шмакову, становясь подъ защиту Дубасова, Гершельмана, принимаютъ съ злобнымъ пафосомъ то, что дѣлается ночью въ сараѣ Хамовническаго полицейскаго дома, гдѣ вѣшали безъ числа по приговору военнаго суда. Другіе идутъ къ лѣвымъ, хотя и разбитымъ, но не слагающимъ еще оружія, готовымъ снова броситься въ революцію, какъ только представится къ тому возможность. Наконецъ, третьи уходятъ въ обывательскую жизнь, предоставивъ все своему теченію и рѣшенію другихъ.

Тогда для многихъ, не искушенныхъ въ политикѣ, встали эти вопросы. Но томленіе въ выборѣ рѣшенія продолжалось не долго. Всѣ оказались охваченными тѣми же ощущеніями и требующими отвѣта вопросами. Всѣ. Заработала мысль. Отвѣты и формулы находились въ газетахъ, въ разговорахъ, въ шумныхъ, часто безтолковыхъ спорахъ, на собраніяхъ-митингахъ, гдѣ каждая политическая партія истолковывала свою программу, свою тактику, свои основные взгляды на разрѣшеніе основныхъ вопросовъ, стоявшихъ передъ страной. На собраніяхъ к.-д. Басманной части часто предсѣдательствовалъ мой братъ Александръ Ивановичъ, съ увлеченіемъ отдавшійся новымъ интересамъ въ области политики. Степень культуры, образованія, развитія, часто темперамента, оказывали вліяніе на выборъ той или иной программы тѣмъ или инымъ лицомъ.

Это было первое пріобщеніе широкихъ обывательскихъ массъ къ политической жизни. Подавляющее количество, однако, оказалось новичками въ политикѣ. Но иногда совершенно неожиданно обнаруживалось, что скромные на видъ люди, всю жизнь мирно занимавшіеся своимъ скромнымъ дѣломъ, оказывались не только начитанными и политически образованнымии людьми, но совершенно готовыми политическими дѣятелями, съ нужной эрудиціей и обширными знаніями. Эти люди быстро нашли свои мѣста въ партіяхъ и стали видными участниками въ предвыборной кампаніи. Вся Москва

уже знала ихъ имена. Подъ ихъ вліяніемъ часто люди сами находили себя политически и примыкали къ той или иной партіи. Ораторскій даръ часто имѣлъ рѣшающее значеніе для выбора партіи.

— Ну, да, ну, да, и я всегда такъ думалъ. Только какъ-то у меня не находилось словъ, чтобы выразить мои мысли. Я именно такъ и думалъ, какъ это прекрасно выразилъ Ф. Ф. Кокошкинъ на вчерашнемъ собраніи. Знаете, я безъ колебаній записался въ к.-д. партію. Это самая умная и интеллигентная партія. Она ближе всего для меня по взглядамъ и настроеніямъ.

Такъ заговорила Москва, когда начались выборы въ 1-ую Государственную Думу. Имена Муромцева, Кокошкина, Герценштейна, Щепкина, Новгородцева, Кизеветтера, кн. Долгорукова, Ледницкаго, Тесленко, Маклакова — зазвучали по Москвѣ, стали близкими, дорогими, нужными. Настроеніе «ожиданія» и надежды получили свое выраженіе въ живыхъ личностяхъ, которыя краснорѣчиво, убѣжденно и убѣдительно излагали то, о чемъ еще такъ недавно нельзя было даже громко говорить. Повѣяло новымъ духомъ. Что-то открылось новое, манящее, завлекающее. Раскрылись новые просторы...

Конечно, не одни названныя имена увлекали Москву. Другіе круги узнавали свои старыя мысли въ словахъ, произносимыхъ А. И. Гучковымъ на собраніяхъ Союза 17 октября. Гучковъ собиралъ свои ряды, желая установить за собой монополію на манифестъ 17-го октября.

Но настроенія того времени были не съ нимъ. Настроенія поднимались все выше и выше. И въ солнечный, ликующій день, когда Москва оказалась празднующей какой-то новый, еще не бывшій никогда праздникъ, состоялись выборы выборщиковъ для избранія четырехъ депутатовъ отъ Москвы въ 1-ую Государственную Думу. Выборщиками по всѣмъ избирательнымъ участкамъ прошли исключительно к.-д. и сочувствующіе имъ. Побѣда оказалась полной. Ликованіе, радость, оживленныя лица старцевъ и молодежи, восторженные возгласы юныхъ дѣвицъ, иногда дѣтей, призывавшихъ голосовать за партію Народной Свободы... Все это незабываемо. Въ числѣ выборщиковъ оказались мой братъ Александръ Ивановичъ и я.

Собраніе выборщиковъ, происходившее въ Городской Думѣ, избрало первыми депутатами отъ города Москвы въ первый русскій парламентъ С. А. Муромцева, Ф. Ф. Кокошкина, М. Я. Герценштейна и наборщика «Русскихъ Вѣдомостей» Савельева.

Выборъ Савельева былъ уступкой со стороны партіи к.-д. лѣвымъ, которые не имѣли шансовъ провести своего кандидата, если бы даже и приняли дружное участіе въ выборахъ.

Спискокъ депутатовъ былъ составленъ въ Ц. К. партіи к.-д. Первоначально въ немъ значилось имя кн. Павла Долгорукова. Но послѣдній самъ снялъ свою кандидатуру, находя, что участіе въ ра-

ботахъ Думы М. Я. Герценштейна будетъ болѣе полезно: Герценштейнъ былъ, по его мнѣнію, болѣе необходимымъ въ Думѣ, чѣмъ онъ, какъ знатокъ аграрнаго вопроса.

Еще задолго до выборовъ въ Гос. Думу, когда еще только складывались отношенія къ ней справа и слѣва, С. А. Муромцевъ неоднократно заходилъ ко мнѣ въ кабинетъ, притворялъ дверь и начиналъ разговоръ о предстоящей работѣ въ Гос. Думѣ.

— Ну, что у васъ новенькаго, Николай Ивановичъ? У васъ тутъ пульсъ общественной жизни. Къ вамъ сходятся самыя разнообразныя свѣдѣнія со всѣхъ сторонъ. Что слышно у васъ? А я скажу, что говорятъ въ Петербургѣ. Я только что оттуда.

И у насъ начинались разговоры, продолженіе которыхъ происходило нерѣдко на квартирѣ Сергѣя Андреевича въ домѣ Россійскаго Страховаго Общества на Срѣтенскомъ бульварѣ. Я сообщалъ ему московскія настроенія правыхъ и лѣвыхъ, одинаково враждебныхъ новому строю. Онъ подтверждалъ мои свѣдѣнія, ссылаясь на источники петербургскіе. Картина вырисовывалась все отчетливѣе и яснѣе. Реакція собирала свои силы и, воодушевленная недавней побѣдой надъ революціей, съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ и ненавистью смотрѣла на вырванный у самодержавія манифестъ 17 октября. Революціонеры, разбитые и разгромленные, не считали себя побѣжденными и свою новую тактику опредѣляли новыми слагавшимися условіями.

— Теперь все будетъ зависѣть отъ того, сумѣемъ ли мы, центръ, увлечь за собой широкіе круги населенія и создать около Госуд. Думы прочную базу, на которой укрѣпится народное представительство. Если сумѣемъ — дѣло Россіи спасено. Если нѣтъ...

Сергѣй Андреевичъ не договаривалъ своей мысли. Но она была ясна и безъ словъ. Да и настроеніе его собесѣдника было въ полной мѣрѣ созвучно его настроенію и его пониманію положенія вещей. Улыбаясь своей очаровательной улыбкой, которая такъ освѣщала его обычно неподвижное, холодно красивое лицо, онъ говорилъ, что нужно готовиться къ Думѣ, готовиться усиленно.

— Въ Думѣ предстоитъ не только борьба. Въ Думѣ потребуется громадная творческая работа. Только работа, понятная для страны, можетъ укрѣпить авторитетъ Думы. Нужно съ первыхъ же шаговъ показать населенію, что его избранники умѣютъ и могутъ работать.

Какъ-то разъ Сергѣй Андреевичъ привезъ изъ Петербурга слухъ, что правительственные круги злорадно предвкушаютъ удовольствіе видѣть, какъ «русскій парламентъ» будетъ предоставленъ самому себѣ, какъ онъ будетъ «вариться въ собственномъ соку», какъ онъ умретъ отъ худосочія и изсякнетъ въ болтовнѣ.

Передавая эти злые слухи, Сергѣй Андреевичъ снова вернулся къ вопросу о необходимости начертать работу заблаговременно. Онъ

сказалъ, что составляетъ проектъ наказа для Госуд. Думы. При этой работѣ онъ пользуется инструкціей Московской Городской Думы. Просилъ подобрать ему всѣ матеріалы, касающіеся организаціи Комиссій, и обѣщалъ показать мнѣ проектъ наказа въ черновомъ видѣ. Черезъ нѣсколько дней Сергѣй Андреевичъ читалъ мнѣ свой проектъ и давалъ интересныя толкованія положеній, которыя должны были установить порядокъ дѣятельности перваго русскаго парламента, порядокъ, долженствовавшій обезпечить достоинство и авторитетъ народнаго представительства.

Читая положенія наказа, Муромцевъ преображался. Онъ становился величественнымъ, властнымъ. Каждое слово было полно значенія и силы. То, что онъ читалъ, было не простой инструкціей, а творчествомъ, созданіемъ новаго, небывшаго еще въ Россіи учрежденія, въ которомъ должны были проявиться новыя силы. Отъ нихъ, отъ этихъ силъ, зависѣла дальнѣйшая судьба Россіи. Къ обсужденію наказа мы нѣсколько разъ возвращались.

За годы работы въ Городской Думѣ мы хорошо сблизились съ Сергѣемъ Андреевичемъ. Онъ видѣлъ мою полную и искреннюю къ нему симпатію и привязанность. Знаю, что и онъ цѣнилъ меня. Отъ близкихъ къ Сергѣю Андреевичу людей знаю весьма лестную оцѣнку, которую онъ давалъ мнѣ. Въ мысляхъ о работѣ въ Госуд. Думѣ онъ отводилъ мнѣ опредѣленное мѣсто. Онъ говорилъ, что видитъ меня въ русскомъ парламентѣ въ положеніи хранителя традицій, какъ Піерръ во французской палатѣ депутатовъ. Ведя бесѣды на эту тему, С. А. говорилъ:

— Вотъ, если к.-д. побѣдятъ на выборахъ, вы будете необходимы въ Госуд. Думѣ. Вы наладите весь аппаратъ, безъ помощи котораго Госуд. Дума не будетъ въ состояніи работать. На чиновниковъ петербургскихъ разсчитывать трудно. Среди нихъ есть хорошіе люди, большіе знатоки своего дѣла, есть очень образованные люди. Но мы для нихъ враждебная стихія. Къ намъ они не скоро привыкнутъ. Они будутъ долго приглядываться, наблюдать, изучать. Они, конечно, перейдутъ къ намъ. Но это будетъ тогда, когда мы завоюемъ себѣ положеніе и признаніе. Пока же, мы должны разсчитывать на собственныя силы.

Въ такихъ откровенныхъ и интимныхъ бесѣдахъ о предстоящей работѣ въ Госуд. Думѣ я говорилъ ему, что мы всѣ считаемъ его предсѣдателемъ Думы. Сергѣй Андреевичъ становился тогда серьезнымъ. Какія-то мысли овладѣвали имъ. Онъ складывалъ въ портфель свои бумаги, вставалъ, величественный и прекрасный, прощался и уходилъ. А когда онъ проходилъ корридорами нашей Московской Думы, передъ нимъ разступались, провожая его почтительными и восторженными взглядами.

— Вотъ онъ, будущій предсѣдатель Государственной Думы!

Странную смѣсь настроеній и взглядовъ представляли тогда круги, соприкасавшіеся съ Московской Думой. Пускай это была цензовая Дума по закону 1892 года, Дума съ ея либеральнымъ крыломъ гласныхъ, Управа съ ея разношерстнымъ составомъ служащихъ, среди которыхъ можно было найти и остатки дореформенныхъ служакъ и яркихъ представителей новаго типа служащихъ, получившихъ названіе, съ легкой руки самарскаго вице-губернатора Кондоиди, «третьяго элемента». Наконецъ, ежедневно вливавшіеся въ зданіе Думы московскіе граждане и обыватели со своими дѣлами и заботами — все это отражало подлинную жизнь Москвы и ея настроенія. Тогда, въ тѣ дни всеобщаго одушевленія и приподнятаго ожиданія, въ Городскую Управу шли не только платить налоги, ходатайствовать о пользахъ и нуждахъ. Туда шли, какъ въ нѣкій общепризнанный центръ освѣдомленія по злободневнымъ вопросамъ. А это были вопросы, связанные съ выборами въ Госуд. Думу. Техническая организація выборовъ была возложена по закону на городское управленіе. Лично мнѣ пришлось организовывать эти выборы. Ко мнѣ шли за справками. Конечно, вопросы не ограничивались только технической стороной дѣла. Все, что происходило тогда въ Москвѣ, отражалось и въ моемъ кабинетѣ Городского Секретаря.

Мрачны были фигуры «правыхъ». Воскресенскій, Шмаковъ, Линдеманъ, Лебедевъ Ив. Ал., В. И. Герье, мой помощникъ С. П. Юнгферъ, не скрывали своего возмущенія.

«Нужно заниматься дѣломъ, а не политиканствомъ», ворчали они. Все, что принесла съ собой вынужденная «реформа», раздражало ихъ, казалось почти преступнымъ. Это было, по ихъ мнѣнію, покушеніе на самодержавіе. Манифестъ 17-го октября они просто не хотѣли признавать, какъ ограниченіе царской самодержавной власти. Ни одного закона безъ Госуд. Думы! Дума можетъ запрашивать Правительство! требовать отъ него отвѣтовъ! Государственный бюджетъ — черезъ Думу! Все это безуміе, неслыханная дерзость! Это продолженіе революціи! Все это недопустимо. Это какое-то недоразумѣніе. Всему этому долженъ быть положенъ конецъ». Они съ ненавистью глядѣли на насъ, отдавшихся новой работѣ, придумавшихъ особую счетную карту, облегчавшую подсчетъ бюллетеней въ избирательныхъ комиссіяхъ, составлявшихъ модели «избирательныхъ урнъ», готовящихъ точныя формы и способы осуществленія гражданами давно чаемыхъ и только что пріобрѣтенныхъ правъ. Народное представительство, право участія въ законодательной власти, право свободнаго выраженія мысли съ народной трибуны! Все это казалось такимъ радостнымъ, такимъ безспорнымъ! А правые продолжали злобно шипѣть и скрежетать зубами:

— Ограниченіе самодержавія! Чему тутъ радоваться? Это начало конца! Народная трибуна — это ослабленіе власти, ударъ по

ея престижу. А реформы, которыя обѣщаютъ на митингахъ к.-д., — принудительное отчужденіе земель у помѣщиковъ? Нарушеніе священнаго права собственности! Вѣдь это безуміе и преступленіе, это новая революція, безправіе подъ прикрытіемъ правового порядка... Конечно, этого не будетъ, власть опомнится и не допуститъ этихъ сумасшествій! Вотъ они, эти либералы, эти Муромцевы, Щепкины и К°. Вотъ чего они хотятъ.

Такъ злобствовали правые. Въ этихъ настроеніяхъ трудно было отличить правовѣрнаго послѣдователя Грингмута отъ сторонниковъ «Голоса Москвы», органа октябристовъ.

А лѣвые подтрунивали надъ всѣми, кто былъ правѣе ихъ, и радовались начавшейся борьбѣ и одиночеству, которое создавалось для к.-д. Такое положеніе к.-д. не смущало ихъ. Оно только точнѣе опредѣляло ихъ позицію среди намѣтившихся политическихъ теченій. А шумное сочувствіе культурныхъ слоевъ населенія, все большее вниманіе къ нимъ со стороны широкихъ массъ населенія, окрыляло ихъ и внушало увѣренность въ правильности намѣченой линіи.

Занятый съ утра до ночи въ Городской Думѣ, почти не покидая ея стѣнъ, я въ то время мало участвовалъ въ партійныхъ кружкахъ и лишь изрѣдка появлялся тамъ по вызову моихъ друзей для сообщенія или техническихъ свѣдѣній о процедурѣ предстоящихъ выборовъ, или для сообщенія о томъ, какъ кристаллизуются около Думы политическія настроенія. Только позднѣе мнѣ пришлось принять болѣе активное участіе въ политической жизни Москвы.

Съ такими разнообразными чувствами и настроеніями Москва проводила своихъ избранниковъ въ Петербургъ.

27 апрѣля была открыта Государственная Дума. Тогда же предсѣдателемъ ея былъ избранъ С. А. Муромцевъ, а секретаремъ Думы кн. Д. И. Шаховской. Нечего и говорить, либеральные круги Москвы, да не только Москвы, всей Россіи — торжествовали. Только и разговоровъ въ Москвѣ, что о Госуд. Думѣ, о первомъ словѣ, произнесенномъ въ Думѣ Ив. Ил. Петрункевичемъ, о вступительномъ словѣ С. А. Муромцева, о томъ благородномъ, полномъ достоинства тонѣ, который онъ сразу сообщилъ первому собранію впервые созваннаго народнаго представительства.

— Ну, конечно, лучшаго предсѣдателя Государственной Думы и вообразить себѣ нельзя! — говорили въ Москвѣ. — Да и въ европейскихъ парламентахъ такихъ предсѣдателей мало.

Въ началѣ мая я получилъ телеграмму отъ кн. Д. И. Шаховского, приглашавшаго немедленно пріѣхать въ Петербургъ для переговоровъ. Тогда же мнѣ было доставлено письмо А. С. Муромцева, напоминающее наши разговоры о совмѣстной работѣ въ Госуд. Думѣ. Приглашалъ немедленно пріѣхать: работы бездна!

Новый Городской Голова, Н. И. Гучковъ, установилъ новый

тонъ въ Городскомъ Управленіи: дѣло и только дѣло, политика изгоняется изъ городского управленія навсегда, все, что осуществляется имъ и его партіей въ Думѣ, не почитается политикой, все же, не отвѣчающее этому порядку, объявляется политикой и строжайше преслѣдуется. По служебнымъ отношеніямъ я долженъ былъ получить согласіе Гор. Головы на отъѣздъ въ Петербургъ. Н. И. Гучковъ выслушалъ меня и безъ колебанія отвѣтилъ:

— Васъ зовутъ помочь въ новой работѣ. Вашъ священный долгъ сейчасъ же ѣхать. Какое въ этомъ сомнѣніе! Поѣзжайте немедленно. Только вотъ мой совѣтъ, Николай Ивановичъ. Хотя теперь мы съ вами политическіе противники, но я по старымъ нашимъ отношеніямъ хочу васъ предупредить — не подавайте въ отставку, не слагайте своихъ полномочій Городского Секретаря. Государственная Дума этого состава просуществуетъ недолго. Берите отпускъ. А тамъ видно будетъ. Въ Московской Думѣ вамъ всегда будетъ принадлежать заслуженное мѣсто.

Въ этихъ словахъ звучало и предупрежденіе, и угроза: «Дума этого состава просуществуетъ недолго!» Это голосъ реакціи, рѣшившей отобрать назадъ уступленныя позиціи. Это мнѣніе не личное Н. И. Гучкова, а отраженіе мнѣній московской высшей администраціи.

Въ тотъ же вечеръ выѣхалъ я въ Петербургъ и утромъ былъ въ Таврическомъ дворцѣ, у кн. Д. И. Шаховского.

Таврическій дворецъ, по первому взгляду, произвелъ на меня смутное впечатлѣніе: смѣсь роскоши и убожества. Первое, что поражало великолѣпіемъ, были люстры, съ чуть позванивавшими хрусталями. Эти люстры были очаровательны. А тутъ же подъ этими художественными люстрами — дешевые канцелярскіе столы, вѣнскіе стулья, запахъ еще не просохшей клеевой краски. Съ ремонтомъ дворца запоздали. Наспѣхъ чинили, красили, мыли, чистили. Помѣщенія были неуютны, не приспособлены для работы. Люди въ этихъ комнатахъ чувствовали себя тоже неуютно, сами устраивались, сами сочиняли себѣ работу и положеніе. Эти люди, по внѣшнему виду, были разнокалиберные. За столомъ, у окна, сидѣлъ военный въ генеральской формѣ военнаго юриста. Усталый, измученный, онъ отдавалъ какія-то распоряженія. По заламъ канцеляріи ходили какіе-то молодые люди. Одни имѣли видъ самоувѣренный и выжидающій. Они готовы были исполнить прказанія. Но приказаній не было. Другіе, весьма провинціальнаго вида, растерянно и неувѣренно о чемъ-то разговаривали вполголоса. Первые были прикомандированные изъ Государственной Канцеляріи чиновники. Вторые — представители третьяго элемента, уже прибывшіе изъ провинціи съ депутатами и принятые кн. Шаховскимъ въ Канцелярію Госуд. Думы на испытаніе. Временами по заламъ увѣренной поступью проходили высшіе чиновники Госуд. Канцеляріи или депутаты.

Въ пріемной, около кабинета кн. Шаховского, нѣсколько просителей. Изъ пріемной какая-то узенькая лѣсенка наверхъ, въ мансарду. Туда поднимаются курьеры и служащіе. Все имѣетъ видъ очень неуютный, не обжитой. Точно переѣхали на дачу и еще не устроились. Дмитрій Ивановичъ выходитъ изъ своего кабинета. Онъ въ своемъ неизмѣнномъ сѣренькомъ однобортномъ потертомъ пиджачкѣ. Онъ еще болѣе похудѣлъ. Глаза красные, но оживленные.

— Ахъ, здрасссти, наконецъ-то вы пріѣхали. Пожалуйста, наладьте сейчасъ же стенографическую часть и составленіе протокола. Подождите минутку въ кабинетѣ. Вотъ вашъ столъ. А я сейчасъ...

Съ этими словами Шаховской исчезъ. А я оказался въ небольшой, невысокой комнатѣ, очень пріятной по размѣрамъ и пропорціямъ. Посреди такая же великолѣпная люстра свѣшивалась съ потолка. Комната выходиліа окнами на газонъ и куртины у въѣзда въ Таврическій дворецъ по линіи Шпалерной улицы. Въ комнатѣ было два письменныхъ стола. Одинъ изъ нихъ Дмитрій Ивановичъ указалъ мнѣ, какъ мой. Очевидно, другой былъ кн. Шаховского. На моемъ столѣ оказался ворохъ корректуръ стенографическихъ отчетовъ о засѣданіяхъ Госуд. Думы. Тутъ же лежалъ свѣжеотпечатанный отчетъ о первыхъ засѣданіяхъ Госуд. Думы. Столъ Дмитрія Ивановича былъ заваленъ также корректурами, рукописями и разными бумагами.

Поджидая возвращенія Дмитрія Ивановича, который обѣщалъ вернуться черезъ минуточку, я сталъ просматривать корректуру, лежавшую на «моемъ столѣ». Корректура уже имѣла начатую правку. Минуты шли, а Дмитрія Ивановича все не было. Какъ я могъ «наладить стенографическую часть», да еще сейчасъ же, — я недоумѣвалъ и углубился въ чтеніе корректуры.

Въ кабинетъ вошелъ невысокаго роста человѣкъ, съ небольшой свѣтлой бородкой, большимъ лбомъ и внимательными, свѣтлыми глазами. Онъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы, слегка какъ бы прищурился и, подойдя ко мнѣ, произнесъ:

— Глинка.

Я назвалъ себя, не давая себѣ отчета, кто такой Глинка.

— Вы предполагаете работать въ Канцеляріи Госуд. Думы? Вы изъ Москвы? Что же, собственно, вы предполагаете дѣлать?

— А я только что пріѣхалъ сегодня утромъ по вызову кн. Шаховского и Муромцева. Я не знаю, что они мнѣ поручатъ. Они хотѣли, чтобы я имъ помогъ. Вотъ, пока Дмитрій Ивановичъ говорилъ о стенографическомъ отдѣлѣ...

— Но стенографическая часть уже организована и дѣйствуетъ подъ общимъ руководствомъ г. Кривоша, завѣдующаго стенографической частью Государственнаго Совѣта, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Сапонько. Организуется отдѣлъ законовъ, во главѣ котораго, повидимому, будетъ военный юристъ, генералъ кн. С. А.

Друцкой. Общее завѣдываніе канцеляріей Госуд. Думы поручено Государственнымъ Секретаремъ мнѣ...

— Ничего сказать вамъ не могу. Если уже все устроено, очевидно, я лишній. Но все же мнѣ нужно будетъ переговорить и съ княземъ Шаховскимъ и съ С. А. Муромцевымъ.

Глинка ушелъ, сказавъ, что сегодня будетъ засѣданіе Госуд. Думы и Шаховской и Муромцевъ будутъ весь день заняты.

Снова углубляюсь въ корректуры, чувствуя полную неопредѣленность положенія.

— А гдѣ же Дмитрій Ивановичъ? — Съ этимъ возгласомъ въ кабинетъ входятъ нѣсколько депутатовъ. За ними М. Я. Герценштейнъ. Увидя меня, онъ поспѣшно направляется ко мнѣ. Мы дружески здороваемся.

— Вотъ, господа, начало порядка! Вотъ теперь мы будемъ знать, къ кому обращаться. Позвольте васъ познакомить. Теперь быстро наладится нашъ аппаратъ, безъ котораго намъ приходится непроизводительно тратить массу драгоцѣннаго времени.

Далѣе Михаилъ Яковлевичъ сталъ разсказывать о той неразберихѣ, которая царила въ совершенно не налаженной Канцеляріи Госуд. Думы. Условились повидаться и переговорить обстоятельно о томъ, что нужно депутатамъ и чего не достаетъ для ихъ работы. Оставивъ мнѣ рядъ порученій для Шаховского, депутаты ушли.

Наконецъ, вернулся Дмитрій Ивановичъ. Я передалъ ему порученія и приготовился слушать его. Но онъ упорно молчалъ, уставивлъ въ одну точку свои свѣтлые, безмѣрно усталые глаза, обведенные красными, какъ бы воспаленными вѣками.

— Дмитрій Ивановичъ, что съ вами? Вы нездоровы, устали. Вы похудѣли за эти дни. Каково общее положеніе дѣла?

Онъ встрепенулся. Громко захохоталъ своимъ характернымъ смѣхомъ.

— Да нѣтъ же! Все очень хорошо! Увѣряю васъ, все очень хорошо. Гдѣ вы остановились?

Я назвалъ маленькія меблированныя комнаты около Николаевскаго вокзала, противъ дома Фредериксъ.

— И я тамъ же. Вотъ и хорошо. Нужно наладить стенографическую часть... Сегодня засѣданіе Думы. Зайдите. Билетъ возьмите у Глинки. Вы съ нимъ знакомы?

Я разсказалъ ему о нашей встрѣчѣ.

— Ну, вотъ и хорошо. Мы съ вами подробно переговоримъ завтра.

Таковы были первыя впечатлѣнія о предстоящей мнѣ работѣ. Нужно было самому разобраться въ положеніи.

О моемъ появленіи въ Канцеляріи Госуд. Думы скоро стало извѣстно. Мнѣ не пришлось искать людей и узнавать, кто что дѣла-

етъ. Служащіе, временно прикомандированные и временно допущенные, сами потянулись ко мнѣ, кто просто познакомиться, кто спросить указаній, а кто подѣлиться своими впечатлѣніями и разсказать о томъ, какъ работа идетъ толчками, не налаженно и не организованно.

За короткое время я уже былъ въ курсѣ очень многаго. Во всякомъ случаѣ, картина неустройства была ясна. Рисовались и контуры той организаціи, которая должна была оформиться и начать дѣйствовать безъ толчковъ и заѣданій. Было ясно также, что въ аппаратѣ, который долженъ былъ обслуживать Госуд. Думу, оказались два разнородныхъ, пока несливаемыхъ элемента, — петербургскаго чиновничества и Богъ вѣсть откуда понаѣхавшаго третьяго элемента. Первые считали работу въ Гос. Думѣ работой какъ бы по своей спеціальности. Вторые считали эту работу своимъ правомъ и привиллегіей. Антагонизмъ между тѣми и другими чувствовался во всемъ. Только очень немногіе изъ чиновъ Госуд. Канцеляріи привѣтливо и благожелательно встрѣчали новыхъ людей, пришедшихъ вмѣстѣ съ народными представителями. Среди нихъ съ особой благодарной памятью назову имена Н. Ф. Дерюжинскаго, В. Д. Верещагина.

Другіе держали себя вышколенными службистами, безстрастными ко всему, что происходитъ, но готовыми исполнить всякое приказаніе. Иные съ плохо скрываемымъ злорадствомъ и усмѣшкой смотрѣли на то, какъ собираются законодательствовать эти люди въ пиджакахъ, съ глубоко провинціальнымъ видомъ и совсѣмъ не петербургскими манерами. Особой напыщенностью и надменностью выдѣлялся М. Н. Головинъ, чиновникъ Государственной Канцеляріи. Среди земскаго третьяго элемента онъ былъ холоденъ, величественъ и недоступенъ. Зато когда Муромцевъ шелъ въ засѣданіе Думы, Головинъ какъ-то подобострастно, бочкомъ, не то предшествовалъ, не то сопутствовалъ ему. Тутъ при величественной и полной достоинства фигурѣ Муромцева Головинъ имѣлъ странный и жалкій видъ.

Въ общихъ собраніяхъ Думы оказались наши старые и добрые знакомые по земскимъ съѣздамъ, по Бюро, которое созывало эти съѣзды. Это были все свои, близкіе, несмотря на то, что они разсѣлись по разнымъ секторамъ въ амфитеатрѣ Думы. Тутъ и И. И. и М. И. Петрункевичи, Ф. И. Родичевъ, П. А. Гейденъ, Н. Н. Львовъ, А. А. Мухановъ, М. А Стаховичъ. Тутъ наши москвичи Ф. Ф. Кокошкинъ, П. И. Новгородцевъ, А. Р. Ледницкій, волостной старшина, гласный Московскаго Губернскаго Земства Ильинъ, Зарайскій Городской Голова Ярцевъ, М. М. Ковалевскій, В. Д. Набоковъ, А. И. Бакунинъ, кн. С. Д. Урусовъ, нашъ бывшій московскій мировой судья. Это все свои. Жаль, что нѣкоторые изъ нихъ засѣли на крайнюю правую. Но это, можетъ быть, даже и полезно для полноты аккорда. Гейденъ, Ковалевскій — эти не внесутъ дисгармоніи.

Съ любопытствомъ всматриваюсь въ шумливую лѣвую часть амфитеатра. Аникинъ, Аладьинъ, Жилкинъ... Къ нашимъ культурнымъ, образованнымъ, европейскимъ политическимъ дѣятелямъ — эти оказываются крикливымъ дополненіемъ. Они вносятъ много темперамента, дерзостнаго задора и нетерпѣнія. Они обладаютъ несомнѣннымъ даромъ зажигать толпу и вызывать въ ней недобрыя чувства. Какъ, оказывается, легко вызывать чувство злобы и будить дурныя страсти! А образъ поведенія правительства такъ раздражаетъ Думу, такъ обильно питаетъ недобрыя чувства.

Полетѣли дни за днями, почти не прерываемые ночами. Съ Дмитріемъ Ивановичемъ почти ежедневно мы возвращались въ нашу гостиницу противъ дома Фредерикса около пяти часовъ утра, съ тѣмъ, чтобы въ девять часовъ утра быть снова въ Таврическомъ дворцѣ. Ночи напролетъ просиживали за работой. А она все усложнялась и не допускала замедленія. Только особое одушевленіе тѣхъ дней и особый нервный подъемъ помогалъ выдержать это напряженіе.

Ночью, сидя за своимъ столомъ и прочитывая накопившіяся за день корректуры, составляя проекты штатовъ канцеляріи, просматривая или составляя записки и доклады, инструкціи отдѣламъ, проектируя новые отдѣлы, словомъ, организуя и ведя дѣло разраставшагося служебнаго аппарата Государственной Думы, иногда, когда небо уже свѣтлѣло и свѣтъ электрическихъ лампъ мутнѣлъ въ посѣрѣвшей комнатѣ, я взглядывалъ на сидящаго у своего стола Дм. Ив. Шаховского. Неподвижно склоненный надъ грудой бумагъ, съ рѣзко очерченнымъ профилемъ, большимъ лбомъ, характернымъ носомъ съ горбинкой, рыжеватой бородой, онъ всей своей изможденной фигурой напоминалъ иконописнаго угодника, силою духа превозмогающаго и усталость, и, можетъ быть, сомнѣнія.

Иногда среди ночи заходилъ къ намъ С. А. Муромцевъ, тоже до утра засиживающійся въ своемъ предсѣдательскомъ кабинетѣ. Онъ садился у моего стола и начиналъ разсказывать о впечатлѣніяхъ дня, объ отношеніяхъ къ Думѣ, о слагающихся думскихъ нравахъ. Онъ выражалъ увѣренность, что крикливые трудовики скоро выдохнутся, втянутся въ работу и умѣрятъ свой пылъ. Выражалъ надежду, что Дума удержится и отношенія съ правительствомъ станутъ со временемъ болѣе нормальными. На мои сомнѣнія по этому поводу и онъ, и Дмитрій Ивановичъ говорили, что я пессимистъ и что пора итти спать, а то мысли будутъ еще болѣе мрачными.

Но и утро не вносило особыхъ надеждъ. Несмотря на то, что Дума начала усиленно работать и тѣмъ самымъ врастать въ жизнь, ее окружала все болѣе сгущавшаяся атмосфера непріязни и вражды со стороны власти и круговъ, на которые эта власть опиралась. Гнетъ этой тяжелой атмосферы иногда какъ бы ослабѣвалъ, иногда его вовсе не ощущалось, когда работа шла полнымъ ходомъ. Но

атмосфера не разсѣивалась, и положеніе оставалось весьма шаткимъ.

Иногда, отыскивая того или иного депутата, я проходилъ великолѣпнымъ Екатерининскимъ заломъ съ колоннадой. Къ красотѣ и величію этого зала я такъ и не могъ привыкнуть, всегда восхищаясь его пропорціями, строгостью и красотой линій. Въ залѣ толпились депутаты. Тутъ же появлялись ходоки, какіе-то невѣдомые люди. Тогда еще не было установлено строгаго порядка, и депутаты не были отдѣлены отъ народа. Иногда, въ сторонкѣ, въ залѣ происходили какъ бы небольшіе митинги. Это Аладьинъ или Аникинъ разглагольствовалъ, выкрикивая угрозы по адресу правительства. Проходившіе мимо военные неодобрительно поглядывали на эти импровизированные митинги. Однажды до меня долетѣла фраза, брошенная однимъ штабнымъ генераломъ.

— Что-то изо всей этой каши выйдетъ! Толку что-то не видно.

А въ бѣломъ залѣ, въ общихъ собраніяхъ Думы, настроеніе все повышалось, раздраженіе противъ правительства росло. Правительство не только не измѣняло метода своего дѣйствія, напротивъ того, оно какъ бы нарочно шло наперекоръ самымъ, казалось бы, лояльнымъ желаніямъ Думы. Оно оставило Думу безъ прямой и дѣловой связи съ законодательной работой. Пресловутые законопроекты о прачечной и объ оранжереѣ, механически посланные въ Думу, пріобрѣли символическое значеніе. На декларацію Думы, въ видѣ всеподданнѣйшаго адреса, слѣдовали холодные, непріязненные отвѣты. Правительство не только не искало соприкосновенія съ Думой, но явно раздражало ее, отбрасывая въ непримирую оппозицію. Недостатокъ выдержки и политическаго воспитанія со стороны молодого народнаго представительства, явное нежеланіе понять смыслъ и значеніе историческаго момента со стороны правящихъ сферъ, наконецъ, отсутствіе благожелательныхъ посредниковъ между властью и народнымъ представительствомъ, — создали нестерпимое положеніе непрекращающагося конфликта между Думой и правительствомъ.

Бури негодованія неслись навстрѣчу Щегловитову, защищавшему смертную казнь. Крики, проклятія летѣли какъ ураганъ въ лицо мертвенно-блѣднаго главнаго военнаго прокурора Павлова. Потоки негодующихъ рѣчей и пламеннаго гнѣва изливались съ трибуны Государственной Думы по поводу Бѣлостокскаго погрома, по поводу провокацій агентовъ правительства. Власть исполнительная не только не думала подчиняться власти законодательной, но явно игнорировала ее, презирала ее, провоцировала на неосторожные шаги, на рискованныя выступленія, на неконституціонныя дѣйствія.

Теперь трагическіе дни первой Государственной Думы забыты. Молодыя поколѣнія ихъ вовсе не знаютъ, въ своемъ невѣжествѣ путая Муромцева съ Ильей Муромцемъ. Многое изъ того, что было тогда, перетолковано и извращено. Вину въ неудачѣ первой Думы

охотно возлагаютъ на нее самое, на партію к.-д., которая, якобы, руководила ею. Но для насъ, свидѣтелей и участниковъ въ работѣ Думы, было ясно, что тактика правительства въ отношеніи къ этой Думѣ была направлена на то, чтобы сорвать ее. И ее сорвали, одержавъ Пиррову побѣду и погубивъ Россію.

Послѣ преній по аграрному вопросу, послѣ того, какъ обнаружились въ этомъ вопросѣ двѣ непримиримыя точки зрѣнія, послѣ того, какъ правительство, въ нарушеніе конституціи, обратилось къ населенію съ декларацієй, обвиняя Думу въ потрясеніи основъ, становилось ясно, кто одолѣваетъ въ этой первой схваткѣ между властью и народнымъ представительствомъ, въ борьбѣ, которую русское общество хотѣло ограничить конституціонными методами.

Съ преніями по аграрному вопросу произошло нѣкоторое недоразумѣніе, оказавшееся поглощеннымъ въ нѣдрахъ канцелярскихъ секретовъ. Стенографическая запись до ея напечатанія могла быть предъявляема ораторамъ для провѣрки. Представители правительства часто требовали, чтобы имъ присылались стенографическія записи для просмотра. По требованію В. І. Гурко запись его рѣчи по аграрному вопросу была ему послана. На слѣдующее утро смущенный завѣдующій редактированіемъ стенографическихъ отчетовъ предъявилъ мнѣ текстъ, возвращенный В. І. Гурко. Весь текстъ оказался передѣланнымъ. Ни одной фразы не осталось безъ «исправленія». При сличеніи исправленій Гурко съ первоначальной записью оказались не только измѣненія редакціонныя, но и по существу. Рѣчь оказалась существенно переработанной и гораздо болѣе благообразной, чѣмъ то, что было сказано въ Думѣ. Объ этомъ пришлось довести до свѣдѣнія кн. Шаховского и Муромцева. Подивились, пожали плечами. Однако, рѣшили не дѣлать исторіи и напечатать то, что оказалось «исправленнымъ» г-номъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Я не собираюсь здѣсь излагать исторію этихъ знаменитыхъ 70-ти дней первой Думы. Не собираюсь давать оцѣнку ея образа дѣйствій, отмѣчать ея доблести и ошибки, борьбу идей, столкновеніе разныхъ тактикъ, силы вліянія отдѣльныхъ личностей. Воздержусь и отъ характеристики отдѣльныхъ дѣятелей ея. Это все заняло бы много мѣста и нарушило бы мой планъ изложенія. Отмѣчу только, что въ увлеченіи работой и борьбой наши лидеры, несмотря на ихъ хорошія связи съ высшимъ петербургскимъ обществомъ, несмотря на постоянную «информацію», которая сообщалась въ к.-д. фракціи и въ к.-д. клубѣ, мало считались съ предупрежденіями объ опасности, которая грозила Думѣ. Переоцѣнивая свои силы, вліяніе и связи съ страной, они считали, что правительство не рѣшится на роспускъ Думы. Разговоры о министерствѣ изъ состава членовъ Думы, съ Муромцевымъ во главѣ, еще болѣе отвлекали вниманіе отъ надвигавшейся опасности.

Помню мои впечатлѣнія отъ разговоровъ съ депутатами въ

к.-д. клубѣ. Меня поражалъ ихъ увѣренный тонъ и невниманіе къ сообщеніямъ, которыя я дѣлалъ, черпая свѣдѣнія изъ источниковъ, непосредственно идущихъ изъ самыхъ центральныхъ бюрократическихъ гнѣздъ. Помню, какъ С. А. Муромцевъ говорилъ мнѣ, что съ осени, послѣ краткаго перерыва въ занятіяхъ Думы, онъ настоитъ, чтобы все управленіе дѣлами канцеляріи Государственной Думы было передано мнѣ.

— А какъ же Я. В. Глинка?

— Онъ выполнилъ возложенное на него порученіе. Теперь мы сами поведемъ дѣло. А Яковъ Васильевичъ пусть возвращается въ Государственную Канцелярію.

Это говорилось въ связи съ предположеніями о предстоящихъ работахъ Думы осенью.

Однажды, моей женѣ ея старый знакомый П., сообщавшій ей періодически о настроеніяхъ высшихъ сферъ, сказалъ:

— Ну, вотъ, наступаетъ конецъ вашего пребыванія въ Петербургѣ: Дума будетъ распущена на этихъ дняхъ.

Это было сказано въ то самое время, когда въ полномъ разгарѣ были переговоры о новомъ министерствѣ.

Я поторопился сообщить полученныя мною свѣдѣнія кн. Шаховскому. Онъ откинулся на спинку кресла, раскрылъ ротъ и сталъ громко хохотать.

— Что это за новости! Именно теперь-то всякая опасность роспуска устранена.

— Пусть такъ. Но свѣдѣнія, которыя получались изъ моего источника, къ сожалѣнію, всегда оправдывались. Пойдемте къ Сергѣю Андреевичу.

Сергѣй Андреевичъ тоже съ полнымъ недовѣріемъ отнесся къ сообщенному мной. Разсказалъ о томъ положеніи, въ которомъ оказываются переговоры о новомъ кабинетѣ. Въ крайнемъ случаѣ рѣчь можетъ итти о перерывѣ въ занятіяхъ, а не о роспускѣ...

Прошелъ день. «Ну, что же, видите, насъ не разогнали!» — шутилъ на слѣдующій день Шаховской.

Въ это время по Шпалерной улицѣ мимо Таврическаго дворца проходили какія-то воинскія части, тянулись войсковыя повозки, проходили конныя части, наконецъ потянулась артиллерія.

— А что это за военныя передвиженія? Говорятъ, что войска проходятъ съ самаго утра.

— Можетъ быть, это маневры. Переводы частей изъ лагерей.

На этомъ и успокоились. Это было въ субботу 7 іюля.

А на слѣдующій день, въ воскресенье, 8 іюля утромъ, подойдя къ воротамъ Таврическаго Дворца, я нашелъ ихъ запертыми. У воротъ стояли часовые съ ружьями. А на столбѣ воротъ былъ наклеенъ листокъ Собранія Узаконеній и Распоряженій Правительства,

въ которомъ былъ напечатанъ Высочайшій Указъ о роспускѣ Государственной Думы.

Къ собиравшимся у воротъ любезно подошелъ полицейскій и предложилъ не останавливаться и проходить дальше.

Возвращаясь домой, — а тогда я жилъ на Суворовской улицѣ, — я встрѣтилъ нѣсколькихъ депутатовъ к.-д. Помню среди нихъ А. А. Свѣчина, Д. Д. Протопопова. У конца рѣшетки Таврическаго сада насъ собралось человѣкъ 10-12. Взволнованно обсуждали происшествіе. Не стѣснялись въ выраженіяхъ по поводу Высочайшаго Указа и особенно тѣхъ, кто его инспирировалъ. Въ это время къ нашей кучкѣ какъ-то подкрался какой-то очень тощій, извивающійся человѣкъ, который прямо-таки втирался въ нашу среду.

— Прочь, гадина, отсюда! — возопилъ одинъ изъ нашей группы.

Извивавшійся и подслушивавшій человѣкъ исчезъ, какъ гадъ, на котораго замахнулись палкой. Это былъ филеръ.

Въ к.-д. клубѣ было пусто. Шопотомъ говорили, что депутаты уѣхали въ Финляндію, что тамъ Дума будетъ продолжать насильственно прерванную работу, что Муромцевъ уже выѣхалъ, что туда же поѣхали Милюковъ и нѣкоторые к.-д. не входившіе въ составъ Государственной Думы.

Поколебавшись, какъ мнѣ поступить, я призналъ для себя обязательнымъ оставаться въ Петербургѣ и ждать дальнѣйшихъ событій. Къ тому времени фактическое управленіе дѣлами Канцеляріи Государственной Думы почти цѣликомъ было въ моихъ рукахъ. Я. В. Глинка формально еще выполнялъ порученіе Государственнаго Секретаря, но въ дѣла управленія почти не вмѣшивался. Такимъ образомъ я уже былъ отвѣтственъ и за дѣла, и за служащихъ. Это заставило меня остаться.

Въ тотъ же день мнѣ былъ доставленъ на квартиру пропускъ для свободнаго входа въ Таврическій Дворецъ «по дѣламъ службы».

На слѣдующій день рано утромъ я уже былъ въ Таврическомъ Дворцѣ. Повсюду стояла стража. Таврическій Дворецъ былъ пустъ и мертвъ. Душа его отлетѣла и онъ снова погрузился въ сонъ.

Въ залѣ засѣданій пристава Думы, подъ наблюденіемъ чиновниковъ Государственной Канцеляріи, выбирали изъ пюпитровъ членовъ Думы оставшіяся тамъ бумаги, записки, вещи, тщательно завертывали все это въ особые пакеты, на которыхъ надписывалось имя депутата, изъ пюпитра котораго вещи взяты.

Въ канцеляріи собрались служащіе изъ всѣхъ отдѣленій. Снова два элемента служащихъ, рѣзко разъединенныхъ. Чиновники обособились и снова пріобрѣли самоувѣренность. «Вольнонаемные» снова пріобрѣли смущенный видъ людей, потерявшихъ почву изъ-подъ ногъ.

Положеніе было неопредѣленное. Что такое случилось? Поче-

му Дума распущена? Что дѣлается въ Финляндіи, въ Выборгѣ? Какъ на роспускъ Думы будетъ реагировать страна? Такъ вотъ что обозначало движеніе войскъ мимо Таврическаго Дворца въ субботу! Что ожидаетъ служащихъ, приглашенныхъ нами?

Подаютъ мнѣ прокорректированныя гранки стенографическихъ отчетовъ двухъ послѣднихъ засѣданій Думы. Прокорректированный текстъ, подписанный къ печати, находится въ Государственной Типографіи. Поручаю справиться, когда доставятъ отпечатанные отчеты. Управляющій типографіей отвѣчаетъ по телефону:

— Отчеты двухъ послѣднихъ засѣданій не могутъ быть отпечатаны.

— Почему? На какомъ основаніи?

— Знаете, случайно разсыпали наборъ...

Болѣе точнаго отвѣта получить не удалось.

Оставшіеся у меня на столѣ два корректурныхъ оттиска этихъ двухъ послѣднихъ засѣданій я взялъ въ свой портфель. Впослѣдствіи одинъ экземпляръ этихъ корректурныхъ листовъ былъ переплетенъ въ сафьяновый переплетъ и при соотвѣтствующей надписи поднесенъ кн. Д. И. Шаховскому на память о Первой Государственной Думѣ и о ея трагическомъ концѣ.

Н. Ф. Дерюжинскій передалъ мнѣ, что Государственный Секретарь, бар. Икскуль-фонъ-Гильденбандъ, желаетъ меня видѣть по дѣламъ Канцеляріи Государственной Думы. Свиданіе было назначено черезъ нѣсколько дней.

Среди служащихъ Канцеляріи Государств. Думы оказалось много очень хорошихъ и интересныхъ людей. Среди нихъ отмѣчу князя С. А. Друцкого, съ которымъ у меня сложились наилучшія отношенія, поддержанныя во все послѣдующее время. Отношенія эти еще болѣе закрѣпились во время войны въ работѣ Всероссійскаго Союза Городовъ. Особенно мнѣ были близки три лица, которымъ я поручилъ составленіе систематическаго указателя къ стенографическимъ записямъ о засѣданіяхъ Государственной Думы. Этотъ указатель алфавитный и предметный незамѣнимъ при пользованіи стенографическими отчетами. Во главѣ этого небольшого отдѣла я поставилъ кн. Н. В. Голицына, второго сына нашего московскаго кн. Вл. Мих. Голицына, бывшаго Московскаго Городского Головы. А ему въ помощники далъ Г. Л. Бѣлостоцкаго, талантливаго молодого человѣка, и Г. А. Алексѣева, взять котораго въ Канцелярію Госуд. Думы меня просилъ А. С. Алексѣевъ, мой бывшій профессоръ государственнаго права по Московскому университету. Эти три лица прекрасно справились съ работой и оставлены были въ составѣ служащихъ Канцеляріи Государственной Думы. За нѣсколько дней до роспуска Думы въ составъ служащихъ принятъ былъ Д. М. Щепкинъ...

Imp J. DELALAIN, 47 bis, Av. de Clichy, Paris (17e)

ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ Н. И. АСТРОВА

(1924 - 1932 г.г.)

«ИЗЪ ИСТОРІИ ГОРОДСКИХЪ САМОУПРАВЛЕНІЙ ВЪ РОССІИ». — «Мѣстное Самоуправленіе». Прага. 1925, вып. II.

«ИЗЪ ИСТОРІИ ГОРОДСКИХЪ САМОУПРАВЛЕНІЙ ВЪ РОССІИ — СРЕДСТВА ГОРОДОВЪ». — «Мѣстное Самоуправленіе». Прага. 1926, вып. III.

«ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ УПРАВЛЕНІИ ГОРОДОВЪ ВЪ МѢСТАХЪ, НАХОДИВШИХСЯ ПОДЪ ВЕРХОВНЫМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ЮГА РОССІИ». — «Мѣстное Самоуправленіе». Прага. 1926, вып. III.

«МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МУНИЦИПАЛИТЕТОВЪ И ЛИГА НАЦІЙ». — «Мѣстное Самоуправленіе». Прага. 1927, вып. IV.

«ВСЕРОССІЙСКІЙ СОЮЗЪ ГОРОДОВЪ. ИЗЪ ИСТОРІИ ГОРОДСКИХЪ САМОУПРАВЛЕНІЙ ВЪ РОССІИ». — «Мѣстное Самоуправленіе». Прага. 1927, вып. IV.

«ПАМЯТИ ПОГИБШИХЪ». Сборникъ. Парижъ. 1929.
Н. Н. Щепкинъ, Жизнь и смерть кн. Павла Д. Долгорукова, А. А. Червенъ-Водали, А. К. Клафтонъ, Г. А. Бѣлостоцкій, И. А. Антоновъ, А. Н. Зембицкій, А. А. Волковъ.

«THE MUNICIPAL GOVERNMENT AND THE ALL-RUSSIAN UNION OF TOWNS». — «Economic and Social History of the World War». Published for the Carnegie Endowment for International Peace by Yale University Press. New Haven, Connecticut, 1929 (pp. 129-325).

«КН. ЩЕРБАТОВЪ». Труды Историческаго Общества въ Прагѣ.

СТАТЬИ ВЪ ГАЗЕТѢ «ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ», Парижъ.
М. Я. Герценштейнъ въ Московской Городской Думѣ (31-го іюля 1924 г.). Прообразъ русской трагедіи (памяти Кокошкина и Шингарева) (18-го января 1925 г.). Судьба (памяти кн. Г. Е. Львова) (16-го апрѣля 1925 г.). Кн. Павелъ Долгоруковъ (27-го іюня 1927 г.). И. И. Петрункевичъ (27-го іюня 1938 г.). Знаменательный день (28-го октября 1938 г.). Памяти Е. Л. Зубашева (23-го марта 1929 г.) На посту (юбилейный номеръ 1929 г.). Памяти С. И. Четверикова (26-го декабря 1929 г.). Къ юбилею Московскаго Университета (11-го января 1930 г.). Памяти Н. М. Кишкина (8-го апрѣля 1930 г.). Нансенъ (8 іюня 1930 г.), Памяти М. А. Новосильцевой (10-го августа 1930 г.). Сомнительная затѣя (по поводу колонизаціоннаго треста въ Америкѣ). Литературные Архивы (5-го ноября 1931 г.). Памяти Е. Н. Чирикова (24-го января 1932 г.). Е. К. Челнокова (1932 г.). Памяти В. А. Розенберга (1932 г.). Памяти кн. В. М. Голицына (1932 г.).

Кромѣ того въ «Послѣднихъ Новостяхъ» были помѣщены слѣдующіе отрывки изъ печатаемыхъ нынѣ «Воспоминаній»:

Архивный юноша (13-го мая 1929 г.). Успеньевъ день (6-го іюля 1929 г.). Папины гости (27-го сентября 1930 г.). Въ 1905 году (20-го февраля 1931 г.). Сонъ дѣдушки Павла Денисовича (іюль 1931 г.). Дворъ Межевого Института (августъ 1931 г.).

СТАТЬИ ВЪ ГАЗЕТѢ «РОДНОЕ СЛОВО», Варшава.
Первая Государственная Дума (№ 1, 1926 г.). Лига Націй и бѣженскій вопросъ (№ 7, 1926 г.) Памяти Добровольческой Арміи (№ 12, 1926 г.).

«ЛИГА НАЦІЙ И БѢЖЕНСКІЕ ВОПРОСЫ». — «Призывъ», августъ 1926 г., Бѣлградъ.

СТАТЬИ ВЪ ГАЗЕТѢ «РОССІЯ», Бѣлградъ.
Памяти Добровольческой Арміи (Ноябрь 1926 г.). Десять лѣтъ (мартъ 1927 г.).

СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛѢ «ГОЛОСЪ МИНУВШАГО НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ», Парижъ. Признаніе ген. Деникинымъ адм. Колчака 30-го мая 1919 г. № 145) (№ I-XIV, 1926 г.). Ясское Совѣщаніе (№ 3-XVI, 1926 г.).

СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛѢ «ХОЗЯИНЪ», Прага.
Лига Націй и русскіе бѣженцы (25-го ноября 1927 г.). День Русской Культуры (23-го мая 1930 г.).

СТАТЬИ ВЪ ЖУРНАЛѢ «НЕДѢЛЯ» за 1931 г.
К. П. Крамаржъ. Ф. М. Достоевскій.

«ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ СОВѢТСКАГО КОММУНАЛЬНАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ МОСКВѢ». — «Русскій Экономическій Сборникъ», Прага, 1928 г., № XII.

«ЗАЩИТНИКЪ ИДЕАЛОВЪ СВОБОДЫ И ПРАВА» — ПАМЯТИ ИВ. И. ПЕТРУНКЕВИЧА. — «Борьба за Россію», (30-го іюня 1928 г.).

«МОСКВА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И ВСЕРОССІЙСКІЙ СОЮЗЪ ГОРОДОВЪ». — «Современная Община» (на сербскомъ), 1928 г., Бѣлградъ.

«МОСКВА». — «Юный другъ», 2-го ноября 1929 г., Ужгородъ.

«СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА». — Сборникъ къ Юбилею Московскаго Университета, 1930 г., Парижъ.

«ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ». — Русскій Народный Календарь на 1931 г. (изд. О-ва имени А. Духновича. Приложеніе къ журналу «Карпатскій Свѣтъ»).

«А. А. КИЗЕВЕТТЕРЪ». — «Единство», Прага 1938 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава Первая

Глава Вторая

Глава Третья

ПРИЛОЖЕНІЕ
